С. А. ТОЛСТАЯ

ДНЕВНИКИ

ИХЛ

СЕРИЯ
ЛИТЕРАТУРНЫХ
МЕМУАРОВ

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1978

С. А.

ТОЛСТАЯ

ДНЕВНИКИ

В ДВУХ ТОМАХ

ТОМ
ВТОРОЙ

1901–1910

ЕЖЕДНЕВНИКИ

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1978

Составление, подготовка текста
и комментарии
П. И. АЗАРОВОЙ, О. А. ГОЛИНЕНКО,
Н. А. ПОКРОВСКОЙ, С. А. РОЗАНОВОЙ,
Б. М. ШУМОВОЙ

Оформление художника
В. МАКСИНА

Т $\frac{70202\text{-}350}{028(01)\text{-}78}$ 59-78

Л. Н. Толстой и С. А. Толстая. 23 сентября 1905 г.
Ясная Поляна. Фотография С. А. Толстой.

ДНЕВНИКИ

1901–1910

1901

6 января. Кончила старый и начала новый год в большом горе. В день Рождества, 25 декабря, получила известие о смерти Левушки, скончавшегося накануне, в 9 часов вечера [1]. Несмотря на нездоровье, я тотчас же уложила наскоро вещи и уехала в Ясную. Проводил меня Илья. Приехала вечером, Дора бросилась в мои объятья с страшным рыданьем, Лева — худой, нервный, обвиняющий и себя, и жену, и всех за смерть сына. Виноваты, что простудили, что шубка плоха, что не усмотрели болезненность и нежное сложение Левушки. И это обвинение — самое тяжелое в их горе. Но горе ужасное! Все мои душевные страдания при смерти Ванечки поднялись со дна души мучительно и за себя и за молодых родителей, детей моих. Помочь я им не могла; приезжал ее отец, Вестерлунд, немного помог снять с совести Левы тяжесть обвинения. Присутствовала все время милая Мария Александровна Шмидт. Хоронить приезжал Андрюша. Опять эта отверзтая яма, восковое личико, окруженное гиацинтáми и ландышами, это спокойствие смерти и безумное горе остающихся.

Потом известие, что Таня родила мертвую девочку [2]. Это так и ошеломило меня. В день похорон Левушки я уехала вечером к Тане. Проводил меня Андрюша. И тут обманутая мечта Тани быть матерью, ее горе, болезнь, отсутствие мужа — опять болело сердце. Таня храбрилась, занималась и детьми, и читала, и вязала, и болтала. Но видела я в глазах ее ту боль и отчаяние, что нет ни мужа, ни ребенка. Пасынки ее, особенно Наташа, очень с ней добры, но она мне сказала: «Глядя на мертвую

девочку, я только понюхала, что такое материнское чувство, и ужаснулась перед его силой».

Вернулась в Москву 3 января; Саша и Л. Н. мне очень обрадовались, и все люди, и мне дома стало хорошо, спокойно. Мишину свадьбу с Линой Глебовой объявили; она его безумно любит. Сегодня я ездила к Глебовым на благословение; было трогательно, и мне хотелось плакать. Лина сияет счастьем.

Эти дни был тут Стасов, умный, интересный старик, но в больших дозах утомительный. Вчера вечером играл Гольденвейзер, и музыка опять на меня действует успокоительно и хорошо.

Лев Николаевич жалуется на нытье под ложкой и боль печени. Он ест мало, не вовремя, много лежит, сонлив и вял, но беречься не умеет, ел сегодня капусту цветную, и ему стало хуже. Пишет письма разным лицам и ничего не работает.

Отправила Сашу с Марусей Маклаковой к Доре и Леве в Ясную и к Ольге на денек.

Сегодня вечером приехал Илья. Пили чай и беседовали: три сына — Сережа, Илья и Андрюша, и я. Илья тоскует по жене, которая в Ялте с больной матерью; судили меня строго, но потом начали ласкать. Сережа, как всегда, сдержан и справедлив, Илья вдается в крайности, Андрюша сентиментален и нежен. Писал своей жене, жалея, что не проведет с ней свадебный день, 8-го.

Была сегодня Дунаева, монахиня Виппер, Черногубов по поводу биографии Фета [3].

8 января. Весь день провела в хлопотах: была в банке, клала деньги, полученные от М. М. Стасюлевича. Бедный старик сам разбирается в делах, после того как его обокрал Слиозберг и запутал все дела его «склада». Заказывала увеличенный портрет Левушки. Саша и Маруся вернулись сегодня от Левы с Дорой и Ольги, сделав всем удовольствие своим посещением. Была в бане, за покупками и отдала чистить платье к свадьбе Миши. Вечером разбирала письма Л. Н. ко мне, дала переписывать М. В. Сяськовой под моим надзором. Сама ответила Стасову [4], Стасюлевичу, написала управляющему и Соне Мамоновой. Потом проявляла фотографии Саши и мои,

сделанные сегодня утром нами. Был Михайлов и Дунаев. Л. Н. болен, то зябнет, то живот болит, уныл и скучен ужасно. Умирать ему не хочется, и когда он себе это представит, то видно, как это его ужасно огорчает и пугает.

10 января. Не весело и не бодро живется. У Л. Н. печень болезненна; и он очень угнетен духом. Теперь он дряхл и слаб, и мне жалко его.

Ездила в Румянцевский музей, взяла комедию неизданную: «Нигилист, или Зараженное семейство», хотела ее прочесть дать в моем благотворительном концерте. Просмотрели кое-что вечером с Ан. Ал. Горяиновой, и кажется, ничего не выберется цельного и интересного для чтения. Решили в пятницу все перечитать вслух [5].

Обедала у нас Лина Глебова, невеста Миши, вечером все Льва Николаевича близкие: Буланже, Горбунов, Дунаев, Михайлов. Приехал Колечка Ге, постаревший, точно облез весь, похудел.

Читала смешную статью Дорошевича в восьмом номере «России». Действующие лица там: Расход, Наличность, Доходная статья, Сибирская дорога и Китаец. Изображена сценка их обоюдных отношений [6]. Л. Н. везде ищет веселого и смешного. Сегодня говорили о пьесе «Соломенная шляпка», где все смеются, и ему захотелось ее посмотреть [7].

Зрение слабеет, и грустно стало жить без чтения, без всякой умственной работы.

Вчера много играла, но и это утомляет зрение.

14 января. Л. Н. худеет и слабеет нынешний год очень очевидно, и это меня сильно огорчает, ничего не хочется делать, все не важно, не нужно. Так я сжилась с заботой о нем, что если этого не будет, то я не найдусь в жизни, тем более с ослабевшим зрением, так что я и бумаг его не буду в состоянии разбирать.

Днем сегодня заседание в приюте. Как много слов сказал Писарев, как громко, самоуверенно! Посмотрим, каковы будут его действия. А главного — денег совсем почти нет, кормить детей нечем, разговоры же идут об *образовании* уличных нищих — ребят.

Теплая, мокрая зима дурно действует на здоровье людей: все вялы, грустны. Приехал Андрюша на собачью выставку, приехал Миша из Ясной, куда едет после свадьбы.

19 января. Эти дни — забота о здоровье Льва Николаевича. Он три дня принимал хинин, по-видимому, ему легче, только ноги болят по вечерам. Умственно он совсем завял, и это гнетет его. Не могли пройти бесследно все горести семейные. Хлопоты о свадьбе Миши, шитье мешочков, печатанье приглашений, заботы о житейском, молодом. Сами они, Миша и Лина, некрасиво млеют друг возле друга.

Вчера весь день провела в *искусстве*: утром плохая выставка русских художников в Историческом музее [8]. В сумерки — прекрасная панорама «Голгофа» Стыки. Хорошо то, что художник не пренебрег ни одной фигурой, ни одним деталем. Все обдуманно, все — tout est soigné! * [9]

Вечером квартетное. Играли квинтет Аренского, бодрая, мелодичная музыка. Моцарта «Divertimento» — превосходно. Менее мне понравился квартет Шумана. На концерт в пользу приюта окончательно решилась и взяла залу на 17 марта, и вчера в канцелярии попечителя мне лично дали разрешение на чтение начала повести Льва Николаевича «Кто прав?» [10]. Робею, что плохо удастся весь вечер. Занята разбором и перепиской *моих* писем к Л. Н. за всю жизнь, что могла собрать. Какая трогательная история моей любви к Левочке и моя материнская жизнь в этих письмах! В одном удивительно характерно мое оплакиванье жизни духовной и умственной, для которой я боялась проснуться, чтоб не упустить моих обязанностей жены, матери и хозяйки. Письмо писано под впечатлениями музыки (мелодий Шуберта), которой занималась тогда сестра Л. Н.— Машенька, заката солнца и религиозных размышлений [11].

21 января. Живу точно вихрем меня несет. С утра дела, записки, потом много визитов, сегодня всех принимала.

Писала много писем: Стасову [12], Рутцен, брату Степе и проч.

---

* тщательно обработано *(франц.)*.

Льву Николаевичу получше, был Усов-доктор, нашел его положение хорошим. Слякоть, оттепель, грязь, и это скучно. Вечером гости: Тимирязев, Анненковы, Маклаков, Гольденвейзер. Я вяла и чего-то жду.

28 января. Целая неделя приготовлений к свадьбе Миши, визиты, шитье мешочков для конфект, покупки, платья и проч.

Сегодня известие от Маши бедной, что ребенок опять в ней умер и она лежит с схватками, грустная, огорченная обманутой надеждой, как и Таня [13]. Мне все время плакать хочется и ужасно, ужасно жаль бедных моих девочек, изморенных вегетарианством и принципами отца. Он, конечно, не мог предвидеть и знать того, что они истощаются пищей настолько, что не в состоянии будут питать в утробе своих детей. Но он становился вразрез с *моими* советами, с моим материнским инстинктом, который никогда не обманывает, если мать любящая.

Сам Л. Н. эти дни бодрей, лучше себя чувствует. Вчера он вечером ходил к Мартыновым, где был вечер и танцевала наша Саша. Я не поехала туда, ничего не радует и ничего не хочется, так со всех сторон много горя.

31 января. Сегодня обвенчали Мишу с Линой Глебовой. Была очень пышная, великосветская свадьба. Великий князь Сергий Александрович нарочно приехал из Петербурга на один день для этой свадьбы. Чудовские певчие, наряды, цветы, прекрасные молитвы за новобрачных. Тщеславие, блеск и бессознательное вступление в совместную жизнь двух молодых, влюбленных существ.

Мне уже не бывает ни от чего *весело*. Я, к сожалению, знаю жизнь со всеми ее осложнениями, и мне жаль моего юного, милого Мишу, *бесповоротно* вступившего на новое поприще. Но слава богу, что с женой своего уровня, да еще такой любящей.

Из церкви поехали к Глебовым, там великий князь был особенно любезен со мной, и мне неприятно сознавать, что это льстило моему самолюбию так же, как льстили разговоры при выходе из церкви: «А это мать жениха».— «Какая сама-то еще красавица».

Миша был радостен и Лина тоже. Провожали мы их на железную дорогу. Все шаферы, молодежь, любившая Мишу. Навезли цветов, конфект, пили шампанское, кричали «ура». Я рада, что молодые поехали в Ясную

Поляну, где Дуняша им все готовит и где Лева с Дорой их встретят.

И погода хорошая. 10 градусов мороза и наконец ясные дни. Скучала сегодня, что дочерей не было. Из нашей родни один представитель — Миша Кузминский приехал из Киева.

Л. Н. всю свадьбу просидел дома и в четыре часа пошел проститься с Мишей и Линой. Вечером у него были сектанты из Дубовки и разные *темные*. Читали вслух сочинение крестьянина Новикова о нуждах народа [14].

12 февраля. Еще ряд событий: сегодня тяжелое известие о рождении мертвого мальчика у Маши Оболенской, дочери моей. Бедная, жалкая! Положение здоровья ее удовлетворительно.

Ездили с Таней в Ясную. Милая моя, добрая, участливая Таня. Она хотела непременно навестить Дору и Леву после их горя. Они немного повеселели, особенно она, любят, берегут друг друга. Приезжала в Ясную и Мария Александровна и Ольга — она одинока душой. Да кто из нас не одинок!

Сегодня испытываю это чувство очень сильно сама. Дети всегда так рады меня осудить и напасть на меня. Таня осуждала за беспорядок в доме, Миша, уезжая с Линой за границу, за мою суету во время путешествий. И ничего они не видят: какой же порядок, когда вечно живут и гостят в доме разные лица, за собой влекущие каждый еще ряд посетителей. Живет и Миша Сухотин, и Колечка Ге, и Юлия Ивановна Игумнова, и сама Таня. С утра до ночи толчется всякий народ.

И работаю я одна на всех и за всех. Веду все дела одна, без мужа, без сыновей, делаю мужское дело, и веду хозяйство дома, воспитание детей, отношения с ними и людьми — тоже одна. Глаза слепнут, душа тоскует, а требованья, требованья без конца...

Готовлю в пользу приюта концерт. Много неудач. Дал Л. Н. плохой отрывок для чтения, Михаил Александрович Стахович взялся прочесть. Но и он, и Михаил Сергеевич Сухотин, и Таня, и я — мы все нашли отрывок бедным, бедным для прочтения в большой зале Собрания перед многочисленной публикой. Я попросила у Л. Н. дать другой, хотя бы из «Хаджи-Мурата» или «Отца Сергия». Он стал сердиться, отказывать. Потом точно стал мягче и обещал [15].

Все эти дни он мрачен, потому что слаб и боится смерти ужасно. На днях спрашивал он у Янжула, боится ли тот смерти? [16] Как не хочется Льву Николаевичу уходить из этой жизни.

Был у нас 9-го числа музыкальный вечер. Играл Сергей Иванович свою «Орестею», пела Муромцева арию Клитемнестры с хором своих учениц. Пели еще Мельгунова и Хренникова. Всем было хорошо и весело в этот вечер. Но Л. Н. очень старался придать всему отрицательный и насмешливый характер, и дети мои заражались, как всегда, его недоброжелательством ко мне и моим гостям.

Когда все порядочные люди разъехались и Л. Н. уже надел халат и шел спать, в зале остались студенты, кое-кто барышни и Климентова-Муромцева. Стали все (выпив за ужином) петь песни русские, цыганские, фабричные. Гиканье, подплясыванье, дикость... Я ушла вниз, а Л. Н. сел в уголок и начал их всех поощрять и одобрять, и долго сидел.

15 февраля. Проводила сейчас Таню в Рим с ее семьей. Давно я не плакала при разлуке с детьми: беспрестанно встречаешь и провожаешь их куда-нибудь. А сегодня, при этом ярком солнце на закате, так светло озаряющем весь наш сад и седую, оплешивевшую, грустную голову Льва Николаевича, сидящего у окна и провожавшего печальными глазами Таню, которая два раза возвращалась к нему, чтоб поцеловать его и проститься с ним,— все сердце мое истерзалось, и я и теперь пишу и плачу. Видно, горе нужно для того, чтоб делать нас лучше. Даже небольшое горе разлуки сегодня сделало то, что отпала от моего сердца всякая досада на людей, тем более близких, всякая злоба, и захотелось, чтоб всем было хорошо, чтоб все были и счастливы и добры. Особенно жаль мне все это время Л. Н. Страх ли смерти, нездоровье ли или что-нибудь затаенное мучает его; но я не помню в нем такого настроения, постоянного недовольства и убитости какой-то.

16 февраля. Больна Саша горлом. Был доктор Ильин, есть налет, сильный жар, но нет опасного. Поехала с поваром Сем. Ник. на грибной рынок: купила себе, Тане и Стаховичам грибов и себе русскую мебель. Толпа, изделия крестьян, народным духом пахнет. Еду домой, ударили в колокол, к вечерне. Переоделась, вышла вместе с

Л. Н. пешком, он пошел духоборам покупать 500 грамм хинину, а я в церковь. Слушала молитвы, в душе молилась очень горячо; люблю я это уединение в толпе незнакомых, отсутствие забот и всяких отношений земных. Из церкви пошла в приют: дети меня окружили, ласкали, приветствовали. Там долго сидела, узнавая о делах и нуждах приюта. Дома одиноко, но с Л. Н. хорошо, просто и дружно. После обеда мне m-lle Lambert читала вслух «La Ténébreuse» Ofret[17]. Потом пришли Алмазова, Дунаев, Усов, проведать Льва Николаевича. У него очень увеличена печень и болят ноги и руки.

Усов дал Карлсбад и порошки от болей. Во втором часу ложимся спать, вдруг звонок отчаянный. Какая-то дама, вдова Берг, сидевшая 13 лет в сумасшедшем доме, хотела видеть Льва Николаевича. Я ее не допустила, она час целый возбужденно говорила и, между прочим, вспомнила, как семь лет тому назад Ванечка мой рвал синенькие цветы в саду сумасшедших и просил у нее цветов. Жалкая, нервнобольная полячка. Легли поздно, дружно и спокойно. В 6 часов утра смазывала горло Саше.

17 февраля. Встала поздно; опять к Саше доктор, смазывал горло; все еще налет, жар меньше. Ясный, чудесный день, весело напоминает весну и радость жизни. Опять поехала на рынок с Марусей; купила пропасть дешевых деревянных и фарфоровых игрушек детям в приют; свезла их туда, большая была радость. Убирала детские вещи, которые готовила Таниному и Машиному ребенку — и оба родились мертвые. Ужасно грустно! Забот много с детьми, а радости мало!

18 февраля. Вчера легла поздно под тяжелым впечатлением религиозных разговоров Льва Николаевича и Булыгина. Говорили о том, что поп в парчовом мешке дает пить скверное красное вино, и это называется *религией.* Лев Николаевич глумился и грубо выражал свое негодование перед церковью. Булыгин говорил, что видит всегда в церкви дьявола в огромных размерах.

Мне стало и досадно и грустно все это слышать, и я стала громко выражать свое мнение, что настоящая религия не может видеть ни парчового мешка священника, ни фланелевой блузы Льва Николаевича, ни рясы монаха. Все это безразлично.

20 февраля. Сережа вернулся, слава богу, благополучно. Опять ездит в Думу, сидит над шахматными задачами. Саша здорова, а Л. Н. все жалуется на боль печени, худеет и наводит на меня мрачную грусть.

Сегодня он обедал один, я подошла к нему, поцеловала его в голову,— он так безучастно на меня посмотрел, а у меня точно упало сердце. Вообще что-то безнадежное в душе. Чудесная погода, ясные дни и лунные ночи; безумно красиво, волнительно и возбуждающе действует эта блестящая, уже напоминающая весну погода. Утром фотографировали весь приют со мной и начальницей для афиш моего концерта. Потом много играла на фортепьяно, вечером ходила гулять...

6 марта. Пережили много событий не домашних, а общественных. 24 февраля было напечатано во всех газетах отлучение от церкви Льва Николаевича. Приклеиваю его тут же, так как это событие историческое, на предыдущей странице [18]. Бумага эта вызвала негодование в обществе, недоумение и недовольство среди народа. Льву Николаевичу три дня подряд делали овации, приносили корзины с живыми цветами, посылали телеграммы, письма, адресы. До сих пор продолжаются эти изъявления сочувствия Л. Н. и негодование на Синод и митрополитов. Я написала в тот же день и разослала свое письмо Победоносцеву и митрополитам. Приложу его здесь же [19].

Глупое отлучение это совпало с студенческими беспорядками. 24-го был уже третий день движения в университете и среди всего населения Москвы. Московские студенты поднялись вследствие того, что киевских отдали в солдаты за беспорядки. Но небывалое явление то, что прежде народ был против студентов, теперь же, напротив, все сочувствия на стороне студентов. Извозчики, лавочники, особенно рабочие, все говорят, что за правду стоят и за бедных заступаются студенты [20].

В то же воскресенье, 24 февраля, Л. Н. шел с Дунаевым по Лубянской площади, где была толпа в несколько тысяч человек. Кто-то, увидав Л. Н., сказал: «Вот он дьявол в образе человека». Многие оглянулись, узнали Л. Н., и начались крики: «Ура, Л. Н., здравствуйте, Л. Н! Привет великому человеку! Ура!»

Толпа все прибывала, крики усиливались; извозчики убегали...

Наконец какой-то студент-техник привел извозчика, посадил Льва Николаевича и Дунаева, а конный жандарм, видя, что толпа хватается за вожжи и держит под уздцы лошадь, вступился и стал отстранять толпу.

Несколько дней продолжается у нас в доме какое-то праздничное настроение; посетителей с утра до вечера — целые толпы...

26 марта. Очень жалею, что не писала последовательно события, разговоры и проч. Самое для меня интересное были письма, преимущественно из-за границы, сочувственные моему письму к Победоносцеву и трем митрополитам. Никакая рукопись Л. Н. не имела такого быстрого и обширного распространения, как это мое письмо. Оно переведено на все иностранные языки. Меня это радовало, но я *не* возгордилась, слава богу! Написала я его быстро, сразу, горячо. Бог мне велел это сделать, а не моя воля [21].

Сегодня важное событие: Лев Николаевич послал письмо: «Царю и его помощникам». Что-то из этого выйдет! Не хотела бы я, чтоб нас на старости лет выслали из России [22].

Событием для меня еще был мой концерт в пользу приюта. Участвовали очень все приятные люди, концерт получил характер необыкновенно порядочный, содержательный, чинный, нарядный. Барышни продавали афиши все в белых платьях, корзины живых цветов на столах. На bis повторяли мало. Прекрасно прочел отрывок сочинения Л. Н. «Кто прав?» Стахович Михаил Александрович. Самолюбие мое перед людьми, мнением которых я дорожу, было вполне удовлетворено. Для приюта выручили мало, 1307 рублей [23]. Здоровье Льва Николаевича лучше, если не считать еще боли в руках. Внешние события как будто придали ему бодрости и силы. Со мной он ласков и опять очень страстен. Увы! это почти всегда вместе.

Начинаю говеть. Вяжу шапки для приюта; сшила сегодня юбку черную Варечке Нагорновой, этой милой, беспомощной племяннице Л. Н. Ей 50 лет, и все в ней что-то детское. Играем с ней много в четыре руки. Вчера играли симфонии Бетховена. С Сашей было немного неприятно в вербную субботу. Я звала ее с собой ко всенощной; она воспротивилась, ссылаясь на неверие. Я ей говорю, что она, если хочет идти путем отца, то должна, как и он, пройти весь круг: он несколько лет был крайне

православным, уже долго после женитьбы. Потом отрекся от церкви в пользу чистого христианства и вместе отрекся от благ земных. Саша же, как и многие мои дети, сразу хочет сделать скачок к тому, что легче,— не ходить в церковь и только. Я даже заплакала. Она пошла к отцу советоваться, он ей сказал: «Разумеется, иди и, главное, не огорчай мать».

Она пришла в приютскую церковь, простояла всенощную и теперь будет со мной говеть. (И не говела.) *

Сегодня в газетах: назначен министром просвещения Ванновский, и это хорошо.

Ясно, но снегу много, все дни от 2-х до 5-ти градусов тепла.

27 марта. На днях получила ответ митрополита Антония на мое письмо. Он меня совсем не тронул [24]. Все правильно, и все бездушно. А я свое письмо написала одним порывом сердца — и оно обошло весь мир и просто *заразило* людей искренностью. Но для меня все это уже отошло на задний план, и жизнь идет вперед, вперед, неумолимо, сложно и трудно...

Внешние события меня утомили, и опять очи мои обратились внутрь моей душевной жизни; но и там — и нерадостно, и неспокойно.

30 марта. С Сашей вышло очень неприятно. Она говеть со мной не стала: то отговаривалась, что ногу натерла, а то наотрез отказалась. Это новый шаг к нашему разъединению.

Сегодня я причащалась. Говеть было очень трудно: противоречия между тем, что в церкви *настоящее,* что составляет ее основу, и между обрядами, дикими криками дьякона и проч. и проч. так велики, что подчас тяжело и хочется уйти. Вот это-то и отвращает молодых.

Вчера стою в церкви, где прекрасно пели слепые, и думаю: простой народ идет в церковь отчасти как мы в хороший симфонический концерт. Дома бедность, темнота, работа, вечная, напряженная. Пришел в храм, светло, поют, что-то представляют... Здесь и искусство, и музыка, да еще оправдывающее развлечение — духовное настроение, религия, одобренная, даже считающаяся чем-то необходимым, хорошим. Как же быть без этого?

---

* Приписано позднее.

Говела я без настроения, но серьезно, разумно и рада была просто *потрудиться* и душой и телом: рано вставать, стоять долго на молитве и, стоя в церкви, разбираться в своей душевной жизни.

Дома сегодня опять тяжело: песни Сулержицкого под громкий аккомпанемент Сережи, крикливый, мучительный голос Булыгина, хохот бессмысленный Саши, Юлии Ивановны и Марьи Васильевны — все это ужасно!

Приезжал Андрюша; грустно, что весь интерес — лошади, собаки, провинциальные знакомые, и никакой умственной жизни.

Вчера было тихо, и приятно провели вечер с Репиным. Он рассказывал, что в Петербурге на передвижной выставке, на которой он выставил портрет Льва Николаевича (купленный Музеем Александра III), были две демонстрации: в первый раз небольшая группа людей положила цветы к портрету; в прошлое же воскресенье, 25 марта 1901 г., собралась в большой зале выставки толпа народа. Студент стал на стул и утыкал букетами всю раму, окружающую портрет Льва Николаевича. Потом стал говорить хвалебную речь, затем поднялись крики «ура», с хор посыпался дождь цветов; а следствием всего этого то, что портрет с выставки сняли, и в Москве он не будет, а тем более в провинции. Очень жаль! [25]

Май 1901 г. Самое счастливое, что произошло за последнее время, были два вечера, когда играл Сергей Иванович. Играл он 3 и 4 мая, играл удивительно хорошо. Пьесы были: Rondo Моцарта, соната Шумана, «За прялкой» Шуберта, Duetto Мендельсона и увертюру «Фрейшютца». Даже Таня и Лев Николаевич пришли в восторг. На другой день играл свой 4-й квартет в 4 руки с Гольденвейзером.

18 мая. Десять дней уже мы в Ясной Поляне. Ехали с П. А. Буланже в директорском вагоне со всеми удобствами и довезли Л. Н. прекрасно: грела я ему сваренную заранее овсянку, варила яйца, кофе, ел он еще спаржу, спал на прекрасной постели. С нами была еще дочь Таня и Юлия Ивановна Игумнова. В Москве провожали нас дядя Костя Иславин, Масловы Федор Иванович и Варвара Ивановна, Дунаев и незнакомые молодые люди, кажется, техники. Кричали «ура!», рисовали Льва Николаевича, и это было трогательно.

Тут и Маша с Колей, и Лева с Дорой, и все сегодня мы вместе обедали, все были веселы. Приезжал американец из Бостона, ему надо изучить Россию, и, конечно, Толстого, чтоб читать лекции об этом. Весна красивая, цветущая: цветут сирень, яблони, ландыши; так свежа зелень, поют соловьи — все обычно, но все переживаешь опять с наслаждением, всем любуешься, упиваешься, как упиваешься всяким наслаждением, сколько бы оно ни повторялось.

Только теперь, когда пережила много горя, когда видишь упадок сил и жизни Льва Николаевича, когда усложнилась своя внутренняя жизнь — на всем отпечаток грусти, томления, точно что-то приходит к концу. А вместе с тем разлад душевный от прилива физической энергии, потребности жизни вперед, деятельности, движенья, разнообразия впечатлений.

И все вспыхивает и замирает, поднимается и падает... Дряхлость Льва Николаевича тянет меня за собой, и я *должна* стареть вместе с ним, и не могу, не умею, если б и хотела...

Еду в понедельник в Москву...

6 июня. Была в Москве. Занималась делами, жила одна с девушкой в своем большом доме. Ездила на могилки Ванечки и Алеши, ездила к живому внуку, сыну Сережи. Славный мальчик, ясный, простой. Видела Мишу с Линой, всегда они производят хорошее впечатление. Видела часто Масловых, видела и Сергея Ивановича. С ним разладилось, и нет больше ни сил, ни желания поддерживать прежнее. Да и не такой он человек, чтоб дружить с ним. Как все талантливые люди, он ищет постоянно в жизни нового и ждет от других, не давая почти ничего от себя.

Жарко, душно, лениво и скучно.

Л. Н. берет соленые ванны и пьет Kronenquelle. Он довольно бодр, и мне приятно выхаживать его после зимы нездоровья. Живет Пастернак, хочет написать группу из Л. Н., меня и Тани. Пока делает наброски. Это для Luxembourg'а [26]. Живет Черногубов, разбирает и переписывает письма Фета ко мне и Льву Николаевичу [27]. Приехала мисс Вельш, и Саша занята.

14 июня. Боже мой, как хорошо лето! В мое окно смотрит луна на ясном, чистом небе. Все неподвижно, тихо, и так ласкающе тепло, радостно. Живу всецело почти с

природой, хожу купаться, по вечерам поливаю цветы, гуляю. Гостит у нас моя дорогая, милая Таня с мужем, с которым начинаю мириться за ее любовь к нему. Характер у него милый, хотя эгоист он страшный, и потому часто за Таню страшно.

Жил Пастернак-художник, рисовал и меня, и Льва Николаевича, и Таню во всех видах и позах. Готовит из нашей семьи картину «genre» для Luxembourg'a.

Живет сейчас скульптор Aronson, бедняк-еврей, выбившийся в Париже в восемь лет в хорошего, талантливого скульптора. Лепит бюст Льва Николаевича и мой; bas-relief — Тани, и все недурно.

Меня он изобразил не такой безобразной, как это делали до сих пор все художники [28]. Странно, что люди вообще находят меня красивой; портрет же, бюсты и фотографии выходят даже безобразны. Говорят: игра в лице неуловимая, блеск в глазах, красивые цвета и неправильные черты.

Уехали Лева, Дора и Павлик в Швецию. Ужасно, ужасно больно было с ними расставаться. Я их особенно сильно принимаю к сердцу, особенно *чувствую* их жизнь, их горе и радости. Последних мало им было в этом году! И так безукоризненно свято они живут, с лучшими намерениями и идеалами. Им нечего скрывать, можно спокойно до дна их души смотреть — и увидишь все чистое и хорошее. Бедная Дорочка бегала в пять часов утра на могилку своего Левушки проститься с любимым детищем, и мне хотелось плакать, и я болела ее материнскими страданиями с ней вместе.

Лев Николаевич все жалуется на боль в руках и ногах, худ, слаб, и сердце мое болезненно переворачивается, глядя на то, как он стареет, и близок к тому времени, когда совершится с ним та великая перемена, к которой ни он, ни я — как ни старайся — не готовы и не можем быть готовы.

Сегодня утром Л. Н. ходит около дома и говорит: «А грустно без детей, нет, нет и встретишь две колясочки, а теперь их нет». Как раз были тут вместе Павлик и Сонюшка, дочь Андрюши.

20 июня. Была в Москве по делам продажи Сашиной земли; опять страшная трата энергии и сил. Жара, две ночи в вагоне, разговоры с присяжным поверенным, по-

купки и проч. В доме моем уютно, сад так хорош и воспоминаний много хороших.

Вернулась утром, усталая, лошадей не выслали, пришла домой с Козловки пешком, рассердилась, жара невыносимая, дома толпа бесполезных для жизни людей: Алеша Дьяков, Гольденвейзер, скульптор, Сухотины. Одна Таня дорога. Опять потребность спокойствия и хоть какой-нибудь умственной и художественной деятельности.

Сегодня дождь, ветер. Прихожу к Л. Н. узнать о его здоровье, встречаю стену между нами, о которую бьюсь. Сколько раз это бывало в жизни, и как это все наболело!

Сказала ему между прочим, чтоб он написал Андрюше письмо, увещевая его лучше и добрее относиться к своей жене.

«Что ты меня учишь?» — злобно сказал Л. Н. Я говорю, что я не учу, а *прошу* его заступиться за Ольгу и советовать Андрюше быть вообще добрее и сдержаннее, потому именно, что Л. Н. умнее и лучше это сделает, чем я или другой. «А если я умнее, то нечего меня учить»,— ответил он [29].

3 июля. Подходит нечто ужасное, хотя всегда всеми ожидаемое, но совершенно неожиданное, когда действительно подойдет,— это конец жизни. И конец жизни того, кто для меня был гораздо больше моей собственной жизни, потому что я жила только и исключительно жизнью Левочки, мужа, и детей, которых он же мне дал.

Состояние моего сердца я еще не понимаю, оно окаменело, я *не должна* его слушать, чтоб сохранить силу и бодрость для ухода за ним.

Заболел Лев Николаевич с 27 на 28 июня в ночь. Он жаловался на общую тоску, бессонницу, стеснение в груди. Мы с Сашей утром 28-го собирались к сыну Сереже — это день его рождения и именин, туда приезжала и моя Таня, и Соня с семьей, и Варя Нагорнова, и мне очень хотелось с ними повидаться и Сереже сделать удовольствие, но я колебалась, мне не хотелось оставить Льва Николаевича. Все-таки мы поехали в восемь часов утра. Без меня он встал, гулял, но к вечеру сделался жар 38 и 5. Говорили, что он спал эту ночь хорошо, но на другой день пошел гулять и не мог идти, так ослабел; чтоб вернуться домой, надо было сделать огромное усилие, было еще далеко, и он страшно утомился. Грудь стала болеть больше, ему клали теплое, и

это облегчало. Вечером 29-го у него опять был жар, я тут вернулась, успокоенная телеграммой 28-го вечером, что Л. Н. совсем здоров. Кому без меня было усмотреть его состояние! Когда я его увидала, у меня сердце оборвалось, и всю ночь у него сильно болела грудь, и я ему сказала, что это от сердца. Утром судили, кого взять доктором. Послали за тульским Дрейером, который нашел лихорадку и очень плохой пульс: 150 ударов в минуту. Предписал хинин по 10 гран в день и кофеин и строфант для сердца. Когда температура спала, пульс все был 150, а температура 35 и 9.

Потом выписали телеграммой из Калуги доктора Дубенского, который главный врач городской больницы и наш хороший знакомый. Он поражен был пульсом и говорил, что это пульс агонии. Но усомнился в лихорадке, думая, что не желудочно ли кишечное нездоровье. От приемов хинина жар прошел, и два дня температура была нормальна, 36 и 2. Но сегодня опять вторая ночь полной бессонницы, маленький озноб и жар, и обильный пот, а теперь слабость, а главное, ослабление деятельности сердца очень значительное.

Съехались дети, кроме Левы, который в Швеции, и Тани. Здесь и внуки Ильичи. Вчера он позвал трех внуков и Анночку-внучку к себе, раздал из коробочки шоколад и заставил четырехлетнего Илюшка рассказывать себе, как он чуть не утонул в водосточной кадушке. Анночку Л. Н. спросил о ее хрипоте, потом сказал: «Ну, идите теперь, когда мне будет скучно, я вас позову опять». И когда они ушли, он все говорил: «Какие славные ребята».

Вчера утром я привязываю ему на живот согревающий компресс, он вдруг пристально посмотрел на меня, заплакал и сказал: «Спасибо, Соня. Ты не думай, что я тебе не благодарен и не люблю тебя...» И голос его оборвался от слез, и я целовала его милые, столь знакомые мне руки, и говорила ему, что мне счастье ходить за ним, что я чувствую всю свою виноватость перед ним, если не довольно дала ему счастья, чтоб он простил меня за то, чего не сумела ему дать, и мы оба, в слезах, обняли друг друга, и это было то, чего давно желала душа моя,— это было серьезное, глубокое признание наших близких отношений всей тридцатидевятилетней жизни вместе... Все, что нарушало их временно, было какое-то внешнее наваждение и никогда не изменяло твердой, внутренней связи самой хорошей любви между нами.

Сегодня он мне говорит: «Я теперь на распутье: и вперед (к смерти) хорошо, и назад (к жизни) хорошо. Если и пройдет теперь, то только отсрочка» *. Потом он задумался и прибавил: «Еще многое есть и хотелось бы сказать людям».

Когда дочь Маша принесла ему сегодня только что переписанную Н. Н. Ге статью Льва Николаевича последнюю, он обрадовался ей, как мать обрадовалась бы любимому ребенку, которого ей принесли к постели больной, и тотчас же попросил Н. Н. Ге вставить некоторые поправки, а меня попросил собрать внизу в его кабинете все черновые этой статьи, связать их и надписать: «Черновые последней статьи», что я и сделала [30].

Вчера он очень тревожился о том, приходили ли погорелые из дальней деревни, для которых на днях он у меня взял 35 рублей и еще просил, что если кто к нему приходит с просьбами, то чтоб ему говорили об этом.

Прошлую ночь с 2 на 3 июля он провел ужасную: я была с ним вдвоем до семи часов утра. Он ни минуты не спал; боли в кишках. Позднее стала болеть грудь, я растерла ему ее камфарным спиртом, заложила ватой, и боль утихла. Потом появились боли в ногах, и они похолодели. Я растирала ему ноги тоже камфарным спиртом, завернула в теплое, и стало легче. И я была так счастлива, что могла облегчить его недуги. Но началась тоска, и я вложила градусник. Температура была опять повышенная: от 36 и 2 поднялась до 37 и 3. Жар держался часа три, он заснул, я ушла спать, потому что падала от усталости, и сменили меня сначала Н. Н. Ге, потом Маша.

Приехал сын Миша; Л. Н. с ним поговорил, спросил о жене и сказал, что большое счастье, что все его невестки такие хорошие и даже, как женщины, такие красивые, славные. Сережа сказал про брата своего Мишу: «Папá, Миша все умеет». И Л. Н. сказал: «Ну, слава богу, это ему очень нужно», и спросил: «Кончил ли он свое мерзкое дело — военную службу». Миша сказал, что «слава богу, совсем отбыл».

Сегодня сижу я в его комнате, читаю Евангелие, в котором Львом Николаевичем отмечены те места, которые он считает важнейшими, и он мне говорит: «Вот как нарастают слова: в первом Евангелии сказано, что Христос

* Фраза со слов: «Если и пройдет...» написана между строк и, вероятно, позднее всей дневниковой записи.

просто крестился. Во втором наросли слова: «И увидал небеса отверзтыми», а в третьем уже еще прибавлено: «Слышал слова: «Сей есть сын мой» и т. д [31].

Теперь Левочка мой спит — он еще жив, я могу его видеть, слышать, ходить за ним... А что будет после? Боже мой, какое непосильное горе, какой ужас жизнь без него, без этой привычной опоры любви, нравственной поддержки, ума и возбуждения лучших интересов в жизни...

Не знаю, в состоянии ли буду опять писать. Хочется записать все, что касается его; всем, всем он нужен, и все его любят. Помоги, помоги, господи, как невыносимо тяжело!..

14 июля. Не помню уже подробно всего: приехала еще Таня с мужем; приезжал из Москвы доктор Щуровский, приезжало много друзей; телеграммы, письма, суета большого стечения детей, внуков, знакомых. Забот без конца... Наконец заболела я: сильный жар целую ночь, ослабление деятельности сердца, пульс 52. Пролежала два дня совсем обессиленная. Теперь мне лучше. Живет у нас молодой врач Витт Николаевич Саввин, следит за пульсом Л. Н., который при малейшей усталости учащается до 90 ударов. Сегодня Л. Н. сошел вниз, походил возле дома среди цветов и теперь лег уснуть на кушетке под кленом.

Врачи все нашли, что причина общего заболевания и ослабления сердца — присутствие малярийного яда в организме. Давали хинин, предлагают впрыскивания мышьяком, от которого, к сожалению, Л. Н. упорно отказывается. Сейчас он очень худ и слаб, но аппетит прекрасный, сон тоже, болей нет, занимается он каждое утро своей статьей о рабочем вопросе [32].

Слава богу, слава богу, еще отсрочка! Сколько придется еще пожить вместе! В первый раз я *ясно* почувствовала возможность разлуки с любимым мужем, и та боль сердца, которая овладела мной, так и не прошла и вряд ли когда пройдет. Когда я только взгляну на осунувшееся лицо, совсем побелевшие бороду и волосы и исхудавшее тело Левочки — боль сердца ноющая, никогда меня теперь не покидающая, обостряется, и жизни нет, и исчез весь интерес, вся энергия жизни. А *сколько* ее было? Поднимусь ли когда?

Да, еще целый период отжит. Еще резкая черта проведена между тем периодом, в который жизнь шла *впе-*

ред, и между тем, когда она вдруг во мне *стала,* как теперь.

Все казалось: «Вот соленые ванны помогут, и Левочка окрепнет, и еще поживет лет десять; то воды Эмс обновят пищеварение; то лето, тепло, отдых дадут ему новые силы...»

Теперь вдруг ясно представился *конец.* Нет обновления, нет здоровья, нет сил — всего мало, мало осталось в Левочке. А какой был богатырь!

Грустно часто слышать от него упреки за лечение мне и докторам. Как только ему лучше, он сейчас же высказывает ряд обвинений. А когда плохо, всегда лечится.

22 июля. Лев Николаевич поправляется, делает большие прогулки по лесам, аппетит прекрасный, сон тоже. Слава богу!

Вчера вечером получили письма из Тулы, и Коля Оболенский читал их вслух. Все сочувственные письма, радость, что ожил Л. Н. Он слушал, потом засмеялся и говорит: «Теперь, если начну умирать, то уж непременно надо умереть, шутить нельзя. Да и совестно, что же, опять сначала: все съедутся, корреспонденты приедут, письма, телеграммы — и вдруг опять напрасно. Нет, этого уж нельзя, просто неприлично».

Сегодня премилое умное письмо от королевы румынской Елизаветы. Посылает Л. Н. свою брошюру и пишет, что счастлива уже тем, что la main du maître * будет хоть минуту лежать на ее книжечке [33].

Сегодня жарко, сухо, пыльно. Идет уже уборка овса. Ясные, солнечные дни, лунные ночи, так везде красиво, что хотелось бы как-нибудь еще, получше воспользоваться красотой лета.

Когда вчера Л. Н. говорил о том, что теперь, когда он заболеет, приличие требует, чтоб он умер, я говорю: «Скучно жить в старости, и я хотела бы поскорей умереть». А Л. Н. вдруг оживился, и у него как-то вырвался горячий протест: «Нет, надо жить, жизнь так прекрасна!..» Хороша эта энергия в 73 года, и она и спасает и его и меня. А Таня-дочь сегодня пишет, что мы, ее родители, не хотим стариться, и это напрасно. Кто знает, что лучше? [34]

---

* рука мастера *(франц.).*

30 июля. Вчера вечером опять захворал Л. Н. Пищеварение испортилось, желчь не отделяется, и был жар, вчера в 11 часов вечера термометр показал температуру в 37 и 8, и пульс днем был около 90.

А перед этим как быстро стал поправляться Лев Николаевич! Как охотно ел, весело шутил с нами и разговаривал по вечерам. Как бодро мы гуляли на днях по всему лесу, Заказу с Федором Ивановичем Масловым, дочерью Машей, Колей, Сашей и Юлией Ивановной.

Сегодня опять жара, воздух пропитан гарью, точно дымом. Ничего не видно, даже солнце стало крошечным красным шариком.

Живу уныло, сижу весь день у двери больного мужа, вяжу шапки в приют, и совсем потухла во мне жизнь и энергия.

Получила от графини Паниной письмо, предлагает в Крыму нам свою дачу, «Гаспру», и мы собираемся ехать, но я не хочу раньше сентября.

3 августа. Последнее нездоровье еще поубавило силы в Льве Николаевиче, хотя сегодня ему получше. Стоит жара, опять сухо, я купаюсь всякий день. Утром приходили из Мясоедова погорелые, дали им по 7 р. на двор. Сколько было пожаров нынешнее лето, и скольким пришлось раздать помощи!

Приехал чужой посетитель, Фальц-Фейн, потерявший молодую жену и оставшийся с тремя детьми, в отчаянии, больной от горя. Л. Н. пошел с ним походить и поговорить.

Разбирала разные ноты: концерт Гуммеля, Моцарта, Вебера. Выписала еще себе сонату Вебера в la-бемоль. Музыка — лучшее занятие в мире. Делали с Машей фотографии, училась немного по-итальянски, хозяйничала.

Но чувство, что все приходит к *концу*, мучительно преследует. Что-то должно *кончиться.* Мы жили с Л. Н. одним широким течением жизни — тридцать девять лет. И вот начались колебания: собираемся в Крым, Л. Н. ходит слабый, унылый, хотя правильно держится порядка обычного: утро пишет, немного ходит по саду или в ближайший лес, сидит с нами по вечерам... Надолго ли все это? И *как* сложится моя жизнь? Ничего не предвижу, не знаю... «Да будет воля твоя».

26 августа. Собираемся в Крым 5 сентября. Была в Москве по делам, еду опять перед отъездом, около 1-го.

Холод, ветер, сыро и гадко.

Здесь сестра Л. Н., Мария Николаевна, Варя Нагорнова; Лева приехал из Швеции, Сережа-сын тут, и много еще. Была сестра Таня, что мне доставило большую радость.

Л. Н. опять почувствовал себя не совсем хорошо, но он плохо бережется. Вчера был доктор Дубенский и нашел Л. Н в удовлетворительном состоянии.

Живу совсем не по душе: хозяйство, денежные уплаты, сборы, укладка и соображения практические... Ни прогулок, ни музыки — ничего, скучно, и духом упала. Мы, кажется, проживем в Крыму всю зиму, и это ужасно грустно! Ну, да что бог даст. Черта проведена, еще новый период жизни начинается. Лишь бы Лев Николаевич был жив и здоров.

2 декабря. Крым. Гаспра. С 8 сентября живем здесь для здоровья Льва Николаевича, которое плохо поправляется. Две жизни не проживешь, ему минуло в августе 73 года, и он очень постарел, ослаб и изменился за этот год.

Не писала дневник, долго не могла освоиться с новыми условиями жизни и с теми душевными лишениями, которые я должна была пережить. Теперь привыкла, и поддерживает чувство исполняемого, строгого долга относительно моих обязанностей как жены.

Вчера ночью написала письма четырем отсутствующим сыновьям [35] (кроме Андрюши, который только что приехал) и потом всю ночь не могла спать от мучительно нагромоздившихся воспоминаний детства моих детей, моего страстного, заботливого к ним отношения, моих ошибок невольных в их воспитании, моего и теперешнего отношения к моим *взрослым* детям. Потом мысли перешли к умершим. С мучительной ясностью я представляла себе то Алешу, то Ванечку в разные моменты их жизни. Особенно ясно мне представлялся худенький Ванечка в постельке, когда после молитвы, всегда почти прочитанной в моем присутствии, он уютно свертывался в маленький, худенький комочек и, блаженно улыбаясь мне, укладывался спать. Помню, как мне мучительно было, гладя его спинку, ощущать под рукой его тоненькие косточки.

И какое я почувствовала вчера ночью душевное и физическое одиночество! С Львом Николаевичем вышло как раз то, что я предвидела: когда от его дряхлости прекратились (очень еще недавно) его отношения к жене как к любовнице, на этом месте явилось не то, о чем я тщетно мечтала всю жизнь — тихая, ласковая дружба, а явилась полная пустота.

Утром и вечером он холодным, выдуманным поцелуем здоровается и прощается со мной; заботы мои о нем спокойно принимает как должное, часто досадует и безучастно смотрит на окружающую его жизнь, и только одно его волнует, интересует, мучит: в области материальной — *смерть,* в области духовной — его работа.

Все чаще думаю с спокойной радостью о смерти, о той области, куда ушли мои дети, где, думается, будет спокойнее. В *этой* жизни спокойствия не может быть: если *стремиться* к нему, если *вырабатывать* мудрое, равнодушное отношение ко всему, религиозное смирение и понимание, то этим самым прекращается жизнь. Жизнь есть энергическая, беспрерывная смена чувств, борьба; подъем, упадок доброго и злого: жизнь есть жизнь. Ее не остановишь, да и не хочешь останавливать добровольно. Но когда придет время естественно ей остановиться, тогда надо спокойно и радостно ее приветствовать и, созерцая бога, подчиняясь его воле, соединиться с богом посредством духа и с природой посредством тела. И, кроме хорошего, ничего здесь быть не может.

3 декабря. Жаркий день, ездила в Ялту, писала и посылала доверенность Сереже на покупку 46 1/4 десятин Телятинской земли к Яснополянской. Получала, переводила деньги,— несносные, вечные, ни на что мне не нужные дела! Устала и одна пошла бродить. Прошла в Чукурлар, там нищая и чахоточный юноша. Пустота и неблагоустроенно. Все это еще впереди. Лев Николаевич ездил в Алупку верхом, вечер весь проиграл в шахматы с Сухотиным. А приехавшие сыновья, Илья и Андрюша, Саша, Наташа Оболенская, Классен, Ольга — все играли в карты, чего я не люблю. Осталась одинока, молча шила, потом поучилась по-итальянски.

4 декабря. День еще жарче, ярче и красивее. Солнце прямо по-летнему греет. Какой неустойчивый, странный климат. Такое же здесь неустойчивое душевное настрое-

ние. Ходили пешком в Ориандv: Лев Николаевич, Сухотин с сыном и учителем, Наташа Оболенская и я. Устали немного, но так называемая Горизонтальная дорожка очень хороша. Оттуда приехали с Сонюшкой и Ольгой. Море, закат — все волшебно красиво. Боялась за усталость Льва Николаевича и простуду. Остальные поехали верхами на Учан-Су. Илюша вернулся, увлечен фотографией. Сегодня Варварин день, вспоминаю мои прошлогодние визиты с Марусей к Варе Нагорновой и Масловым. Как было у последних благодушно и весело! Что-то там сегодня, и странно, что там зима, снег, сани!

7 декабря. Проводила сейчас сыновей: вечно ребячливого, добродушного Илью и Андрюшу. Лев Николаевич поехал с ними в Ялту, к Маше, будет там ночевать, ему давно хотелось. Действие ли мышьяка или просто хорошая погода повлияли на него хорошо, он бодр, здоровье лучше, и радость этого улучшения выражается в суетливой предприимчивости: то он ходил с нами пешком до Орианды, оттуда приехали.

На другой день ездили верхом в Симеиз и обратно. Вчера ходил и утром и вечером, при лунном свете, гулять, заходил в больницу и восхищался видами при лунном освещении. Сегодня собрался в Ялту.

Сегодня я хотела ему помочь при сборах в Ялту, чтобы он, суетясь, не потел. Он так грубо, брюзгливо на меня окрысился, что я, чуть не заплакав, молча удалилась.

Получила письмо от графини Александры Андреевны Толстой. Какая удивительная духовная гармония в этой прелестной женщине! Сколько настоящей любви и участия дает она людям [36].

Начинаю еще более склоняться к мнению, что сектантство всякое, включая и учение моего мужа, сушит сердце людей и делает их гордыми. Знаю двух женщин близко: это сестру Льва Николаевича — Машеньку, монахиню, и вышеупомянутую Александру Андреевну, и обе, не уходя из церкви, стали добрее, возвышеннее.

Наступило четыре дня удивительной летней погоды: окна открыты, гуляем в одних платьях, и то жарко. Вечером 12 градусов тепла.

Моя бедная Таня, родив опять мертвого ребенка — мальчика (12 ноября), еще более привязалась к своему

легкомысленному эгоисту-мужу. Ее совсем нет, она вся в нем, и он *позволяет* себя любить, а сам любит мало. Если ей хорошо, то и слава богу! Мы, женщины, способны жить любовью даже без взаимности. Да еще как сильно, содержательно жить!

Из Москвы разные вести, не особенно мне радостные, из Ясной Поляны тоже. Дела запущены, друзья понемногу забывают, чудесная музыка — симфонические и другие концерты манят и соблазняют, и все бессильно, сиди здесь и скучай. Долг, долг, и вся энергия уходит на исполнение его, на убиение своей личности.

Проводив Льва Николаевича в Ялту, пошла к обедне, пели девочки хорошо, и мне было хорошо и молитвенно спокойно.

8 декабря. Лев Николаевич из Ялты не вернулся, приехала одна Саша, а его уговорили доктор и Оболенские остаться еще на ночь.

Вчера, проводив его, мне вдруг стало тоскливо, не при чем жить. Сегодня легче; ходила одна гулять в серьезном и хорошем настроении. Необычайно тепло, 12 градусов тепла в тени, небо розовое от невидимого за облачками солнца. В здешнем парке красиво и уединенно. Горевала мыслями и сердцем о том, что с мужем живем как чужие!

Саша говорила, что он сегодня написал в Ялте 8 страниц чего-то, устал и ослабел.

9 декабря. Как я и думала, Лев Николаевич в Ялте немного захворал, и явились опять сердечные перебои. Сейчас говорила с ним по телефону, голос бодрый, думает, что от желудка, который опять хуже. Съездив в Симеиз верхом взад и вперед, он опять свои кишки раздражил, это уж чуть ли не в сотый раз повторяется одно и то же. Перед отъездом он с жадностью вдруг напустился сразу на варенники, виноград, грушу, шоколад. Было 6-го рождение Андрюши и всякие угощения. Теперь идет так: чуть поправится, все истратит невоздержанием в еде и движениях. Испугается, опять лечится; опять лучше, опять трата... так и идет правильным кругом.

Была у обедни. Прекрасно пели девушки. Настроение хорошее, спокойное, привычное. Мне не мешают, как другим, бессмыслицы вроде «дориносима чинми», «одесную отца» и проч. Помимо этого, церковь — место напоминания

нам бога, место, куда столько миллионов людей приносило свою веру, свое возвышенное религиозное чувство, свои горести, радости во все моменты изменчивой судьбы.

13 декабря. В тот же день, как я писала последний дневник, меня сначала по телефону успокоили, а потом встревожили состоянием здоровья Льва Николаевича, и я тотчас же после обеда уехала в Ялту. Застала Льва Николаевича довольно бодрым, но в постели; говорили, что даже доктор испугался; перебои были значительные в сердце, и он выписал даже камфару для впрыскиванья, но до нее дело не дошло. Все болезненные явления всетаки от желудка и кишок.

Сегодня мы с Лизой Оболенской его привезли домой, в Гаспру.

Сначала он, выпив кофе с молоком, оживился; вечером играл две партии в шахматы с Сухотиным, но опять ослабел и, наконец, лег. А весь вечер его уговаривали лечь по предписанию доктора, а он не хотел.

У Сухотиных горе, Сережа их заболел тифом в Морском корпусе, и телеграммы, что положение серьезно. Таня очень жалка, плакала, и у нее детское отношение к судьбе, что ее кто-то все обижает.

Радость у нас та, что у Миши и Лины родился 10-го сын Иван. Пусть Ванечка вложит в этого мальчика свою душу и помолится о нем, чтобы рос хорошим, счастливым и здоровым. Хотелось бы взглянуть на этого нового Ванечку.

Сегодня мне кротко и сердечно жаль Льва Николаевича, я не могу на него смотреть без горя, и я рада этому чувству. А то иногда на меня нападает дурное чувство раздражения против него, что он даром тратит свои силы и сокращает жизнь, которой мы все *так* дорожим, что все *свои* жизни отдаем ему на служение. Я помню, что, когда у моей сестры падали дети и ушибались, она их же бранила, и я понимала, что она на них нападает за те страдания жалости, которые она испытывает. Так и я: я на Льва Николаевича нападаю иногда (более молча, в душе) за то, что его немощи мне доставляют невыносимые страдания.

14 декабря. Лев Николаевич поселился внизу со вчерашнего дня, чтобы не ходить по лестнице. Комната его, рядом с моей, опустела, и эта мертвая тишина наверху

какая-то зловещая и мучительная. Уже я не стараюсь ставить тихонько умывальник на мраморный стол, ходить на цыпочках и не двигать стульями.

Рядом с Львом Николаевичем внизу пока спит Лиза Оболенская (его племянница), и он охотно принимает ее услуги и рад меня не беспокоить.

15 декабря. Левочке сегодня лучше, и мы все повеселели. Он бодр, сердце хорошо, желудок еще не совсем, жару нет. Он обедал с нами, ходил до ворот усадьбы, но вернулся, устал.

Был доктор, который его тут лечит, Альтшуллер, приятный, даровитый еврей, совсем непохожий на евреев, и Лев Николаевич ему верит и слушается его, и даже любит. Сегодня делали тридцатое впрыскивание подкожное мышьяка и пять гран хинину принял.

Приезжал чех, доктор Маковицкий, мы его раньше знали [37], и с ним Евг. Ив. Попов, грузинского типа, будто бы толстовец. Обычно провели вечер: шахматы, газеты, письма и работа.

Ходила сегодня одна гулять, тепло, красиво. Играла более двух часов, наслаждалась сонатой Вебера и «Impromptu» Шопена. Читая газеты, соблазняюсь концертами, особенно мне жаль, что я не слыхала концертов М. Пауера, сыгравшего *все* сонаты Бетховена в нескольких сериях.

16 декабря. День пустой, мало видела Льва Николаевича, сидел с ним ненавистный Попов и Маковицкий. Приехал Буланже.

23 декабря. Лев Николаевич поправился, сегодня ходил далеко гулять, зашел к Максиму Горькому, т. е. к Алексею Максимовичу Пешкову [38]. Не люблю, когда писатели подписываются не своей фамилией. Домой приехали все, т. е. Лев Николаевич, Ольга, я и Буланже, в коляске. Мы с Ольгой делали визиты, почти никого не застали. Тепло, 6 градусов, ясно и ветрено. Лев Николаевич принес розово-лиловый крупный полевой цветок, вновь распустившийся. Миндаль хочет цвести, белые подснежники распустились. Хорошо! Я начинаю любить Крым. Слава богу, тоска моя прошла, главное, по-

тому что Льву Николаевичу стало гораздо лучше. Надолго ли!

Вчера уехали Сухотины, приехал Андрюша, больной, добродушный, но неприятно несдержанный, особенно с женой.

24 декабря. Приехал Сережа и Гольденвейзер. Заезжал Миша Всеволожский. Вечером играл Лев Николаевич с своими детьми и Классеном (здешний немец-управляющий) в винт. Все кричали, приходили в волнение от большого шлема без козырей, и очень странны мне всегда эти настроения при карточной игре, точно все вдруг лишаются рассудка и кричат вздор.

Лев Николаевич опять жалуется на боли в руках, хотя эти дни тепло и он осторожен. Что-то потускнело в жизни, перестала радоваться на поездку в Москву, и просто тяжело это будет: и скучно, и холодно, и хлопотно. А будет ли какая радость?

25 декабря. Празднично проведенное Рождество. Льву Николаевичу лучше, лихорадки не было, члены не болят.

26 декабря. Уехал Буланже. Прелестная погода, все гуляют, катаются. Льву Николаевичу совсем хорошо. Кроила, копировала фотографии, немного шила и вечером просмотрела итальянскую грамматику. Собираюсь со страхом в Москву. Очень боюсь и жалею оставить Льва Николаевича, да и жутко одной совершить такое дальнее путешествие. Вечером у Классен, немецкий говор, чуждые люди, сладкая еда — все не по мне.

27 декабря. Были вечером Четвериковы, Волковы. Разговор о музыке с Эшльманом. Играл Гольденвейзер. Лев Николаевич ходит опять гулять, пишет о свободе совести и опять переправляет «О религии». Вечером, когда лег, спросил у меня теплого молока, он теперь его постоянно пьет, и пока ему разогревали и я прощалась с своими скучными гостями, Лев Николаевич вдруг в одном белье показался в дверях и нетерпеливо и сердито стал торопить, чтобы ему дали молока.

Саша засуетилась, и пока я сняла с керосинки теплое молоко и донесла до его комнаты, он вторично выскочил с досадой в дверь.

29 декабря. Праздник у татар, провожали муллу на три месяца в Мекку, делали ему обед. На улицах Кореиза и Гаспры нарядный веселый народ всяких народностей. Плясали турки хороводом очень характерно и живописно. Пробовала фотографировать, но в движении плохо вышло. Лев Николаевич ходил один гулять в Ай-Тодор. Он кроток и добр сегодня, и все мы дружны и радостны, такое счастье! Днем недовольна: фотография и шила и больше ничего.

30 декабря. Утром приходили к Льву Николаевичу самые разнообразные люди: трое рабочих-революционеров, озлобленных на богатых, недовольных общим строем жизни; потом шесть человек сектантов, отпавших от церкви, из коих трое настоящих христиан, в смысле нравственной жизни и любви к ближнему, а трое возникших от молокан и близкие к их вере. Не слыхала их бесед с Львом Николаевичем — он не любит, когда им мешают, но Лев Николаевич говорит, что некоторые умно и горячо говорили. Еще приходил старый человек, состоятельный и более интеллигентный, который хочет на Кавказе, на берегу моря, основать монастырь на новых началах. Чтоб братия вся была высшего образования, чтоб монастырь этот был в некотором роде центром науки и цивилизации, а вместе с тем, чтоб монахи сами обрабатывали землю и кормились своим трудом. Задача сложная, но хорошая.

Вечером ходили в читальню, где устроен был танцевальный вечер. Играли странствующие три музыканта-чеха и еще юноша на огромной гармонии. Плясали вальсы, польки, pas de quatre разные горничные, жены и дочери ремесленников, какие-то мужчины из разных классов общества. Плясали и два татарина по-татарски и два грузина с кинжалами лезгинку; и многие, в том числе и земский доктор, энергичный и способный на все — Волков, плясали трепак, по-русски, и вприсядку. Хорошее это дело — эти народные балики, большое оживление и вполне невинное веселье. Мы все и Лев Николаевич ходили смотреть.

31 декабря. Вот еще год как будто прошел. Последний день довольно сложного, трудного года! Лучше ли будет новый? Все как будто хуже живется, да и сама не лучше делаешься.

День как-то весь пропал в суете, которую среди дня всегда делает приезд Оболенских.

Лев Николаевич ходил к М. Горькому, оттуда приехал с Гольденвейзером, который гостит у нас.

Переписывала первую главу «О религии» Льва Николаевича, и пока еще мне не особенно нравится: нового мало сказано, да и бедно как-то содержание. Что дальше будет! Не понравилось мне сравнение Л. Н. с отростком кишки — отброшенная людьми вера в необходимость религии.

Посетители: Попов и Маковицкий. Письмо милое от Доры и интересное от Муромцевой. Ходили с Сашей в Кореиз покупать прислуге вино, апельсины и угощения для встречи Нового года. Мы тоже собираемся его встречать, хотя я не люблю этого *полу*празднества. Сидят, едят, и вдруг в двенадцать часов ночи что-то должно случиться.

1902

1 января. Вчера тихо встретили Новый год в семье. Лев Николаевич раньше лег спать, чувствовал себя дурно после ванны. Утром Классен с чудесными фиалками.

Переписываю понемногу «О религии» Льва Николаевича. Умно, но чего-то мало, хочется больше горячности, силы убеждения.

Ходили с Таней и Ольгой в юсуповский парк и к морю. Летний теплый день. У моря Горький с женой. Приезжал доктор Альтшуллер. Приходила наша вся прислуга ряженые, топтались и плясали, и скучно; скучно мне это, совсем я из всего этого выросла.

Играли в винт Лев Николаевич, Гольденвейзер, Сережа и немец-управляющий Классен. Написала вечером пять писем, довязала шарф и подарила Илье Васильевичу и повару. Получила милое письмо от Сони и Глебовой [1], порадовалась, что там, далеко, есть счастливые две семьи моих детей: Ильи и Миши. Какой-то будет новорожденный второй Ванечка Толстой! Такого, какой был первый — уже не может быть! А как бы он радовался, что у его любимого брата Миши есть тоже Ванечка.

Гудит страшный ветер, здесь это несносно, и я боюсь за здоровье Льва Николаевича.

Днем было тепло, и мы гуляли с Таней и Ольгой, а домой приехали.

4 января. Третью ночь сплю на кожаном диване в гостиной, или, вернее, не сплю, а всю ночь прислушиваюсь к Льву Николаевичу, рядом, и боюсь за его сердце. Он третий день болен; главное — перебои в сердце. Вчера и сегодня он вставал, выходил к обеду, но сильно ослабевал после обеда, и сегодня мы испугались и вызвали из Дюльбера великокняжеского доктора Тихонова, который сейчас был. Непосредственной опасности не нашел, но грозит, как и все доктора, плохим исходом, если Л. Н. будет вести ту неосторожную жизнь утомления, переедания и проч., которую он ведет. Температура нормальная, но пульс смутительный.

Выпал снег с ночи на четверть аршина и лежит до сих пор. Вчера при северном ветре было 3 градуса мороза, сегодня полтора градуса тепла и тихо. Я знала, что погода дурно повлияет на Льва Николаевича, это теперь всегда так.

К Альтшуллеру в телефон не дозвонились. Хожу за Львом Николаевичем совсем одна, хотя все предлагают помощь. Но пока я не свалюсь сама, я люблю ходить за ним самостоятельно, хотя трудно ужасно, иногда невыносимо с его упрямством, самодурством и полным отсутствием знания медицины и гигиены. Например, доктора велят есть икру, рыбу, бульон, а он вегетарианец и этим губит себя.

Читала удивительно хорошую книжечку, перевод, «Об обязанности человека» Иосифа Мадзини. Какие мысли, какой язык, полный силы, простоты, краткости и убедительности [2]. Переписывала еще «О религии», кроила себе лиф. Никуда не хожу, боюсь оставлять Л. Н. даже на полчаса.

5 января. Вчера вечером и всю ночь Льву Николаевичу было очень плохо: перебои в сердце, стеснение в груди, бессонница, тоска. Несколько раз я вставала к нему, пил он среди ночи молоко с ложечкой коньяку, принимал (сам спросил) строфант. К утру немного заснул. Был вчера вечером доктор Тихонов и сегодня днем опять. Нашел уплотнение печени, слабость сердца и атонию кишок. Все эти недуги давно появились, но теперь они как-то несомненнее и зловеще идут своим течением, все тяжелее и чаще проявляя свои угрожающие симптомы.

Сам Л. Н. очень угнетен, нас всех от себя удаляет и зовет кого-нибудь, только если что нужно. Сидит в кресле, читает или лежит. Днем опять спал мало.

Лежит снег, на поле температура. Весь день дул страшный ветер. И все тоскливо, безнадежно как-то! Голова тяжела. Получила от Сухотина телеграмму, что они все приезжают в Крым на зиму. Рада, что Таня еще поживет с нами, рада, что Саше будет подруга, и Дорик миленький, да и Алю я теперь полюбила. Только бы Л. Н. поправился! О поездке в Москву уже не думаю пока, и во всяком случае будет страшно уехать. А очень, очень нужно!

Сижу дома, шью, порчу глаза; отупела, как бывало, в молодости, в Ясной Поляне, когда годами живешь ровной, без подъемов жизнью. Но тогда были дети...

8 января. Несколько тяжелых дней болезни Льва Николаевича. Пульс все слабый, частый. Вчера были оба доктора: Тихонов и Альтшуллер. Прописали два раза в неделю экстракт крушины (растение) в таблетках и шесть дней по пять капель три раза в день — строфант. Но Лев Николаевич ничего не хочет делать, вдруг взбунтовался. А я *так* устала от вечной сорокалетней борьбы, от хитрых уловок и приемов, чтобы хоть какими-нибудь путями заставить принимать то или другое лекарство и вообще помочь себе. Вообще всякая борьба мне стала не под силу. Иногда так хочется от всех на свете удалиться, уйти в себя хоть на время.

Болезнь Л. Н. мне стала очень ясна за это время: больны кишки, полная атония, плохи печень и желудок. Надолго ли хватит сил Л. Н. переживать эти периодические нездоровья — кто знает.

Было вчера ночью, с 6-го на 7-е, 8 градусов мороза, ветер страшный. Сегодня 4 градуса тепла, но мрачно, серо и скучно.

Вчера все наши ездили на концерт Гольденвейзера. Остались Ольга и я. Сидела весь вечер одна в гостиной, шила, писала, порчу все свои глаза, и, наконец, заснула на диване. Л. Н. давно уже спал, а наши вернулись около двух часов.

Сегодня все утро переписывала «О религии» Льва Николаевича. Это более социалистическое, чем религиозное произведение.

Я вчера говорила это Льву Николаевичу. Говорила, что всякое религиозное произведение должно быть поэтичнее, возвышеннее, а что его «О религии» очень логичное, но не увлекает и не возвышает душу. На это он мне

сказал, что то только и надо, чтобы было *логично*, всякая поэзия и возвышенная неясность только путает понимание.

Опять думаю о поездке в Москву и ловлю себя на том, что мне этого хочется.

10 января. Как иногда бывает мрачно настроение. Сегодня после обеда сижу одна, шью в темной гостиной. Лев Николаевич рядом в своей комнате. Таня с другой стороны быстро чикает по клавишам ремингтона. Сережа в столовой читает молча газеты, и Ольга с Сонюшкой наверху. В доме мертвая тишина, и порою страшные порывы ветра рвут все, и ветер этот гудит и шумит громко, и ходит холодом по всему дому.

Жизни никакой нет; только одно несомненно нужно и хорошо — это уход за Львом Николаевичем. Он совсем ослаб, даже прикрыть его пледом или поправить одеяло — он и то зовет. Смотришь за тем, чтоб он не переел, чтобы не шумели, когда он спит, чтоб нигде не дуло. Клала ему на живот компресс, пьет он Эмс два раза в день.

11 января. Ездила с Таней в Ялту за делами и покупками, подарила Тане шляпу к именинам. Маша очень худа и жалка.

У бедной Ольги прекратилось движение ребенка, шестой месяц беременности. Очень ее жаль. Привезла домой Сашу. Она вчера ездила верхом в Гурзуф, а сегодня ходила на репетицию пьесы «Не все коту масленица», где она играет роль Фионы. Кончила переписывать «О религии». Под конец лучше мне понравилось. Хороша мысль о свободе души человека, просвещенного религиозным чувством, — но не нова. Вышел у Ясинского роман Левы; боюсь читать [3].

12 января. Весь день проходит в суете и мелкой заботе о семье. То с внучкой поиграть, то плачущую о своем неудавшемся младенце Ольгу утешить; то Сереже шапку мыла и подшивала; то с Сашей о ее театральном костюме совет держала; то доктор приезжал к Ольге; то вечером клистир готовила Льву Николаевичу; потом бинтовала живот и компресс положила, принесла ему вина,

пил он кофе, которое ему варили. Он очень стал всего пугаться. Опять вечером были перебои пульса. Он сам принял строфант, заробел, лег, напился кофе и стал мрачен. А лицо у него свежее, совсем не больное. Днем же он два часа гулял, а доктор сказал *никогда* более часа не ходить. Все нескладно! Таким неразумным и умрет в области гигиены и медицины.

Именины Тани. Она приехала из Ялты и грустна. Андрюша тоже тих и грустен; все не ладится в его супружеской жизни, и его жаль. Сережа уехал в Ялту с мыслью праздновать день открытия Московского университета. Он все эти дни во флигеле молча один занимался музыкой. А у меня и это отнято! Из дому уйти нельзя, не на кого оставить и Льва Николаевича и Ольгу. Тоскливо сложилась и старческая жизнь. А какая-то буря желаний, стремление куда-то выше, духовнее, содержательнее жить еще все не угасла в душе. Когда? Видно, на том свете.

14 января. Время так и летит... Зимы нет, и нет никакой определенности во времени. И все не радостно в жизни. Здоровье Льва Николаевича не поправляется. Надо бы совершенно переменить пищу, но упорный, независимый и, не в обиду будь сказано, страшно упрямый характер великого человека не склонится ни за что на питание рыбой и курицей, как ему советуют, а будет есть морковь и цветную капусту, как сегодня, и страдать от этого.

Вчера просидела возле его комнаты до трех с половиной часов ночи, ждала уехавших играть в карты сыновей: Сережу и Андрюшу. Спал Лев Николаевич хорошо. Сижу и переписываю письмо Л. Н. к государю. Боюсь, что рассердится царь за жестокую правду, ничем не смягченную.

15 января. У Льва Николаевича жар, 37 и 7. Был Альтшуллер. Доктора ничего не понимают, а дело плохо. Я очень встревожена.

16 января. Ночь была ужасная. Жар у Л. Н. усилился, дошло до 38. Провела без сна всю ночь в гостиной, рядом с Л. Н. К утру пот, температура 36 и 1,

болит левый бок. И вчера и сегодня мазали иодом, положили компресс. В два часа дня дали пять гран хинина и два раза в день по пять капель строфант. Все-таки он вставал, писал, играл в винт с Классеном, сыновьями и Колей Оболенским. Переписала Таня, запечатала и послала к великому князю Николаю Михайловичу письмо Льва Николаевича к государю Николаю II, которое Николай Михайлович взялся передать, если удобно. Письмо резкое, и я очень боюсь за то, что государь наконец рассердится [4].

Таня все собирается уезжать и все не решается. Но, кажется, завтра уедет.

Ездили с Сашей, Ольгой и Наташей в горы, в сосновую рощу. Тепло, ясно, виды со всех сторон красивые. На столе у меня цветы свежие — белые прелестные подснежники, похожие на цветы померанцевые.

Весь день и вечер шила с отупением, заботы, огорчения и ожидания тяжелого.

17 января. Все то же, те же лекарства, та же боль в боку, только сам Лев Николаевич немного бодрей. Был Чехов [5] и Альтшуллер. Тепло, ясно. Уехала Таня к мужу в деревню. Переписывала письмо Л. Н. к государю: злое, задорное письмо, все бранящее и дающее самые нелепые советы о владении людьми землей. Надеюсь, что великий князь Николай Михайлович поймет, что это письмо — продукт больной печени и желудка, и не передаст царю. Если же передаст, то ожесточит царя против Л. Н., и как бы чего нам ни сделали.

18 января. Льву Николаевичу немного лучше, хотя все еще желудок не наладился, бок немного болит и температура утром 36 и 3, вечером 37. Сидит весь день, читает, писал письма, а вечером играл в винт с сыновьями, Классеном и Колей Оболенским.

Каждый вечер, как ребенка, укладываю спать мужа: пеленаю его живот с компрессом из воды и камфарного спирта, ставлю молока в стакане, часы, колокольчик, раздену, покрою его и потом сижу рядом в гостиной, пока он заснет, и читаю газеты. Большим я вооружилась терпением и очень стараюсь облегчать выносить болезненное состояние Льву Николаевичу.

20 января. Ходила смотреть, как Саша играла роль Фионы, старой экономки в пьесе «Не все коту масленица», в народной здешней читальне. Это первый опыт Саши, и недурно. Странное сочетание людей играющих: жена доктора, кузнец, фельдшерица, каменотес и графиня. Это хорошо.

Льву Николаевичу лучше, бок меньше болит, желудок лучше, температура утром 36 и 3, вечером 36 и 9, как вчера. Строфант принял, хинин не принимал. Компресс сегодня не клали. Ночевала возле его комнаты, он спал хорошо и встал бодрей.

Выпал снег мокрый, густой и тихий, и мне стало легче, а то нездоровилось.

21 января. Ночь и день тревоги, тупого отчаяния, ожидания и, наконец, нервной тяжелой сонливости. Все это от ухудшения здоровья Льва Николаевича. Болел бок, поднялась температура до 38. Были два доктора: Елпатьевский и Альтшуллер, определили возврат лихорадки и застой в кишках, а боль невралгическая.

Лежит снег, на точке замерзания.

23 января. Вчера вечером приехал доктор Бертенсон (почетный лейб-медик) из Петербурга. Умный, простой в обращении человек и, очевидно, опытный и знающий доктор.

Сегодня приехал из Москвы тоже умный доктор Щуровский. Вместе с Альтшуллером состоялся серьезный консилиум, и на следующей странице я напишу их предписания.

Разговоры о фельетоне Амфитеатрова в газете «Россия», где намеки на государя и его семейных, о ссылке в Иркутск автора этой статьи или, вернее, сказки [6]. Об обжорстве, глупости, нахальстве министра Сипягина. Рассказывал Бертенсон много о великих князьях, о петербургском обществе. Щуровский рассказывал о своих поездках на Кавказ. День прошел утомительно. Был Горький с Сулержицким. Бертенсон непременно хотел сделать визит Горькому и поехал к нему. Щуровский едет завтра к Чехову в Ялту.

За болезнью Л. Н. все интересы жизни отодвинулись. Получила вчера письмо от Сергея Ивановича, пишет, чтобы я приехала слушать удивительную певицу: Оленину д'Альгейм [7]. И я почувствовала какое-то равнодушие

ко всему в мире и усталость! Ох, как я вообще устала жить! Сегодня *ничего* ровно не делала, кроме ухода за Львом Николаевичем. Глаза очень плохи, даже читать не могу. И только одно важно, только одно нужно и радостно: близость с Л. Н.!

Так вот предписания докторов:

Режим: 1) Избегать всякого утомления как физического, так и нравственного (лишних ....* и т. п.).

2) Гулять не много, соображаясь с силами, не задаваясь целью укреплять свои силы моционом. Безусловно запрещается верховая езда и подъемы.

3) Отдыхать днем 1—1 $^1/_2$ часа, ложась в постель раздетым.

4) Кушать три раза в день, причем не употреблять вовсе: гороха, чечевицы, *капусты цветной*. Пить молоко с кофе не менее четырех стаканов в день ($^1/_4$ стакана кофе, $^3/_4$ стакана молока). Молоко, если пить отдельно, то с солью ($^1/_4$ чайной ложки на стакан).

Вино можно иногда заменять портером (не более двух мадерных рюмок в день).

5) Ванну одну в две недели в 28 градусов, с заранее разведенным (полтора фунта) мылом. Сидеть в ванне пять минут, облиться чистой водой той же температуры. Ванну делать днем.

В промежутки времени между ваннами делать обтирания тела из мыльного спирта пополам с одеколоном.

Лечение: 1) Два раза в неделю масляные клистиры из 1 фунта масла, чуть подогреть, на ночь.

В остальные дни пилюли на ночь, от 1 до 5, смотря по действию. Если действие пилюль недостаточно, то ставить утром водяную клизму.

2) В течение месяца пить три раза в день за полчаса до утреннего кофе, завтрака и обеда по $^1/_3$ стакана Karlsbad Mühlbrunn, слегка подогретый.

3) Облатки каломеля по три облатки в день в течение трех дней; через три дня повторить, и т. д.

4) В случае надобности сердечных средств (Stroph.), по усмотрению врача непременно давать.

5) В случае сильной нервной боли принимать облатки от боли (+ Coff).

Если врач найдет нужным при указанном режиме дать хинин, то этому препятствовать нельзя.

Бертенсон.

---

* Многоточие в подлиннике.

Еда Льва Николаевича должна быть: 4 стакана молока с кофе.

Каши: гречневая, рисовая, овсяная, смоленская, размазня гречневая и каша с молоком манная.

Яйца: глазунья, сбитые яйца, заливные яйца, яичница со спаржей.

Овощи: морковь, репа, сельдерей, брюссель, картофель печеный, картофельное пюре, жареный картофель лапшой, кислая, мелко изрубленная капуста (?) *, салат, предварительно ошпаренный кипятком.

Питье: портер, вода с вином, молоко с солью.

Плоды: печеные протертые яблоки, вареные плоды, сырые, мелко изрубленные яблоки, апельсины только сосать.

Желе и кремы всякие хороши. Дутые пироги.

Записано после. 23-го вечером приступ грудной жабы у Льва Николаевича напугал ужасно. Сразу температура поднялась до 39.

24-го. Утром при слушании оказался в левом боку плеврит. Щуровского вернули, и он лечит.

25-го. Решили, что воспаление левого легкого. Позднее оно распространилось и на правое. Сердце плохо было все время.

26 января. Не знаю, зачем я пишу, это беседа моей души с самой собой. Мой Левочка умирает... И я поняла, что и моя жизнь не может остаться во мне без него. Сороковой год я живу с ним. Для всех он знаменитость, для меня — он все мое существование, наши жизни шли одна в другой, и, боже мой! сколько накопилось виноватости, раскаяния... Все кончено, не вернешь. Помоги, господи! Сколько любви, нежности я отдала ему, но сколько слабостей моих огорчали его! Прости, господи! Прости, мой милый, милый, дорогой муж! Я не прошу ни сил у бога, ни утешения, я прошу веры, религии, поддержки духовной, божьей, той, с которой жил все последнее время мой муж драгоценный. На днях он где-то прочел: «Кряхтит старинушка, кашляет старинушка, пора старинушке под холстинушку». И говоря нам это, он намекал на себя и

---

* Вопрос поставлен С. А. Толстой.

заплакал. Боже мой! Потом прибавил: «Я плачу не от того, что *мне* умирать, а от красоты художественной» [8].

27 января. Хотелось бы все записывать про моего милого Левочку, но не могу, слезы и мучительная боль, как камнем, всю раздавили... Вчера Щуровский предложил подышать кислородом, а Левочка говорит: «Погодите, теперь камфара, потом кислород, потом гроб и могила».

Сегодня я подошла, поцеловала его в лоб и спрашиваю: «Тебе трудно?» Он говорит: «Нет, спокойно». Маша спросила его сейчас: «Что, гадко тебе, папа?» Он ответил: «Физически очень гадко, а нравственно хорошо, всегда хорошо». Сегодня утром сижу возле него, он дремлет и стонет и вдруг громко меня позвал: «Соня!» Я вскочила, нагнулась к нему, он на меня посмотрел и говорит: «Я видел тебя во сне, что ты где-то лежала...» Он, милый, спрашивает обо мне, спала ли я, ела ли я... Последняя забота обо мне кого бы то ни было! Помоги, господи, прожить с тобой и не ждать ничего от людей, а благодарить за все, что они мне дадут. Я многое получила от бога и благодарю его!

Как часто, чувствуя, что мой Левочка уходит из жизни, я точно на него за это досадовала, точно я хотела сделать невозможное: разлюбить его прежде, чем он будет от меня взят.

Плеврит идет своим ужасающим ходом, сердце все слабеет, пульс частый и слабый, дыханье короткое... Он стонет... Эти стоны день и ночь глубокими бороздами врезываются в мою голову, мой слух, мое сердце. Всю жизнь их буду слышать. Часто он заговаривается о том, что его занимало в последнее время: о письме царю, письмах вообще.

Я слышала — раз он сказал: «ошибся», а то еще: «не поняли».

Он благодарно и ласково относится ко всем окружающим и, видно, доволен уходом, все говорит: «Ну, прекрасно».

Нет, не могу писать, он стонет внизу. Ему впрыскивали несколько раз камфару и морфий.

Завтра приезжает Таня, выехал и Лева из Петербурга. Хоть бы дожил проститься со всеми детьми.

5 часов вечера. Температура повышается, все время бред. Но когда на минуту опомнится, пьет молоко или лекарство.

В бреду раз сказал: «Севастополь горит». А то опять позвал меня: «Соня, ты что? записываешь?»

Несколько раз спрашивал: «А Таня когда приедет?» Сказала ему сегодня, что и Лева выехал. Беспрестанно то смотрит, а то спрашивает: «А который час?» Спросил, которое сегодня число, 27-е?

28 января. Приехала Таня, Сухотины, Илья, шум, заботы о ночлегах и еде. Как это все ужасно: тяжелый, серьезный путь высокой души к переходу в вечность, к соединению с богом, которому служил, — и низкие земные заботы.

Тяжело ему, милому, мудрому... Вчера говорил Сереже: «Я думал, что умирать легко, а нет, очень трудно».

Еще он сказал доктору Альтшуллеру: «В молитве «Отче наш» различно понимаются слова: «Хлеб наш насущный даждь нам днесь». Это просьба у бога дать на каждый день духовную пищу. И вот вы, доктора, ежедневно служите больным, и это хорошо, особенно когда бескорыстно».

Сегодняшний день Лев Николаевич провел лучше тем, что менее страдал, спал часа полтора днем, мог разговаривать. Но силы его слабеют, главное, сердце плохо. Не позволяю себе ни о чем думать, надо быть бодрой и ходить за ним. Стараюсь глубже хоронить в своем сердце то отчаяние, которое рвется наружу.

Сейчас звал к себе Таню. Он был рад ее приезду; и еще ему дала удовлетворение телеграмма от великого князя Николая Михайловича, что он передал лично письмо государю [9]. И то и другое он очень ждал.

Опять впрыскивали камфару, дают дигиталис, молоко с коньяком, Эмс, шампанское. Клали мушку на левый бок, но три дня тому назад.

Одну ночь дежурит доктор Волков, другую Альтшуллер, третью Елпатьевский, Щуровский весь день.

29 января. Утро, 9 часов. Меня усиленно послали наверх спать, но, прорыдав час, я хочу лучше еще кое-что записать. Ночь Левочка мой (теперь уже не мой, а божий) провел очень тяжелую. Как только начнет засыпать, его душит, он вскрикнет и не спит. То просил меня и Сережу посадить его, то пил раз молоко, раз

полрюмки шампанского, а то воду. Он не жалуется никогда, но тоскует и мечется ужасно.

Всякий раз, как он задохнется, и у меня спазма в груди. Да, моя *половина* страдает, как же мне не болеть!

Переход каждого любимого существа в вечность просветляет души тех, кто с любовью их провожает. Помоги, господи, душе моей до конца жизни остаться на той высоте и просветлении, которые я все больше и больше испытываю эти дни! Сейчас он заснул. Меня сменили Лиза Оболенская (его племянница) и Маша-дочь. Всю ночь до четырех часов я сидела при нем и служила ему.

30 января. Вчера с утра было настолько хорошо, что часу в первом Л. Н. послал за дочерью Машей и продиктовал ей приблизительно такие слова в свою записную книжечку: «Старческая мудрость, как бриллианты-караты, чем дальше, тем дороже, и их надо раздавать» [10].

Потом он спросил свою статью о свободе совести и стал диктовать в разных местах поправки [11].

Днем температура была нормальная, он был бодр, спокоен, и мы все ожили. С вечера я водворилась на свое ночное дежурство и просидела до четырех часов, следя за дыханием, и все было хорошо.

Вечером вчера приехал Лева, мне всегда жалкий и приятный. Сегодня вечером приехал и жизнерадостный Миша.

Сегодня утро я пошла поспать, а когда вернулась, узнала, к ужасу моему, что температура опять 37 и 6. Так сердце и упало. Говорят доктора, что идет рассасывание в легких, что не опасно и сердце пока удовлетворительно.

Верить ли? Так хочется хоть обмануться, сил нет страдать.

Спросил сегодня, что с почты; еще попросил сначала иллюстрированную какую-нибудь газету, а потом «Новое время» и «Русские ведомости». Последних двух ему не дали, боясь утомления.

Часам к трем начал задыхаться и метался; потом заснул. Дают то каждые четыре часа, то через два часа дигиталис. Поят кофеем с молоком, молоко с Эмсом, яйцо, вино с Эмсом, шампанским запивает дигиталис.

Сейчас восьмой час вечера, он спокойно спит.

Когда ему переменять положение, он охотнее всего зо-

вет Андрюшу, ест охотнее всего из рук Маши. Мои страдания о нем невольно сообщаются ему, и он меня часто ласкает, бережет мои силы и принимает от меня только легкие или интимные услуги.

31 января. Ночь до четырех часов провел тяжелую. Метался, задыхался, звал два раза Сережу и просил посадить его.

Вчера говорил Тане: «Что же это рассказывали про Адама Васильевича (графа Олсуфьева), что он легко умер [12], совсем нелегко умирать, очень трудно; трудно сбросить с себя эту привычную оболочку»,— прибавил он, показывая на свое исхудавшее тело.

Сегодня Левочке получше: он призывал Дунаева и Мишу; вообще он радуется каждому приезду. Сегодня приехала и Соня, жена Ильи. Всех много, шумно, а процесс умирания великого человека, любимого мной мужа, идет своим путем, я не верю в полное выздоровление и едва верю в временную отсрочку...

Диктовал опять и в записную книгу и в статьи начатые [13]. Лежит спокойный, серьезный. Продиктовал длинную телеграмму брату Сергею [14].

1 февраля. Ночь провел ужасную. До семи часов утра не спал, болел живот, задыхался. Растирала живот несколько раз, ничего не помогало. Раз только под моей рукой уснул минут десять, я как терла, так и замерла, стоя на коленях, с рукой на левом его боку, думала, поспит, но он тотчас же задохнулся и проснулся. В пять часов утра я ушла. Меня заменила Лиза и Сережа-сын. В семь часов разбудили доктора Щуровского, и он впрыснул морфий. Елпатьевский, доктор, тоже дежурил, но был так уставши, что все спал. День провел довольно спокойно. К левому боку Щуровский поставил еще мушку.

Диктовал Маше в записную книгу [15].

2 февраля. Вчера вечером приехали еще Соня, жена Ильи, дядя Костя старенький, Варя Нагорнова. Лев Николаевич каждому посетителю, по-видимому, рад.

Ночь вчера началась опять тревожно. Когда я его поднимала с Буланже и много раз служила ему, он мне сказал: «Я тебя замучил, душенька».

В три часа ночи впрыснули маленькую долю морфия (шестое деление), и через десять минут Л. Н. заснул и

спал хорошо до утра. Сегодня в первый раз температура вместо 36 и 9 стала 35 и 9. Ел охотно тапиоку на молоке и яйцо и за обедом ждет с удовольствием воздушного пирога, разрешенного доктором.

Диктовал Маше поправки в статье «О свободе совести».

Вчера сняли группу со всех моих детей со мной. На память тяжелого, но содержательного и важного времени.

3 февраля. Вчера к ночи опять ужас овладел моим сердцем. Температура поднялась до 37 и 8. Ночь тяжкая, в три часа ночи опять морфий впрыснули, но тоска и бессонница продолжались. До пятого часа я была с ним вдвоем, приходили два раза Сережа и доктор Альтшуллер.

Когда я поднимала Левочку и служила ему, не присаживаясь ни на минуту, он жал и гладил нежно мои руки и говорил: «Благодарствуй, душенька», или: «Я тебя измучил, Соня». И я целовала его в лоб и руки и говорила, что мне большое счастье ходить за ним, лишь бы как-нибудь облегчать его страдания.

Было стеснение в груди, тяжелое дыхание; он все пил воду с вином и шампанское.

Сегодня утром все жар 37 и 4 или 37 и 2. Но диктовал все более и более слабым голосом поправки статьи. Интересуется содержанием писем, которые мы ему вкратце рассказываем.

Сегодня в «Русских ведомостях» наконец напечатано о болезни Льва Николаевича.

Вчера утром уехал Лева в Петербург.

Сейчас Л. Н. поел немного супу, яйцо и воздушный пирог. Спросил Соню: «А где вы в прошлом году мать схоронили?» — «Мы ее свезли, по воле брата, в Паники». — «Как бестолково, — сказал Л. Н., — зачем возить мертвое тело».

4 февраля. Прошлую ночь впрыснули морфий, провел довольно спокойно. Утром был Л. Н. бодрее, чем все дни, температура 36 и 7, к вечеру опять поднялось до 37 и 7.

Щуровский уехал в Петербург. Сегодня же уехали Илья и Миша. Прощаясь с ними, он сказал, что, может быть, умрет, что последние двадцать пять лет он жил тою верою, с которой и умрет. «Пусть близкие мои

меня спросят, когда я совсем буду умирать, хороша ли, справедлива ли была моя вера: если и при последних минутах она мне помогла, я кивну головой в знак согласия».

Илюша плакал, когда простился [16]. Два раза сегодня Левочка призывал меня, раз спросил: «Что ты такая смирная, ты лежишь?» А я сидела, и мне было грустно, одиноко на душе, и он меня *почувствовал.*

5 февраля. Положение все то же. Ночь под морфием, впрыснули восьмое деление. С утра 36 и 7, к шести часам вечера — 37 и 4. Спокойное состояние, молчаливое; пьет шампанское, молоко с Эмс, ест все тот же овсяный пюре-суп, яйца, кашки. Положили сегодня согревающий компресс. Сижу усталая, застывшая; все переболело сердцем, все передумала, многое перечувствовала — и вдруг вся приникла в ожидании.

6 февраля. 9 часов вечера. Бессонная ночь, два раза впрыскивали морфий, ничто не помогало. В пятом часу, усталая, я ушла отдохнуть. Утро все прошло в тревоге. Днем озноб и вдруг сильный жар. Температура дошла до 38 и 7. Боль в груди.

Приехали Елпатьевский и Альтшуллер. Говорят — кризис. Воспаление вдруг стало разрешаться со всех сторон. Что-то будет, когда спадет жар, и не упадут ли сразу силы? Мы все опять в ужасе. Я лежала два часа как мертвая, сразу силы меня оставили. Как выдержу ночь? Сегодня все будут не спать в ожидании кризиса. «Все балансирую», — сказал сегодня Лев Николаевич племяннице Вареньке. Следит сам за пульсом и температурой, пугается, и мы принуждены обманывать, уменьшая градусы.

Холод, ветер ухудшают дело.

7 февраля. Положение почти, если не сказать — совсем, безнадежное. Пульс с утра был не слышен, два раза впрыскивали камфару. Ночь без сна, боль в печени, тоска, возбужденное состояние от валериановых капель, от шампанского и проч. До пятого часа я внимательно старалась облегчить всячески его страдания. Милый мой Левочка, он только и засыпал, когда я легкой рукой растирала ему печень и живот. Он все благодарил меня и говорил: «Душенька, ты устала».

К утру у Ольги начались схватки, и в семь часов она родила мертвого мальчика.

Сегодня Лев Николаевич говорит: «Вот все хорошо устроите, камфару впрыснете, и я умру».

Другой раз говорит: «Ничего не загадывайте вперед, я сам не загадываю».

А то спросил записи хода своей болезни: температура, лекарства, питание и проч., и внимательно читал. Потом спрашивал Машу, что она испытывала, когда был кризис ее тифа. Бедный, бедный, ему хочется еще жить, а жизнь уходит...

Утром температура была 36 и 2, сейчас, в седьмом часу вечера — 36 и 7. Ничего не хочет пить, все насильно. И когда сказали, что температура 36 и 6, он с отчаянием сказал: «И будет 37, и 37 и 5 и так далее».

Напал густой снег, сильный ветер. Ненавистный Крым! В ночи было 8 градусов мороза.

8 февраля. Ночь Левочка провел спокойнее, хотя часто просыпался, но все же спал. Утро тоже спал. Температура была 36 и 4, и вечером — 36 и 7. Сейчас семь часов вечера, он слаб, дремлет, но все хорошо, и пульс и разрешение воспаления.

Диктовал сегодня Маше страничку своих мыслей: все против войны и *братоубийства*, как он выразился [17].

Сидела с ним ночь до пятого часа утра и с Павл. Алекс. Буланже, переворачивала его, меняла намоченное как-то им белье, поила лекарствами (дигиталис), шампанским и молоком.

Заглядываю в себя и вижу, что все существо мое стремится к тому, чтоб выходить любимого человека. И вдруг сидишь с закрытыми глазами, и понемногу выступают всякие мечты, целые планы жизни самой разнообразной, самой неправдоподобной... опомнишься к действительности, и опять нытье в сердце, что замирает жизнь человека, с которым так сжилась и без которого я себя представить не могу.

Странная, двойственная внутренняя жизнь. Объясняю себе это своим несокрушимым здоровьем, громадной жизненной энергией, просящейся наружу и находящей себе пищу только в те тяжелые минуты, когда действительно нужно что-нибудь делать: переворачивать, кормить, мыть, лечить больного; не спать — это самое трудное.

А как только бездействие, сиденье часами при больном, так жизнь воображения начинает свою работу.

Если б не слепнувшие глаза — я бы читала, какое это было бы хорошее развлечение и занятие времени!

9 февраля. Опять бессонная ночь, полная труда и тревог и страданий! Болела печень и живот.

Когда ночью он просил его посадить и мне сесть сзади, чтоб поддерживать его — какие я испытывала страдания ощущать жалкие косточки моего мощного силача Левочки, бодрого, сильного и теперь жалкого, страждущего. Никто из ухаживающих не может ощущать того, что я. Кроме душевной боли, я все время испытываю, что что-то с страданиями отдирается от меня.

На днях Л. Н. сказал: «Все болит, вся машина разладилась. Нос вытащишь, хвост увязнет, хвост вытащишь, нос увязнет». А сегодня утром, утомленный, говорит: «Как тяжко, умирать не умираешь и не выздоравливаешь». Что-то будет!

Вчера был ясный день, и ему было лучше. Сегодня опять снег идет и темно, серо, на точке замерзания, а вчера было 3 градуса мороза.

Еще вечером вчера опять диктовал Л. Н. Павлу Александровичу Буланже свои мысли [18].

10 февраля. Опять сегодня ясный день и 3 градуса тепла, и потому наш дорогой больной опять ночь спал хорошо и менее тоски днем, хотя слабость страшная, температура дошла до 36 и 3. Он ничего сегодня не говорит, ничем не интересуется, тихо лежит, пил три раза понемногу кофе, раз шампанское спросил, впрыскивали два раза камфару. Он спокоен, и на меня нашло спокойствие.

Перечитываю сочинение Льва Николаевича «Христианское учение». И мне кажется все время, что я это все давно, давно, с детства знаю и сама передумала двадцать раз.

«Цель жизни человеческой в желании блага себе и всему существующему. Достичь этого можно только единением людей между собой...» [19]

А кто из нас в раннем еще детстве не испытывал этого чувства, чтоб *всем* было весело и хорошо. Мама веселая, папа смеялся, няне подарили платье, собачку накормили, с Мишей помирился — и так все весело, хорошо, потому что *всем* хорошо.

И вот живешь, вырастаешь. Везде страдания, *всем не хорошо*. На днях газету пересматриваю: в Шемахе землетрясение, погибли в страшных мучениях тысячи людей... Англичане (солдаты) сделали из живых женщин и детей вал и им себя защитили, стреляя в буров, т. е. в отцов, мужей, братьев, сыновей этих самых женщин.

И уж не веришь, что мое горячее детское желание, чтоб всем было хорошо, имело бы какое-нибудь значение, и руки опускаются. Конечно, это не мешает духу стремиться все к тому же, к любви, к богу.

Вечер. Весь день почти Л. Н. спал, вечером подозвал Машу и меня и велел написать Леве, который очень мучился, что огорчил отца своим романом и рекламой, сделанной редактором журнала, что роман написан против толстовцев, следующие слова: «Жалею, что сказал слово, которое огорчило тебя. Человек не может быть чужд другому, особенно когда так близко связан, как я с тобой. О прощении речи не может быть... конечно» [20].

Взволновали мою маленькую душу разные объявления о концертах, об исполнении вещей сочинения Сергея Ивановича, и я, как голодный хочет пищи, вдруг страстно захотела музыки, и музыки Танеева, которая своей глубиной так сильно на меня действовала.

12 февраля. Эти дни Л. Н. очень сонлив, слаб и мало говорит. Вчера спросил у доктора Волкова, как лечат в простонародье таких стариков, как он, впрыскивают ли им камфару, кто их поднимает, чем питают? Волков ему все рассказывал, говорил, что лечат так же, но что поднимают и помогают домашние, а часто соседи.

Вернулся Щуровский, привез свою дочку.

Саша больна. Стало теплей.

Измучилась я и физически и душевно, но бог дает силы, и то благодарю его.

13 февраля. Опять плохо проведенная ночь. Вчера весь день температура держалась около 37; сегодня держится на 36 и 5. Но сегодня большая слабость и сонливость весь день, даже не умывался и сонный едва проглотил две маленькие чашечки кофе, два яйца и один стаканчик молока. Утро я спала, весь день сижу с Левочкой и шью разные подушечки, подстилочки и т. п.

Кончила сегодня перечитывать Левочкино «Христианское учение». Очень хорошо о молитве и будущей жизни [21].

14 февраля. Ночь тревожная. Давно я не была так слаба и утомлена, как сегодня. Опять сердце мое слабеет, и я задыхаюсь.

Читала вчера детям, Варе Нагорновой и барышням свой детский рассказец, еще не конченный, «Скелетцы», и, кажется, понравилось [22].

Относительно Левочки не знаю, что думать: он все меньше и меньше ест, все хуже и хуже проводит ночи, все тише и тише разговаривает. Ослабление это временное ли или уже окончательное — не пойму, все надеюсь, но сегодня опять напало уныние.

Как бы мне хотелось до конца с нежностью и терпением ходить за ним, не считаясь с старыми сердечными страданиями, которые он мне причинял в жизни. А вместе с тем сегодня я горько плакала от уязвленной вечно любви моей и заботе о Льве Николаевиче: спросил он овсянки протертой, я сбегала в кухню, заказала и села около него; он заснул. Овсянка поспела, и когда Л. Н. проснулся, я тихо положила на блюдечко и предложила ему. Он рассердился и сказал, что сам спросит и во всю болезнь пищу, лекарства, питье принимает от других, а не от меня. Когда же надо его поднимать, не спать, оказывать интимные услуги, перевязывать компрессы — он все меня заставляет делать без жалости. И вот с овсянкой я употребила хитрость: позвала к нему Лизу, сама села рядом в комнате, и как только я ушла — он спросил овсянку и стал есть, а я стала плакать.

Этот маленький эпизод характеризует всю мою трудную с ним жизнь. Труд этот состоял в вечной борьбе от его *духа противоречия.* Самые разумные, нежные мои заботы о нем и советы всегда встречались протестом.

15 февраля. Третий день Левочка слабеет и отказывается принимать пищу. Сегодня осложнилось сильной болью в желчном пузыре. Я надела ему с Машей компресс из масла с хлороформом и вместе согревающий; сейчас полегче. Ноги и руки холодеют... Доктора все дают надежду, но сердце болит невыносимо и плохо надеется. Сегодня ночь спал довольно много и хорошо, я дежурила до пяти часов утра, потом меня сменила Лиза. Когда Левочка страдал от колючей боли в правом боку, я нагнулась, поцеловала его в лоб и руки, говорю, что мне так

жаль его, что он опять страдает. Он слабо взглянул на меня, полные слез глаза и тихо сказал: «Ничего, душенька, это хорошо».

И я рада, что сегодня в первый раз увидала в нем не мрачное желание ожить, а покорное смирение. Помоги ему бог, так легче и страдать и умирать.

Больна Саша. Уж и за нее стало страшно. Боже мой, какую мы переживаем мрачную зиму! Два мертворожденных внука, болезнь тяжкая Льва Николаевича — и что еще впереди! Сегодня у Л. Н. температура 36 и 2, а пульс 100. Впрыскивали опять камфару.

Вечером. Получила письмо от петербургского митрополита Антония, увещевающего меня убедить Льва Николаевича вернуться к церкви, примириться с церковью и помочь ему умереть христианином. Я сказала Левочке об этом письме, и он мне сказал, было, написать Антонию, что его дело теперь с богом, напиши ему, что моя последняя молитва такова: «От тебя изошел, к тебе иду. Да будет воля твоя». А когда я сказала, что если бог пошлет смерть, то надо умирать, примирившись со всем земным, и с церковью тоже, на это Л. Н. мне сказал: «О примирении речи быть не может. Я умираю без всякой вражды или зла, а что такое церковь? Какое может быть примирение с таким неопределенным предметом?» Потом Л. Н. прислал мне Таню сказать, чтоб я ничего не писала Антонию [23].

Сейчас у него усилились боли в правом боку, воспаление держится, и завтра поставят мушку.

Туман, свежо; перед Гаспрой стоит в море пароход, и сирены жалобно кричат. Видно, пароходы стоят на якоре и боятся пускаться в туман.

16 февраля. Сегодня Льву Николаевичу немного лучше: он не страдает ничем, лежит тихо, спал и ночью и днем лучше. Боюсь радоваться. Уехал Щуровский, приезжает Сливицкий, бывший земским врачом у Сухотиных, человек немолодой, хороший. С утра погода была ясная, теплая, теперь опять заволокло.

Читала, сидя при спящем Льве Николаевиче, о последних годах жизни Байрона. Много незнакомых имен, эпизодов, много *специального,* но очень интересно. Какой был сильный, значительный человек и поэт. Как правильно относился ко многим вопросам, и теперь еще не дозрев-

шим в обществе. Трогательная кончина и друга его Шелли, утонувшего в море, и его самого, преследующего в Греции цель общего умиротворения.

Удивительно, как бескорыстны доктора: ни Щуровский, ни Альтшуллер, ни бедный, но лучший по доброте из трех — земский врач Волков, никто не берет денег, а все отдают и время, и труд, и убытки, и бессонные ночи. Сегодня поставили мушку к правому боку.

Вечером разломило мой затылок, голова совсем не держится, я прилегла на диване в комнате, где лежит Лев Николаевич. Он меня кликнул. Я встала, подошла. «Зачем ты лежишь, я тебя так не позову»,— сказал он. «У меня затылок болит, отчего же ты не позовешь, ведь ночью ты же зовешь меня?» И я села на стул. Он опять кликнул. «Поди в ту комнату, ляг, зачем ты сидишь?» — «Да ведь нет никого, как же я уйду?» Пришел в волнение, а у меня чуть не истерика, так я устала. Пришла Маша, я ушла, но захватила дела со всех сторон: бумаги деловые от артельщика из Москвы, повестки, переводы. Все надо было вписать в книгу, подписать и отправить. Потом Саше компресс, потом прачке и повару деньги, записки в Ялту...

19 февраля. Несколько дней не записывала, очень труден уход, времени остается мало, едва на хозяйство и нужные дела и письма.

Бедный мой Левочка все лежит слабенький, все томится продолжительной болезнью. Приехал 17-го вечером Сливицкий, доктор, жить пока постоянно. Приезжают всякий день Волков и Альтшуллер; впрыскивают ежедневно камфару, дают Nux vomica. Пьет Л. Н. очень охотно, до четырех сегодня полубутылочек кефира. Находят доктора, что очень туго разрешается воспаление правого легкого. Но меня больше всего смущает ежедневная лихорадка. Утром температура 36 и 1, к шести часам вечера — уже 37 и 5. Так было вчера и сегодня.

Татарин пришел на поклон, с желанием здоровья, принес феску и чадру в подарок; и Л. Н. даже померил феску. А третьего дня ночью опять позвал Буланже и диктовал ему свои мысли [24]. Какая потребность умственной работы!

Лиза Оболенская не уезжает, остается ухаживать за Львом Николаевичем, и меня это тронуло.

20 февраля. Вчера было лучше, температура дошла только до 37 и 1, сам Л. Н. бодрее. Вчера говорит доктору Волкову: «Видно, опять жить надо». Я спрашиваю: «А что, скучно?» Он оживленно вдруг сказал: «Как скучно? Совсем нет, очень хорошо». Вечером очень заботился о том, что я устала, жал мне руку, нежно на меня смотрел и говорил: «Спасибо, душенька, очень хорошо».

22 февраля. Льву Николаевичу лучше, температура утром 36 и 1, вечером — 36 и 6. Впрыскивают камфару, а мышьяк второе утро. Уехал сегодня Буланже, с неохотой возвращаясь к семье. Какое это несчастье иметь и не любить семью. Остаются одни трудности.

Продолжаю сидеть ежедневно всю ночь до пятого часа утра, а потом от утомления и спать не могу. Весь день сижу, шью в комнате больного, которого всякий малейший шорох раздражает. Хозяйство здесь трудно и скучно по дороговизне. Написала несколько слов в ответ на письмо митрополита Антония [25]. Больна все Саша, острый перепончатый колит; кроме того, ухо и зубы болят. Холодно, снег шел.

Получила от Бутенева письмо с предложением отказаться от звания попечительницы приюта, так как я отсутствую и не могу быть полезна приюту [26]. Посмотрим, кого выберут и как поведут свои дела.

23 февраля. Опять плохая ночь. К вечеру поднялась температура до 37 и 4, а пульс доходил до 107, но скоро перешел на 88, 89.

Ночью позвал меня: «Соня?» Я подошла. «Сейчас видел во сне, что мы с тобой едем в санках в Никольское».

Утром он мне сказал, что я очень хорошо за ним ночью ходила.

25 февраля. Первый день великого поста. Так и хочется этого настроения спокойствия, молитвы, лишений, ожидания весны и детских воспоминаний, которые возникали в Москве и Ясной с наступлением великого поста.

А здесь все чуждо, все безразлично.

Лев Николаевич приблизительно все в том же положении. Сам он пободрей, спал ночью от 12 до 3 в первый раз без просыпаний; в 5 часов утра я ушла спать, и он плохо провел остальную ночь. Утром читал газеты и пи-

тересовался полученными письмами, но неинтересными. Двое увещевают вернуться к церкви и причаститься,— и раньше были такие письма,— двое просят сочинения даром, два иностранных выражают чувства восторга и уважения. Получила и я письмо от княжны Марии Дондуковой-Корсаковой, чтоб я обратила Л. Н. к церкви и причастила [27].

Вывели,— помогли выйти Л. Н. из церкви эти владыки духовные, а теперь ко мне подсылают, чтобы я его вернула. Какое недомыслие!

Серо, холодно, ветер. Отвратительный весь февраль, да и вообще климат очень нездоровый и дурной. Саше лучше.

27 февраля. Вчера ничего не писала, с утра уже я заметила ухудшение в состоянии Льва Николаевича. Он плохо накануне спал, вчера день весь мало ел, посреди дня поднялась температура до 37 и 5, а к ночи стала 38 и 3. И опять ужас напал на меня: когда я считала этот ужасный, быстрый, до 108 ударов в минуту, с перебоями пульс, со мной чуть дурно не сделалось от этой сердечной angoisse, которую я уже столько раз переживала за эту зиму.

Но ночь спал Л. Н. недурно, к 3-м часам температура стала опять 37 и 5, а к утру сегодняшнего дня дошла до 36 и 1. Опять явилась бодрость, аппетит. Он читал даже газету, пил опять охотно кефир, три раза поел.

Сережа удивительно бодро, кротко и старательно ходил за отцом всю ночь. Лев Николаевич мне говорил: «Вот удивительно, никак не ожидал, что Сережа будет так чуток, так внимателен», и голос задрожал от слез.

Сегодня он мне говорит: «Теперь я решил ничего больше не ждать, я все ждал выздоровления, а теперь, что есть сейчас, то и есть, а вперед не заглядывать». Сам Л. Н. напоминает дать ему дигиталис или спросит градусник померить температуру. Пьет опять шампанское, позволяет себе впрыскивать камфару.

28 февраля. Сейчас десять с половиной часов вечера, у Льва Николаевича опять жар, 38, и пульс плох, с перебоями, и опять страшно. Сегодня он Тане говорил: «Хороша продолжительная болезнь, есть время к смерти приготовиться».

Еще он сегодня же ей сказал: «Я на все готов: и жить готов, и умирать готов».

Вечером гладил мои руки и благодарил меня. Когда я ему меняла одеяло, он вдруг рассердился, ему холодно показалось. И, верно, после он пожалел меня.

С утра он ел, просмотрел газету, к вечеру же очень ослабел.

Страшная буря, 1 градус мороза, ветер стучит, воет, трясет рамы.

Пролила чернила и все испачкала.

4 марта. Льву Николаевичу день ото дня лучше. Слушали доктора, нашли еще крупные хрипы. Диктовал мне вчера вечером ответное письмо Бертенсону[28] и ежедневно диктует кому-нибудь письма открытые Буланже[29]. Прекрасный человек этот Буланже, ходил за Л. Н. как сын, а какое-то у меня к нему брезгливое чувство, прямо почти физическое, отталкивающее. Вообще редко мужчины бывают симпатичны.

5 марта. Льву Николаевичу лучше; температура утром 35 и 7, вечером — 36 и 7. Доктора находят все еще какие-то хрипы, а так, если не знать о них, то все нормально. Аппетит такой огромный, что Лев Николаевич никак не дождется, когда ему время обеда, завтрака и проч. Кефиру он выпил за сутки три бутылочки. Сегодня просил повернуть кровать к окну и смотрел на море. Очень он худ и слаб еще. Ночи плохо спит и очень требователен: раз пять в час позовет, то подушку поправить, то ногу прикрыть, то часы не так стоят, то кефиру дай, то спину освежи, посидеть, за руки подержись... Только приляжешь на кушетку, опять зовет.

Ясный день, лунные ночи, а я мертвая, как мертва здешняя каменная природа и скучное море. Птички все пели у окна, и почему-то ни птицы, ни жужжащая у окна муха, ни луна не принадлежат Крыму, а все же напоминают яснополянскую или московскую весну, а муха — жаркое лето в рабочую пору, а луна — наш хамовнический сад и мои возвращения с концертов...

6 марта. Ужасно проведенная прошлая ночь. Тоска в теле, в ногах, в душе, и все не по нем, а главное, что меня огорчило в Льве Николаевиче, это то, что он — оговариваясь, что это дурно, — роптал на то, что выздо-

ровел. «Я все думаю, зачем я выздоровел, лучше бы уж умер».

День он провел в апатии, я все так же сижу при нем весь день, только ушла во флигель в первый раз поиграть немного свои любимые вещи... Но нет, и этого уж не могу.

7 марта. Испугались сегодня ужасно, пульс вдруг среди дня забил 108 ударов в минуту, а сам Лев Николаевич в апатии с утра, не сидел, не умывался и почти не обедал, только утром поел с аппетитом. Температура выше 36 и 8 не поднималась, к вечеру было даже меньше. Заболела печень, положили компресс и на живот и на легкие.

Погода эти три дня ясная, но fond de l'air * холодный. С утра было 4—5 градусов тепла и ветер. Но солнце жжет, почки надулись, птицы поют.

8 марта. С утра встала совсем больная: болит под ложечкой, спина, хотя Л. Н. сегодня ночь провел очень хорошую, спал больше других ночей.

Тяжелая сцена с Сережей. Ужасный у него характер: вздорный, крикливый, так и лезет, чтоб chercher querelle **. Я сегодня взяла кофе и ушла в гостиную, а то опять со мной сделалась бы истерика, как было на днях, потому что Сережа кричит до тех пор на человека, пока тот не выдержит. Все вышло из-за кресла Льву Николаевичу: Сережа говорит, что надо в Одессу телеграфировать, но куда и кому — он не знает. Я говорила, что надо прежде знать, какое кресло, и подробно написать об этом в Москву. И он на это разозлился и стал кричать.

10 марта. В первый раз я вышла погулять, и сразу меня поразила совершенная весна. Трава — как у нас в России в мае. Примулы цветут пестрые, одуванчики и глухая крапива кое-где. На деревьях готовится цвет и почки. Яркое солнце, синее небо и море, и птицы, эти милые создания, везде поют.

Льву Николаевичу с хорошей погодой стало значительно лучше. Температура сегодня 35 и 9, пульс 88.

---

* воздух *(франц.)*.

** поссориться *(франц.)*.

Аппетит огромный, и кефир пьет все с наслаждением день и ночь. Читает газеты и письма, но что-то не весел.

Вчера уехала Лиза Оболенская и доктор Сливицкий. Ночевал у Л. Н. армянин доктор [30], сосланный, и я опять до четырех с половиной часов, потом Таня.

11 марта. Лев Николаевич поправляется. Была в Ялте, ясно, небо и море голубые, птицы поют, трава лезет всюду; деревья еще голы, только кое-где миндаль цветет. Вечером сидела с Л. Н., он говорит: «Я все стихи сочинял, перефразировал:

Все мое, сказало злато,

а я говорил:

Все сломлю, сказала сила,
Все взращу, сказала мысль» [31].

Обтерли все его тело спиртом с теплой водой, уложили спать в десять часов.

12 марта. Льву Николаевичу медленно, но лучше. Сегодня он читал «Вестник Европы», газеты, интересовался московскими новостями от приехавшего из Москвы Левы Сухотина. Был доктор Альтшуллер и думает еще мушку поставить.

Сидела упорно весь день дома и шила, вставая только для услуг Льву Николаевичу. С утра я его всегда сама умываю, кормлю завтраком, причесываю. Сегодня к вечеру температура 36 и 8, но он хорошо ел и скоро заснул. Поправляется он несомненно, но пульс все от 89—88 до 92.

13 марта. Стало тепло, 13 градусов тепла в тени, и шел теплый дождь. Льву Николаевичу все лучше и лучше. Все продолжаю свое дежурство до 5 часов утра; вчера сменяла Саша, сегодня сменит Таня.

Прочла вчера вечером поздно перевод статьи Эмерсона «Высшая душа». Мало нового я нашла в этом сочинении, все давно сказано и лучше у древних философов. Между прочим, рассуждение, что всякий *гений* гораздо ближе в общении с умершими философами, чем с живущими близкими семейного очага. Довольно наивное заключение [32]. Разумеется, когда отпадает земная, *материальная* жизнь, то остаются после умерших философов только их записанные мысли. Так не только гении,

но мы все, простые смертные, читая эти мысли, приходим в общение с умершими мыслителями гораздо ближе, чем даже с гениями, но живущими. Живые гении, пока они не сбросили с себя материальную оболочку и не перешли своими произведениями в историю, созданы для того, чтоб поглощать все существование этих, якобы не понимающих их близких домашнего очага.

Гению надо создать мирную, веселую, удобную обстановку, *гения* надо накормить, умыть, одеть, надо переписать его произведения бессчетное число раз, надо его любить, не дать поводов к ревности, чтоб он был спокоен, надо вскормить и воспитать бесчисленных детей, которых гений родит, но с которыми ему возиться и скучно и нет времени, так как ему надо общаться с Эпиктетами, Сократами, Буддами и т. п. и надо самому стремиться быть ими.

И когда близкие домашнего очага, отдав молодость, силы, красоту — *все* на служение этих гениев, тогда им упрекают, что они не довольно *понимали гениев*, а сами гении и спасибо никогда не скажут, что им принесли в жертву не только свою молодую, чистую жизнь материальную, но атрофировали и все душевные и умственные способности, которые не могли ни развиваться, ни питаться за неимением досуга, спокойствия и сил.

Служила и я, сорок лет скоро, *гению* и знаю, как сотни раз поднималась во мне умственная жизнь, всякие желания, энергия, стремление к развитию, любовь к искусствам, к музыке... И все эти порывы я подавляла и глушила и опять, и опять, и теперь, и так до конца жизни буду так или иначе служить своему *гению*.

Всякий спросит: «Но для чего тебе, ничтожной женщине, нужна была эта умственная или художественная жизнь?»

И на этот вопрос я могу одно ответить: «Я не знаю, но вечно подавлять ее, чтоб материально служить гению,— большое страдание». Как бы ни любить того человека, которого люди признали *гением,* но *вечно* родить, кормить, шить, заказывать обед, ставить компрессы и клистиры, тупо сидеть молча и ждать требований материальных услуг — это мучительно, а за это ровно ничего, даже простой благодарности не будет, а еще найдется многое, за что будут упрекать. Несла и несу я этот непосильный труд — и устала.

Вся эта тирада на непонимание гениев своими домашними у меня вылилась с досады на Эмерсона и на всех тех, которые со времен Сократа и Ксантиппы писали и говорили об этом.

Когда между женой гения и им существует настоящая любовь, как было между нами с Львом Николаевичем, то не нужно жене большого ума для понимания, нужен *инстинкт сердца,* чутье любви — и все будет понято, и оба будут счастливы, как были мы. Я не замечала всю жизнь своего труда — служения гениальному мужу, и я почувствовала больше этот труд, когда после чтения дневников моего мужа я увидала, что для большей своей славы он всюду бранил меня; ему нужно было *оправдать* как-нибудь свою жизнь в роскоши (относительно) со мной. Это было в год смерти моего Ванечки, когда я огорченной душой больше примкнула к мужу — и жестоко разбилась сердцем и разочарованием в нем.

15 марта. Прошлую ночь провел Л. Н. без сна, тоска в ногах, в животе. Температура утром была 36 и 1, вечером 36 и 5. Пульс 86. День он был вял, просматривал газеты и письма, диктовал письмо Лизе Оболенской [33], мало разговаривал.

Ездила с Машей и Колей от моря, туда пришла с Юлией Ивановной. Волны, прибой, зеленые оттенки. Невесело, ничто не трогает. Никакой весны тут не чувствуешь. То ли дело наша русская, торжественная весна, тронутся снега и льды, взломаются реки, потекут потоки, прилетят птицы, и вдруг все, точно чудом, зазеленеет, зацветет, заживет... Здесь же немного теплей, чуть-чуть позеленей в парках, а то все те же камни, те же корявые деревья, безжизненная почва и волнующее море.

Шила опять много.

19 марта. Жизнь так однообразна, что нечего записывать. Болезнь Л. Н. почти прошла, осталась слабость и иногда маленькое повышение до 37 градусов температуры. Пульс утром 80, после еды 92—96. Аппетит большой, но ночи тревожные.

Относительно его расположения духа одно очевидно, что он мрачно молчалив. Беспрестанно застаю его сосредоточенно считающим удары пульса. Сегодня, бедненький, смотрел в окно на солнце и все просил меня хоть на минутку отворить дверь террасы, но я не решилась, боюсь.

5 апреля. Еще прошло много времени с малыми событиями. Уехали 30 марта Таня и ее семья; 24-го приехал Андрюша. Здоровье Л. Н. почти в том же положении, только пульс очень учащен эти последние три дня. Лечения всякого — без конца: впрыскивают мышьяк со 2 апреля; сегодня электричеством живот лечили. Принимал Nux vomica, теперь магнезию, а на ночь висмут с кодеином и эфирно-валериановые капли. Ночи — вначале все тревожные, болит живот и ноги. И вот приходится растирать ноги, и это мне очень тяжело: спина болит, кровь к лицу приливает и делается истерическое состояние. Вообще все отрицалось, когда здоровье было хорошо, а при первой серьезной болезни — все пущено в ход. По три доктора в день собираются почти через день; уход трудный, и много нас, и все утомлены и заняты, и жизнь личная всех нас поглощена болезнью Л. Н. Лев Николаевич прежде всего писатель, излагатель мыслей, но на деле и в жизни он слабый человек, много слабее нас, простых смертных. Меня бы мучило то, что я писала и говорила одно, а живу и поступаю совершенно по-другому; а его это, кажется, не очень тревожит. Лишь бы не страдать, лишь бы жить, выздороветь... Какое внимание ко времени приемов лекарств, перемены компресса, какое старание питаться, спать, утолять боль.

Убийство министра внутренних дел Сипягина очень взволновало Л. Н.[34]. Зло родит зло, и это действительно ужасно. Сегодня Л. Н. долго писал письмо великому князю Николаю Михайловичу и опять излагал ему, как и в письме государю, свои мысли о земельной собственности по системе Henry George'а. Писал ему и о том, что убийство Сипягина может повлечь дальнейшее зло и надо прекратить его, переменив систему управления Россией [35].

Вчера и сегодня играла во флигеле, одна, очень приятно, часа два с лишком.

Погода отвратительная: буря, холодный ветер, все эти дни 4 градуса тепла днем. Сегодня 7 градусов. Из дома не выхожу, шью, читаю, глаза плохи.

13 апреля. Суббота, вечер накануне Светло-Христова воскресения, и, боже мой! какая невыносимая тоска. Сижу одинокая наверху, в своей спальне, рядом внучка Сонюшка спит. А внизу, в столовой, идет языческая, несимпатичная мне сутолока. Играют в винт, выкатили туда

в кресле Льва Николаевича, и он с азартом следит за Сашиной игрой.

Я очень одинока. Дети мои еще деспотичнее и грубо настоятельнее, чем их отец. А отец так умеет неотразимо убеждать в парадоксах и лживых идеях, что я, не имея ни его ума, ни его prestige'а, совершенно бессильна во всех своих требованиях. Он меня крайне огорчает своим настроением. С утра, весь день и всю ночь, он внимательно, час за часом выхаживает и заботится о своем теле. Духовного же настроения я не усматриваю никакого решительно. Бывало, он говорил о смерти, о молитве, об отношении своем к богу, к вечной жизни. Теперь же я с ужасом присматриваюсь к нему и вижу, что следа не осталось религиозности. Со мной он требователен и неласков. Если я от усталости что неловко сделаю, он сердито и брюзгливо на меня крикнет.

11 мая. Мне совестно, что я как бы с недобрым чувством к Левочке и своим семейным писала свой последний дневник. Мне было досадно за отношение к страстной неделе всех моих, и я, вместо того чтоб помнить только себя в смысле греховности, перенесла досаду на близких. «Даждь мне зрети прегрешения мои и не осуждати брата моего...»

Сколько прошло уже с тех пор времени, и как тяжело, ужасно опять то, что мы переживаем!

После своей последней болезни, воспаления в легких, Л. Н. начал поправляться, ходил с палочкой по комнатам, отлично питался, и варил желудок.

Маша мне предложила поехать по делам в Ясную и Москву, так как очень нужно это было. Подумав, я решила ехать на возможно короткий срок и выехала 22 апреля утром.

Поездка моя вполне была успешна и приятна. Пробыла я день в Ясной Поляне, куда приезжал и Андрюша. Погода была прелестная, я так люблю раннюю весну с нежной зеленью, с надеждой на что-то хорошее, свежее, новое... Усердно занялась счетами, записями, прошлась с инструктором по всем яблочным садам, посмотрела скотину и на заходе солнца пошла в Чепыж. Медунчики, фиалки цвели, птицы пели, солнце за срубленный лес садилось, и природа, чистая, независимая от людских жизней и тревог природа доставила мне огромное наслаждение.

В Москве порадовало меня отношение ко мне людей. Такое дружеское, радостное, точно все мне друзья. Даже в магазинах, банках и везде меня приветствовали так хорошо после долгого отсутствия.

Устроила успешно дела, побывала на передвижной выставке [36] и на выставке петербургских художников; побывала на экзаменационном спектакле и слушала Моцарта, веселую музыку оперетки «Cosi fan tutti» [37]. Повидала много друзей, собрала в воскресенье свой маленький любимый кружок: Масловы, Маруся, дядя Костя, Миша Сухотин, Сергей Иванович, который мне играл Аренского мелкие вещи, сонату Шумана и свою прелестную симфонию, которая больше всего мне доставила удовольствия.

Удовлетворенная, успокоенная, я поехала обратно в Гаспру, надеясь и судя по ежедневным телеграммам, что все там благополучно. Мне казалось таким удовольствием прожить еще месяц май в Крыму, радуясь на поправление Льва Николаевича. И вдруг, возвратившись 1 мая вечером в Гаспру, я узнаю, что у Л. Н. жар второй или третий день по вечерам. И вот пошло ухудшение со дня на день. Жар ежедневно повышался, и наконец обнаружился брюшной тиф. Все эти дни и ночи — сплошное для всех страдание, страх, беспокойство. До сих пор сердце выдерживало хорошо болезнь; но прошлую ночь, с 10-го на 11-е, при температуре, доходившей раньше до 39 градусов, а сегодня 38 и 6, пульс вдруг стал путаться, ударов счесть невозможно, что-то ползучее, беспрестанно останавливающееся было в слабом, едва слышном пульсе. Я сидела у постели Левочки всю ночь, Колечка Ге приходил и уходил, отказываясь неуменьем следить за пульсом. В два часа ночи я позвала живущего у нас доктора Никитина. Он дал строфант, побыл и ушел спать. В четыре часа ночи я ощупала опять пульс, и улучшения не было. Тогда дала кофе с двумя чайными ложками коньяку и впрыснули камфару. К утру пульс стал получше, сделала обтирание, температура упала до 36 и 7.

Теперь Лев Николаевич тихо лежит тут же, в этой большой мрачной гаспринской гостиной, а я пишу за столом. В доме мрачно, тихо, зловеще.

Состояние духа Л. Н. слезливое, угнетенное; но умирать ему страшно не хочется. Вчера он все-таки сказал на мой вопрос, каково его внутреннее настроение: «Устал,

устал ужасно и желаю смерти». Но он усиленно лечится и сам следит за пульсом и лечением. По утрам, когда легче, он следит за газетами, просматривает письма и присылаемые книги.

Сегодня приезжает из Москвы доктор Щуровский, из Кочетов — дочь Таня, Сережа, Ге, Игумнова и Наташа Оболенская и Саша — все ухаживают за больным. Сережа недобр ко мне и тяжел.

13 мая. Льву Николаевичу, слава богу, лучше. Температура равномерно падает, пульс стал лучше. Щуровский уехал вчера. Приехал сегодня сын Илья, приехал П. А. Буланже. Колечка Ге уезжает завтра. В доме суета довольно тяжелая. Сережа невыносим; он выдумывает, на что бы сердиться на меня, и придумал вперед упрекать, что я будто бы хочу везти отца *будущей зимой* в Москву. Как неразумно, зло и бесцельно! Еще Л. Н. не встал от тяжкой болезни, а Сережа уже задумывает, что будет осенью. А какие мои желанья? Я совсем не знаю. Впечатлительность, яркое освещение и понимание жизни, желание покоя и счастья — все это повышенно живет во мне. А жизнь дает одни страданья — и под ними склоняешься.

Живешь *сегодняшним* только днем, и если все хорошо, ну и довольно. Играла сегодня часа два одна во флигеле, пока Л. Н. спал.

15 мая. Неприятность с Сережей не прошла даром. Вчера у меня сделались такие страшные боли во всем животе, что я думала, что я умираю. Сегодня лучше. У Л. Н. тиф проходит, температура вечером после обтирания была 36 и 5, пульс 80. Maximum температуры было сегодня 37 и 3. Но слаб он и жалок ужасно. Мне запретили ходить по лестнице, но я не вытерпела и пошла его навестить. Холодно, 11 градусов.

16 мая. Льву Николаевичу все лучше, температура доходит только до 37 и то неполных. Скучает он, бедный, очень. Еще бы! Пять месяцев болезни.

Получил сегодня письмо от великого князя Николая Михайловича в ответ на свое [38]. Диктовал все о том же, что его теперь больше всего занимает: о неравном распределении земельной собственности и несправедливости владенья землей [39].

Нездорова, слаба, пульс у меня 52. Юлия Ивановна тоже нездорова. После того как я съездила в Москву, еще тяжелей стала жизнь здесь, еще напряженнее, и просто я чувствую, что сломлюсь совсем. Только бы уехать!

22 мая. Лев Николаевич постепенно поправляется: температура нормальная, не выше 36 и 5, пульс 80 и меньше. Он теперь наверху; внизу все чистили и проветривали. Погода дождливая и свежая. Все в доме вдруг затосковали, даже Л. Н. мрачен, несмотря на выздоровление. Всем страшно хочется в Ясную Поляну, а Тане к мужу, Илюше к своей семье. Теперь, когда миновала всякая опасность, если быть искренним до конца,— всем захотелось опять личной жизни. Бедная Саша, ей так законно в ее года этого желать.

Играла и вчера и сегодня одна во флигеле, очень это приятно. Учу усердно трудный scherzo (второй, с пятью бемолями) Шопена. Как хорош, и как он гармонирует с моим настроением! Потом разбирала Rondo Моцарта (второе, la mineur), грациозное и легонькое.

Сегодня лежу и думаю: отчего к концу супружеской жизни часто наступает постепенно некоторое отчуждение между мужем и женой. И общение с посторонними часто приятнее, чем друг с другом. И я поняла — отчего. Супруги знают друг друга *со всех сторон,* как хорошее, так и дурное. Именно к концу жизни умнеешь и яснее все видишь. Мы не любим, чтоб видели наши *дурные* стороны и черты характера, мы тщательно скрываем их от других, показываем только выгодные для нас, и чем умнее, ловчее человек, тем он лучше умеет выставлять все свое лучшее. Перед женою же и мужем это невозможно, ибо видно все до дна. Видна ложь, видна личина, — и это неприятно.

Видела вчера во сне моего Ванечку; он так ласков и старательно меня крестил своей бледной ручкой. Проснулась и плакала. А семь лет прошло с его смерти. Лучшее счастье в моей жизни была его любовь и вообще любовь *маленьких* детей ко мне.

Читаю Фильдинга «Душа одного народа», перевод «The soul of a people». Прелестно. Чудесная глава «О счастии». Насколько буддизм лучше нашего православия, и какой чудесный народ бирманцы! [40]

29 мая. Целую неделю не писала. 25-го, в субботу, уехала к себе в Кочеты Таня. Льва Николаевича снесли вниз и выпустили на воздух, на террасу, в кресле 26-го числа. После этого он ежедневно на воздухе, и силы его быстро возвращаются. Вчера он даже прокатился с Ильей в коляске. Был вчера Ламанский, профессор, и еще какой-то странный человек, говоривший о некультурности крестьян и о необходимости этим заняться. Он прибавлял поминутно: «pardon», и нарочно не выговаривал «р». Лев Николаевич на него досадовал, но когда я его удалила и стала считать пульс, который был 94 удара в минуту, Л. Н. с досадой на меня крикнул при Ламанском: «Ах, как ты мне надоела!» Так и резнуло по сердцу.

Сегодня уехал Илюша, счастливый тем, что был полезен и приятен отцу это время.

Была в Ялте, очень устала, смотрела пароход, ввиду нашего скорого отъезда. Приехав, все сидела с Львом Николаевичем и молча шила. Думала о Нирване, о покое, о той книге, которую только что прочла. Как хорошо быть незлобивыми, как бирманский народ: любить, уважать всякого.

Прелестны зацветшие белые магнолии и лилии.

5 июня. Гаспра. Все еще в Крыму. Время идет быстро, все мы заняты и перестали уже так безумно стремиться домой. Здесь теперь очень хорошо: жаркие ясные дни, лунные прелестные ночи. Сижу сейчас наверху и любуюсь отражением луны в море. Лев Николаевич прохаживает с палочкой, как будто здоров, но худ и слаб еще очень. Мне больно, больно на него часто смотреть, особенно когда он покорно кроток, как все это последнее время. Вчера только раздражался на меня, когда я его стригла и чистила ему голову. По утрам он пишет, кажется, воззвание к рабочим и еще о земельной собственности и иногда переутомляется [41].

3 июня был доктор Бертенсон, нашел Льва Николаевича в хорошем состоянии, кроме кишечника.

11 июня. Сегодня Л. Н. ездил с доктором Волковым кататься в Ай-Тодор, в юсуповский парк и очень любовался. Были: жена Альтшуллера, Соня Татаринова, семья Волкова, Елпатьевский с сыном. Пришла целая толпа чужих и смотрела в окно на Льва Николаевича.

Живем это время хорошо, погода теплая, здоровье Л. Н. довольно успешно идет к лучшему. Ездила два раза верхом, раз в Орианду с Классеном, раз в Алупку с ним же и Сашей. Очень приятно. Играю, шью, фотографирую. Лев Николаевич пишет обращение к рабочим людям, все то же, что и царю, «О земельной собственности». Собираемся ехать 15-го, робею, но рада. Укладываюсь понемногу.

13 июня. Мы, кажется, опять не уезжаем из Гаспры: в России сырость, дожди, холод, 12 градусов только. Потом у Льва Николаевича расстройство желудка. Он так ослабел вообще.

Бедный, я видеть его не могу, эту знаменитость всемирную,— а в обыденной жизни худенький, жалкий старичок. И все работает, пишет свое обращение к рабочим. Я сегодня его все переписала, и так много нелогичного, непрактического и неясного. Или это будет плохо, или еще много придется работать над этой статьей. Несправедливость владения землей богатыми в ущерб полный крестьянам — действительно вопиющая несправедливость. И вопрос этот разрешить быстро нельзя.

15 июня. Вчера приехали Сережа и Буланже. Переписывала опять все утро для Льва Николаевича его статью. Он сегодня гулял, и вообще ему лучше.

17 июня. Кончается тетрадь, надеюсь, и наша жизнь в Крыму. Мы опять не уехали, заболела Саша инфлюэнцей; сегодня ей лучше. Лев Николаевич ездил на резиновых шинах в коляске Юсуповых кататься в Орианду с Буланже. Вечером играл в винт с Сережей, Буланже и Классеном. У него болит коленка и нехорош желудок.

Дурные вести о Маше, опять в ней мертвый ребенок! И это седьмой, просто ужасно. Неприятно с башкирами [42]. Весь день толклись разные посетители.

26 июня. Вчера мы наконец выехали из Гаспры. Результат жизни в Крыму — везем совершенно больную Сашу, у которой две недели жар, и непоправившегося Льва Николаевича.

Вчера на пароходе (в первый раз в жизни) красиво и хорошо. Сегодня едем в роскошном вагоне с салоном,

Саша и Л. Н. лежат утомленные путешествием. Слава богу, завтра будем дома. У Л. Н. болит живот и ноги. Положили компрессы. Писать трудно, трясет.

Уехали в Крым 4 сентября 1901 г. Вернулись в Ясную Поляну 27 июня 1902 г. Дневник в Крыму в особой тетрадке. Возвращаюсь к старой книге, как и к старой жизни. Благодарю бога, что привелось привезти Льва Николаевича еще раз домой! Дай бог больше никуда не уезжать!

27 июня. Ясная Поляна. Сегодня приехали из Крыма. Ехали до Ялты на лошадях, больные — Лев Николаевич и Саша — в коляске Юсуповых на резиновых шинах. Ехали: Лев Николаевич, Саша, я, Сережа-сын, Буланже, Ю. И. Игумнова, доктор Никитин. В Ялте сели на пароход «Алексей». Дамы, букеты, проводы... На пароходе Л. Н. сидел в кресле на палубе, завтракал в общей зале и чувствовал себя хорошо. В Севастополе пересели на ялик, доехали до вокзала опять по заливу моря, солнце ярко светило, было очень красиво. Вагон стоял отдельный для Л. Н. с салоном, большой и удобный. Саша была плоха и жалка, у нее все кишечная болезнь. В Харькове овации, больше все дам. Вошел к нам Плевако, интересно рассказывал свои разные дела. В Курске с выставки народного образования пропасть народа на вокзале. Жандармы толкали публику, входили в вагон депутации от учителей, учительниц и студентов. Пришел и Миша Стахович, Долгоруков, Горбунов, Лодыженский и проч. Хорошие разговоры Плевако и Стаховича.

Радостно было приехать в Ясную, но опять омрачилось. Маша начала мучаться и вечером родила мертвого мальчика.

30 июня. У Льва Николаевича к вечеру жар, 37 и 8, и мы все встревожены. Посидела утром у Маши. Дождь, холодно. Пошли рыжики.

1 июля. Разбирала письма. Дождь льет. Приехали Оболенский Д. Д. и Саломон. Интересные разговоры, Л. Н. участвовал в них охотно. Сегодня ему лучше, температура 37 вечером. Дали 5 гран хинина.

2 июля. Лев Николаевич пьет много кумыса, ходит по комнатам бодро, много пишет по утрам, но еще не выходит, все сыро и свежо. Саше лучше.

3 июля. Приехали и уже уехали Вася Маклаков и Мария Александровна. Сережа и Саломон уехали сегодня утром. Лев Николаевич ходил во флигель навестить Машу, а вечером играл в четыре руки с Васей Маклаковым вторую симфонию Гайдна. Саша принесла рыжиков, их много.

4 июля. Лев Николаевич здоров, дошел до флигеля и обратно. Вечером много разговаривал с своим доктором Никитиным о психиатрах и не одобрял их.

23 июля. С страшной быстротой летит время. 5 июля поехала к Илюше в Калужскую губернию, провела в их Мансурове с внуками, Ильей и Соней, прекрасные два дня. Гуляли, катались по красивой местности и лесам, разговаривали по душе о многом.

7 июля поехала к Мише в Бегичево. Прелестный симпатичный маленький внук Ванечка. Лина деликатная, серьезная и любящая женщина. Миша слишком молод и заносчив, но ненадолго. Пока за них спокойно и радостно, благодарю бога. 8-го ночью вернулась с Мишей в Ясную. Лев Николаевич здоров, но слаб. 10-го у Саши нервный припадок.

11 июля ездили с Сашей на именины Ольги в Таптыково. Провели хороший день, вернулись ночью после ливня.

Заболел серьезно Михаил Сергеевич Сухотин: гнойное воспаление левого легкого. Очень я беспокоилась и жалела Таню и наконец поехала туда в Кочеты 16 июля вечером. Там грустно, чуждо. Очень жалкий, исхудавший Михаил Сергеич, и Таня, измученная, напряженная, ночи все с ним не спит. Пробыла четыре дня, вернулась 21-го утром.

Все свежо, вчера лил дождь, рожь в снопах не свезена. Овес еще не косили. Сейчас вечер, 10 градусов тепла только! Ездила вчера до дождя по всей Ясной Поляне, по посадкам и очень наслаждалась. Как красиво и хорошо везде!

Здоровье Саши поправляется, а Л. Н. все жалуется на плохое состояние желудка. Кумыс его не поправляет, а только расстраивает. Если б было тепло, то пищеварение было бы лучше.

Уход за ним делается все труднее от его отношения к ухаживающим. Когда войдешь к нему помочь или услу-

жить, у него такой вид, что ему помешали или что он ждет, когда уйдут. И точно мы все виноваты, что он стал слаб и хил. И как бы я усердно, терпеливо и внимательно ни ходила за ним, никогда я не слышу слова ласки или благодарности, а только брюзжание. С чужими — Юлией Ивановной, доктором и проч., он учтив и благодарен, а со мной только раздражителен.

26 июля. Хорошо и весело проведенный день. Приехала вся семья Ильи, внуки, Анночка. Гуляли с Зосей Стахович, Сашей; вечером играл Гольденвейзер сонату Шумана и балладу Шопена — прекрасно. Говорили о поэтах, Лев Николаевич упомянул о стихотворении Баратынского «На смерть», и тотчас же принесли книгу, и Зося прочла это прекрасное, высокого слога стихотворение. Потом она же продекламировала стихи Фета на смерть. Лев Николаевич говорил, что у Баратынского отношение к смерти правильное и христианское, а у Фета, Тургенева, Василия Боткина и тому подобных отношение к смерти эпикурейское [43].

У Левы и Доры 22-го родился сын, сегодня была телеграмма.

Лев Николаевич здоров, несмотря на 12 градусов тепла, дождь, сырость. Играл весь вечер в винт, слушал с удовольствием музыку. Пишет по утрам свой роман «Хаджи-Мурат», и я радуюсь этому [44].

27 июля. Музыка продолжает благотворно на меня действовать. Сегодня вечером Гольденвейзер отлично играл сонату Шопена с маршем похоронным. Близко от меня сидел Л. Н., вся зала полна была близкими мне людьми: Илюша, Андрюша, Соня, Ольга, Анночка, Зося Стахович, Мария Александровна. И растроганная музыкой, я почувствовала, как тихая радость входила в мое сердце и как оно наполнилось благодарностью к богу, что еще раз мы все собрались любящие друг друга, счастливые, и среди нас Лев Николаевич живой, сравнительно здоровый... И совестно стало за свои слабости, недовольство, за все то дурное, что портит хорошую жизнь...

С Ильей, Соней и внуками очень приятно. Зося Стахович уехала. Умная, содержательная и сердечная она девушка. Приезжал Андрюша с Ольгой и А. Дьяковым.

Ходили сегодня гулять с Л. Н., Зосей, внуками и Юлией Ивановной до конца деревни, откуда Л. Н. с Мишей поехали в Ясенки и обратно. Весь день был приятный и притом теплый и ясный.

9 августа. Вот как давно опять не писала я дневника! Все время полна заботы о состоянии болезни Сухотина, которому опять хуже. Бедная моя, любимая Таня! Она его слишком любит и трудно ей: просто уход за ним и то тяжелый. Ездила я в Москву 2-го числа, энергично занималась делами, счетами, заказом нового издания [45]. Обедала у Дунаева, гостеприимного и доброго, но всегда мне чуждого человека. Вернулась 3-го домой; приехала из монастыря сестра Машенька. Четвертого я уехала к Масловым. Добрые, ласковые люди. Ужасное впечатление идиота-мальчика в их доме. Сергей Иванович погружен в работу музыкального учебника, хочет его кончить до отъезда в Москву [46]. Просила его поиграть, он отказал, остался упорен, строг, непроницаем и даже неприятен. Что-то в нем грустно-серьезное, постаревшее и чуждое, и мне это было тяжело. Домой вернулась с удовольствием, веселого у Масловых было только катанье по лесам. Вчера приехала Лина с младенцем Ванечкой, а сегодня утром Миша. Вся семья милая, прелестная во всех отношениях. Приезжала вчера и Глебова с дочерью Любой. Здесь племянник Саша Берс, Анночка и Моод [47]. Приехала и Лиза Оболенская. Суетно, но приятно. Сегодня прекрасно прокатились все в катках на Груммонт, много шли пешком. У Льва Николаевича с утра болел живот, и он был очень мрачен. Я входила к нему несколько раз, и он безучастно и даже недовольно принимал меня. К вечеру играл в винт, оживился и даже попросил поесть. Он пишет повесть «Хаджи-Мурат», и сегодня, видно, плохо работалось, он долго раскладывал пасьянс, признак, что усиленно работает мысль и не уясняется то, что нужно. Священники мне посылают все книги духовного содержания с бранью на Льва Николаевича [48]. Не прав и он, не правы и они; у всех крайности и нет *мудрого* и *доброго* спокойствия. Лев Николаевич вообще необыкновенно безучастен ко всем и всему, и как это тяжело! Зачем люди ставят перед собой эту стену, как Л. Н. и как Сергей Иванович? Неужели их труды — умственный и художественный, музыкальный — требуют этой преграды от людей и их участия? А мы, простые смертные, больно

бьемся об эти стены и изнываем в нашем одиночестве, любя тех, кто от нас ограждается. Роль тяжелая, незаслуженная...

День серенький, но теплый и тихий. Яркий закат, лунные ночи.

11 августа. Вчера уехала семья Миши, и вчера же приехала Ольга с Сонюшкой. Что за милая, ласковая и умная девочка! Я очень ее люблю. Уехала Лиза Оболенская, Саша Берс. Приехали Стасов и Гинцбург [49], который лепил bas-relief с Саши — и плохо, непохоже. Я училась, как это делается, и хочу попробовать лепить медальон с Л. Н. и меня.

Стасов громогласен, огромен, ему 78 $^1/_2$ лет, и он выработал манеру говорить всем приятное. Но многое он знает, и старик интересный и значительный.

Ходили вчера все за рыжиками, и я ушла; одиночество в лесу мне было приятно. Вообще же огонек во мне потух, и я откровенно начинаю стареть. Болезнь и дряхлость Льва Николаевича затормозили во мне все порывы, всю живость и энергию жизни; и я так страшно устала! Сегодня у Л. Н. опять болит живот, но он был оживлен и много говорил. Рассказал, как он попросился в Севастополе в *дело*, и его поставили с артиллерией на четвертый бастион, а по распоряжению государя сняли; Николай I прислал Горчакову приказ: «Снять Толстого с четвертого бастиона, пожалеть его жизнь, она стоит того» [50].

Потом рассказывал, что Лесков взял его сюжет рассказа, исказил его и напечатал. Рассказ же Льва Николаевича был следующий: «У одной девушки спросили, какой самый главный человек, какое самое главное время и какое самое нужное дело? И она ответила, подумав, что самый главный человек тот, с кем ты в данную минуту общаешься, самое главное время то, в которое ты сейчас живешь, и самое нужное дело — сделать добро тому человеку, с которым в каждую данную минуту имеешь дело» [51].

Весь день дождь, овес еще в поле, 13 градусов тепла.

28 августа. Рождение Льва Николаевича, ему 74 года. Ходили его встречать на прогулку, он гулял много, но беспрестанно отдыхал. Приехали все четыре сына, пя-

тый — Лева — в Швеции; и Танечка, моя бедная и любимая, тоже не была. Ее муж все болен. Пошло праздновали рождение моего великого супруга: обед на двадцать четыре человека самых разнообразных людей; шампанское, фрукты; после обеда игра в винт, как и все бесконечные предыдущие дни. Лев Николаевич ждет не дождется вечера, чтоб сесть играть в винт. Сашу втянули в игру, и это составляет мое страдание. Из посетителей самый приятный, кроме моих детей, был Миша Стахович и еще Маруся Маклакова.

Прекрасно прожили мы недели две с сестрой Льва Николаевича, Марией Николаевной. Вели религиозные разговоры, играли в четыре руки с увлечением симфонии Гайдна, Моцарта и Бетховена. Я ее очень люблю и огорчалась, что она уехала. Лев Николаевич все жалуется на живот, и живущий у нас доктор Никитин делает ему по вечерам массаж живота, что Л. Н. очень любит. Пишет он усердно «Хаджи-Мурата».

2 сентября. 31 августа приезжали для консилиума два доктора из Москвы: умница и способный, бодрый, живой Щуровский и милый, осторожный и прежде лечивший Льва Николаевича — П. С. Усов. Решили нам зимовать в Ясной, и мне это гораздо более по душе, чем ехать куда бы то ни было. Жизнь здесь, дома, *настоящая.* В Крыму *жизни* нет, и если нет *веселья,* то невыносимо. В Москве мне лично жить легче; там много людей, которых я люблю, и много музыки и серьезных, чистых развлечений: выставки, концерты, лекции, общение с интересными людьми, общественная жизнь. Мне с испорченным зрением трудно занимать себя по длинным вечерам, и в деревне будет просто скучно. Но я сознаю, что Льву Николаевичу в Москве *невыносимо* от посетителей и шума, и потому я с удовольствием и счастьем буду жить в любимой Ясной и буду ездить в Москву, когда жизнь здесь будет меня утомлять.

Жизнь идет тревожно, быстро; занята весь день, даже отдыха в музыке нет. Посетители очень подчас тяжелы, как, например, Гальперины вся семья. Начала лепить медальон профиля Л. Н. и моего. Страшно боюсь, трудно, не училась, не пробовала и очень отчаиваюсь, что не удастся сделать, а хочется добиться, иногда сижу всю ночь, до пятого часа, и безумно утомляю глаза.

10 октября. Давно не писала — и жизнь пролетела. 18 сентября с болью сердца проводила мою Таню с ее семьей в Швейцарию, в Montreux.

Такая она была жалкая, бледная, худая, когда хлопотала на Смоленском вокзале с вещами и сопровождала больного мужа. Теперь от нее известия хорошие — слава богу.

День именин провела тоже в Москве. Было много гостей, прощавшихся с Сухотиными, и Сергей Иванович, которого я случайно увидела на улице и позвала. Он строго серьезен, что-то в нем очень изменилось, и еще он стал более непроницаем.

С 10 сентября на 11-е у нас на чердаке был пожар. Сгорели четыре балки, и если б я не усмотрела этого пожара, по какой-то счастливой случайности заглянув на чердак, сгорел бы дом, а главное, потолок мог бы завалиться на голову Льва Николаевича, который спит как раз в той комнате, над которой горело на чердаке. Мной руководила божья рука, и благодарю за это бога.

Жили все это время спокойно, дружно и хорошо. После ремонта и починок в доме я все почистила, убрала, и жизнь наладилась правильная и хорошая. Лев Николаевич был все это время здоров, ездил много верхом, писал «Хаджи-Мурата», которого кончил [52], и начал писать обращение к духовенству. Вчера он говорил: «Как трудно, надо обличать, а не хочу писать недоброе, чтоб не вызвать дурных чувств» [53].

Но мирная жизнь наша и хорошие отношения с дочерью Машей и ее тенью, т. е. мужем ее Колей, порвались. История эта длинная.

Когда произошел раздел имущества в семье нашей по желанию и распределению Льва Николаевича [54], дочь Маша, тогда уже совершеннолетняя, отказалась от участия в наследстве родителей как в настоящее, так и в будущее время. Я ей не поверила, взяла ее часть на свое имя и написала на этот капитал завещание в ее пользу. Но смерти моей не произошло, а Маша вышла замуж за Оболенского и взяла свою часть, чтоб содержать его и себя.

Не имея никаких прав на будущее время, она почему-то тайно от меня переписала из дневника своего отца 1895 года целый ряд его желаний после его смерти. Там, между прочим, написано, что он страдал от продажи своих сочинений и желал бы, чтоб семья не продавала их

и после его смерти. Когда Л. Н. был опасно болен в июле прошлого, 1901, года, Маша тихонько от всех дала отцу эту бумагу, переписанную ею из дневника, подписать его именем, что он, больной, и сделал[55].

Мне это было крайне неприятно, когда я случайно это узнала. Отдать сочинения Л. Н. в *общую* собственность я считаю дурным и бессмысленным. Я люблю свою семью и желаю ей лучшего благосостояния, а передав сочинения в общественное достояние, мы наградим богатые фирмы издательские, вроде Маркса, Цетлина и другие. Я сказала Л. Н., что если он умрет раньше меня, я *не* исполню его желания и *не* откажусь от прав на его сочинения; и если б я считала это хорошим и справедливым, я *при жизни* его доставила бы ему эту радость отказа от прав, а после смерти это не имеет уже смысла для него.

И вот теперь, предприняв издание сочинений Льва Николаевича, по его же желанию оставив право издания за собой и не продав никому, несмотря на предложения крупных сумм за право издания[56], мне стало неприятно, да и всегда было, что в руках Маши бумага, подписанная Львом Николаевичем, что он не желал бы продажи его сочинений после его смерти. Я не знала содержания точного и просила Льва Николаевича мне дать эту бумагу, взяв ее у Маши.

Он очень охотно это сделал и вручил мне ее. Случилось то, чего я никак не ожидала: Маша пришла в ярость, муж ее кричал вчера бог знает что, говоря, что они с Машей собирались эту бумагу *обнародовать* после смерти Льва Николаевича, сделать известной наибольшему числу людей, чтоб все знали, что Л. Н. не хотел продавать свои сочинения, а жена его продавала.

И вот результат этой истории тот, что Оболенские, т. е. Маша с Колей, уезжают из Ясной.

23 октября. С Машей помирились, она осталась жить во флигеле Ясной Поляны, и я очень этому рада. Все опять мирно и хорошо. Пережила тяжелое время болезни Л. Н. У него от 11 до 22 октября болела сильно печень, и мы все жили под угрозой, что сделается желчная колика очень сильная; но, слава богу, этого не случилось. Его доктор Никитин очень разумно лечил, делал ванну, горячее на живот, и со вчерашнего дня гораздо лучше.

Еще больше я испугалась, что у Доры в Петербурге сделался нефрит. Но и ей лучше.

Осень невыносимо грязная, холодная и сырая. Сегодня шел снег.

Лев Николаевич кончил «Хаджи-Мурата», сегодня мы его читали: строго эпический характер выдержан очень хорошо, много художественного, но мало трогает. Впрочем, прочли только половину, завтра дочитаем.

Убирала и вписывала с Абрикосовым книги в каталоги. Очень устала.

4 ноября. Все бы хорошо, если б не нездоровье Льва Николаевича. Сегодня такой у него слабый голос, и весь он особенно угнетен нынче. Болезнь печени, начавшаяся с 11 октября, и то ухудшаясь, то улучшаясь, продолжается и не проходит. Сегодня мне особенно тревожно и грустно. Такой он старенький, дряхлый и жалкий — этот великий и столь любимый мною человек.

Очень морозно, ночью было 15 градусов мороза, почти без снега. Девочки — Саша и Наташа Оболенская и их маленькие ученицы — расчищали каток, катались на коньках. Тут же были два молодых врача: наш Никитин и приезжий Аршеневский. Яркое солнце, голубое небо... Не хотелось ни кататься, ни что-либо делать, все мучаюсь болезнью Льва Николаевича.

Шла домой вверх по проспекту, и вдруг ясно представилось мне далекое прошлое, когда по этой же самой аллее, возвращаясь с катка, на одной руке на гору несла ребенка, отворачивая его от ветра и прикрывая ротик, другой везла салазки с другим ребенком, и впереди и сзади шли веселые, румяные оживленные дети, и так полна была жизнь, и как я их страстно любила... А навстречу нам шел Лев Николаевич, тоже веселый, бодрый, опоздавший на каток, записавшись долго.

Где теперь эти маленькие, с любовью выхоженные дети? Где этот силач — веселый, бодрый Левочка? Где я, такая, какой я была тогда? Грустно на старом пепелище отжитой счастливой жизни! И если б я чувствовала себя старой, мне было бы легче. Но та же энергия, то же здоровье, та же мучительная впечатлительность, которая глубокими бороздами врезывает в мои воспоминания все периоды пережитой и переживаемой жизни. Только бы получше жить, поменьше накоплять *виноватости* перед всеми людьми, тем более перед близкими.

8 ноября. Живем изо дня однообразно, тихо. Не жизнь забирает и *заставляет* быть деятельной, а нужно ее чем-нибудь *занимать,* заполнять. Прежде ее на непосредственное, нужное дело недоставало. Как все переменилось! Деревенской жизнью и настроением руководит значительно погода. Вчера светило солнце, и мы все были оживлены, катались на коньках, и я с девочками — Сашей, Наташей Оболенской и их ученицами — бодро каталась на коньках. Еще с азартом катался П. А. Буланже, и его преувеличенный восторг и движения слабого физически, но энергического человека, и его спина — все это возбуждало во мне какую-то брезгливость. Я вообще не люблю мужчин, они все мне всегда были физически чужды и противны, и долго надо мне любить в человеке его душу и талант, чтоб он стал мне дорог и чтоб я всячески полюбила его. Таких во всей моей пятидесятивосьмилетней жизни было три, из коих, конечно, главным был мой муж.

Но и он!.. Сегодня по поводу романа Paul Marguerite зашла речь о разводе. Лев Николаевич говорит, что «зачем французам развод, они и так не стесняются в брачной жизни». Я говорю, что развод иногда необходим, и привожу пример Л. А. Голицыной, которую муж бросил для танцовщицы через три недели после свадьбы и с цинизмом сказал ей, что он *женился,* чтоб ее иметь как любовницу, так как иначе он не мог бы ее получить.

Лев Николаевич на это сказал, что, стало быть, брак есть церковная печать на прелюбодеяние. Я возразила, что только у дурных людей. Он неприятно начал спорить, что у *всех.* А что же настоящее? На это Л. Н. сказал: «Как взял женщину в первый раз и сошелся с ней — то и брак».

И мне так вдруг тяжело уяснился и наш брак с точки зрения Льва Николаевича. Это голое, ничем не скрашенное, ни к чему не обязывающее половое соединение мужчины и женщины — это Л. Н. называет браком, и для него безразлично, помимо этого общения, кто та, с которой он сошелся.

И когда Лев Николаевич начал говорить, что брак должен быть один, с первой женщиной, с которой пал,— мне стало досадно.

Идет снег, кажется, установится путь. Просматривала корректуру «Казаков»[57]. Как хорошо написана

эта повесть, какое уменье, какой талант. Насколько гениальный человек лучше в своих творениях, чем в жизни!

Теперь Лев Николаевич пишет статью «К духовенству». Я еще ее не читала, но сегодня он ее кончил и посылает в Англию Черткову[58]. Сейчас он играет в винт с докторами и Оболенскими: Машей и Колей.

25 ноября. Чувствую все бо́льшее и бо́льшее одиночество среди своей, оставшейся около меня, семьи. Сегодня вернулась из Москвы, и вечером Л. Н. читал приехавшему из Крыма доктору Елпатьевскому свою легенду о дьяволах, только что сочиненную и написанную им[59].

Это сочинение пропитано истинно дьявольским духом отрицания, злобы, глумления над всем на свете, начиная с церкви. Те же якобы христианские мысли, которые Л. Н. вкладывает в эти отрицательные разговоры чертей, облечены в такие грубые, циничные формы, что во мне от этого чтения поднялось болезненное негодование; меня всю бросило в жар, мне хотелось кричать, плакать, хотелось протянуть перед собой руки, защищаясь от дьявольского наваждения.

И я горячо, с волнением высказала свое негодование. Если мысли, вложенные в эту легенду, справедливы, то к чему нужно было нарядиться в дьяволов, с ушами, хвостами и черными телами? Не лучше ли семидесятипятилетнему старцу, к которому прислушивается весь мир, говорить словами апостола Иоанна, который в дряхлом состоянии, не будучи в силах говорить, твердил одно: «Дети, любите друг друга!» Сократу, Марку Аврелию, Платону, Эпиктету не нужно было привязывать уши и хвосты чертей, чтоб изрекать свои истины. А, может быть, современному человечеству, которому так умеет потрафлять Л. Н., этого-то и нужно.

А дети — Саша, еще неразумная, и Маша, мне чуждая,— вторили адским смехом злорадствующему смеху их отца, когда он кончил читать свою чертовскую легенду, а мне хотелось рыдать. Стоило оставаться жить для *такой* работы! Дай бог, чтобы не она была последняя; дай бог смягчиться его сердцу!

7 декабря. Опять отчаяние в душе, страх, ужас потерять любимого человека! Помоги, господи!.. У Льва Николаевича жар, с утра сегодня 39, пульс стал плох, силы

слабеют... Что с ним, единственный доктор, который при нем, не понимает.

Выписали тульского Дрейера и из Москвы Щуровского, ждем сегодня. Телеграфировали сыновьям, но никого еще нет.

Пока еще есть надежда и я не потеряла силы, опишу все, как было.

4 декабря с утра было 19 градусов мороза и был северный ветер, потом стало 13 градусов. Лев Николаевич встал как обычно, занимался, пил кофе. Я хотела послать телеграмму имениннице Варваре Ивановне Масловой и взошла спросить Л. Н., не нужно ли ему что в Козловке. Он сказал: «Я сам пойду». «Нет, это невозможно, сегодня страшно холодно, надо считаться с тем, что у тебя было воспаление в легких»,— уговаривала я его. «Нет, я пойду», — настаивал он. «А я все-таки пошлю с кучером телеграмму, чтоб ты не счел нужным ради телеграммы дойти, если ты устанешь», — сказала я ему и вышла. Он мне вслед еще закричал, что пойдет на Козловку, но я кучера услала.

К завтраку Льва Николаевича я пришла с ним посидеть. Подали овсянку и манную молочную кашку, а он спросил сырники от нашего завтрака и ел их вместо манной каши. Я заметила, что при питье Карлсбада, который он пьет уже недели четыре, сырники тяжело, но он не послушался.

И после завтрака он ушел один гулять, прося выехать на шоссе. Я и думала, что он сделает свою обычную прогулку на шоссе. Но он молча пошел на Козловку, оттуда своротил в Засеку — всего верст 6 — и вышел на шоссе, надел ледяную шубу сверх своего полушубка и поехал, разгоряченный и усталый, домой, при северном ветре и 15 градусах мороза.

К вечеру он имел вид усталый. Приезжал Миролюбов, редактор «Журнала для всех», просил своей подписью участвовать в Комитете в память двухсотлетия печати. Лев Николаевич отказал, но много с ним беседовал. Ночь он спал.

На другое утро, 5 декабря, часов в 12 и раньше, его стало знобить, он укутался в халат, но все сидел за своими бумагами и ничего с утра не ел. К вечеру он слег, температура дошла уже до 38 и 8. К ночи появились сильные боли под ложечкой; я всю ночь была при нем, клала горячее на живот. К вечеру температура была

39 и 4. Но вдруг Маша прибежала вне себя, говорит: «Температура 40 и 9». Мы все посмотрели градусник, так и было. Но я до сих пор не уверена, что с ртутью что-нибудь было, мы все растерялись. Сделали обтирание спиртом с водой, померили градусник, через час опять 39 и 3.

Но сегодня всю ночь он горел, метался, стонал, не спал. При нем был доктор Никитин и я. Клали на живот компресс с камфарным спиртом из воды — ничто не облегчало. К утру опять температура 39, мучительная тоска, слабые, жалкие глаза, эти милые, любимые, умные глаза, которые смотрят на меня страдальчески, а я ничем не могу помочь, хотя жизнь отдала бы свою с радостью, чтобы ему опять было хорошо и чтоб он жил!

Мучительно преследует меня мысль, что бог не захотел продлить его жизнь за ту легенду о дьяволах, которую он написал. Что-то будет! Боже мой! Я третий день не сплю и не ем, что-то распухло, окоченело в груди моей; креплюсь, чтоб ходить за ним, — а там и мне хочется за ним и с ним... Сорок лет прожили вместе, и чем бы и как бы я ни жила, смело могу сказать, что Левочка был всегда, во всем на первом плане и самый любимый... Разве только Ванечка... но это другое чувство... Ребенок!..

Опять иду к Левочке, опять эти стоны, страданья за него... Милый, прости меня и помилуй тебя бог!

8 декабря. Температура стала низкая, обильный пот разрешил болезнь, но осталась слабость сердца, и еще страх у всех докторов — воспаления в легких, которое может произойти от бактерий инфлюэнцы, определенной докторами.

Приехали сегодня утром милые и бескорыстные доктора, всегда веселые, бодрые, ласковые: сердечный Пав. Серг. Усов и бодрый Влад. Андр. Щуровский. Ночевал тульский доктор Чекан, и очень старался и умно действовал наш домашний врач — Никитин.

Вчера приехали сыновья: Сережа и Андрюша с женой, сегодня Илья. Еще вчера приехала Лиза Оболенская, а сегодня Пав. Алекс. Буланже.

До пяти часов утра за Львом Николаевичем ходила я, потом Сережа. Доктора тоже сменялись: сначала Никитин, потом Чекан.

Сегодня у меня нехорошее чувство сожаления о даром тратившихся силах на уход за Львом Николаевичем.

Сколько внимания, любви, сердца, времени кладешь, чтоб всякую минуту жизни следить за тем, чтоб сохранить ее Льву Николаевичу. И вот, как 4-го, на мои ласковые заботы я встретила суровый протест, точно на зло,— какой-то страх, что лишают его свободы,— и вот опять даром потраченные силы и еще шаг к смерти. Зачем? Если б он ее желал, а то нет, он ее не приветствует и не хочет. И нехорошо его настроение, мне грустно — но оно не духовно.

12 декабря. Сейчас шесть часов утра 12 декабря. Опять я просидела всю ночь у постели Левочки, и я вижу, что он уходит из жизни. Пульс частый, 120 ударов в минуту и больше, неровный... Ах, какой он жалкий, когда он сидит, понуря свою седую, похудевшую голову, и думаешь — все равны перед страданием, смертью. А весь мир поклоняется этой жалкой голове, которую я держу в своих руках и целую, прощаясь с тем, кто для меня был гораздо больше, чем я сама.

И вот наступит безотрадная жизнь, не к кому будет, как теперь, спешить утром, когда проснешься, наденешь халат и бежишь узнать, что и как? Хорошо ли спал, прошелся ли, в каком настроении? И всегда как будто он рад, что я вошла, и спросит обо мне, и продолжает что-то писать.

Успокоишься и идешь к своим занятиям...

Сегодня сказал в первый раз с такой искренней тоской: «Вот уж искренно могу сказать, что желал бы умереть». Я говорю: «Отчего? устал и надоело страдать?» — «Да, все надоело!»

Не спится... Не живется... Длинные ночи без сна, с мучительной болью в сердце, с страхом перед жизнью и с неохотой оставаться жить без Левочки. Сорок лет жили вместе! Почти *вся* моя жизнь сознательная. Не позволяю себе ни раскаиваться, ни сожалеть о чем бы то ни было, а то с ума можно сойти!..

Когда я сейчас уходила, он мне так отчетливо и значительно сказал: «Прощай, Соня». Я поцеловала его и его руку и тоже ему сказала: «Прощай». Он думает, что можно спать, когда он умирает... Нет, он ничего не думает, он *все* понимает, и ему тяжело...

Дай бог ему просветлеть душой... Сегодня он лучше, спокойнее и, видно, думает больше о смерти, чем о жизни...

13 декабря, вечер. Но к жизни опять вернулся Левочка. Ему лучше: и пульс, и температура, и аппетит — все понемногу устанавливается. Надолго ли? Буланже читал ему вслух «Записки» Кропоткина [60].

Сегодня в «Русских ведомостях» следующее заявление Льва Николаевича:

«Мы получили от графа Льва Николаевича Толстого следующее письмо:

Милостивый государь, г. редактор.

По моим годам и перенесенным, оставившим следы, болезням я, очевидно, не могу быть вполне здоров и, естественно, будут повторяться ухудшения моего положения. Думаю, что подробные сведения об этих ухудшениях хотя и могут быть интересны для некоторых,— и то в двух самых противоположных смыслах,— печатание этих сведений мне неприятно. И потому я бы просил редакции газет не печатать сведений о моих болезнях.

Лев Толстой.

Ясная Поляна. 9 декабря 1902 г. [61]»

Я вполне понимаю это чувство Льва Николаевича и сама бы не стала о нем извещать, если б не скука и труд отвечать на бесчисленные запросы, письма, телеграммы желающих знать о состоянии здоровья Льва Николаевича.

Сегодня мне нездоровится и постыдно жаль себя. Сколько силы, энергии, здоровья тратится на уход за Л. Н., который из какого-то протеста, задорного упрямства пойдет шесть верст зимой по снегу или объестся сырниками и потом страдает и мучает всех нас!..

Сегодня в Москве второй концерт Никиша,— это была моя самая счастливая мечта быть на этих двух концертах,— и, как всегда, я лишена этого невинного удовольствия, и мне грустно и досадно на судьбу.

Еще меня мучает и мне больно вспоминать мой последний разговор, ровно месяц тому назад, с Сергеем Ивановичем. Нужно бы разъяснить многое, и нет случая...

18 декабря. Лев Николаевич все еще в постели. Он сидит, читает, записывает, но слаб еще очень...

Читала сначала «Ткачей» Гауптмана и думала: все мы, богатые люди, и фабриканты, и помещики, живем в этой исключительной роскоши, и часто я не иду в деревню, чтобы не испытывать той неловкости, даже стыда от

своего исключительного, богатого положения и их бедности. И, право, удивляешься еще их кротости и незлобивости относительно нас.

Потом прочла стихотворения А. Хомякова. Много в них все-таки настоящего поэтического и много чувства. Как хороши: «Заря», «Звезды», «Вдохновение», «К детям», «На сон грядущий»... «К детям» — это прямо вылилось из сердца правдиво и горячо. У кого не было детей, тот не знает этого чувства родителей, особенно матерей.

Войдешь ночью в детскую, стоят три, четыре кроватки, оглянешь их, чувствуешь какую-то полноту, гордость, богатство... Нагнешься над каждой из них, вглядишься в эти невинные, прелестные личики, повеет от них какой-то чистотой, святостью, надеждой. Перекрестишь их рукой или сердцем, помолишься над ними о них же и отойдешь с умиленной душой, и ничего от бога не просишь — жизнь полна.

И вот все выросли и ушли... И не пустые кроватки наводят грусть, а те разочарованья в судьбе и в свойствах любимых детей, и так долго не хочется их видеть и им верить. И не детей просишь молиться о себе, а опять молишься за них, за просветленье их душ, за внутреннее их счастье.

Сегодня концерт Гофмана, последний. Как мне хотелось его слышать,— и опять не судьба. Собираюсь по делам уж теперь — в Москву. Уеду ли нынче?

Все эти дни срисовывала акварелью портреты отца Льва Николаевича. Я не училась никогда акварели, и очень трудилась; вышло посредственно, но было очень весело и интересно рисовать и самой добиваться, *как* рисуют акварелью.

27 декабря. Опять давно не писала. Была три дня в Москве: 19, 20, 21; принимала отчет продажи книг у артельщика, делала покупки и доставила радость теми подарками, которые успела приобрести для детей, прислуги и проч.

Один вечер провела у Муромцевой, приехавшей из Парижа, с Марусей Маклаковой, с двумя старшими сыновьями и еще с Ф. И. Масловым, Цуриковым и С. И. Танеевым. С ним холодно, сухо и чуждо.

Без меня Льву Николаевичу стало еще лучше, он вставал, выходил в соседнюю комнату, занимался. В день Рождества ему вдруг стало хуже. Боли под ложечкой и

в печени с шести часов утра; желудок раздуло, сердце стало слабеть, перебои, удары 130 в минуту. Он ничего не ел, давали строфант, кофеин, доктор, видимо, смутился. Вчера стало опять гораздо лучше.

Когда в день Рождества Льву Николаевичу было плохо, он полушутя сказал Маше: «Ангел смерти приходил за мной, но бог его отозвал к другим делам. Теперь он отделался и опять пришел за мной».

Всякое ухудшение здоровья Льва Николаевича вызывает во мне страдание все сильнейшее, и все более и более страшно и жаль мне потерять его. В Гаспре я не чувствовала такого глубокого горя и такой нежности к Левочке, как теперь здесь. Так мучительно мне видеть его страждущим, слабым, гаснущим и угнетенным духом и телом! Возьмешь его голову в обе руки или его исхудавшие руки, поцелуешь с нежной, бережной лаской, а он посмотрит безучастно.

Что-то в нем происходит? Что он думает?

Приезжал Андрюша и его семья. Маленькая, миленькая Сонюшка, прощаясь с Львом Николаевичем, сама взяла его руку, поцеловала и сказала: «Прощай, дединька!» Я рада была им, особенно на праздниках и особенно когда грустно.

29 декабря. Льву Николаевичу то лучше, то хуже. Сегодня днем он мне говорит: «Боюсь, что я долго вас промучаю». Вероятно, он думает, что уже не выздоровеет от своей болезни печени, но что теперь хронически и постепенно она будет вести его к концу. И я это все чаще и чаще, с болью в сердце, думаю. Позвал он Павла Александровича Буланже к себе и хвалил ему книгу барона Таубе, находил в ней христианские идеи, хвалил конец, заключение, в котором Таубе говорит, что люди бурской и китайской войной доказали, что пришли к новому варварству [62]. А свое мнение Л. Н. высказывал, что только религия, и именно христианская, может вывести людей из их теперешнего дикого, варварского состояния.

Еще говорили об англичанах. Два англичанина из спиритической общины в одних пиджаках и открытых башмаках пошли в Лондон, а оттуда без копейки денег приехали в Россию с целью увидать Толстого и спросить у него разъяснение в многих сомнениях религиозных. Они жили у Дунаева, а мы им послали Л. Н. шубы и шапки, чтоб они не замерзли [63].

30 декабря. Сижу дни и ночи у больного Л. Н. и вспоминаю всю свою жизнь. И вдруг ясно поняла я, что прожила ее почти *бессознательно.* Все ли так? Мне никогда не было времени *вперед*, разумно обдумать свои поступки, и не было времени *после* их обсудить. Я жила по течению жизни, подчиняясь обстоятельствам, поступала не по своей воле и выбору, а в силу необходимости (par la force des choses).

Идти против чего — не умела и не имела сил. Да разве и возможно это было с моим мужем и в моей жизни? И по уму, и по возрасту, и по имущественному положению — по всему муж мой был властен надо мной... И вот прожито сорок лет... Много недочетов в нашей жизни; ну, да теперь не о них горевать... Слава богу и за то, что было.

1903

1 января. Печально встреченный Новый год. Вчера было от Тани письмо, что младенец опять перестал в ней жить и она в страшном отчаянии...[1] Л. Н. первый прочел ее письмо, и когда я вошла к нему утром, он сказал мне: «Ты знаешь, у Тани все кончено», и губа его затряслась, и он всхлипнул, и исхудавшее, больное лицо его выразило такую глубокую печаль.

Безумно жаль Таню, и мучительно больно смотреть на уходящего из жизни Левочку. Эти два существа в моей семье самые любимые и самые лучшие.

А сегодня Домна, бедная баба с деревни, приходила просить бутылку молока в день, чтоб прикармливать своих двоешек-девочек.

Встречали вчера Новый год. Тут мои две невестки: Ольга и Соня с детьми. Илюша и Андрюша приехали ночью. Народу очень много: с домашними всех 19 человек. Приехали еще два молодых англичанина, какие-то шальные спириты из среднеинтеллигентно-рабочего класса. Предлагают, взяв Льва Николаевича за руки, молиться об его исцелении, и уверены, что это его спасет [2].

Всю ночь до четырех с половиной часов провела с Л. Н. Он совсем не спал, все ныло, все болело. Я терла ему ноги, успокаивала, бодрила его, но все напрасно. Утихнет на минуту, благодарит меня, потом опять мечется. К утру пульс стал плох, с перебоями, и ему впрыснули морфий, и теперь весь день он спит.

В пять часов утра я пошла в свою спальню, подняла стору, открыла форточку. Лунный белый свет так и разлился по всей природе, в липовых аллеях сада и проникал в мою комнату. На деревне стали петь петухи, такое странное впечатление! Сегодня ходила далеко гулять, лесом, на купальную дорогу и назад. Тишина, одиночество, природа — хорошо! Вечером играл Гольденвейзер, хорошо.

2 января. Известие от Тани, она родила вчера двух мертвых мальчиков! Мы все поражены, но слава богу, хоть роды прошли благополучно; что-то будет дальше.

Л. Н. спал хорошо, пульс хорош, но он очень сегодня слаб и вял. Пасмурно, 12 градусов мороза.

19 января. Вернулась сегодня из Москвы, где заказала еще в другой типографии работу. В продаже нет сейчас ни одного экземпляра «Полного собрания» и ни одного «Войны и мира».

В Москве слышала много музыки: Аренский играл свою сюиту с Зилоти, дирижировал свою музыкальную поэму на слова «Кубок» [3], и все это было прелестно.

Вчера было потрясающее объяснение с Сергеем Ивановичем, после которого я поняла, за что я его так ценила и любила. Это удивительно добрый и благородный человек.

Гольденвейзер противен своим вторжением в нашу интимную жизнь. Л. Н. совсем лучше, слава богу. Он занят подбором философских выражений для составления календаря; [4] это началось в его болезнь, так как ничего серьезного он не мог писать.

Тепло, тихо, 1 градус мороза. Хороша тишина и природа, и в ней бог, и хочется скорее слиться с природой и уйти к богу. Вместо того, чтоб читать корректуру, сижу и весь день плачу. Помоги, господи!

21 января. На днях Сережа-сын был груб со мной за то, что я заговорила с Сашей во время игры в винт и помешала им. Я заплакала, ушла в свою комнату и легла. Через несколько времени, когда я уже успокоилась тем, что легче быть обиженной, чем обижать других,— вошел Л. Н. с палочкой, еще слабый и худой, и ласково и сочувственно отнесся ко мне, сказав, что он сделал Сереже выговор.

Меня это так тронуло, такое я почувствовала к нему благоговение и нежность, что опять разрыдалась, целуя его руки, чувствуя и ту виноватость свою невольную перед ним, которая последнее время роковым путем ведет меня куда-то.

Вечером. Л. Н. сегодня в первый раз выходил два раза на воздух и, разумеется, переутомился; пульс слабый и с перебоями. Дали вечером Strophant.

На точке замерзания, ветер, и, может быть, погода влияет на нервы, а нервы на сердце.

24 января. Л. Н. после прогулки совсем расхворался: температура поднялась до 38 и 2, боли в желудке, грипп небольшой.

28 января. Моя Дуняша говорит часто: «Господь милосерд, знает, что делает». И вот со мной он был милосерд. Душевный разлад мой дошел до последней степени мучения и совести и желанья опять увидеться и поговорить с любимым человеком. И я заболела, со мной сделалось дурно, я упала и весь вечер не могла стать на ноги. Мне прикладывали к голове лед, и всю ночь я лежала со льдом на голове, и все стало напряженно, тяжело, и физически я совсем перестала жить. И вот сегодня (третий день) мне легче душевно, болезнь перебила тоску и душевный разлад. И опять прошу бога, чтоб в тот момент, когда я ослабею, помочь мне или без греха и стыда взять меня в ту область, где «мертвые срама не имут».

Сегодня думала о пословице: «Без пятна платья и без стыда лица не износить». И вот когда для меня наступил «стыд» перед собой, перед богом и совестью.

Только бы пережить всю бурю в душе и ничем, как до сих пор, не ослабеть в поступках...

9 февраля. Была опять в Москве. Был квартетный концерт, играли квартет Танеева, — его видела мельком; квинтет Моцарта с кларнетом, прелестно, наслаждение получила большое, и секстет Чайковского (воспоминание о Флоренции). Спокойно и счастливо я чувствовала себя после этого вечера. На другой день собрались у меня старушки, дядя Костя и Сергей Иванович. Читали Льва Николаевича «Разрушение и восстановление ада» (о дьяволах), и опять и на меня, и на слушателей эта вещь

произвела нехорошее впечатление. Задорно спорила с Сергеем Ивановичем Ек. Ив. Баратынская, защищая статью против логически умных доводов Сергея Ивановича. Он был оживлен, и я радовалась на него. Была в концерте Гофмана, чудесный концерт с оркестром — Шопена. Очень много было дела с исканием корректора, с печатаньем, переплетом и прочим. Многое не кончила. Занялась и Сашиными денежными делами... Но какое душевное усилие и сколько траты! Напечатано в «Новом времени» мое письмо против Андреева по поводу статьи Буренина: в № 7 февраля 1903 г.[5].

20 февраля. У Льва Николаевича сидит старичок, николаевских времен солдат, сражавшийся на Кавказе, и рассказывает ему, что помнит[6]. Л. Н. сегодня и вчера катался по лесу, а утром сидел на верхнем балконе. Он здоров и спокоен. Занялась немного его корреспонденцией: все больше просительские письма и просящие автографа.

Что было за это время? 1) Родился у Андрюши сын Илья в ночь с 3 на 4 февраля. Ездила я на него взглянуть и поздравить Ольгу. 2) Уехали за границу Маша с Колей, и без них очень опустело, но мне стало легче. Это были почти единственные наши гости. Был на масленице Н. В. Давыдов, прочел отрывок из своей повести. Были Буланже, Дунаев и гостила Зося Стахович. Умная, живая девушка, но я испугалась как-то последние дни за мою откровенность с ней.

Саша была в Петербурге и огорчила меня известием о продолжающейся болезни Доры и о нервности Левы.

Теперь нас осталось здесь мало: Саша, Юлия Ивановна, доктор Гедгофт и Наташа Оболенская.

Теплая, сырая зима: все 2 градуса тепла, вода в лощинах, солнце на небе и снегу почти нигде нет. Сегодня посвежей, 2 градуса мороза и пасмурно.

Очень уж уединенно живем, и я рада опять съездить в Москву. Неестественна наша жизнь помещичья — единицы среди сельского населения. У нас нет общения ни с народом,— оно было бы фальшиво, ни с равным себе образованным классом.

Получаю много писем по поводу моего письма. Многие обвиняют Льва Николаевича как начинателя грязной литературы в «Власти тьмы», в «Крейцеровой сонате» и «Воскресении»[7].

Но это недомыслие, непонимание. Многие восхищаются и благодарят меня за письмо, особенно от лица матерей. Но есть и заступники Андреева. А на меня все это производит такое впечатление, что я посыпала персидским порошком на клопов и они расползлись во все стороны. Я написала письмо в газету — и поднялись письма, статьи, статейки, заметки, карикатуры и проч. Обрадовалась бездарная наша пресса скандалу и пошла чесать всякую чепуху.

Надоело, и тоска у меня эти дни...

Одно утешенье — музыка, и другое — исполнение долга ухода и облегчения жизни Льву Николаевичу.

22 февраля. У Миши родилась дочь Таня.

6 марта. Была в Москве — тяжелая болезнь Андрюши, дела проверки продажи книг, пломбирование зубов, покупки, заказы; концерты: филармонический — кантата Танеева и проч., симфонический — Манфред, увертюра «Фрейшютца» и проч., квартеты Бетховена и Моцарта, пианист Буюкли As-dur'ный полонез Шопена.

Ездила в Петербург. Трогательные Лева и Дора и миленькие мальчики; сестра Таня жалкая безденежьем, брат Вячеслав с некрасивой женой, чуткий и милый. Пробыла один день, две ночи в вагоне. В Москве опять беготня, гости, больной Андрюша, и бессилие тоски и неудовлетворенности среди нервной, безумной траты сил физических и духовных.

В Ясной Поляне лучше. Красота ясных дней, блеск солнца в ледяных, зеркальных, гладких пространствах замерзшей воды, синее небо, неподвижность в природе и щебетанье птиц — предчувствие весны.

Ездили кататься по лесам с Л. Н. Его нежная забота обо мне, хорошо ли, весело ли мне кататься. Ездили в трех санках все. И среди катанья Л. Н. вышел из своих саней, подошел ко мне и спросил с лаской: «Ну что, хорошо тебе?» И когда я сказала, что «очень», он выразил радость. Вечером, когда я его покрывала и прощалась с ним на ночь, он нежно гладил меня по щекам, как ребенка, и я радовалась его отеческой любви...

Были скучные, некрасивые Розановы [8].

Кончила корректуру «Анны Карениной». Проследив шаг за шагом за состоянием ее души, я поняла себя, и мне стало страшно... Но не оттого лишают себя жизни,

чтоб кому-то *отомстить;* нет, лишают себя жизни оттого, что *нет больше сил жить*... Сначала борьба, потом молитва, потом смиренье, потом отчаяние и — последнее, бессилие и смерть.

И я вдруг ясно себе представила Льва Николаевича, плачущего старческими слезами и говорящего, что никто не видел, что во мне происходило, и никто не помог мне...

А как помочь? Пустить, пригласить опять к нам Сергея Ивановича и помочь мне перейти с ним к дружеским, спокойным, старческим отношениям. Чтоб не осталось на мне *виноватости* моего чувства, чтоб мне *простили* его.

10 марта. Лев Николаевич здоров. Прекрасно катались сегодня по Засеке, все лесными дорожками, но уже все тает. Л. Н. ехал с Сашей, я с Левой и доктор с Наташей и Юлией Ивановной. Потом я пересела к Льву Николаевичу. Сердце мое прыгало от радости, что он здоров, едет и правит: сколько раз я считала его жизнь конченой, и вот опять он к ней возвращен! И эта радость его здоровья не излечивает моего сердечного недуга; как войду в свою комнату, опять охватывает меня какая-то злая таинственность моего внутреннего состояния, хочется плакать, хочется видеть того человека, который составляет теперь ту центральную точку моего безумия, постыдного, несвоевременного, — но, да не поднимется ничья рука на меня, потому что я мучительно исстрадалась и боюсь за себя. А *надо* жить, надо беречь мужа, детей, надо не выдавать, не показывать своего безумия и не видеть того, кого болезненно любишь.

И вот молишься об исцелении этого недуга, и только.

18 марта. Мне часто кажется, что в жизни моей я была мало виновата перед моими детьми — я слишком их любила, и осуждение их, иногда грубость невыносимо больно действуют на мою душу.

Сегодня пошла в библиотеку за книгой. Лева спал; и у меня такое нежное до слез умиление было, когда я посмотрела на его плешивенькую, с черными редкими волосами маленькую голову, на его немного оттопыренные губы и всю худую фигуру его. И так жалко мне стало его, что он храбрится перед жизнью, которая разлучила его теперь с семьей — больной, милой женой и двумя мальчиками. И чем-то кончится болезнь Доры! И так же умиленно я смотрю и на часто мрачно озабоченного Се-

режу, и на спутавшегося старого ребенка — Илюшу, и на закрывающего на все разумное глаза легкомысленного, но ласкового Андрюшу, и на любимую Таню, и больную Машу, и пока счастливого, но еще бессознательного Мишу, и на такую же Сашу.

Так всегда одного хочется: чтоб все были счастливы и хороши морально.

Еду сегодня в Москву, и тяжело, и что-то страшно!

Стоит месяц уже солнечная погода, Л. Н. здоров, все у нас хорошо. Работа во мне идет внутренняя с страшной силой, все молюсь, особенно по ночам, на коленях перед старинным образом, и так и хочется, чтоб поднятая рука спасителя наконец поднялась бы надо мной и благословила бы мою душу на мирное, спокойное настроение.

1 июля. Не писала всю весну и лето; жила чисто с природой, пользуясь прелестной солнечной погодой. Такого жаркого, красивого во всех отношениях лета и такой блестящей весны — не запомню. Не хотелось ни думать, ни писать, ни углубляться в себя. Да и зачем? «Взрывая, возмутишь ключи...» [9] Жили мирно, спокойно, даже радостно.

Сегодня отвратительный разговор за обедом. Л. Н. с наивной усмешкой, при большом обществе, начал обычно бранить медицину и докторов. Мне было противно (теперь он здоров), но после Крыма и девяти докторов, которые так самоотверженно, умно, внимательно, бескорыстно восстановили его жизнь, нельзя порядочному и честному человеку относиться так к тому, что его спасло. Я бы молчала, но тут Л. Н. прибавил, что Rousseau сказал, что доктора в заговоре с женщинами; итак, и я была в заговоре с докторами. Тут меня взорвало. Мне надоело играть вечно роль ширм, за которые прячется мой муж. Если он не верил в лечение, зачем он звал, ждал, покорялся докторам?

Наш тяжелый разговор 1 июля 1903 года не есть случайность, а есть следствие той лжи и одиночества, в которых я жила.

Я обвиняюсь своим мужем во всем: сочинения его продаются против его воли; Ясная Поляна держится и управляется против его воли; прислуга служит против его воли; доктора призываются против его воли... Всего не пересчитать... А между тем я непосильно работаю на всех и вся моя жизнь не по мне.

Так вот я отстраняюсь от всего, я измучена вечными упреками и трудом. Пусть Л. Н. хоть остальную свою жизнь живет по своим убеждениям и по своей воле. А я устала служить ширмами и выйду из этой навязанной мне роли.

5 июля. Есть что-то в моем муже, что недоступно моему жалкому, может быть, пониманию. Я должна *помнить* и *понять,* что назначение его *учить* людей, *писать, проповедовать.* Жизнь его, наша, всех, близких, должна служить этой цели, и потому его жизнь должна быть обставлена наилучшим образом. Надо закрывать глаза на всякие компромиссы, несоответствия, противоречия и видеть только в Льве Николаевиче великого писателя, проповедника и учителя.

9 июля. Вернулись из-за границы все дети: Оболенские — Маша с Колей 6-го, Андрюша 7-го, Лева 8-го. Андрюша очень худ, слаб и жалок, но очень приятен. Лева бедный измучен душевно, очень мне жалок и дорог. Маша поправилась и по-прежнему чужда.

Сегодня Л. Н. почувствовал стеснение в груди и перед завтраком пульс был правильный, 78, а когда он поел картофель и хлеб с медом, удушья усилились, пульс стал частый и путаный; вчера еще, и все последние дни, он жаловался на слабость и ночь провел плохую. Очень я испугалась, и опять ужас перед пустотой в жизни, если не станет Льва Николаевича раньше меня.

10 июля. К вечеру Л. Н. вчера уже стало лучше. Он последние дни слишком много тратился, и верхом, и пешком, а кроме того, поел тяжело. Приезжали вечером молодой кавалергард Адлерберг с огромной, полной женой. Л. Н. его позвал к себе и много расспрашивал о военных действиях: «Что такое развод? Когда на смотру государь садится на лошадь? Кто подводит лошадь?» и проч., и проч. Л. Н. очень занят историей Николая I и собирает и читает много материалов. Это включится в «Хаджи-Мурата» [10].

12 июля. Что-то хотела записать хорошее, но зачиталась и теперь устала. Вчера ездила к имениннице Ольге в Таптыково. Андрюша больной, очень жалок своим грустным и крайне похудевшим видом. Ольга часто мне не-

понятна. В чем ее суть и жизнь? Ехали с Левой. И этот сын не радует. Жена умирает в Швеции в нефрите; он делает планы, хочет поступать на медицинский факультет, жить в Москве; и какое-то в нем неспокойствие. Льву Николаевичу что-то нездоровится: стеснения в груди, неровный пульс. Изменилась погода, страшный ветер и 11 градусов тепла. Вечером Л. Н. с Машей, Колей, Сашей и Никитиным играли оживленно в винт.

Много сижу одна, в своей комнате. Буланже говорит, что моя комната похожа на комнату молодой девушки. Странно, что теперь, когда я живу одна и никогда мужской глаз или мужское прикосновение не касается больше меня,— у меня часто девичье чувство чистоты, способности долго, на коленях молиться перед большим образом спасителя или перед маленьким — божьей матери, благословенье тетеньки Татьяны Александровны Льву Николаевичу, когда он уезжал на войну. И мечты иногда не женские, а девичьи, чистые...

13 июля. Большая суета с самого утра. Приехали к Л. Н. два итальянца: один аббат, которого больше интересовала русская жизнь и наша, чем разговоры; другой — профессор теологии, человек мысли, энергичный, отстаивал перед Л. Н. свои убеждения, которые, главное, состояли в том, что надо *проповедовать* те истины, которые познал в религии и нравственности, не сразу разрушая существующие формы. Л. Н. говорил, что формы все не нужны, что «la religion, c'est la verité» *, а что церковь и формы есть ложь, путающая людей и затемняющая христианские истины.

Очень интересно было слушать эти разговоры [11]. Потом приехали сыновья Лева и Андрюша. Еще позднее Стахович с дочерью и сын Миша.

Разговоры, крики детей, суета еды и питья — ужасно утомительны. Приезжали отец старик и жена приговоренного за богохульство Афанасия, очень были жалки, но помочь им уж, кажется, нельзя. Л. Н. просил об этом Афанасии государя, которому писал письмо, переданное графом Александром Васильевичем Олсуфьевым [12].

Маша с Колей уехали, и как приезд их, так и отъезд остались незаметны у нас в доме.

---

* религия — это истина *(франц.)*.

10 августа. Обыкновенно говорят, что мужа с женой никто, кроме бога, рассудить не может. Так пусть же письмо, которое я перепишу здесь, не даст никогда повода к осуждению кого бы то ни было. Но оно во многом перевернуло мою жизнь и поколебало мое отношение, доверчивое и любовное, к моему мужу. Т. е. не письмо, а повод, по которому я его написала своему мужу.

Это было в год смерти моего любимого маленького сына Ванечки, умершего 23 февраля 1895 года. Ему было семь лет, и смерть его была самым большим горем в моей жизни. Всей душой я прильнула к Льву Николаевичу, в нем искала утешения, смысла жизни. Я служила, писала ему, и раз, когда он уехал в Тулу и я нашла его комнату плохо убранной, я стала наводить в ней чистоту и порядок.

Дальнейшее объяснит все...

Сколько слез я пролила, когда я писала это письмо.

Вот мое письмо; я нашла его сегодня, 10 августа, в моих бумагах. Это черновое.

«*12 октября 1895 г.*

Все эти дни ходила с камнем на сердце, но не решалась говорить с тобой, боясь и тебя расстроить, и себя довести до того состояния, в котором была в Москве до смерти Ванечки.

Но я не могу (в последний раз... постараюсь, чтоб это было в последний) не сказать тебе того, что так меня заставляет сильно страдать.

Зачем ты в дневниках своих всегда, упоминая мое имя, относишься ко мне так злобно? Зачем ты хочешь, чтоб все будущие поколения поносили имя мое, как *легкомысленной, злой,* делающей тебя несчастным — женой? Если б ты меня просто бранил или бил за то, что ты находишь дурным во мне, ведь это было бы несравненно добрей (то проходяще), чем делать то, что ты делаешь.

После смерти Ванечки...— вспомни его слова: «Папа, никогда не обижай мою маму»,— ты обещал мне вычеркнуть эти злые слова из дневников своих. Но ты этого не сделал; напротив.

Или ты боишься, что слава твоя посмертная будет меньше, если ты не выставишь меня мучительницей, а себя мучеником?

Прости меня; если я сделала эту подлость и прочла твои дневники, то меня на это натолкнула случайность.

Я убирала твою комнату, обметала паутину из-под твоего письменного стола, откуда и упал ключ. Соблазн заглянуть в твою душу был так велик, что я это и сделала.

И вот я натолкнулась на слова (приблизительно; я слишком была взволнована, чтоб помнить подробно):

«Приехала С. из Москвы. Вторглась в разговор с Боль. Выставила себя. Она стала еще легкомысленнее после смерти Ванечки. Надо нести *крест* до конца. Помоги мне, господи...» и т. д.

Когда нас не будет, то это *легкомыслие* можно толковать как кто захочет, и всякий бросит в жену твою грязью, потому что *ты* этого хотел и вызываешь сам на это своими словами.

И все это за то, что я всю жизнь жила только для тебя и твоих детей, что любила тебя одного больше всех на свете (кроме Ванечки), что *легкомысленно* (как ты это рассказываешь будущим поколениям в своих дневниках) я себя не вела и что умру и душой и телом только *твоей* женой...

Стараюсь стать выше того страданья, которое мучает меня теперь; стараюсь стать лицом перед богом, своей совестью, и смириться перед злобой любимого человека, и, помимо всего, оставаться всегда в общении с богом: «любить ненавидящих нас», и «яко же и мы оставляем должникам нашим», и «видеть свои прегрешения и не осуждать брата своего», — и, бог даст, я достигну этого высокого настроения.

Но, если тебе не очень трудно это сделать, выкинь из всех дневников своих все злобное против меня, — ведь это будет только *по-христиански*. Любить меня я не могу тебя просить, но пощади мое имя; если тебе не трудно, сделай это. Если же нет, то бог с тобой. Еще одна попытка обратиться к твоему сердцу.

Пишу это с болью и слезами; говорить никогда не буду в состоянии. Прощай; всякий раз, как уезжаю, невольно думаю: увидимся ли? Прости, если можешь.

С. Толстая» [13].

Мы тогда как будто объяснились; кое-что Л. Н. зачеркнул в своих дневниках. Но никогда уже искавшее тогда утешения и любви сердце мое не обращалось к мужу моему с той непринужденной, любовной доверчивостью, которая была раньше. Оно навсегда замкнулось болезненно и бесповоротно.

17 ноября. Выхожу вечером в комнату Льва Николаевича. Он ложится спать. Вижу, что ни слова утешенья или участия я от него теперь *никогда* не услышу.

Свершилось то, что я предвидела: *страстный* муж умер, друга-мужа не было никогда, и откуда же он будет теперь?

Счастливые жены, до конца дружно и участливо живущие с мужьями! И несчастные, одинокие жены эгоистов, великих людей, из жен которых потомство делает будущих Ксантипп!!

Не по мне вся жизнь. Некуда приложить кипучую жизненную энергию, нет общения с людьми, нет искусства, нет дела — ничего нет, кроме полного одиночества весь день, когда пишет Л. Н., и игры в винт по вечерам, для отдыха Л. Н. О, ненавистные возгласы: «Малый шлем в пиках!.. без трех... зачем же сбросили пику, нужно сделать ренонс... каково, как чисто взяли большой шлем...» Точно бред безумных, к которому не могу привыкнуть. Пробовала я, чтоб не сидеть одной, участвовать в этом бреде и каждый раз ловила себя на том, что мне делалось и стыдно, и еще более тоскливо от игры в карты.

Доктор Беркенгейм участливо и молча смотрит на меня, видя всю мою тоску, и читает мне по вечерам вслух. Читали Чехова, и это приятно.

1904

18 января. Жизнь летит с страшной быстротой. С 6 декабря по 27 жила моя Таня со всей семьей в Ясной. Выборы, елка, праздники, суета так утомительны были, что и радоваться не было времени. Инфлюэнца очень меня ослабила. Под Новый год Л. Н. заболел, и грустно встретили Новый год с Сережей, Андрюшей, Анночкой, Сашей и мальчиками Сухотиными. Потом еще гостила сестра моя Таня, веселая, легкомысленная, но надломленная жизнью, которая научила ее *особенному* обращению с людьми. Неприятность с винтом, моя болезнь от огорчения. 8 января приезжали три студента из Петербургского горного института с адресом. Много с ними беседовала, умные люди [1], но, как и все современные молодые люди, не знают, куда приложить свои силы. Вечером мы все уехали в Москву, где я и прожила до 15 числа вечера. Была два раза в опере Аренского «Наль и Дамаянти»; мело-

дично, грациозно, но не сильно. А какой прелестный идеал настоящей женщины в этой поэме!

Ездила всюду с Сашей. Были и на концерте симфоническом с Шаляпиным. Это самый талантливый и умный певец из всех, кого я слыхала в жизни. Еще был концерт Гольденвейзера, игравшего оживленнее, чем обыкновенно; потом репетиция «Вишневого сада» Чехова доставила мне большое удовольствие. Тонко, умно, с юмором, вперебивку с настоящим трагизмом положений,— все это хорошо [2].

Но главное дело мое в Москве было: перевозка девяти ящиков с рукописями и сочинениями Льва Николаевича из Румянцевского в Исторический музей. Меня просили взять ящики из Румянцевского музея по случаю ремонта. Но мне странно показалось, что в таком большом здании нельзя спрятать девять ящиков в один аршин длины. Я обратилась к директору музея, бывшему профессору Цветаеву. Он заставил меня ждать полчаса, потом даже не извинился и довольно грубо начал со мной разговор.

— Поймите, что мы на то место, где стоят ящики, ставим новые шкапы, нам нужно место для *более ценных рукописей,* — между прочим говорил Цветаев.

Я рассердилась, говорю:

— Какой такой хлам ценнее дневников всей жизни и рукописей Толстого? Вы, верно, взглядов «Московских ведомостей»?

Мой гнев смягчил невоспитанного, противного Цветаева, а когда я сказала, что я надеялась получить помещение лучшее для всяких предметов, бюстов, портретов и всего, что касалось жизни Льва Николаевича, Цветаев даже взволновался, начал извиняться, говорить льстивые речи, и что он меня раньше не знал, что он все сделает, и так я уехала, прибавив, что если я сержусь, то потому, что слишком высоко ценю все то, что касается Льва Николаевича, что я тоже львица, как жена Льва, и сумею показать свои когти при случае.

Отправилась я после этого в Исторический музей к старичку восьмидесяти лет — Забелину. Едва передвигая ноги, вышел ко мне совсем белый старичок с добрыми глазами и румяным лицом. Когда я спросила его, можно ли принять и поместить рукописи Льва Николаевича в Исторический музей, он взял мои руки и стал целовать, приговаривая умильным голосом:

— Можно ли? Разумеется, везите их скорей. Какая радость! Голубушка моя, ведь это история!

На другой день я отправилась к князю Щербатову, который тоже выразил удовольствие, что я намерена отдать на хранение в Исторический музей и рукописи и вещи Толстого. Милая его жена, княгиня Софья Александровна, рожденная графиня Апраксина, и очень миленькая дочь Маруся. На следующий день мы осматривали помещение для рукописей, и мне дают две комнаты прямо против комнат Достоевского.

Весь персонал Исторического музея, и библиотекарь Станкевич, и его помощник Кузминский, и князь Щербатов с женой, все отнеслись с должным уважением и почетом ко мне, представительнице от Льва Николаевича.

В Румянцевском музее был только Георгиевский в отделении рукописей. Мы приехали четверо: помощник библиотекаря Исторического музея Кузминский, солдат, мой артельщик Румянцев и я. Забрав ящики, мы благополучно свезли их в Исторический музей и поставили в башне. Теперь я вся поглощена заботой о перевозке вещей и еще рукописей Льва Николаевича туда же. Надо спасти все, что можно, от бестолкового расхищения вещей детьми и внуками.

Мы очень с ⟨Л. Н.⟩ дружны это время, да и всегда, когда мы одни, у нас устанавливаются прежние отношения доверчивой ласковости, которая не нарушается присутствием четырех старших детей, но нарушается присутствием дочери Маши, моей сестры Тани и некоторых друзей и знакомых.

Все это время Л. Н. очень был бодр, усиленно работал, увлекаясь новым составлением книги мыслей мудрых людей и мечтая о том, чтоб были даже рассказы и целый ряд чтений в одном направлении — на каждый день [3]. «И, разумеется, я ничего не успею в жизни сделать»,— с грустью говорит он.

Один день Л. Н. ездил верхом верст от десяти до шестнадцати, а другой день он ходил пешком тоже далеко. Сегодня ему нездоровится, он вечером чихал и не стал пить чай.

В Москве я узнала, что в «Журнале для всех» в марте напечатают мою поэзию в прозе «Стоны», с псевдонимом *Усталая* [4].

3 февраля. Вчера был тут странный офицер — казак Белецкий. Он бывший военный, отрицает войну и кончил курс в университете юристом. В разговоре с ним я еще раз уяснила себе ясно мое отношение к мыслям моего мужа. Если б у нас был полный *разлад*, то мы не любили бы друг друга. Я поняла, что я любила в Льве Николаевиче всю *положительную* сторону его верований и всю жизнь не терпела его *отрицательной* стороны, возникшей из той черты характера, которая всегда всему составляла *протест*.

Л. Н. здоров; один день он гуляет, другой день ездит верхом. Дня три тому назад он долго не возвращался. Является в шестом часу, и мы узнаем, что он съездил в Тулу взад и вперед, чтоб купить последнюю телеграмму и иметь свежие вести о войне с японцами[5]. Война эта и в нашей деревенской тишине всех волнует и интересует. Общий подъем духа и сочувствие государю изумительные. Объясняется это тем, что нападение японцев было дерзко-неожиданное, а со стороны России не было ни у государя, ни у кого-либо желания войны. Война *вынужденная.*

Опять теплая зима: сегодня и вчера 2 градуса то тепла, то мороза и ветер.

Л. Н. занят художественной работой: он пишет рассказ «Фальшивый купон»[6].

А я задалась дерзкой мыслью попробовать писать копии масляными красками, не взяв ни разу в руки до сих пор кисти и масляных красок.

МОЙ СОН НА 3 ФЕВРАЛЯ

Иду я к Масловым; в руках моих букет цветов, лиловых и желтых, уже поблекших. Мне томительно хочется украсить свой букет какими-нибудь красными или розовыми цветами и зеленью. Ищу по окнам, тоскливо перебираю увядшие цветы и выхожу из дома. У притолоки входной двери стоит, заложив назад руки, моя покойная мать. Я вскрикиваю от радости, но не удивляюсь, а спрашиваю ее, что она здесь делает. «Я за тобой пришла»,— отвечает она мне. «Так зайдемте прежде к Масловым, я вас познакомлю, это мои лучшие друзья»,— говорю я. Моя мать соглашается, и мы идем наверх. Я радостно и торжественно говорю каждому из Масловых: «Это моя мать»,— и все ее приветствуют. Идем в огромную залу,

где длинный чайный стол и за самоваром сидит Варвара Ивановна. Потом мы уходим, и моя мать говорит, что она спешит на корабль, который должен уплыть. Мы идем вместе, входим на корабль, и там все мои дети. Отплываем, в море видны еще корабли, лодки с парусами, пароходы. Вдруг мы останавливаемся. В корабле что-то сломалось. Я хочу пройти к моим детям и вдруг вижу перед собой глубокое углубление деревянное, дощатое. Перейти невозможно. Я спрашиваю: «Как же перешли мои дети?» — «Они молодые, перепрыгнули». Я вижу вдали свою Таню; она веселая, покупает мармелад в каком-то буфете, где за стеклянными витринами продаются разные сладости, и улыбается мне. Лева — маленький, худой и черноволосый, суетится, чтоб ему дали гривенник на покупку сластей.

В это время на дне углубления вдруг кто-то катит большую пустую бочку. И на мой вопрос, зачем она, мне отвечают, что ею починят корабль. И мы опять поплыли...

Истолкование. Поблекшие цветы — поблекшие радости жизни. Искание красных цветов — искание новых радостей; искание зелени — надежды. Мать моя пришла за мной, чтоб взять меня. Корабль и плавание — переход к смерти. Дощатое углубление — гроб и могила. Невозможность перехода через дощатое углубление за детьми — это невозможность продолжения с ними жизни. Поплыли дальше — началась новая, загробная жизнь в вечность...

26 мая. Рассказ Льва Николаевича, как он поступил на военную службу.

Сегодня я с Сашей разбирала вещи, которые графиня Александра Андреевна Толстая оставила своей крестнице Саше после своей недавно постигшей ее кончины. Там и мне, и Тане, и Сереже, и Льву Николаевичу по вещице. В числе вещей были и три портрета: один ее отца, графа Андрея Андреевича Толстого, и двух братьев: рано умершего Константина и уже в старости умершего Ильи Андреевича.

Вот по поводу последнего Л. Н. сейчас рассказал мне, Мише и Лине следующее.

Когда Л. Н., проигравшись в Москве в карты и прокутив много денег, решил ехать на Кавказ к служившему

там брату своему, Николаю Николаевичу, он в мыслях не имел поступить в военную службу. Ходил он на Кавказе в штатском платье, и когда ходил в первый раз в набег, то надел фуражку с большим козырьком и простое свое платье. Жили они с Николаем Николаевичем в Старом Юрте, по названию Горячие Воды (там и были серные ключи), а в набег ходили оттуда в Грозную. Набег этот описан Львом Николаевичем.

Раз Л. Н. поехал верхом с старым казаком к знакомым в Хасав-Юрт. У старого казака был на руке ястреб ручной. По дороге, которая считалась опасной, встретили они ехавшего с оказией графа Илью Андреевича Толстого в коляске, окруженного казаками.

Граф Илья Андреевич пригласил Л. Н. ехать с ним к Барятинскому. Барятинский стал уговаривать Льва Николаевича поступить в военную службу. Он хвалил Льва Николаевича за спокойствие и храбрость, которые он выказывал во время набега. Граф Илья Андреевич тоже присоединился к Барятинскому и уговаривал Л. Н. подать прошение. Л. Н. так и сделал: подал прошение бригадному командиру и поступил в артиллерию юнкером. Два года он оставался юнкером без производства, хотя и был в разных опасных делах. Покойная тетенька его, Пелагея Ильинична, говорила мне, что производство задержано было потерей бумаг, документов Льва Николаевича, которые пришлось восстановлять. А Барятинский, обещав многое, просто забыл про Толстого.

Только через два года произвели его в прапорщики. Потом, в турецкую войну Лев Николаевич попросился в дунайскую армию, к Горчакову, а впоследствии он сам же попросился в Севастополь, где открылись военные действия [7].

8 августа. 5 августа, т. е. три дня тому назад, я проводила на войну моего милого, хотя и плохо жившего, ласкового и любящего сына моего Андрюшу. Мне хочется описать его отъезд с штабом его пехотного 6-го Кромского полка из Тамбова. В полк этот приняли его унтер-офицером, старшим, конным ординарцем. Пошел он на войну добровольно. Жену и детей он покинул, полюбив Анну Леонидовну Толмачеву, дочь генерала Соболева, женщину пустую, слабую, но умеющую быть нежной

в любви. Не сужу ни сына, ни мою добродетельную, умную и хорошенькую невестку. Мужа с женой рассудит только бог. Но пережила я много тяжелого, боролась, прежде чем решилась хлопотать о поступлении Андрюши в военную службу. Он убедил меня тем, что все равно его возьмут или он и без меня пойдет, и тогда ему будет хуже и труднее. И действительно, насколько может быть хорошо, ему хорошо в полку. Его сердечный и внешний такт заставляет всех любить его. Полковой командир сказал мне, что «пока от Андрея Львовича одно удовольствие». Но я отвлеклась своими материнскими чувствами от рассказа.

Сделав в Москве все нужные покупки для Андрюши и кончив денежные дела, я поехала с сыном Левой в Тамбов, куда собрались и мои сыновья: Илья с женой Соней, Лева, Миша. Остановились в великолепной для Тамбова Европейской гостинице. Чувствовала я себя совсем больной, ночь не спала и встала рано; мы отправились с Андрюшей в лагерь; он привел меня к конюшням, где стояли его ординарцы. Как и все мои дети, Андрюша любит очень лошадей и показал мне свою кобылу, купленную им у Болдыревой (Мэри Черкасская), лучшую лошадь в их полку. Ординарцы, двенадцать человек, хлопотали у конюшен, и везде мелькали их красивые фуфайки, которые я им привезла, как товарищам Андрюши, и которые они тотчас же надели с восторгом. Андрюша познакомил меня с адъютантом их полка, очень порядочным человеком, Николаем Ивановичем Руженцовым. Мы ходили по площади, разговаривая и поджидая лошадей в подводы военные. К нам еще подошел ротный, неприятный, коренастый человек с старушкой матерью, похожей на мещаночку. Она горько жаловалась на судьбу, что последний, единственный сын ее уходит на войну и она остается совсем одна на свете. Не переставая, плакала эта несчастная мать, я старалась ее утешать и пригласила в свою пролетку сопровождать выходивших из лагеря солдат и офицеров. Она очень этому обрадовалась, говорила, что меня ей бог послал, чтоб бодрее перенести разлуку. А все-таки эта несчастная мать осталась теперь на свете совсем одна!

Когда мы сели с ней в пролетку, мы увидали издали идущую толпу. Это были солдаты, сопровождаемые толпой родных и просто любопытных. Что-то было такое мрачное в грянувшей музыке и барабанном бое. Военная

старушка моя (ее муж был ополченцем в Севастополе), услыхав музыку, тотчас же начала рыдать. Выехали и ординарцы верхами, и мой Андрюша впереди всех в светло-песочной рубашке, такой же фуражке, на своей прелестной кобыле. Так все запечатлелось в моей памяти: завязанные чем-то белым ноги кобылы, прекрасная посадка на лошади Андрюши, и слова старушки: «На лошади-то как сидит ваш сынок — картина, точно у себя в кабинете».

У колодца солдаты остановились, и разные женщины принялись качать воду, черпать кружками и подносить солдатам пить. С утра было жарко, ветер крутил пыль и разносил ее повсюду. Офицеры что-то крикнули, и все опять двинулись к вагонам. Толпа все увеличивалась и проводила солдат до стоявшего наготове поезда, недалеко от вокзала.

Жены, матери, отцы, маленькие дети — все это шло с узелками, вязанками баранок и проч. Недалеко от меня шел молодой солдатик с женой и матерью. Старуха вдруг остановилась и с отчаянием проговорила: «Не могу больше идти». Солдатик обнял ее, поцеловал и побежал догонять полк. Жена последовала за ним, а мать долго стояла на месте как окаменелая.

У вагонов скомандовали: «Вольно», солдаты поснимали мундиры и стали грузить лошадей. Андрюша помогал и распоряжался. Возле вагонов расположилась толпа. Солдаты клали вещи свои около родных, которые сели кто на чем попало, а то и на землю; кто ел, кто унимал детей, кто плакал. Пьяных не было почти никого. Работа нагрузки лошадей и повозок шла быстро и споро. Только долго бились с одной гнедой лошадью и уже силой втащили ее в вагон. К четвертому часу нагрузили всё, осталось только прессованное сено и огромная гора ковриг печеного хлеба. Мы уехали с Андрюшей в гостиницу обедать. Он очень устал, но бодрился, и мы берегли друг друга, стараясь не растрогаться. К нам вскоре подошли и все провожающие Андрюшу: сыновья Илья с женой, Лева и Миша, Николай Маклаков и два тамбовских помещика: Шульгин и Ртищев. После обеда мы снова отправились к вагонам с Андрюшей, и все остальные поехали с нами.

У поезда толпа собралась еще гуще. Солдаты уже сидели в вагонах, жены и родные подавали им их вещи и гостинцы. Один из солдат высунулся и закричал че-

тырехлетнему сыну: «Не плачь, Ленька, шоколадных конфеток привезу». Другой уже с проседью солдат лежал, опрокинув голову, фуражка упала, ноги подняты кверху, глаза закрыты, и он рыдал так отчаянно, что сердце надрывалось его слушать. Молодой бледный прапорщик стоял на площадке и смотрел тупыми глазами изжелта-бледного лица. Он ничего не говорил, точно восковая кукла. Некоторые солдаты прилично плакали. Я подошла к полковому командиру и поблагодарила его за хорошее отношение к Андрюше. Он мне сказал, что «пока одно удовольствие его иметь в полку». Тут же мне представили начальника дивизии, кажется, генерал-лейтенанта Клавера. Он поцеловал мне руку и сказал: «Какие мы иногда минуты переживаем в жизни».

Андрюша ввел нас в вагон I класса, в который его взяли по особенной протекции. Место его было у двери на раскидном кресле. Трудно ему будет, болезненному и избалованному, переносить все неудобства дороги и военной жизни,— и мне больно.

Наконец последний, третий, свисток, грянула музыка, все заплакали, я крестила и целовала Андрюшу и уже ни на кого не смотрела. Красное, растроганное и все в слезах лицо Андрюши кивало нам из окна. Что-то он в это время чувствовал и переживал?.. Дальше, дальше, все исчезло, и я на минуту потеряла всякое сознание жизни и ее смысла. Что-то похожее, но гораздо более сильное я испытала, когда шла с похорон Ванечки. Только матери поймут меня и друг друга.

Если бы кто захотел искать усиленно подъем патриотических и воинственных чувств во всех этих солдатах, офицерах, генералах и тем более в провожающих, никто бы его не нашел и тени. Всем было тяжело, все шли поневоле, с недоумением и тоской. Генерал Клавер попробовал, было, крикнуть солдатам, прощавшимся с ним из вагонов: «Задайте им там *перцу!»* Но слова эти вышли пошлы, некстати, смешны. Он, видно, вдруг вспомнил, что надо подбодрить уезжающих, — и сам понял, как ничего не вышло из этого.

Что-то еще раз оборвалось в моем сердце. Еще новая полоса отделила значительный период моей жизни от прежней к последующей — проводы сына на войну, и ужасное впечатление проводов солдат вообще. Что такое война? Неужели один глупый человечек, Николай II, незлой, сам плачущий, мог наделать столько зла?

Мне вдруг представилось, что война, как буря — явление стихийное, и мы только не видим той злой силы, которая так беспощадно и несомненно крушит насмерть столько человеческих жизней. Когда человек палкой раскапывает муравейник и муравьи погибают, таскают яйца свои и разный сор, они не видят ни палки, ни руки, ни человека, разоряющих их; так и мы не видим той силы, которая произвела убийство войны.

17 августа. Когда переживешь что-нибудь тяжелое, то дальнейшая жизнь идет по инерции, и ни во что не вкладываешь душевную энергию. Проводив Андрюшу на войну, я вдруг почувствовала свою связь со всеми скорбящими о судьбах своих детей, мужей, братьев и проч., и вся радость жизни исчезла, стало страшно за сына — и ужас войны, который был где-то на дне души, вдруг всплыл с страшной силой и ясностью на поверхность души и захватил меня всю.

От Андрюши было бодрое, веселое письмо из Уфы, с дороги. Но он не смотрит вперед...[8] Живет у меня его бедная жена Ольга с детьми, и мне больно на них смотреть. Сонюшка с своими ямочками на щеках и с чуткой, болезненной уже теперь душой меня трогает и часто мучает.

Радостна семья сына Миши. Что за прелестные дети, до того симпатичны, веселы, сердечны эти крошки, что одна радость от них. И жена Миши, какая прекрасная, сердечная, умная женщина. Мне хочется иногда обнять ее и сказать, как я ее люблю и как бесконечно мне было бы жаль ее, если б она когда-нибудь стала несчастна. Здесь еще Варя Нагорнова, мой сердечный друг. Ходила сегодня купаться, холодно и ветрено, в воде 14 градусов. Бодрю свое тело и свою душу.

Л. Н. живет уже неделю в Пирогове у Маши. Он поехал, собственно, для брата, Сергея Николаевича, который умирает от рака в лице, глазу, челюсти. Он, бедный, очень страдает, но хуже всего его душевное состояние: ни терпенья, ни веры, ни любви к людям... Спаси всякого от такого умиранья![9]

Лева-сын и Варя Нагорнова играют в четыре руки квинтеты Моцарта, и мне тоже хочется играть, и писать трудно под музыку.

14 января. Хочу отдать и этот дневник на хранение в Исторический музей, но мне захотелось написать еще, как начали мы этот новый год.

Вхожу я утром 1 января к Льву Николаевичу, целую его, поздравляю с Новым годом. Он писал свой дневник, но перестал и пристально посмотрел на меня. «Мне жаль тебя, Соня,— сказал он,— тебе так хотелось играть со скрипкой сонаты, и тебе не удалось». (А не удалось потому, что и он, и дети отклонили это, и я огорчилась накануне.) — «Отчего жаль?» — спрашиваю я. «Да вот вчера скрипача отклонили, да и вообще ты несчастлива, и мне ужасно жаль тебя». И вдруг Л. Н. расплакался, стал меня ласкать и говорить, как он меня любит, как счастлив был всю жизнь со мной. Я тоже заплакала и сказала ему, что если я иногда не умею быть счастлива, то я сама виновата и прошу его простить меня в моем неустойчивом настроении.

Л. Н. с новым годом всегда как будто подводит итоги жизни; а на этот раз перед самым новым годом Павел Иваныч Бирюков, которого вернули только что из ссылки — из Швейцарии [1], все время читал дневники Л. Н. и его письма ко мне, и Л. Н. часто заглядывал и прочитывал кое-что. Перед ним промелькнула вся его жизнь, и вот он говорил Павлу Ивановичу, составляющему его биографию [2], что лучшего счастья семейного он не мог мечтать, что я во всем дополняла его, что он никого не мог так любить... И я радовалась, когда Павел Иваныч мне это рассказывал.

10 января, в ночь на 11-е, вернулся, слава богу, наш Андрюша с войны; его отпустили на год. Он болен головой и нервами. Все так же ребячлив, но война оставила свои следы, и, кажется, он переменился к лучшему. Война ужасающая по своей жестокости. Не говоря о простой стрельбе, людей мученически казнят: бьют шашками и штыками, не добивая, отбрасывают умирать в жестоких мучениях; жгут, связав предварительно, людей на кострах; устраивают волчьи ямы, куда, провалившись, человек попадает на кол... и т. д. И это люди!.. Я совершенно не понимаю и страдаю ужасно, когда слышу об озверении людей и бесконечной войне.

Лев Николаевич пишет статью о том, как должно правительству действовать, и о требованиях конституции, и

о земском съезде [3]. Вчера он ездил до Тулы верхом, а вернулся в санях, и ничего — молодцом.

Ужасные события в Петербурге. Там стачка 160 тысяч рабочих. Призвали войска, убили, говорят, до 3000 людей [4].

Было два покушения на царя. Вообще времена смутные и тяжелые.

1908

7 сентября. Очень давно не писала своего дневника. Пришла к той поре старости, где предстоят два пути: или подняться выше духовно и идти к самосовершенствованию, или находить удовольствие в еде, покое, всякого рода наслаждениях от музыки, книг, общества людей. Боюсь последнего. Жизнь поставлена в тесные рамки: постоянное усиленное напряжение в уходе за Львом Николаевичем, здоровье которого стало видимо слабеть. Когда ему хуже, то на меня находит какой-то ужас бесцельности и пустоты жизни без него. Когда ему лучше, я как будто готовлюсь к этому и убеждаю себя, что буду свободна для той же цели — служения Льву Николаевичу — тем, что соберу его рукописи в порядке, перепишу их: перепишу все его дневники, записные книжки, все то, что касалось его творчества.

В настоящее время он опять в катающемся кресле с неподвижно положенной ногой, которая слегка припухла. Воспаления нет, и боли нет. Сам он что-то слаб.

Постоянно живущих нас в Ясной Поляне теперь: Лев Николаевич, я, дочь Саша, доктор чех Д. П. Маковицкий, Варв. Мих. Феокритова, как помощница и подруга Саши, и секретарь Льва Николаевича Н. Н. Гусев, которому ежедневно утром Лев Николаевич диктует поправки и новые мысли в вновь составляемый «Круг чтения» [1].

Пережили так называемый юбилей восьмидесятилетия Льва Николаевича. В общем — сколько любви и восхищения перед ним человечества. Чувствуется это и в статьях, и в письмах, и, главное, в телеграммах, которых около 2000. Все я собираю и намереваюсь отдать на хранение в Исторический музей в Москву. Так и будет: «Юбилейный архив».

Были и трогательные подарки: первый был от официантов петербургского театра «Буфф» с прекрасным

адресом. Подарок этот — никелированный самовар с вырезанными на нем надписями: «Не в силе бог, а в правде», «Царство божье внутри вас есть», и 72 подписи [2]. Потом прислали художники прекрасный альбом с акварельными рисунками [3]. Много портретов Льва Николаевича, и шелком вышитый, и весь из мелкого писанья рассказа Льва Николаевича; [4] от торжковских кустарей прекрасная кожаная подушка вышитая; от кондитера Бормана четыре с половиной пуда шоколада, из которого 100 коробок для раздачи яснополянским детям. Еще от кого-то 100 кос нашим крестьянам; 20 бутылок вина St. Raphaël для желудка Льву Николаевичу. Еще ящик большой папирос от фабрики Оттоман, который Лев Николаевич с благодарным письмом отправил назад, так как он против табаку и куренья [5].

Были и злобные подарки, письма и телеграммы. Например, с письмом, в котором подпись «Мать», прислана в ящике веревка и написано, что «нечего Толстому ждать и желать, чтоб его повесило правительство, он и сам это может исполнить над собой» [6].

Вероятно, у этой матери погибло ее детище от революции или пропаганды, которые она приписывает Толстому.

В день рождения Льва Николаевича собрались следующие лица за столом: он сам, я, четыре сына: Сережа, Илья, Андрюша и Миша. Лева в Швеции, ждет родов жены. Из дочерей одна Саша, а Таня была незадолго до 28-го, а именно приезжала к моему рождению 22-го, и теперь не решилась оставить дочку свою вторично. Потом были: Михаил Сергеевич Сухотин, Михаил Александрович Стахович, супруги Гольденвейзеры, отец и сын Чертковы, Мария Александровна Шмидт, Иван Иванович Горбунов, англичанин m-r Wright, привезший адрес от английских писателей [7], Митя Кузминский, жены сыновей Маша (Зубова) и Соня (Философова), а вечером приехала и вторая жена Андрюши Катя. Потом приехала Галя Черткова и пришли супруги Николаевы. Настроение было тихое, спокойное и умиленное у всех, начиная с Льва Николаевича, который только что выздоровел и выехал в кресле к обеду. Чувствовалось что-то любовное и извне — от всего мира, и в душе каждого из присутствовавших в этот день. Когда вечером Лев Николаевич ложился спать и я, по обыкновению, затыкала ему за спину теплое, мною вязанное одеяло, он мне сказал: «Как хорошо! как все

хорошо! Только за все это не было бы какое-нибудь горе...» Пока бог миловал.

Сегодня Лев Николаевич чувствует себя недурно, хотя опять сидит в кресле с вытянутой ногой, которая слегка припухла. Обедал с нами, ел охотно и рассказывал, что получил сегодня письмо от какого-то незнакомого полковника, спрашивающего его, на какой лошади он ускакал от чеченцев на Кавказе [8].

Дело было так: собралась ехать так называемая на Кавказе в то время «оказия». Ехали в экипажах и верхами, а сопровождали солдаты. Желая погарцевать и похрабриться, трое отделились от «оказии» и поскакали вперед, а именно: Лев Николаевич, его кунак (приятель) Садо и Полторацкий. Под Львом Николаевичем была высокая серая лошадь, дорого заплаченная, красивая, но тяжелая, с прекрасным проездом, т. е. иноходец. Дорогой Садо предложил поменяться лошадьми, чтоб Лев Николаевич испробовал резвость ногайской породы лошади Садо. Только что они поменялись, вдруг им навстречу из-под горы показались вооруженные чеченцы. Ни у Льва Николаевича, ни у Полторацкого не было оружия. Полторацкий был на плохой артиллерийской лошадке, он отстал, в него выстрелили, попали в лошадь, а его изрубили на месте шашками, но он остался жив. В то время как Садо, махая ружьем, что-то по-чеченски кричал своим землякам, Лев Николаевич успел ускакать на быстроногой маленькой ногайской лошадке своего кунака Садо [9]. И так опять-таки случай спас жизнь Толстого.

После обеда Лев Николаевич играл в шахматы с Гольденвейзером, а потом слушал его же игру на фортепьяно. Третий Scherzo Шопена, эскиз Аренского и две баллады Шопена, из коих вторую он сыграл превосходно, с вдохновением, сообщившимся всем.

Моя жизнь все сводится к материальным заботам. Приезжал подрядчик, делали сметы на перестройку пола у Саши, на починку бани, кучерской, постройки птичника и т. д. Даже просто погулять нет возможности; то сидела с Львом Николаевичем, а то дела. А как я люблю природу: смотрю на покрасневшие клены, и хочется их написать. Люблю искусство; иду по полю, а мысленно твержу стихи Тютчева: «Есть в осени первоначальной короткая, но дивная пора...», и т. д. Слушаю, как играет Гольденвейзер, и все мое существо стремится опять заняться музыкой...

И так всю жизнь, неудовлетворенные порывы и строгое исполнение долга. Теперь порывы затихают: передо мной спустилась та стена, предел жизни человеческой, которая останавливает эти жизненные порывы, эту художественную тревогу. «Не стоит, скоро всему конец!» Останется молитва; но и та холодеет перед тяжелой, житейской, материальной жизнью. Бросить ее, бросить все... Но на кого?

8 сентября. Встала поздно, пошла узнать о Льве Николаевиче; у него вчера в ночь сделалась сильная изжога. Подошла к сетке балконной двери из кабинета Льва Николаевича, а он, увидав меня, радостно воскликнул: «А, Соня!», что мне было очень приятно.

Сегодня он составил с Гусевым благодарственное письмо всем, почтившим его день восьмидесятилетнего рожденья. Гусев мне прочел его вечером, и я сделала кое-какие поправки и замечания, с которыми согласились и Гусев, и сам Лев Николаевич.

Саша уехала в Тулу с Варварой Михайловной на концерт. Приезжал Н. В. Давыдов, и как хорошо с ним провели день. Много беседовали о литературе, причем все ужасались перед порнографией, бездарностью и грубой смелостью современных писателей. Говорили о смертной казни, бессмысленность и бесполезность которой высказывал Давыдов. Да и о многом другом беседовали с ним, Львом Николаевичем, Хирьяковым и Николаевым. Дни летят и как-то бесплодно, что мне грустно; точно что-то теряешь драгоценное; и это драгоценное — время, последние годы своей жизни и жизни близких.

10 сентября. Хозяйство меня затягивает. Сегодня распорядилась копать картофель. Прихожу в поле — никого. Все ушли обедать. Мальчик лет четырнадцати, заморыш, *караулит* картофель, все поле от расхищения. Я ему говорю: «Что же ты сидишь, не собираешь картофель?» Взяли мы с ним кошелки, пошли работать; копали вдвоем картофель и собрали в кошелки, пока пришли поденные. Много веселей работать, чем быть хозяйкой и погонять работающих. Мое вмешательство как бы всех подогнало, и убрали в один день очень много. Сортировали, носили в подвал, я и тут наблюдала и даже помогала. Стражники удивленно смотрели на мою работу.

Льву Николаевичу нынче лучше; нога совсем прошла, он сегодня ходил один; да и весь он бодрее. Много работал над своим «Кругом чтения», потом слушал музыку и играл вечером в винт с племянницей Лизой Оболенской, приехавшей сегодня, с дочерью Сашей и Варварой Михайловной. Лег рано. Тихо на воздухе, 10 градусов тепла, все еще зелено; флоксы прелестны перед моими окнами, да и везде.

13 сентября. Чтение газет и отыскивание в них имени Льва Николаевича берет много времени и тяжело на мне отзывается. Передо мной проходит тяжелая русская жизнь; читая их, точно что-то делаешь и узнаешь,— а в сущности ни к чему. Делаю вырезки и наклеиваю их в книгу. Собрала семьдесят пять газет 28 августа; есть и журналы. Любви к Льву Николаевичу много, понимания настоящего мало. Сегодня я окончательно редактировала и переписала письмо Л. Н. в газету с обращением благодарности всем, почтившим его 28 августа [10]. Ясный, свежий, блестящий день; к вечеру 3 градуса тепла. Много ходила по разным хозяйственным делам, вспоминала стихи Фета, присланные мне когда-то со словами: «Посылаю вам (к именинам) свой последний осенний цветок, боюсь вашей проницательности и тонкого вкуса». Стихи начинаются словами: «Опять осенний блеск денницы...» Особенно хорошо вышло:

И болью сладостно-суровой
Так радо сердце вновь заныть... [11]

Это настоящее *осеннее* чувство.

Приходил ко Льву Николаевичу какой-то рыжий босой крестьянин, и долго они беседовали о религии. Привел его Чертков и все хвалил его за то, что он имеет хорошее влияние на окружающих, хотя очень беден. Я хотела было прислушаться к разговорам, но когда я остаюсь в комнате, где Л. Н. с посетителями, он молча, вопросительно так на меня посмотрит, что я, поняв его желание, чтоб я не мешала, принуждена уйти.

У Сережи подожгли хлеб, и его сгорело на 4000 рублей. Л. Н. сидел на балконе, завтракал, а вечером играл в шахматы с Чертковым и беседовал с Николаевым. Здоровье его лучше, и в нем чувствуется какая-то удовлетворенность от юбилейных, к нему любовных отношений людей, и даже умиленность.

14 сентября. С утра решила, что сегодня разочту всех своих яснополянских поденных. К конторе собрались молодые девушки и подростки-мальчики. Взяла я на подмогу себе Варвару Михайловну, потом пришла и моя Саша с Надей Ивановой. Принялись все учитывать билетики, записывать, платить. Девушки сначала пели, потом шуточки разные пускали, ребята весело возились. Раздала я 400 рублей. Дома все еще занималась этим делом, ставила штемпеля «уплачено» в книги ярлыков. День сегодня тихий, серенький, к вечеру 8 градусов. Саша набрала крупных опенок и рыжиков немножко.

Л. Н. с утра был одолеваем посетителями. Приезжий из Америки русский (Бианко, кажется), женатый на внучатной племяннице Диккенса, просил портрет Льва Николаевича в Америку, где живут три тысячи молокан, назвавших именем Толстого свою школу.

Потом пришло восемь молодых революционеров, недавно выпустивших прокламацию, что надо бунтовать и убивать помещиков. Л. Н. сам их вызвал, когда узнал от некоторых из них о их существовании. Старался он их образумить, внушить добрые и христианские чувства [12]. К чему это поведет — бог их знает.

Потом я застала у Л. Н. юношу. Он сидел такой жалкий и плакал. Оказывается, что ему надо идти отбывать воинскую повинность, а это ему противно; он хочет отказаться, слабеет, плачет и остается в нерешительности [13]. Еще приходил старичок из простых побеседовать. Приходили два солдата с штатским, но их уже не пустили, а дали им книги.

Днем Л. Н. сидел наверху на балконе.

Читаю и делаю вырезки все только о Толстом. Сегодня хороша в «Новой Руси» от 12 сентября.

16 сентября. Сегодня Л. Н. в первый раз после двух месяцев сиденья дома выехал в пролетке с Гусевым; сам правил и съездил к Чертковым в Телятинки. У него прекрасный аппетит, и он, видимо, поправляется.

Идет какая-то хозяйственная суета, которая тяжела и заслоняет и жизнь, и мысли о скоро предстоящей смерти.

Точно все к чему-то готовятся — точно *готовятся* к жизни, а ее-то и нет, т. е. нет настоящей, спокойной, досужной жизни, для тех занятий, которыми занимаешься любя. В этом был всю жизнь и мудр, и счастлив Л. Н.

Он всегда работал по своему выбору, а не по необходимости. Хотел — писал, хотел — пахал. Вздумал шить сапоги — упорно их шил. Задумал детей учить — учил. Надоело — бросил. Попробовала бы я так жить? Что бы было и с детьми и с самим Л. Н.?

17 сентября. Мои именины. Ходила с Варей Нагорновой гулять и восхищалась особенно горячо, по-молодому, красотой осенней природы. Яркое освещение бесконечно разнообразной окраски леса беспрестанно давало такие чудесные картины, что мне безумно хотелось все воспроизвести, написать масляными красками. Перед домом на клумбе цветет еще одна роза, и опять стих: «Одна лишь ты, царица роза, благоуханна и пышна», как сказал Фет в своих стихах об осени[14], мне приходит часто на ум.

Гуляла я еще с Андрюшей и его женой. Приехала и Мария Александровна Шмидт, и точно *праздновала* именины. Я не люблю *празднества,* хотя сегодня мне было очень приятно. Вечером играли в винт: Л. Н., Саша, Андрюша и Варвара Михайловна, а я делала вырезки из газет. Днем Л. Н. катался в пролетке на резиновых шинах с Сашей, и Чертков на козлах. Вчера он тоже катался. Поздно вечером разговорился он о своей работе над «Кругом чтения» и начал нам читать различные изречения свои и других мыслителей. По-видимому, он очень занят и любит свою работу. Говорил о внутреннем благе человека, состоящем в его любви ко всем, в постоянном общении с богом, в стремлении жить, чувствуя и исполняя волю божию. Никогда Л. Н. еще не определил ясно, *в чем* он видит волю божию и как приложить ее в жизни. «В любви», — отвечает он, когда его спрашивают. Но и это не ясно. Всякий чувствует и понимает бога посвоему; и чем глубже это понимание, тем меньше о нем говорится, тем оно тверже и лучше.

Очень постарел Л. Н. в этом году. Он перешел еще следующую ступень. Но он хорошо постарел. Видно, что духовная жизнь преобладает, и хотя он любит и кататься, любит вкусную пищу и рюмочку вина, которое ему прислало Общ. вина St. Raphaël к юбилею; любит и в винт, и в шахматы поиграть, но точно тело его живет отдельной жизнью, а дух остается безучастен к земной жизни, а где-то уж выше, независимее от тела. Что-то совершилось после его болезни: что-то новое, более чуждое,

далекое чувствуется в Льве Николаевиче, и мне иногда невыносимо грустно и жаль утерянного и в нем, и в его жизни, и в его отношении ко мне и ко всему окружающему. Видят ли это другие?

30 сентября. Всецело отдалась хозяйству. Но это для меня возможно только потому, что сопряжено с постоянным общением с природой и любованием ею. В природу включаю работающий народ. Сегодня ходила в яблочные сады; там сорок человек счищают мох, обрезают сушь, а главное, мажут стволы составом из глины, известки и коровьего навоза. Какая красота эти пестрые фигуры девушек на зеленом фоне еще свежей травы, это голубое небо, желтые, и красные, и бурые деревья! Я долго любовалась одной яблоней — опортовых яблок. Таких переливов красок нежно-желтого, розового и светло-зеленого цвета трудно было бы воспроизвесть, и вся фигура яблони прелестна.

Потом ходила смотреть, как делают плотину и спуск на нижнем пруду.

В саду нарвала еще букет Льву Николаевичу, но ему ничего и никого не стало нужно. Болезнь ли, усадившая его дома и сильно повлиявшая на него, старость ли или эта стена его толстовцев, а главное Черткова, почти поселившегося в нашем доме и не оставляющего Льва Николаевича почти никогда одного,— не знаю что, но он стал не только чужд, но даже недобр со мною, да и со всеми. Вчера получено было письмо от его сестры, Марии Николаевны, прекрасное, полное чувства письмо,— Л. Н. его и не прочел [15].

«Круг чтения» опять весь перечеркнут, переделан, все переправлено, и бедная Саша все должна опять переписывать на машинке. Хорошо, что я ей взяла на помощь Варвару Михайловну, а то она совсем надорвала бы и нервы и глаза.

Переписываю каталоги библиотеки, а то они все разорвались. Работа и скучная, и трудная, но необходимая. Перешиваю зимние платья. Очень скучаю, но не пишу свою «Жизнь» и не занимаюсь никаким искусством. Как часто хочется поиграть; но два рояля стоят в зале, а там никогда нельзя играть... Или едят там, или Лев Николаевич занимается, или спит...

Все это время читала на всех языках статьи о Л. Н., о нас. Никто его не знает и не понимает; самую суть его

характера и ума знаю лучше других я. Но что ни пиши, мне не поверят. Л. Н. человек огромного ума и таланта, человек с воображением и чувствительностью, чуткостью необычайными, но он человек без сердца и доброты настоящей. Доброта его *принципиальная*, но не *непосредственная*.

Дивная погода. Яркое солнце, 11 градусов тепла в тени, лист не облетел, и ярко-желтые березы на голубом небе, прямо перед нашими окнами, поражают своей окраской.

На душе уныло, одиноко, никто меня не любит. Видно, недостойна. Во мне много страстности, непосредственной жалости к людям, — но тоже мало доброты. Лучшее, что во мне есть — это чувство долга и материнства.

Был у нас третьего дня бывший революционер Н. А. Морозов, просидевший сначала в Шлиссельбургской, потом Петропавловской крепости двадцать восемь лет. Все хотелось послушать от него о его психологическом состоянии во время сиденья. А он больше рассказывал, как нарочно морили плохой едой, от которой делалась цинга. Цингу лечили, потом опять морили голодом и дурной пищей, так что из одиннадцати посаженных одновременно в крепость остались живы и отбыли срок трое, а восемь человек умерло.

Морозов еще свежий на вид, женился в прошлом году. Говор его какой-то глухой. Сам жизнерадостный и весь поглощенный интересом к астрономии. Уже он написал и напечатал книгу об Апокалипсисе[16], и все его работы состоят в том, чтобы найти связь старых священных писаний с астрономией.

Приезжал Морозов с старушкой, своей старой приятельницей Лебедевой, и пробыли они один вечер[17].

8 декабря. Хочется мне записать то, что я случайно слышала. Чертков, который бывает у нас каждый день, вчера вечером пошел в комнату Льва Николаевича и говорил с ним о крестном знамении. Я невольно из залы слышала их разговор. Л. Н. говорил, что он по привычке иногда делает крестное знамение, точно, если не молится в ту минуту душа, то тело проявляет знак молитвы. Чертков ему на это сказал, что легко может быть, что, умирая или сильно страдая, Лев Николаевич будет креститься рукой и окружающие подумают, что он перешел или желает перейти в православие; и чтоб этого не подумали,

Чертков запишет в свою записную книжку то, что сказал теперь Лев Николаевич.

Какое ограниченное создание — Чертков, и какая у него на все узкая точка зрения! Ему даже не интересна психология души Льва Николаевича в то время, как он один, сам перед собой и перед богом, осеняет себя крестным знамением, которым крестила его и мать, и бабушка, и отец, и тетеньки, и его же маленькая дочь Таня, когда она вечером прощалась с отцом и, быстро двигая маленькой ручкой, крестила отца, приговаривая: «Пикистить папу». Черткову надо все *записать*, *собрать*, *сфотографировать* — и только.

Интересен его рассказ, как к нему пришли два мужика и просили принять их в какую угодно *партию*, что они подо что угодно подпишутся и чем угодно: чернилами, кровью — на все согласны, лишь бы им платили деньги.

Произошло это оттого, что у Черткова набрано в его доме столько всякого сброду, живут и едят тридцать два человека. Дом большой и весь полон. В числе других живут четыре парня, товарищи сына Димы, просто молодые ясенковские мужики, которые, не делая ровно ничего, кушают вместе с господами и получают по 15 рублей в месяц. Им завидуют. Там же живут с матерью мои бедные, брошенные моим сыном Андрюшей, внуки — Сонюшка и Илюшок. Я их не могу видеть без горести.

У нас поломали во флигеле все замки, побили стекла; украли мед из улья. Я ненавижу народ, под угрозой разбоя которого мы теперь живем. Ненавижу и казни, и несостоятельность правительства.

1909

14 января. Сегодня я вступила в прежнюю должность — переписывала новое художественное произведение Льва Николаевича, только что написанное [1].

Тема — революционеры, казни и происхождение всего этого. Могло бы быть интересно. Но те же приемы — описания мужицкой жизни. Смакование сильного женского стана с загорелыми ногами девки, то, что когда-то так сильно соблазняло его; та же Аксинья с блестящими глазами, почти бессознательно теперь, в восемьдесят лет, снова поднявшаяся из глубины воспоминаний и ощущений прежних лет. Аксинья была баба яснополянская, послед-

няя до женитьбы любовница Льва Николаевича и ныне живущая в деревне. Все это как-то тягостно отозвалось во мне. И, вероятно, дальше будет опоэтизирована революция, которой, как ни прикрывайся христианством, Л. Н. несомненно сочувствует, — ненавидит все, что высоко поставлено судьбой и что — власть.

Буду переписывать дальше, посмотрим, что будет в дальнейшем рассказе. Ему не хотелось давать мне переписывать, точно ему было стыдно за его рассказ. Да если бы в нем было немножко больше деликатности, он не называл бы своих бабьих героинь Аксиньями. И опять из мужиков герой, который должен быть симпатичен с своей улыбкой и гармонией, а потом спутавшийся и сделавшийся революционером. Может быть, я переменю свое мнение, но пока мне все не нравится.

Приехала сегодня Ванда Ландовская и много играла. Мазурка Шопена и соната Моцарта были исполнены в совершенстве. Близко нагнувшись над клавишами, она точно заставляет кого-то себе рассказывать содержание сочинения. Изящество игры и выразительность доведены до последней степени красоты. Старинные вещи: кукушка, старички, молодые, пляска прислуги, bourrée — все интересно, и все удивительно исполнено. Слушали, кроме нашей семьи, отец и сын Чертковы и невестка Ольга[2]. Уехала Маруся Маклакова.

1910

26 июня[1]. Лев Николаевич, муж мой, отдал все свои дневники с 1900 года Вл. Гр. Черткову и начал писать новую тетрадь там же[2], в гостях у Черткова, куда ездил гостить с 12-го июня. В том дневнике, который он начал писать у Черткова, который он дал мне прочесть, между прочим сказано: «Хочу *бороться* с Соней добром и любовью»[3]. Бороться?! С чем бороться, когда я его так горячо и сильно люблю, когда одна моя мысль, одна забота — чтоб ему было хорошо. Но ему перед Чертковым и перед будущими поколениями, которые будут читать его дневники, нужно выставить себя несчастным и великодушно-добрым, *борющимся* с мнимым каким-то злом.

Жизнь моя с Льв. Ник. делается со дня на день невыносимее из-за бессердечия и жестокости по отношению ко мне. И все это постепенно и очень последовательно

сделано Чертковым. Он всячески забрал в руки несчастного старика, он разлучил нас, он убил художественную искру в Л. Н. и разжег осуждение, ненависть, отрицание, которые чувствуются в статьях Л. Н. последних лет, на которые его подбивал его глупый злой гений.

Да, если верить в дьявола, то в Черткове он воплотился и разбил нашу жизнь.

Все эти дни я больна. Жизнь меня утомила, измучила, я устала от трудов самых разнообразных; живу одиноко, без помощи, без любви, молю бога о смерти; вероятно, она не далека. Как умный человек, Лев Никол. знал способ, как от меня избавиться, и с помощью своего друга — Черткова убивал меня постепенно, и теперь скоро мне конец.

Заболела я внезапно. Жила одна с Варварой Михайловной в Ясной Поляне, Лев Никол., Саша и вся свита: доктор, секретарь и лакей — уехали в Мещерское к Чертковым. Для Сашиного здоровья после ее болезни, для чистоты и уничтожения пыли и заразы, меня вынудили в доме все красить и исправлять полы. Я наняла всяких рабочих и сама таскала мебель, картины, вещи с помощью доброй Варвары Михайловны. Было и много и корректур, и хозяйственных дел. Все это меня утомило ужасно, разлука с Л. Н. стала тяжела, и со мной сделался нервный припадок, настолько сильный, что Варвара Михайловна послала Льву Никол. телеграмму: «Сильный нервный припадок, пульс больше ста, лежит, плачет, бессонница» [4]. На эту телеграмму он написал в дневнике: «Получил телеграмму из Ясной. Тяжело» [5]. И не ответил ни слова и, конечно, не поехал.

К вечеру мне стало настолько дурно, что от спазм в сердце, головной боли и невыносимого какого-то отчаяния я вся тряслась, зубы стучали, рыданья и спазмы душили горло. Я думала, что я умираю. В жизни моей не помню более тяжелого состояния души. Я испугалась и, как бы спасаясь от чего-то, естественно бросилась за помощью к любимому человеку и вторично ему телеграфировала уже сама: «*Умоляю* приехать завтра, 23-го» [6]. Утром 23-го вместо того, чтоб приехать с поездом, выходящим в 11 часов утра, и помочь мне, была прислана телеграмма: «*Удобнее* приехать 24-го утром, если необходимо, приедем ночным» [7].

В слове *удобнее* я почувствовала стиль жестокосердого, холодного деспота Черткова. Состояние моего отчая-

ния, нервности и болей в сердце и голове дошло до последних пределов.

У Чертковых все разочли, что я не могу успеть и получить, и ответить телеграммой, но я тоже разочла и предвидела их хитрость, и мы послали телеграмму от имени Варвары Михайловны: «Думаю необходимо», но не простой, а *срочной*.

А в то время приехал к Чертковым скрипач Эрденко с женой. Разумеется, Чертков внушил Льву Никол., что неловко уезжать, и, конечно, не высказал, но подвел так, что скрипач, конечно, важней больной жены, и задержал Л. Н. А он и рад хоть лишнее утро пробыть еще с своим обожаемым, красивым идолом.

Вечером, 23-го, Лев Ник. — с своим хвостом — вернулся недовольный и не ласковый. Насколько я считаю Черткова нашим *разлучником*, настолько Лев Ник. и Чертков считают *разлучницей* меня.

Произошло тяжелое объяснение, я высказала все, что у меня было на душе. Сгорбленный, жалкий сидел Лев Ник. на табуретке и почти все время молчал. И что мог бы он мне сказать? Минутами мне было ужасно жаль его. Если я не отравилась эти дни, то только потому, что я *трусиха*. Причин много, и надеюсь, что господь меня приберет и без греховного самоубийства.

Во время нашего тяжелого объяснения вдруг из Льва Ник. выскочил зверь: злоба засверкала в глазах, он начал говорить что-то резкое, я ненавидела его в эту минуту и сказала ему: «А! вот когда ты настоящий!», и он сразу притих.

На другое утро моя неугасаемая любовь взяла верх. Он пришел, и я бросилась ему на шею, просила простить меня, пожалеть, приласкать. Он меня обнял, заплакал, и мы решили, что теперь все будет по-новому, что мы будем помнить и беречь друг друга! Надолго ли?

Но я не могла уже оторваться от него; мне хотелось сблизиться, срастись с ним; я стала его просить поехать со мной в Овсянниково, чтобы побыть с ним. Мы поехали. Ему, видимо, не хотелось ехать со мной, но он сделал усилие, а дорогой все пытался уйти от меня пешком. Тогда я опять начинала плакать, так как мое одинокое катанье в пролетке теряло уже для меня всякий смысл.

Доехали вместе, я успокоилась, блеснул маленький луч радости быть *вместе*.

Сегодня я прочла данный мне Льв. Ник. его дневник, — и опять меня обдало холодом и расстроило известие, что Лев Ник. *все* дневники свои от 1900 года отдал Черткову, якобы делать выписки, а у Черткова работает сын хитрого Сергеенко и, по всей вероятности, переписывает все целиком для будущих целей и выгод, а в дневниках Льва Ник., везде с умыслом, он выставляет меня, как и теперь — мучительницей, с которой надо как-то *бороться* и самому *держаться*, а себя великодушным, великим, любящим, религиозным...

А мне надо подняться духом, понять, что перед смертью и вечностью так не важны интриги Черткова и мелкая работа Л. Н. унизить и убить меня.

Да, если есть бог, ты видишь, господи, мою ненавидящую ложь душу, и мою не умственную, а сердечную любовь к добру и многим людям!

Вечер. Опять было объяснение, и опять мучительные страдания. Нет, так невозможно, надо покончить с собой. Я спросила: «С чем во мне Лев Ник. хочет бороться?» Он говорит: «С тем, что у нас во всем с тобой разногласие: и в земельном, и в религиозном вопросе». Я говорю: «Земли не мои, и я считаю их семейными, родовыми». — «Ты можешь *свою* землю отдать». Я спрашиваю: «А почему тебя не раздражает земельная собственность и миллионное состояние Черткова?» — «Ах! ах, я буду молчать, оставь меня...» Сначала крик, потом злобное молчание.

Сначала на вопрос мой, где дневники с 1900 года, Лев Ник. мне быстро ответил, что у него. Но когда я их просила показать, он замялся и сознался, что они у Черткова. Тогда я спросила опять: «Так где же дневники твои, у Черткова? Ведь может быть обыск и все пропадет? А мне они нужны как материал для моих «Записок».— «Нет, он принял свои меры,— отвечал Л. Н.,— они в каком-то банке». — «Где? в каком?» — «Зачем тебе это надо знать?» — «Как, ведь я самый тебе близкий человек, жена твоя».— «Самый близкий мне человек — Чертков, и я не знаю, где дневники. Не все ли равно?»

Правду ли говорит Лев Николаевич? Кто его знает; все делается скрытно, хитро, фальшиво, во всем заговор против меня. И давно он ведется и не будет этому конца до смерти несчастного, опутанного дьяволом Чертковым старика.

Я, кажется, обдумала, что мне надо делать. На днях, до отъезда Льва Ник. к Черткову, он негодовал на нашу жизнь, и когда я спросила: «Что же делать?», он негодующим голосом кричал: «Уехать, бросить все, не жить в Ясной Поляне, не видать нищих, черкеса, лакеев за столом, просителей, посетителей,— все это для меня ужасно!»

Я спросила: «Куда же теперь нам, старикам, уехать?» — «Куда хочешь: в Париж, в Ялту, в Одоев... Я, разумеется, поеду с тобой».

Слушала я, слушала всю эту гневную речь, взяла 30 рублей и ушла; хотела ехать в Одоев и там поселиться.

Была страшная жара, добежала до шоссе, задохнулась от волнения и усталости, легла возле ржи в канаву на травке.

Слышу, едет кучер в кабриолете. Села, обессиленная вернулась домой. У Льва Никол. на короткое время сделались перебои в сердце. Что тут делать? Куда деваться? Что решать? Это был первый надрез в наших отношениях.

Приехала домой. Опять тяжесть жизни. Муж сурово молчит, а тут корректуры, маляры, приказчик, гости, хозяйство... Всем надо ответить, всех удовлетворить. Голова болит, что-то огромное, разбухающее распирает голову, и что-то напухшее, сдавливающее — в сердце.

И вот сегодня вечером, обходя раз десять аллеи в саду, я решила без ссор, без разговоров нанять угол в чьей-нибудь избе и поселиться в ней, бросив все дела, всю жизнь, стать бедной старушкой в избе, где дети, и их любить. Надо попробовать.

Когда я стала говорить, что на перемену более простой жизни с Льв. Ник. я не только готова, но смотрю на нее, как на радостную идиллию, только прошу указать, *где* именно он хотел бы жить, он сначала мне ответил: «На юге, в Крыму или на Кавказе...» Я говорю: «Хорошо, поедем, только скорей...» На это он мне начал говорить, что прежде всего нужна *доброта.*

Разумеется, он никуда не поедет, пока тут Чертков, и в Никольское, к Сереже, как обещал, не поедет. *Доброта!* А *когда* в 20 лет, может быть, в первый раз он мог показать *свою* доброту, которую я давно не чувствую, когда я *умоляла* его приехать, он с Чертковым сочинял телеграмму, что *удобнее* не приезжать. Я спросила: «Кто составлял и писал телеграмму?» Лев Ник. сейчас же ответил: «Кажется, я с Булгаковым; впрочем, не помню».

Я спросила Булгакова, он мне сказал, что даже не знал и никакого участия в телеграмме не принимал. Пришлось сознаться, что стиль Черткова, которого Лев Ник. хотел выгородить и, к ужасу моему, — просто сказал неправду.

Пишу ночью, одна, в зале. Рассвело, птицы начали петь, и возятся в клетках канарейки.

Неужели я не умру от тех страданий, которые я переживаю...

Сегодня Лев Ник. упрекал меня в розни с ним *во всем*. В чем? — В земельном вопросе, в религиозном, да во всем... И это неправда. Земельный вопрос по Генри Джорджу я просто не понимаю; отдать же землю, помимо моих детей, считаю высшей несправедливостью. Религиозный вопрос не может быть разный. Мы оба верим в бога, в добро, в покорность воле божьей. Мы оба ненавидим войну и смертную казнь. Мы оба любим и живем в деревне. Мы оба не любим роскоши... Одно — я не люблю Черткова, а люблю Льва Ник—а. А он не любит меня и любит своего идола.

30 июня. 28-го мы поехали в Никольское, к сыну Сереже на день его рожденья: Лев Ник., Саша, я, Душан Петрович и Н. Н. Ге. Встали все рано, и я пошла сказать, что если Лев Никол. себя плохо чувствует, то чтоб не ехал, а я поеду с Н. Н. Ге вдвоем. Он сказал, что подумает, а раньше дал мне слово, что поедет со мной непременно. Совестно ему, верно, стало, и он поехал.

Я чувствовала себя очень еще больной и накануне вечером решила не ехать, сидела, следила за игрой в шахматы Льва Ник. с Гольденвейзером. И в это время вошел Булгаков и сказал, что Чертков, бывший в ссылке, приехал с матерью в Телятинки[8]. Я вскочила, как ужаленная, кровь прилила к голове и сердцу, и я решила ехать к Сереже непременно. Быстро уложилась и потом не спала всю ночь. Утром Лев Ник. сказал мне, что пойдет вперед пешком, а чтоб я его догоняла в экипаже. Но приехал Чертков, Лев Ник. тотчас же потерял голову и вместо Засеки пошел по направлению к Ясенкам. Спохватился, испугался и быстро пошел к конюшне, на гору, а оттуда ехал и догонял меня с Чертковым, на его запряженной лошади, но слез на некотором расстоянии, — подошел к моей пролетке, и мы поехали вместе.

На станции Бастыево, куда должны были за нами выслать, лошадей не оказалось. Саша с Ге слезла в Черни и на тройке уехала в Никольское, где оказалось, что никакой телеграммы от нас не было получено. Ее просто задержали и не послали из Бастыева. Давно я не испытывала такой тоски, как эти три часа ожиданья на грязной, тесной, неприветливой станции.

Лев Ник. опять ушел вперед и взял не то направление, и опять пришлось его искать уже в приехавшей из Никольского коляске. Хорошо, что я взяла с собой и овсянку сваренную и кофе с молоком и могла накормить Льва Ник—а. О себе я никогда не думаю и ничего не ела, только чаю плохого выпила стакан и за весь день съела одно яйцо.

В Никольском была дочь Таня, семья Орловых, Гаяринов, Таня Берс и главное — Варечка Нагорнова. Делали красивые прогулки, но мне все было тяжело и трудно. Разговоры с Таней только еще более расстроили меня: в них было с ее стороны столько жестокого осуждения и столько безжалостности и невозможно исполнимых требований, что я еще больше расстроилась. Зато Варечка так сердечно, умно и ласково отнеслась к моим страданиям.

Последняя прогулка очень меня утомила, но в общем я рада была, что мы съездили. Два дня близко, близко провела с моим Левочкой, ехали на станцию так, что он держал меня под руку, он сам этого захотел, а когда ехали вчера ночью со станции Засека, он трогательно беспокоился, что мне холодно, мне ничего теплого не прислали, я была в одном платье, и он пошел к коляске спросить, нет ли чего теплого. Ге принес и накинул на меня свой плащ.

На Засеке поезд остановили на мосту, где между перилами моста и вагонами было так узко, что едва можно было пройти. Если б поезд тронулся, могли бы вагоны и нас стащить.

Сегодня с утра я очень тревожилась о здоровье Льва Ник—а. У него все сонливость, отсутствие аппетита и обычное желчное состояние. Пульс больше 80-ти. Он долго днем лежал и лежа принимал Сутковой, Гольденвейзера и Черткова. Слушала я разговор Л. Н. с Сутковым, и он говорил, между прочим, Сутковому, что: «Я сделал эту ошибку, и женился...» Ошибку?

«Ошибкой» он считает будто оттого, что женатая жизнь мешает духовной жизни.

К вечеру, позднее, Л. Н. встал, играл в шахматы с Гольденвейзером, я поправляла корректуру «Власти тьмы»[9]. Было хорошо, тихо, спокойно и без Черткова.

1 июля. Вечером. Весь день просидела за корректурой нового издания («Плоды просвещения»)[10] и очень дурно себя чувствовала во всех отношениях. Письмо мое к Черткову Льву Николаевичу не понравилось[11]. Что делать! Надо всегда писать только *правду*, не принимая ничего в соображение, и я послала все-таки это письмо. Вечером, при закрытых дверях собрались: Лев Ник., Саша и Чертков, и начался какой-то таинственный разговор, из которого я мало расслышала, но упоминалось часто мое имя. Саша ходила кругом осматривать, не слушаю ли я их, и, увидав меня, побежала сказать, что я слышала, вероятно, с балкона их раз- или за-говор. И опять защемило сердце, стало тяжело и больно невыносимо. Я откровенно пошла тогда в комнату, где все сидели, и, поздоровавшись с Чертковым, сказала: «Опять заговор против меня?» Все были смущены, и Л. Н. с Чертковым наперерыв начали говорить что-то бессвязное, неясное о дневниках, и так никто мне не сказал, о чем говорили, а Саша просто скорей ушла.

Началось тяжелое объяснение с Чертковым, Лев Никол. ушел к приехавшему сыну Мише. Я повторила, что написала в выше вставленном письме, и просила его сказать мне: *сколько* у него тетрадей дневников, и *где* они, и *когда* он их взял? При таких вопросах Чертков приходил в ярость и говорил, что раз Лев Никол. доверился ему, то ни Льву Ник—чу и никому он не даст отчета. А что Лев Ник. дал ему дневники, чтоб из них будто бы вычеркнуть все интимное, все дурное.

Минутами Чертков смирялся и предлагал мне с ним заодно любить, беречь Льва Николаевича и жить его жизнью и интересами. Точно я без него не делала этого в течение почти всей моей жизни — 48 лет. И тогда между нами не было никого, мы жили одной жизнью. «Two is company, three is not» *. И вот этот третий и разбил нашу жизнь. Чертков заявил тогда же, что он *духовный духовник* (?) Льва Никол. и что я должна со временем помириться с этим.

---

* «Двое — это компания, трое — уже нет» *(англ.)*.

Сквозь весь наш разговор прорывались у Черткова грубые слова и мысли. Например, он кричал: «Вы боитесь, что я вас буду обличать посредством дневников. Если б я хотел, я мог бы сколько угодно *напакостить* (хорошо выражение якобы порядочного человека!) вам и вашей семье. У меня довольно связей и возможности это сделать, но если я этого не делал, то только из любви к Льву Николаевичу». Как доказательство того, что это возможно, Чертков привел пример Карлейля, у которого был друг, изобличивший жену Карлейля и выставивший ее в самом дурном свете.

Как еще низменно мыслит Чертков! Какое мне дело, что после моей смерти какой-нибудь глупый офицер в отставке будет меня обличать перед какими-нибудь недоброжелательными господами?! Мое дело жизни и душа моя перед богом; а жизнь моя земная прошла в такой самоотверженной, страстной любви к Льву Николаевичу, что какому-нибудь Черткову уже не стереть этого прошлого, несомненно пережитого почти полвека моей любви к мужу.

Кричал Чертков и о том, что если б у него была такая жена, как я, он застрелился бы или бежал в Америку. Потом, сходя с сыном Левой с лестницы, Чертков со злобой сказал про меня: «Не понимаю такой женщины, которая *всю жизнь* занимается убийством своего мужа».

Медленно же это убийство, если муж мой прожил уже 82 года. И это он внушил Льву Николаевичу, и потому мы несчастны на старости лет.

Что же теперь делать? Увы! Надо *притворяться*, чтобы не совсем был отнят у меня Лев Николаевич. Надо этот месяц быть доброй и ласковой с Чертковым и его семьей, хотя, после моего мнения о нем и его обо мне, мне это будет невыносимо трудно. Надо чаще там бывать и ничем не расстраивать Льва Николаевича, признав его подчиненным и обезволенным и обезличенным Чертковым. Свое долголетнее влияние и любовь я утратила навсегда, если господь не оглянется на меня. И как жаль Льва Николаевича! Он несчастлив под гнетом деспота Черткова и был счастлив в общении со мной.

По поводу похищенных дневников я добилась от Черткова записки, что он обязуется их отдать Л. Н. после его работ, которые поспешит окончить[12]. А Лев Николаевич словесно обещал *мне* их передать. Сначала он тоже

хотел мне это написать, но испугался и тотчас же отрекся от своего обещания. «Какие же расписки *жене*, это даже смешно, — сказал он. — Обещал и отдам».

Но я знаю, что все эти записки и обещания один обман (так и вышло с Льв. Ник—м, он дневников мне не отдал и положил пока в банк в Туле) * [13]. Чертков отлично знает, что Льву Николаевичу уже не долго жить, и будет все отлынивать и тянуть свою вымышленную работу в дневниках и не отдаст их никому.

Вот правдивая история моего горя в последние годы моей жизни. Буду теперь писать дневник ежедневно.

Вечером ездила на ст. Засека подписать корректурные листы, что забыла сделать вчера вечером.

Приходил Николаев, приезжал на короткое время сын Миша, как всегда непонятный, спокойный и приятный. Я ему рассказала все наши тяжелые переживанья, но он был так спокойно ко всему равнодушен. Тяжелы отношения ко мне Саши. Она дочь-предательница. Если бы ей кто предложил бы, как будто для спокойствия отца, тихонько увезти его от меня, она бы сейчас же это сделала. Сегодня она поразила меня таинственным перешептываньем с отцом и Чертковым и беспрестанными оглядками и выбеганием из комнаты, чтоб узнать, не слышу ли я их разговоров обо мне. Да, окружили меня морально непроницаемой стеной; сиди и томись в этом одиноком заточении и принимай это как наказание *за свои грехи*; как тяжелый крест.

2 июля. Ничего не могла делать, так расстроили меня разговоры с Сашей. Сколько злобы, отчуждения, несправедливости! Все больше и больше отчуждения между нами. Как это грустно! Мудрая и беспристрастная старушка М. А. Шмидт помогла мне своим разговором со мной. Она советовала мне стать морально выше всяких упреков, и придирок, и брани Черткова; говорила, что приставанья моих дочерей, чтоб я *куда-нибудь* переезжала жить с Львом Николаевичем, потому что ему будто бы в Ясной Поляне стало невыносимо, что это пустяки; что посетители и просители везде его найдут и легче не будет, а ломать жизнь на старости лет просто нелепо.

Ездила к Гольденвейзерам. Александр Борисович уехал в Москву; жена же его, брат и его жена были очень

* Приписано позднее.

приятны. В это же время Лев Ник. приезжал верхом к Чертковым и, по-видимому, очень устал от жары.

После обеда пришло много народу. К обеду приехал сын Лева, оживленный и радостный. Ему приятно быть опять в России, в Ясной Поляне и видеть нас [14].

На террасе происходили разговоры о добролюбовцах [15] в Самарской губернии. Присутствовали: Сутковой, его сестра, Картушин, М. А. Шмидт, Лев Никол., И. И. Горбунов, Лева и я.

Сутковой рассказывал, что эти добролюбовцы соберутся, сидят, молчат, и между ними таинственно должна происходить духовная связь и единение. Лев Никол. ему возражал, но, к сожалению, не помню и боюсь ошибиться в неточности выраженья его мысли.

Приезжала мать Черткова. Она очень красивая, возбужденная и не совсем нормальная, очень уже пожилая женщина. Редстокистка, тип сектантки, верит в искупление, верит в вселение в нее Христа и религию производит в какой-то пафос [16]. Но, бедная *мать*, у нее умерло два сына, и она подробно рассказывала о смерти меньшого, 8-летнего Миши. Прошло с тех пор 35 лет, и рана этой утраты свежа, и сердце у нее измучено горем, и с смертью ее меньшого Миши прекратились на веки все радости жизни. Слава богу, что она нашла утешение в религии.

Лев Ник. брал ванну, желудок у него расстроился, но в общем состояние его здоровья не дурно, слава богу!

3 июля. Еще я не оделась утром, как узнала о пожаре в Танином Овсянникове [17]. Сгорел дом, где жили Горбуновы, сгорела и избушка М. А. Шмидт. Она эту ночь ночевала у нас, и без нее подожгли ее избу. У нее сгорело все, но больше всего ее огорчало то, что сгорел ее сундук с рукописями. Все, что когда-либо было написано Льв. Ник., все было у нее переписано и хранилось в сундуке вместе с 30-ю письмами Льва Ник. к ней [18].

Не могу без боли сердца вспомнить, как она влетела ко мне, бросилась мне на шею и начала отчаянно рыдать. Как было ее утешить? Можно было только ей сочувствовать всей душой. И целый день я вспоминаю с грустью ее прежние слова: «У нас, душечка, райская жизнь в Овсянникове». Свою избушку она называла «дворцом». Сокрушалась очень и о своей старой, безногой шавке, сгоревшей под печкой.

Завтра Саша едет в Тулу ей все купить, что необходимо для непосредственной нужды. Мы ее и оденем, и обставим, как можем. Но *где* ей жить — не знаю. Она не хочет жить у нас; привыкла к независимости, к своим коровам, собакам, огороду, клубнике.

Лев Николаевич ездил с Левой верхом в сгоревшее Овсянниково и все повторял, что «Марья Александровна хороша», т. е. бодро выносит свое несчастье. Это все хорошо, но *сейчас* надо во что одеться, что есть и пить, а ничего нет.

Спасибо, что Горбуновы вытащили все имущество и не бросят пока без помощи старушку.

Страшная жара, медленно убирают сено, что немного досадно. Здоровье получше, ходила купаться. Вечером приехал Гольденвейзер и Чертков. Лев Ник. играл с Гольденвейзером в шахматы, Чертков сидел надутый и неприятный. Лева очень приятен, участлив и бодрит меня, а все-таки что-то грустно!

Поправила много корректур и отсылаю.

4 июля. Описывала поездку нашу в Москву и к Чертковым [19], читала английскую биографию Льва Ник—а, составленную Моодом. Нехорошо; слишком много всюду он выставляет себя, пропагандируя свои переводы (об искусстве) и другие.

Лева сегодня говорил, что он вчера случайно подстерег на лице Льва Николаевича такое прекрасное выражение человека не от мира сего, что он был поражен и желал бы его уловить для скульптуры. А я, несчастная близорукая, никогда не могу своими слепыми глазами улавливать выражения лиц.

Да, Лев Никол. наполовину ушел от нас, мирских, низменных людей, и надо это помнить ежеминутно. Как я желала бы приблизиться к нему, постареть, угомонить мою страстную, мятущуюся душу и вместе с ним понять тщету всего земного!

Где-то, на дне души, я чувствую это духовное настроение; я познала путь к нему, когда умер Ванечка, и я буду стараться найти его еще при моей жизни, а главное, при жизни Левочки, моего мужа. Трудно удержать это настроение, когда везешь тяжесть мирских забот, хозяйства, изданий, прислуги, отношений с людьми, их злобу, отношений с детьми и когда в моих руках отвратительное орудие, деньги — *Деньги!*

Саша с Варварой Михайловной накупили в Туле все нужное для Марии Александровны. Я уже начала вечером работать на нее. У нее все сгорело решительно, и надо ей все завести, и одеть ее. И вот еще новая забота!

Чертков вечером привозил стереоскопические снимки, сделанные в Мещерском, где гостил у него Лев Ник. И Лев Ник., как ребенок, на них радовался, узнавая везде себя. Гольденвейзер играл, Лева нервно расплакался. Свежо, 12 град. и северный ветер.

5 июля. Жизни нет. Застыло как лед сердце Льва Николаевича, забрал его в руки Чертков. Утром Лев Ник. был у него, вечером Чертков приехал к нам. Лев Ник. сидел на низкой кушетке, и Чертков подсел близко к нему, а меня всю переворачивало от досады и ревности.

Затем был затеян разговор о сумасшествии и самоубийстве. Я три раза уходила, но мне хотелось быть со всеми и пить чай, а как только я подходила, Лев Никол., повернувшись ко мне спиной и лицом к своему идолу, начинал опять разговор о самоубийстве и безумии, хладнокровно, со всех сторон обсуждая его [20] и с особенным старанием и точностью анализируя это состояние с точки зрения моего теперешнего страдания. Вечером он цинично объявил, что он все забыл, забыл свои сочинения. Я спросила: «И прежнюю жизнь, и прежние отношения с близкими людьми? Стало быть, ты живешь только настоящей минутой?» — «Ну да, только настоящим», — ответил Лев Ник. Это производит ужасное впечатление! Пожалуй, что трогательная смерть физическая с прежней нашей любовью до конца наших дней была бы лучше теперешнего несчастья.

В доме что-то нависло, какой-то тяжелый гнет, который и убьет и задавит меня.

Брала на себя успокоиться, быть в хороших отношениях с Чертковыми. Но и это не помогло; все тот же лед в отношениях Льва Николаевича, все то же пристрастие к этому идиоту.

Ездила сегодня отдать визит его матери, видела внуков [21]. Старушка безвредная; поразила меня своими огромными ушами и количеством съеденной ею при мне всякой еды:варенца, ягод, хлеба и проч.

Кроила Марье Александровне рубашки, шила на машине юбку и рубила платки. Заболела голова.

Был Булыгин, Н. Н. Ге, Гольденвейзер. Ох, как тяжело, как я больна, как я молю бога о смерти. Неужели это ничем не разрешится и Черткова оставят жить в Телятинках?

Горе мне! Хотелось бы прочесть дневник Л. Н. Но теперь все у него заперто или отдано Черткову.

А всю жизнь у нас не было ничего друг от друга скрытого. Мы читали друг другу *все* письма, *все* дневники, *все,* что писал Лев Николаевич. Понять моих страданий никто не сможет, они так остры и мучительны, что только смерть может их прекратить.

6 июля. Не спала всю ночь. Все видела перед глазами ненавистного Черткова, близко, рядом сидящего возле Льва Н—а.

Утром пошла одна купаться и все молилась дорогой. Я отмолю это наваждение, так или иначе. А если нет, то, ходя ежедневно купаться, я воспитаю в себе мысль о самоубийстве и утоплюсь в своей милой Воронке. Еще сегодня вспоминала я, как давно, давно Лев Ник. пришел в купальню, где я купалась одна. Все это забыто, и все это давно и не нужно; нужна тихая, ласковая дружба, участие, сердечное общение...

Когда я вернулась, Лев Ник. поговорил со мной добро и ласково, и я сразу успокоилась и повеселела. Он уехал верхом с Душаном Петровичем, не знаю куда.

Лева (сын) добро и трогательно относится ко мне; пришел на речку меня проведать, в каком я состоянии. А я взяла на себя успокоиться и как можно меньше видать Черткова.

Ездила к Звегинцевой, она мне была рада, болтали по-женски, но сошлись в одном несомненно, это в нашем мнении и отношении к Черткову.

Опоздала к обеду; Лев Ник. не хотел было обедать, но потом я его позвала хоть посидеть с нами, и он с удовольствием съел весь обед, составленный для его желудка особенно старательно. Суп-пюре, рис, яйцо, черника на хлебе, моченном в миндальном молоке.

Вечером шила юбку Марье Александровне, приехал Чертков, пришли Сутковой и Николаев, потом и Гольденвейзер, сыгравший сонату Бетховена, op. 90, рапсодию Брамса и чудесную балладу Шопена.

Потом Лев Ник. разговаривал с Сутковым о секте добролюбовцев в Самарской губ. и перешли к обсуждению

религии вообще. Лев Ник. говорил, что нужно прежде всего познать в себе бога, а потом не искать форм и искусственных осложнений вроде чудес, причастия, искусственного молчания для мнимого общения с мистическим миром,— а нужно устранять все лишнее, все, что мешает общению с богом. И для того, чтоб этого достигнуть, нужно *усилие;* и об этом Лев Ник. написал книжечку, которой очень доволен и которую, сегодня прокорректировав, он послал Горбунову для печатанья [22].

Сегодня я меньше волнуюсь и как будто овладела собой, хотя не могу простить Черткову его слово: *«напакостить»*. Странно! Сколько праздных разговоров, и как немногие понимают, что важно в жизни.

Помню, когда я во время моей операции проваливалась куда-то в бездну страданий, усыпления эфиром и близости смерти,— перед моими духовными глазами промелькнули с страшной быстротой бесчисленные картины земной, житейской суеты, особенно городской. Как не нужны, странны мне показались особенно города: все театры, трамваи, магазины, фабрики — все ни к чему, все вздор перед предстоящей смертью. Куда? Зачем все это стремленье и суета? — невольно думалось мне. «Что же важно? Что нужно в жизни?..» И ответ представился мне ясный и несомненный: «Если уж нам суждено жить на земле по воле бога, то лучшее и несомненно хорошее дело есть то, что *мы, люди, должны помогать друг другу жить.* В какой бы форме ни проявлялась обоюдная помощь — вылечить, накормить, напоить, утешить,— все равно, лишь бы помочь, облегчить друг другу житейские скорби».

И вот, если б Лев Ник. тогда, вместо всех речей, на мой призыв: *«умоляю приехать»* — приехал бы, а не откладывал, он *помог* бы мне жить, помог бы в моих страданиях, и это было бы дороже всех его холодных проповедей. Так и всегда во всем *мы должны помогать друг другу прожить жизнь на земле.* Это сходится и с христианством.

7 июля. Утро. Дождь, ветер, сыро. Поправляла корректуру «Плодов просвещения», дошила Марье Александровне юбку. Взяла из дивана Льва Никол. корректуры «Воскресенья», пока Чертков еще не пронюхал, где они, и не взял их [23]. Несмотря на погоду, Лев Ник. поехал к своему идолу. Думала сегодня, что хотя последние днев-

ники Льва Ник. очень интересны, но они все *сочинялись* для Черткова и тех, кому угодно будет г. Черткову их предоставить для чтенья! И теперь Лев Никол. никогда в своих дневниках *не смеет* сказать обо мне слова любви, это не понравилось бы Черткову, а дневники поступают к нему. В моих же руках все самое драгоценное по искренности, по силе мысли и чувств.

Очень плохо я соблюла рукописи Льва Ник—а. Но он мне их раньше никогда не давал, держал у себя, в ящиках своего дивана, и не позволял прикасаться. А когда я решила их убрать в музей[24], мы в Москве перестали жить, и я только могла *убрать*, а не *разобрать* их. Да и жили-то когда в Москве, я была страшно занята многочисленной семьей и делами, которые просто из-за хлеба насущного нельзя было бросить.

Лева тоже вчера рассорился с этим грубым неотесанным идиотом Чертковым.

Льет дождь, холодно, а Лев Никол. поехал-таки верхом к Черткову, и я в отчаянии ждала его на крыльце, тревожилась и проклинала соседство с Чертковым...

Вечер. Нет, Льва Ник — а еще у меня не отняли, слава богу! Все мои страданья, вся энергия моей горячей любви к нему проломила тот лед, который был между нами эти дни. Перед нашей связью сердечной ничто не может устоять; мы связаны долгой жизнью и прочной любовью. Я взошла к нему, когда он ложился спать, и сказала ему: «Обещай мне, что ты от меня не уйдешь никогда тихонько, украдкой». Он мне на это сказал: «Я и не собираюсь, и обещаю, что никогда не уйду от тебя, я люблю тебя» — и голос его задрожал. Я заплакала, обняла его, говорила, что боюсь его потерять, что так горячо люблю его, и несмотря на невинные и глупые увлеченья в течение моей жизни, я ни минуты не переставала любить его до самой старости больше всех на свете. Лев Ник. говорил, что и с его стороны то же самое, что нечего мне бояться; что между нами связь слишком велика, чтоб кто-нибудь мог ее нарушить, — и я почувствовала, что это правда, и мне стало радостно, и я ушла к себе, но вернулась еще раз и благодарила его, что снял камень с сердца моего.

Когда я уже простилась с ним и ушла к себе, немного погодя дверь отворилась, и Лев Ник. вошел ко мне.

«Ты ничего не говори, — сказал он мне, — а я хочу тебе сказать, что и мне был радостен, очень радостен наш

последний разговор с тобой сегодня вечером...» И он опять расплакался, обнял и поцеловал меня... «Мой! Мой!» — заговорило в моем сердце, и теперь я буду спокойнее, я опомнюсь, я буду добрее со всеми, и я постараюсь быть в лучших отношениях с Чертковым.

Он написал мне письмо, пытаясь оправдаться передо мной[25]. Я вызывала его сегодня на примирение и говорила ему, что он должен, по крайней мере, если он порядочный человек, извиниться передо мной за эти две его грубые фразы: 1) «Если б я хотел, я имел возможность и достаточно связей, чтобы *напакостить* вам и вашим детям. И если я этого не сделал, то только из любви к Льву Никол—чу». 2) «Если б у меня была такая жена, как вы, я давно убежал бы в Америку или застрелился».

Но извиняться он ни за что не хотел, говоря, что я превратно поняла смысл его слов и т. д.

А чего же яснее? Гордый он и очень глупый и злой человек! И где их якобы принципы христианства, смиренья, любви, непротивления?.. Все это лицемерие, ложь. У него и воспитанности простой нет.

Когда Чертков сходил с лестницы, то он сказал, что во второй фразе он считает себя неправым и что если его письмо ко мне меня не удовлетворит, то он готов выразить *сожаленье*, чтоб стать со мной в хорошие отношения. Письмо же ничего не выразило, кроме уверток и лицемерия.

Теперь мне все равно, я тверда своей радостью, что Лев Николаевич показал мне свою любовь, свое сердце, — а все и всех остальных я презираю, и я теперь неуязвима.

Петухи поют, рассветает. Ночь... поезда шумят, ветер в листьях тоже слегка шумит.

8 июля. Ласка мужа меня совсем успокоила, и я сегодня провела первый день в нормальном настроении. Ходила гулять, набрала большой букет полевых цветов Льву Николаевичу; переписывала свои старые письма к мужу, найденные еще раньше в его бумагах[26].

Были опять все те же: Чертков, Гольденвейзер, Николаев, Сутковой. Шел дождь, холодно, ветер. В хозяйстве двоят пар, красят крыши. Саша вяла, в сильном насморке, и на меня дуется. Лев Никол. нам прочел вслух

хорошенький французский рассказ нового писателя Mille. Ему и вчера понравился рассказ: «La biche écrasée»[27].

Он был бы здоров, если б не констипация.

9 июля. Господи! Когда кончатся все эти тяжелые подлые сплетни и истории! Приезжала невестка Ольга, поднялся опять разговор все о том же — о моем отношении к Черткову. Он мне нагрубил, а я ему ни единого неучтивого слова не сказала, — и мои же косточки перебирают по углам, пересуживая меня и в чем-то обвиняя. Часто удивляюсь и не могу еще привыкнуть к тому, что люди просто *лгут*. Иногда ужасаешься, пытаешься с наивностью напомнить, объяснить что-нибудь, восстановить истину... И все эти попытки совершенно не нужны; люди часто *совсем не хотят правды*; им это и не нужно, и не в их пользу. Так было со всей чертковской историей. Но я больше об этом говорить не буду. Довольно всяких других тревог. Сегодня Лев Никол. с Левой поехали верхом по лесам. Шла черная, большая туча; но они прямо поехали на нее и даже не взяли ничего с собой. Лев Ник. был в одной белой, тонкой блузе, Лева в пиджаке. Я прошу всегда Льва Ник. мне сообщать свой маршрут, чтобы можно было выслать ему платье или экипаж. Но он не любит этого делать. И сегодня разразилась сильная гроза, ливень, и я $1^1/_2$ часа бегала по террасе в страшной тревоге. И опять это болезненное сжимание сердца, прилив крови к голове, сухость во рту и всех дыхательных органах и отчаяние в душе.

Вернулись мокрые, я хотела помочь растереть Льва Николаевича спиртом — спину, грудь, руки и ноги. Но он сердито отклонил мою помощь и едва согласился на то, чтобы его потер его слуга, Илья Васильевич.

Ольга почему-то озлилась и не осталась обедать и увезла детей.

Весь день потом болела голова, нездоровилось, температура поднялась немного (37 и 5), и я уже ничего не могла делать, а работы много, особенно по изданию, которое совсем остановилось. Вечером я почувствовала изнеможение, легла в своей комнате и заснула и, к сожаленью, проспала весь вечер, просыпаясь несколько раз.

Приехали Чертков и Гольденвейзер. Пришел Николаев, который, по-видимому, очень раздражает Льва Ник—а своими разговорами. Л. Н. играл в шахматы с Гольденвейзером, который потом немного поиграл. Чу-

десная мазурка Шопена! всю душу перевернула! Лева-сын тревожен о заграничном паспорте, который сегодня не выдали ему в Туле, требуя от полиции свидетельства о беспрепятственном выпуске его из России, а Лева находится под судом за напечатанье в 1905 году брошюр «Где выход?» и «Восстановление ада»[28]. Все и это тревожно.

12 гр. тепла, сыро, неприятно. Саша грубо, дребезжаще кашляет, — и это тревожно.

И что-то вообще *кончается*. Не жизнь ли моя или кого из близких?

Чертков привез мне не полный, как обещал, альбом снимков с Льва Николаевича, некоторые прекрасные, а мать его прислала мне книжечку «Миша» об ее умершем мальчике.

Я ее прочла, очень трогательно, но в ее отношениях к Иисусу, к богу, даже к ребенку — много искусственного, мне непонятного.

10 июля. Лев Николаевич, разумеется, не *посмел* в дневнике своем написать, как он поздно вечером вошел ко мне, плакал, обнимал меня и радовался нашему объяснению и нашей близости, а везде пишет: «Держусь». Что значит «держусь»? Большей любви, желания блага, бережности нельзя дать, чем я отдаю ему. Но дневники отдаются Черткову, он их будет издавать, он всему миру постарается повестить, что, как он говорил, от такой жены, как я, надо застрелиться или бежать в Америку.

Уехал сегодня Л. Н. верхом с Чертковым в лес: какие-то там будут разговоры. Подали лошадь и Булгакову, но его устранили, чтоб не нарушал их уединения. Вот *мне* приходится *держаться*, чтоб ежедневно видеть эту ненавистную фигуру.

В лесу раза два слезали зачем-то, и Чертков, направив свой аппарат на Льва Ник—а, снимал его в овраге. Приехав, Чертков хватился, что потерял часы. Он нарочно подъехал к балкону и сказал Льву Ник—у, где думает, что потерял часы. И Л. Н., жалкий, покорный, обещал после обеда *пойти искать* часы господина Черткова в овраге.

К обеду приехали приятные гости: Н. В. Давыдов, mr. Salomon и Н. Н. Ге. Давыдов привез мне прочтенное им «Воскресенье» для нового издания, но много еще мне над ним придется работы[29]. Работу эту взял на себя и сын Сережа.

Я думала, что Льву Ник. будет совестно потащить всех нас, почтенных людей, в овраг и на кручь искать часы господина Черткова. Но он так его боится, что не остановился даже перед положением быть смешным — ridicule — исканья часов Черткову целым обществом в восемь человек. Мы топтались все в мокром сене и часов не нашли. Да и бог его знает, где этот рассеянный идиот их потерял! И почему надо было фотографировать на неудобном мягком и мокром сене. Лев Ник. во все лето в первый раз позвал меня с ним погулять, мне это было так радостно, и я с волнением ждала, что нас минует этот овраг с часами. Но я, конечно, ошиблась. На другое утро Лев Ник. встал рано, пошел на деревню, созвал ребят и с ними нашел часы в овраге.

Вечером читал mr. Salomon скучную французскую аллегорию о блудном сыне;[30] потом читали легкий рассказ Mill'а и другой, его же[31].

Давыдов уехал; я высказала Льву Ник. свое чувство неудовольствия и отчасти стыда за то, что повел вместо прогулки все общество в овраг за чертковскими часами; он, конечно, рассердился, произошло опять столкновение, и опять я увидала ту же жестокость, то же отчуждение, то же выгораживание Черткова. Совсем больная и так, я почувствовала снова этот приступ отчаяния; я легла на балконе на голые доски и вспоминала, как на этом же балконе 48 лет тому назад, еще девушкой, я почувствовала впервые любовь Льва Николаевича. Ночь холодная, и мне хорошо было думать, что где я нашла его любовь, там я найду и смерть. Но, видно, я ее еще не заслужила.

Вышел Лев Николаевич, услыхав, что я шевелюсь, и начал с места на меня кричать, что я ему мешаю спать, что я уходила бы. Я и ушла в сад и два часа лежала на сырой земле в тонком платье. Я очень озябла, но очень желала и желаю умереть.

Поднялась тревога, пришел Душан Петрович, Н. Н. Ге, Лева, стали на меня кричать, поднимать меня с земли. Я вся тряслась от холода и нервности.

Если б кто из иностранцев видел, в какое состояние привели жену Льва Толстого, лежащую в два и три часа ночи на сырой земле, окоченевшую, доведенную до последней степени отчаяния, — как бы удивились добрые люди! Я это думала, и мне не хотелось расставаться с этой сырой землей, травой, росой, небом, на котором беспрестанно появлялась луна и снова пряталась. Не хоте-

лось и уходить, пока мой муж не придет и не возьмет меня домой, потому что он же меня выгнал. И он пришел только потому, что Лева-сын кричал на него, требуя, чтоб Л. Н. пришел ко мне, и они меня с Левой привели домой. Три часа ночи, ни он, ни я, мы не спим. Ни до чего мы не договорились, ни капли любви и жалости я в нем не вызвала.

Ну и что ж! Что делать! Что делать! Жить без любви и нежности Льва Николаевича я не могу. А дать мне ее он не может. 4-й час ночи...

Я рассказывала Давыдову, Саломону и Николаевой о злых и грубых выходках Черткова против меня; и все искренно удивлялись и ужасались. Удивлялись, как мой муж мог терпеть такие оскорбления, сделанные жене. И все единогласно выразили свою нелюбовь вообще к злому гордому дураку Черткову. Особенно негодовал Давыдов за то, что Чертков похитил все дневники Льва Ник—а с 1900 года.

— Ведь это должно принадлежать вам, вашей семье, — горячась, говорил Давыдов. — И письмо Черткова в газеты [32], когда Лев Ник. жил у него, — ведь это верх глупости и бестактности, — горячился милый Давыдов.

Всем все видно, все ясно; а мой бедный муж?..

Когда совсем рассвело, мы еще сидели у меня в спальне друг против друга и не знали, что сказать. Когда же это было раньше?! Я все хотела опять уйти, опять лечь под дуб в саду; это было бы легче, чем в моей комнате. Наконец я взяла Льва Ник—а за руку и просила его лечь, и мы пошли в его спальню. Я вернулась к себе, но меня опять потянуло к нему, и я пошла в его комнату.

Завернувшись в одеяло, связанное мною ему, с греческим узором, старенький, грустный, он лежал лицом к стене, и безумная жалость и нежность проснулись в моей душе, и я просила его простить меня, целовала знакомую и милую ладонь его руки, — и лед растаял. Опять мы оба плакали, и я наконец увидала и почувствовала его любовь.

Я молила бога, чтоб он помог нам дожить мирно и по-прежнему счастливо последние годы нашей жизни.

11 июля. Спала только от 4 до 7½ часов. Лев Ник. тоже мало спал. Чувствую себя больной и разбитой, но счастливой в душе. С Льв. Ник. дружно, просто — по-ста-

рому. Как сильно и глупо я люблю его! И как неумело! Ему нужны уступки, подвиги, лишения с моей стороны, — а я этого не в силах исполнять, особенно теперь, на старости лет.

Утром приехал Сережа. Саша и ее тень — Варвара Михайловна на меня дуются, но мне *так* это все равно! Лева со мной добр, и он умен, начал меня лепить.

Лев Ник. ездил верхом с доктором. Вечером приехал Ив. Ив. Горбунов, и Лев Ник. с ним много беседовал по поводу новых копеечных книжечек. Прошлись все по саду, Лев Ник. имел усталый вид. Но вечер прошел в тихих разговорах, игре в шахматы, рассказах милого mr. Salomon.

Легли все рано. Черткова отклонил сам Л. Н. на нынешний вечер. Слава богу! хоть один день вздохнуть свободно, отдохнуть душой.

12 июля. Днем позировала Леве, он лепил мой бюст, и сегодня стало более похоже, он талантлив, умен и добр. Какое сравнение с Сашей, увы!

Лев Ник. поджидал Гольденвейзера, чтоб с ним ехать верхом, а тот все не ехал. Послали в Телятинки, а Филька вместо Гольденвейзера вызвал ошибкой Черткова. Всего этого я не знала; но Л. Н., не дождавшись Гольденвейзера, пошел на конюшню седлать свою лошадь (чего никогда раньше не делал), чтоб ехать навстречу к Гольденвейзеру. Я подумала, что если Лев Ник. не встретит его, он очутится один, жара смертельная, еще сделается солнечный удар, и я побежала на конюшню спросить Льва Ник—а, куда он поедет, если не встретит никого. Лев Ник. торопил кучера; тут стоял доктор, я говорю: «Вот хорошо, пусть Душан Петрович едет с тобой». Лев Ник. согласился; но только что Л. Н. выехал из конюшни, из-под горы, вижу, поднимается ненавистная мне фигура на белой лошади — Черткова. Я ахнула, закричала, что опять обман, опять все подстроили, солгали про Гольденвейзера, а вызван был Чертков, и со мной тут же, при всей дворне сделалась истерика, и я убежала домой. Лев Ник. сказал Черткову, что он с ним не поедет, и Чертков уехал домой, а Л. Н. поехал с доктором.

К счастью, обмана, по-видимому, не было, но Филька спросонок забыл, к кому ему приказано ехать, и ошибкой заехал к Черткову, вызвал его к Л. Н. вместо Гольден-

вейзера. Но я так намучена все это время, что малейшее напоминание о Черткове и тем более вид его приводят меня в отчаянное волнение. Вечером он приезжал, я ушла и тряслась как несчастная целый час. Были Гольденвейзер с женой, оба очень приятные. Уехал Саломон; такой он славный, живой, умный, участливый. Лева трогательно добро относится ко мне. Лев Никол. стал много мягче, но сегодня вечером вижу, он сам не свой, видно, ждал Черткова, а он долго не ехал, и Лев Ник. пошел писать ему письмо, объяснение того, почему он к ним не поехал[33]. Очень нужно! В этом письме, верно, писал что-нибудь дурное обо мне. Обещал мне показать, но как бы опять не вышел обман. Столько скрытого, лживого вокруг меня!

Приехали Сухотины: Таня и Михаил Сергеевич. Тяжелые разговоры. Таня, Саша верят во всех моих рассказах только тому, что им нравится выбрать из них; и как бы правдивы ни были мои слова, им нужно только то, что им на руку, чтоб бранить и осуждать меня.

Я наверное погибну так или иначе; и радуюсь тому, что не переживу Льва Николаевича. И какое будет счастье избавиться от тех страданий, которые я переживала и переживаю теперь!

Вызвала меня сегодня письмом мать Черткова: Елизавета Ивановна. К ней приехали два проповедника: Фетлер и другой, ирландский профессор, речи которого я мало понимала и который усердно ел и изредка произносил механически какие-то религиозные фразы. Но Фетлер очень убежденный человек, красноречив, прекрасно говорит и начал меня старательно обращать в свою веру — Искупления. Я возражала ему только на то, что он настаивал на материальном искуплении, проливании крови, страданий и смерти *тела* Христа. А я говорила, что в вопросы религиозные не надо вводить ничего материального, что дорого учение Христа и его божественность в духе, а не в теле. И это им не нравилось. Потом этот Фетлер стал на колена и начал молиться за меня, за Льва Николаевича, за наше обращение, за мир и радость наших душ и проч. Молитва прекрасно составленная, но странно все это! Елизавета Ивановна все время присутствовала и позвала меня к себе, чтобы спросить, за что я возненавидела ее сына? Я ей объяснила, сказала про дневники и про то, что ее сын отнял у меня моего любимого мужа. Она на это сказала:

— А я огорчалась всегда тем, что ваш муж отнял у меня моего сына! — И права.

Три часа ночи. Луна красиво светит в мое окно, а на душе тоска, тоска. И какая-то только болезненная радость, что вот тут совсем близко дышит и спит *мой* Левочка, который еще не весь отнят у меня...

13 июля. Отправив вчера Черткова с верховой езды, для меня, Лев Ник. вечером ждал его для объяснения причины, и Чертков долго не ехал. Чуткая на настроение моего мужа, я видела, как он беспокойно озирался, ждал его вечером, как ждут влюбленные, делался все беспокойнее, сидя на балконе внизу, все глядел на дорогу и наконец написал письмо, которое я просила мне показать. Саша письмо привезла, и оно у меня. Разумеется: «милый друг» и всякие нежности... и я опять в диком отчаянии. Письмо это он отдал все-таки приехавшему Черткову. Я взяла его под предлогом прочтения и сожгла [34]. Мне уж он никогда больше не пишет нежных слов, а я делаюсь все хуже, все несчастнее, и все ближе к концу. Но я *трусиха.* Не поехала сегодня купаться, потому что боюсь *утопиться.* Ведь нужен *один момент* решимости, и я его еще не нахожу.

Позировала для Левы долго. Лев Ник. ездил верхом с Сухотиным и Гольденвейзером. Я искала дневник последний Льва Ник—а и не нашла. Он понял, что я нашла способ его читать, и спрятал еще куда-то. Но я найду, если он не у Черткова, не у Саши или у доктора, куда спрятал от меня.

Мы как два молчаливых врага хитрим, шпионим, подозреваем друг друга! Скрываем, т. е. Лев Ник. скрывает вместе с этим *злым фарисеем,* как его прозвал один близкий человек — Н. Н. Ге-сын,— все, что можно скрывать, может быть, и последний дневник он вчера вечером уже передал Черткову.

Господи, помилуй меня, люди все злы, меня не спасут... Помилуй и спаси от греха!..

Ночь 13 на 14 июля. Допустим, что я помешалась, и *пункт* мой, чтоб Лев Ник. вернул к себе свои дневники, а не оставлял их в руках Черткова. Две семьи расстроены; возникла тяжелая рознь; я уже не говорю, что я исстрадалась до последней крайности (сегодня я весь день ни-

чего и в рот не брала). Всем скучно, мой измученный вид, как назойливая муха, мешает всем.

Как быть, чтоб все были опять радостны, чтоб уничтожить мои всякие страданья?

Взять у Черткова дневники, эти несколько черных клеенчатых тетрадочек, и положить их обратно в стол, давая ему по одной для выписок. Ведь только!

Если трусость моя пройдет и я наконец решусь на самоубийство, то, как покажется всем в прошлом, моя просьба легко исполнима, и все поймут, что не стоило настаивать, жестоко упрямиться и замучить меня до смерти отказом исполнить мое желание.

Будут объяснять мою смерть всем на свете, только не настоящей причиной: и истерией, и нервностью, и дурным характером,— и никто *не посмеет,* глядя на мой, убитый моим мужем труп, сказать, что я могла бы быть *спасена только* таким простым способом — *возвращением в письменный стол моего мужа четырех или пяти клеенчатых тетрадок.* (Их было семь.)*

И где христианство? Где любовь? Где их *непротивление?* Ложь, обман, злоба и жестокость.

Эти два упорных человека — мой муж и Чертков взялись крепко за руки и давят, умерщвляют меня. И я их боюсь; уж их железные руки сдавили мое сердце, и я сейчас хотела бы вырваться из их тисков и бежать куда-нибудь. Но я чего-то еще боюсь...

Говорят о каком-то *праве* каждого человека. Разумеется, Лев Ник. *прав,* мучая меня своим отказом взять *его* дневники у Черткова. Но причем *право* с женой, с которой прожил полвека? И причем *право,* когда дело идет о жизни, об общем умиротворении, о хороших со всеми отношениях, о любви и радости, о здоровье и спокойствии всех — и наконец об излюбленном Л. Н. *непротивлении.* Где оно?

Завтра Л. Н., вероятно, поедет к Черткову. Таня с мужем уедет в Тулу, а я — я буду свободна, и если не бог, то еще какая-нибудь сила поможет мне уйти не только из дома, но из жизни...

Я даю способ *спасти* меня — вернуть дневники. Не хотят — пусть променяются: дневники останутся *по праву* у Черткова, а *право* жизни и смерти останется за мной.

Мысль о самоубийстве стала крепнуть. Слава богу! Страданья мои должны скоро прекратиться.

---

* Приписано позднее.

Какой ужасный ветер! Хорошо бы сейчас уйти... Надо еще попытаться спастись... в последний раз. И если *отказ,* то будет еще больней, и тогда еще легче исполнить свое избавление от страданий; да и стыдно будет вечно грозить и опять вертеться на глазах у всех, кого я мучаю... А хотелось бы еще ожить, увидать в исполнении моего желанья тот проблеск любви моего мужа, который столько раз согревал и *спасал* меня в моей жизни и который теперь как будто на веки затушил Чертков. Ну и пусть без этой любви потухает и вся моя жизнь.

«Утопающий хватается за соломинку...» Мне хочется дать прочесть моему мужу все то, что теперь происходит в душе моей; но при мысли, что это вызовет только его гнев и тогда уже наверное убьет меня,— я безумно волнуюсь, боюсь, мучаюсь...

Ох, какая тоска, какая боль, какой ад во всем моем существе! Так и хочется закричать: «Помогите!» Но ведь это пропадет в том злом хаосе жизни и людской суеты, где помощь и любовь в книгах и словах, а где холодная жестокость на деле...

Как раньше на мой единственный в целые десятки лет призыв о возвращении домой Льва Ник—а, когда я заболела нервным расстройством, он отозвался холодно и недоброжелательно и этим дал усилиться моей болезни; так и теперь, — это равнодушие к моему желанью и упорное сопротивленье моей болезненной просьбе может иметь самые тяжелые последствия... И все будет слишком поздно... Да ему что!! У него Чертков, а хотелось бы. Но у него дневники, надо их вернуть...

14 июля. Не спала всю ночь и на волоске была от самоубийства. Как бы крайни ни были мои выражения о страданиях моих — все будет мало. Вошел Лев Никол., и я ему сказала в страшном волнении, что на весах с одной стороны возвращение дневников — с другой моя жизнь, пусть выбирает. И он выбрал, спасибо ему, и вернул дневники от Черткова. Я от волнения плохо наклеила тут то письмо [35], которое он принес мне сегодня утром; очень мне это жаль, но оно переписано в нескольких местах, между прочим в книге писем Льва Ник—а ко мне, мной переписанной [36], и есть экземпляр у дочери Тани.

Саша ездила к Черткову за дневниками с письмом от Льва Николаевича [37]. Но душа еще скорбит, и эта так

ясно и твердо назревшая мысль о лишении себя жизни — я чувствую, будет всегда готова, если вновь уязвят меня в мои больные места сердца.

Вот какой конец моей долгой, раньше такой счастливой супружеской жизни!.. Но еще не совсем конец; сегодняшнее письмо Льва Ник—а ко мне еще клочок прежнего счастья, но маленький, изношенный клочок!

Дневники запечатала моя дочь Таня, и завтра их повезут Таня с мужем в Тулу, в банк. Расписку напишут на имя Льва Н — а и его наследников, и расписку привезут Л. Н. Только бы меня опять не обманули; только бы опять тихонько не выманил этот иезуит Чертков у Льва Ник—а эти дневники!

Третьи сутки ничего в рот не брала, и это почему-то всех тревожило, а это наименьшее... Все дело в страстности и силе огорчения.

Сожалею и раскаиваюсь, что огорчила детей моих, Леву, Таню; особенно Таню; она опять так ласкова, сострадательна и добра ко мне! Я очень ее люблю. Надо разрешить Черткову бывать у нас, хотя мне это очень, очень тяжело и неприятно. Если я не разрешу свиданий, будет целая литература тайной и нежной переписки, что еще хуже.

15 июля. Всю ночь не спала, все думала, что если Лев Ник. так легко взял назад в своем письме обещание не уехать от меня, то он также легко будет брать назад все свои слова и обещания, и где же тогда *верные правдивые* слова? Недаром я волнуюсь! Ведь обещал же он мне при Черткове, что отдаст дневники *мне,* и обманул, положив их в банк. Как же успокоиться и выздороветь, когда живешь под угрозами: «уйду и уйду».

Как жутко голова болит — затылок. Уж не нервный ли удар? Вот хорошо бы — только совсем бы насмерть. А больно душе быть убитой своим мужем. Сегодня утром, не спав всю ночь, я просила Льва Ник — а отдать мне расписку от дневников, которые завтра свезут в банк, чтоб быть спокойной, что он опять не возьмет свое слово назад и отдаст дневники Черткову, раз он так скоро и легко это делает, т. е. берет слово назад.

Он страшно рассердился, сказал мне: «Нет, это ни за что, ни за что», и сейчас же бежать. Со мной опять сделался тяжелый припадок нервный, хотела выпить опий, опять струсила, гнусно обманула Льва Ник—а, что

выпила, сейчас же созналась в обмане,—плакала, рыдала, но сделала усилие и овладела собой. Как стыдно, больно, но... нет, больше ничего не скажу; я больна и измучена,

Поехала с сыном Левой кататься в кабриолете, смотреть дом в Рудакове для Овсянникова, для Тани [38]. Лев Ник. поехал с доктором верхом. Думала — поедем вместе, но Л. Н. взял умышленно другое направление, чем мы,— сказал: поеду по шоссе и через Овсянниково кругом домой, а поехал наоборот — раньше через Овсянниково, будто невзначай,— а я все замечаю, все помню и глубоко страдаю.

Разрешила через силу Черткову бывать у нас, *старательно* вела себя с ним, но страдала; следила за каждым движением и взглядом и Льва Николаевича и Черткова. Они были осторожны. Но до чего я ненавижу этого человека! Мне страданье — его присутствие, но буду выносить, чтоб *видеть* их вместе на моих глазах, а не где-нибудь еще, и чтоб они не затеяли вместо свиданий какую-нибудь еще длинную переписку.

Был и сын Черткова, милый, непосредственный мальчик, который привез своего друга англичанина, шофера автомобилей. Приехал еще англичанин из Южной Америки, скучный, тупой, неинтересный [39]. Вышла в газетах статейка Л. Н. о разговоре с крестьянином: «Из дневника» [40].

Дневники Льва Н—а сегодня запечатали, 7 тетрадей, и завтра мы их с Таней везем на хранение в банк. Сейчас они лежат в Туле у доктора Грушецкого, что меня беспокоит. Хотели сегодня их убрать в банк, но все оказалось заперто по случаю молебствия в Туле о холере, и завтра надо их взять у Грушецкого и положить в банк. Это что-то новое и неприятное в Льве Николаевиче; почему в банк, а не держать их дома или отдать в Исторический музей, где все остальные дневники, — на хранение, и почему именно *эти* дневники именно *я* не должна читать, а ведь после смерти Льва Ник—а бог знает кто их будет читать, а *жена не смей*. Так ли было во всю жизнь нашу! Горько душе все это! И все влияние Черткова. «Конечно, вам обидно,— сказал Сухотин,— я это понимаю и сам не люблю Черткова».

Пропасть скучного народа: англичанин, Дима с товарищем (эти лучшие), монотонный, скучный Николаев, Гольденвейзер, Чертков. Пускали граммофон, потому что всем этим господам говорить не о чем. Пробовала читать

корректуру — не идет. Лева меня лепит, и мне возле него спокойнее, он все понимает, и любит, и жалеет меня.

Дорого мне досталось отнятие дневников у Черткова; но если б сначала — опять было бы то же самое; и за то, чтоб они никогда не были у Черткова, я готова отдать весь остаток моей жизни и не жалею той потраченной силы и здоровья, которые ушли на выручку дневников; и теперь эта потеря здоровья и сил пали на ответственность и совесть моего мужа и Черткова, так упорно державшего эти дневники.

Положены они будут на имя Льва Н—а, с правом их взять только ему. Какое недоброе по отношению к жене и неделикатное, недоверчивое отношение! Бог с ним!

Получила письмо от А. И. Масловой, и потянуло меня в их ласковый, честный, добрый мирок, без всяких хитростей и тяжелых осложнений; и, может быть, там и Сергей Иванович [41], и я отдохнула бы душой среди всех их и под звуки той музыки, которая когда-то усыпила тоже мое острое горе. Я так устала от всех осложнений, хитростей, скрываний, жестокости, от признаваемого моим мужем его *охлаждения* ко мне! За что же я-то буду все *горячиться* и безумно любить его? Повернись и мое сердце и охладей к тому, который все делает для этого, признаваясь в своем охлаждении. Если надо жить и не убиваться — надо искать утешения и радости. Скажу и я: «Так жить — невозможно! Холод сердца — мне, горячность чувств — Черткову».

16 июля. Узнав, что я пишу дневник ежедневно, все окружающие принялись чертить вокруг меня *свои* дневники [42]. Всем нужно меня обличать, обвинять и готовить злобный материал против меня за то, что я осмелилась заступиться за свои супружеские права и пожелать больше доверия и любви от мужа и отнятия дневников у Черткова.

Бог с ними со всеми; мне нужен мой муж, пока его *охлаждение* еще не заморозило меня, мне нужна справедливость и чистота совести, а не людской суд.

Ездила с Таней в Тулу; клали семь тетрадей дневников Льва Николаевича на хранение в Государственный банк [43]. Это полумера, т. е. уступка мне наполовину. От Черткова отнято, слава богу,— но мне *никогда* уж при жизни Льва Ник—а их не придется видеть и читать. И это месть моего мужа. Когда их привезли от Черткова, я

с волнением взяла их, перелистывала, искала, о чем и что там написано (хотя многое я раньше читала), и у меня было чувство, точно мне вернули мое пропадавшее, любимое дитя и опять отнимают у меня. Воображаю, как на меня злится Чертков! Сегодня вечером он опять был у нас, и как я страдаю от ненависти и ревности к нему! Мать, у которой цыгане похитили бы ребенка, должна испытывать то, что я, когда ей вернули ее ребенка.

Положены дневники исключительно на имя Льва Ник—а, без Сухотина; и только он их может лично получить или по нотариальной доверенности.

Вечером был Чертков, торчит все чужой, несносный англичанин, был Булгаков, М. А. Шмидт. Еще был Гольденвейзер, поиграл очень хорошо мазурки Шопена.

Лев Ник. со мной добрее, чем был раньше, и мне так радостно чувствовать его ласковый взгляд, который я ловлю с любовью. Он ездил без нас верхом с Булгаковым по лесам; на нездоровье не жалуется. О работах его мало знаю; хожу в так называемую *канцелярию*, где переписывают Саша и Варвара Михайловна, и пересматриваю по ночам бумаги и письма.

Есть письма, предисловие к копеечным книжечкам, статья о самоубийстве, начатые разные вещи, но ничего большого и серьезного [44].

Весь вечер страшная гроза и льет сильнейший дождь. Я ужасно тревожусь за Танин отъезд, особенно потому, что муж ее уехал к дочери, в Пирогово, хотел завтра выехать на станцию Лазарево, а теперь дорога испортится, и ему трудно будет проехать до станции. И Таня тревожна без мужа и дочери у нас, и мне ее очень жаль, хотя она меня за последнее время часто огорчала своей недоброжелательностью, осуждением ради заступничества за отца.

Господи! Какой дождь и шум грозы, ветра, листьев деревьев... Спать невозможно...

17 июля. Утром уехала дочь Таня. Гроза прошла. Легла поздно и проспала до 12 часов; встала совсем разбитая, и первая мысль — о дневниках Льва Николаевича. Вчера ночью я прочла мое письмо к Черткову Тане вслух, приложенное в этой тетради [45], и подумала: если б Чертков любил действительно Льва Ник—а, он на мою просьбу отдать дневники, видя мое безумное волнение, не допустил бы, чтоб мы все были так несчастливы, как это

последнее время, — а с чуткостью доброго и порядочного человека (чего в нем совсем нет) привез бы их, отдал бы по праву — не мне, а Льву Николаевичу и брал бы для работ своих по одной тетради, возвращая ее опять-таки Льву Николаевичу. Нет, ему *овладеть драгоценными тетрадями* было дороже, конечно, спокойствия Л. Н., и только его решительное требование заставило эту тупицу отдать дневники.

Что же теперь лучше, как есть? Теперь горе всей семье в продолжение двух недель,— дневники никому не доступны,— и Лев Ник. предлагает мне, если я хочу,— *никогда* ему не видать Черткова. Чертков вступил со мной в открытую борьбу. Пока победила я, но прямо и правдиво говорю,— я выкупила дневники ценою жизни, и впредь будет то же. А Черткова за это возненавидела. Лев Ник—ч был встревожен сегодня тем, что вчера ночью Чертков, Гольденвейзер и Булгаков в эту страшную грозу и ливень вывалились из тележки, сломали ее, отпрягли лошадь и пошли домой пешком. Видя его тревогу, я пересилила себя и сказала: «Ты, верно, поедешь верхом к Черткову?» Лев Ник. мне на это ответил: «Если тебе это неприятно, я не поеду». Хотя трудно было, но я ни за что не хочу огорчать моего дорогого старичка и уговорила его ехать к Черткову; он и поехал один, и, разумеется, коллекционеру Черткову нужны только фотографии и рукописи, и он тотчас же снял Льва Н—а цветной фотографией. Когда Л. Н. мне сказал, что он и вечером приедет, то я запротестовала опять всем моим существом, но смирилась. Лев же Ник. сам просил Варвару Михайловну доехать до Черткова и отказать ему приезд вечером [46]. Вечером я гуляла спокойно с приехавшими Лизой Оболенской и Верочкой Толстой; Лев Ник. играл в шахматы с Гольденвейзером, потом прошелся, пил чай и рано ушел. Позировала много для моего бюста, и Лева лепил усердно, и дело подвигается.

Узнала сегодня от Льва Николаевича, что дневники его сначала были спрятаны у дочери Саши, а Саша по требованью Черткова передала их молодому Сергеенке, который и свез их Черткову 26 ноября 1909 г. тихонько от меня.

Какие гнусные, тайные поступки! Какая сеть обмана, скрываний от меня! Лжи! Ну не предательница ли моя дочь Саша? И какое притворство, когда Лев Никол. на вопрос мой «где дневники?» взял меня за руку и повел

к Саше, будто он не знает, а Саша может знать, где дневники? И Саша ответила тоже, что не знает, и солгала. А Лев Никол., вероятно, забыл, что дал их увезти к Черткову.

Как все вокруг Льва Ник—а наловчились лгать, и всячески хитрить, изворачиваться и оправдываться! Я ненавижу ложь; недаром говорят, что дьявол — отец лжи. А в нашей ясной, светлой семейной атмосфере никогда этого не было, и завелось только с тех пор, как в доме чертковско-чертовщинное влияние. Недаром их фамилия от слова: ч е р т.

Список лиц, не любящих Черткова и заявивших мне об этом:

М. А. Шмидт,
Н. В. Давыдов,
М. С. Сухотин,
Н. Н. Ге,
И. И. Горбунов,
mister Maude,
Е. Ф. Юнге. Все мои сыновья и я сама, П. И. Бирюков, Зося Стахович. Вероятно, и еще много таких, каких я не знаю.

Сегодня Лева мне сказал, что Чертков, сходя с лестницы, при всех сказал про меня: «Какая же это женщина, которая всю жизнь занимается *убийством* своего мужа». Сам напустил смрад в наш дом, от которого все мы задыхаемся, и вопреки справедливости и мнению всего мира, признавшего мою любовь и заботу о жизни мужа, этот господин меня обвиняет в *убийстве его*. Он рвет и мечет, что у меня на него открылись глаза и я поняла его фарисейство, и ему хочется мстить мне. Но я этого не боюсь.

18 июля. С утра мне было очень тяжело, тоскливо, мрачно и хотелось плакать. Я думала, что если Лев Никол. так тщательно прячет свои дневники от меня именно, чего никогда раньше не было, — то в них что-нибудь есть такое, что надо скрывать именно от меня; так как они были и у Саши, и у Черткова, а теперь закабалены в банк. Промучившись сомнениями и подозрениями всю ночь и весь день, я высказала Льву Ник—у и выразила подозрение, что он мне изменил так или иначе, записал это в дневники и теперь скрывает и прячет их. Он начал уверять, что это неправда, что он никогда не из-

меня мне. Так зачем же их прятать? Из злобы и упрямства? Ведь если там много хороших мыслей, то они могли бы мне принести только пользу... Но нет, если скрывают, то *наверное* что-нибудь дурное. Я *ничего* не скрываю: ни дневников, ни своих «Записок», пусть весь мир читает и судит. Какое мне дело до людского суда! Знаю свою чистую жизнь, знаю, что читаю теперь, как книгу, все ощущения и самую суть природы и характера моего мужа, скорблю и ужасаюсь! Но я еще *привязана* к нему, к сожалению! Как я напомнила Льву Ник—у, что после того как Чертков написал записку об отдаче дневников после окончания над ними работ Льву Ник—у [47], он хотел тоже *написать* обещание мне их отдать, но раздумал, сказав: «Какие же расписки жене, обещал и отдам», — он сделал злое лицо и сказал: «Я этого не говорил». — «Да ведь у меня записано это в дневнике 1-го июля, и Чертков свидетель»,— сказала я.

Тогда Л. Н. сейчас же отклонил этот разговор и начал кричать: «Я все отдал: состояние, сочинения, оставил себе только дневники, и те я должен отдать... Я тебе писал, что я уйду, и уйду, если ты будешь меня мучить».

А что значит: *отдал все?* Прав на сочинения он не отдал, а навалил на мою женскую спину *управление* всем имуществом, устройство жизни, в которой сам живет и пользуется всеми благами гораздо больше меня. А у меня только вечный, непосильный труд. Но в том-то и дело, что мне *отдавать* дневников и не нужно; пусть они будут у Льва Ник—а до конца его жизни. Мне только обидно и больно, что их *скрывают* именно от меня у Саши, Сергеенки, Черткова,— везде и у всех, но только *не смей* в них заглядывать жена...

Ходили после обеда в елочки гулять: приезжавший Дунаев, Лев Ник., Лева, Лизонька и я. Пропасть маленьких маслят. Жара весь день томительная. Писала: Е. Ф. Юнге, Масловой, Кате, Бельской; послала артельщику письмо и перевод в 195 р.

Приходила Николаева, приезжал Чертков, Гольденвейзер, пили чай на балконе. Читала Лизоньке кое-что из старых записок Л. Н., и она ужасалась порочности Л. Н—а в его молодости и страдала от всего того, что я ей разоблачила о ее дядюшке, которого она считала святым.

За то, что я во многом прозрела, Лев Никол. ненавидит меня, и упорное отнятие дневников есть ближайшее

орудие уязвить и наказать меня. Ох! уж это напускное христианство с злобой на самых близких вместо простой доброты и честной безбоязненной откровенности!

19 июля. Разбили мое сердце, измучили и выписали докторов: Никитина и Россолимо. Бедные! они не знают, как можно лечить человека, которого со всех сторон морально изранили! Случайное чтение листка из старого дневника возмутило мою душу [48], мое спокойствие и открыло глаза на теперешнее пристрастие к Черткову и навеки отравило мое сердце. Сначала предложили мне такое лечение: Льву Н—у уехать в одну сторону, мне — в другую, ему к Тане, мне — неизвестно куда. Потом, когда я расплакалась, увидав, что вся цель окружающих меня удалить от Льва Николаевича, я на это не согласилась. Тогда, видя свое бессилие, доктора начали советовать: ванны, гулять, не волноваться... Просто смешно! Никитин удивляется, как я исхудала. Все только от горя и уязвленного любящего сердца, а они — уезжай! т. е. то, что больнее всего.

Ездила купаться, и мне стало хуже. Уходила вода из Воронки — как моя жизнь, и пока утопиться в ней трудно; ездила главное, чтоб примериться, на сколько можно углубиться в воде Воронки.

Мыла шляпу Льва Николаевича. Он в самую жару ездил в Овсянниково, потом не обедал и имеет усталый вид. Еще бы! 16 верст верховой езды при температуре в 36 градусов на солнце! Вечером играл в шахматы с Гольденвейзером. Я ничего с ним не говорила сегодня, я боюсь расстроить его, да и себя. Позировала для Левы, с ним все хорошо; поправляла корректуры, но опять не послала, не могу работать... И теперь поздно, надо ложиться спать, а спать не хочется...

20 июля. Второй день тихо и спокойно, и Чертков не был. Уехали доктора днем. Не для того ли их выписывали, чтоб на всякий случай засвидетельствовать мое безумие? Бесполезно было их посещение. Если все будет, как эти дни,— я буду здорова. И Лев Ник. ездил верхом с глупым и добродушным конюхом Филькой и весь вечер сидел у себя наверху, на балконе, что-то писал и читал, был спокоен и отдыхал. Приезжал Гольденвейзер и мирно сыграли в шахматы, пили чай на балконе все вместе. Мне что-то очень жаль сына Леву. Он сегодня такой

грустный, озабоченный. Всплыло ли пережитое им в Париже, встревожен ли он тем, что ему не выдают бумагу для получения заграничного паспорта, или он, нервный, устал от наших тяжелых осложнений жизни...

Ходила купаться с Лизой Оболенской, Сашей и Варварой Михайловной. Оттуда приехали. Жара невыносимая, много белых грибов, косят овес...

Читала корректуру русскую собрания сочинений нового издания и английскую, биографию Льва Ник—а Мооды. Позировала для Левы.

21 июля. Пишу, страшно вся взволнованная, главное, у Льва Ник—а очень болит печень, желудок плохо действует без желчи, которая задержана, и главное, отчего я так мучаюсь, это что я виновата, что он не поправляется. Опять вечером приехал Чертков с сыном. Я с утра знала, что он приедет, и весь день волновалась. Но ездила купаться, кончила поправлять корректуру английской биографии Л. Н. Моода, позировала дважды Леве и радовалась, что могу быть спокойна.

Лев Ник. поехал верхом с доктором, опять по страшной жаре, и имел вид усталый, не хотел идти обедать, но пошел и ел много вареного гороха, а печень уж давно увеличена и болит. Вечером играл с Гольденвейзером в шахматы наверху на балконе; приехал Чертков. Как только я заслышала звук его кабриолета, меня уже начало всю трясти. Еще раньше я $1^1/_2$ часа ходила по саду, чтоб собой овладеть. Я не терплю этого человека и пускаю в дом только для Льва Николаевича.

Но мне стало грустно, что все на террасе сидят вместе и Марья Александровна здесь; все пользуются присутствием Льва Ник—а, а я нет, и мы доживаем последнее время на свете, и я не могу даже быть с ним. Три раза я примеривалась войти на террасу пить чай и наконец решилась. И что же? Я так взволновалась, что кровь бросилась мне в голову, пульс бился неуловимо, я едва держалась на ногах и не могла видеть Черткова. Пыталась начать говорить, чувствую— голос совсем не мой, а что-то дикое. Все на меня вытаращили глаза. Пытаюсь опять и опять успокоиться и едва успеваю настолько это сделать, чтоб избегнуть скандала и не огорчать Льва Николаевича. Господи, помоги мне! Я этого больше всего желаю! Но я чувствую себя такой больной и несчастной. И пусть бы я страдала еще в тысячу раз больше, лишь бы

мой Левочка поправился и не сердился на меня... И могло бы всего этого не быть, если б уступили раньше моим законным, хотя отчасти болезненным желаниям.

Так и слышу слова: «Ни за что, ни за что!» Что же, лучше теперь? Все несчастны, я во всем виновата, Лев Ник. нездоров, Чертков изгнан из доброго расположения к нему; дневники закабалены... Ну, довольно; как *ужасно* тяжело и грустно!

22 июля *. Прямо с утра мне ставил доктор пиявки к пояснице, чтоб не было приливов к голове. Потом встала, шатаясь после недоспанной ночи. Лев Ник. уехал верхом с Гольденвейзером, Саша, Варвара Михайловна и приехавшие Ольга с детьми и финляндка пошли за грибами и купаться. Оставалась я совершенно одна, занималась корректурой и новым изданием. Послала корректуру и предисловие к Лабрюйеру и другим [50]. Лева уехал на лошадях в Чифировку к Мише и его семье.

За обедом по поводу моего недовольства и недоумения, что мне никогда не дадут ничего переписанного из последних сочинений Льва Ник. хотя бы прочесть, так как рукописи все отбирает Чертков, Лев Ник. на меня опять рассердился, возвысил голос, начал говорить неприятное. Я опять расплакалась и ушла от обеда к себе наверх. Он спохватился и пришел ко мне, но опять обострился разговор. Но в конце концов он позвал меня погулять в саду вдвоем, что я очень всегда ценю и люблю, и обоюдный тон недоброжелательства как будто прошел.

Приехал Чертков вследствие моей записки к нему и позволения моего ему посещать Льва Николаевича. Я желаю быть великодушна к нему за все его грубости и неприятности. Победила себя, села играть с Сонечкой-внучкой в шашки и отвлекла себя от Черткова.

Лев Ник. вял, болит печень, нет аппетита, и пульс частый. Он ничего не хочет принимать. Умоляла его принять, как всегда в подобных случаях, ревень и положить компресс, но он раздражительно и упорно отказывается, а доктор, не исследовав его, лег спать, хотя я просила его заняться повнимательнее Львом Николаевичем. Виновата в его нездоровье частью я, частью страшная жара, в тени 29 градусов. Мы оба подвержены болезни печени.

---

* 22-е — день, когда писал Л. Н. в лесу завещание [49], чего я не знала. *(Прим. С. А. Толстой.)*

23 июля. С утра Льву Н — у стало гораздо хуже. Температура 37 и 4, пульс частый, состояние вялое, печень, желудок — все плохо, как я и знала.

Что бы я ни говорила, что бы ни советовала, как бы любовно ни относилась, — в Льве Н—е я встречаю злобный протест. И все это с тех пор, как он пожил у Черткова. Сегодня вечером он опять приехал; Лев Ник. поручил ехавшей в Телятинки Саше позвать его и для отвлечения — также и Гольденвейзера. Но я пошла тоже к Льву Ник. в комнату и не допустила до tête à tête'а, а сама упорно высидела, пока Чертков не увидал, что я не уйду ни за что и не оставлю его вдвоем с Львом Никол., и наконец уехал, сказав Льву Ник—у, что он приехал только посмотреть на него, пока он еще жив, а я прибавила, «и пока я еще его не убила», намекнув на его слова, «что не понимаю такой женщины, которая всю жизнь занимается убийством своего мужа».

Была мне и радость сегодня — приехали мои милые внуки: сначала Сонюшка и Илюшок с матерью, а позднее Лева, Лина и Миша приехали из Чифировки и привезли внуков: Ванечку и Танечку. Все четверо — милые, симпатичные дети. Но, охраняя Льва Ник—а и прислушиваясь к нему, я не могла много быть с внуками, о чем очень сожалею.

Когда я узнала, что опять едет к нам Чертков, опять меня всю потрясло, и я расплакалась; проходившая мимо Саша плюнула громко и резко чуть ли мне не в лицо и закричала грубо: «Тьфу, черт знает, как мне надоели эти истории!»

Какое грубое создание. Просто непонятно, как можно так оскорблять мать, которая ровно ничего ей не сделала и ни слова ей не сказала. И какое страшное и злое у ней было при этом лицо.

Да, пожелаешь смерти при такой обстановке зла, обмана, нелюбви и даже не простого учтивого отношения к близкому человеку, не причинившему им никакого зла.

Прочла двухактовую пьеску, написанную еще в Кочетах Львом Ник—чем, узнавшим, что в Телятинках играл Димочка Чертков с своими мужиками-товарищами его пьесу «Первый винокур», и пожелавшим еще тогда написать что-нибудь для них. Произведение это еще только набросано, есть ошибки вроде той, что молодая баба говорит про себя: «И пеки, и вари...» А у печки всегда хлопочет старуха, которая и есть в пьесе. Еще ошибка, что

баба спрятала деньги и покупку в чулан, а потом покупка оказалась на окне и с окна украдена. Вообще еще сырьем эта пьеска [51]. А задумано и местами хорошо. Постоянно напоминает «Власть тьмы».

Бывало, когда все переписывала я, все ошибки и все неловкое я указывала Льву Никол—у, и мы исправляли. Теперь же ему переписывают точно, но как машины.

24 июля. Опять вечером приезжал Чертков, и Лев Ник. с ним перешептался, а я слышала. Лев Ник. спрашивал: «Вы согласны, что я вам написал?» А тот отвечал: «Разумеется, согласен» [52]. Опять какой-нибудь заговор. Господи, помилуй!

Когда я стала просить со слезами опять, чтоб Лев Ник. мне сказал, о каком согласии они говорили, Лев Ник. сделал опять злое, чуждое лицо и во всем отказывал упорно, зло, настойчиво. Он неузнаваем! И опять я в отчаянии, и опять стклянка с опиумом у меня на столе. Если я не пью еще его, то только потому, что не хочу доставить им всем, в том числе Саше, радость моей смерти. Но *как* они меня мучают! Здоровье Льва Ник. лучше, он все сделает, чтоб меня пережить и продолжать свою жизнь с Чертковым. Как хочется выпить эту стклянку и оставить Льву Ник. записку: «Ты свободен».

Сегодня вечером Лев Ник. со злобой мне сказал: «Я сегодня решил, что желаю быть свободен и не буду ни на что обращать внимание». Увидим, кто кого поборет, если и он мне открывает войну. Мое óрудие — смерть, и это будет моя месть и позор ему и Черткову, что убили меня. Будут говорить: *сумасшедшая!* а кто меня свел с ума?

Уехала семья Миши, Ольга с детьми еще тут. Спаси господи, я, кажется, решилась... И все еще мне жаль моего прежнего и любящего Левочку... И я плачу сейчас...

И осмеливаться писать о *любви,* когда так терзать самого близкого человека — свою жену!

И он, мой муж, мог бы спасти меня, но он не хочет...

25 июля. Открыв, что между Львом Ник. и Чертковым есть тайное соглашение и какое-то дело, задуманное против меня и семьи, в чем я несомненно убедилась, я, конечно, опять глубоко начала страдать. Никогда во всей

моей жизни между нами с мужем не было ничего скрытого. И разве не оскорбительны для любящей жены эти apartés *, тайны, заговоры?.. Во всяком случае, все теперешние распоряжения Льва Ник—а вызовут жестокую борьбу между его детьми и этим хитрым и злым фарисеем — Чертковым. И как это грустно! Зачем Лев Ник. устраивает себе такую посмертную память и такое зло! А все о *любви* какой-то говорят и пишут; и всякие документы отрицали всю жизнь, говоря, что никогда их писать не будут, и Лев Никол. все, что отрицал, были только слова: собственность — он оставил за собой при жизни права авторские; документы — он *написал* в газетах об отказе на сочинения с 1881 [53] года, он теперь под *расписку* Государственного банка отдал дневники, он *писал* что-то с Чертковым и, кажется, с Булгаковым и сегодня передал ему листы большого формата, вероятно — домашнее завещание о лишении семьи прав на его сочинения после его смерти. Отрицал деньги — теперь у него всегда для раздачи несколько сот рублей на столе. Отрицал *путешествия* — и теперь уже три раза выезжал в одно лето: к Тане-дочери в Кочеты два раза в год, к Черткову в Крекшино и в Мещерское, к сыну Сереже со мной и опять стремится в Кочеты.

Встревоженная 24-го вечером, я села к своему письменному столу и так просидела в легкой одежде *всю* ночь напролет, не смыкая глаз. Сколько тяжелого, горького я пережила и передумала за эту ночь! В пять часов утра у меня так болела голова и так стесняло мне сердце и грудь, что я хотела выйти на воздух. Было очень холодно и лил дождь. Но вдруг из комнаты рядом выбежала моя невестка (бывшая жена Андрюши), Ольга, схватила меня сильной рукой и говорит: «Куда вы? Вы задумали что-нибудь нехорошее, я вас теперь не оставлю!» Добрая, милая и участливая, она сидела со мной, не спала, бедняжка, и старалась меня утешить... Окоченев от холода, я пересела на табурет и, сидя, задремала, и Ольга говорила, что я жалостно стонала во сне. Утром я решила уехать из дому, хотя бы на время. Во-первых, чтоб не видать Черткова и не расстраиваться его присутствием, тайными заговорами и всей его подлостью и не страдать от этого. Во-вторых, просто отдохнуть и дать Льву Николае-

---

* уединенные беседы *(франц.)*.

вичу отдых от моего присутствия с страдающей душой. Куда я поеду жить,— я не решила еще; уложила чемодан, взяла денег, вид, работу письменную и думала или поселиться в Туле, в гостинице, или ехать в свой дом в Москву.

Поехала в Тулу на лошадях, которых выслали за семьей Андрюши. На вокзале я его окликнула и решила, проводив их в Ясную, ехать вечером в Москву. Но Андрюша, сразу поняв мое состояние, остался со мной, твердо решив, что не покинет меня ни на одну минуту. Делать нечего, согласилась и я вернуться с ним в Ясную, хотя дорогой часто вздрагивала при воспоминаниях о всем том, что пережила за это время, и при мысли, что все опять пойдет то же, сначала.

Езда взад и вперед, волнение — все это меня очень утомило, я едва взошла на лестницу и прямо легла, боясь встретить мужа и его насмешки. Но неожиданно вышло совсем другое и очень радостное. Он пришел ко мне добрый, растроганный; со слезами начал благодарить меня, что я вернулась.

— Я почувствовал, что не могу решительно жить без тебя, — говорил он плача, — точно я весь рассыпался, расшатался; мы слишком близки, слишком сжились с тобой. Я так тебе благодарен, душенька, что ты вернулась, спасибо тебе...

И он обнимал, целовал меня, прижимал к своей худенькой груди, и я плакала тоже и говорила ему, как помолодому, горячо и сильно люблю его, и что мне такое счастье прильнуть к нему, слиться с ним душой, и умоляла его быть со мной проще, доверчивее и откровеннее, и не давать мне случая подозревать и чего-то бояться... Но когда я затрагивала вопрос о том, какой у него заговор с Чертковым, он немедленно замыкался и делал сердитое лицо и отказывался говорить, не отрицая тайны их заговора. Вообще он был странный: часто не сразу понимал, что ему говорят, пугался при упоминании Черткова.

Но слава богу, что я опять почувствовала его сердце и любовь. Права же свои после смерти моего дорогого мужа пусть отстаивают уж дети, а не я.

Вечер прошел благодушно, спокойно, в семье, и — слава богу — без Черткова. Здоровье и Льва Ник—а и мое нехорошо.

26 июля. С утра грустное известие о нездоровье дочери Тани, и она лежит. Очень зовет в Кочеты Льва Николаевича, но не меня, и я ужасно боюсь, что он уедет, но тогда и я с ним. Доктор наш говорит, что дизентерия прилипчива, и я боюсь, что Лев Никол. при ослабевшем организме и болезни печени и кишок заразится от Тани.

Сыновья мои очень добры, солидарны между собой и со мной. Саша злобно на меня смотрит, как все виноватые. Нагрубив мне и наплевав чуть ли не в лицо, она дуется на меня, и без памяти ей хочется увезти от меня отца; но я брошу все и вся и уеду за ним, конечно.

Много позировала для бюста своего, и работа Левы подвигается. Сегодня тепло, сыро и ходили тучки, но дождя не было. Косят овес, лежит еще не связанная рожь, кое-что убрали.

Прилагаю мое письмо к мужу, написанное перед моим отъездом, и приготовленную мною, но не посланную статейку в газеты [54].

27 июля. Утро. Опять не спала всю ночь: сердце гложет и гложет, и мучительна неизвестность какого-то заговора с Чертковым и какой-то бумаги, подписанной Львом Николаевичем вчера. (Это было, по-видимому, приложение к завещанию, составленное Чертковым и подписанное Львом Ник—м *.) Эта бумага — месть мне за дневники и за Черткова. Бедный старик! Что готовит он своей памяти после смерти?! Наследники *ничего* не уступят Черткову и будут *все* оспаривать, потому что все ненавидят Черткова и все видят его хитрое, злое влияние. *Непротивление* оказалось, как и надо было ожидать, пустым словом.

Вечером 27 июля Булгаков отрицал свое участие в бумагах и подписях Льва Николаевича [55]. Может быть! Тут ничего не поймешь. Когда спросила дочь Сашу, что она знает о завещании и бумаге отца, о которой у Льва Ник. таинственные переговоры с Чертковым, она, как всегда, зло и грубо ответила, что ничего не скажет. Не оскорбительно разве *жене,* что тайны с дочерью и Чертковым, а от меня все скрывают?

Как только встала,— пошла с Ванечкиной корзиночкой бродить по лесам. Первое, что увидала в лесу, был Л. Н., который сидел на своем стульце-палке и что-то записы-

---

* Приписано позднее.

вал. Он удивился, увидав меня, и как будто испугался, поспешно спрятав бумагу. Подозреваю, что он писал Черткову.

Ходила я часа два с половиной и думала, как хорошо в природе без хитрых и злобных людей. Дурочка Параша стережет телят, веселая, добрая, набрала и принесла мне несколько негодных грибов, но с таким добродушием! Два пастуха ласково со мной поздоровались и прогнали мимо меня наше стадо. Я вглядывалась в выражение глаз коров и убедилась, что они только *природа*, без души.

Мальчики шли, собирали грибы, веселые, бесхитростные... На гумне, у риги расположились поденные девушки (дальние) и яблочные сторожа обедать. Все бодрые, веселые; никаких у них нет задних мыслей, бумаг, заговоров с хитрыми дураками вроде Черткова. Все просто, откровенно, ясно и весело! Надо бы слиться с природой и народом; легче бы было ⟨без⟩ этого ложнонепротивленского смрада нашей жизни.

С Львом Ник—м опять молчаливо и холодно. Легла перед обедом и спала $1^1/_2$ часа. В голове немного просветлело, и я могла после обеда немного заняться изданием. Послала Стаховичу статьи и письмо [56], писала в типографию. Днем позировала Леве. Была сильная гроза и ливень, портит хлеб. Л. Н. с Душаном Петровичем ездил верхом, и они попали под дождь. Потом Лев Ник. играл в шахматы с Гольденвейзером и позднее слушал игру приехавшего сына Сережи (полонез Шопена, что-то Шумана, «Шотландские песни», мазурка Шопена). Очень было приятно. Сашу почти не вижу, она сидит больше у себя и с своей точки зрения наговаривает каждому обо мне, что хочет, а вечером пишет свой дневник, опять-таки с своей личной, недоброжелательной точки зрения.

Часов в 12 ночи мы еще сидели вдвоем с Сережей, и я ему рассказала все, что мы пережили за это время. Как и всем — ему все время хотелось осуждать меня; одна собака тявкнет на кого-нибудь, дернет — и вся стая за ней разрывает жертву. Так и со мной. И все стремятся меня разлучить с Львом Николаевичем. Но *этого* им не удастся.

28 июля. Приехала Зося Стахович; непременно хотела, чтоб я ей рассказала о всем, что мы пережили за это время. Я ей сообщила все подробности, она осудила меня за то, что я так настоятельно вытребовала дневники Льва

Н—а, но она, хотя и очень умна, но девушка и никогда не поймет той связи, которая образуется между мужем и женой после 48-летнего супружества.

Скучно болтать без дела, еще скучнее позировать для Левы. Он все время нервничает, кричит: «Молчите, молчите», как только я слово скажу, и меня очень стало утомлять это бесконечное позированье. Сегодня *стояла* почти 1 $^1/_2$ часа. Люблю теперь жизнь спокойную, занятую полезным делом, дружную, без лишних гостей и изредка близких, милых людей, посещающих нас только из любви, а не с какими-нибудь целями.

Вечером, после того как Лев Ник. играл с Гольденвейзером в шахматы и пил чай с медом, он ушел к себе и показался мне грустным.

Я пошла за ним и сказала ему, что если он скорбит о том, что не видит Черткова, то мне его жаль, пусть он его позовет к нам.

И Лев Ник., по-видимому, так искренно и несомненно правдиво сказал мне:

«Нисколько я об этом не скорблю, я тебя уверяю! Я так спокоен, так рад, мне совсем не нужен Чертков, лишь бы с тобой все было любовно и ты была бы спокойна».

И я была так счастлива, что это сомнение снято с души моей и что не я причиной разлуки Левочки с Чертковым, а как будто сам он рад освободиться от гнусного давления Черткова на него. И так мы дружно, любовно, по-старому обнялись со слезами, и с таким счастьем в душе я ушла от него.

Теперь ночь, он спит, и мне хотелось бы еще взглянуть на его любимое мной столько лет, изученное до последних подробностей милое, старенькое лицо. Но мы не вместе,— живем через коридор в разных комнатах, и я всю ночь прислушиваюсь к нему.

Нет, господин Чертков, я уже не выпущу больше из моих рук Льва Никол. и не уступлю его. Я все сделаю, чтоб Чертков опротивел ему и никогда бы его не было в моем доме.

Вечером Лев Никол. прочел нам вслух остроумный рассказец Милля «Le repos hebdomadaire», который ему очень понравился, и начало рассказа «Le secret».

29 июля. Повеяло от нашей жизни прежним спокойным счастьем, и жизнь наладилась. Слава богу! Уже пять дней ни Чертков к нам не ездит, ни Лев Ник. к нему.

Но при воспоминании о нем и возможности вновь их сближения, что-то поднимается со дна души, клокочет там и мучает меня болезненно. Ну, хоть пока отдых!

Зося Стахович вносит много оживления и очень приятна. Лев Ник. ездил верхом, но все дожди. Занялась корректурой и восхищалась «Казаками»[57]. И как сравнительно бедны и жидки новые рассказцы!

Писала: дочери Тане, племянницам: Лизе Оболенской и Варе Нагорновой, Марусе Маклаковой. После обеда пришел Николаев, и Лев Ник. с ним беседовал о Генри Джордже и о *справедливости;* слышала отрывочно их разговор, который, очевидно, утомлял Л. Н. Зося Стахович оживленно и весело рассказывала о Пушкине, что читала, и говорила его стихи. Потом устроили игру в винт; Саша хотела меня устранить, но когда я решительно взяла тоже карту, она сделала злое лицо и ушла. Мы весело взяли с Льв. Ник. большой шлем без козырей. Я не люблю карт, но грустно оставаться в одиночестве, когда все близкие за карточным столом, оживленные и веселые. День прошел мирно и без Черткова. Лев Ник. сегодня здоровьем лучше и бодрее.

30 июля. Целый день ничего не приходится делать: суета, скучные заботы о еде, об устройстве приезжих, о посеве ржи, о ремонте погреба, и проч., и проч., а за все это вечные упреки, осуждение, предписыванье мне *материальности.*

Позировала час Леве; потом ушла одна за грибами, проходила часа два, грибов нет, но хорошо уединение и природа.

Семья П. И. Бирюкова, приехавшая к нам, пять человек, будет нам, очевидно, в тягость, так как дети крикливы и очень непривлекательны. От шума, крика, граммофона, лая пуделя, громкого хохота Саши трещит моя еще слабая голова, а когда вечером сели играть в карты, и это был бы отдых моей голове и глазам,— меня, как всегда, оттерли от игры. Я, как приживалка, всем разливала чай; а приживалка Варвара Михайловна — чужая, молодая, конечно, уселась за карточный стол, чему очень была рада Саша; но чуткий Лев Ник. понял, что я огорчилась, и когда я ушла, чтобы не расплакаться, он спросил меня: «Куда ты?» Я сказала: «В свою комнату».

Да, я слишком себя отстраняла для других во всю свою жизнь, и теперь приму другой тон, и не хочу огорчаться, а хочу пользоваться жизнью всячески: и кататься, и в карты играть, и ездить всюду, куда ездит Лев Ник.

Уехала Зося Стахович. У меня такое чувство теперь к гостям: всех вон! Устала я, чувствую себя больной, и надоело всем служить, обо всех заботиться,— и за все — одно осуждение. Зося лучше многих; она оживляет, принимает во всем участие.

Лев Ник. ездил верхом в Овсянниково, возил корректуры маленьких копеечных книжечек к Ив. Ив. Горбунову [58]. Свежо, 6 гр. вечером.

31 июля. Как трудно переходить от исправления корректур к заказу обеда, к покупке ржи; потом к чтению писем Льва Ник. и наконец к своему дневнику. Счастливые люди, у которых есть *досуг,* и они могут всю жизнь сосредоточиваться на чем-нибудь одном и отвлеченном.

Перечитывая письма Л. Н. к разным лицам, меня поражала его неискренность. Например, он часто и как будто с любовью пишет к еврею Молочникову — слесарю в Нижнем Новгороде. А между тем мы сегодня вспоминали с Катей, что Лев Ник. говорил: «Я особенно старательно любезен с Молочниковым, потому что мне это особенно трудно; он мне неприятен, и я должен делать усилие, чтоб так относиться к нему». Пишет Л. Н. и его жене, которую никогда не видал [59]. И все это потому, что Молочников сидел в тюрьме будто бы за распространение книг Толстого, а мне говорили, что Молочников просто революционер озлобленный.

Еще меня поразило в письмах частое упоминание, что «тяжело жить, как живу, среди роскоши и поневоле...». А кому, как не Льву Николаевичу, нужна эта роскошь? Доктор — для здоровья и ухода; две машины пишущие и две переписчицы — для писаний Льва Никол.; Булгаков — для корреспонденции; Илья Васильевич — лакей для ухода за стариком слабым. Хороший повар — для слабого желудка Льва Н—а.

Вся же тяжесть добыванья средств, хозяйства, печатанье книг — все лежит на мне, чтоб всю жизнь давать Льву Ник. спокойствие, удобство и досуг для его работ. Если б кто потрудился вникнуть в *мою* жизнь, то всякий добросовестный человек увидал бы, что мне-то лично

ничего не нужно. Я ем один раз в день; я никуда не езжу; мне служит одна девочка 18 лет; одеваюсь теперь даже бедно. Где это давление роскоши, производимое будто бы мной? Как жестоко несправедливы могут быть люди! Пусть святая истина, высказываемая в этой книге, не пропадет и уяснит людям то, что затемнено теперь.

Приезжали Лодыженские — муж с женой и консул русский в Индии [60], ничего интересного не представлявший. Лодыженские много путешествовали, были в Индии, Египте и изучали религии. Живые и интересные люди.

Отправила корректуру предисловий [61], позировала, занялась немного изданием. Уехал Андрюша. С мужем Левочкой дружно, он ласков был утром. Саша и Варвара Михайловна противно дуются. Варвара Михайловна зазналась, прилипла к Саше и даже чай не разливает, а предоставляет мне. Придется ей отказать и взять более полезную мне помощницу, а главное такую, которая бы мне читала вслух. Погода переменная. Вечером 9 градусов.

1 августа. Очень мне сегодня с утра опять нехорошо; опять все волнует и мучает. Лев Ник. молчалив и холоден; видно, скучает без своего идола. Примериваюсь мысленно, могу ли я спокойно перенесть вид Черткова,— и вижу, что не могу, не могу...

Разбирала книги и газеты русские и иностранные; все кровь приливает к голове и тяжко...

Хорошо занялась с Бирюковым изданием; во многом он мне помог советами и указаниями [62]. Вечером читала свои рассказы детские детям Бирюковым [63].

Приходили к Льву Ник. крестьяне наши, которых мы просили указать на более бедных для раздачи ржи на посев на деньги, присланные мне Моодом для помощи бедным. Крестьяне беседовали с Льв. Ник. и обещали составить список бедных. Он назвал мне двух крестьян, а третьего не назвал; вероятно, это его сын от бабы — Тимофей [64]. (Это был Алексей Жидков *.)

Ночью гадала на картах. Льву Николаев. вышло, что он останется при молодой женщине (Саше), при бубновом короле (Черткове), при любви, свадьбе и радости (все червонные карты). Мне вышла прямо смерть (пиковый туз и девятка), на сердце старик (пиковый король) или

---

* Приписано позднее.

злодей: все четыре десятки — исполнение желанья; а желанье мое — умереть, хотя не хотела бы и после смерти уступить Черткову Льва Николаевича. А как бы все возликовали и обрадовались моей смерти! Первый удар мне нанесен метко, и этот удар уже произвел свое действие. *Я умру вследствие тех страданий, которые пережила за это время.*

2 августа. Писанье его дневников для Льва Николаевича уже давно не имеет никакого смысла. Его дневники и его жизнь с проявлением хороших и дурных движений его души — это две совершенно разные вещи. Дневники теперь *сочиняются* для господина Черткова, с которым он теперь не видится, но по разным данным я предполагаю, что переписывается, и, вероятно, передают письма Булгаков и Гольденвейзер, которые ходят ежедневно.

Когда Чертков здесь был в последний раз, ведь спросил же его Лев Николаевич, *«получил ли он его письмо и согласен ли?»* [65] На какую еще мерзость изъявил свое согласие г. Чертков? Если бы его посещения уничтожили их тайную переписку,— то так бы и быть, пусть бы ездил; но переписка все равно продолжается и при свиданиях, значит, пусть лучше не видаются. Останется одна переписка, без свиданий. Любовь эта к Черткову обострилась у Л. Н., главное, после его пребывания летом у Черткова без меня, и ослабеет все-таки в разлуке — со временем.

Сегодня Лев Ник. ездил *один* верхом в Колпну смотреть рожь для покупки крестьянам. Я ничего не могла делать, сердце билось безумно быстро, голова разболелась, я боялась, что он назначил Черткову где-нибудь свиданье и они поехали вместе. Тогда я велела запречь кабриолет и поехала ему навстречу. Слава богу, он ехал один, и за ним случайно Данила Козлов, наш крестьянин.

Очень много дела, корректур, и пока в соседстве Чертков — ничего не могу делать и очень боюсь напутать. Через силу пошла обедать, но тотчас же после сделалась такая дурнота и боль в голове, что ушла к себе и легла. Горчичники и примочки на голову облегчили головную боль, и я заснула.

Лев Ник. был участлив и добр; но когда, узнав, что пришел Булгаков с письмами, я спросила: «И от Черткова письмо?», он рассердился и сказал: «Ну да, я думаю, что я имею право переписываться с кем хочу...» А я ни

слова и не говорила о *праве*. «У меня с ним бесчисленное количество дел по печатанью моих произведений и по писаньям разным»,— прибавил Лев Ник.

Да, если б только *такие* дела, тогда не было бы *тайной* переписки. Раз все *тайно*, то кроется что-нибудь нехорошее. Христос, Сократ, все мудрецы ничего не делали тайно; они проповедовали открыто на площадях, перед народом, никого и ничего не боялись, их казнили,— но произвели в богов.

Преступники же, заговорщики, распутники, воры и т. п. люди — все делают тайно. И в это вовлек бедного святого — Толстого в несвойственное ему положение Чертков.

И если Льву Ник. с Чертковым нужно все от всех скрывать,— то кроется что-нибудь злое или нехорошее, я в этом убеждена и очень от этого страдаю.

3 августа. Узнав, что mister Maude изобличил в своей биографии Льва Николаевича разные гнусные поступки Черткова, даже не называя его, а обличая под буквой X, Лев Никол. унизился до такой степени, что *просил* в письме от 23 июля сего года Моода вычеркнуть из биографии эту гнусную правду, которую написал Моод, и дал выписку из письма покойной нашей дочери Маши, которая дурно пишет о Черткове. Сегодня я получила от Моода два письма: одно ко мне, другое к Льву Николаевичу [66]. Ужасно то, что Л. Н. настолько любит Черткова, что готов на всякие унижения, чтоб выгородить его, хоть бы солгать или умолчать.

То, что Лев Ник. просил Моода вычеркнуть, была выписка из письма нашей покойной дочери Маши, в котором она дурно пишет о Черткове. Такое обличение Черткова, конечно, было неприятно Л. Н—у, особенно от его любимицы Маши, которая всегда была, по-видимому, в дружбе с Чертковым, но тоже под конец поняла его.

Получила сегодня письмо от Е. И. Чертковой, полное упреков [67]. Вполне ее понимаю как мать: она идеализирует своего сына и не знает его. Я отвечала ей сдержанно, учтиво и даже гордо. Но на примирение я не иду [68].

Хотела объяснить Льву Ник—у источник моей ревности к Черткову и принесла ему страничку его молодого дневника, 1851 года, в котором он пишет, как он никогда не влюблялся в женщин, а много раз влюблялся в мужчин [69]. Я думала, что он, как П. И. Бирюков, как доктор

Маковицкий, поймет мою ревность и успокоит меня, а вместо того он весь побледнел и пришел в такую ярость, каким я его давно, давно не видала. «Уходи, убирайся! — кричал он.— Я говорил, что уеду от тебя, и уеду...» Он начал бегать по комнатам, я шла за ним в ужасе и недоумении. Потом, не пустив меня, он заперся на ключ со всех сторон. Я так и остолбенела. Где любовь? Где непротивление? Где христианство? И где, наконец, справедливость и понимание? Неужели старость так ожесточает сердце человека? Что я сделала? За что? Когда вспомню злое лицо, этот крик — просто холодом обдает.

Потом я ушла в ванну, а Лев Никол., как ни в чем не бывало, вышел в залу и пил с аппетитом чай и слушал, как Душан Петрович, переводя с славянского, читал о Петре Хельчицком [70].

Когда все разошлись, Лев Ник. пришел ко мне в спальню и сказал, что пришел еще раз проститься. Я так и вздрогнула от радости, когда он вошел; но когда я пошла за ним и начала говорить о том, что как бы дружней дожить последнее время нашей жизни, и еще о чем-то, он начал меня отстранять и говорил, что если я не уйду, он будет жалеть, что зашел ко мне. Не поймешь его!

4 августа. Слава богу! день прошел без всякого напоминания о Черткове, и стало как-то легче жить,— очистился немного воздух. Спасибо милому моему мужу — Левочке, что щадит меня. Кажется, если все началось бы сызнова, у меня не хватит сил перенесть. Надеюсь, что скоро все уедут из Телятинок и я перестану вздрагивать и пугаться, когда уезжает верхом Лев Никол., и перестану бояться их тайных свиданий.

Чувствую себя больной, голова какая-то странная, не сплю почти совсем и не могу долго ничем заниматься. Лежу часто без сна, и какие-то дикие фантазии проходят в моей голове, и боюсь, что схожу с ума.

Уехали Бирюковы. Стало ясней, и появились грибы. Саша была в Туле у доктора, и он ничего ей не предписал. Тане, слава богу, лучше. Позировала для Левы, исправляла корректуру «Искусства», вписывала пропущенное — работа трудная и медленная [71].

Лев Ник. верхом ездил в Басово, к Лодыженскому, и устал. Я встретила его на так называемом у нас *прешпекте*. Думала о том, не могу ли я примириться с Чертковым; хочется вызвать в себе добро, «яко же и мы

оставляем должникам нашим...»[72] И может быть, в мыслях я и перестану ненавидеть его. Но когда подумаю — *видеть* эту фигуру и встречать в лице Льва Никол—а радость от его посещения,— опять страдания поднимаются в моей душе, хочется плакать,— и отчаянный протест так и кричит во мне: «Ни за что, не хочу больше этих острых, мучительных страданий!..» А чувствую, что я вся во власти мужа, и если он не выдержит — все пропало!

В Черткове злой дух, оттого он так и пугает, и мутит меня.

5 августа. Провела ужасную ночь; переживала опять в воспоминаниях все, чем страдала это время. Как оскорбительно, что муж мой даже не вступился за меня, когда Чертков мне нагрубил. Как он его боится! Как весь был подчинен ему! Позор и жалость!

Пробовала заняться корректурой, не могла. Задыхаюсь, голова болит, и дрожит все сердце. Пошла гулять и проходила почти три часа. За мной приехал кабриолет на большую дорогу. Лев Ник. ездил верхом с Душаном Петровичем. Встретила Леву, возвращающегося из Телятинок. Он издали видел Черткова. Не ездил ли он на свидание с Львом Ник—м?

Слышала сегодня, что в Телятинках 30 человек что-то усиленно переписывают. Что бы это могло быть? Уж не дневники ли вчера взял Лев Никол.? Ничего не узнаешь. С коварной, и злой, и упорной волей Лев Ник. *все* от меня скрывает, и мы стали — чужие.

Во многом я виновата, конечно. Но мое раскаяние тоже так велико, что *добрый* муж простил бы меня, в чем я виновата *, и к концу — к смерти приблизил бы меня, хотя бы за то, что я с такой горячей, страстной любовью вернулась к нему сердцем, и за то, что никогда не изменила ему.

Как я была бы счастлива, если б он меня приласкал и приблизил. Но этого уж никогда не будет, даже если и удалить Черткова от него!

Лев Ник. сегодня опять холоден и чужд. Грустно!

Читала ужасные статьи Вл. Короленко о смертной казни и тех, кого к ней приговаривали[73]. Просмотрела роман Rosny[74]. Вечером Гольденвейзер сыграл эту удиви-

---

* В моем болезненном, истеричном состоянии. *(Прим. С. А. Толстой.)*

тельную сонату Шопена с похоронным маршем. Но играл он сегодня как-то вяло. Погода переменная, 3 раза принимался идти дождь.

Ночь... не спится. Долго на коленях молилась. Просила бога и о том, чтоб он повернул сердце мужа моего от Черткова ко мне и смягчил бы холодность его ко мне. Молюсь ежедневно и в молитве часто вспоминаю тетеньку Татьяну Александровну, прося ее молитв. Она, наверное, поняла бы меня и пожалела.

6 августа. Как и все это последнее время — нет сна. Утром просыпаешься с каким-то ужасом: что даст сегодняшний день? Так было и нынче. Заглянула в 10-м часу в комнату Льва Николаевича, его еще нет, он на своей обычной утренней прогулке. Наскоро оделась, побежала в елочки, куда он ходит по утрам, бегу, думаю: «Ну, как он там с Чертковым?» Идет милый, спокойный, старенький,— и один. Но Чертков мог уже уехать. Встречаю детей, спрашиваю: «Видели, детки, старого графа?» — «Видели, на лавочке сидел».— «Один?» — «Один». Я начала себя обуздывать и успокаивать. Дети милые со мной, видят, что я не нахожу грибов,— где уж там! — дали мне пять подберезников и с сожалением сказали: «Да ты не видишь ничего, ты слепая». Пришел в елочки Лева, случайно или ко мне — не знаю. Потом верхом встретил меня возле купальни.

Я проходила четыре часа сряду и немного успокоилась. Дома сейчас же напали: яблочный купец, сторожа с поклонами и яблоками, прислуга, потом приехал булочник. Лев Ник. строг и холоден, а мне при виде его холодности так и слышится жестокий возглас мужа: «Чертков *самый близкий* мне человек!» (А не жена!) Ну, по крайней мере, *физически* он не будет самым близким. Бог даст, скоро уедут. Старуха, мать его, вероятно, нарочно тут так долго живет, чтоб мучить меня. Она хотела уехать к сестре до 6 августа.

Лев Ник. ездил верхом с Булгаковым, и они заблудились в Засеке, но приехали не поздно. Опять корректуры «Искусства». Днем пришел со станции Засека В. Г. Короленко и провел весь вечер, без конца рассказывая о самых интересных и разнообразных предметах: о разных сектантах, собирающихся у святого озера в Макарьевском уезде, о монастырях, о пытках, о тюрьмах, о первом знакомстве с Горьким, о картинах Репина, и проч., и проч.

Жаль, что нельзя записать[75]. Говорит Короленко очень хорошо, содержательно и красноречиво. Посылали за Гольденвейзером; он играл в шахматы с Львом Ник—м, а главное, его интересовал Короленко. Саша ездила на Провалы с Ольгой, детьми и Гольденвейзерами. Дождь шел, и все промокли.

7 августа. Все тот же над нами гнет, та же мрачность в доме; кстати и дождик все льет и льет, перепутал проросший овес в поле. Приходили наши крестьяне, роздали по дворам деньги Моода. Пришлось на двор по 5 р. 50 коп.— всего 401 р. 50 коп. Уехал Короленко. Позировала Леве, сидела с гостем, отправила в типографию XV часть для набора. Не хочется писать о том, что больнее всего на свете и что гложет меня день и ночь,— эта жестокая холодность Льва Н—а. Он не поздоровался даже сегодня со мной; весь день не говорит ни слова, мрачен, сердит; тон его со мной такой, что я ему мешаю жить, что я в тягость. И все от того, что он для меня перестал видать Черткова.

И взял на себя Лев Ник. молчать,— молчать весь день и дуться — упорно, зло молчать. С моим живым, откровенным характером это молчание невыносимо. Но он и хочет меня мучить и вполне достигает этого.

Я не запрещала Черткову ездить к нам ни словесно, ни письменно; писал ли ему что Л. Н. или Лева — не знаю[76]. У них все тайно. Скоро ли уедут Чертковы, тоже неизвестно. Хочет ли Л. Н., чтоб опять видаться с Чертковым, тоже не знаю. Молчит и молчит. Что делается в душе его? Не поймешь. На лице видны гнев и скорбь. Ах, хоть бы растаял лед в его сердце!

Жили же мы десятки лет без Черткова и были счастливы. Что же теперь? Ведь мы все те же, а между тем сестры ссорятся с братьями, отец недоброжелателен к сыновьям, дочери к матери, муж возненавидел жену, жена — Черткова,— и все от него, от того, что его глупая, громоздкая и грубая фигура втерлась в нашу семью, опутала старика и губит мое счастье и жизнь...

Сейчас опять буду молиться, и когда вспомнила о молитве, стало легче на душе; я радуюсь, что вот сейчас стану на колена и понемногу войду в общение с богом, и он утешит, смирит и исцелит мою скорбящую душу и смягчит окаменелое сердце моего мужа.

8 августа. Так и вышло: молитва моя поразительно скоро услышана богом. Мой Левочка сегодня растаял, стал добр, участлив и даже нежен. Благодарю тебя, господи! Пусть я всячески страдаю физически, только бы чувствовать с Левочкой ту связь, которая так долго существовала, а не то отчуждение, которое убивает меня. Не спала опять ночь, все думала, что надо предложить Льву Никол—у опять видаться с Чертковым, и рано утром, когда он встал, я это ему и сказала. Он махнул рукой, сказал, что переговорит после, и ушел гулять. Ушла и я в 9-м часу, бродила по всей Ясной, по садам и лесам, упала прямо плашмя на грудь и живот, рассыпала грибы и, нарвав дубовых веток и травы, легла на них в изнеможении на лавке из березовых палочек и до тех пор плакала, пока задремала с какими-то фантастическими видениями во сне. Ветки были мокрые от дождя, и я вся промокла, но лежала в этой тишине, с соснами перед глазами, более часа. Всего я отсутствовала более 4-х часов из дома, без пищи, конечно.

Когда я вернулась, Лев Ник. меня позвал к себе и сказал (я так счастлива была уже тем, что услыхала его голос, обращенный ко мне): «Ты предлагаешь видеться с Чертковым, но я этого не хочу. Одно, чего я более всего желаю,— это прожить последнее время моей жизни как можно спокойнее. Если ты будешь тревожна, то и я не могу быть спокоен. Лучше всего мне бы уехать на недельку к Тане и нам расстаться, чтоб успокоиться».

Сначала мне это показалось ужасно опять расстаться. Но приняв в расчет, что удаление Льва Н—а от соседства с Чертковым и во время его отъезда есть именно то, что желательнее всего, я думаю, что это будет хорошо; пусть отдохнем мы оба от этого дерганья сердечного. Уверял меня мой Левочка, что мое спокойствие так ему дорого, что он сам не живет, видя мое нервное и тяжелое состояние, и все готов сделать, чтоб помочь мне и успокоить меня. И это его отношение ко мне есть лучшее лекарство всем моим недугам.

Написал он сегодня на листке обращение к молодым людям, желающим отказаться от воинской повинности [77]. Очень хорошо. Уже Саша переписала; а куда девался рукописный листок? Неужели опять отдали Черткову?

Занялась опять изданием, писала Мооду о деньгах крестьянам, писала артельщику. Спала вечером. Играл Гольденвейзер сонату Бетховена [78], я, к сожаленью, не

слыхала; а потом при мне вальс и мазурку Шопена — прекрасно сыграл.

Болит под ложкой, и пищу перестала переваривать; весь организм надломлен. Опять был короткий дождь. Овес пророс, пошли белые грибы и другие.

9 августа. Весь день шила для Левочки: перешивала его блузу, потом белую фуражку, и так спокойно, хорошо было за этим занятием. Нарочно ничем другим не занималась, чтоб дать покой нервам. Все бы хорошо, если б не злое извержение всевозможных грубостей от дочери Саши. Она все ездит к Чертковым, и там ее всячески натравливают на меня за то, что я разлучила своего мужа со всей этой телятинской кликой. Никогда не могла бы я себе представить, чтоб дочь смела так относиться к матери, не говорю уже про сердечное отношение. Когда я рассказала о ее невозможной грубости ее отцу, он с грустью сказал: «Да, жаль: у нее есть эта грубость в характере, и я с ней поговорю».

Ездил Лев Ник. сегодня к Горбунову в Овсянниково, его не застал и огорчился, так как вез ему корректуру копеечных книжечек, которыми в настоящее время очень занят Лев Никол — ч.

К обеду он вышел мрачный, и опять защемило мое сердце. Я пошла к нему и спросила его, какая причина его настроения? Он сказал сначала, что что-то скучно, а потом истолковал мне так, что он не мрачен, а просто *серьезен.* Что бывает такое настроение, что «все разговоры кругом кажутся ненужными, скучными, бесцельными, что все ни к чему». А разговоры были, конечно, неинтересные и чуждые, так как приехал сосед, В. Ю. Фере, смоленский вице-губернатор, старый знакомый, которого мы не видали пять лет. Человек хороший, добродушный, любит музыку, играл с Левой в четыре руки, но человек обыкновенный.

Позднее приехали супруги Гольденвейзеры, и стало как-то к вечеру веселей, и Лев Ник. не был уже мрачен. Мы, слава богу, дружны, но что-то еще страшно — страшно потерять опять его доброе ко мне расположение. Ждем Таню в $3^1/_2$ часа ночи.

10 августа. Таня приехала ночью в четыре часа; и прислушиваясь всю ночь, я не слыхала, когда она приехала. Утром разговорились с ней все о том же, и я очень рас-

строилась, и мы решили больше совсем не говорить о том, что всех так измучило.

Позировала для Левы, и вдруг, когда я встала и, почувствовав дурноту, подошла к окну, я упала и потеряла сознание. Пришла в себя, почувствовав сильную боль в ноге и увидав Леву-сына, с трудом поднимавшего меня. «Бедняга!» — сказал он. Падая, я рассекла и ушибла сильно ногу, до ранки. Лев Ник., узнав об этом падении, был добр и участлив. Но как он все-таки грустен, молчалив и как он, видимо, скучает! Вероятно, боясь меня огорчить, он не признается, что скучает без Черткова. И чем больше он скучает, тем меньше у меня желанья возобновить отношения с Чертковым и снова страдать от этой близости и посещений ненавистного мне человека. Узнала сегодня, что они уезжают только еще 1-го сентября, и это одна из причин, почему я должна сочувствовать отъезду Льва Ник—а к Тане; а вместе с тем снова разлука с ним мне представляется невыносимой! Мы и так нынешнее лето уже много расставались, а долго ли осталось и всего-то нам жить? А видимо, надоела Льву Ник—у жизнь в Ясной Поляне! Все то же, день за день, а он любит теперь всякие развлеченья. С утра прогулка по тем же местам; потом работа, завтрак; прогулка верхом с Душаном Петровичем, сон, обед — и опять одинокое, скучное сиденье вечером у себя в комнате; или,— что лучше,— приезжает Гольденвейзер, и они играют почти ежедневно в шахматы. Иногда Гольденвейзер играет на фортепьяно, и это всем приятно.

Сегодня к нам в Ясную Поляну почему-то пришли солдаты и разместились по всей деревне. Четверо из них украдкой приходили к Льву Ник., но не знаю, что он с ними беседовал. Странное отношение Льва Никол. к моему присутствию: если я интересуюсь им и его разговорами и взойду к нему — он недоброжелательно на меня смотрит, давая чувствовать, что я мешаю. Если же я не вхожу и как будто не интересуюсь, он считает это равнодушием и разногласием. Часто не знаешь, как быть. Всякое решение мое, вынужденное жизнью и обстоятельствами, считают за деспотизм; решать же никто ничего не хочет, и ждут меня для того, чтоб осудить, порицать и не соглашаться.

Опять ветер; болит голова, тоскует сердце. В субботу Левочка уедет с Таней в Кочеты, а что будет со мной?

Уже заранее волнуюсь, огорчаюсь и не знаю, что станется со мной! Где же тут выздоровсть. Все меня покинут.

Читала для издания «Христианство и патриотизм» и вычеркивала с сожалением то, что не цензурно; как все это трудно соображать! [79]

11 августа. Как будто отлегло немного от сердца, хотя новая забота о здоровье Льва Николаевича. Он охрип, у него насморк, и он все зябнет; если выдержит спокойно сидеть дома и беречься, то, бог даст, все пройдет.

Приезжали ненадолго Булыгин, Ге и племянник Саломона. Наши все ездили в Тихвинское смотреть дом и в Овсянниково. Я туда ездила потом за Таней.

Радостью мне было сегодня то, что Лев Ник. мне диктовал письмо, и я у него довольно долго сидела, писала [80]. Вечером немного занялась изданием, потом мы играли в винт. Лев Ник. весь день просидел дома, кашляет и тревожит этим меня, хотя и надеюсь, что все кончится благополучно.

12 августа. Только что я немного успокоилась и начала жить нормально и без особенных страданий, как опять тревога. Лев Ник. очень кашляет, а вместе с тем собирается *непременно* ехать в Кочеты. Он наверное застудит свой кашель, в его года опасно воспаление легких. Мы оба молчим об его отъезде, но он поступит так, как будет больно мне. Отъезд его — новое желанье избавиться от меня; но я не хочу и не могу жить опять с ним в разлуке, и дня через три поеду туда же. Вокруг меня все очень озабочены нас разлучить, но им это не удастся.

Ходила сегодня часа $3^1/_2$ за грибами с Екатериной Васильевной [81]. Очень было хорошо в елочках, где сидели в зеленом мху красные рыжички, где спокойно, чисто, уединенно. Днем позировала, занялась изданием. Очень трудно!

Приехали Н. Н. Ге, Гольденвейзер; пришел Николаев — разговоры без конца. Л. Н. сел играть в шахматы. Он весь день не выходил из дому; только утром немного прошелся. Завтракал у себя в комнате и вообще вял от гриппа, жалуется на прострел в спине и слабость.

Вечером Таня начала целый ряд тяжелых на меня обвинений, из которых почти все несправедливые, и я в них так и узнала подозрительность и ложь Саши, которая всячески старается меня оклеветать, со всеми поссорить и

разлучить с отцом ее. Вот где настоящий крест. Иметь такую дочь хуже всяких Чертковых: ее не удалишь, а замуж никто не возьмет с ее ужасным характером. Я часто обхожу двором, чтобы с ней не встречаться, того и гляди или опять плюнет мне в лицо, или зло накинется на меня с ее отборно грубыми и лживыми речами. Сколько горя в старости! За что?

Перечитала свой дневник сейчас и ужаснулась — увы! и на себя и на мужа моего! Нет, жить оставаться — почти невозможно.

13 августа. Чувствую себя опять тревожней, и дрожит сердце. Но зато радостно провела день. Лев Ник. весь день был дома и только утром походил по террасе. Здоровье его лучше, слегка кашляет. В настроении он хорошем и со мной не строг и не сердит. И за то спасибо. Писал он все больше письма, ответы на запросы [82]. Таня была мила, со слезами говорила, что всегда меня чувствует, любит и жалеет. Играли вечером в винт с Буланже; Гольденвейзер немного поиграл; Мария Александровна приехала. Лил *страшный* дождь весь день; вечером гроза, молния поминутно сверкала, и гром — по-летнему.

Вписывала книги в библиотеку, кроила платье Марье Александровне. Делами не занималась,— голова не свежа, и сердце не покойно. Писала: Бутурлину, Торбе, Сереже, артельщику (перевод), Бирюкову, Давыдову.

14 августа. Тревога усилилась, с утра опять дрожанье сердца, прилив к голове. Мысль о разлуке с Льв. Ник. мне невыносима. Колебалась весь день, остаться в Ясной или ехать с Льв. Н. к Тане в Кочеты, и решила последнее. Наскоро уложилась. Жаль очень оставлять Леву, который ждет паспорта и суда в Петербурге за напечатание «Восстановления ада» в 1905 году [83]. Паспорта заграничного не дают, потому что он под судом. Жаль было и Катю с Машенькой оставить; нехорошо было и дела бросать. Но я уже не буду расставаться с мужем, не могу просто.

Ходила с Катей в елочки, но рыжики все уже обобраны. Лев Ник. ездил с Душаном два часа верхом по Засеке, весь закутанный. Ему лучше.

Вечером Гольденвейзер играл сонату Бетховена «Quasi una fantasia», играл скучно и холодно. Играл две вещи Шопена — прекрасно. Карнавал Шумана

технически не дурно, но совсем не характерно каждую часть.

Весь день так дурно себя чувствовала, что даже не обедала. Нашло много народу: Дима Чертков (сын), незлобивый, простой и хороший малый, не то, что отец. Николаева, Гольденвейзер с женой, Марья Александровна и еще чужая — Языкова. Укладывалась, легла поздно.

15 августа. Кочеты. Рано встали, поехали на Засеку, провожало много народу и Лева; уехали в Кочеты с Таней. Дорога длинная и трудная с пересадкой в Орле на Благодатную. Лев Ник. дорогой много спал, мало ел и казался слаб. Но вечером в Кочетах играл в винт с большим оживлением до 12-го часу, жалуется на слабость.

В Кочетах трогательно встретила нас маленькая внучка Танечка. Что за ласковый, милый, прелестный ребенок! Как она меня ласкала, целовала, хоть кто-нибудь на свете мне рад! И эта святая бесхитростность как трогательна у ребенка! Не то, что мы, взрослые. Сегодня пошла прощаться с мужем, он у Саши (случайно при мне) спрашивает записную книгу; Саша замялась, я поняла, что опять какая-нибудь хитрость или ложь. Я спросила: «Что ты спрашиваешь?» Лев Ник. понял, что я уже догадалась, и, спасибо, сказал правду, а то я опять страшно бы расстроилась. «Я спрашиваю у Саши дневник, я ей даю прятать, и она выписывает мои мысли» [84].

Конечно, *прячут от меня, выписывают мысли для Черткова.* Значит, теперешние дневники Л. Н.— это, как я и раньше писала, — это сочинения для господина Черткова, и искренности поэтому в них быть не может. Ну, и бог с ними, с их тайнами и обманами и скрываньями от меня. Со временем все уяснится. Я — это *совесть,* не любящая ничего скрытого, и это им невыносимо. Уже в Ясной Поляне я усмотрела это тайное скрыванье дневников Льва Никол—а у Саши и потому так волновалась последние дни, а они думали, что *скрыли* от меня. Спросила я еще сегодня Льва Ник.:

— А Саша читает твои дневники?

— Не знаю,— отвечал Л. Н.,— она выписывает мои мысли...

Так как же *«не знаю»,* если *выписывает?* Опять ложь! Но я ничего не сказала.

— Ты от всего так волнуешься,— прибавил Лев Ник.,— оттого я и прячу от тебя...

Это, конечно, отговорка. Я волнуюсь не оттого, что прячут дневники; это и понятно, и вполне законно; и даже надо их от *всех* прятать. Волнуюсь я, что и Черткову, и Саше *можно* их читать, а *мне, жене, — нельзя.* Значит, он меня бранит и дает на суд дочери и Черткову. И это жестоко и дурно.

Здесь пропасть народу, все добродушны, не злобны и не скрытны, как в нашем *аду* семейном. Начинаю чувствовать ослабление моей любви к мужу за его коварство. Вижу в его лице, глазах и всей фигуре ту злобу, которую он все время на меня изливает, и злоба эта в старике так некрасива и нежелательна, когда на весь мир кричат о какой-то *любви.* Он знает, что мучает меня этими дневниками, и старательно это делает. Дай-то бог мне отделаться от этой безумной привязанности; насколько шире, свободнее и легче будет жить! Пусть их там колдуют с Сашей и Чертковым!

Таня мила, уступила мне свою комнату, что мне и *совестно* и будет мучить все время.

16 августа. Может ли быть счастье и радость в жизни, когда все сложилось так, что Лев Ник. и Саша, по его воле, постоянно с большим напряжением скрывают от меня что-то в дневниках Л. Н.; а я так же напряженно и хитро стараюсь узнать и прочесть, что от меня скрывается и что про меня доносится Черткову и через него всему миру? Не спала всю ночь, сердце билось, и я придумывала все способы, как прочесть, что скрывает так усиленно от меня Л. Н. Если там ничего нет, то не проще ли было бы сказать: «На, возьми, прочти и успокойся». Он умрет, а этого не сделает, таков его нрав.

Сегодня жалуется на сонливость и слабость, лежит у себя, ходил гулять. Я видела его минутку и передала клочок бумаги, на котором написала, что считаю справедливым и законным свои дневники скрывать и *никому* не давать читать. Но давать Саше читать и переписывать их для Черткова, а от меня хитро прятать во всевозможные шкапы и столы, от меня, жены,— это и больно, и обидно. «Бог тебе судья»,— кончила я свою записку и больше ничего не буду говорить [85].

Вчера вечером до 12-го часа Л. Н. после дороги играл оживленно в винт, сегодня утром чувствовал себя хорошо, а теперь, верно, рассердился за мой упрек. Что

делать! Мы изводим друг друга; между нами поселился, как говорит народ,— *враг,* т. е. злой дух. Помоги, господи! Молюсь вечером долго; молюсь, гуляя одна; молюсь, как сейчас, когда душа болит...

Вечером. Среди дня Лев Ник. меня позвал и сказал: «Ты опять обиделась».— «Конечно,— сказала я.— Ты прочел мою записочку?» — «Да; но я хочу тебе сказать, что Саша не читает дневника, а в конце каждого дня у меня в дневнике отдел мыслей, и эти мысли Саша переписывает для Черткова в дополнение прежних. А дневник у меня, и я никому его не дам».

Это меня слегка успокоило, если это опять не обман, и я легче дожила сегодняшний день. Играла с миленькими детками: Танечкой и Микушкой. Танюшка говорит: «Я бабушку люблю больше всех на свете!» Ходили и гулять, грибы собирали, рыжики и валвянки, и с детьми весело.

Здесь толпа народу, и это утомительно немного, но легко то, что нет ответственности за хозяйство; а бедной Тане трудно, и мне совестно, что мы приехали четверо и своих здесь много. Вечером играли мы в винт, и я рада была посидеть вечерком хоть сколько-нибудь с мужем. Но он очень увлекается винтом, а меня постоянно упрекает за плохую игру и старается устранить. Вчера я всех обыграла.

Бедный Сухотин угнетен дождями, погубившими овес и сделавшими ему тысячи на три убытку. А у Тани пропал багаж, из Орла будто не погрузили. Обедала я сегодня с маленькими и их нянями отдельно, и дети были в восторге. А я была в восторге, когда Лев Ник. встал из-за стола и пришел на меня взглянуть. Как я еще глупо к нему привязана сердцем!

17 августа. Весь день усердно выправляла «Детство» [86]. Поразительно, до чего черты молодости те же, как и черты старости. Преклонение перед красотой (Сережа Ивин), и потому страдания за *свою* некрасивость и желанье заменить красоту тем, чтоб быть *умным и добрым* мальчиком. Поразительна глава «Гриша» по рукописи и места, пропущенные в книге: это чувственная сцена в чулане с Катенькой непосредственно после умиления и приподнятого религиозного чувства веры и высоты духовной юродивого Гриши.

Красота, чувственность, быстрая переменчивость, религиозность, вечное искание ее и истины — вот характеристика моего мужа. Он мне внушает, что охлаждение его ко мне — от моего *непонимания* его. А я знаю, что ему главное неприятно, что я вдруг так всецело *поняла* его, слишком поняла то, чего не видала раньше.

Ходил Лев Никол. гулять по парку, и был у него в гостях скопец[87], с которым он беседовал более двух часов. Не люблю я сектантов, особенно скопцов. А этот, кажется, умен, но неприятно хвастается своей ссылкой.

Опять сегодня что-то чуждое и грустное в Льве Николаевиче. Верно, все тоскует по своем идоле — Черткове. Хотелось бы ему напомнить мудрую заповедь: «Не сотвори себе кумира», да ничего не поделаешь с своим сердцем, если кого сильно любишь.

Какая унылая, серая погода! Но люди здесь все милые, простые, не говоря о заботливой о всех дочери моей Тане. Михаил Сергеевич весь в хозяйстве; и не волнуется же об этом Лев Николаевич, а именно в эту старинную, привычную помещичью атмосферу его и тянет. В Ясной Поляне все надо отрицать и от всего *страдать*, и многое там уже испорчено тяжелыми воспоминаниями. Там он уже давно *на меня* взвалил всю тяжесть жизни и, разумеется, не может не страдать от этого, чувствуя свою вину. Вспомнила Ясную Поляну за последнее время, и как-то не хочется опять жизни там. Хотелось бы *новой* жизни, новых людей, новой обстановки. Как все там наболело! И давно надвигалась эта болезнь нашей жизни.

Вечер провела праздно, устало; только хорошо было, когда с детьми играли: такие они оба миленькие! Позднее Лев Ник. с увлечением играл в винт до 12-го часа. Просил у Тани какой-нибудь легкий, французский роман читать. Как ему надоела его *роль* религиозного мыслителя и учителя, как он *устал* от этого! И даже игра с детьми в мнения и другие игры доставляет ему приятное развлечение. Он не хотел, чтоб я это видела, т. е. его желанье отдыха от его роли религиозного учителя, и потому старательно отклонял мой приезд в Кочеты. С болью сердца вспоминаю, как я спросила его, проведет ли он наши два рождения в Кочетах или вернется в Ясную (22-го или 28-го)? Он мне на это сказал: «Что же, это на днях. А вот *ты* оставайся в Ясной и приезжай к 28-му, к моему рожденью».

Я так и вспыхнула от горя и обиды. Очень мне нужно его рожденье, если он так старательно хочет от меня отделаться! И я нарочно тогда тотчас же решила, что поеду тоже в Кочеты. Тут, по крайней мере, мои две любимые Тани. Так как у меня теперь много дела по изданию и я желала бы знать, сколько мы тут проживем, я спросила об этом Льва Н—а, а он мне грубо сказал: «Я не солдат, чтоб мне назначать срок отпуска». Вот и живи с таким человеком! Боюсь, что он, с свойственным ему коварством, зная, что мне *необходимо* вернуться, будет жить здесь месяцы [88].

Но тогда и я ни за что не уеду, брошу все, пропадай все! Кто кого одолеет? И подумать, что возникла эта злая борьба между людьми, которые когда-то так сильно любили друг друга! Или это старость? Или влияние посторонних? Иногда смотрю я на него, и мне кажется, что он мертвый, что все живое, доброе, проницательное, сочувствующее, правдивое и любовное погибло и убито рукою сухого сектанта без сердца — Черткова.

18 августа. Ужасное известие прочла в газетах. Черткова правительство оставляет жить в Телятинках [89]! И сразу Лев Николаевич повеселел, помолодел; походка стала легкая, быстрая, а у меня с мучительной болью изныло все сердце; билось оно в минуту 140 ударов, болит грудь, голова.

Рукою бога, по его воле мне послан этот *крест,* и Чертков с Львом Николаевичем избраны орудиями моей смерти. Может быть, когда я буду лежать мертвая, у Л. Н. откроются глаза на моего врага и убийцу, и он тогда возненавидит его и раскается в своем греховном пристрастии к этому человеку.

И со мной теперь *как* вдруг изменились отношения. Явилась ласковость, внимание: авось, мол, теперь она примирится с Чертковым и все будет по-старому. Но этого *никогда* не будет, и Черткова я принимать не буду. Слишком глубока и болезненна та рана, которая открылась у меня и терзает мое сердце. И слишком невозможно мне простить грубости Черткова мне и его внушения Льву Николаевичу, что я его *всю жизнь убиваю.*

Плохо занималась делами издания, ходила с Танюшкой за грибами. Писала Леве и черновое письмо Столыпину о том, чтобы убрали Черткова из нашего сосед-

ства. Столыпин уехал в Сибирь, и потому я письма не послала. Сухотин не советует посылать, посоветуюсь с Левой и с приехавшим гр. Дм. Ад. Олсуфьевым, который приехал сегодня с сыном Сережей. Бедную Таню замучили мы все — гости.

Прекрасно говорила и утешала меня Танечкина няня. «Молитесь ангелу-хранителю, чтоб он смирил и успокоил ваше сердце,— убедительно говорила она,— и тогда все устроится к лучшему. Берегите свою жизнь»,— прибавила она.

Ходили в школу смотреть, как ребята играли «Гайку»[90] Чехова. Жарко и скучно, переделка из рассказа.

19 августа. Проснулась очень рано, и началось это не перестающее страдание от мысли, что там, вблизи от Ясной, сидит Чертков. Но меня утешил мой муж. Утром, когда я еще не вставала, он пришел в мою комнату и спросил, как я спала и как мое здоровье; и спросил не так, как большей частью он спрашивает: привычно холодно, а с действительным участием. Потом он мне подтвердил обещание:

1) *не видать совсем Черткова,*

2) не давать никому своих дневников, и

3) *не позволять больше ни Черткову, ни Тапселю делать свои фотографии.* Это еще выпросила я. Мне противно было, что Л. Н., как старую кокетку, его идол фотографировал и в лесах, и в оврагах, и вертел старика во все стороны, чтоб деспотично снимать его и делать коллекции из фотографий, как и из рукописей.

«Переписываться с Чертковым я буду,— прибавил он,— потому что это мне нужно для моего дела».

Надеюсь, что это будет именно *деловая,* а не какая-либо другая переписка. Ну, спасибо и за то.

Получила от Левы письмо, в котором он пишет, что суд над ним назначен 13-го сентября в Петербурге за напечатание брошюры: «Восстановление ада» в 1905 году. Тяжело и это. Уедет он из Ясной Поляны совсем 10-го сентября[91]. Когда я спросила Льва Н—а, что до тех пор уедем ли мы отсюда? он поспешно стал говорить, что ничего не знает, не решает вперед. И я уже предвижу новые мученья; он, вероятно, что-нибудь затевает и, конечно, отлично знает, что, но привычка и любовь к не-

определенности и к тому, чтоб этим меня мучить всю жизнь, так велика, что он без этого уж не может.

Ходила с Таней за грибами, их такая пропасть, потом играла все время с детьми, делала бумажные куколки. Не могу заниматься делом, сердце просто *физически* болит, и такие приливы к голове! Наполовину я убита Л. Н. и Чертковым, сообща, и еще два, три припадка сердечных, как вчера,— и мне конец. Или же сделается нервный удар. И хорошо бы! А мучить меня будут *наверное*, убить же себя и не хочу, чтоб не уступить Льва Ник—а Черткову.

Как вышло странно, и даже смешно. Чертков сказал, что я убиваю своего мужа, вышло же совершенно обратное: Л. Н. и Ч. уже наполовину убили меня. Все поражаются, до чего я похудела и переменилась — без болезни, только от сердечных страданий!

Уехал Лев Н. верхом с Душаном Петровичем; места незнакомые, и я тревожилась. Вечером рассказала гр. Д. А. Олсуфьеву всю печальную историю с Чертковым, и он посоветовал мне подождать писать Столыпину [92] об удалении Черткова. Теперь именно это нельзя сделать, так как его только что вернули. Если же Чертков будет заниматься какой-нибудь пропагандой и наталкивать на это Льва Ник. или Лев Ник. возобновит с ним свои пристрастные отношения, то лучше мне самой, лично, переговорить тогда со Столыпиным. Все это в будущем, а пока надо жить сегодняшним днем.

Часа три подряд Лев Ник. играл с большим увлечением в карты в винт. Как грустно видеть все его слабости именно в тот возраст (82 г.), когда духовное должно над всем преобладать! Хочется на все его слабости закрыть глаза, а сердцем отвернуться и искать на стороне света, которого уже не нахожу в нашей семейной тьме.

20 августа. Сегодня вечером на почту посылаются два толстых пакета на имя Булгакова, т. е. для господина Черткова [93]. Отказавшись для меня от свиданий, Лев Никол. изготовляет для коллекции своего идола разные бумажки, чтоб утешать его, и посылаются они через Булгакова. Ездил Лев Ник. верхом далеко в Ломцы, в лес, вечером сонный играл в винт.

Уехали утром сын Сережа и Олсуфьев. Занималась много «Детством» для издания; стараюсь быть спокойна

и уйти в дело, но не могу еще совсем. Малейшее напоминание о Черткове (фотография сегодня) приводит меня в ужасное состояние, делается прилив к голове и сердцу, и отчаяние в душе. Да, счастья жизни уже дома не будет, надо или с этим примириться, или искать его в другом и других! Приехал Абрикосов.

Фотография, которую делали в Кочетах летом, в моем отсутствии, изображает всех за столом, а Черткова *близко*, близко сидящего возле Льва Николаевича. Так всю меня и взорвало опять! Писала Масловой и Елиз...

21 августа. Опять не спала, опять дрожит сердце, хочется плакать и не хочется жить. Да, зачем, *зачем* на многое открылись у меня глаза? И зачем мне так страстно хочется его, мужа моего, любви, ласки и прежнего доверия? Завел ключ, чтобы запирать свой дневник. Если б это было *от всех,* то хорошо бы, а то ведь только от меня! Сегодня, рассказывая все Абрикосову, я говорю: «Они бог знает что говорят и думают про то, что я ревную Л. Н. к Черткову, а я просто чувствую, что он у меня отнял *душу* моего мужа». — «Да, это верно, — сказал Михаил Сергеевич, — но теперь *поздно*, душа отнята давно; поздно спохватились...» И это непоправимо. И я это чувствую, и я виновата и несу возмездие, и жду не от людей, а от бога помощи и избавления! Оно, вероятно, настанет с моей смертью!.. Чувствую больным мое сердце, и очень.

Сегодня просто жарко, ясно, вернулось лето. Ходила с детьми, Таней и Лелей в лес, очень устала. Лев Ник. ушел гулять один. Вечером он опять играл в шахматы и очень оживленно в винт. А я почти весь вечер лежала, чувствуя себя совсем больной. Он пришел ко мне и порадовался, что я смирно лежу, и в голосе его я как будто услыхала нотку участия. Так и ловишь эти редкие нотки!

Утомили Льва Николаевича долгие годы отречения от всего житейского, et il se rattrape *, пользуясь, насколько можно уж теперь, всеми жизненными благами. В Ясной винта и столько людей — простых, обыкновенных не будет, и ему скучно, и он не скоро туда поедет. Писала: Кате, Андрюше и сестре Тане.

* и он нагоняет это время *(франц.).*

Готово «Детство» к печати, я перечитывала главу «Ивины». Поразительны слова: «Сережа с первого взгляда произвел на меня сильное впечатление. Его необыкновенная красота поразила и пленила меня. Я почувствовал к нему непреодолимое влечение...» И дальше: «Видеть его было достаточно для моего счастья, и одно время все силы моей души были устремлены на это. Ежели случалось, что в три или четыре дня я ни разу не мог видеть это прекрасное личико, я скучал, и мне становилось грустно до слез. Все мечты мои были о нем...» и т. д.[94].

Ночь... Не спится. Долго молилась со слезами и поняла, что те страдания, которые я переживаю, должны быть как возобновленное средство обращения моего горячего к богу, как раскаяние во многом, — и, может быть, еще возврата *счастья* или душевного покоя...

22 августа. День моего рождения, мне 66 лет, и все та же энергия, обостренная впечатлительность, страстность и — люди говорят — моложавость. Но эти последние два месяца сильно меня состарили и, бог даст, приблизили к концу. Встала утомленная бессонницей, пошла ходить по парку. Прелестно везде: старые аллеи всяких деревьев, полевые вновь зацветшие цветы; рыжики и другие грибы, тишина, одиночество,— одна с богом. Все время ходила и молилась. Молилась о смирении, о том, чтоб перестать с помощью бога так страдать душевно. Молилась и о том, чтоб бог вернул мне перед нашей смертью любовь мужа. Я верю, что я вымолю эту любовь, столько слез и веры я кладу в свои молитвы.

Миленькие дети и Леля пришли утром меня поздравить. Лев Ник. во время моей прогулки два раза заходил спросить обо мне. Надо же, для приличия хотя бы, поздравить жену с рождением. Так и смотрю ему в глаза, чтоб поймать хоть минутное проявление его прежней, доверчивой любви ко мне. Когда я ее верну, то возможно, что и с Чертковым примирюсь. Хотя трудно! Опять все пойдет то же, сначала.

Ездил Лев Ник. далеко верхом к скопцу, который тут бывал уже и раньше приезжал к Черткову, когда там был Лев Николаевич. Проехал взад и вперед 20 верст и не устал. Вот здоровье железное. Играл опять вечером в винт. Играла и я за другим столом; учили, по ее жела-

пью, Лелю Сухотину, а я очень утомила зрение, читая весь день и весь вечер присланную мне корректуру, и игра в карты — отдых глазам.

Корректура была из «Военных рассказов»[95]. Какая красота многих мест из севастопольских рассказов! Я очень восхищалась и наслаждалась, читая их! Да! это художник настоящий, гениальный — мой муж! И если б не Чертков и его влияние — науськиванье на такие брошюры, как «Единое на потребу» и другие,— совсем другая была бы литература Льва Толстого за последние года. Чувствую себя немного менее нервной, хотя болит сердце, и каждую минуту боюсь новых взрывов и припадков. Даже с детьми сегодня играла вяло и скучно.

Как и чем разрешится наша жизнь,— я даже себе представить не могу! После рождения Льва Ник—а поеду в Ясную Поляну и, вероятно, в Москву—а потом?..

23 августа. Провела день спокойно, но не здорово. Все та же idée fixe * — близость Льва Ник. к Черткову.

Сердце мое болит просто физически, от душевных причин, в голове бог знает что происходит. Вся правая сторона головы болит... Мне скоро конец. А больно оставлять мужа — Черткову!

Получила письмо и разные статьи от Бирюкова, для издания;[96] надо работать, а нет ни сил, ни свежести головы. Заговорила сегодня об отъезде своем, чтобы испытать, как это примет Лев Николаевич. Он, кажется, будет рад, а мне его радость — огромное страдание! И уезжать грустно.

Гуляла, занималась «Детством» и очень озабочена, *как* издать первую часть[97]. Лев Ник. тоже гулял один, писал письмо какому-то революционеру в Сибирь[98], говорил, что здоров. После прогулки он окликнул меня в окно, и глупая радость и счастье быстро наполнили мою душу. Ах, если б он действительно опять полюбил меня! Читала вслух милой моей внучке — Танюшке.

Сейчас 11 часов вечера. Л. Н. ежедневно играет с увлечением в карты, в винт, и сейчас еще сидит.

---

* навязчивая идея (*франц.*).

24 августа. Как тяжелы бессонные ночи! Вчера с вечера долго, долго молилась плача просто слезами. То, о чем я больше всего молюсь, это об изгнании духа зла из нашего дома и из отношений моих с мужем.

В доме Сухотиных два младенца — два ангела, и потому легко и хорошо живется. В Ясной же Поляне если не сам Чертков, то призрак его еще долго не исчезнет из ее стен и из моего представления. Так и будет мне везде и всюду мерещиться эта огромная, ненавистная мне фигура с огромным мешком, с которым он всегда приезжал и в который он хитро и старательно забирает все рукописи Льва Николаевича.

Работала над корректурой «Так что ж нам делать?» [99] и над «Детством» для издания. Ездила с Таней и Сашей к соседке — княгине Голицыной. Приятная, твердая и умная женщина. У нее ее деверь, племянница и очень оригинальная старушка Мацнева, с лишком 80-ти лет, живая, всем интересующаяся,— по духовно, кажется, мертвая, т. е. уже не задумывающаяся ни над какими духовными вопросами.

Вечер прошел тихо; ни шахмат, ни винта не было, все сидели по своим комнатам. Время бежит, не хочется ничем практическим заниматься; не хочется ехать на работу в Ясную и Москву. Устала!

25 августа. Сегодня утром была неожиданно обрадована появлением Льва Николаевича у моей двери. Я умывалась и не могла сразу подойти к нему. Поспешно набросила на мокрые плечи халат и спросила его: «Ты что, Левочка?» — «Ничего; я пришел узнать, как ты спала и как твое здоровье?» Я ответила, и он ушел. Но через несколько минут вернулся и говорит: «Я хотел тебе сказать, что вчера ночью, часов в двенадцать, я все о тебе думал и хотел даже пойти к тебе. Я думал, что тебе одиноко одной, ночью, и *что* ты делаешь,— и мне жалко стало тебя...» При этом слезы показались у него на глазах, и он заплакал. А меня охватила такая радость, такое счастье, что весь день я им жила, хотя чувствовала себя нездоровой, а приближающаяся моя поездка в Ясную и Москву не перестает меня волновать.

Очень много занималась весь день «Воскресением» для нового издания сочинений. Надо выкидывать нецензур-

ные места, надо вставлять пропущенные,— работа большая и ответственная. Давыдов и сын Сережа сделали указания на это, и тем очень мне помогли. Но *вписывать* приходится самой [100].

Радуюсь на Танюшку, гуляю, огорчаюсь отношением ко мне дочерей, которые тоже пристрастны к Черткову и несправедливы ко мне. С Таней вечером был длинный разговор, но мы друг друга не убедили. Я эти два месяца *слишком* перестрадала, чтоб признать, что не было причины. Причина была и есть ужасная! Но молюсь, молилась и вчера с такими мучительными, но горячими слезами о том, чтоб вернулись мне сердце и любовь моего мужа. И удивительное совпадение! Именно в двенадцать часов ночи, когда я, призывая бога, стояла в слезах на коленях, муж мой с участием думал обо мне! И после этого не верить в молитву? Нет, сила *горячей,* искренней молитвы, молитвы о любви душевной, не может пропасть даром, — она несомненна!

Писала Ване Эрдели и внуку Сереже.

26 августа. Хотя я отчасти и овладела собой, стараюсь быть мудрой, духовно независимой от людей и свято хранить и поддерживать в себе молитвенное настроение,— я все-таки ослабеваю и мучаюсь порою.

Разговор мой вчера к ночи с дочерью Таней мне многое уяснил. У нее, у Саши и Льва Николаевича идет деятельная переписка с Чертковым. Они так боятся, что я что-нибудь прочту (хотя этой подлой привычки вскрывать чужие письма у меня никогда не было), что в Ясной только через людей, близких им, передают письма Черткову, а здесь кладут их в сумку последними и тщательно запирают или пишут на Гольденвейзера или Булгакова.

Запирает старательно Л. Н. и свой дневник от меня; но дневник дома, как-нибудь он может мне все-таки попасть в руки; и вот я не спала сегодня и думала, что теперь не в дневнике будет сплетаться сеть всяких коварных и недобрых наговоров на меня (конечно, в форме христианского смирения), а в переписке с господином Чертковым. Л. Н. на себя взял роль Христа, а на Черткова напустил роль любимого ученика Христа. Я не читала ни одного письма Л. Н—а к Черткову, ни Черткова к

Л. Н—у. Но я могу изложить все, что там пишется намеками на меня: «С. А. (т. е. Софья Андреевна) жалка, стараюсь держаться, помнить, что я призван исполнять волю пославшего меня... Более чем когда-либо чувствую близость духовную с вами... думаю о вас постоянно, видеть вас хотел бы... но это не нужно, если чувствовать общение наших душ и знать, что мы служим одинаково Отцу... Молю бога о терпенье, целую вас...» и прочие нежности фарисейского рода, в которых с мастерством писателя постоянно, вероятно, проглядывает жалоба на страдания от злой жены. И эта переписка с Львом Н—м Черткова, вся сочиненная на эту тему, будет тщательно храниться для будущих поколений...

Видит бог, как я стараюсь выработать в себе ту мудрость, которая избавила бы меня от страданий нелюбви ко мне мужа и любви его к Черткову и воспитала бы во мне равнодушие и спокойное отношение ко всем этим расставляемым земными побуждениями сетям моей семьи (дочерей), мужа и этого *злого фарисея* Черткова, как называл его Н. Н. Ге. Но подчас — грустно.

Какая бы я ни была, больше того, что я дала мужу, дать нельзя. Я горячо, самоотверженно, честно и заботливо любила его, окружала всякой заботой, берегла его, помогала в чем могла и умела; не изменяла ни единым словом или движением хотя бы пальца; что же может женщина дать больше самой сильной любви? Я на 16 лет моложе мужа и на 10 лет всегда казалась моложе своего возраста. И все-таки всю страстность моей здоровой, энергической любви я отдавала только ему. Я понимала, что вся святость философии моего мужа останется только в книгах, что ему нужна для его работы привычная, удобная обстановка, и он всю жизнь прожил в этой обстановке — будто бы для меня!.. Бог с ним, и помоги мне, господи! Помоги и людям открыть и увидать *истину*, а не фарисейство! И какие бы козни против меня ни сочинялись, любовь Льва Н—а ко мне проскакивает всюду, и перед всяким возникнет вопрос: если 48 лет люди прожили вместе, любя друг друга, то было *за что* любить?

Теперь принят такой тон, что я *не*нормальная, истеричная, чуть ли не сумасшедшая, и потому все, что будет исходить от меня, надо приписывать моему нездоровью. Но люди, а главное господь, разберут по-своему.

Вечером. Провела остальной день терпеливо, хотя не совсем спокойно. Много работала над «Воскресением» для издания. Не люблю я этого произведения; много фальши и много скрытой злобы на людей. Рассказывала детям выдуманную мной сказку, читала им; бродила, молясь, по парку, а вечером играла в винт с Львом Н—м и братьями Сухотиными. Лев Ник. притворился, что ему не неприятно играть со мной, но я знаю, что он предпочел бы дочерей. За что же я-то буду всю жизнь, отброшенная, скучать и всем уступать? Жила я так самоотверженно и до чего дожила? Довольно!

Ездил сегодня Лев Никол. с Михаилом Сергеевичем в дрожках в Треханетово, где большой яблочный сад. Оттуда он пришел пешком. Поправлял корректуры книжечек копеечных от Горбунова, а вечером беседовал с приехавшим из Саратова крестьянином [101]. Играл в шахматы и вечером, позднее, в винт. Жаловался на слабость, но просто влияет дурно теплый, давящий, тяжелый воздух, и всем нездоровится, нет бодрости.

Живем сегодняшним днем, а что будет дальше — неизвестно. Писала Ванечке Эрдели и Н. Б. Нордман о Черткове.

27 августа. Утро. Болезненно живет во мне эта рана ревности к Черткову! Зачем богу угодно было открыть мне на все это глаза?!

Проснулась опять в рыданьях, потому что видела мучительный сон. Меня даже разбудили мои собственные рыданья!

Вижу, сидит Лев Ник. в новом полушубке, башлык завязан назад, шапка высокая, барашковая, и лицо такое вызывающее, неприятное. Я спрашиваю: «Куда ты едешь?» Он так развязно отвечает: «К Гольденвейзеру и к Черткову, надо с ним одну статью просмотреть и уяснить».

И я от отчаяния, что Лев Ник. не сдержал обещанного слова, — страшно разрыдалась, чем и разбудила себя. А теперь едва пишу, так дрожит сердце и рука.

Вечером. Гуляла одна в сильном волнении, молилась и плакала. Все страшно в будущем. Лев Ник. обещал вовсе не видаться с Чертковым, вовсе не сниматься по его приказанью и не отдавать ему дневников. Но у Льва Никол. есть теперь новая отговорка, которую он употребляет,

когда хочет и когда ему это нужно. Он тогда говорит: «я забыл», или: «я этого не говорил», или: «я беру слово назад». Так что страшно ему и верить.

Очень много занималась корректурой нового издания. Исправляла «Об искусстве», «О переписи» и «Воскресение» [102]. Трудно мое дело! А голова страшно болит, и тоска! тоска!

Когда прощалась на ночь с Льв. Ник., все ему высказала: и то, что Черткову он пишет на имя разных шпионов: Булгакова, Гольденвейзера и других; что я надеюсь, что он меня не обманет в своих обещаниях, и спросила его, всякий ли день он пишет Черткову? Он мне сказал, что писал раз, приписывая в письме Саши, и еще раз самостоятельно. Все-таки два письма с 14 августа [103].

28 августа. Рождение Льва Николаевича, ему 82 года. Чудный, ясный, летний день. Встала я тревожная, ночи не сплю; пошла поздравить мужа, но разволновалась. Пожелала ему долго прожить, но без всяких обманов, тайн, наваждений,— и главное, к концу жизни *по-настоящему просветлеть.*

Он сделал тотчас же злое лицо; он, бедный, одержим и считает себя с Чертковым на высшей ступени совершенства духовного. Бедные! слепые и гордые! Насколько раньше, несколько лет тому назад, был Лев Ник. выше духовно настроен! Какое было стремление искреннее к простоте, к лишению себя всякой роскоши; к стремлению быть добрым, правдивым, открытым и высоко духовно настроенным! Теперь он откровенно веселится, любит и хорошую еду, и хорошую лошадь, и карты, и музыку, и шахматы, и веселое общество, и снимание с себя сотен фотографий.

По отношению же к людям он постольку с ними хорош, поскольку ему льстят, ухаживают за ним и потакают его слабостям. Всякая отзывчивость исчезла. Не года ли?

Приехали Варя Нагорнова и Маша Толстая — невестка. Я им очень обрадовалась; но чувствую, что все на меня стали смотреть как на больную, чуть ли не сумасшедшую, и потому отдаляются, избегают меня. И тяжело очень!

Если б я знала, что есть во мне тяжелая *вина* перед моими домашними, то я постаралась бы исправиться.

Но бранил Чертков *меня,* разлюбил муж *меня,* скрывают все от *меня,* нападают тоже на *меня,*— так как же

и от чего исправляться? Полюбить Черткова? Но это безнадежно! А рана, нанесенная мне им, болит и болит и изводит меня ужасно!

Говорил сегодня Лев Ник., что идеал христианства есть безбрачие и полное целомудрие. На мое возражение, что два пола созданы богом, по его воле, почему же нужно идти против него и закона природы, Л. Н. сказал, что кроме того, что человек животное, у него есть разум, и этот разум должен быть выше природы, и человек должен быть одухотворен и не заботиться о продолжении рода человеческого. В этом его различие от животного. И это хорошо, если б Л. Н. был монах, аскет и жил бы в безбрачии. А между тем по воле мужа я от него родила шестнадцать раз: живых тринадцать детей и трех неблагополучных.

Теперь, после 48 лет, как виноватая за его же требованья, я стою сегодня перед ним и чувствую, что и за это он готов теперь ненавидеть меня, отрицать все, чем жил, и создавать *духовные единения,* которые выражаются в отбирании Чертковым его бумаг, и в сотнях фотографий, снятых с Льва Николаевича, и еще в каких-то тайнах с ним господина Черткова.

Вечер. Тяжесть жизни все больше и больше надавливает меня. *Чем* это все разрешится? Бог знает, и бог один может помочь. Вот что было: вечером мы все пошли посмотреть детей в ванночке, как их мыли. Вернувшись, я сидела, вязала и думала и тут же высказала Льву Николаевичу, что вот он говорил о полном целомудрии людей, как идеале, а если б достигнуть его до конца, то не было бы детей и без детей не было бы и царства небесного на земле. Почему-то это очень рассердило Льва Н — а, и он начал на меня кричать. (Мне Михаил Сергеевич потом сказал, что в это время Л. Н. проигрывал ему третью партию в шахматы.) Л. Н. говорил, что идеал — в *стремлении* его достигнуть. Я говорю: «Если отвергать конечную цель, т. е. деторождение, то стремление не имеет смысла. Для чего же оно?» — «Ты ничего не хочешь понимать, ты даже не слушаешь», — кричал он гневно [104].

Я своей больной душой злобный тон Льва Николаевича не перенесла спокойно, расплакалась и ушла к себе в комнату. Окончив партию, он пришел ко мне со словами: «За что ты так обиделась?» *Что* было объяснять? Я сказала,

что он со мной совсем не говорит, а когда заговорил, то несправедливо, злобно рассердился. Разговор мало-помалу перешел в горячий, очень огорченный с моей стороны, крайне злобный со стороны Льва Николаевича. Поднялись старые упреки; на мой болезненный призыв, *что* делать, чтоб нам быть ближе, дружнее, он, злобно указывая на стол, где лежали корректуры, кричал: «Отдать права авторские, отдать землю, жить в избе». Я говорю: «Хорошо, но будем жить без посторонних людей и влияний: будем жить с крестьянами, но только вдвоем...» Как только я соглашалась, Лев Ник. бросался к двери и говорил отчаянные слова: «Ах, боже мой, пусти, я уйду»,— и т. п. Говорил, что «нельзя быть счастливым, если, как ты, ненавидеть половину рода людского...» И тут он себя выдал. «Ну, это я ошибся,— говоря половину».— «Так кого же я ненавижу?» — спросила я. «Ты ненавидишь *Черткова и меня».*— «Да, Черткова я ненавижу, но не хочу и не могу соединить тебя с ним». И так меня и кольнуло в сердце опять — эта безумная любовь к этому идолу, которого он не может от себя никак оторвать и для которого г. Чертков составляет половину человечества. И еще более утвердилась во мне решимость ни за что, никогда его не принимать и не видеть и сделать все, чтоб Л. Н. оторвался от него, и если не достичь этого, то убить Черткова — а там будь что будет. Все равно и теперь жизнь — ад.

Варенька все поняла; Маша же судит очень ограниченно и, к счастью для нее, многое просто не знает и не понимает. А хорошо бы ей открыть тоже глаза на любовь Льва Ник. к Черткову. Она, может быть, поняла бы мои страдания, откуда их источник, если б прочла листок, приклеенный в конце этой тетради [105].

Жить в избе! А сегодня, гуляя, Л. Н. раздавал ребятам яблоки; вечером два часа с лишком играл в шахматы и два часа в винт. И без развлечений ему скучно, а изба и жизнь в избе — все это предлоги злиться на меня, выставлять искусной, писательской рукой несогласие с женой, чтобы стать в роль мученика и святого.

Недаром существует легенда о Ксантиппе; дадут и мне эту роль неумные люди, умные же все разберут и поймут.

Хочется и отсюда уехать, чтоб хоть на время было уединение без травли. И комната моя со всех сторон шумная и людная, и все недоброжелательны ко мне за то, что я *смею* болеть и страдать душой и телом.

29 августа. Вчерашняя злоба Льва Н—а так тяжело на меня подействовала, что я не спала ночь, молилась, плакала и с раннего утра ушла бродить по парку и лесу. Потом зашла к милой фельдшерице — Анне Ивановне; там она и ее трогательная и сочувственная старушка мать утешали меня. Л. Н. меня везде искал и не нашел. Я вошла к нему. Он говорил, что подтверждает обещания свои: 1) не видать Черткова, 2) не отдавать ему дневников и 3) не позволять снимать фотографии, но опять-таки ставит условием: мирную жизнь. Сам сердился и кричал вчера, и опять *я виновата.* Он придерется к чему-нибудь, чтоб видать Черткова, нарочно меня расстроит и нарушит обещания. Вот чего я боюсь. Но тогда я уеду, и *наверное.* Пережить второй раз то, что я перестрадала, немыслимо.

Получила телеграмму от Левы, что суд над ним назначен не 13-го, а 3 сентября и что он уезжает 31 августа. Я рада была предлогу уехать, и главное, хотела повидать сына, проститься с ним, подбодрить его. И вот мы с Сашей поехали на Благодатную, на Орел и в Ясную. Прощались мы с Л. Н. любовно и трогательно, и даже плакали оба и просили друг у друга прощение. Но эти слезы и это прощание — были как будто прощаньем с прежним счастьем и любовью; точно, проснувшись еще раз, любовь наша, как любимое дитя, хоронилась навсегда, пораненная, убитая и убивающая горем от ее исчезновения и перехода к другому лицу. Мы с Левочкой оплакивали ее в объятиях друг друга, целуясь и плача, но чувствуя, что все безвозвратно! Он *не мог* разлюбить Черткова и чувствовал это сам, мучаясь!

Ехала я сонно, устало, точно вся разбитая. Холод, 2 градуса, мы с Сашей зябли и зевали. Приехали в пятом часу утра.

30 августа. Приехала домой, и хорошо, лучше чем не дома. Ходила с Левой-сыном и Катей-невесткой гулять; свежо, ясно и красиво. Застала Булгакова, Булыгина и Марью Александровну. Возбужденно рассказывала Булыгину всю печальную историю с Чертковым. Он, кажется, понял, но не хотел сознаваться. Бродила возле дома, входила в комнаты Льва Николаевича, — и все точно совсем другое, точно что-то похоронено навеки, и теперь будет не то, совсем не то, что было, чем жили раньше. А *что* будет? Не знаю и представить себе не могу.

Саша и Варвара Михайловна ездили к Черткову. Он, говорят, очень весел и оживлен. Так и слышу его идиотский хохот. Противно!

Получен сентябрьский номер журнала из Нью-Йорка — «The World's Work». И там очень лестная статья обо мне, и биографические сведения о Льве Н. Между прочим, про меня сказано, что я была Льва Н—а *confident and counseller* * всю жизнь; что я отдала ему *the strength of her body, mend and spirit* **, и многое другое, очень лестное для меня [106]. Так как же не сокрушаться, что отнята у меня и передана Черткову эта роль *confident* и *counseller?* Поневоле будешь худеть и плакать, как я последнее время.

Сегодня форматоры отлили бюсты работы Левы, и нельзя не видеть, что бюсты талантливы и хороши [107]. Форматор М. И. Агафьин — старый знакомый, отливал и раньше бюсты Льва Н—а и другие.

Занималась нехотя хозяйством, бумагами, делами, выписыванием маляров, печника, уяснением дел, — но голова не свежа и ничего не соображает.

31 августа. Получила письма: от Тани и от Льва Николаевича. Сначала обрадовалась, а потом плакала. «Как бы хорошо было и для меня и для тебя, если б ты могла *победить* себя»,— пишет мне муж [108]. У него одна цель, одно желанье, чтоб я *победила* себя и допустила, очевидно, близость Черткова. А это немыслимо для меня.

Ясный, красивый день; холодно и грустно. Проводила Леву в Петербург на суд. Пошла гулять с Катей и Варварой Михайловной, но слишком устала, и стал болеть весь живот и ноги. Вечер, усиленно занялась корректурой, раньше переписывала письма. Страшно утомилась! И сколько всякого дела навалилось на меня! Мало сплю, почти ничего не ем.

1 сентября. Утром уехала Катерина Васильевна с дочкой; и мне жаль. Завтракали Булгаков, Марья Александровна и Ризкина, рожденная Цингер (Лиза), с двумя мальчиками. Она не глупая и образованная, но чуждая своим материализмом и ученостью. Вечером еще приехала Надя Иванова. Гулять не ходила: не хочется орошать

---

* поверенной и советчицей *(англ.)*.

** силу тела, ума и духа *(англ.)*.

слезами и омрачать своим горем любимые места Ясной Поляны, по которым я всю жизнь, счастливая и радостная, легкой походкой с легким сердцем обегала под впечатлением красоты природы и собственного счастья! И, как и теперь, все необыкновенно здесь красиво в эти ясные, блестящие дни! А на душе грустно, грустно!

Занималась много корректурой [109] и вообще делами по изданию и распоряжениями по хозяйству. Но ничего не ладится; хотела ехать в Москву, но ничего у меня не готово, а энергии нет, и все кажется ненужным и неважным.

Тяжелый был инцидент с грубой Сашей. Она вошла в залу в то время, как я рассказывала Марье Александровне, как Л. Н. еще летом, по приказанью Черткова, заставил в овраге, где Чертков фотографировал Льва Николаевича и они зачем-то слезали с лошадей, искать всех нас: Давыдова, Саломона, меня и других — потерянные господином Чертковым часы и как нам всем это было неловко, совестно и досадно за унижение Льва Ник. и всех нас за него.

Я уже кончала рассказ, когда вошла за чаем Саша и с места начала на меня кричать, что я опять говорю о Черткове. Я тоже рассердилась, заразившись, к сожаленью, ее злобой, и произошла тяжелая перебранка, о которой сожалею; но не могу же я испрашивать позволения у дочери, о чем мне беседовать с моими друзьями? Так тяжело и кончился день, и чувствую себя еще больнее и еще несчастнее. Писала мужу [110].

2 сентября. Занималась с утра работой над «Воскресением» для издания. Днем посылала за священником, который отслужил молебен с водосвятием [111]. Прекрасные молитвы, кроме последней, «Победы государю императору» и проч. Не у места, рядом с молитвой о грехах, о смягчении сердец, об избавлении от бед и скорби, молить бога о победе, т. е. убийстве людей.

Вечером пришел Николаев и горячо внушал мне о ничтожестве Черткова, о том, что мне унизительно становиться с ним на равную ногу и говорить о том, что он занял при Льве Ник—е мое место. «А просто у Черткова хорошо устроена канцелярщина для писаний Льва Ник—а, за что он ему и благодарен». И Николаев, и М. А. Шмидт, по-видимому, очень не любят Черткова.

Читала я как-то у Льва Ник—а письмо Черткова к государю, в котором он просит вернуть его в Телятинки;

письмо именно фарисейское, но в нем больше всего проглядывало желание быть ближе к Льву Николаевичу [112]. И вот теперь: государь вернул, а *жена* Толстого прогнала. «Femme veut, Dieu le veut» *. Как ему теперь должно быть досадно на меня. А я радуюсь!

Все та же волшебно-прекрасная погода. Ясно, к ночи свежо; блеск, разнообразие колеров зелени: листьев, кустов и деревьев. Висят еще яблоки, косят отаву, пашут, начали копать картофель. Маляры докрашивают крыши и службы: из парников таскают землю; в лесу кое-где еще грибы.

После молебна и сиденья весь день дома чувствую себя спокойнее и лучше. Беседовала с священником, и он ужасался, так же как и все, грубости Черткова. Но довольно о нем — спускаю занавес на этого человека и всю его гнусность.

3 сентября. Любуюсь красотой природы, ярко блестящими днями, и все-таки грустно! Получила очень хорошее письмо от мужа [113], и так стало радостно, и так хочется опять, по-старому, слиться с ним в одну жизнь, без розни, без злобы! Но *письмо* не жизнь! Я тоже написала ему, кажется, хорошее письмо с Сашей, уехавшей сегодня утром в Кочеты. Послезавтра собираюсь и я туда. Что-то бог даст, а хотелось бы в среду вернуться с Левочкой домой. Дело издания совсем стало, надо продолжать; это долг совести и долг перед публикой, читающей и любящей Толстого.

Вечером пришла Николаева. И ее жизнь не легкая с *идейным,* хотя очень хорошим мужем, но с *пятью* детьми, без прислуги.

4 сентября. Нетерпение мое видеть мужа все растет, и непременно поеду завтра в Кочеты. Сегодня гуляла одна, грустно на душе; получила хорошее письмо от сына Левы, его суд будет 13-го. Занялась «Воскресением» с Варварой Михайловной, прошлась по хозяйству. Тепло, ветерок, цветы полевые и чудесные садовые, облачка на небе, пестрота листьев, — и хорошо! Но *как* тяжело одиночество! Я не люблю его, я люблю людей, движение, жизнь... Этим у Сухотиных лучше, народу много, и все проще, без идей и отрицаний. И там Льву Ник. весело:

* Того, чего желает женщина, желает бог *(франц.)*.

прямо от обеда игра в шахматы с Сухотиным или доктором тамошним. Часа два проиграет, походит, письма прочтет, выйдет в столовую, ищет всех и просит скорей ставить стол, играть в карты, в винт. И игра продолжается часа три, до половины двенадцатого, оживленная, веселая. Никаких поз от Льва Ник. не ждут и не надо принимать; никакие просители и нищие не бывают; никакой нет ответственности, живи, пиши, играй, разговаривай, спи, ешь и пей...

Очень боюсь, что он затоскует в Ясной Поляне. Постараюсь, чтоб было людней. Но у нас всех отбили, а я теперь отбила Черткова и К°.

5 сентября. Кочеты. Пишу после. Что было позднее,— дневника не писала это время. 5 сентября рано утром уехала в Кочеты на Мценск. В душе была надежда, что Лев Ник. поедет со мной в Ясную Поляну, так как, запряженная в необходимую работу издания нового, я должна быть ближе к Москве и иметь под руками все книги и материалы.

Ехала я из Мценска 35 верст под сильнейшим дождем и бурей. Грязь, переезд на пароме, волнение — все это было очень тяжело.

В Кочетах и муж, и дочь встретили меня холодно. Лев Ник. понял, что я буду звать его домой, а ему жаль было расстаться с веселой жизнью в Кочетах, с разными играми и большим обществом. Он только что вернулся от скопца, к которому ездил верхом, 20 верст взад и вперед, в эту ужасную погоду.

Но зато как мило и ласково встретили меня эти пятилетние детки — внучка Танечка и ее приятель — Микушка Сухотин!

6 сентября. У Льва Ник. от вчерашней верховой езды разболелся большой палец на ноге, распух, покраснел, и он все повторял: «Это старческая гангрена, и я, наверное, умру». И весь он, до вечера, чувствовал себя дурно, не ел, лежал в постели.

Вечером приехавший Дранков показывал целое представление кинематографа. Лев Ник. встал и тоже смотрел, но очень устал. Представляли, между прочим, и Ясную Поляну зимой со всеми нами. Дранков мне подарил ленту, которую я отдала на хранение в Исторический музей в Москве [114].

7 сентября. Льву Ник. стало лучше. Он обедал со всеми, играл в шахматы, и после, когда все ушли смотреть кинематограф, представленный всей деревне, Зося Стахович, приехавшая в Кочеты, читала нам с Л. Н. вслух предисловие к сочинениям Бордо: «Peur de la mort» [115].

Отношения со всеми натянутые. Все мы ревниво тянем к себе Льва Ник—а, а он выбирает, где ему веселее и лучше, не обращая внимания на мое страстное, горячее и безумное желание его возвращения со мной в Ясную Поляну.

8 сентября. Приехала в Кочеты более спокойная, а теперь опять все сначала. Не спала ночь, рано встала. Снимал Дранков нас опять для кинематографа, а потом деревенскую свадьбу, разыгранную нарочно.

Когда я днем решилась наконец спросить Льва Ник—а, *когда* он вернется домой, он страшно рассердился, начал на меня кричать, некрасиво махать руками с злыми жестами и злым голосом, говоря о какой-то свободе. В довершение всего злобно прибавил, что раскаивается в обещании мне не видеть Черткова.

Я поняла, что *все* в этом раскаянии. Он мстит мне за это обещание и будет еще долго и упорно мстить. Вина моя на этот раз была только в том, что я спросила о *приблизительном* сроке возвращения Л. Н. домой.

Конечно, я не обедала, рыдала, лежала весь день, решила уехать, чтоб не навязывать себя в огорченном состоянии всей семье Сухотиных.

Но я почувствовала, как безжалостно и упорно Лев Ник. содействовал моему нервному нездоровью и моей все более и более ускорявшейся смерти, и это приводило меня в отчаяние. Я только одного желала — отвратить мое сердце, мою любовь от мужа, чтоб *так* не страдать.

Получила письмо от Черткова: лживое, фарисейское письмо, в котором ясна его цель примирения, для того чтоб я его опять пустила в дом [116].

9 сентября. Плакала, рыдала весь день, все болит: и голова, и сердце, и желудок; душа разрывается от страданий! [117] Лев Ник. *старался* быть добрее, но эгоизм его и злоба не позволяют ему ни в чем уступить, и он *ни за что*, упорно не хочет сказать мне, вернется ли и когда в Ясную Поляну [118].

Написала письмо Черткову, но еще не послала[119]. Все мои несчастья от этого человека, и я не могу с ним примириться.

10 сентября. Лежала все утро, потом надолго ушла в сад. Вечером Лев Ник. опять пришел в гневное состояние и сказал мне: «Никогда ни в чем тебе больше не буду уступать и страшно раскаиваюсь в своей ошибке, что обещал не видеться с Чертковым».

Крик его и злоба меня окончательно сломили. Я легла в его комнате на кушетку и лежала в полном изнеможении и отчаянии; Лев Ник. сел за стол и начал что-то писать.

Потом он встал, взял мои обе руки в свои, пристально на меня посмотрел, добро улыбнулся и вдруг заплакал, и я в душе сказала себе: «Слава богу! еще теплится в сердце его искра прежней любви ко мне!»

Среди дня ходила к одной старушке, матери фельдшерицы Путилиной. Святая, набожная старушка утешала меня и советовала верить в милосердие божье и молиться, что и делаю все время не переставая.

11 сентября. Все чего-то жду, голова не свежа, болит сердце и желудок. Ходила через силу гулять с Таней и детьми, ужасно устала, ничего не могу есть. После обеда Лев Ник. сделал над собой усилие и пригласил и меня играть в карты. Я села, немного поиграла, но закружилась голова, и я принуждена была лечь. Решила завтра уехать. Несмотря на нездоровье и горе, все время читаю корректуру и брошюры для издания.

12 сентября. Опять утром волновалась, плакала горько, тяжело, мучительно. Голова точно хотела вся расскочиться. Потом взяла на себя и занялась корректурой. Я избегала этот день встречи с Льв. Ник—м. Его недоброе упорство сказать *приблизительно* хотя что-нибудь о своем приезде измучило меня. Окаменело его сердце! Я так страдала от его холодности, так безумно рыдала, что прислуга, провожавшая меня во время моего отъезда, заплакала глядя на меня. На мужа, дочь и других я и не взглянула. Но вдруг Лев Ник. подошел ко мне, обойдя пролетку с другой стороны, и сказал со слезами на глазах: «Ну, поцелуй меня еще раз, я скоро, скоро приеду...» Но обещания своего не сдержал и прожил еще 10 дней в

Кочетах *. Ехала я всю дорогу рыдая. Таня с внучкой Танечкой и Микой сели ко мне в пролетку и немного проводили меня.

Приехала в Ясную Поляну ночью, встретили меня Варвара Михайловна и Булгаков. Пустота в доме и одиночество мое мне показались ужасны. Перед отъездом я написала письмо Льву Ник., которое ему передал Сухотин. Письмо, полное нежности и страдания [120],— но лед сердца Льва Ник. ничем не прошибешь. (Письмо это переписано в тетрадь моих всех писем к мужу.)

На это письмо Лев Ник. мне ответил коротко и сухо [121], и в следующие 10 дней мы уже не переписывались, чего не было ничего подобного во все 48 лет нашей супружеской жизни **.

Усталая, измученная, я просто шаталась, когда вернулась домой. И все я жива, ничто меня не сваливает, только худею и чувствую, что смерть все-таки быстрее приближается, чем раньше, до этих бедствий. И слава богу!

13 сентября. Очень много занималась корректурой, старалась успокоиться и поверить словам Льва Ник.: «Я скоро, скоро приеду». Этим жила и утешалась. Приехали ко мне Анненкова и Клечковский.

Разговоры всякие тяжелые, и все считают меня ненормальной и несправедливой относительно мужа, а я пишу только правдивые *факты* в своем дневнике. Пусть люди из них делают свои выводы. Материальные дела и жизнь меня мучают.

14 сентября. Приезжала за моим бюстом, сделанным сыном Левой, барышня Альмединген, Наталья Алексеевна, умная и живая. От одиночества и тоски я ей все рассказала об истории с Чертковым.

Узнала, что суд над Левой за брошюру «Восстановление ада», изданную в 1905 году, отложен до 20 ноября.

15 сентября. Еще один тоскливый день; ни писем, ни известий. Пошла ходить одна, рвала цветы, плакала — тишина, одиночество! Все-таки много работаю над корректурами.

---

* Приписано позднее.
** Приписано позднее.

16 сентября. Все то же.

17 сентября. Мои мечты, что муж мой вернется к моим именинам, разлетелись; он даже письма не написал, и никто из Кочетов. Одна моя дорогая внучка, Танюшка, прислала мне поздравление с картиночкой, и еще прислали мне сухую, безжизненную коллективную телеграмму из Кочетов! [122]

День именин — день предложения мне Льва Ник—а. И *что* сделал он из этой восемнадцатилетней Сонечки Берс, которая с такой любовью и доверием отдала ему *всю* свою жизнь? Он *истязал* меня за это последнее время своей холодной жестокостью и своим крайним эгоизмом.

Ездила с Варварой Михайловной в Таптыково. Ольга (первая жена сына Андрюши) и ее дети — моя тезка, внучка София Андреевна и Илюшок — были очень со мной добры и ласковы, и если б не камень на сердце, я хорошо бы провела день моих именин.

18 сентября. Утром вернулась в Ясную. Все время, весь день плакала, невыносимо страдала. Получила много поздравительных писем, но ни от мужа, ни от детей. Тоска в пустом доме ужасающая! Читала корректуры, надрывая глаза от слез и напряженной работы. Порою поднималось в душе даже чувство досады к человеку, так спокойно и последовательно истязавшему меня за то, что я возненавидела его идола — Черткова.

19 сентября. ⟨Москва.⟩ Корректуру читала, укладывалась, уехала вечером в Москву по делам. В вагоне чуть до смерти не задохнулась. Встретила с радостью в Туле сына Сережу, который мне сказал, что и жена его, и сын едут в том же вагоне в Москву, и мне это было приятно.

21 сентября. 20 сентября и 21 сентября провела с делами в Москве. Заехала навестить старушку — няню Танеева и узнать что-нибудь о нем. Он еще в деревне. Хотелось бы его повидать и послушать его игру. Этот добрый спокойный человек когда-то, после смерти Ванечки, много помог мне в смысле душевного успокоения.

Теперь это невозможно; я уже не так люблю его, и мы не видимся почему-то, да я ничего, давно уже ничего для этого не делаю. Узнавала о Масловых.

22 сентября. Вернулась утром в Ясную Поляну. Морозно, ясно, в душе какой-то ад горя и отчаяния. Ходила по саду и до безумия, до страшной головной боли плакала. И все я жива, и хожу, и дышу, и ем, но не сплю. Замерзли цветы, как и моя жизнь. Вид унылый, и в душе уныло. Вспыхнет ли еще когда-нибудь искра счастья и радости в нашей жизни?

Думаю, что, пока поблизости Чертков, этого не будет уж больше никогда!

От Льва Ник—а ни слуху ни духу [123]. Он не уступил мне ни одного дня, не пожертвовал своей эпикурейской жизнью у Сухотиных с играми в шахматы и винт ежедневно, и я уже без прежней любви ждала его.

Ночью приехали Лев Никол., Саша и доктор, и вместо радости я упрекнула ему, расплакалась и ушла к себе, чтоб дать ему отдохнуть от дороги.

23 сентября. Ну вот и свадебный день. Я долго не выходила из своей комнаты и проплакала одна в своей комнате. Хотела было пойти к мужу, но, отворив дверь, услыхала, что он что-то диктует Булгакову, и ушла бродить по Ясной Поляне, вспоминая счастливые времена,— не очень их было много,— моей 48-летней брачной жизни.

Просила потом Льва Ник—а позволить нас фотографировать вместе. Он согласился, но фотография вышла плохая, — неопытный Булгаков не сумел снять.

К вечеру Л. Н. стал как-то мягче и добрее, и мне стало легче на душе. Почувствовала некоторое успокоение, точно я действительно нашла вновь свою *половину.*

24 сентября. Недолго был добр Лев Никол. Опять он кричал на меня за то, что я, узнав в Таптыкове от француженки, бывшей гувернантки Дитерихсов, что у Черткова читали Л. Н. рассказ «Детская мудрость» [124], просила и мне его дать прочесть. Когда в доме, и даже у Льва Ник—а не оказалось ни одного экземпляра, я почувствовала досаду и горечь сердца и сказала, что Чертков, конечно, поспешил отобрать рукопись, потому что он *коллекционер* и больше ничего. За это страшно рассердился Лев Никол. и так накричал на меня, что я опять неутешно плакала. Ушла в елочки, пилила там ветки, потом копировала фотографии, читала корректуру и весь день почти не видала мужа.

25 сентября. Радуюсь, что муж мой хотя *фактически* со мной, и начинаю успокоиваться. Но как далек он от меня душой! Я люблю его больше, чем он меня.

Лев Ник. читает с интересом книгу Малиновского «Кровавая месть» [125], ездил верхом.

26 сентября. С утра все было мирно и хорошо. Саша с Варварой Михайловной уехали в Таптыково к Ольге, с нами осталась Мария Александровна; я копировала фотографии. Проходя через кабинет Льва Н—а, я увидала, что портрет Черткова, который я в отсутствие Л. Н. перевесила на дальнюю стенку, заменив его портретом отца Л. Н—а, — снова повешен над головою и креслом Льва Н—а, в котором он всегда сидит.

Мне тяжело было видеть портрет этого ненавистного мне человека ежедневно над Льв. Н—чем, когда я по утрам приходила с ним здороваться; я и удалила его.

То, что Лев Ник. восстановил его на прежнее место, привело меня опять в страшное отчаяние. Не видая его, он не мог расстаться с его портретом. Я сняла его, изорвала на мелкие части и бросила в клозет. Разумеется, Лев Ник. рассердился, справедливо упрекал меня в лишении свободы (он теперь вдруг на этом помешался), о которой всю жизнь не только не заботился, но и не думал. К чему *свобода*, когда мы всю жизнь любили друг друга и старались сделать все приятное и радостное друг для друга.

Опять я пришла в безумное отчаяние, опять поднялась ревность к Черткову самая едкая, и опять я доплакалась до изнеможения и головной боли. Думала о самоубийстве, думала, что надо убрать себя из жизни Льва Ник. и дать ему желанную свободу. Я пошла в свою комнату, достала фальшивый пистолет, пугач, и, думая приобрести себе настоящий, попробовала выстрелить из пугача. Потом, когда Лев Ник. вернулся с верховой езды, я выстрелила и вторично, но он не слыхал.

М. А. Шмидт, думая, что я стреляться хочу по-настоящему, не разобрав, в чем дело, написала Саше в Таптыково письмо, чтоб Саша приезжала, потому что мама стрелялась или что-то в этом роде.

Я ничего об этом не знала, слышу, ночью подъезжает экипаж и кто-то стучится. Было очень темно, и я удивилась, кто бы это мог быть? Выхожу, вижу — Саша и Варвара Михайловна. Очень меня это удивило. «Что случилось?» — спросила я. И вдруг на меня в два голоса посы-

пались такие грубые речи, такие злые упреки, что я долго не могла опомниться. Пошла наверх, Саша и Варвара Михайловна с криками за мной. Наконец я потеряла терпенье и страшно рассердилась. *Что* я им двоим сделала? В чем моя вина?

К сожалению, и я начала кричать, — говорила, что выгоню их из дому, что завтра же разочту эту приживалку, подлизывающуюся к Саше, Варвару Михайловну. Марья Александровна, поняв свою ошибку, стала плакать и просить этих двух расходившихся крикуний уйти из ее комнаты.

Но эти две злючки не скоро успокоились, и на другое утро, уложив свои вещи, забрав лошадей, собак, попугая, они уехали в Телятинки, в Сашин дом. Сами виноваты и сами озлились и сделали дурной поступок.

27 сентября. Остались мы, старики, одни. Лев Ник. поехал один верхом по шоссе, я за ним в кабриолете. Он, видимо, нарочно, постоянно оглядываясь, ехал все дальше и дальше, ожидая, что я наконец озябну (я плохо оделась) и вернусь. Но я не вернулась, простудилась, получила потом насморк, но до дому доехала с ним. Мы сделали тогда 17 верст, и он проспал до 7 $^1/_2$ часов, и обедали в 8 ч.

Вечером Лев Ник. играл в шахматы с Хирьяковым, был соплив, вял, и расстроился у него желудок. Очевидно, эта верховая езда в холод и страшный ветер дурно повлияла на него.

Несмотря на неприятности, я много занималась изданием и корректурами.

28 сентября. Все так же занималась в одиночестве и с тяжелым камнем на душе. Не только мне не помогают выздороветь, но все делают, чтоб мучить меня! Даже случайности против меня! Лев Ник. ездил верхом в Овсянниково к Марье Александровне и встретил Черткова, ехавшего к Ольге в Таптыково. Так и защемило сердце, когда я подумала о той радости, которую они оба испытали. Но Лев Ник. с лошади не слезал и поговорил недолго; aparté никакого не было, так как ехали еще Дима и Ростовцев. Во весь день Л. Н. ел очень мало, начинался насморк, и изредка он кашлял; разумеется, вчерашняя поездка не могла обойтись даром; да и в Овсянниково ездить и далеко, и очень холодно было. Никогда ему даром не обходились поездки в Овсянниково.

29 сентября. Тихо, дружно с Льв. Ник. и потому хорошо! Когда он завтракал, я сидела с ним и тоже начала что-то есть, кажется, блинчики с творогом. Надо было видеть, как он обрадовался, когда на вопрос: кому я кладу блинчики, я сказала: «Себе».— «Ах, как я рад, что ты наконец начала есть!» Потом принес мне с такой любовью грушу и просил ее непременно съесть. Вообще он без посторонних опять по-старому добр и ласков со мной, и я чувствую, что он *мой*. Но что-то он не бодр, и я беспокоюсь. Сама была подвижна весь день: пилила сучья в елочках, ездила в Колпну покупать рожь и муку. Ясный, морозный день, красиво по-осеннему.

30 сентября. У Льва Ник. сильная изжога с утра. Это всегда плохой признак, и мне тревожно, тем более что он что-то уныл. Отъезд Саши был для него новой и неожиданной неприятностью. И неужели на ней такая непроницаемая броня, что ей не жаль делать неприятное старику отцу своим бегством из дому? Несмотря на физическое недомогание, Лев Ник. поехал с глупым Душаном верхом и долго ездил по лесам и оврагам. Говорю: *глупым,* потому что на то держат доктора, чтоб он следил за состоянием здоровья Л. Н—а и не допускал его делать неразумное. Опять ледяной ветер и солнце. У меня насморк, на душе тоскливо. Наклеивала газетные вырезки, убирала журналы, занималась и хозяйственными распоряжениями и изданием, но нет ни здоровья, ни энергии, ни прежней работоспособности. Я скоро умру.

1 октября. Приехал утром Гольденвейзер, играл в шахматы с Льв. Н. вечером. Днем приезжала Саша и повезла Гольденвейзера к Чертковым. Хотела я было предложить Льву Н. и ему ехать туда, но как только подумала об этом и заговорила с мужем — слезы подступили к горлу, я вся заволновалась, затряслась; кровь бросилась в голову, меня всю точно изранило что-то, особенно когда я увидала в лице Льва Н—а радость от мысли снова видеться с Чертковым. Дошла опять до отчаяния и ушла к себе плакать. Спасибо моему милому мужу, что он не поехал к Черткову, а поехал опять верхом в лес и по оврагам и очень устал. Кончила работу над «Детством» и читала корректуру «О деньгах» [126]. Льет дождь и ветрено.

2 октября. Утром приехал милый П. И. Бирюков, всегда мягкий, сочувствующий, умный и добрый. Рассказывая ему о своем горе, я плакала. Он тоже не любит Черткова и понял меня. Льву Ник. все хуже; расстроился желудок, он никуда не ходил и все спал. После обеда хорошо беседовали, приехал сын Сережа. Играли все в шахматы.

3 октября. Утром Лев Ник. гулял, потом не долго ездил верхом, весь окоченел, ноги застыли, и, чувствуя себя ослабевшим, он даже не снял холодных сапог, повалился на постель и заснул. Он долго не приходил к обеду, я обеспокоилась и пошла к нему. Он как-то бессмысленно смотрел, беспрестанно брал часы и справлялся, который час, поминая об обеде, но тотчас же впадал в забытье. Потом, к ужасу моему, он стал заговариваться, и вскоре началось что-то ужасное! Судороги в лице, полная бессознательность, бред, бессмысленные слова и страшные судороги в ногах. Двое и трое мужчин не могли удержать ног, так их дергало. Я, благодаря бога, не растерялась; с страшной быстротой налила мешки и бутылки горячей водой, положила на икры горчичники, мочила голову одеколоном, Таня давала нюхать соли; обложили все еще ледяные ноги горячим; принесла я ром и кофе, дали ему выпить,— но припадки продолжались, и судороги повторились пять раз. Когда, обняв дергающиеся ноги моего мужа, я почувствовала то крайнее отчаяние при мысли потерять его,— раскаяние, угрызение совести, безумная любовь и молитва с страшной силой охватили все мое существо. Все, все для него — лишь бы остался хоть на этот раз жив и поправился бы, чтоб в душе моей не осталось угрызения совести за все те беспокойства и волнения, которые я ему доставила своей нервностью и своими болезненными тревогами.

Принесла я и тот образок, которым когда-то благословила своего Левочку на войну тетенька Татьяна Александровна, и привязала его к кровати Льва Николаевича. Ночью он пришел в себя, но решительно ничего не помнил, что с ним было. Голова и члены болели, температура была сначала 37 и 7, а потом постепенно падала до 36 и 7.

Всю ночь просидела возле своего больного на стуле

и молилась о нем. Он спал недурно, изредка стонал, но судороги прекратились. Приехала в ночь дочь Таня Сухотина.

4 октября. Рожденье Тани, все повеселели. Ездили к Чертковым. Льву Ник. гораздо лучше, но он не встает с постели. Память и сознание вполне восстановились, но интересуется, что с ним было и что он говорил. Язык обложен, болит немного печень, ничего не ел. Выписали из Тулы доктора (Щеглова), дали ревень с содой, Виши; надела ему на ночь компресс из водки.

Трогательно и сердечно помирились с Сашей и решили ничего не вспоминать и вместе преследовать одну цель: сделать Льву Н—у жизнь как можно спокойнее и счастливее. Но, боже мой! как мне это будет трудно, если для этого нужно возобновить отношения с Чертковым. Мне кажется, что это так для меня тяжело и невозможно! А придется, и жертва эта будет непосильная для меня. Ну, да что бог даст! Пока от радости, что Льву Ник. гораздо лучше, все стали спокойнее и добрее.

5 октября. Льву Н—у с утра гораздо лучше; он так много пил кофе с молоком и ел сухари и целый калач, что я даже испугалась. Пил Виши, обедал с нами. Сережа уехал утром, Таня была весь день в Овсянникове. Саша и Варвара Михайловна приехали, и стало веселей и легче жить. Таня не добра и все упрекает, грозит чем-то и потом уверяет, что больше всех нас желает умиротворить. Чувствую себя разбитой, болит под ложкой с левой стороны и голова.

Приехал Сергеенко; не люблю его; фальшивый, эксплуатирует нас сколько возможно; льстит, когда нужно ему что-нибудь, и говорит сладкие речи, когда думает, что это для чего-нибудь нужно.

Лев Ник. очень со мной добр и ласков; он видел, как мне было тяжело и жаль его, как самоотверженно и полезно за ним ухаживала и как раскаивалась, что не поберегла его!

6 октября. Льву Николаевичу лучше, но он еще слаб, говорит, что болит печень и изжога. Походил немного утром; потом пошел было и днем гулять, но потянуло его к обычной верховой езде, и он тихонько от меня

уехал верхом с Булгаковым, что очень меня встревожило.

Приехали: Страхов с дочерью, Булыгин и Буланже. Лучше, когда гости, не так тоскливо. Посоветовалась с ними насчет издания. Спокойно беседовали вечером. Днем Саша ездила к Чертковым и с моего согласия пригласила его приехать к Льву Никол—у. Чертков написал недоброе и, как всегда, неясное письмо и — не приехал [127]. Не могу понять, очень ли огорчился Л. Н. Кажется — да. Но, слава богу, хоть еще один день без этого ненавистного человека!

7 октября. Опять поднялся разговор о посещении Черткова, и Таня с Сашей ездили к нему, и он обещал приехать в 8 часов вечера. Я затеяла с доктором заказать Льву Ник—у ванну к вечеру: это полезно для печени, и это бы сократило посещение Черткова.

Так и вышло. Весь день я себя готовила к этому ненавистному посещению, волновалась, не могла ничем заниматься; и когда в открытую форточку услыхала звук рессорного экипажа, со мной сделалось такое ужасное сердцебиение, что я думала, что умру сейчас же. Я побежала смотреть в стеклянную дверь, какое будет их свидание, смотрю,— занавес только что задернул Л. Н. Я бросилась в его комнату, отдернула занавес, взяла бинокль и смотрела — будут ли какие особенные выражения любви и радости. Но Л. Н. знал, что я смотрю, пожал Черткову руку и сделал неподвижное лицо. Потом они о чем-то долго говорили, Чертков нагибался близко, показывая что-то Л. Ник — у. Но я поторопила ванной, послала Илью Васильевича сказать, что ванна готова и может остыть, и Чертков встал, они простились и — расстались.

Весь вечер меня трясло ужасно; я не плакала, но мне всякую минуту казалось, что я сейчас вот-вот умру. Лев Ник. несколько раз принимался мучить и дразнить меня, что Чертков ему *самый близкий* человек, и я наконец заткнула уши и закричала: «Не слушаю больше, двадцать раз уж слышала это, довольно!»

Он ушел, а во мне все стонало и все страдало невыносимо! Вот *какие* бывают муки! Не только знать этого нельзя вперед, но даже ничего подобного предполагать. Наконец, доведенная до крайнего страданья, я устала и заснула.

Каких усилий мне стоило согласиться пустить в дом этого идиота, и как я старалась взять себя в руки! Невозможно, он просто дьявол, я не выношу его никак! Л. Н. стал опять мрачен, мне жаль его, мне страшно за него, но насколько я страдаю больше его!

Занималась мало, не гуляла, толклась по дому. Вставляли рамы, день удивительно красивый, ясный, солнечный и тихий. Среди дня Лев Ник. ездил верхом довольно долго и так легко и ловко вскочил на лошадь, что я удивилась. Но к вечеру походка его стала утомленная, сам он вял и, видно, досадует на меня, что я так тяжело вынесла приезд Черткова.

С Таней грустно простилась, она завтра едет, и так мне больно, что я и ей, и Саше доставляю беспокойство своим отношением к Черткову, которого так любит отец и так ненавидит мать! И как тут быть? Бог разрешит как-нибудь. Лучше было бы отъезд куда-нибудь Черткова. Потом смерть его или моя. Худшее — смерть Л. Н. Но постараюсь проникнуться молитвой: «Да будет воля твоя!» Я не убьюсь теперь, никуда не уйду, не буду ни студить, ни терзать себя голодом и слезами. Мне настолько плохо и физически, и морально, что я быстро иду к смерти без насилия над организмом, который, как я убедилась, ничем не убьешь по *своей* воле.

8 октября. Встала рано проводить дочь Таню; потом легла, чувствовала себя совсем больной и измученной. Когда встала, вошел ко мне Лев Николаевич, и так как я была уже одета, то пошла за ним. Он был взволнован и, видимо, чем-то очень недоволен. Просил меня выслушать его молча, но я невольно раза два его прервала. Речь его, разумеется, клонила к тому, что я так ревниво и враждебно отношусь к Черткову. С волнением и даже злобой он внушал мне, что я на себя напустила «дурь», от которой должна сама стараться избавиться, что у него нет никакой *исключительной* любви к Черткову [128], а что есть люди и ближе по всему с Львом Николаевичем, как Леонид Семенов и какой-то совсем неизвестный Николаев, приславший книгу и живущий в Ницце [129]. Это, конечно, неправда. Теперь я сняла с него обещание не видеть Черткова; но вчера он видел, какою ценою мне досталось его свидание с этим противным идиотом, и сегодня он упрекал мне, что он никогда не может быть спокоен, потому что над ним висит постоянно Дамоклесов меч моего

тяжелого отношения к свиданиям с Чертковым. А зачем они?

Здоровье Льва Н—а, слава богу, восстановилось. Он сегодня обедал с таким аппетитом и так много, что я даже боялась за него. Но все обошлось, и он ел вечером еще арбуз, пил чай и лег спокойный и участливый ко мне. Как хорошо и спокойно, когда не боишься свиданий с Чертковым и когда мы одни — с делами, работой и дружными отношениями друг к другу!

Если б так пожить хоть месяц, я бы выздоровела и успокоилась. А теперь при одной мысли и под страхом, что Лев Ник. поедет к Черткову, — вся моя внутренность начинает болеть, и жизни нет, и счастья нет!

Ездил Лев Н. сегодня верхом с доктором, а я ходила пилить немного ветки елок и дубков. Л. Н. читал книгу Николаева, а я «Конец века» для издания [130] и корректуру, а потом немного вписала книг в каталог. Их набралось очень много, и это большая еще мне работа. Дела вообще много, а здоровья и спокойствия мало!

9 октября. Тихо, тихо прошел день, слава богу! Ни посещений, ни упреков, ни обостренных разговоров. Но что-то гнетет, все грустные и сонные. Лев Ник. ходил на деревню — в народную библиотеку, интересовался, что больше читают. Оттуда поехал верхом с доктором через Бабурино и Засеку. Я боялась, что он поедет к Чертковым. Вечером он много читал, потом писал дневник, как всегда перед сном, и я смотрела на его серьезное лицо через дверь балкона с любовью и вечным страхом, что он уйдет от меня, как часто грозил последнее время. Дневник он свой с нынешнего года стал от меня запирать. Да, все несчастья мои с его посещения летом Черткова!

Убирала книги, скучная работа! Так устала, что спала — или, вернее, лежала весь вечер. Прочла небольшую часть книги какого-то неизвестного Николаева в Ницце, и мне очень понравилось: логично, много думано. Таких людей возле Л. Н., к сожаленью, нет.

В какой чистоте моральной и физической мы прожили с Львом Н—м жизнь! А теперь вся наша интимная жизнь рассказывается посредством дневников и писем г. Черткову и К°, и этот противный человек по письмам и дневникам, которые писались часто ему в угоду, и в его тоне, делает свои выводы и соображения, о чем и пишет Льву Н—у, например, так:

«1 октября 1909 г. Я собираю особо все ваши подобные письма о вашей жизни, чтоб в свое время составить из них *объяснение* вашего положения в интересах тех, которых действительно соблазняют эти всеобщие толки...» [131]

Воображаю, какие объяснения даст этот злой, противный человек и какой *подбор* он сделает своих обличений семьи! Особенно составляя его в минуты борьбы...

10 октября. Сегодня я немного спокойнее, о Черткове упоминания весь день не было, и Лев Ник. пока к нему еще не ездил. С утра кончала запись книг в каталоги, и приехала невестка Соня Толстая с внучкой Верочкой; я была им очень рада. Л. Н. ходил гулять и утром, и днем, один, пешком, и довольно долго. Приходила мучительная мысль, что он ходил на свидание с Чертковым. Еще мучаюсь любопытством и желанием прочесть дневник Льва Н—а. Что-то он там пишет и сочиняет?

Занялась немного изданием, распределяла статьи. Трудно очень! Приехали Буланже и И. Ф. Нажинвин. На людях легче живется, и Лев Никол. оживился.

Пасмурно, с утра 2 град. мороза; потом солнечно, тихо, и к вечеру теплей. С Львом Н—м не очень близки отношения, но как будто он больше меня помнит и мягче ко мне относится. А я *вся* живу только им.

11 октября. Вчера я не дала Льву Н. эти выписки из прошлогоднего письма Черткова, а сегодня положила ему на стол с своими комментариями и разоблачением всей фальши *духовного* общения Черткова. Должен же Лев Николаевич наконец понять свое заблуждение и увидать всю глупость и пошлость этого идиота. Но, разумеется, ему жаль расстаться с мечтой, с идеализацией своего идола, жаль оставить на месте его пустоту.

Не спала ночь и очень дурно себя чувствовала весь день. Ушла в елочки, пилила ветки, сидела в изнеможении на лавочке и прислушивалась к тишине. Люблю свою посадочку! В ней еще с Ванечкой гуляли и сиживали. Делами занималась мало, слишком я вся болею и телом и душою.

Лев Ник. ездил с Душаном Петровичем верхом, говорил, что хотел проехать ко мне в елочки, но я пришла раньше. Потом принес мне грушу и был очень добр со мной. Я ему говорила, чтоб он поехал к Гале Чертковой,

которая, как он говорил, очень беспокоится о том, что Лев Ник. с ними прекратил отношения. Но он ни за что не хотел, говорил, что, может быть, завтра, а теперь, пока он туда не съездит, я буду волноваться. Галя, конечно, предлог, чтоб повидать ее ненавистного мне мужа.

Соня, невестка, уехала. Она, бедная, тоже много пережила горя с Ильей, который и увлекался, и разорился, а детей 7 человек! Мы, как две жены и матери, хорошо поговорили и поняли друг друга. Уехал и Наживин. Я ему рассказала все, что я перенесла от Черткова, от мужа и дочерей.

Просматривала вечером академическое издание о Пушкине, о его библиотеке[132]. Он *сам* ее составлял и выбирал книги, а вот наша библиотека в доме совершенно случайная: со всех сторон света присылают книги, разумеется, даром и с надписями, и иногда книги хорошие, а иногда такой хлам! Лев Ник. редко *сам* покупал книги, все больше присылали, и образовалась самая бесформенная и безыдейная библиотека.

Вернулся Булгаков, хочет завтра ехать в Москву, чтоб выйти из университета, а потом отказаться от солдатчины. Бедный!

12 октября. Понемногу узнаю еще разные гадости, которые делал Чертков. Он уговорил Льва Н—а сделать распоряжение, чтоб после смерти его права авторские не оставались детям, а поступили бы на общую пользу[133], как последние произведения Л. Н. И когда Лев Ник. хотел сообщить это семье, господин Чертков *огорчился* и не позволил Л. Н. обращаться к жене и детям. Мерзавец и деспот! Забрал бедного старика в свои грязные руки и заставляет его делать злые поступки. Но если я буду жива, я отмщу ему так, как он этого себе и представить не может. Отнял у меня сердце и любовь мужа; отнял у детей и внуков изо рта кусок хлеба[134], а у своего сына в английском банке миллион шальных денег, не то, что у Л—а Н—а им заработанных вместе со мной, — я во многом ему помогала. Сегодня я сказала Льву Никол., что я знаю о его распоряжении. Он имел жалкий и виноватый вид и все время отмалчивался. Я говорила, что дело это недоброе, что он готовит зло и раздор, что дети без борьбы не уступят своих прав. И мне больно, что над могилой любимого человека поднимется столько зла, упреков, судбищ и всего тяжелого! Да, злой дух орудует руками этого

Черткова — недаром и фамилия его от черта, и недаром Лев Ник. в дневнике своем писал:

«*Чертков вовлек меня в борьбу. И эта борьба очень и тяжела и противна мне*»[135].

Узнала я и о нелюбви Льва Никол. теперь ко мне. Он все забыл,— забыл и то, что писал в дневнике своем: «Если она мне откажет,— я застрелюсь»[136]. А я не только не отказала, но прожила 48 лет с мужем и ни на минуту его не разлюбила.

Спешу выпустить издание, пока еще Лев Ник. не сделал ничего крайнего, чего каждую минуту можно от него ожидать по его теперешнему суровому настроению. Л. Н. ездил верхом Саше навстречу, но она приехала поздно, и он потом проспал и обедал один в 7 часов.

Пишет письмо Тане[137]. Он любит дочерей, ненавидит некоторых и не любит вообще сыновей. Они не подлы, как Чертков.

Вечером я показывала Льву Ник. его дневник 1862 года, переписанный раньше мной, когда он влюбился в меня и сделал мне предложение. Он как будто удивился, а потом сказал: «Как тяжело!»

А мне осталось одно утешенье — это мое прошлое! Ему, конечно, тяжело. Он променял все ясное, чистое, правдивое, счастливое — на лживое, скрытное, нечистое, злое и — слабое. Он очень страдает, сваливает все на меня, готовит мне роль Ксантиппы, что я часто предсказывала, что ему так легко, благодаря его популярности. Но что готовит он себе перед совестью, перед богом и перед детьми своими и внуками? Все мы умрем, испустит также свой дух мой враг, но что почувствуем мы все в наши последние минуты? Прощу ли и я своему врагу?

Не могу считать себя виноватой, потому что всем своим существом чувствую, что я, отдаляя Льва Николаевича от Черткова, *спасаю* его именно от врага — дьявола. Молясь, я взываю к богу, чтоб в дом наш вошло опять царство божие. «Да приидет царствие *твое»*, а не врага...

13 октября. Мысль о самоубийстве назревает вновь, и с большей силой, чем раньше. Теперь она питается в тишине. Сегодня прочла в газетах, что девочка пятнадцати лет отравилась опиумом и легко умерла — заснула. Я посмотрела на свою большую стклянку — но еще не решилась.

Жить делается невыносимо. Точно живешь под бомбами, выстреливаемыми господином Чертковым, с тех пор

как в июне Лев Ник. побывал у него и совсем подпал под его влияние. «Il est despote, c'est vrai» *, — сказала мне про него мать его.

И вот этим деспотизмом порабощен несчастный старик, а притом, когда еще в молодости он писал в дневнике, что, быв влюблен в приятеля, он, главное, старался ему *понравиться* и не огорчить его, что на это он раз потратил в Петербурге 8 месяцев жизни... Так и теперь. Ему надо *нравиться* духовно этому идиоту и во всем его слушаться.

И вот началось с того, что этот деспот отобрал все рукописи Льва Ник—а и увез к себе в Англию[138]. Затем отобрал дневники, которые я вернула (пока в банк) ценою жизни. Потом он задерживал у себя, сколько мог, самого Льва Ник—а и наговаривал и в глаза и за глаза на меня всякие злые нарекания, вроде что я всю жизнь занимаюсь убийством моего мужа,— что он и сказал сыну Льву.

Наконец, он убедил и содействовал Л. Н—у в том, чтобы он написал отказ от авторских прав после смерти, вероятно (не знаю в какой форме), и этим вынул последний кусок хлеба изо рта детей и внуков в будущем. Но дети и я, если буду жива, отстоим свои права.

Изверг! И что ему за дело вмешиваться в дела нашей семьи?

Что-то еще выдумает этот злой фарисей, раньше обманувший меня уверениями, что он *самый близкий друг* нашей семьи.

Ушла с утра ходить по Ясной Поляне. Морозно, ясно и красиво удивительно!. А милее мысли о смерти ничего нет. Надо кончать скорей эти муки. А то завтра господин Чертков велит свезти *меня,* а уж не рукописи, в сумасшедший дом, и Лев Ник., чтоб ему *понравиться,* по слабости своей старческой, исполнит это, отрежет меня от всего мира, и тогда исхода смерти — и того лишишься. А то еще от злости, что я *обличила* Черткова, он убедит моего мужа уехать с ним куда-нибудь, но тогда исход есть — опий, или пруд, или река в Туле, или сук в Чепыже. Верней и легче — опий. И не увижу уж я тогда ужаса раздоров, пререканий, злобы ссор, судов с врагом нашим — над могилой любимого когда-то мужа, и не будет во мне постоянно жить этот упрек и отрава, которые те-

* Правда, он деспот *(франц.)*.

перь томят мое сердце, мучают меня и заставляют постоянно придумывать самые сложные и ужасные средства для того, чтоб не видеть зла, заранее обдуманного, отца и деда многочисленной семьи под влиянием злого деспота — Черткова.

Когда я вчера заговорила с Львом Ник—м, что, сделав распоряжение об отдаче после смерти всему миру своих авторских прав помимо семьи, он делает дурное, недоброе дело, он все время упорно и злобно молчал. И вообще он теперь взял такой тон: «Ты больна, я это должен выносить, но я буду молчать, а в душе тебя ненавидеть».

Подлое внушение Черткова, что во мне главную роль играет *корысть*, заразило и Льва Н—а. Какая может быть корысть в больной, 66-летней старухе, у которой и дом, и земля, и лес, и капитал, и мои «Записки», дневники, письма — все, что я могу напечатать?!

Больно *влияние* дурное Черткова. Больно, что везде тайны от меня; больно, что *завещание* Льва Н—а породит много зла, ссор, суда, пересудов газетных над могилой старика, который при жизни всем пользовался, а после смерти обездолил своих прямых многочисленных наследников.

Браня, по внушению Черткова, во всех своих писаниях самым грубым образом правительство, теперь с своими гнусными делами они прячутся за закон и правительство, отдавая дневники в *Государственный* банк и составляя *по закону* завещание, которое, надеятся, будет утверждено этим самым правительством [139].

В какой-то сказке, я помню, читала я детям, что у разбойников жила злая девочка, у которой любимой забавой было водить перед носом и горлом ее зверей — оленя, лошади, осла — ножом и всякую минуту пугать их, что она этот нож им вонзит. Это самое я испытываю теперь в моей жизни. Этот нож водит мой муж; грозил он мне всем: отдачей прав на сочинения, и бегством от меня тайным, и всякими злобными угрозами... Мы говорим о погоде, о книгах, о том, что в меду много мертвых пчел,— а то, что в душе каждого,— то умалчивается, то сжигает постепенно сердце, укорачивает наши жизни, умаляет нашу любовь.

Я до того напугана злобой и криками на меня моего мужа, который думает, что от его крика я могу быть

здоровее и спокойнее, что я уж боюсь с ним разговаривать.

Много гуляла, 4 град. мороза, ездила в Ясенки на почту.

14 октября. С утра, проснувшись рано, написала мужу письмо [140].

Когда я приотворила дверь к Льву Никол. в его кабинет, он тотчас же мне сказал: «Ты не можешь оставить меня в покое?» Я ничего не сказала, опять затворила дверь и уже не ходила к нему. Он сам пришел ко мне, но опять упреки, отказ отвечать на мои вопросы, и какая-то ненависть! [141]

Приезжала Лодыженская, много я ей наговорила лишнего, но так и просятся наружу стоны моих сердечных страданий. Лев Ник. ездил верхом и заезжал на ст. Засеку спросить, была ли я там, так как я собиралась, и мне это было приятно. Вернулся он усталый, весь потухший, забыл Лодыженских, поздоровался с ней и ушел спать. К обеду приехал Горбунов, Л. Н. встал бодрее, читает «Карамазовых» Достоевского и говорит, что очень плохо: где описания, там хорошо, а где разговоры — очень дурно; везде говорит сам Достоевский, а не отдельные лица рассказа. Их речи не характерны.

Очень много занималась делами издания, но слаба, голова болит, засыпаю прямо, падая головой на книги, бумаги и тетради. Вчера вечером писала Андрюше. Прелестная погода: ясно, звездно, морозно и светло; но сегодня я не выходила.

15 октября. Утром приехали М. А. Стахович, Долгоруков с Серополко осмотреть библиотеку народную [142], а вечером сын Сережа. Рассказала все Стаховичу, он старался все так объяснить, что как будто ничего и не было, и все просто, не о чем тревожиться. Но меня не успокоишь словами. Вот то, что Лев Никол. не ездит к Черткову, — это меня пока успокаивает. Но он слаб и грустен. Поехал сегодня верхом с Душаном Петровичем, лошадь не хотела прыгать через ручей, и когда прыгнула, так подбросила Льва Н—а, что у него сразу заболело под ложечкой, и на весь вечер была изжога. День прошел в разговорах, на людях стало легче жить. Ночью читала корректуры. Наши все ходили в библиотеку с гостями. Все та же морозная, ясная и сухая погода.

16 октября. Встала спокойная, хотя *не*здоровая. Утро не спалось, и все думала, как бы выручить из банка государственного в Туле дневники Льва Николаевича. Вышла к завтраку, и вдруг Лев Ник. объявил, что едет к Черткову. Хитрая Галя посылала за Душаном Петровичем, будто у нее невралгия, и Л. Н. к этому придрался, что надо же ее навестить и надо видеть Черткова по поводу каких-то писем; разумеется, выдуманный предлог [143].

Не сумею выразить, что сделалось со мною! Точно во мне оторвалась вся внутренность. Вот они угрозы, под которыми я теперь постоянно живу! Я тихо сказала: «Только второй день, как я стала немного поправляться», и ушла к себе. Потом оделась и вышла пройтись, но вернулась, отозвала мужа и тихо, почти шепотом, ласково ему сказала: «Если можешь, Левочка, погоди еще ездить к Черткову, мне ужасно тяжело!»

В первую минуту он не рассердился, сказал, что ничего не обещает, но желает сделать все лучшее, и когда я повторила свою просьбу, чувствуя себя невменяемой от внутреннего страдания, он уже с большей досадой повторил, что не хочет ничего обещать. Тогда я ушла, лазила по каким-то оврагам, где меня трудно бы было когда-либо найти, если б мне сделалось дурно. Потом вышла в поле и оттуда почти бегом направилась в Телятинки, с биноклем, чтобы видеть все далеко кругом. В Телятинках я легла в канаву недалеко от ворот, ведущих к дому Чертковых, и ждала Льва Н—а. Не знаю, что бы я сделала, если б он приехал; я все себе представляла, что я легла бы на мост через канаву и лошадь Льва Ник—а меня бы затоптала.

Но он, к счастью, не приехал. Видела я молодого Сергеенко и Петра, везшего воду [144]. Под видом какого-то христианского единения Чертков набрал молодых людей, которые ему служат, как и наши люди — нам.

В 5-м часу я ушла и опять пошла бродить. Стало темно, я пришла в сад и долго лежала на лавке под большой елкой у нижнего пруда. Я безумно страдала при мысли о возобновлении сношений и исключительной любви к Черткову Льва Николаевича. Я так и видела их в своем воображении запертыми в комнате, с их вечными *тайными* о чем-то разговорами, и страданья от этих представлений тотчас же сворачивали мои мысли к пруду, к холодной воде, в которой я сейчас же, вот сию минуту,

могу найти полное и вечное забвение всего и избавление от моих мук ревности и отчаяния! Но я опять из трусости не убила себя, а побрела, не помню даже какими дорожками, к дому. В дом я не вошла, мне было страшно, и я села на лавку под елкой. Потом я легла на землю и ненадолго задремала.

Когда стало совсем темно и я увидела в окнах Льва Н — а свет (значит, он проснулся), меня пошли искать с фонарями. Алексей-дворник меня нашел. Я встала, увидала Варвару Михайловну и совсем ошалела от холода, усталости и пережитых волнений.

Пришла домой, вся окоченела от холода; все притупилось; я, не раздеваясь, села и так и сидела, не обедая, не снимая кофточки, шляпы и калош, как мумия. Вот как без оружия, но метко убивают людей.

Оказалось, что Лев Ник., измучив меня и не обещав ничего, к Черткову не поехал, а поехал в Засеку, послав Душана Петровича мне сказать, что он не поехал к Черткову. Но Душан Петрович меня не нашел, и я уже ушла в Телятинки.

Когда я вечером спросила Л. Н., зачем же он меня измучил, не сказав, когда я его спрашивала, поедет ли он к Черткову, — он мне с злобой начал кричать: «Я хочу свободы, а не подчиняться твоим капризам; не хочу быть в 82 года мальчишкой, тряпкой под башмаком жены!» — И много еще тяжелого и оскорбительного говорил он, а я страдала ужасно, слушая его. Потом сказала ему: «Не так ты ставишь вопрос: не в том дело, не так ты все толкуешь. Высший подвиг человека есть жертвовать своим счастьем, чтоб избавить от страданий близкого человека». Но это ему не нравилось, и он одно кричал: «Все обещания беру назад, ничего не обещаю, что хочу, то буду делать», и т. п.

Лишаться общения с Чертковым ему, конечно, невыносимо, и потому он так злится, что я *не могу*, прямо непроизвольно не могу выносить возобновления дружбы личной с этим негодяем.

Раза два я входила поздно вечером, выйдя из оцепенения, к Льву Ник. и хотела как-нибудь умиротворить наши с ним отношения. С трудом достигла этого, мы простились, поцеловались и расстались на ночь. Он сказал между прочим, что желает все сделать, чтоб меня не огорчать и как мне лучше. Что-то будет завтра?

Только что началась мирная спокойная жизнь, и опять все омрачилось, и я еще на более долгий срок ослабею

и буду хворать; и опять и Лев Ник. подкосил свои силы и здоровье и не может работать. А все от какой-то его idée fixe, что он хочет быть *свободен* (чем он не свободен, кроме общения с Чертковым) и безумно желает видаться с Чертковым.

17 октября. День прошел мирно и хорошо. Много занималась изданием и корректурой. В Евангелии для детей, между прочим, Л. Н. пишет о гневе (из Евангелия): «Если считаешь, что брат твой поступил дурно, то пойди к нему, выбери такое время и место, чтобы поговорить с ним с глазу на глаз, и тогда скажи ему кротко то, что имеешь против него. Если послушает тебя, то он вместо того, чтобы быть врагом тебе, станет твоим другом. Если же не послушает, то пожалей его и *уже не имей с ним дела»* [145].

Вот это самое я и желаю по отношению Черткова, не иметь нам с ним никакого дела и никаких отношений.

Уехал милый И. И. Горбунов. Был Якубовский — симпатичный, и еще противный еврей, издатель вегетарианского журнала — Перкер, кажется. Идет настоящий снег зимний.

Я так утомлена душевно и физически, что сейчас и мыслей нет, писать не хочется. Мучаюсь любопытством, что пишет в дневнике мой муж? Его теперешние дневники — сочинения ввиду того, что будут из них извлекать мысли и делать свои заключения. Мои дневники — это искренний крик сердца и правдивые описания всего, что у нас происходит. Пишет и Саша дневник. Воображаю, как она, не любя меня и вследствие своего дурного характера, старательно меня обличает и толкует по-своему мои слова и чувства! А впрочем, бог ее знает! Иногда у меня просыпается к ней нежность и жалость. И сейчас же с ее стороны опять резкость какая-нибудь, грубая несправедливость, и хочется куда-нибудь от нее уйти. Отцу она служит довольно усердно. Мне грозит своими дневниками. Бог с ней!

Решила не ездить больше никуда: ни в Москву, ни в концерты,— никуда. Я так стала дорожить каждой минутой жизни с Львом Ник., так его сильно люблю, как-то вновь, как последнее пламя догорающего костра, что расставаться с ним не буду. Может быть, если я буду нежна с ним, он тоже вновь привяжется ко мне и рад будет не разлучаться со мной. А бог его знает! Он очень

изменился к худшему, в нем чаще слышится какая-то досада, чем непосредственная доброта. Помимо моей ревности к Черткову, я окружаю его такой любовью, заботой и лаской, что другой дорожил бы этим. А его избаловало все человечество, которое судит его по книгам (по словам), а не по жизни и делам. Тем лучше!

18 октября. Встала поздно, вся разломанная, больная и несчастная вечным страхом какой-нибудь неприятности и протеста. Оглянувшись назад на эти четыре месяца страданий моих, я вспоминаю игру кошки с мышью, т. е. Льва Николаевича со мной. Я мучалась, что семь тетрадей дневников у Черткова, и просила Льва Ник—а их взять. Лев Ник. две или три недели меня промучил, отказывая, довел до отчаяния, — и взял, чтоб положить в банк. Я заболела нервной болезнью, еще до истории с дневниками,— он день оттянул и приехал, когда мое нездоровье от этого ухудшилось.

В Кочетах он жил умышленно долго, потому что знал, что я должна быть ближе к Москве для издания нового, и эта разлука и беспокойство о нем меня измучило — а он упорно жил и не ехал в Ясную.

Когда в последний раз моего пребывания там я со слезами просила его хоть приблизительно назначить срок его возвращения, приехать хотя бы к моим именинам,— он сердился и упорно отказывал.

Когда я спрашивала его, какую бумагу или завещание передал он недавно Черткову, он сердился и упорно отказывал мне сообщить.

Каждую минуту ждешь нового отпора, и это вечное ожидание чего-нибудь недоброго, каких-нибудь новых решений с дневниками, рукописями и завещанием делают мою жизнь нервной, тяжелой и невыносимой.

А когда сегодня он перед обедом проснулся и был вял и не стал обедать, на меня напало мучительное беспокойство, и я готова была на всякие для него жертвы, на то даже, чтоб он опять видался с Чертковыми, которые теперь мне более чем когда-либо враги, после того как Лев Ник. у них не был три месяца. И точно он очнулся, стал ближе со мной, с Сашей, которая вся отдалась служению отцу, и только ей радости, что интерес к лошадям и ее маленькому именью — Телятинкам.

Мало сегодня занималась; большой разлад во мне и физический, и моральный. Стала даже ослабевать в мо-

литве. Наклеивала вечером, после сна, газетные вырезки, писала письма. Погода ужасная; вьюга, снег, к вечеру все обледенело и 6 град. мороза.

19 октября. Приезжала Е. В. Молоствова, увлекается изучением разных сект и пишет о них. Она умная и чуткая и может многое понять. Рассказывала я ей о своих горестях; она многое порицает в том смысле, что для меня Чертков рядом со мной, женой Льва Никол—а, представляет такую малую величину, что недостойно думать, что он может занять *мое* место в отношениях с Львом Ник. Но меня это не убедило, и я продолжаю страшиться возобновления их.

Все мы и Лев Ник. порознь гуляли. Вечером Л. Н. увлекался чтением «Братьев Карамазовых» Достоевского и сказал: «Сегодня я понял то, за что любят Достоевского, у него есть прекрасные мысли». Потом стал его критиковать, говоря опять, что все лица говорят языком Достоевского и длинны их рассуждения.

Вчера в ночь я была очень встревожена исчезновением дневника Льва Никол—а со стола, где он всегда лежал в запертом портфеле. И когда ночью Лев Ник. проснулся, я взошла к нему и спросила, не отдал ли дневника Черткову? «Дневник у Саши»,— сказал Л. Н., и я немного успокоилась, хотя обидно, что не у меня. Саша выписывает *мысли* из дневника, очевидно, для ненавистного Черткова, у которого *своих* чистых и хороших мыслей быть не может.

Очень ясно и морозно; сейчас 8 град. мороза, звезды и тишина. Все спят.

20 октября. Вчера Молоствова мне говорила, что когда она прошлой осенью была у Чертковых, муж ее, добрый, бесхитростный человек, старого типа барин, ко всем доброжелательный, все-таки не чаял, как поскорей выбраться от Чертковых, такой там чувствуется на всем и на всех тяжелый гнет; и точно все чем-то несчастливы, неудовлетворены и мрачны. Пишу это потому, что сегодня прошел у нас день так безмятежно тихо, радостно и спокойно, как хотелось бы подольше жить. Саша озабочена своими больными лошадьми и писаньем для отца; и еще ходила она на сходку в нашей деревне говорить о потребительской лавке в Ясной Поляне с здешними крестьянами.

Лев Никол. занимался своими писаньями, пасьянсами, ездил в Засеку верхом, ко мне заходил в мою комнату несколько раз и участливо ко мне обращался. Приходили к нему крестьяне: Новиков, который пишет статьи,— умный мужик; [146] и двое наших молодых крестьян, из которых один просидел два года в тюрьме за революционерство [147].

С утра было морозно, 12 градусов, ясно и тихо, к вечеру стало теплей, но ветер и пасмурно. Все занимаюсь изданием, наклеивала газетные вырезки. Как жадно, горячо читает Лев Ник. в газетах все то, что пишут и печатают о нем! Видно, нельзя никогда от этого отрешиться.

21 октября. Сегодня увидала в газете «Искры» мой и Льва Н—а портрет в наш последний свадебный день. Пусть более ста тысяч человек посмотрят на нас вместе, держащихся рука об руку, как прожили всю жизнь. Сегодня долго разговаривала с Сашей. Она не знает совсем жизни и людей и потому многое, многое не понимает. Весь свет для нее сошелся клином в Телятинках, где ее любимый хозяйственный уголок и где рядом тупоумная, скучная атмосфера Чертковых.

Продолжаю читать брошюры Льва Ник—а для нового издания, и скучны они своим однообразием. Я горячо сочувствую отрицанию войны и всякого насилия, казней и убийств. Но я не понимаю отрицания правительств. Потребность у людей в руководителях, хозяевах, правителях так велика, что без них немыслимо никакое человеческое устройство. Весь вопрос в том, что хозяин должен быть мудр, справедлив и самоотвержен для блага подчиненных.

Лев Ник. жалуется на небольшую боль в печени и, верно, оттого вял и грустен. А может быть, грустен и оттого, что не видает Черткова; хотя сегодня даже Саша говорила, что отца ее не огорчает нисколько, что он *не видит* этого господина, а что его огорчает моя ненависть к этому человеку и несвобода его действий, так как мне возможность их свиданья причиняет такие страдания. Каждый день думаю: «Ну, слава богу, еще день прошел, и Лев Ник. к Черткову не поехал».

Усердно молюсь о том, чтобы бог изъял из сердца моего мужа это пристрастие и обратил его ко мне, жене его.

Приехал громогласный, но приятный Дунаев. Погода ужасная: 2—4 гр. мороза, вихрь, снег, крупа ледяная бьет в окна, и тоскливо очень. Приехала еще Надя Иванова. Писала в типографию.

22 октября. Опять не спала, мучилась и о дневниках в банке и примеривалась мысленно к возможности возобновления отношений Льва Ник. с Чертковым; и как ни стараюсь,— не могу примириться с этой мыслью.

И вот, проповедуя любовь *ко всем* людям, Л. Н. создал себе *самого близкого человека*, иначе говоря *кумира*; этим оскорбил и изранил всю меня, все мое сердце, и примириться с свиданиями с этим *самым близким человеком* я совершенно не в состоянии. Теперь хоть этой непосредственной близости посредством свиданий быть не может, а духовная — она неосязаема и долго не может быть поддерживаема с таким дураком. Когда еще он за границей печатал сочинения Л. Н., то был предлог общения, а теперь не на чем держаться этому *духовному общению*.

Говорила с Дунаевым; то же непонимание, предложение уехать за границу, и одно, с чем я со всеми согласна — это с советом помнить года и близость смерти Л. Н. и делать ему все возможные уступки и поблажки. Но если моя уступка будет ценою моей жизни или в меньшей мере моего отъезда из моего дома,— будет ли это Льву Ник—у легче, чем не видать Черткова?

Я еще не могу ручаться за себя, я *не знаю*, как я отнесусь к этому, *но я чувствую*, что вынести близости Л. Н. с Чертковым я уже не могу, не могу никак и никогда.

Пришли Булгаков и еще какой-то юноша тоже из несчастных, попавших в сеть Черткова. Еще здесь Надя Иванова. Читала корректуру, мало работала, плохо мне вообще, и физически, и морально. Лев Ник. сегодня бодрее, ел с аппетитом, погулял по саду и как будто отдохнул. Играл в шахматы с этим юношей, игравшим плохо, и потому Льву Н—у весело не было с ним играть и его два раза обыграть. На дворе оттепель и гололедка, и езда ни на чем невозможна.

23 октября. Не имея *близости* Черткова, Лев Никол. как будто стал ближе со мной. Начал иногда со мной разговаривать, и сегодня мне были две радости: радости внимания к моему существованию моего прежнего, милого

Левочки. Когда рано утром уезжала Надя Иванова и началось ходьба и движение, Левочка думал, что это я хожу, и обеспокоился обо мне, что мне и сказал. А то днем он ел очень вкусную грушу и принес и мне, поделился со мной.

Надолго ли так тихо, хорошо и спокойно, как сегодня? Ездил он с Душаном Петровичем верхом в Засеку, где солдаты гоняли лисицу; утром, как всегда, занимался. Это последнее время он все писал и все был недоволен. О социализме начато, и о самоубийстве, и о безумии [148]. Не знаю, над чем он работал сегодня утром [149]. Вечером же напряженно разбирал копеечные книжечки для раздачи и подразделял их на лучшие, средние и худшие; кроме того, какие для более интеллигентных и для менее грамотных.

Ходила я с собачками Маркизом и Белкой в Заказ, по следам лошадей, где проехали Лев Ник. и доктор. Скучно осенью! Я не люблю. Прогулка меня скорей расстроила: все мои idées fixes всплывали и мучили меня.

Оттепель, нет дорог, серо, ветрено.

Много занималась чтением для издания. Плохи глаза, утомляюсь скоро, и мучает нецензурность последних произведений Льва Николаевича [150].

24 октября. Приехала барышня Н. А. Альмединген, редакторша детских журналов; приехал Гастев, живущий на Кавказе, давнишний толстовец, пришел Булгаков. Мне жаль нашего вчерашнего уединения, не так я чувствую Льва Николаевича. Он утром ошибкой окликнул проходившую Наталью Алексеевну, сначала сказав: «Софья Андреевна», а потом «Соня». Она мне это рассказала, а я и рада, что он хоть как-нибудь относится ко мне. Ездил верхом с Булгаковым слишком долго по такой ужасной, ледяной дороге, приехал усталый в 5 часов. Но вечером был бодр, много говорил о книгах, о слишком однообразном направлении изданий «Посредника». Гастев очень интересно рассказывал о бывшем любимце Льва Никол—а, сектанте (1881 г.) В. К. Сютаеве, и Льву Николаевичу приятно было слушать эти рассказы [151].

Ходила гулять с этой барышней, и вдруг на горке перед купальней видим верховых. Это был Лев Никол. с Булгаковым, и я очень обрадовалась, увидав Л. Н., так как думала о нем, о том, вернулся ли он домой без меня и не случилось ли что по этой скользкой дороге.

К вечеру дождь проливной и тепло. О Черткове сегодня ничего не слыхала, а каждое утро, до отъезда Л. Н. на его обычную прогулку, со страхом и ужасом жду, что он туда поедет, не могу заниматься, волнуюсь и успокаиваюсь только тогда, когда вижу, что он направляется в другую сторону, и тогда уже на весь день хорошо и спокойно. Разговоров о Черткове тоже у нас не бывает, и все тихо, хорошо и спокойно. Господи! Надолго ли? Спаси нас бог!!

25 октября. Встала рано, утро провела с барышней Альмединген и читала шесть листов корректур. Ездила в нашу сельскую школу; у молодого неопытного учителя 84 учеников и учениц.

Вечером приезжал сын Сережа, играл с отцом в шахматы, а потом на рояле. Приезд Сережи всегда приятен. Читала я барышне свои «Записки» девичьей жизни и свадьбы [152]. Ей как будто понравилось.

Сегодня Лев Ник. переписался с Галей Чертковой [153]. Я спросила, о чем? И теперь новая отговорка его, и он злоупотребляет этим, что забыл. Я попросила письмо Гали,— он сказал, что не знает, где оно,— и опять неправда. Скажи: «Не хочу показывать». А то последнее время эта вечная ложь, обман, отвиливанье... Как он ослабел нравственно! Какое отсутствие доброты, ясности и правдивости! Грустно, тяжело, мучительно грустно! Опять замкнулось его сердце, и опять что-то зловещее в его глазах [154]. А у меня сердце болезненно ноет; опять не хочется жить, от всего отпадают руки.

Злой дух еще царит в доме и в сердце моего мужа.

«Да воскреснет бог и расточатся враги его!»

Кончаю и надолго запечатаю этот ужасный дневник, историю моих тяжелых страданий!

Проклятие Черткову, тому, кто мне их причинил! Прости, господи.

7 ноября. 7 ноября в 6 часов утра Лев Никол. скончался.

9 ноября. Что было 26-го и 27-го, не записано, а 1910 г. 28-го октября, в 5 часов утра, Лев Ник. украдкой уехал из дому с Д. П. Маковицким. Перддог его побега был будто бы, что я ночью рылась в его бумагах, а я, хотя на минуту и взошла в его кабинет, но ни одной бумаги не тронула; да и не было *никаких* бумаг на столе. В письме ко

мне (для всего мира) — предлог — роскошная жизнь и желание уйти в *уединение*, жить в избе, как крестьяне [155]. Тогда зачем было выписывать дочь Сашу с ее приживалкой — Варварой Михайловной?

Узнав от Саши и из письма о побеге Л. Н., я в отчаянии бросилась в пруд. Меня вытащили Саша и Булгаков, увы! [156] Потом я пять дней ничего в рот не брала, а 31 октября в $7^1/_2$ часов утра получила от редакции «Русского слова» телеграмму: «Лев Никол. в Астапове заболел, 40 жара». Сын Андрей и дочь Таня — мы поехали экстренным поездом в Астапово из Тулы. До Льва Ник. меня не допустили, держали силой, запирали двери, истерзали мое сердце [157]. 7 ноября в 6 часов утра Лев Ник. скончался. 9 ноября его хоронили в Ясной Поляне.

ЕЖЕДНЕВНИКИ

1905

1 января. Вчера встретили торжественно Новый год. Хорошие итоги подвелись в отношениях со всеми. Лев Николаевич ездил верхом.

3 января. Опять писала портрет, все плохо. Переписывала вечером письма свои к Л. Н. Сколько мне было труда и дела в жизни! Льву Николаевичу нездоровится. Уехал Бирюков. Приезжал Булыгин и 2 дамы с ним. Л. Н. слаб и вял.

12 января. Писала портрет, фотографировала Льва Николаевича с лошадью и на лошади и Андрюшу. Лев Николаевич ездил в Тулу. Приехали Струменский [1-2] и Пузин.

17 января. ⟨*Москва.*⟩ В Историческом музее разбиралась в бумагах Льва Николаевича весь день. Пав. Ив. Бирюков со мной был и читал материалы к биографии Льва Николаевича [3].

21 января. Утро дома с делами. Был mr. Davitt [4]. Потом в Музее, на выборах в Дворянском собрании. Вечером опера: «Борис Годунов» с Шаляпиным. Уехала из театра в Ясную.

22 января. Приехала домой с П. И. Бирюковым. Валил снег, везде его много. Здесь Орлов, князь Тенишев, который уехал. Поиграла, переписала статью Льва Николаевича по поводу беспорядков в Петербурге [5].

24 января. Уехала Саша в Петербург. Провожала ее в Тулу; платила по книгам, получила от Стасюлевича деньги. Немного играла, шила рукавицы Льву Николаевичу. Он гулял в Засеке, Бирюков его привез в санях; смотрели портреты декабристов, историю которых читает теперь Лев Николаевич [6].

25 января. Убирала весь день и вписывала в каталоги книги библиотеки. Лев Николаевич начал новую статью «О религии» [7]. Он ездил верхом.

27 января. Уехал Бирюков. Убиралась, писала о Хаджи-Мурате под диктовку Льва Николаевича для концерта и чтения 8 февр. в пользу выходящих из госпиталей солдат [8].

29 января. ⟨*Москва.*⟩Поехала в банк, за покупками и обедала у Гагариных. Читали последнюю статью Льва Николаевича о положении дел и средствах помощи [9]. Вечер — филармонический концерт. Играл Гольденвейзер концерт Рахманинова, пел Шаляпин.

1 февраля. Приехала утром в Ясную. Весь день опять провозилась с библиотекой. Счеты, записи, хозяйство, неприятности с прислугой — как это надоело! Лев Николаевич ездил в санках один к Марии Александровне.

2 февраля. Кончила уборку книг. Много играла на рояле: 2 сонаты Бетховена, 2 сонаты Вебера, 2 ноктюрна Шопена, rondo, «Песнь без слов» Мендельсона. Была расположена и играла не очень дурно. Ходила смотреть картину Орлова. Много ошибок и в перспективе, и в группировке. А могло бы быть хорошо [10].

6 февраля. Приехал Ив. Ив. Горбунов с корректурами изречений мудрецов, собранных Львом Николаевичем [11]. Лев Николаевич ездил верхом до Басова.

7 февраля. Приезжал корреспондент «Matin» [12].

8 февраля. Начала масляными красками пейзаж того дома, копировала фотографии. Приехал Сергеенко. Болят глаза, не в духе.

Мужчины трусы, женщины хитры, террористы жестоки, война бессмысленна и жестока.

9 февраля. Писала на воздухе пейзаж. Читала Сергеенко свою автобиографию и Вере Кузминской свои стихотворения в прозе, напечатанные в «Журнале для всех» в марте прошлого года [13]. Л. Н. ходил в Овсянниково, оттуда приехал с Сергеенко.

14 февраля. ⟨*Москва.*⟩ Постыдный благотворительный концерт Глебовой с чтением отрывка из «Хаджи-Мурата» и «Войны и мира» [14]. Пустая затея, холодом повеяло, равнодушие публики.

18 февраля. Именины Л. Н. Приезжали: Горбунов и Николаев. Лев Николаевич читал вслух свою новую статью [15].

Все больна: сплю и мертва к жизни. И все то же неладное, непримиренное, неконченное — мучит.

24 февраля. Был американский корреспондент [16]. Боль не проходит. Лежу. Опять писала цветы. Изучаю по книге перспективу, трудно понять. Лев Николаевич вял, писал о Паскале [17].

4 марта. Переписывала письма свои к Л. Н. В первый раз гуляла.

5 марта. Прекрасно катались по лесам: Зося с Львом Николаевичем, я с Мишей, Лина с Сашей. Читали вечером вслух рассказ Л. Авиловой «Первое горе» [18].

6 марта. Приехал скульптор Андреев, лепит голову Льва Николаевича. Писала Сашу — плохо.

7 марта. Опять писала Сашу, чуть-чуть лучше. Шила, переписывала письма свои. Бюст Льва Николаевича плох, грубо и не похоже [19]. Л. Н. что-то не совсем хорош.

10 марта. Гуляла; утром писала красками кое-что. Укладывалась в Москву. Лев Николаевич ездил в Тулу верхом взад и вперед. Ужасался городом, монополия — вино, солдаты, городовые и церкви.

17 марта. Приехала в Ясную. Лев Николаевич здоров, все пишет статью, читает царствование Елизаветы Петровны [20].

18 марта. Написала письмо о моем взгляде на войну и на мир и послала Черткову напечатать [21].

25 марта. Приехали Гольденвейзер и Сибор. Превосходно играли весь вечер: 3 сонаты Вебера, 2 — Моцарта, 2 — Бетховена («Крейцерову»), 1 — Шуберта и еще маленькие вещи. Сибор уехал.

10 апреля. Приехал Лева, Миша Стахович. Интересные рассказы.

14 апреля. Была первая гроза. Гуляла с Таней и Марусей, работала весь день в саду. Шел дождь. Тихо, меланхолично в природе, но хорошо! Люблю весну. «Ты нежная, ты счастье мне сулила на этой суетной земле» [22].

15 апреля. Льву Николаевичу нездоровится, печень болит. Дочери вялы. Приезжал Барков, корреспондент «Биржевых ведомостей».

16 апреля. Весь день на воздухе: гуляла с Таней и Юлией Ивановной. Потом все по хозяйству ходила с приказчиком и одна. Л. Н. нездоровится, но он все-таки много ездил верхом. Прочла статью Сергея Ивановича по поводу увольнения Римского-Корсакова. Сухо-логично [23].

17 апреля. Светло-Христово воскресение. Приезжал И. К. Дитерихс и Марья Александровна. Фотографировали меня в кресле и Льва Николаевича и др. Л. Н. лучше.

18 апреля. Весь день на воздухе, гуляла с Марусей; вечером слушала ее же пение. Чистила палисадник того дома. Играли в винт, много смеялись, а я шила. Проявляла днем фотографии. Лев Николаевич ездил верхом, вечером читал жизнь Henry George'а [24] и слушал пенье Маруси Маклаковой.

22 апреля. Получила перевод своего письма в «Times» о войне от Черткова и радуюсь. Поиграла немного. Погода стоит ясная уже неделю. Цветут медунчики, желтые цветы. Три раза принесли сморчки. Листики кое-где распустились.

27 апреля. ⟨*Москва.*⟩ Покупки, дела, передвижная выставка. Очень интересна мне теперь живопись [25]. Вечером уехала в Петербург.

28 апреля. В Петербурге остановилась у сестры Тани. Поехала к Леве, дети — шведы, чужды, увы! Пошли с Дорой на выставку портретов в Таврическом дворце. Великолепно [26].

1 мая. Приехала в Ясную в начале 8-го часа вечера. Встретили Саша и Андрюша. Дома тихо, соловьи поют, зелено, пасмурно и безжизненно. Очень грустно смотреть на Андрюшу. Нездоровится, грипп.

7 мая. Ходили смотреть лес, Круглый березник; устала, нездоровится. Лев Николаевич трогательно выехал ко мне навстречу в пролетке.

12 мая. ⟨*Москва.*⟩ С утра дела с артельщиком и уплата в типографию Кушнерева и за бумагу Говарду 10 159 р. Приходил П. А. Буланже, ездили с ним в Исторический музей. Потом покупки, дела, и ездила вечером на могилки детей. Разбили ангела ребята. Сажала цветы.

13 мая. Приехала утром в Ясную. Свежо и пасмурно. Гремел гром, днем стало теплей. Приехал бельгиец Sarolia [27] и Давыдов. Здесь Надя Иванова. Ходила много по хозяйству, разбирала бумаги и счеты из Москвы.

15 мая. С утра жарко, бродила всюду, восхищаясь природой, цветами и красотой весны. Соображали с Львом Николаевичем и Андрюшей, как провести проволочную ограду. Читали с Анной Алексеевной «Молитву», написанную Львом Николаевичем [28].

16 мая. Усиленно занималась разборкой книг и писем к Льву Николаевичу, для того чтобы свезть в Москву, в Исторический музей. Очень устала. Л. Н. нездоровится.

22 мая. Разбирала, записывала письма. Ездила за Львом Николаевичем на шоссе к мосту. Он принес ландыши и васильки.

25 мая. Лев Николаевич ездил верхом, благополучно от бури. Приехал Н. Н. Гусев, А. Н. Дунаев и Гольденвейзер. Усиленно записывали и укладывали письма.

27 мая. Ездила с Юлией Ивановной на Козловку, отправила в музей Исторический все письма к Льву Николаевичу. Л. Н. нездоровится. Вечером поиграла немножко, пальцы не идут, а Чертков хвалил мою игру.

30 мая. Болтала с сестрой Таней, переписывала письма Левочки к ней в молодости. Сережа играл, Таня немного пела. Приезжал корреспондент «Руси» и Андреев-скульптор [29].

2 июня. ⟨*Москва.*⟩ С утра пришла Маруся. Убирала с ней в Историческом музее письма. Уехала вечером домой.

3 июня. Вернулась утром в Ясную. Пропасть народу: Маша Эрдели, семья Тани Сухотиной, друзья Черткова и проч. Лежала в кресле весь день, больна.

4 июня. Опять в кресле весь день. Уехали Чертков [30], Брикс, Жозя, Юша Оболенский с женой, скульптор Андреев и проч. Приехали Бирюковы из Швейцарии.

7 июня. Приезжали Цуриков с сыном, Горбов, Анночка с француженкой, Кристи. Читали предисловие к «Душечке» [31] и письма разные вслух.

9 июня. Лев Николаевич ездил верхом в Таптыково и обратно. Вечером рассказывал П. И. Бирюкову о посещениях Оптиной пустыни [32], о защите солдата [33]. Читал вслух былину из своей «Азбуки» — «Микула Селянинович» и рассказывал, как он их составлял [34].

13 июня. Приехал ко мне с утра профессор Снегирев с Алексеем Митрофановичем. Приезжал сын Миша, Романовский, Гольденвейзер, приехал Сережа-сын. Лев Николаевич читал вслух рассказ свой «Ягоды» [35].

16 июня. Немного писала историю своей жизни, лежала почти весь день, только на фортепьяно поиграла до обеда. Приходили: Горбунов, Николаев, Крузе, Бирюков. Прекрасно пишет Похитонов въезд в усадьбу. Лев Николаевич нездоров. Ездил верхом на новой глебовской лошади.

21 июня. С утра сильные боли, лежала весь день. Телеграмма от Снегирева, приезжает завтра. Приехал мой Лева, и я очень обрадовалась. Льву Николаевичу лучше, он ездил верхом в Тулу.

23 июня. Лежала весь день. Лев Николаевич ездил к Джонсу и Гольденвейзеру верхом и купался.

27 июня. Весь день читала свои письма к сестре Тане 60-х годов. Была Завалишина-декабриста дочь [36].

7 июля. Штукатуры кончили работу в 4 часа дня. Совсем не спала ночь. Лев Николаевич купался, и я тоже вечером в 1-й раз. Печатала фотографии и проявляла фокусника. Вписала в каталог негативы. Читали рассказ Горького вслух [37].

8 июля. Убирала книги. Купалась с Ольгой. Лев Николаевич ездил верхом в Таптыково. Покушение на Победоносцева [38].

18 июля. Л. Н. гулял и купался. По вечерам для П. И. Бирюкова он диктует Саше свои воспоминания жизни для «Биографии», и Бирюков записывает [39]. Я переписывала свои письма к Л. Н. и кончила разбор голодающих годов [40].

20 июля. Ильин день. Ездила с Марьей Николаевной в Овсянниково, привезли с собой М. А. Шмидт. Еще приезжал Лебрен, Буланже. Переписывала свои письма, гуляла,— и только.

Лев Николаевич вечером вслух читал изречения мудрые из своей книги [41].

21 июля. Ходила гулять за грибами и кругом на купальню. Купалась. Вечером вырубала, выпиливала акации, освобождала Ванечкины дубки. Приехал Ф. А. Стра-

хов. Были Гольденвейзеры вечером. Лев Николаевич ездил верхом по лесам, играл в шахматы с Гольденвейзером, писал.

27 июля. Были 2 генерала: Бестужев и Кун. Лев Николаевич с Бестужевым спорил о веротерпимости, о революции.

29 июля. Были Гольденвейзеры, студент и Лебрен у Льва Николаевича. Гости мешают всякому настоящему делу. Лев Николаевич вечером читал нам вслух Герцена [42].

3 августа. ⟨*Москва.*⟩ С утра опять счеты, разговоры с Панченко и заказы бумаги и печатания 2-й книги и «Детства». Вышла из печати «Азбука». В 5 часов дня уехала в Ясную, приехала в 12 часов ночи. Занималась до 4-х часов ночи. Лев Николаевич с Сашей и доктором уехали в Пирогово.

8 августа. Утром и завтрак у Маши в Пирогове. Уехала с Львом Николаевичем и доктором в Ясную. Вечером приехали Анненкова и М. А. Шмидт и учитель с медом от Буткевича, 10 фунтов. Играла в 4 руки Гайдна симфонию. Л. Н. одобрил.

9 августа. Вечером тяжелый разговор с Л. Н. Несправедливые упреки, злоба и опять тоска жизни, сутолка и отсутствие досуга [43]. Приходил Николаев и Лебрен. Саша уехала в Таптыково. Погорелые, шведка, мастеровые, нищие, темные...

10 августа. Вечером разбирала старые фотографии, и Лев Николаевич радовался на них, вспоминая старину. Мы опять дружны.

12 августа. Приехали Кузминские и Языковы. Был Снегирев. День с гостями. Вечером Лев Николаевич играл в шахматы с Олсуфьевым и Гольденвейзером, который позднее играл Шопена études, barcarolla и проч. Еще Лев Николаевич читал всем вслух Герцена.

14 августа. Вечером Гольденвейзер играл с женой в 4 руки симфонию Гайдна. Лев Николаевич восхищался. Играл в шахматы, немного почитал нам вслух Герцена. Хорошо проведенный день, и оба здоровы.

15 августа. Приезжал на весь день умный и живой француз Joseph Reinack. Лев Николаевич ездил верхом с французом и Олсуфьевым и очень много говорил.

16 августа. Ушла с утра в сад, искала красивого вида с черным стеклом, чтоб писать масляными красками. Увлеклась рубкой и пиленьем ненужных ветвей и кустов. Был у Л. Н. американец; он с ним уехал в Овсянниково. Оттуда пришел усталый. Переписывала свои письма. Был Гольденвейзер. Л. Н. играл весь вечер в шахматы.

22 августа. Мое рождение, мне 61 год, а старости настоящей совсем не чувствую. Приезжали Кузминские, Эрдели, Мария Александровна. Я была сегодня всем рада. Переношусь чувствами невольно к прошлому, а наболелое в последние года порою незаметно уходит из головы.

26 августа. Весь день заботы о приезде гостей к 28-му. Скучно и трудно. Льву Николаевичу лучше. Он не одобрил моего детского рассказа, и я огорчилась.

27 августа. Лев Николаевич довольно бодр, читал нам вслух рассказ Герцена.

28 августа. Рождение Льва Николаевича, ему 77 лет. Чудесный летний день, летают паутины. Приехали: Таня и Михаил Сергеевич и Миша Сухотины, Илья, Соня и Анночка, Марья Александровна, Коншин, Горбунов, Гольденвейзер, Булыгин, княгиня Волхонская, княгиня и князь Черкасские, Болдырев, Таня-сестра с мужем и сыном, Дунаев и проч., и проч. Винт, пенье, разговоры. Утомительно.

30 августа. Писала масляными красками грибы. Ездила к Звегинцевой, читала вслух «После бала» [44]. Приезжал Штанге.

31 августа. Приехали Саломон и Бирюков с сыном. Лев Николаевич читал вслух «Конец века» [45]. Он здоров, бодр, ездил верхом.

Писала белые грибы у дуба, набросала карандашом контур своего портрета. Хочется столько сделать всякой работы, и ни времени, ни свободы нет.

4 сентября. Писала немного историю своей жизни, играла в 4 руки симфонию Гайдна с Соней Мамоновой. Лев Николаевич ездил верхом на почту в Ясенки, к вечеру жаловался на старость.

7 сентября. Прислали за доктором к Маше. Лев Николаевич все работает над статьей «Конец века». Кроме того, ему прислали корректуры изречений мудрецов и «Ягоды». Он усиленно занят. Ездил верхом. Я писала пейзаж «Пруд», и менялось все ежеминутно. Трудно. Переписывала письма, вязала, копала кусты. Известие о выходе Сергея Ивановича из консерватории [46].

12 сентября. Переписывала письма Льва Николаевича к Тане Кузминской. Невралгия и боль в правой стороне лица.

Читали вслух Льва Николаевича «Воспоминания» об отце и тетеньке Татьяне Александровне Ергольской. Превосходно, художественно, полно чувства; я плакала и точно встретила прежнего любимого мужа-художника [47].

13 сентября. Опять читали вслух «Биографию» Льва Николаевича; местами плохо, хороши выписки из дневников и писем.

Вечером читала свои письма, делала выписки. Л. Н. ездил верхом по лесам, играл вечером в винт.

14 сентября. Уехал Сергеенко. Негодовала на «Биографию» Л. Н., написанную П. И. Бирюковым. И Л. Н. недоволен ею. Нескромно письма к В. В. Арсеньевой [48].

19 сентября. Вечером Лев Николаевич прочел отрывок Taine'a [49], и я играла два квинтета Моцарта в 4 руки с Надей Ивановой.

23 сентября. Свадебный день, 43 года мы женаты. День прошел не так, как бы хотелось. Занималась фотографией — Лев Николаевич и я. Вечером и к обеду гости.

24 сентября. Дождь льет, везде трясина, картофель не вырыт — прямо наваждение. Писала мухоморы, ходила 2 раза их глядеть. Копировала фотографии. Вечером пере-

писывала свои письма и читали все по очереди вслух статью Льва Николаевича «Конец века». Были: немецкий профессор богослов Андреас, и Стефанович[50], и немка.

25 сентября. Буря, ветер страшный целые сутки. Писала масляными красками мухоморы весь день. Лев Николаевич ездил верхом, играл в шахматы с Сухотиным. Говорил, что очень доволен своей статьей «Конец века».

30 сентября. ⟨Москва.⟩ Кончила утром дела. Вернулась рано, ходила по саду, спала. В 5 часов пришел Сергей Иванович, пили чай вместе и 2 часа поправляли письмо к вел. кн. Константину Константиновичу о консерваториях[51]. Объяснение о прошлом: «Мысли мои обращались к вам, а я дорожил Никишем и Чайковским». Было хорошо и дружелюбно. Уехала домой.

1 октября. Приехала в Ясную. Все радостно дома. Лев Николаевич бодр и здоров. Л. Н. играл в винт, гулял по лесу. Прочли вслух рассказ «Корней Васильев»[52].

3 октября. Приехали: Бутурлин, Никитин, Беркенгейм. Гуляла. Спускают средний пруд, таскают срубленные Л. Н. деревья. Мне жаль, что срубили. Лев Николаевич читает историю Александра I, думает что-то писать[53].

4 октября. Танино рождение. Лев Николаевич нам читал вечером рассказ Горького — плохо[54]. Потом Герцена — какой блестящий слог; и мысли так и летят. Писала в канаве мухоморов.

6 октября. Опять дождь весь день и 2—4 град. тепла. Шила на машине простыни. С утра, еще не одеваясь, писала историю своей жизни. Приехала барышня с ремингтоном переписывать мои письма к сестре Тане. Лев Николаевич ездил к Марии Александровне, читает историю Александра I и Павла[55]. Играл в винт.

7 октября. Ходила за рыжиками с Парасей Ге, набрали крупных 2 полных корзины; намокли. Уехали: Бутурлин, Никитин, Беркенгейм. Лев Николаевич бодр, прекрасно рассказывал. Поминал, как в Казани они жили против острога, и думал, как бы интересно узнать жизнь каждого живущего там.

9 октября. Ездила с Сашей, Парашей Ге и Верочкой за рыжиками в казенный лес, их очень много, и было очень весело их сбирать. Лев Николаевич нездоров. Весь вечер шила и читали вслух повесть Куприна «Поединок» [56]. Воспоминания — поредевшие волосы, счастье близости (повесть).

11 октября. Забастовка на железных дорогах продолжается. Писала историю своей жизни успешно. Написала 26 страниц. Вечером читали вслух Куприна «Поединок».

12 октября. Забастовка продолжается. На Козловке-Засеке стоит курский поезд и 110 человек пассажиров, которых кормят и которые живут в вагонах и на станции. Писала усиленно историю своей жизни. Вечером Сережа и Лев Николаевич читали вслух «Поединок» Куприна. Всем нездоровится. Я охрипла.

13 октября. В Ясной Поляне все продолжается тиф. Умерла еще баба, это 5-й случай, а переболело человек 60.

Писала, играла сонату Вебера, читали вслух и кончили «Поединок».

17 октября. Напряженное состояние ожидания: родов Тани, окончания забастовок и движения поездов. Заболел Лев Николаевич. Сделалось дурно, он упал на крыльце кухни с ведром. Приехал из Тулы Миша с известием о полной революции в Туле, Москве и Петербурге [57].

19 октября. На деревне все тиф, новые заболевания. Лев Николаевич ездил верхом до Басова, привез известие о манифесте (конституции) [58]. Саша была в Туле. Там толпа, крики «ура!». Пенье, музыка, всех рабочих на 4 дня распустили. Флаги, торжество.

22 октября. Читала Мих. Серг. Сухотину историю своей жизни, и он хвалил. Играла опять сонаты Бетховена, переписывала вечером письма мои к Льву Николаевичу. Л. Н. ездил верхом к тульской заставе; в Туле сегодня спокойно. Вечером Лев Николаевич читал нам из Герцена о революции; умно и всегда будет современно [59].

24 октября. Весь день разбирала письма свои к сестре Тане, их переписывает на ремингтоне барышня Лютецкая как материал для «Биографии» Льва Николаевича [60].

31 октября. Приезжали: Щербаков, Звегинцева и Корвет. Лев Николаевич весь вечер до часу играл в винт с гостями. Кончает и поправляет статью «Конец века».

2 ноября. Меня взволновала статья о Л. Н. в «Московских ведомостях». Я написала статейку, но еще не послала печатать [61].

3 ноября. Разбирала одни письма, перечитывала другие, переписывала третьи. Шила. Неприятный разговор с Л. Н. о письме Бирюкова по поводу арсеньевских писем. Все люди хитрят, а этого-то я и не выношу [62].

6 ноября. Благополучно родилась у Тани дочь в 12 часов дня [63].

7 ноября. Таня с дочкой хороши. Лев Николаевич жалуется к вечеру на слабость. Поправляет «Божеское и человеческое».

8 ноября. Читала трогательные письма моего отца ко мне и Льву Николаевичу как материал для истории моей жизни. Совсем больна, кашель, слабость. И Л. Н. нездоровится, но ходил далеко по шоссе. Усиленно исправляет по гранкам «Божеское и человеческое».

10 ноября. Вечером переписывала письма и много играла с удовольствием — 2 сонаты Бетховена и кое-что Chopin. Все пока благополучно. Лев Николаевич здоров, читает историю убийства Павла I [64], пишет все «Божеское и человеческое» для Черткова [65].

22 ноября. Приезжал немец, корреспондент газеты — Hess.

23 ноября. Писала долго свои записки. Приезжали Гудим-Левкович, Гусев и Поступаев [66].

26 ноября. С утра долго спала; потом писала пейзаж. Приехал Сулержицкий с актером Художественного театра [67].

27 ноября. Приезжал Ювачев, бывший в одиночном заключении полтора года и 8 лет на Сахалине [68]. Писала пейзаж.

29 ноября. Привезли много газет, дела в России плохи. Берут деньги из банков, грабят помещиков, бунтуют матросы и войска. Правительства нет.

1 декабря. Рисовала масляными красками грибы для сестры Тани. Переписывала письма свои к Л. Н., собираюсь в Москву. Лев Николаевич пишет «Свободы и свобода» и еще мелкие статьи [69].

3 декабря. ⟨*Москва.*⟩ Дела с Макаренко по книгам и новым изданиям «Детства» и «Войны и мир».

4 декабря. С утра в Третьяковской галерее. Многое даже волновало. Камерный концерт: трио Сен-Санса и соната с виолончелью Рахманинова. Потом была у Олениной, у внуков, обедала у Масловых, вечером читала им вслух «Корней Васильев».

5 декабря. Опять покупки и дела. Выписывала материалы в Историческом музее. Вечером уехала в Ясную.

6 декабря. Приехала в Ясную. Тут Гольденвейзеры, Николаев, Оболенские, Сухотины. Вернулся Андрюша, приехал со мной Сережа. Очень — слишком — людно; обедало 18 человек. Гольденвейзеры играли.

15 декабря. Убирала книги, шила на машине белье, читала, переписывала, всего понемногу. В Москве баррикады и стрельба. Почта и дороги все бастуют [70]. Льву Николаевичу очень нездоровилось ночью, и утром еще, но к вечеру лучше.

16 декабря. Лев Николаевич гулял, ходил на Козловку, оттуда приехал. Кончила переписывать свои письма к Льву Николаевичу. Шила, слушала чтение вслух Герцена.

17 декабря. Ездил Андрюша в Крапивну, его освободили от солдатчины. Начала писать свой портрет. Не могу отделаться от тоски, хотя грешно унывать. Льву Николаевичу сегодня хорошо. Читали опять Герцена.

27 декабря. Писала портрет, сидела с гостями. Саша делала елку для детей служащих, и потом они рядились. Льву Николаевичу нездоровится, играл в шахматы.

29 декабря. Опять портрет. Читали вслух о якобинцах — Тэна [71].

31 декабря. Писала портрет: то порчу, то исправляю, то опять порчу. Лев Николаевич пишет статью о правительстве, революции и проч. [72]. Ездил сегодня верхом, а я ходила гулять и его встретила. Танюшке лучше, она спит, меньше кричит и улыбается. Конец тяжелому году войны, революции и зла.

1906

9 января. Ходила по Заказу гулять с Львом Николаевичем и Гольденвейзерами. Саша, Коля и Сухотины на Дворянском собрании в Туле. Писала ночной пейзаж немного; шила ночную рубашку.

Играл вечером Гольденвейзер: «Davidsbündler» Шумана и ноктюрн и балладу Шопена, очень хорошо. Он с женой уехали в Москву.

10 января. Писала пейзаж — вечер, немного шила — и больше ничего. Лев Николаевич ездил по деревням к знакомым крестьянам и узнавал о их нуждах [1]. 7 град. мороза, тихо, иней. Я выходила вечером проверять тона моей картинки — в природе.

11 января. Убирала весь день книги и журналы за прошлый год. Льву Николаевичу нездоровится, но он ездил верхом на Козловку.

13 января. Уехали за границу Саша, Маша с Колей, М. С. Сухотин с доктором Грушецким.

15 января. ⟨*Москва.*⟩ Была в концерте Керзина [2] — романсы Танеева. Обед с ним у Керзиных. Читали статью Льва Николаевича «Правительство, революционеры, народ» [3]. То же читала вечером у Масловых.

16 января. Свезла статью Льва Николаевича к Давыдову для напечатания в «Русской мысли» или еще где-нибудь: «Правительство, революционеры, народ», и объявление в газеты об обращении к Черткову издателей сочинений Л. Н. [4].

Была у Лины, видела внуков-близнецов. Была у Юнге и в Большом театре. Давали Рахманинова 2 музыкальные картины: «Скупой рыцарь» и «Франческа да Римини».

18 января. Исторический музей, покупки, обед у Глебовых.

Вечером был Давыдов, утром — Керзина, читали друг другу записки: она — о Стасове и музыкальные кружки [5], я — свою жизнь.

Вечером уехала в Ясную.

21 января. С утра портрет. Гуляла после обеда с Таней, Юлией Ивановной, Наташей и Дориком. Играла в 4 руки с Наташей, потом с Львом Николаевичем квинтеты Моцарта.

29 января. Копировала и наклеивала фотографии Танюшки. Гуляла с Буланже.

Приезжали: англичанин К... [6], Булыгин, барышня Зубрилова и Буланже.

Л. Н. ездил верхом, играл в винт. Он написал на днях легенду [7].

1 февраля. Приехала в Москву. Обедала с Сережей дома, вечер — у Глебовых, милые внуки, Миша, Лина. Позднее к Масловым, читали «Ягоды», «Корнея Васильева», послесловие «Душечки» [8] и легенду вслух. Были: П. И. Якоби, С. И. Танеев, Скуратов и хозяева.

3 февраля. Все утро занималась с Буланже-братом в музее, писала реестр ящиков и приводила все в порядок. Потом покупки, обед у брата Саши и концерт Гольденвейзера.

6 февраля. В Ясной. 10 град. мороза, солнце. Писала портрет и убиралась, счеты сводила. Ходила во флигель убирать для гостей. Ездила в лес за Львом Николаевичем.

8 февраля. Были: Николаев и Наживин. Приехал вечером Сергей Иванович Танеев.

Начала писать еще копию с пейзажа Похитонова [9].

11 февраля. Опять писала пейзаж. Фотографировала. Ходили все гулять к колодцу. Читали вслух отчет о бакинских беспорядках — Кузминского [10]. Сергей Иванович и Гольденвейзер играли мне в 4 руки симфонию Танеева. Вечером они играли на 2-х роялях 9-ю симфонию Бетховена и опять сюиту Аренского.

13 февраля. Вернулся Андрюша. С утра метель страшная и 14 град. мороза. Копировала фотографии Танеева и Гольденвейзера. Плохи. Писала свои «Записки».

Лев Николаевич почти весь день дома, читал и рассказал нам японский роман, присланный ему по-английски [11].

Вечером играли в 4 руки трио Гайдна и 2-ю симфонию Моцарта. Потом немного шила.

14 февраля. Весь день копировала фотографии. Внучка Танюшка делается мила и бодра. Приезжал профессор из Варшавы и сын Илья. Читал свою повесть любви [12].

Тоскливо на душе. Лев Николаевич ездил верхом, читает японский роман и историю Павла I.

15 февраля. Копировала фотографии и ходила в Чепыж еще снимать виды.

Читали вслух по-французски «Смерть императора Павла I» [13].

16 февраля. Опять фотографии для Сергея Ивановича и Гольденвейзера. Шила белье на машине. Сфотографировала дом и флигель.

Лев Николаевич лесами ездил верхом, вечером читал нам вслух детство императора Павла I, «Записки» Порошина [14].

23 февраля. Писала историю жизни Ванечки и свою. Метила полотенца и чулки. Играла с Наташей в 4 руки Моцарта, увертюры Мендельсона и др.

24 февраля. Усердно писала весь день свою автобиографию и довольна своей работой.

25 февраля. Плохо занималась своим писанием. Встала рано, пошла гулять одна в лес, в Заказ. Вечером до поздней ночи шила белье.

Лев Николаевич кончил рассказ «За что?» [15], писал письма, гулял и играл вечером в винт с Таней, Андрюшей и Сухотиным.

26 февраля. Опять с утра гуляла к колодцу, потом много и дурно писала. Прочла рассказ Льва Николаевича «За что?», только что оконченный, очень хорош. Играла час.

Вечером шила, а наши все играли в винт.

28 февраля. Ветер, холод, всем нездоровится. Шел снег, метель. Таня ездила с Юлией Ивановной в Овсянниково, Лев Николаевич верхом по лесам. Шила весь день. Играли с Наташей в 4 руки C-dur симфонию Шуберта. Вечером читали вслух: «Шлиссельбургская крепость» и «Монастырские тюрьмы» Ювачева. Хорошо [16].

Лев Николаевич сказал 24 февраля: «Мне неприятно, что продается на улицах моя «Солдатская памятка» [17], я желал бы, чтобы мои мысли были приняты всецело, а не пользовались бы частью их для целей мне чуждых».

1 марта. Опять ветер, и очень сильный к ночи, насыпало снегу, 4 градуса мороза. Писала историю своей жизни, играла с Наташей симфонию Шуберта и квинтет Моцарта. Шила, Лев Николаевич мне почитал немного вслух Вересаева о войне [18].

4 марта. До обеда переписывала повесть новую Льва Николаевича «За что?». Потом заболела и слегла.

7 марта. Приехали: Маруся Маклакова, Е. Ф. Юнге с сыном, Salomon и Carbonel [19], Александри, два юноши. Здоровье получше. Ничего весь день не делала.

9 марта. Дописала копию с крымского вида [20], читала Е. Ф. Юнге свои «Записки»; она одобрила. Опять шила вечером.

Лев Николаевич ездил верхом, играл в шахматы с Сухотиным, читал нам вслух «Мысли мудрых людей».

Неприятно, что печатает все запрещенные прежде сочинения какой-нибудь Аскарханов [21].

11 марта. Приехал Сергеенко с дочерью. Читал мне биографию Льва Николаевича и обо мне. Довольно верно и недурно [22]. Уехала вечером в Москву.

14 марта. ⟨*Москва.*⟩ Приходил Сергеенко, и мы обсуждали печатание запрещенных сочинений Л. Н. [23]. В музее Сергеенко меня измучил просьбами о материалах. Концерт памяти Аренского. Играл С. И. Танеев.

15 марта. С утра в музее делала выписки из писем к гр. А. А. Толстой Льва Николаевича. Обед у Масловых, потом была у тетеньки. Читала повесть Льва Николаевича «За что?».

17 марта. От 11—3 в музее. Поручила Макаренко пересмотреть прежде запрещенные сочинения.

18 марта. От 12—2.30 в музее. Обед дома, беседа с И. И. Горбуновым о новом издании.

24 марта. Ясные дни. Писала много свою автобиографию. Трудно!

27 марта. Известие, что М. С. Сухотина выбрали в Думу [24].

Приезжал собиратель денег на раненых и увечных именем императрицы, но Лев Николаевич денег не дал. Проявляла фотографии. Лев Николаевич был в Туле верхом.

28 марта. Весь день наклеивала и копировала фотографии. Лев Николаевич гулял; очень заинтересован чтением истории Екатерины II и Павла I [25].

29 марта. Опять ясный день. Много писала историю своей жизни: выходит что-то малоинтересно. Л. Н. гулял, писал, читал. Вечером приехали: князь Г. Е. Львов, Н. С. Лопухин, Ф. И. Гаярин и Ф. Е. Арбузов. Было очень приятно; свои.

30 марта. Приезжал М. А. Стахович с Владимировым. Читала Стаховичу историю моей жизни. Шила, фотографировала Льва Николаевича с Стаховичем и Сухотиным. И еще Танюшку с дедом и отцом.

6 апреля. Приехали Д. Д. Оболенский, П. А. Сергеенко и И. К. Дитерихс. Сергеенко читал «Биографию».

15 апреля. Чудесная весенняя погода. Льву Николаевичу все дни нездоровилось, сегодня лучше. Играл в винт, был сонлив. Пишет статью, вызванную чтением книги Д. А. Хомякова «Самодержавие» [26].

19 апреля. Убирала зимние вещи, немного гуляла и много шила. Погода удивительная, тепло, ночью 12 град.; соловьи и кукушки поют.

Вернулся Андрюша. Лев Николаевич дал переписать Саше статью по поводу «Самодержавия» Хомякова. Он далеко ходил гулять.

27 апреля. Все шила Л. Н., немного гуляла, устраивала для семьи Левы флигель и павильон для Сережи. Был музыкант Клечковский [27] и два чужих человека к Льву Николаевичу.

30 апреля. Приехал сын Сережа. Играла в 4 руки с Н. Ивановой квинтеты Моцарта. Гроза, дождь, стало свежей, но соловьи поют, яблони облетают; вся земля в белых лепестках.

Лев Николаевич сажает апельсинные семена в ящики и радуется на ростки.

1 мая. Гроза. Стало свежо; ночью 5 град. Приезжали: Наживин, Лебрен, сын Илья. Споры отца с сыновьями [23].

10 мая. Приезжали Моод и Шанкс. Жарко очень; купалась с барышнями, пришла домой пешком. Л. Н. ездил купаться верхом.

21 мая. Троицын день. С утра с внучатами. Бабы, песни, хороводы.

Приехал сын Миша и скульптор Андреев. Вечером пенье, игра, пляски — веселье молодости.

23 мая. Опять все просветлело, солнце, синее небо и свежесть в воздухе. Ходили все купаться. Лев Николаевич сажал по очереди внуков Палю и Никиту на лошадь и Таню Денисенко.

Человек, который любит, и поэт умеют найти и указать на лучшие стороны любимого существа.

24 мая. Лев Николаевич все сопоставляет настоящие события с Французской революцией по Тэну [29].

25 мая. Жарко, купались с Дорой и внуками, и Таня. Лев Николаевич сажает семечки апельсин и лимонов и, следя за ростками, строит целую теорию человеческих и всяких жизней.

Любуюсь природой, цветами, детьми, но глупа и ленива.

27 мая. Встала поздно, купалась, ходила в срубленную посадку, цветы прелестны. Сильная гроза, град и обильный дождь.

Лев Николаевич купался, читал нам вслух Руссо «Confession d'un Vicaire Savoyard», еще из английской книги о революции отрывки [30].

31 мая. ⟨Л. Н.⟩ пишет все ту же статью «О самодержавии», вызванную статьей Хомякова.

1 июня. Пасмурно, купалась, шила. Много хозяйничала и распоряжалась по яснополянскому хозяйству.

Лев Николаевич говорит, что прогресс и цивилизация в промышленности (машины) возможны при насилии, рабстве капиталу и невозможны при христианской жизни, где должна быть взаимная помощь.

6 июня. Был Беляев, корреспондент «Нового времени» [31]. Ни писать свои записки, ни писать масляными красками, ни поиграть — ничего нельзя, вся настоящая жизнь загорожена толпой людей бездельных. Уехал Беляев.

7 июня. Завернул холод. Сидели все дома; я занималась внуками; хорошо писалось мне и хорошо поправляла историю моей жизни.

12 июня. Стало свежей. Катались с Стаховичами на Груммонт и кругом. Дополняла каталог фотографий. Лев Николаевич поправлял корректуру «Нового времени», свой разговор с Юр. Беляевым о политике и земельной собственности [32].

17 июня. Хозяйничаю, занимаюсь пустяками, а все времени ни на что нет. Приехал настоящий японец — писатель [33].

19 июня. Успешно писала историю своей жизни, кое-что мне напомнил и рассказал Лев Николаевич.

20 июня. Вечером Лев Николаевич читал вслух свою статью, отрицательную по отношению настоящих политических дел и с советами не повиноваться народу *никакой* власти. Статья мне не нравится: какая-то наивная идеализация и неискренно [34].

22 июня. Заболел с утра Лев Николаевич. Жар 38 и 2.

24 июня. Приехал утром доктор Беркенгейм. Жара ужасная. Купались весело. За обедом поздравляли жениха Сережу и невесту, Машу Зубову. Вечером пенье, пляска Андрюши, балалайки, гитары и проч.

29 июня. Укладывалась в Москву. Уехали с Сашей в Москву на свадьбу Сережи.

30 июня. ⟨*Москва.*⟩ Приехали с опозданием в Москву. Андрюша, Илья сказали, что свадьба в 12 часов. Спешили, одевались, пришла Маруся, поехали все в нашу церковь Знамения в Зубове. Свадьба веселая, обед у Зубовых, милый гр. Александр Васильевич Олсуфьев. Провожали на железную дорогу, за границу Сережу и Машу.

6 июля. Стало очень холодно и ветер северный. Рожь свезли, овес кое-где косят, пошли опять грибы.

Хорошо писала свои «Записки», кончила 1870-й год.

7 июля. Очень заболел Андрюша, жар 38 и 8. Приезжал доктор Афанасьев. Были: Гольденвейзер с женой, 2 японца [35], Кристи Володя, еще товарищ Фельтена. Утомительно! Купалась, вписывала книги.

9 июля. Все грустно, Пете хуже, был доктор Сухинин. Писала свои «Записки». Хозяйство Ясной Поляны все хуже и все убыточнее; не умею и не люблю. Приходил Лебрен. Л. Н. вял и невесел.

16 июля. Пете хуже, опять жар; в настроении всех в Ясной Поляне что-то тяжелое, и мне весь день хочется плакать. Лева нервен ужасно и встревожен о сыне. Тепло, ясно. Шила весь день странникам рубашки, бродила в тоске. Лев Николаевич весь сжался, но работает, а я не могу.

19 июля. Шила странникам рубашки. Приезжала чужая дама, Никольская, за советами к Льву Николаевичу. Он поправлял корректуры «Круга чтения».

21 июля. Андрюша вечером уехал в Тамбов. С утра варила из яблок мармелад. Приезжал Н. В. Давыдов. С ним очень приятно. Играл вечером Гольденвейзер сонату Бетховена, полонез и др. Шопена. Шила рубашки.

Лев Николаевич купался, беседовал с Добролюбовым. Приходили к нему два революционера, молодых мужика.

23 июля. Неприятности по поводу украденных дубов крестьянами. Приехали Сергеенко и Чертков. Расстроил меня Лев Николаевич [36].

27 июля. Встала рано, проводила всю семью Левы в Швецию. Очень грустно, но я крепилась.

Писала свои «Записки», часа два с половиной играла сонату Вебера, ноктюрн Шопена и «Песню без слов» Мендельсона. Убирала все в «том доме», вечером шила.

30 июля. Ездила на Козловку к Занфтлебен и в Овсянниково к Горбуновым. Привезла Ивана Ивановича. После обеда пришли все четверо Гольденвейзеров. Лев Николаевич читал вслух статью свою «Две дороги». Мечты об общей христианской жизни. Как всегда — отрицательная сторона сильна, положительная слаба. Leroy-Beaulieu сказал про русскую революцию, когда был у нас: «Vous en avez pour 50 ans *» [37], а Лев Николаевич хочет ее остановить статьей о любви людей и анархией.

1 августа. Весь день дождь и гроза, и весь день я усердно писала свои «Записки». Лев Николаевич ездил верхом в Ясенки узнавать о вдове [38]. Саша ездила брать свой урок музыки. Лев Николаевич все возится с своей неудачной, по-моему, статьей «Две дороги».

---

* Вам ее на 50 лет хватит *(франц.)*.

3 августа. Ходила купаться и за грибами, ездила к Гольденвейзер и шила. Лев Николаевич тоже купался, читал много газет и «Review of Reviews». Ужасается событиям и бомбам. Говорил о Герцене, что если б его не сослали, за ним шла бы молодежь и он правильно привел бы ее к тому, к чему сам пришел под конец. Еще говорил о своих антипатиях: Чернышевском [39] и Спенсере [40].

5 августа. С утра бегала купаться на Воронку. Косят гречиху, сеют рожь, собирают яблоки. Обрадовала нас своим приездом Таня, потом Михаил Сергеевич.

7 августа. Уехали все: Таня с мужем с утра к себе домой; Лев Николаевич, Чертков, Саша и доктор Маковицкий в Пирогово. Я осталась одна с Лебреном.

10 августа. Вставши, ходила купаться. Северный ветер, но хорошо. Встретила И. К. Дитерихса с священником, приехавшим к Льву Николаевичу. Живой, умный человек.

Вернулись все из Пирогова, куда приехала из монастыря сестра Машенька. Писала много историю своей жизни. Был Гольденвейзер и еще священник.

11 августа. Приехал М. О. Меньшиков, неприятные разговоры с Львом Николаевичем [41]. Уехал в Англию Чертков.

13 августа. Занималась хозяйственными делами. Днем копировала фотографию Л. Н.

Лев Николаевич все поправляет корректуры «Круга чтения».

15 августа. Угнетенное состояние от газетных известий. Лев Николаевич читал нам вечером Anatole France'а о войне с желтой расой [42]. Весь день шила Марье Александровне ваточное платье.

16 августа. Приезжал князь Дм. Дм. Оболенский. Разговоры об охоте и опять, и опять о теории Генри Джорджа о земле. Лев Николаевич пишет свою статью уже 5-й месяц. То называлась «Две дороги», потом переменилось заглавие. Ездил верхом.

19 августа. Захворал Лев Николаевич сегодня. Приехал Пав. Ив. Бирюков. Обсуждали с ним вопросы о «Биографии» Льва Николаевича, и я давала ему сведения [43].

20 августа. Приезжали: Мих. Серг. Сухотин, Мих. Вас. Нестеров (художник) — все рисовал в альбом Льва Николаевича [44]. Оставленный при университете И. А. Ильин и супруги Гольденвейзеры.

Льву Николаевичу к вечеру получше.

22 августа. В 4 часа ночи заболела сильнейшими болями в левой стороне живота.

Мое рождение, мне 62 года, и не верится, что я уже так стара.

29 августа. Ничего не помню, боли ужасные.

*31 августа**. Началось воспаление брюшины, боли невыносимые. Телеграфировали Снегиреву.

*1 сентября**. Исповедовалась и причащалась, трогательное прощание со всеми и прислугой. Съехались дети все, кроме Левы. Увидала близко смерть. Вся моя любовь к детям и Л. Н. поднялась с страшной силой.

*2 сентября**. Операция Снегирева [45]. Лев Николаевич во время операции ушел в лес (в Чепыж); велел позвонить один раз, если все благополучно обойдется, и несколько раз, если не благополучно.

*4 сентября**. Были при мне доктора, детей не пускали, Льва Николаевича — раз в день. Одни страдания.

19 сентября. Много писем, телеграмм; трогает любовь и сочувствие людей.

20 сентября. Уехал доктор Гайчман. Встала в своей комнате. Приехал Беркенгейм.

---

* Записано все после. *(Прим. С. А. Толстой.)*

23 сентября. Вывели меня в залу, свадебный день, 44 года брака.

28 сентября. Приезжали Снегирев и Полилов. Гонят в теплый климат; меня это расстроило [46].

30 сентября. Четыре недели со дня операции. Мне лучше, но слаба, все смурно, хожу с палочкой.

6 октября. Выходила в первый раз на балкон. Таня с Сашей были в Туле, продают землю крестьянам.

7 октября. Таня с Сашей опять в Туле. Лев Николаевич поехал в Судаково, хлопочет о сгоревших крестьянах от железной дороги [47].

Не спала ночь.

11 октября. Выпал снег, лежит везде. Играл свои сочинения Базилевский.

Сегодня скончался Вл. Вас. Стасов. Жаль друга и хорошего содержательного человека.

16 октября. Все та же мрачная погода; снег тает. Лев Николаевич ездил в Ясенки верхом, привез письмо Черткова ко мне [48]. Поиграла немного на фортепьяно. Тоска в душе. Трогателен маленький Володя.

23 октября. Играла с внучкой Танюшкой. Играла много одна на фортепьяно; гуляла с Дориком и Володей по саду. Лев Николаевич ездил верхом в Ясенки. Читали вечером о женщинах Французской революции [49].

24 октября. Шила, играла сонату Вебера. Читали вечером о французских женщинах в революцию. Лев Николаевич слушал; он ездил далеко верхом, писал, как всегда, все утро.

28 октября. Разбирала ящик с книгами и рукописями, искали для тульского вечера благотворительного отрывок из сочинений Льва Николаевича, он обещал [50].

4 ноября. Ветер, холодно. Шила, не в духе. Вписывала в каталог книги. Играла 2 сонаты Бетховена. Был американец с женой еврейкой [51]. Лев Николаевич здоров.

7 ноября. Ветер, с утра 2 град. тепла, к вечеру 1 град. мороза. Снег весь сошел. Начала копировать пейзаж Похитонова (Фанфаронова гора) [52].

8 ноября. Писала пейзаж, учила Дорика, вечер весь сидела у Тани во флигеле. Лев Николаевич пишет французское письмо к Sabatier по поводу его книги [53]; ездил верхом, здоров.

10 ноября. Опять была у Тани, гуляла с Анной Ивановной по саду. Приехал сын Сережа, американец, Жозя Дитерихс, и с американцем еврейка-переводчица [54]. Уехали Анна Ивановна и американец.

13 ноября. Грязь, снег сошел, 4 град. тепла, шел дождь. Писала пейзаж, вечером разбирала концерты: Вебера, Гуммеля и Моцарта. Сегодня напечатали статью ⟨Л. Н.⟩ о Шекспире в «Русском слове». Перевели с английского [55].

15 ноября. Дождь, 4 град. тепла, грязь непроходимая. Писала, рисовала Танюшке картинки и красила. Играла с Наташей в 4 руки Гайдна трио (два). Льву Николаевичу нездоровится; он читает Montaigne'a [56]. Получил известие, что Веригин (духобор) едет из Канады в Россию [57].

17 ноября. Приезжал mr. Salomon. Приехал Лева-сын.

Шел ночью снег, днем опять тает, скользко и пути нет. Болят глаза, весь день ничего не делала.

19 ноября. Вернулся Андрюша, исполнив все мои поручения. Ходили все гулять в елочки, видели лисицу Маша и Андрюша. Маша заболела вечером потрясающим ознобом, и я очень встревожена этим.

20 ноября. Очень плоха Маша; жар к вечеру 40 и 8. Камень на сердце, жалко ее и страшно за нее. В доме тихо и печально.

21 ноября. Маше очень плохо, ночь и день температура 41 и 3. Приезжал доктор Афанасьев.

23 ноября. У Маши жар 40 и 7 и речь затрудненная, все страшно; ночи не сплю, на душе тоска.

Приехали к обеду Лина и Миша, и стало повеселей; есть кого еще любить, и много таких — внуки.

24 ноября. Маше все очень нехорошо. Приезжал В. А. Щуровский и Афанасьев Вл. Алексеевич. Воспаление левого легкого и плевры.

Уехали Лина и Миша. Приезжал Илья, все денег ему нужно. Идет снег, 1 град. мороза. Ничего нет, кроме Машиной болезни.

25 ноября. Маша в ужасном положении, стонет, бредит, мечется. Сидела у нее, и нестерпимо видеть ее жалкое положение. Прошлась по проспекту и думала: отчего люди так дорожат своей жизнью и жизнью близких. Все мы в напряженном ожидании.

27 ноября. Маша скончалась тихо в 20 минут первого ночи. Лев Николаевич сидел возле нее и держал ее руку. Она сидела прислонясь к подушкам, мы все были в комнате (под сводами). Я поцеловала ее в лоб и стояла возле Л. Н. Коля плакал порою и целовал ее руки, когда она уже утихла. Страшный ветер гудел и рвал все. Не верится, что Маши нет, и тяжело очень.

28 ноября. Приезжала Саша Долинино-Иванская. Машу положили в гроб, сидят с ней Марфа Куб⟨асова⟩, Ольга Ершова, Матреша и ее мать. Лев Николаевич, Коля и Таня входили к Маше; служили панихиду, и я присутствовала с Колей и Андрюшей, который всем распоряжается.

29 ноября. Хоронили Машу.

30 ноября. Ничего не делаю весь день, застыла жизнь. Ходила во флигель к Танюшке, которая бесконечно мила.

6 декабря. Приходили вечером 4 духобора и 2 девицы с ними[58]. Приезжал Гольденвейзер, и уехала Соня Мамонова.

9 декабря. Писала на ремингтоне письма, приходили Веригин с духоборами, пели гимн. Благообразие удивительное! На душе уныло, безнадежно все.

10 декабря. Лев Николаевич ездил на Вороном в Ясенки верхом, вечером писал письма. Уехали духоборы.

13 декабря. Читала Зосе свою автобиографию. Была во флигеле, шила вечером рубашку для нищих. Лев Николаевич привел к себе Дорика и деревенских ребят, читал им мысли Эпиктета и пытается сделать общедоступный «Круг чтения» [59].

14 декабря. К Льву Николаевичу приходили опять мальчики, и он им читал и толковал изречения из «Круга чтения». Немного занялась автобиографией и шила.

28 декабря. Опять писала свою автобиографию. Маковицкий напугал меня, что Льву Николаевичу стало хуже, прибавились хрипы в легких. Я очень расстроена.

31 декабря. 27 градусов мороза. К вечеру стало теплей, ветер, снег, 14 град. мороза.

У Льва Николаевича все кашель и усилился насморк. Но все что-то пишет. Вчера по записной книжечке вписал в дневник 11 или 12 страниц [60]. Он похудел и постарел за это время.

Встречали с Сухотиными Новый год. Что-то грустно очень, да и что мудреного? Кого с нами нет, кто умер, кто болен, а кто несчастлив! Когда я поцеловалась с Таней, она заплакала.

1907

1 января. Слаб, голова болит. Написал письма Стаховичу (очень от души) и Ольге *[1]. С утра разбирала и читала письма Льва Николаевича к Тане. Писала свою автобиографию. К вечеру Л. Н. напугал меня нездоровьем.

---

* Приписано Л. Н. Толстым.

3 января. Мучаюсь очень нездоровьем Льва Николаевича. Кашель усилился, общее состояние хуже. Ходила делать фотографии Танюшки, шила, ходила за Л. Н. Грустно, одно горе, жизни нет.

8 января. Читала Сухотину свои «Записки» [2].

12 января. Удачно писала все утро свои «Записки» и неудачно занималась фотографией. Приносили к нам Танюшку. Приезжала Мар. Алексан. Шмидт. Льву Николаевичу получше. Известие о тифе Сергея Ивановича.

13 января. Много писала свою автобиографию. Копировала плохие фотографии. Учила Дорика. Лев Николаевич все еще слаб, сидит дома. Читает Сократа [3], кончил английский роман [4]. Составляет «Круг чтения» упрощенный.

15 января. Читала сегодня Льву Николаевичу свою автобиографию 1877 и 78 гг. Он кое-что добавил и похвалил, что привело меня в восторг. Была у нас в доме маленькая Танюшка, ходила гулять. Лев Николаевич тоже выходил сегодня в первый раз — в два приема.

18 января. Заболели жаром (инфлюэнцей) дочь и внучка, две Тани. Лев Николаевич стал больше кашлять. Приезжал Ив. Ив. Горбунов. Немного писала, учила Дорика, но от всего руки отпадают, за всех страшно и на душе тяжело.

19 января. Обеим Таням, слава богу, гораздо лучше; жару нет. Писала свою автобиографию, читала часть ее Мих. Серг. Сухотину. Он находит, что очень интересно и хорошо написано. Много времени отдаю на Танюшку; на душе тоскливо и беспокойно. Лев Николаевич гулял, катался и читает много. Сегодня читал Montaigne'a.

20 января. Лев Николаевич сегодня опять ездил верхом по лесам. Приезжали астрономы: Ганский и Стефаник, очень интересно рассказывали. Учила Дорика, занималась своими «Записками».

23 января. Живу довольно бездельно эти два дня. Гуляла, красота инея и солнца. Вчера и сегодня читали вслух «Записки» Морозова (революционера) [5]. Еще чита-

ли статью Меньшикова о картине Нестерова «Святая Русь», и Льву Николаевичу очень понравилось, и он написал письмо Меньшикову [6]. Больным всем лучше; собираюсь в Москву.

28 января. ⟨*Москва.*⟩ Утром на выставке передвижной. Прекрасные пейзажи Е. Волкова, Дубовского; Киселева — похуже. Вл. Маковского «Две матери», особенно «Охотники» — прекрасно [7].

29 января. С утра в музее. Читала письма Страхова. Вечером концерт парижский на древних инструментах: клавесин, виолы и ⟨бас⟩. Прекрасно Бруни, andante Баха и его сонаты, bourré Баха и gavotte Händel. Вечером, позднее, уехала домой.

30 января. Приехала домой в Ясную. Миленькая Танюшка с игрушками. Дома хорошо.

31 января. Поздно встала, плохо и тяжело спала. Читала письма Страхова, которые были спрятаны у Тани. Интересно, но мало материала для моих «Записок». Ходила к внучке Танюшке; удивительно мила.

Лев Николаевич гулял, много читает и здоров. Пишет мало. Играл с Сухотиным в шахматы. Получает много интересных писем. Приходил молодой человек вчера, просил у Л. Н. денег на экспроприацию. Л. Н. его тщетно отчитывал: упорный и глупый юноша.

1 февраля. Фотографии копировала крымские Льва Николаевича для графини Гейден. Часа два играла все Chopin. Лев Николаевич ездил верхом по лесам; составляет нравственное чтение для детей [8].

2 февраля. Весь день занималась своей автобиографией. Лев Николаевич хвалит и поощряет мою работу. Я ему читала. Была во флигеле, играла с Танюшкой. Л. Н. гулял по лесам. Рассказывал нам об прочитанном им обличении спиритов и их обманах.

4 февраля. Весь день писала свою автобиографию. Весь вечер валяла шапку для бедного мальчика в Овсянникове. Лев Николаевич покашливает, но гулял. Вечером слушал «Воззвание» Трегубова к революционерам.

5 февраля. Заболела Танюшка, сильный жар. Приезжали Андрюша и Наживин, и Миша часа на два. Наживин завтра будет говорить о Толстом в Москве среди рабочих по их просьбе [9]. Спорила с ним о церкви и брачном обряде.

8 февраля. Танюшке лучше, жар спадает совсем. Лев Николаевич гулял тихо и садился; у него все стеснение в груди. Читали вслух о спиритизме Фламмариона [10].

9 февраля. Писала свою книгу, скучаю, что мало материалов, ищу и беру, где могу. Лев Николаевич читает «St. Paul» Ренана [11] и пишет все то же для детей; и дневник, и письма; ему как будто лучше. Читала Фета «Мои воспоминания», плохо, подробно и мало интересно [12].

11 февраля. Приезжали Коншин с Горбуновым и сын Андрюша. Сортировала письма. Маковицкий недоволен деятельностью сердца Льва Николаевича, я ему не верю. Ездил верхом, занят мудрыми изречениями для детей [13].

13 февраля. Лев Николаевич ездил верхом, вечером занимался с крестьянскими мальчиками, проверяя на них свое писание нравственного учения детям.

14 февраля. К Льву Николаевичу приходили мальчики вечером, он с ними занимался. Вечером читал Куприна рассказы вслух Михаил Сергеевич. «Алле».

15 февраля. Копировала фотографии для гр. Гейден и себе. Учила Дорика. Вечером играли с Наташей в 4 руки симфонию Гайдна и 5-й квинтет Моцарта. Пришли нас слушать крестьянские мальчики, с которыми занимался Лев Николаевич, толкуя им Евангелие. Лев Николаевич с креслом гулял по саду, жалуется на слабость.

16 февраля. Написала 34 страницы своих «Записок». Учила Дорика. Слабость Льва Николаевича меня пугает. Были Дмитриев и Картушин, идейные юноши.

17 февраля. Был Б. Н. Леонтьев. Лев Николаевич все слаб и перебои в сердце.

22 февраля. ⟨*Москва.*⟩ С утра в Москве в музее до 3-х часов. Вечером камерный концерт весь из Шуберта.

25 февраля. Весь день бегала по выставкам: Союза русских художников, Борисова-Мусатова, Нестерова. Последняя — лучшая из трех. Мусатов ужасен своим декадентством. Русские художники на ложном пути и мало интересны. Сам Нестеров был со мной и интересно рассказывал. Вечером концерт: трио Гайдна, квинтет Шумана и пела Нежданова прекрасно.

26 февраля. Усердно занялась в музее все утро. Кончила дела и покупки, провела вечер с своими и уехала ночью в Ясную.

7 марта. Уехала семья Миши. Приносили к нам Танюшку, вечером я ходила к ней. К Льву Николаевичу приходят по вечерам мальчики, и он им читает и собирается переделывать разные рассказы [14]. Звал меня приказчик крестить, шила крестнику рубашечку. Довольно много писала.

8 марта. Приезжали Бодянский, Успенский и молоканин Мазаев [15]. Крестила с Андрюшей мальчика Алешу у приказчика. Усердно писала свою жизнь.

9 марта. Усиленно писала свои «Записки» и читала их Мих. Серг. Сухотину, слушал частью и Лев Николаевич и похвалил мое писание, чему я очень рада.

14 марта. К Льву Николаевичу приходили шумные ребята, они его утомляют.

15 марта. Учила Дорика, занималась своими «Записками», сметала панталоны Льву Николаевичу. Он читал ребятам рассказ Семенова «Ночь пред рождеством» и очень волновался, обрывался голос [16].

17 марта. Лев Николаевич ездил верхом, занимался мальчиками, 2-й класс [17]. Здоров.

18 марта. Приезжал И. Ф. Наживин, я ему читала вслух свои «Записки», он хвалил. Шила весь день Льву Николаевичу. Он ездил верхом, учил свой старший класс мальчиков, читал им Нагорную проповедь.

19 марта. Читали в «Новом времени» отзыв о пьесе Левы «Братья помещики», лестный [18].

20 марта. Писала свои «Записки», учила Дорика. Вечер провела с Львом Николаевичем у Тани и прочла немного из своих «Записок» о Ник. Ник. Ге, и все одобрили [19].

23 марта. Читала весь день старый «Почтовый ящик».

26 марта. С утра занималась хозяйством и денежными делами, потом своей автобиографией. У Тани читали ее старые дневники [20], и я кое-что записала. Л. Н. слаб, но ездил верхом и занимался мальчиками.

27 марта. Записывала весь день материалы для своей книги. После обеда играла с Танюшкой и шила. Читали вслух статью Меньшикова об апостолах и пророках [21]. Лев Николаевич ездил верхом и занимался с мальчиками.

29 марта. У Льва Николаевича сильнейший насморк. Он читал нам всем во флигеле у Тани рассказ Чехова «Попрыгунья», очень хорошо [22]. Много писала свои «Записки» и шила.

1 апреля. Лев Николаевич все не выходит. Играл с ребятами в литературное лото, и я помогала. Не вышло.

9 апреля. ⟨*Москва.*⟩ Наняла нового артельщика, ставила его на место. Дела без конца: заказ книг, учет проданных, проверка вещей. Утро сидела в музее.

10 апреля. Приехала утром домой, в Ясную. Танюшка как огонек светится. Приезжали Андрюша-сын и Сутковой; читала ему свои «Записки».

13 апреля. Читала «Дневники» Вари Толстой (Нагорновой) и себе и вслух Льву Николаевичу. Очень хорошо [23]. Кое-что записала. Вечером играла. Л. Н. был у Марии Александровны. Пропасть приходило нищих и просителей.

14 апреля. Весь день делала записи всех собранных мною материалов для моих «Записок». В душе мрачно и тоска ужасная. Порубки в лесу, жалкие мужики-просители, жалкие и милые сиротки. Л. Н. играл в литературное лото с ребятами.

16 апреля. Собиралась и начинала весь день писать, и все мне мешали. Играла вечером сонаты Бетховена с большим удовольствием. ⟨Л. Н.⟩ ездил верхом. Читал нам вслух рассказ Лескова о ворах [24].

17 апреля. Первый теплый летний день. Идет уборка дома; весь день растратила по мелочам. Вечером играла сонаты Бетховена и читали вслух статью Меньшикова [25] и комедию Левы [26].

19 апреля. Красила скамейки, учила Дорика, читала драму Левы «Братья помещики». Недурно, сценично и живо, но — современно, и это всегда ошибка. Писать надо, что вечно и что общечеловеческое, а не случайное. Л. Н. был верхом в Туле.

22 апреля. Перебирала старые фотографии — скольких уже давно нет!

24 апреля. В Петербурге и всюду пронесся слух, что Л. Н. умер, и из Тулы прискакал Андрюша. К вечеру все собрались в моей комнате и приятно беседовали [27].

25 апреля. Занималась своими «Записками». Лев Николаевич неприятен, даже злобен в разговоре о хозяйстве [28].

29 апреля. Читала свои «Записки» Дунаеву и Страхову. Они одобрили. Лев Николаевич занимался с мальчиками, ездил верхом.

1 мая. Усиленно пашут и сеют овес. Береза распустилась, цветут баранчики. Приезжал Ив. Ив. Горбунов, приехали на деревню Николаевы. Усердно работала над своими «Записками»; ходила смотреть, как сеют овес и пашут. Лев Николаевич прошел 9 верст пешком, зани-

мался с мальчиками. Говорил мне и Тане, что люди утратили всякое религиозное чувство, а без религии, как без воздуха, жить невозможно.

3 мая. День в Москве. Вечером уехала в Петербург.

4 мая. В Петербурге остановилась у сестры Тани. Была у Левы, дети и Дора очень милы, и жизнь их хорошая. Вечером в театре «Драма жизни» Гамсуна [29].

6 мая. Днем была у Кривошеина, хлопотала об Илье. Провела часа полтора в Музее Александра III, смотрела картины.

7 мая. Была в Думе с Зосей Стахович и ужасалась ее бессмыслице. Обедала дома, и на автомобиле Сани меня свезли на вокзал. Уехала домой.

12 мая. Хозяйничала, режут картофель для посадки, сеют овес. Вечером и днем много поправляла свои «Записки» и делила на главы. Лев Николаевич и Варя слушали чтение моих «Записок» и остались очень довольны.

16 мая. Усиленно хозяйничала. Пришли сегодня кровельщик, 2 маляра, обойщик. Поправляла свои «Записки». Лев Николаевич все кашляет, писал статью о святом апостоле Павле по случаю чтения Ренана «St. Paul» [30]. Приходили к нему ребята.

18 мая. Писала сегодня усердно свою автобиографию, 1884 год. Трудно! мало материалов. Читали вечером вслух письма Победоносцева к Тютчевой об убийстве государя Александра II [31].

19 мая. Лев Николаевич очень охрип, ходит в халате; все занимается с ребятами. Мучает тоска весь день.

20 мая. Вот и объяснение тоски — предчувствие. Страшное известие об убийстве рабочими брата Вячеслава вчера [32].

21 мая. Много писала сегодня свою автобиографию. В труде топлю свою тоску и горе.

23 мая. Очень усердно и хорошо писала свою автобиографию. Вдруг во время обеда узнала от Маковицкого, что у Л. Н. жар. Побежала к нему — 39 и 4. Я так и обмерла. Приняла энергические меры, в 12 часов ночи уже было 37 и 9. Сидела до 4-го часа ночи.

24 мая. Приехали утром Саша и доктор Никитин. Льву Николаевичу лучше. Приехал Беркенгейм. Весь день сидела при Льве Николаевиче, шила.

26 мая. У Льва Николаевича с утра 36 и 6, к 6 часам дня 38, в 12 ночи 37 и 6. Очень грустно и тревожно. Приезжали Горбунов и Мария Александровна. Приезжали от рабочего союза, крестьяне, учительницы, ученики, и жали руку Льва Николаевича, и двое беседовали с ним. Революционное настроение и у них. Еще чета евреев.

31 мая. У Л. Н. жара нет. Я укладывалась и дописала 1884 г. Вечером уехала с Ольгой в Москву по делам.

3 июня. ⟨*Москва.*⟩ Распустили Думу. Манифест вечером [33]. Ездила днем на могилки детей; сажала цветы. Вечером уехала в Ясную.

4 июня. В Ясной весь день хозяйственные неприятности. Л. Н. слаб, но здоров. Приезжал Гольденвейзер, и приходил Николаев.

10 июня. Троицын день. Все занимаюсь своей автобиографией, много читала писем старых и очень волновалась. Были трое Гольденвейзеров, Звегинцева, Волков и Михайлов.

11 июня. Приходила вся деревня, песни, пляски. Николаев, Михайлов; скучные, вечные разговоры о Генри Джордже. Лев Николаевич ездил верхом, занимался с мальчиками и писал свой детский «Круг чтения».

12 июня. Много писала. Лев Николаевич ездил по Засеке верхом; вечером просил найти ему книги Vauvenargues [34]. Занялся с мальчиками.

19 июня. Приехали Чертковы, скорым, вечером.

22 июня. Писала довольно много. Лев Николаевич ходил пешком в Овсянниково, оттуда приехал. Приехал доктор к нашему, и был Семенов молодой (Леонид) [35].

24 июня. Опять неприятности с косцами, не шли косить и других не пускали. Пришлось самой все улаживать, приказчик совсем плох. Л. Н. второй день купается, ходит пешком. Нестеров начал его портрет [36]. Лев Николаевич читал ребятам свой новый рассказ о шуте Палечеке [37]. Пела и уехала Маруся. Пела Галя. Были Гольденвейзер и Николаев.

26 июня. Приезжали в Ясную из Тулы к нам 850 детей гулять с учителями и учительницами. Купались с Л. Н., пили чай, пели, плясали, мы их фотографировали. Шествие их с флагами было торжественно и величественно [38].

27 июня. Опять был сильный дождь, портил скошенное сено. Купались, писала свои «Записки», кончила 1885 г. Играла с Надей Ивановой в 4 руки две симфонии Гайдна и квинтет Моцарта. Потом до 3-го часа ночи проявляла фотографии детей вчерашних. Были Чертковы. Л. Н. играл в шахматы, его писал Нестеров. Что-то еще не хорошо. Известие об опасной болезни Саши Берс.

2 июля. С утра разговор с яснескими мужиками о земле. Согласны на условия [39].

7 июля. Часа три занялась своими «Записками», купалась. Приехали две американки и один американец, муж одной из них, мг. Barrow [40]. Весь остальной день с ними. Были Чертковы и Сутковой. Л. Н. здоров, ездил к Гале Чертковой.

8 июля. Были: Чертков, Николаев, Сутковой. Приезжал Пав. Ив. Бирюков и вечером Никитин. Усиленно читала письма 1886 г. для моей автобиографии. Лев Николаевич здоров, детей перестал учить и говорит, что работа его ему теперь надоела [41].

14 июля. Приходила вечером целая толпа с художником Орловым смотреть Толстого: дети, учителя, учительницы, Николаевы, Гольденвейзер, Чертков и проч. И так все чужды, кроме жены Николаева.

19 июля. Лев Николаевич вечером читал свое «Не убий никого»[42]. Были Чертковы и Гольденвейзер.

22 июля. Проверяла хозяйственную книгу до обеда. Читала статью Льва Николаевича «Не убий никого» и написала свои замечания карандашом на листке бумаги. Л. Н. с ними согласился. Приехали Зося Стахович, сын Лева, дама, распространяющая сочинения Л. Н.[43], с простой женщиной. Был Чертков.

26 июля. Гуляла с Зосей. Читала корректуру «Анны Карениной». Уехал сын Лева в Петербург. После обеда читали вслух статью Льва Николаевича, исправленную, «Не убий никого». Народу пропасть: сумасшедший писатель Сильчевский, эпилептик студент[44], Кузьмин, Чертковы, Досев, Аполов, Гусев и проч. Гольденвейзер играл Шопена: полонез, балладу, этюд, и хорошо.

27 июля. Уехала Зося Стахович. Я читала ей свою автобиографию. Вечером шила себе белье и спорила с Николаевым о Сютаеве и Льве Николаевиче[45]. Те же Чертковы, Сергеенко молодой, студент-эпилептик.

28 июля. Посетители: Чертковы, Гольденвейзеры, Николаева, чужой Кулаков. Лев Николаевич все занят своей статьей «Не убий никого» и ежедневно почти ездит к Чертковым.

30 июля. Ездила к Гольденвейзерам читать свою автобиографию.

3 августа. Приезжали Хирьяковы, муж и жена, Гольденвейзер, Дима Чертков, какой-то офицер. Лев Николаевич ежедневно ездит к Чертковым и бесконечно переделывает статью «Не убий никого».

4 августа. Приехала семья Сережи с сыном и женой. Возилась со счетами приказчика. Приезжал журналист Кенчицкий[46]. Играл Гольденвейзер сонату Шопена с marche funèbre и еще две вещи. Читаю все время книгу И. Е. Репина о искусстве[47].

6 августа. Лев Николаевич читал с мальчиками «Палечек» и притчи.

8 августа. Странный рассказ дворника Алексея о хулиганах, допрашивавших его о доме нашем и предлагавших ему сто рублей за сообщничество. Все перепугались, не спали. Писала губернатору, послала купить ружье. Приезжал Мих. Серг. Сухотин. Читали прекрасную статью Тани о их пожаре и умилялись [48].

9 августа. Прислали 4-х городовых и пристава. Никого не приходило, хотя вчера оборванцы велели принести Алексею хлеба.

Был чех-журналист.

10 августа. Приезжал еврей-журналист [49] и Чертков. Еще страховой агент Иванов: страховала сено, ригу, хлеб. Немного играла, плохо. Поправила 4-ю часть своей автобиографии.

13 августа. Поправляла свои «Записки». Опять народ: двое Чертковых, Хирьякова, Варвара Михайловна, Сулержицкий, Николаев. Сулер и пел, и плясал, и рассказывал. Вот энергия!

14 августа. Вечером толпа гостей: двое Чертковых, Гинцбург, Сулер, Николаева, Дорик с Дашкевичем, Гольденвейзеры. Он играл Шопена и Шумана «Davidsbündlertänze». Сулер и Гинцбург представляли комические сцены.

16 августа. Весь день провела с братом Петей, читала ему свою автобиографию. Был Чертков с юношей Краморевым. Уехал брат Петя с сыном. Лев Николаевич был в Овсянникове верхом.

18 августа. Хотела ехать к Звегинцевой и Чертковым, и помешал дикий генерал Ильинский [50]. Испортил весь день. Вечером явился Горбунов и с ним Беневский, Шацкий, Изюмченко — все темные. Интересен рассказ Изюмченко о тюрьмах, дисциплинарном батальоне и Сибири.

19 августа. Ужасное событие! Мальчик 7 лет утонул в среднем пруду, 16-летняя сестра полезла доставать и тоже утонула. Бедная мать! Она сестра нашей прачки

Вари. Были мы с Львом Николаевичем у Чертковых. Там беседы, пропасть молодежи, больше мужики. Он проповедовал — все фальшь. Приехал Абрикосов, две казанские учительницы.

22 августа. Мое рождение, мне 63 года, и не верится, что так много. Были семья Чертковых, Гольденвейзеры, Мария Александровна, Ростовцева, Абрикосов. Вспоминала своих детей и грустила о них. Много играла днем, вечером читала свои «Записки» Зосе Стахович. Лев Николаевич ежедневно почти бывает у Чертковых.

23 августа. Лев Николаевич ездил с Зосей Стахович на Провалы в Засеку и написал статейку вроде катехизиса, которую я переписала на ремингтоне.

24 августа. Ходила в елочки за грибами, ничего почти нет, осень чувствуется. Много сегодня играла на фортепьяно и одна — Chopin и с Надей Ивановой увертюры Бетховена и Моцарта. Приходили Чертков, молодой Сергеенко, Картушин, Досев, Перно, Кузьмин. Л. Н. с ними беседовал; ездил верхом к Черткову.

26 августа. Лев Николаевич ходил пешком в Овсянниково, оттуда приехал; ничего сегодня не ел. Читает «Записки» Изюмченко и Дрожжина. Оба отказавшиеся от воинской повинности [51].

28 августа. Рождение Льва Николаевича, ему 79 лет. Приехали: сын Сережа с женой, Вас. Ал. Маклаков, Анночка-внучка, Наташа Сухотина, Чертковы, Мария Александровна, Николаева, Гольденвейзеры, Кузьмин, Перно, Досев, Сергеенко-сын, Картушин.

3 сентября. Приехали Митя Кузминский, Коля Оболенский и Андрюша. Были еще Чертковы, Сытин, Эртель и Гольденвейзер. Хозяйничала мало, была у Николаевых, читала корректуру «Казаков». Писала губернатору о выстрелах [52].

4 сентября. Андрюша ездил к губернатору с жалобой о стрельбе. Были Чертковы и Николаев и Гольденвейзеры. Он играл сонату Бетховена («Appassionata») и превосходно. Лев Николаевич от музыки плакал.

5 сентября. Были: Звегинцева, Волхонская, Чертковы, Николаевы, Гольденвейзер, Перно, корреспондент «Голоса Москвы» Генр. Осип. Клепацкий. Прислали 7 стражников, станового, урядника. На деревне аресты и обыски. Тяжело! [53]

6 сентября. Приезжали Жозя Дитерихс и Малеванный-сектант. Лев Николаевич верхом ездил к Чертковым. Пишет детский «Круг чтения». Делала выписки из дневника Л. Н. 1895 и 96 года. Опять стрелял один из 3-х оборванцев в лесу.

7 сентября. С утра приезжали губернатор Кобеко с Скаблановичем и Смирновым. Пропасть приставов, стражников, экипажей. Мне оставили 2-х стражников. Приехал Андрюша. Были Чертковы, Ростовцев, Гольденвейзеры. Он играл все то же: Шопена этюд, балладу и ноктюрн. Лев Николаевич ездил к Звегинцевой. Делала выписки из дневника Л. Н.

8 сентября. Вчера поздно ночью все делала выписки из дневника Л. Н. и кончила тетрадь с 1895—1897 года. Тяжелые воспоминания! Никого не было, кроме чужой больной и истеричной дамы.

9 сентября. Была у Звегинцевой и у Чертковых. Приезжали доктор из Сибири [54], священник из Тулы, бывший тюремный [55].

11 сентября. ⟨*Москва.*⟩ Свезла в музей свои «Записки», немного занялась.

13 сентября. С 11 до 3-х занималась в музее, но мало сделала и досадно было, что уезжаю и ничего не успеваю. Опять покупки. Вечером уехала.

14 сентября. Неприятные известия о новой краже дубов. Неприятный разговор с Львом Николаевичем о стражниках [56].

16 сентября. Весь день суета покупок костюмов для «Власти тьмы» в Тифлис в театр Яворской [57]. Тяжелые просьбы мужиков за порубки в лесу. Их берут и сажают в стан [58]. Уехал Жозя в Тифлис с костюмами.

18 сентября. Убирала флигель для Репина, ходила по хозяйству. Приехал М. С. Сухотин, и был Леонид Семенов. Писала земскому начальнику и уездному члену жалобы на крестьян.

19 сентября. Играла с Танюшкой и весь день убирала книги в библиотеке. Перечитываю «Записки охотника» Тургенева.

20 сентября. Порадовал Сережа-сын своим приездом. Лев Николаевич занят новым «Кругом чтения» [59], ездил верхом. Писала опять прошение земскому начальнику.

21 сентября. Приходили грумантские мужики — тяжело! Приходил яснополянский отец взятого Миши Власова — опять тяжело! Погорелые, нищие — все за душу тянет. Приехал Репин и Н. Б. Нордман. Наконец-то живые и интересные люди.

22 сентября. С утра Репин начал зарисовывать портрет Льва Николаевича. Потом днем — мой [60]. Читала Репину и Нордман свои «Записки».

23 сентября. Свадебный день, 45 лет. Писал И. Е. Репин мой портрет масляными красками. Потом фотографировали меня с Львом Николаевичем и Репина.

24 сентября. Гуляла с Натальей Борисовной Нордман, играла с Танюшкой и копировала фотографии. Вечером читала свои «Записки» Репину, Нордман, Бирюкову. Репин писал сегодня Льва Николаевича и ездил с ним верхом.

25 сентября. Читала Павлу Ивановичу Бирюкову свои «Записки». Он сегодня уехал. Позировала Репину. Вечером играли в 8 рук Septett Бетховена и увертюру «Фрейшютца». Лев Николаевич прочел нам сегодня вслух переведенный рассказ Ан. Франса — «Кренкебиль» и рассказ Чехова о Паше [61].

26 сентября. Опять позировала. Встала поздно и с удовольствием прошлась по саду. Опять играли Septett Бетховена. Вечером Лев Николаевич читал вслух Куприна «На смену» и «Алле» [62].

27 сентября. С утра неприятное отношение Льва Николаевича к стражникам и тяжелый разговор. Потом возилась с милой Танюшкой и позировала для портрета. Вечером опять играли в 8 рук септет Бетховена: Лев Николаевич с Сашей и я с Таней. Увертюра «Фрейшютца» — плохо.

28 сентября. Сегодня Репин кончил наши портреты и ездил верхом с Львом Николаевичем. Саша ездила верхом с Сережей Сухотиным, а Таня в шарабане с Н. Б. Нордман. Я весь день занималась фотографией, Л. Н. с Сашей за фортепьяно, Наталья Борисовна, Л. Н. и я.

29 сентября. Уехали Репин и Нордман. Приехала сестра Таня Кузминская вечером, уехал Сережа Сухотин. Копировала фотографии, гуляла. Были Горбунов и Гусев.

30 сентября. Читала сестре Тане свои «Записки». С Л. Н. холодно, он сердится за стражников и строгости с кражей леса.

3 октября. Читала сестре свои «Записки», местами плохо!

4 октября. Рождение Тани; грустно, что ее девочка все хворает, жар не проходит. Пела сестра. Днем я немного писала на камне масляными красками.

5 октября. Все еще плохо Танюшке. Все сердце изныло, глядя на нее. И как она со мной ласкова. Все возилась с ней; написала для Тани анютины глазки на камне; читала свои «Записки» сестре Тане. Угрожающая телеграмма от Гончарова из Подольска: «Ждите гостя».

7 октября. Лев Николаевич ездил верхом в леса и по оврагам и просекам в Засеке. Работа его все та же: «Круг чтения». Читала вслух свои «Записки». Приезжал Пав. Ив. Бирюков с сыном Борей. Начала писать на камне пейзаж (въезд с башнями).

9 октября. Опять писала на камне для сестры розу. Вечером читала вслух драму Loyson «Le droit de vierge». Читали Лев Николаевич и Таня [63]. Сестра немного пела. Опять читала вслух свои «Записки».

13 октября. Ходила по хозяйству, читала свои «Записки» сестре и возилась с Танюшкой. Вечером приехал итальянский корреспондент Aulotta, с ним болтали [64]. Потом болтали и смеялись три старушки — подружки Лиза, Таня и я. Лев Николаевич занят корреспонденцией и «Кругом чтения», ездил верхом в Засеку.

14 октября. Играли в винт, и разговоры о смерти, о духовности человека и его отношении к миру. Опять угрожающая телеграмма от Гончарова: «Ждите!» [65]

16 октября. Весь день раскрашивала маленькой Танюшке книгу на дорогу. Был Сутковой, едет в Казань и Самару раздать деньги голодающим. Был Гусев и юноша, желающий отказаться от военной службы [66].

18 октября. ⟨*Москва.*⟩ Была вечером в театре, «Моя родина» — Левы; не удовлетворило и загромождено [67].

20 октября. С утра в клинике. Потом в музее один только час, справки о Тургеневе, внесла поправки. Покупки, обед у брата, вечером симфонический в Колонном. Лавровская, Сергей Иванович, музыканты... Из дому нет известий и беспокоюсь.

22 октября. Утром приехала в Ясную Поляну. Все здоровы.

23 октября. Забрали Гусева. Лев Николаевич опять занимается с ребятами по вечерам.

25 октября. Приехал граф Дм. Ад. Олсуфьев. К Л. Н. приходят мальчики. Составление «Круга чтения» уже не для детей, как предполагалось. У Л. Н., видимо, слабеет память, и мне грустно.

26 октября. Лев Николаевич ездил навестить Гусева, которого везут в Крапивну. Посадили его за вписку слов: «малоумного царя», в статью Л. Н. «Где выход?» и за беспаспортность [68].

28 октября. Шила, читал нам вечером Лев Николаевич вслух рассказ Наживина «Золотая рота» [69]. Потом он играл с гр. Д. А. Олсуфьевым в шахматы.

29 октября. Весь день занималась несносными счетами по хозяйству, проверяла поденные ярлыки. Приехал Андрюша, желающий невозможного — сочувствия его браку с Арцимович [70].

30 октября. Читали вслух Л. Н. и Михаил Сергеевич о Будде.

1 ноября. Вечером к Л. Н. приходили учиться ребята. Писала все на ремингтоне апелляцию жалобы на грумантских мужиков. Лев Николаевич был в Туле один на санках, хлопотал о Гусеве у Лопухина [71].

2 ноября. Шила блузу Льву Николаевичу. Он весь вечер писал письма; ездил верхом, и все «Круг чтения».

4 ноября. Лев Николаевич уехал в Крапивну навестить арестованного там Н. Н. Гусева.

5 ноября. Утром копировала фотографии. Лев Николаевич вернулся из Крапивны от Гусева и Булыгина, здоров, бодр.

18 ноября. Приехал Ник. Григ. Сутковой. На деревне собирают недоимки, народу плохо, продают скотину.

19 ноября. Метель всю ночь и весь день, наводит тоску и жутко. Приехал и уехал Сутковой. Приехал молодой ирландец Лесли с высокими идеями и планами на жизнь с бедным людом.

21 ноября. Ходила по хозяйству, погода хорошая, ясно, 5 град. мороза. Играла сонаты Бетховена и вальсы Шопена; проверяла ярлыки поденных и вечером вышивала. Лев Николаевич ездил верхом в Засеку, встретил 3-х бродяг подозрительных в лесу. Сегодня говорил, что закончил свой «Круг чтения» [72]. Он вял и слаб.

22 ноября. С утра приготовила холст и скалькировала с репинских наших портретов. Долго играла и учила Шопена, вечером с Надей играли в 4 руки Моцарта. Л. Н. писал Андрюше и плакал [73].

24 ноября. Опять писала портреты и плохо, начинаю отчаиваться. Все газеты полны покушением на московского генерал-губернатора [74], да и вообще не спокойно везде. Лев Николаевич ездил верхом, писал письма. Он здоров.

26 ноября. Спешу писать портреты, сегодня писала букет цветов. Лев Николаевич нам читал кое-что о буддизме. Он ходил пешком, бодр и здоров.

27 ноября. День смерти дочери Маши. Ровно год. Как грустно и часто странно, что ее нет. Тоскливо живется, одиноко, тихо. Увлекаюсь писанием портретов, большая трата внимания и энергии. Лев Николаевич ездил верхом, путает свой «Круг чтения». Как работа Пенелопы — день работает, день все переделывает.

29 ноября. Опять портрет и работа наволочек Льву Николаевичу. Он здоров и бодр, ездил верхом. Интересует его, кроме «Круга чтения», мысль о «Географии» как жизнь и обстановка всякого народа [75]. Мучает его отсутствие религии в человечестве.

30 ноября. Сегодня Лев Николаевич, возвращаясь домой около 5 часов вечера, упал через голову лошади, которая провалилась в водомоину. Ушиб левую руку, плечо и лопатку.

1 декабря. Лев Николаевич не спал всю ночь; доктора говорят, что сотрясение печени. Вял, стонет, дремлет, но ничего плохого пока. Писала и портила портрет. Его же фотографировала и вечером проявляла.

2 декабря. Ездил Душан Петрович за доктором Чекапом в Тулу, думал, что у Льва Николаевича вывих, но вывиха не оказалось. Опять весь день писала портреты и копировала фотографии. Л. Н. весь день читает, но сегодня бодрый.

3 декабря. Весь день писала портреты. Вечером Лев Николаевич читал нам мысли Герцена — какой светлый ум.

6 декабря. Приезжал Андрюша с своей новой женой; его рождение, ему 30 лет. Ее не пойму: как можно быть счастливой, бросив прекрасного мужа и 6-х детей? Писала портрет и вышивала. Лев Николаевич читал нам вслух рассказ Anatole France «Oui, Monsieur». Саша и Андрюша пели. Писала артельщику, переводы в тюрьму и американке.

12 декабря. ⟨*Москва.*⟩ Была в Историческом музее, в банке и по покупкам. Писала Л. Н. в Ясную [76].

14 декабря. Усердно занималась до 3-х часов в музее. Была у больной Е. Ф. Юнге.

15 декабря. Ездили с Машей на выставку картин. Большая картина Сверчкова — «Холстомер и табун»; стоит 6000 р., и никто не покупает [77].

17 декабря. Приехала домой в Ясную. Взглянула на копию — мое лицо ужасно написано. Поправляла, но не могу, не умею. Лев Николаевич здоров, занят. Какое у него хорошее лицо.

19 декабря. Приехал Горбунов, Мария Александровна и молодой Булыгин. Лев Николаевич читал нам вслух полученные письма и радовался до слез, что простые люди читают его книги и меняют свою жизнь по ним [73].

21 декабря. Вернулся Гусев. Лев Николаевич и Гусев читали вслух в «Новом времени» воспоминания Араповой о матери своей — Пушкиной-Ланской [79].

23 декабря. Приехала утром Маруся Маклакова; вечером — Ванда Ландовская с мужем и клавесином. Симпатичная женщина, и, видно, артистка в душе, на все чуткая.

24 декабря. Весь день с Ландовскими. Музыка ее и на клавесине и на рояле (Chopin) — поразительная: нежная; в меру, изящная и выразительная до совершенства. Все — и Лев Николаевич в восторге [80].

25 декабря. С утра молодежь бесновалась, даже я танцевала с Сашей и Ландовским-мужем, а она играла. Фотографировала ее с Львом Николаевичем. Метель,

3 град. мороза, пошли гулять и поехали кататься все, но вернулись. Опять превосходно играла Ландовская. Уехали Гольденвейзеры.

29 декабря. Опять фотография. Лев Николаевич ходил гулять, потом поехал в санях. Ходить трудно, верхом нельзя. Пишет все «Круг чтения».

31 декабря. Вот и конец года, ближе к концу жизни своей и тех, кто дорог. Приехали Андрюша с женой, Мария Александровна Шмидт. Встречали Новый год торжественно довольно.

1909

Тревожное начало года. Приехала взволнованная жена Андрюши с дочкой 10-месячной. У них был сегодня пожар. Потом кто-то увидал зарево в Телятинках, боялись за дом Саши и Чертковых. Оказался овин крестьянина. Саша делала елку 115 мальчикам с деревни. Лев Николаевич радовался на детей и тревожился. Но все обошлось прекрасно, и все остались довольны.

3 января. Переписывала «Хаджи-Мурата». Писали мы — оба родителя — Тане [1].

5 января. Лев Николаевич писал что-то в драматической форме. Он ищет и все не найдет того тона, который бы ему нравился. Уже есть несколько начал художественной работы [2]. Он ездил верхом и здоров.

10 января. Весь день переписывала «Хаджи-Мурата» и нашла старые рукописи в диване Льва Николаевича. Там же корректуры «Воскресения» и другие бумаги. Приехал Гольденвейзер, играл прекрасно Шопена.

11 января. Вечером играл Гольденвейзер Шопена: полонез, сонату, вальс, ноктюрн и мазурку. Играл очень хорошо, местами тонко. Наши все уехали в Тулу, на концерт цыганки Вари Паниной. Л. Н. был у Черткова (верхом), там Чертков читал реферат об игрищах. Уехали Гольденвейзеры.

15 января. Весь день с Ландовскими [3]. Приезжали Андрюша с женой, Чертков и Страхов. Кончила переписыванье Льву Николаевичу. Все ездили к Чертковым. Вечером опять большое наслажденье от игры Ландовской. Как просто, оригинально, какой ритм и выразительность. Прелесть! Они уехали.

16 января. Положительно ничего больше не делала, все переписывала «Хаджи-Мурата». Хорошо! Оторваться не могла.

Был у Льва Николаевича один помещик, отдавший землю крестьянам, с сыном. Фамилия его Шейерман [4]. Приехали Митя Кузминский и Челищев.

18 января. Усердно разбирала в тетенькиной (Т. А. Ергольской) шкатулке ее письма, бумаги и то же родителей Льва Николаевича. Все переписала и везу в музей. Пересматривала и черновые «Хаджи-Мурата» и тоже свезу в музей.

Был Шейерман и Чертков. Льву Николаевичу сегодня лучше.

20 января. Был тульский архиерей Парфений с благочинным и нашим священником и 6 человек свиты, полиции и проч. Архиерей всем понравился, умен, прост, ласков. Лев Николаевич прослезился, когда благодарил его за приезд и мужество быть у нас [5].

Шила рукава платья, до ночи переписывала письма Льва Николаевича 1854 и 1856 года.

23 января. Собираюсь в Москву, разбирала бумаги, все нужное для разных дел. Начала переписывать «Отца Сергия».

Лев Николаевич весь вечер стонет, зевает, охает. Слабость, изжога. Читал, радовался на письмо крестьянина малороссиянина сочувствующее [6].

27 января. ⟨Москва.⟩ Работала в музее с барышнями от Стаховича, переписывающими инвентарь музея из книги.

31 января. Скучно весь день перешивала и исправляла теплую фуфайку для Льва Николаевича. Если б не для него, ни за что бы не тратила времени на работу, а

писала бы свои «Записки» или переписывала «Отца Сергия». Вечером Лев Николаевич читал нам рассказ Новикова о том, как идут солдаты на войну, кажется, под заглавием «Запасные». Очень хорошо [7].

2 февраля. Нездоровится Льву Николаевичу, он весь день ничего не ел и все спит. Я тоже нездорова. Переписывала «Отца Сергия». Пересматривала материалы для моей книги «Моя жизнь», и хочется писать дальше.

5 февраля. Кончаю переписывать «Отца Сергия». Разбирала и записывала свои письма. Приезжали братья Гаярины, играли на рояле со скрипкой, бодро, весело. Лев Николаевич слушал музыку с удовольствием. Ему гораздо лучше. Уехал Беркенгейм.

6 февраля. Приезжали Чертков и М. А. Шмидт. Разбирала письма, кончила «Отца Сергия». Лев Николаевич гулял около дома; всем интересуется, говорил сегодня, что бог в любви и другого бога нет и не может быть.

14 февраля. Больна, встала поздно, занялась «Хаджи-Муратом», сверяя переписанное, а потом материалами к своим «Запискам». Приехала Зося Стахович. Вечером опять шила платье Марии Александровне. Читали вслух казнь Каракозова в «Русской старине» [8].

16 февраля. Шила платье Марии Александровне, а потом занялась своими «Записками», материалы выписывала. Очень хочется писать дальше. Приехала Мария Александровна и два брата Страховы. Меньшой пел басом Фауста и Мефистофеля и арию из «Демона»; потом рассказывал комические рассказы и читал Чехова. Я не умею смеяться. Был Чертков. В «Русских ведомостях» изложили статью Л. Н. «Закон любви и закон насилия» [9].

17 февраля. Пропасть гостей. Бедный Булыгин, у которого умерла жена, его сын Сережа, Картушин и Досев, все толстовцы, Марья Александровна. Разговоры без конца. У Льва Николаевича еще был еврей-литератор из Киева [10]. Когда все разошлись, Лев Николаевич закричал: «Нумидийскую!» — и начал вприпрыжку, подняв руку, бегать вокруг стола. Это на яснополянском жаргоне давно означает радость избавления от гостей.

19 февраля. Весь день гости. Приехали Липа с сестрой Любой Голицыной, Огарева, Миша-сын, и был Чертков. Лев Николаевич пишет «Номер газеты»[11]. Ездил верхом, Зося за ним с Филькой.

20 февраля. Собиралась в Москву и осталась. Очень грустно и досадно. У меня бронхит и сильный кашель. Весь день исправляла «Биографию» Молоствова по запискам Сергеенко. Очень плохо написано[12]. Уехала Огарева.

21 февраля. Кончила поправлять для Молоствова, для его «Биографии» главу «Гр. С. А. Толстая», и отослала вместе с письмом. Пыталась писать свои «Записки» — не идет.

23 февраля. Все больна, но поиграла немного сонату Бетховена, потом был жар, лежала и весь вечер писала «Мою жизнь», и дело шло успешно. Лев Николаевич ездил верхом, не работается ему. Вечером с Фельтеном и Чертковым читали вслух разные письма из тюрем заключенных и другие.

25 февраля. Писала опять весь день и исправляла корректуру «Детства». Л. Н. здоров, гулял, писал.

26 февраля. Льву Николаевичу нездоровилось с утра. Приезжали Фельтен, и супруги Страховы, и Чертков. Писала свою книгу «Моя жизнь». Л. Н. диктовал вернувшемуся Гусеву письма вроде статей, и вчера он написал множество писем[13].

27 февраля. Л. Н. что-то слаб. Писал министру Тимирязеву, обещавшему место Андрюше[14].

28 февраля. Писала, поправляла корректуру иллюстрированного «Детства»[15]. Какой это chef-d'oeuvre. Лев Николаевич, Гусев, Варвара Михайловна и Душан Петрович ездили к Чертковым. Там какая-то дама, путешественница, читала лекции о разных народах и на экране показывала картины раскрашенные. Льву Николаевичу очень понравилось[16].

1 марта. У Льва Николаевича нога покраснела и распухла в одном месте, и его положили на весь день ле-

жать. Приезжали Чертков, Ольга и две дамы с фотографом, которые показывают волшебный фонарь с индийскими видами.

5 марта. Кончила писать 1891 год. Больших он мне стоил трудов. Сидела возле Льва Николаевича весь день. Он все неподвижно сидит с вытянутой ногой, но в общем ему лучше. С внуками штемпелевали книги в библиотеку.

6 марта. Тяжелая весть о высылке Черткова из Тульской губ.[17]. Все плакали. Плакали Саша, Дима, Ольга, расстроен Лев Николаевич, да и весь наш дом. В народе и прислуге негодование: «Мало их там убивали, все издеваются над добрыми людьми». Чертков совсем больной. У Льва Николаевича нога пухнет. Уныло! Написала злое письмо в газеты, еще не послала[18].

8 марта. Были Чертковы, Новиков-крестьянин читал Льву Николаевичу свои сочинения[19]. Переписывала письма Льва Николаевича. Ему сегодня получше. Еще был англичанин. Писала еще мое письмо.

9 марта. Ходила сегодня по хозяйству. Очень трудно и скучно. Делала выписки из писем для моей книги — «Моя жизнь». Льву Николаевичу лучше. Писала вчера Тане с моей статьей.

11 марта. В газетах недоумение по поводу высылки Черткова.

12 марта. Заболел Лев Николаевич. Жар 37 и 6. Лежал. Сидела дома, делала выписки из писем для своей работы. Появилось мое письмо в газетах по поводу высылки Черткова[20].

13 марта. Льву Николаевичу получше, укладывалась, уехала вечером в Москву. Остался Никитин.

16 марта. ⟨*Москва.*⟩ Приехал в Москву Никитин, смутил меня известием, что сердце Л. Н. нехорошо. Кончила спешно дела, отдала в музей телеграммы и письма, уехала вечером.

17 марта. Дома, в Ясной. Тоска на сердце ужасная. Льву Николаевичу лучше с утра, но к вечеру 37 и 3 и хуже, напрасно ехала, хотелось кончить дела и быть в концерте Керзина.

18 марта. Сидела весь день за работой, метила платки Льву Николаевичу гладью. Ему лучше, он опять бодр и даже весел. А у меня тоска на сердце беспросветная. Отчего? Был Чертков, и приехал П. И. Бирюков, много рассказывал про Толстовскую выставку в Петербурге [21].

20 марта. Льву Николаевичу, слава богу, лучше. Он очень интересуется книгой «Кришна» [22].

22 марта. Лев Николаевич сидел на балконе, ему лучше, но он бережется. Читали Куприна рассказ «Актер поневоле» [23].

23 марта. Больна Танюшка. Уныло и страшно. Ничего не делала, все лихорадит меня, шью кукле и на душе тоска. Читали вслух Куприна «Мелюзга».

31 марта. Сегодня было рождение моего покойного Ванечки. Ходила с Танюшкой по балкону и по террасе; солнце грело, и было хорошо. Потом усердно занялась разборкой старых бумаг тетеньки Т. А. Ергольской. Какая была прекрасная, духовная женщина. Переписала три письма Льва Николаевича к ней: одно из Казани, другое из Севастополя, третье о медвежьей охоте [24]. Везу оригиналы в музей. Приезжал Булыгин и сын Андрюша. Вечером — корреспондент «Русского слова».

Лев Николаевич играл в винт с детьми. Он говорил много о выгодах старости и брезгливо относился к молодости, особенно к половой стороне ее. Как часто он возвращался в своей жизни к этому вопросу, и как сильно его забирала эта сторона жизни.

5 апреля. С утра тревога, Лев Николаевич лежал, ничего весь день не ел, соплив и слаб, и на душе опять тяжелое ожидание чего-то страшного.

6 апреля. Сегодня утром встала пораньше узнать о здоровье Льва Николаевича. Он сказал: «Мне лучше, пью кофе». Потом прибавил: «Я так счастлив, так сча-

стлив!» — «Чем? тем, что много людей тебя любят?» — спросила я. «Нет, в тебе, я счастлив тобой»,— сказал он и заплакал. Совсем неожиданно, и почему? Прочитывала письма для моих «Записок». Прочли вслух Ювачева «Небесный суд».

7 апреля. Вечером шила, просматривала огромное количество газет. Прислали французскую газету с моим письмом о Черткове. Лев Николаевич опять хорош, очень занят чтением о китайцах и их древних законах и правах [25]. Играл в винт.

10 апреля. Льву Николаевичу лучше. Радуется на получаемые письма: сегодня от плотника, отступившего от церкви и считавшего нужным для души только делание добра людям [26]. Приходил Николаев. Писала Нордман и в типографию.

14 апреля. Шила, продержала корректуру 4-х листов «Детства» и «Отрочества» иллюстрированного. Приходили телятинские мужики, взяли исполу 13 десятин земли под овес. Все грустно, оттого что Лев Николаевич слабеет, нога болит. Он уныл и тих. Вечером играл в винт.

16 апреля. Все хозяйственные и практические дела,— скучно и неизбежно. Разбирала провизию от Елисеева, чистила и убирала кладовую, околачивала фанерками стулья, читала корректуру «Отрочества». Как ясно теперь, какие должны были быть плоды от зерен — в духовной жизни Льва Николаевича.

17 апреля. Та же жизнь: хозяйственные дела, игра и прогулки с Танюшкой, работа. Поиграла на фортепьяно — плохо, бестолково, не хватает техники. Лев Николаевич говорит: «Я теперь всегда устал». Пишет статью о насилии [27].

18 апреля. Лев Николаевич ездил один кататься в пролетке, вечером играл в винт. Неприятно спорил со мной о докторах и убеждал меня, что мне не надо было делать операцию. Я всегда огорчаюсь от таких разговоров. Держала корректуру, усердно убирала и вписывала книги.

20 апреля. Кончила записывать в каталоги новые книги. Приезжал сын Сережа и француз mr. Mazon[28]. Вечером Таня хорошо рассказывала про Италию, и Л. Н. охотно ее слушал, лежа на кушетке.

22 апреля. Вернулся Сухотин. Лев Николаевич читал ему свое письмо к Булгакову о воспитании и образовании, и я слушала. Очень хорошо[29].

24 апреля. ⟨*Москва.*⟩ С утра в Историческом музее, делала выписки, занималась усердно. Потом покупки, вечер в концерте-выставке Дейши-Сионицкой.

27 апреля. Заседание гоголевское в консерватории и концерт гоголевский вечером. Памятник Гоголю — отвратительный.

28 апреля. В Ясной Поляне. Льву Николаевичу нездоровится.

29 апреля. Льву Николаевичу гораздо лучше, я мало его видела сегодня, он очень занят своими писаньями и письмами.

30 апреля. Л. Н. ездил к Чертковым верхом, я гуляла с гостями. Приезжали: Пастернак-художник с женой и скрипач Могилевский. Играл вечером сонату Баха, 8-ю сонату со скрипкой — Бетховена, две части из сонаты Моцарта, менуэт Моцарта и арию Баха[30].

3 мая. Вернулась Таня из Петербурга, где хлопотала за Черткова у Столыпина. Не пойму — вернут его или нет. Уехал Молочников. Днем ⟨Л. Н.⟩ ездил верхом. Пишет статью о воспитании. Пишет все больше в форме писем на запросы...

6 мая. Весь день в саду красила скамейки, столбы. Приезжали офицер Семеновского полка Назимов[31] и какой-то Успенский[32]. Лев Николаевич здоров, беседовал с гостями, ездил верхом и читал. Пишет все письма, интересуется китайцами[33]. Приезжал армянин, редактор газеты.

7 мая. Читали вечером вслух Куприна «Яму» о проститутках, — мерзость эта картина их жизни[34].

9 мая. Приезжали Страхов, Николаев, Трегубов и бывший диакон чужой. Известие об официальном отказе министра Черткову вернуться домой. Лев Николаевич верхом ездил к его семье [35].

11 мая. Лев Николаевич ездил верхом к Чертковым. Неприятные сведения в газетах о суде над Фельтеном, и письмо задорное Л. Н. к следователю [36]. Неприятное чтение «Дьявола», сочинение Л. Н., которое он от меня скрывал.

12 мая. Вечером прочли вслух Достоевского описание смерти в каторге [37].

18 мая. Танюшке получше, писала ей и Тане. Лев Николаевич ездил на Засеку, говорил с доктором Грушецким о Танюшке. Он оттуда приехал, говорил, что теперь опасность отодвинута, но боятся параличей. Была телеграмма: «Улучшение продолжается».

Нищий говорил: «Николай Веревкин...» [38]

20 мая. Вернулся доктор наш от Сухотиных, Танюшке гораздо лучше. Слава богу! Приехали еще внуки. У Льва Николаевича был корреспондент «Русского слова» — Спиро [39] и крестьянин, говоривший о необходимости духовной жизни в народе [40].

22 мая. ⟨*Москва.*⟩ Утро занялась часа три в музее. Огорчилась потерей 2-х ключей от ящиков 7-го и 10-го.

28 мая. Тихий, теплый, серенький денек. Льву Николаевичу что-то нездоровится. Лева прекрасно начал лепить бюст отца. Я занялась своими «Записками».

29 мая. Гуляла с Левой и внуком Сережей; ходили на купальню. Разбирала материалы к «Запискам». Приезжали Гольденвейзеры, Горбунов, Николаев, Иванова. Так весь вечер и проболтали. Лев Николаевич весел и здоров, ездил в Колпну верхом спрашивать о вдовах в волостном правлении.

30 мая. Приехал Мечников с женой. Весь день провела с ними очень приятно. Культурные и простые люди, с ними легко. Приезжали фотографы и корреспонденты.

Фотографировала и я. Гольденвейзер играл вечером Шопена, балладу, этюд, мазурку, и Шумана кое-что. Очень хорошо. Лев Николаевич здоров, Мечников ему понравился. Катался с ним в кабриолете в Телятинки. Вечером Мечниковы уехали [41].

1 июня. Гуляла с внуками, Сонюшкой и Илюшком, и с Ольгой. Читала им свой детский рассказ «Скелетцы» [42]. Лев Николаевич ездил верхом в Засеку. Говорит сегодня: «Я далеко ушел от чувства патриотизма; меня интересуют не чисто русские вопросы, а всемирные — всего человечества».

2 июня. Много занималась выписками для моих «Записок». Проявляла фотографии бюста Левы и Мечникова с Львом Николаевичем. Только одни удачный. Наклеивала газетные вырезки. Был Гольденвейзер.

5 июня. Пыталась заняться своими «Записками», и было невозможно. Приехали еще сын Генри Джорджа того же имени с знакомым своим mr. Moore [43]. Приехал Тихомиров, учредитель Общества трезвости. Потом Ольга и многочисленная колония Чертковых. Собрались и наши люди, слушали балалаечную игру Трояновского. Удивительно играет. Л. Н. в восторге [44], хотя и нездоров.

7 июня. Собираемся в Кочеты, хотя погода переменчивая и очень часто идет дождь. Ужасно жаль расстаться с Левой, он остается в Ясной. Я очень его люблю, и он ближе других, как и Таня.

8 июня. Рано утром встали, поехали на Засеку. Дорога тяжелая, дальняя. Лев Николаевич суетился, спорил с помещиком [45], впечатлялся всем, а я беспокоилась все время. В Кочетах хорошо, приветливо. Тани две — прелесть. Л. Н. устал, но сносно.

10 июня. Кочеты. Жизнь идет спокойно и ровно. Прогулки с Танюшкой, работа, разговоры вечером. Лев Николаевич ездил верхом довольно далеко: он засиделся в Ясной, и его радует всякая новизна лиц, местности и обстановки.

11 июня. Гуляла с двумя Танями очень приятно по парку, было жарко. Потом рисовали и красили. Лев Ни-

колаевич ко всему относится жизнерадостно и отдыхает от своей жизни с просителями, нищими и всякими посетителями. Ездил верхом, играл в винт, смотрел на теннис, слушал пенье [46].

12 июня. Вечером читали вслух стихотворения в прозе Тургенева. Был разговор о старости. Лев Николаевич говорил: «Я не знаю, какая там внешняя перемена у старика, а во внутренней жизни я все тот же я, Левочка, каким был вот в его возрасте»,— прибавил Л. Н., указывая на 13½-летнего Дорика.

14 июня. Вечером рассказывал Лев Михайлович о наказах при Екатерине II, очень интересно. У Льва Николаевича жизнь правильна, как и везде, он здоров.

16 июня. С утра волновались отъездом, Лев Николаевич не совсем здоров. Уехала с Дориком на Благодатную. Приехала на Засеку в 4 часа ночи.

20 июня. Писала утром Льву Николаевичу, вечером — Тане [47]. Ездила к Чертковым и Гольденвейзерам с Ольгой. Вечером опять вдвоем с Левой беседовали; днем он лепит то Сашу, то Льва Николаевича [48]. Играла немного Вебера и Бетховена сонаты.

21 июня. Занялась немного «Записками» своими. Потом весь день провела с Гольденвейзерами. Читала им «После бала» и свой отрывок: свидание с государем [49]. Получила второе письмо от Льва Николаевича [50]. Ведет самую светскую жизнь в Кочетах и очень доволен. Надоела ему им же созданная жизнь уединения и проповеди. О приезде домой не пишет ни слова, а мне почему-то досадно, хотя стараюсь побороть это чувство.

25 июня. В очень унылом настроении. Лев Николаевич не едет, Лева уезжает сегодня в ночь в Швецию через Ригу. Копировала для Левы фотографии отца. Приезжал художник Пархоменко, Иван Кириллович, хотел писать портрет Льва Николаевича.

27 июня. Явился Гусев, обещал на завтра приезд Льва Николаевича. Занималась «Записками», хозяйством, шила, купалась.

29 июня. Печальное известие, что Лев Николаевич не приедет еще 4 дня. Чертков поехал к нему на свидание в Орловскую губ. в 5 верстах от Кочетов. Копировала фотографии Андрея с детьми, купалась, пробовала писать масляными красками розовые кусты.

1 июля. Увлекаюсь писаньем роз масляными красками, и ничего не выходит. Получаю плату за покос, и мужицкие деньги руки жгут.

3 июля. Писала свои розы — плохо. Вечером вернулся Лев Николаевич с доктором Д. П. Маковицким и слугой Ильей Васильевичем. Стало легче жить.

Весь день бегала по покосам, мирила спорящих, уступала, старалась как получше все примирить, и все-таки много злобы, зависти, воровства.

4 июля. Лев Николаевич утром ездил прощаться с Галей Чертковой. Писал [51] и бодр, даже весел.

5 июля. Сегодня Лев Николаевич слабей, гулял, беседовал долго с странным крестьянином из Владимирской губ., говорящим, что всякий труд вреден и не нужен [52]. Неприятное посещение станового пристава по поводу заступничества Саши за пьяного мужика, которого хотел бить стражник, а она его выбранила.

6 июля. Я заболела сильнейшей невралгией руки правой и плеча.

8 июля. Страдания мои ужасны. Усилились от нервного потрясения при известии, что Лев Николаевич вдруг решил ехать в Стокгольм на Конгресс мира [53]. Сохрани от этого господь.

12 июля. Руке получше, но лихорадочное состояние и совершенно шальная голова, тоска. Вот когда полное потрясение всей нервной системы. Л. Н. здоров, беспечно весел, собирает цветы, ест ягоды, был в чертковской колонии вечером с Сашей, читал там свое письмо [54].

13 июля. Здоровье плохо, жар 37 и 8, рука лучше, ничего не ем. Лев Николаевич радуется на цветы, приносит большие букеты полевых и садовых цветов.

15 июля. Борюсь с болезнью, а все мне плохо. Лихорадка, а сердце слабеет. Лев Николаевич не в духе, но молчит. Сегодня ездил верхом совсем один по шоссе. Вечером с Ив. Ив. Горбуновым побеседовал и с Денисенко. Излюбленное детище Льва Николаевича — это его «Круг чтения», и он все из него читает нам.

16 июля. Здоровье получше. Лев Николаевич с Онисимом Денисенко ездил верхом, вечером читал много писем; к нему приходил студент чужой. Он здоров.

17 июля. Все больна, Душан Петрович нашел уплотнение и легкое воспаление левого легкого.

Читали вслух Мечникова книгу. Книга Мечникова ⟨Л. Н.⟩ очень не нравится, он говорил, что Мечников ему чужд очень и совершенно противоположных с ним взглядов [55].

18 июля. Просила Льва Николаевича передать мне формально права на его сочинения для удобства печатания и ведения дел. Он решительно, резко и неприятно отказал. Я горячилась, а потом вышло так тяжело — мы помирились. В своем отказе Л. Н. и материально, и нравственно прав. Но как трудно человеку отказаться от собственности, что ни проповедуй человек!

19 июля. Приехал художник Пархоменко, начал писать портрет Льва Николаевича. Приезжала из Москвы целая школа молодых людей, фотографировали себя с Львом Николаевичем, вызывали и меня, хотели повидать.

20 июля. Здоровье плохо, слабость, и тоска, и лихорадка. Пархоменко пишет Л. Н. хорошо, но настоящего сходства, изнутри, нет [56]. Лев Николаевич строг и чужд. Собирается в Швецию, на Конгресс мира, меня это мучает, тяжелый разговор.

21 июля. Высказав свой страх за поездку Л. Н. в Швецию, я не спала всю ночь. Я одинока среди темных, опутавших Льва Николаевича. Все против меня, а я работница на всех. Противное действие Молочникова против князя Б. А. Васильчикова. Передача ему слов Льва Николаевича, вызванных ложными сведениями от Молочникова [57].

Вызвала Андрюшу как утешение и ограждение от темных. Он был очень приятен, полезен и утешителен.

22 июля. Порадовал приезд дочери Тани, хотя совестно, что ее вызвали. Она мила, утешительна, и в ней тоже чувствую дружескую опору. Лев Николаевич не добр, холоден, чужд, и поневоле вспомнишь, что «муж любит жену здоровую», а я все больна. Опять был жар и хрипы в левом легком и слабость сердца.

24 июля. Уехала утром дочь Таня, и стало опять грустно. Читала свою «Жизнь» Поссе, Гинцбургу и Денисенко, и меня преувеличенно хвалили. Гости уехали.

26 июля. Не помню событий. Помню, что на этих днях, когда приехали сын Сережа и Бутурлин, Лев Николаевич опять стал собираться на Конгресс лиги мира в Стокгольме и не сдержал обещанного мне слова — если мне это так тяжело, то не ехать.

Меня потрясло это страшно, хуже прежнего. Я решила умереть. Сколько мучительных страданий и физических, и духовных я пережила за это время.

30 июля. Занялась немного детскими рассказами, хочу печатать [58]. Был корреспондент «Русского слова» — Спиро [59].

1 августа. Проверяла для Молоствова корректуры «Биографии» Льва Николаевича и убирала книги. Лев Николаевич что-то мрачен, сердится за мой протест его поездке в Швецию.

2 августа. Кончила корректуры «Биографии» Льва Николаевича, составляемой Молоствовым, и написала ему письмо [60]. Играл Гольденвейзер Шуберта Impromptu и Шопена этюд и сонату его же прекрасную.

Я сказала сегодня Льву Николаевичу, что я поеду с ним в Швецию, но мне это будет ужасно! [61]

Приходило 200 лесоводов, и говорил один речь Льву Николаевичу [62].

4 августа. Вечером с бубенцами явилась полиция — становой и помощник исправника и объявили Гусеву, что он через час должен ехать с ними, его арестуют и

ссылают в Пермскую губ.[63]. Всех это поразило ужасно; озлобление на правительство, негодование и трогательные проводы Гусева. Лев Николаевич мужался и хотел быть добр, но был взволнован.

7 августа. Лев Николаевич один ездил верхом, Саша с Марусей были в Туле; Маруся была у губернатора по поводу отъезда Гусева не по этапу, а железной дорогой.

8 августа. Убирала книги. Лев Николаевич читал с волнением и слезами свое заявление о высылке Гусева, ездил с Сашей верхом. Он мрачен и грустен.

9 августа. Убирала книги в библиотеку. Заезжал с урядником и стражником расстроенный Гусев; позволили ему свиданье только с Сашей, Марьей Александровной и Маковицким. Меня это бесило. В своем доме я не могу войти в свои же комнаты. Что же, урядник меня вытолкать должен? Все мрачно, все тяжело, Лев Николаевич расстроен, остальные в суете.

11 августа. Получила из Парижа от редакции «Matin» запрос об аресте Гусева. Лев Николаевич сам возил ответ в Ясенки, верхом, один. Были Гольденвейзер, Николаева и молодой московский крестьянин, отказавшийся от воинской повинности[64]. Вечером читали рассказ Черткова о его молодых годах и службе[65].

12 августа. Заявление Льва Николаевича напечатано в «Русских ведомостях» 11 августа о высылке Гусева. Там же и статья небольшая[66].

14 августа. Вечером читали вслух о Гоголе; кое-что ново и интересно мне[67].

19 августа. Писала Зосе Стахович, Мооду, Юнге. Читала корректуру английской «Биографии» Льва Николаевича, составленной Моодом[68].

21 августа. Утро с Боткиным. Потом выписывала из писем для «Записок». Опять лихорадило, лежала, дремала, потом вышивала рубашку. Был Гольденвейзер. Лев Николаевич один ездил верхом, играл в шахматы, читал письма, посылал в Берлин телеграмму разрешения читать там его статью о мире, которую он готовил для Конгресса в Стокгольме[69].

27 августа. Пыталась рисовать иллюстрации к моим детским рассказам [70]. Все бы хотелось уметь, и ничего я не могу. Л. Н. ездил на свидание с Буланже.

28 августа. Рождение Льва Николаевича. Ему 81 год. Он бодр, ездил верхом с В. А. Маклаковым. Получил книжечку на чтение каждого дня и радуется на свою работу [71]. Обедало 20 человек. Приехал сын Сережа, Цингер, Семенов, Андрюша с женой, Таня, Мария Александровна, Горбунов, Гольденвейзеры и проч. Весело не было, но ничего — не мрачно, а просто, ровно. Играл Гольденвейзер Scherzo, полонез Шопена и эскиз Аренского, хорошо.

31 августа. Утром приходил румынец 30-ти лет, оскопившийся 18-ти лет вследствие чтения «Крейцеровой сонаты» [72]. Потом стал работать на земле, на 9-ти десятинах и страшно разочаровался сегодня, увидав, что Толстой писал одно, а живет в такой роскоши. Он, видимо, огорчился, говорил, что плакать хочется, все повторял: «Боже мой, боже мой! Как же это? Что же я скажу дома», — и допрашивал всех, прося объяснения такому противоречию. Потом из Киева приехал богач Мюллер — глухонемой с парикмахером, который его знакомый, специально познакомиться с Толстым [73]. Был Гольденвейзер, играл в шахматы с Л. Н.

2 сентября. Тяжелые для меня сборы Льва Николаевича к Черткову. Поправляла корректуру английской «Биографии» Льва Николаевича, составленной Моодом. Рисовала иллюстрации. Были Николаевы, Гольденвейзер, Калачев, глухонемой и фотографы для кинематографа из Парижа [74].

3 сентября. Грустные сборы и проводы. Лев Николаевич уехал с Сашей к Черткову. С ними: Дима Чертков, Гольденвейзер, Душан Петрович, Илья-лакей и еще кто-то с Димой.

5 сентября. Уехала сестра Марья Николаевна с Лизой в монастырь; трогательно расстались. Были супруги Гольденвейзеры, рассказывал Александр Борисович, как

Лев Николаевич в Москве слушал музыкальный инструмент, передававший фортепьянную игру знаменитостей. Как он ходил по Кузнецкому мосту и всем интересовался. И как публика его приветствовала на вокзале [75].

8 сентября. ⟨*Москва.*⟩ Утром в Москве, собралась и уехала к Чертковым в Крекшино. Встретили меня все — и Лев Николаевич — ласково. Там очень хорошо, приветливо, красиво. Играл «Миньон».

10 сентября. В Москве по банкам. Вечером были все директоры: типографии и бумажной фабрики. Заказывала им книги. Производили учет продажи.

11 сентября. Была в музее, сколько там интересной работы с рукописями Льва Николаевича. Сдала кое-какие вещи. Вечером были художники Касаткин и Моравов по моему делу иллюстрации.

13 сентября. Приехала с Соней в Крекшино. Меня встретили все: Лев Николаевич, Ольга с внуками, Чертков, управляющий с букетом и проч. Вечером играли трио Аренского, Гайдна и Моцарта: Гольденвейзер, Сибор и Могилевский.

15 сентября. Живем все у Чертковых. Была Линева, собирательница песен.

16 сентября. Лев Николаевич здоров, ведет обычный образ жизни, беседует с крестьянами, группой учителей и корреспондентами.

18 сентября. Чертков сообщил в газете о часе отъезда Льва Николаевича из Москвы. Уложились, уехали в Москву. На вокзале радостный привет публики Льву Николаевичу. В Хамовниках Сережа с женой, Дунаев, Бутурлин, Чертковы, Маруся, Чеснոков, Семенов, Конисси и проч. Лев Николаевич со всеми пошел смотреть вечером кинематограф, устал и остался недоволен.

19 сентября. В Москве. Уехали со скорым. На вокзале тысячная толпа (5000 чел.) приветствовала Льва Николаевича. Долго кричали: «Ура!», но нас чуть не зада-

вили. Множество провожатых. Дома, в Ясной, у Льва Николаевича два обморока, страшный наш испуг; Беркенгейм и мы энергично приводили в чувство.

20 сентября. Всю ночь беспокоились, никто не спал. Но Льву Николаевичу гораздо лучше. Он гулял, писал, читал письма, ел, и мы успокоились. Дома привычно, хорошо.

21 сентября. Читаю корректуру, английскую «Биографию» Льва Николаевича, данную мне Моодом. Приезжали Николаев, Александри, синематографы [76], врач, земледельческий юноша Новиков.

24 сентября. Все утро сидела с Моодом, и мы вместе просматривали мною исправленную английскую «Биографию» Льва Николаевича [77]. Вечером показывали кинематограф, и собралась вся деревня [78]. Л. Н. здоров, пишет все письма-статьи.

26 сентября. Приехал П. И. Бирюков, а вечером доктор Никитин. У Льва Николаевича на ноге ссадина беспокоит. Он гулял, писал письма. Занималась счетами, переписала письмо Льва Николаевича 1852 г., наклеивала газетные вырезки.

1 октября. Прошлась по хозяйству, а то весь день доставляла материалы для «Биографии» Л. Н. П. И. Бирюкову. Читали, записывали. Вечером прочла повесть Эк, плохо [79].

8 октября. Шила весь день, берегу ногу, не выхожу. Лев Николаевич ходил на шоссе встречать Сашу из Тулы и приехал с ней. Он сегодня свежей. Приезжал Мих. Дм. Челышев, член Думы от Самары. Большой, громкий, умный; цель его жизни и деятельности — уничтожение водки. Л. Н. ему внушал теорию Генри Джорджа [80].

10 октября. Льву Николаевичу не совсем хорошо, ходил по шоссе верст пять встречать из Тулы Сашу и Варвару Михайловну. Ездили платить повинности за Ясную Поляну и хлопотать Диме Черткову паспорт. Шила усиленно, наклеивала газетные вырезки, следила за вставкой зимних рам.

12 октября. Лев Николаевич сегодня свежей, ездил верхом и писал письма иностранцам. Немец спрашивал мнение о смертной казни[81]. Л. Н. все читает Андреева и находит его очень талантливым.

13 октября. В доме и у себя наводила порядок, шила, читала вслух Льву Николаевичу повесть Андреева, описывающего город[82].

15 октября. Те же занятия: выписки из дневника Менгден[83], вышиванье и проч. Не выхожу, нездоровится. Лев Николаевич сегодня гулял пешком, писал письма, занят восточной литературой и историей: Будды, индийцев и проч.[84].

16 октября. Приезжала женщина-врач из Парижа, полька Мел. Андр. Липинска, и еще Семенов (писатель из народа). Лев Николаевич ездил верхом на суд в волостное правление и не застал его[85]. Продолжает интересоваться восточной литературой.

17 октября. Наехали люди с граммофоном, и примазались к граммофону разные писаки газетные, стихотворные и проч.[86]. Очень несносно, неловко. Л. Н. к вечеру утомился, днем ездил верхом и говорил в телефон с Ольгой.

19 октября. ⟨Л. Н.⟩ вечером читал «Русскую мысль», стихи Сологуба и его рассказ «Белая березка», ужасался на бессмыслицу и выгадывание линеек для большей платы, и решил, что теперешние писатели — это сумасшедший дом[87].

24 октября. ⟨*Москва.*⟩ Хлопотала у градоначальника Адрианова, чтоб выпустили из-под ареста «Биографию» Льва Николаевича — Бирюкова, 1600 экз., и удачно[88].

25 октября. Была в историческом концерте: Моцарт и Бетховен. 5-й концерт прелестен, с оркестром. Обедала у Масловых. Был Сергей Иванович, прост и приятен. Вечером уехала в Ясную.

26 октября. Приехала домой утром. Лев Николаевич здоров. Саша стала добрей и милей, слава богу! Лев Ни-

колаевич, как всегда, очень занят своей личной жизнью и мало всем остальным. Не долго жить, спешит еще и еще работать.

28 октября. Приехал Михаил Сергеевич Сухотин. Пришел Леонид Семенов, я его не видела. Лев Николаевич ездил верхом с Душаном Петровичем в Овсянниково к Марье Александровне, вернулся усталый, спал от 5-ти до 9 часов вечера, и были опять минуты забвения.

29 октября. Лев Николаевич играл с Сухотиным в шахматы, прочел вслух «Христиане» Л. Андреева [89].

30 октября. Играла много; концерт Шопена с оркестром не выходит из моей головы. Поправляла корректуру своих рассказов. Лев Николаевич ездил в Новую Колпну верхом на волостной суд [90].

31 октября. Приехала Зося Стахович, и вечером играли в винт с Львом Николаевичем. Он смеялся и был весел.

Здесь странный Леонид Семенов. Прошел два факультета, а ходит в лаптях и работает с мужиками. Идет без копейки денег из рязанской деревни.

3 ноября. Моравов рисует и пишет Л. Н. [91] и ведет себя скромно.

8 ноября. Писала сегодня свое духовное завещание домашнее, но пока еще начерно и без свидетелей. Потом кончила выписку материалов для своих «Записок». Глаз правый почти ослеп, и это жутко. Уехал художник Моравов.

9 ноября. Много писала 1892-й год. Известие о рождении правнука от Анночки (Ильиничны). Лев Николаевич ездил верхом в Телятинки, читает Горького [92], пишет все разные статьи. Тих и вял.

11 ноября. Напечатана с выпусками статья Льва Николаевича «О науке», ответ крестьянину — в «Русских ведомостях» [93]. Мало сегодня делала дела, потому что лихорадило и нездоровится.

12 ноября. Таня приехала, и мы все рады. Играла с папá в винт; все здоровы и веселы.

14 ноября. Вписывала в каталоги книги, убирала карточки каталожные. Лев Николаевич сегодня не выходил, сонлив и слаб. Занимают его везде напечатанные выдержки из статьи «О науке» [94]. Расстроила меня грубость Саши. Вечером рисовала Илюшка.

15 ноября. Сегодня приезжал Андрюша, расплакался, читая мое завещание. Много писала свои записки «Моя жизнь». К Льву Николаевичу приезжали с юга богатые крестьяне, двое, толстовцы [95].

19 ноября. В Москве. Дела, покупки, писала завещание, советовалась с нотариусом. Концерт Олениной-д'Альгейм, очень хорошо пела. В музее занималась.

20 ноября. В Москве хлопотала поместить в приюты сирот по просьбе Льва Николаевича [96]. Завещание написано.

21 ноября. Была у докторов глазного и хирурга. Глаз правый почти ослеп, плох и левый.

23 ноября. Отдала завещание в Государственный банк на хранение *. Весь день металась по покупкам. Вечером концерт Гофмана и прямо на поезд.

29 ноября. Лев Николаевич бодр, показал мне сегодня брошюру «О разуме и вере» его сочинения, где упомянуто, что Христос не бог и т. п., а стоит одну или полкопейки. Цензура просмотрела, очевидно [97]. Чудный иней, солнце, 4 град. мороза, все на коньках. Л. Н. с доктором ездили к больному в Крыльцово. А он уже в агонии, и, рассказывая это, Л. Н. плакал [98].

30 ноября. Лев Николаевич ездил в Колпну собрать сведения продажи вещей и скота за подати [99].

1 декабря. Весь день шила свое платье. Писала маленькой Танечке, рисовала внукам. Лев Николаевич все переделывает свой «Круг чтения», предисловие переделывал много раз [100]. Здесь Ив. Ив. Горбунов.

---

* Впоследствии взяла оттуда и написала другое, хранящееся дома. *(Прим. С. А. Толстой.)*

2 декабря. Были супруги Горбуновы и П. А. Буланже. Играли вечером в винт, Лев Николаевич был очень весел. Говорил, что художник, какой и он сам, изображает из себя лестницу, по которой может духовно подниматься очень высоко и опускаться очень низко; потому и других понимает хорошо. Он все возится с предисловием к «Кругу чтения». Наклеивала вырезки газетные, шью себе платье вместе с Ольгой.

4 декабря. Копировала для художника Моравова фотографию Льва Николаевича все утро.

7 декабря. Опять Лев Николаевич переутомился, много работал эти дни и опять ездил в Овсянниково в санях, и все это произвело спячку, он спал пять часов, не обедал и проснувшись многое забыл, стал с трудом вспоминать и все дремал.

9 декабря. Много писала свою «Жизнь». Писала Дранкову (кинематограф) [101].

12 декабря. ⟨*Москва.*⟩ Свезла в музей юбилейные телеграммы и 3-ю книгу вырезок.

13 декабря. Утром заехала по делу принятия мальчика яснополянского в приют. Потом днем концерт исторический с Вандой Ландовской, концерт Гайдна с оркестром — прелестно, и клавесин. Страшная телеграмма от Саши, у Льва Николаевича жар 40 и 4 и озноб. Всю ночь, не раздеваясь, не спала. Поезда все ушли.

14 декабря. Уехала скорым с Никитиным в Ясную Поляну. Уже утром была успокоительная телеграмма, 37 и 4. Застала уже в лучшем состоянии Льва Николаевича.

16 декабря. Не помню, что было; сижу дома при Льве Николаевиче, ему гораздо лучше, и я вечером опять уехала в Москву кончать дела, выпускать свою детскую книгу к праздникам.

18 декабря. Все в Москве, и покупки к праздникам. Вечером концерт Ландовской, и после сейчас же уехала домой, в Ясную.

23 декабря. Писала свои «Записки», кончила 1892 год. Много играла на рояле. Лев Николаевич ездил верхом в Деменку к бедной солдатке[102]. Пишет «Сон». Приехал Булгаков-студент.

26 декабря. Лев Николаевич рассказывал свой «Сон», который он пишет. Хотел сделать сцены и разговоры, а свел к той речи о земельной собственности, которая должна быть сильна и ясна[103].

29 декабря. Лев Николаевич ездил с Димой Чертковым верхом, ему лучше. Играла на клавесине весь вечер Ванда Ландовска: Рамо, Куперена, Баха, Скарлатти — очень хорошо! Писала Дранкову.

31 декабря. Пыталась писать сегодня свои «Записки» («Моя жизнь») — помешала Ванда. Начинаю уставать от гостей. Вечером играла много Ванда на клавесине и сонату Моцарта на рояле, прекрасно. Приехал вечером Митя Олсуфьев, и все встречали вместе Новый год.

1910

1 января. Новый год. Уехали Ландовские. Лев Николаевич ездил верхом в Овсянниково. Пишет три вещи: «Сон», «Бродячие люди» и еще пока без заглавия[1]. Тепло, тихо, 2 град. Телеграфировала Гольденвейзеру и Андрюше.

2 января. Известие о смерти брата Степы, поехали его дети хоронить[2]. Уехала Маруся Маклакова. Приехал корреспондент «Figaro» — Marchand[3]. Занимала его, вышивала. Писала: Градовскому[4], Юлии Ивановне, Денисенко, Loyson, Варе Нагорновой, Лапину. Тепло, 4 град. утром мороза.

3 января. Готовила все к второй елке, с детьми-внуками. Приехали со скорым поездом Сухотины: две Тани и Михаил Сергеевич. Все обрадовались, веселы и довольны. Легла поздно.

4 января. С утра неприятности: доносы на приказчика черкесом и приказчика на черкеса. Потом приготовления к елке, а вечером маскарад; нарядились все, даже

я — ведьмой и плясали. Дети очень веселились. Приехала Надя Иванова. Играли в винт с Львом Николаевичем. Утро ясное, тепло, к вечеру ветер.

5 января. Приготовления к елке, сидела с детьми; приехали Николаев и Абрикосов. Вечером елка, все плясали, Танечка маленькая прелестна: легка и грациозна. Играли шумно в винт; я сидела без дела, берегу глаза. Болит очень нога. Устала, но весело. Тепло, идет снег.

6 января. Тепло, на поле. Уехал Сережа-сын. Сегодня день весь посвящен кинематографу. Нас всех снимал Дранков, а вечером показывали наше путешествие с Львом Николаевичем к Черткову, в Крекшино, потом в Москву с толпой на вокзале Курском[5].

Было событие с лошадью и Сашей, меня, а главное маленькую Танечку чуть не задавили, я вовремя ее отбросила в снег. Был Буланже,— винт.

7 января. Гости мешают серьезно заняться. Играла в 4 руки Шуберта трио с Надей Ивановой. Начало прекрасно. Лев Николаевич ездил верхом с Душаном Петровичем. Играла с Танюшкой, а вечер весь был занят кинематографом. Наш отъезд из Крекшина и Москвы — мне подарил всю ленту Дранков. Уехали: Маша, Митя Олсуфьев, Сережа, Дранков и Южин[6] и Надя Иванова. Приехал Булыгин. Читала свои «Записки» Сухотину и Олсуфьеву, и они хвалили. 1 гр. тепла, тихо.

9 января. Няня Танечки нездорова, и я с ней провела весь день; гуляла с тремя внуками, мы ставили в снег домик и елочки, дети очень веселились. Вечером готовила для елки куколок. Чудный, ясный день, тихо, красиво; белизна, блеск и вместе с тем какая-то торжественность зимней природы.

10 января. Сидела я весь день дома, занималась хозяйственными делами. Когда все ушли, поиграла немного сонаты Бетховена. Вечером Тане очень нездоровилось, болела голова и грудь, она лежала. Взяла нового управляющего.

12 января. Две именинницы — Татьяны: мать и дочь. Мать больна, дочь торжественна. Приехали: Накивин, Буланже, Марья Александровна. С Ольгой убирали часть книг. Болят глаза, хожу в черных очках. Грустно!

13 января. Ветер. 2 град. мороза. Саша заболела слепой кишкой; она отвозила Марью Александровну Шмидт в Овсянниково. Тане лучше. Ничего не делаю, берегу все глаза; играю с детьми и кое-что убираю. Лев Николаевич ездил в лес верхом, вечером читал нам письмо из Персии о последователях бабизма, изложение их веры [7]. Писала о газете «Новая Русь» [8].

14 января. Писала невестке Соне. Приезжал Булыгин с сыном. Идет тяжелая сдача управления от одного приказчика другому. Ничего не делаю, сижу в темных очках. Тяжело! А дела пропасть всякого, и я так люблю работать. Тревожусь о Леве по случаю наводнения в Париже [9]. Ветер, тепло, 2 град. Лев Николаевич читал нам письмо Гусева об обратившемся революционере [10]. Играл в винт. Днем ездил верхом.

15 января. Выписывала весенние семена; вписывала книги в библиотеке. Идет дождь, ветер. $1^1/_2$ гр. тепла. Таня была в Туле. Лев Николаевич ездил верхом лесами, играл вечером в шахматы с Михаилом Сергеевичем и в винт. Пишет все письма и новый «Круг чтения».

16 января. Лев Николаевич с утра уехал в Тулу с доктором на суд крестьян, напавших будто бы на почту [11]. Их оправдали. Съездил благополучно. Тепло, на ноле, и тихо. Играла 4-ю сонату Бетховена, конец прелестен и понравился Льву Николаевичу. Вечером играла в винт с Таней, Львом Николаевичем и Варварой Михайловной. Льву Николаевичу доставила радость присылка «Круга чтения» от редакции «Одесского листка». Хорошее издание [12].

17 января. Писала Леве и Маше Толстой. Просматривала сонаты Гайдна и играла ноктюрн Шопена. Потом сидела с Танюшкой. Наши все ездили кататься в 2-х санках, Лев Николаевич верхом. Приезжали: Буланже, Мария Александровна и Булгаков, который будет помогать Льву Николаевичу при составлении нового «Круга чтения» для детей и для народа [13]. Играли шумно в винт, я шила весь вечер одиноко. 4 гр. мороза, тихо.

18 января. Поздно встала, занялась немного своими «Записками» за 1892 год. Мешают заниматься и дети, и дела хозяйственные, и желание общения с своими близкими. Села вечером поиграть в винт. Можно втянуться, но в ущерб умственным способностям. Ветер, на точке замерзания. Лев Николаевич жаловался на слабость. Немного погулял. Сегодня мне дали в оконченном виде его «Сон» и... *

19 января. Занялась письмами и чтением материалов для своих «Записок». Угорела от печки, пошла во флигель к Ольге, потом много гуляла. Лев Николаевич, Таня, Саша и внуки катались по лесам и очень веселились, и мне завидно, а боюсь ездить с больной ногой. Тепло, на ноле. Вечером опять читала письма. Приезжал Миша Сухотин. Лев Николаевич все занят своим новым «Кругом чтения».

21 января. Лев Николаевич долго спал утром, и когда проснулся, ничего не помнил, не узнал Илюшка, вошел в мою комнату и сказал, что забыл,— уехала ли я в Москву или дома? Весь день ничего не ел, лег днем спать, лежал и весь вечер; слаб. Температура была 37 и 2, позднее 36 и 9. Были Булыгины, Буланже, Булгаков. Весь день занималась своими «Записками». Ясное утро, к вечеру заволокло, 6 град. мороза утром, 6 град. тепла на солнце.

22 января. Лев Николаевич встал довольно свеж и весь день провел благополучно. Принял травку и две лепешки ревеню. Все констипация. Играл в винт. Я весь день занималась своими «Записками», и это наводит грусть.

23 января. Опять то же занятие моими «Записками». Брала ванну, невралгия в виске, глазе и над правой бровью. Боюсь ослепнуть. Играла в 4 руки Моцарта. Лев Николаевич гулял, писал очень много писем; заинтересован кооперацией, писал в ответ об этом кн. А. В. Голицыну и Тотамьянцу [14]. Я писала: Леве, артельщику, Масловой. Приехали Дорик и Надя Иванова.

---

* Фраза не дописана.

24 января. Занялась только практическими делами; разбирала и приводила в порядок счеты и бумаги. Болит висок и глаз. Приехал вечером сын Илья, грустный и постаревший. У него разладилось горло, плохи дела. $11^1/_2$ гр. мороза с утра. Лев Николаевич здоров, живет как всегда внешне, а внутренне — сложная работа.

25 января. Очень много занималась всякими счетами, бумагами и делами, собираюсь в Москву. Приехал сын Сережа после обеда. Все оживленно играли в винт, кроме меня. Не люблю карт и не умею играть.

26 января. Сережа уехал утром. Уехала и Ольга с детьми в Тулу. Ветер, 2 гр. мороза. Приехал в 2 часа сын Андрюша с женой Катей. Потом вечером Сергеенко привез граммофон в подарок от общества «Граммофон», которому Лев Николаевич говорил на пластинки на 4-х языках [15]. Не люблю граммофонов.

27 января. Решила ехать в Москву. Лениво провела день, с Танюшкой играла и с граммофоном возилась. Гуляла с двумя Танями, 2 гр. и ветер. Возили лед. Известия хорошие от Левы. Лев Николаевич долго ездил верхом с кучером. Играл в шахматы с Михаилом Сергеевичем, слушал граммофон. Сергеенко уехал.

28 января. Укладывалась, уехала вечером в Москву.

29 января. ⟨*Москва.*⟩ С утра вызвала деловых людей, потом ездила в три банка по денежным делам. Вечером концерт Ландовской и бал Глебовых. Старые знакомые приветливы. Очень устала. Днем заезжала еще к Глебовым посмотреть внуков, детей Миши. Очень милы.

30 января. День опять дела, но больше покупки. Обедала у Глебовых, и опять милые внуки, плясали со мной, просты и милы. Вечером скучный симфонический концерт, Берлиоза симфония, и только Эгмонт хорош [16].

31 января. Пошла с Орловым на выставки: Передвижная и «Союз». На передвижной портрет Льва Николаевича в кресле — Репина и портрет Льва Николаевича, пишущего в своем уголке,— Моравова, недурно [17]. У ре-

пинского портрета выражение глаз и даже всего лица — болезненное, грустное и растерянное.

Вечером была в концерте Гофмана. Сонату и балладу Шопена он играл как-то скучно.

1 февраля. Кончала дела и покупки в Москве. Утром занялась в музее с Павлом Ивановичем Бирюковым, который у нас обедал. Вечером сидела дома. В Ясной Поляне князь Долгоруков Павел Дмитриевич открыл народную библиотеку [18].

2 февраля. Утром занялась делами, днем поехала в концерт Керзина, потом по визитам: Глебовой, Ермоловой, Масловой. Вечером пришел Торба, с ним занялась по изданиям. Позднее уехала в Ясную Поляну.

3 февраля. Приехала утром в Ясную и рада. Здесь Соня Мамонова, с которой и провела бо́льшую часть дня. Вечером рисовали профили и вырезали. Слушали граммофон. Заболел корью Дорик Сухотин. Лев Николаевич ездил далеко верхом к сиротам [19].

4 февраля. Писала: Молоствовой, С. А. Стахович, Нюте Берс, Леве. Уехали Соня Мамонова и Таня в Тулу. 8 гр. мороза. Приезжала сирота, я ее и брата помещаю в приюты в Москве. Лев Николаевич ездил верхом и все поправляет новый «Круг чтения». Вечером играл в винт.

5 февраля. Льву Николаевичу лучше; он гулял и в санях приехал домой. И все катались; я шила весь день сироте платье и еще кроила все с утра. Стало теплей, было ясно. Внуки весело играли в моей комнате.

6 февраля. Получила Impromptu Chopin. Жаль, что мало играю, пальцы коченеют. Шила сироте платье. Таня, Саша, дети все катались, Лев Николаевич с ними верхом по лесам. Тепло, 3 гр. мороза, тихо. Вечером я играла со всеми в винт для отдыха глаз. Ольга и Михаил Сергеевич были в Туле. История на дворе с краденым петухом. Писала Молоствовой и Марусе.

7 февраля. Ходила во вновь открытую библиотеку, в успех которой не верится мне. Толкутся ребята, а взрослых никого. Играла с детьми, слушала граммофон, а дела

не делала. Болят глаза, третий день лихорадит. Рассказы о попытке украсть сено. Лев Николаевич сердился на суд и огорчался по письмам Фельтена и Молочникова [20].

8 февраля. Писала Андрюше и сестре Тане. Днем занялась довольно усердно своими «Записками». Лев Николаевич огорчился появлению статьи в 3-х газетах: «Новое время», «Утро России» и «Голос Москвы», под заглавием «Последний этап моей жизни». Мысли как будто его, а слог не его [21]. Все лихорадит, но как будто меньше.

9 февраля. Вчера и сегодня внуки усадили меня делать корзиночки из яичной скорлупы. Когда все ушли гулять, я писала свою «Жизнь» и понемногу двигаюсь.

Все так же по вечерам гудит граммофон и слышится позднее: пики, черви, шлем и прочие бессмысленные слова игры в винт. Были: Буланже, Булгаков. Тихо, лунно, 3 гр. мороза. Прекрасная зима! Дорику хуже, жар 38 и 7.

10 февраля. Уехала Ольга с детьми в Тулу и Таптыково. Заболела Танюшка, жар 38 и 6, кашляет Саша, жар 38 и 1. У Дорика жар 39. Такое уныние, и за всех страшно. Пописала немного свою «Жизнь», сшила шапку бедному мальчику. Ясно, холодно, 10 гр. мороза ночью и утром.

12 февраля. ⟨Москва.⟩ Поехала утром в Совет приютов с Ольгой и мальчиком, и оттуда в приют повезла Ольга. Там его переодели и оставили. И жалко его было. Потом поехала в два банка и за покупками. Вечером концерт, играли чехи Бетховена квартеты [22],— прекрасно!

13 февраля. Отправилась рано утром на репетицию филармонического концерта; там беседовала с Зилоти и Рахманиновым [23], оттуда в музей, где немного занималась. Потом по делам. Вечером концерт. Играл Рахманинов хорошо свой концерт с оркестром в филармоническом концерте.

14 февраля. Дома принимала отчеты от Н. О. Торба в моих поручениях и делах. Ездила в концерт Керзиных, опять играли чехи, очень хорошо. Вечером Requiem Моцарта.

15 февраля. Кончала дела; телеграмма из дому, что у Саши и Танечки корь, идет нормально, температура 39 с лишком. Я хотела уехать, Беркенгейм меня успокоил, что это ничего, и я поехала в музей, где занялась более 3-х часов. Обедала у Масловых, читала (им) «Дьявола»[24], поехала на концерт чехов и уехала домой. У Масловых был Сергей Иванович.

16 февраля. Дома плохо. У Саши днем 40 и 4. Корь сильнейшая, кашель. Выписали Никитина и Парасю Ге, все приуныли. Устала, сердцем измучена, Лев Николаевич все плакал. У Танечки корь легкая, посидела с ней.

17 февраля. Никитин приехал; потом Ольга Константиновна, Надя Иванова, Мейер для кинематографа[25]. Дела не делаю, а весь день по мелочам растрачивается. Саша задыхалась, ей дали вдыхать пары, и стало лучше. Температура держалась около 39, но к вечеру стало лучше. Писала Черткову[26] и Стасюлевичу. Ванна.

19 февраля. Саше с утра было лучше, жар меньше, но болит ухо. К вечеру опять 38 и 5. Никитин уехал вчера вечером. Приехал кн. Дмитрий Дмитриевич Оболенский. Тепло, на точке замерзания. Уехал Миша Сухотин-сын. Занялась я изданием. Лев Николаевич жалуется на изжогу, все время и грустит о Саше. Но все работает и сегодня много ездил верхом, в Овсянниково и кругом. Таня с мужем в Рудаково.

20 февраля. Все занимаюсь книгами для нового издания. Приезжали евреи из Тулы: адвокат Гольденблат с двумя детьми, и из Норвегии еврей — русский корреспондент[27]. Саше лучше, 37 и 4, жар. Писала: Леве, Кате, письмо Лизе, Маше и Липе.

21 февраля. Опять книги. Саше еще лучше, температура 37. Все мешают заниматься гости; приехали муж и жена Молоствовы. Тепло, 4 гр. Лев Николаевич ездил верхом, но что-то он слаб это время и мало ест. Играл с Молоствовым в шахматы.

22 февраля. Весь день занимала гостей (Молоствовых), делала кукольный театр для внуков. Лев Николаевич проехал верст 15 верхом лесами, шагом. Пишет все «Круг чтения», часто говорит о смерти. Саша очень кашляла, болел зуб и опять 37 и 8. Замучилась, бедная!

23 февраля. Уехали утром Молоствовы. Убирала целый день книги, мучительно устала. Саше лучше. Лев Николаевич был у Марии Александровны Шмидт, она слаба, а он утомился и заболела нога. Вечером читали вслух: Лев Николаевич, Михаил Сергеевич и Таня отзывы о «Barricade» Paul Bourget, присланные Halpérine-Kaminsky из Парижа [28]. Ясно и красиво.

25 февраля. Опять книги, и кукольный театр маленьким внукам готовила. Приехала Ольга с детьми. Тихо, тает. Лев Николаевич не выходил, но ноге лучше. У Саши все невралгия во лбу. У меня болят ноги, и что-то уныло на душе.

26 февраля. Представляла вечером наконец кукольный театр, и с большим успехом. Лев Николаевич с утра плохо себя чувствовал, ничего до шести часов не ел, но много писал. Вечером было лучше. Приехала Надя Иванова. Саша встала.

27 февраля. Льву Николаевичу получше, Саша ходит, но голова кружится от слабости. Холодно, ветер, солнце. Кончила записывать книги. Писала: Юнге, артельщику перевод, Молоствову, Лизе Оболенской; играла с Надей Ивановой две симфонии Гайдна. Пел Булгаков однообразно и грубо, а голос большой.

28 февраля. Теплый ясный день, много гуляла, ходила по хозяйству, которым очень тягощусь, и в народную библиотеку. Сегодня было 69 человек, а приходили до 80-ти. Играла вечером в 4 руки с Надей Ивановой увертюры и трио Моцарта. Дела не делала, мешала маленькая Танечка, очень трогательно просит побыть с нею. Все здоровы, слава богу. Дорик уехал в Тулу. Неприятные пропажи денег.

1 марта. Пролежала весь день больная.

2 марта. Встала, сегодня получше. Занималась счетами, прочла «Биографию» Льва Николаевича Молоствова, выпуск 2-й [29]. Плохо очень. А рисунки отвратительны! Приезжал ученый, Шестов [30], по-видимому, еврей, Лев Исаакович. Лев Николаевич по обыкновению увел его к себе беседовать. Тепло, шел снег. Писала: А. И. Масловой, Ольге и Булыгину о дровах.

3 марта. Все нездоровится. Занималась опять изданием. Был Буланже, играли все в винт вечером, я шила. Тепло, похоже на весну. Грачи прилетели.

4 марта. Сегодня еще хуже нездоровится. С утра яркое солнце, потом туман, было 10 гр. тепла на солнце. Лев Николаевич ездил с приехавшим Гольденвейзером в Овсянниково, к Марье Александровне. Вечером Гольденвейзер прекрасно играл. Все вспоминали игру Сергея Ивановича, и так захотелось и его послушать. Лев Николаевич читал нам вслух рассуждение буддиста о европейцах. Очень хорошо, сильно и верно. Переведено с немецкого [31].

5 марта. 2 гр. тепла, ветер. Лев Николаевич с приезжим крестьянином из Тамбовской губернии поехал в Телятинки. Поправила корректуру приложения к «Войне и мир» [32]. Вечером опять занималась книгами и статьями для нового издания. Все нездорова. Ночью выправила всю «Крейцерову сонату».

6 марта. Написала в «Русское слово» и послала статью Льва Николаевича «О самоубийстве» [33], которая мне очень нравится и будет кстати в наше время. Приехал Дорик, уехали вечером в Москву Таня и Михаил Сергеевич. Приехал Михаил Александрович Стахович. Играли в винт. Саша, Танечка маленькая, Варвара Михайловна и няня ездили в Овсянниково. Туман непроглядный, тепла 5 гр. Тихо.

8 марта. Опять занималась с Танюшкой. Уехал М. А. Стахович, приехали: Буланже, Николаев, Горбунов. Лев Николаевич жаловался на усталость от посетителей. Я тоже очень устаю и мечтаю об одиночестве для занятий. Брала ванну. Нездоровится. Шел дождь, все тает быстро. 3 град. тепла. Начали чтение запрещенных сочинений Льва Николаевича [34] с Варварой Михайловной вслух.

9 марта. Дела не делаю, толкусь весь день по мелким заботам о всех и о всем. Приехала Зося Стахович. Иван Иванович Горбунов помог с указаниями для нового издания.

Лев Николаевич озабочен мыслью составления энциклопедического словаря для народных библиотек.

Кто-то завещал 15 000 рублей на доброе дело, и спросили Льва Николаевича совета: на *какое* доброе дело? И он советует этот словарь [35]. Писала Леве.

10 марта. Пыталась всячески заниматься и никак не могу найти досуга. Немного поиграла. Вечером приехал сын Миша. Играли в винт, пускали граммофон; играл Миша на фортепьяно, плясал с Таней — веселый малый. Вернулись из Москвы Сухотины. Сегодня в газетах «О самоубийстве» Льва Николаевича и мое письмо.

11 марта. Писала свою «Жизнь», вечером считывали с Варварой Михайловной, готовя к печати и дополняя IV часть сочинений Льва Николаевича. Позднее Зося читала вслух письма Льва Николаевича к покойной графине Александре Андреевне Толстой [36]. Прекрасные письма, которыми кокетничал перед ней Лев Николаевич, показывая ей свою лучшую, художественную сторону и щеголяя ей. На поле, тихо, лунно.

12 марта. Очень много писала сегодня свою «Жизнь». Вечером читала Зося вслух очень интересные письма Льва Николаевича к графине Александре Андреевне Толстой. 3 град. тепла, снег медленно тает. Приехал художник Мешков, рисует Льва Николаевича [37].

13 марта. Писала Леве. Чудесная погода, ясно, к вечеру маленький мороз и красный закат. Гуляла, еще вид зимний, снегу много. Писала свою «Жизнь», читала из нее вслух Зосе Стахович. Вечером опять чтение писем Льва Николаевича к гр. Александре Андреевне Толстой. Приехал Дорик. Мешков рисовал Льва Николаевича и утром и вечером.

14 марта. Писала сестре Тане. Кончила писать 1893 год. Пробовала играть Шопена, но так нервна, что не могла продолжать. Приехал Ал. Ал. Стахович. Вечером читали вслух письма Льва Николаевича к гр. А. А. Толстой. Целая интересная биография, хотя односторонняя. Лев Николаевич щеголяет в них чувствами, мыслями и *лучшей* стороной своего существа. 2 гр. мороза.

18 марта. Уехала Зося Стахович вечером. Днем все катались в разные стороны, я писала письма: Марусе

Маклаковой, незнакомой Линде, Керзиной, Соне Толстой, корректуру послала и проч. У Льва Николаевича насморк. Он сегодня катался в санях и писал много писем, в том числе Гусеву [38].

20 марта. Лев Николаевич сильно закашлял, пьет Обер-Зальцбрунн с молоком и сидит дома, очень много занимается. А я все берегу глаза: порола платье и ничего не делаю. Приехала Ольга с Сонюшкой и Илюшком. Тепло, 5 град., но вид и дороги зимние. Пришел Дорик Сухотин из Тульского пансиона.

21 марта. Приезжали: Ернефельт [39] с дочерью и сыном, Дима Чертков, Булгаков. Обедали 17 человек. Весь день занимала гостей. Льву Николаевичу лучше, кашель меньше и сам свежее. Нездоровилось Саше. Ясный день, на солнце 10, 12 гр. тепла. К ночи 3 гр. мороза. Глаза мои получше.

22 марта. Вздумала переписывать свой портрет масляными красками, заброшенный мною еще в 1906 году [40]. Плохо, ничего не умею. Льву Николаевичу лучше. Были опять Ернефельты и Дима Чертков и Булыгин. Погода прелесть, — ясная с небольшим морозцем. Не выхожу, все занята.

23 марта. Опять увлекалась писанием портрета. Ничего не идет, плохо. Приезжал юноша с кимвалами и играл [41]. Удовольствия не доставил; необразованный музыкант, но талантливый. День ясный, вечером 1/2 гр. тепла. Лев Николаевич все кашляет, не выходит.

25 марта. Благовещенье. Гуляла с двумя Танями и Михаилом Сергеевичем и приехавшим Дунаевым. Везде вязнешь, где снег, где грязь. Потом туман, и к вечеру 2 гр. тепла. Глупо поправляла при свече свой портрет, который стал еще хуже. Лев Николаевич жаловался на тоску. Много зла на свете, и все его мучает. У Саши все бронхит.

26 марта. Пусто провела день. Чинила фуфайки Льва Николаевича, играла с Танюшкой. Слегка морозит. Лев Николаевич все пишет и переправляет предисловие к новому «Кругу чтения».

27 марта. Сегодня Лев Николаевич не гулял, не ездил и не обедал. Но настроения бодрого. Много шила; читала с В. М. «Царство божие». Вряд ли пропустят в новое издание [42]. Слегка морозит, 2 град. к ночи. День ясный. Дороги ужасные, кто в санях, кто в телеге. Писала: Андрюше, Денисенко, Леве, Зосе, Марье Николаевне (Зубовой).

28 марта. Поступил черкес и прачка Анисья. Шила все утро и ходила по хозяйству; сделала разные распоряжения. Приехали брат и сестра: Стахович и Рыдзевская. Дороги ужасные, везде еще снег и грязь. Были: Чертков и Булгаков. Лев Николаевич все еще не совсем здоров, но ездил верхом.

29 марта. Много гуляли, гнали ручьи и проделывали им ходы. Снегу еще много, езда ужасная, но уже на колесах. Читала свою «Жизнь» Стаховичу и Сухотину, и они хвалили. Стахович уехал. Приехали: Масарик и Страхов. Ясный, красивый день.

30 марта. Занималась и укладывалась дома. Сидела с гостями. Уехали Страхов и Масарик, ничего не внесший интересного нам; очень уж молчалив. А Лев Николаевич очень с ним охотно общался [43].

31 марта. 〈*Москва.*〉 Уехали с Маней Рыдзевской в Москву через Тулу, скорым поездом. Болтунья барыня в вагоне из Ялты. Живо переоделась и поехала на лекцию о Льве Толстом и доме-музее его имени. Читал Стахович. Упомянул и о моих будто бы заслугах, и когда упомянул мое имя, вся зала в литературно-художественном кружке встала и единодушно громко и долго аплодировала [44]. Я встала, поклонилась лектору, потом публике и страшно сконфузилась. Сегодня день рождения Ванечки. Ему было бы 22 года.

1 апреля. Поехала в музей; там Бирюков и Стахович. Разбирала письма для сборника Стаховича, для журнала «Музей Толстого» [45]. Потом в 5 часов дня собрались Стахович, Бирюков, Бутурлин, Горбунов и Сережа и обсуждали дело издания нового по отношению к цензуре. Вечер дома, принимала отчет продажи книг за два месяца.

2 апреля. Вчера поздно вечером поправляла корректуру английской биографии Льва Николаевича, присланную мне Моодом [46]. Утро в Крестьянском банке, потом занятия в музее до 3-х часов. Приходил М. А. Стахович в музей. Покупки, беготня, усталость. Вечером у Екатерины Федоровны Юнге. Из дома успокоительная телеграмма.

3 апреля. Утро в музее. Днем покупки, в 5 часов директор типографии, обед дома, вечер у Масловых. Ночь — разбор «Отрочества» и приведение в порядок листков. Устала очень, а дела двигаются тихо.

4 апреля. В $8^1/_2$ часов поехала на репетицию филармонического концерта при участии Рахманинова и исполнении только его произведений. Сразу не разберешься, а интересно. Пила кофе в Лоскутной и пошла на выставку петербургских художников. Интересно. Плохи большие картины К. Маковского, хороши: Вельц, Игнатович и др. Потом читала Керзиной «После бала» [47]. Вечером уехали в Ясную. Лил сильный дождь.

5 апреля. Дома. Прелестный весенний день с солнцем. Вечером гроза. Бегала всюду, наслаждалась весной. Цветут белые крокусы на лугу и полевые желтенькие цветы, и Таня нашла распустившуюся медуничку. Днем коротко шел дождь. Овес посеяли немного, только на бугре. Устала.

7 апреля. Московские счеты, записи деловые, письма: к Молоствовой, Зосе Стахович, Чефранову, Градовскому [48] и еще кому-то. Больна Саша, бронхит, лежит. Юго-восточный ветер. Цветут желтые цветы и медунички. Приезжал Владимир Владимирович Философов. Приходили Булгаков и Белиньский. Негодуем на отказ пустить Льва Николаевича в тюрьму к убийце [49]. Ему нужно для его писанья. Прибавлено в письме к Марье Аркадьевне Офросимовой, что правительство не очень-то доверяет Толстому.

8 апреля. Кончила читать корректуру английской биографии Льва Николаевича, составленной Моодом. Гуляла с Танюшкой. Ветер сильный и теплый. Саша все лежит. Лев Николаевич ездил верхом, много занимался. Писала Мооду и Нордман.

9 апреля. Беспокойство о Саше. Она очень кашляет; посылали делать исследование мокроты, нашли в усиленном микроскопе немного палочек туберкулеза. Собирается в Крым. Шел дождь, ветер южный. Ходила с Танечкой гулять, рвали медунички и желтые цветы. Таня была в Туле. Лев Николаевич ездил верхом, много занимался с «На каждый день» и предисловием. Я усердно просматривала «Детство» по рукописи Льва Николаевича [50].

11 апреля. Много гуляла с Танечкой и Таней. Она, т. е. внучка, застегнула себе веткой глазок. Тихо, но свежо. Приезжал Дима Чертков; приехала Ольга с детьми: Соней и Илюшком. Понемногу занимаюсь своим новым изданием. Лев Николаевич ездил верхом, говорил, что ему не пишется. «Откупался». Рассказ Сергея Николаевича про старого слугу [51].

12 апреля. Ходила много по хозяйству, совсем одна. Дни и ночи ясные и необыкновенно красивые. Приехали внуки Ильичи, Миша и Илюша, который очень мил. Приезжали: Булыгин, Белиньский, Надя Иванова. Увлекаюсь работой над «Детством».

13 апреля. Чудесный, ясный, весенний день. Много гуляла с Ольгой и Анной Алексеевной Гольденвейзер. Медунички, желтые цветы, почки надулись, на небе барашки, к вечеру дождь. Везде пашут и сеют овес. Уехала Саша с Варварой Михайловной в Крым; Саша очень кашляет. Приезжали: Горбунов, Мария Александровна, Гольденвейзеры. Он играл, Лев Николаевич радовался. Ничего не делала весь день; мешало все: и огорчение отъездом Саши, и гости. Были внуки Ильичи. Писала: Леве, Марусе, Юнге, Глебовой, внукам Михайлычам, Лине.

14 апреля. Ночью Лев Николаевич тосковал, плохо спал. Приезжали фотографы от фирмы Мей, снимали Льва Николаевича одного, потом группу: [52] Тани две и я, и Таня маленькая со мной и я одна. Ясный день, юго-восточный ветер, к вечеру 7 градусов. Убирала книги и газеты; настоящего дела не пришлось делать. Лев Николаевич читает мысли Лескова, ими восхищается [53]. Ездил сегодня верхом в Овсянниково. Приходил Николаев. Писала: Зосе, сестре Тане и Саше, Керзиной, внукам Ильичам.

15 апреля. Таня и Ольга ездили в Тулу. Я гуляла с внучатами. Мы пилили ветки, рвали цветы. Погода дивная, летняя, в одних платьях жарко. Зацвели душистые фиалки. Немного занялась «Детством», вечером играла в 4 руки с Ольгой: Моцарта две увертюры и Гайдна трио. Листики показались на ягодных кустах. Лев Николаевич пишет все «На каждый день» и ездил верхом. Здоровье его лучше. Писала Бирюкову.

16 апреля. Писала: Андрюше, золовке Машеньке, Денисенко. Провела день бесплодно, в уборке и любовании прелестной во всех отношениях весной. Только Саша за душу тянет, все о ней думаю. Лев Николаевич ездил верхом в Телятинки к Диме Черткову. Он старается написать для них пьесу, чтоб играли для народа [54]. Таня и Ольга с детьми ездили в Овсянниково к Горбуновым. Приезжал Дима Чертков и Лев Сергеенко. Писала Саше.

17 апреля. Как встала, пошла с внуками: Танечкой и Илюшком в Заказ, искали душистые фиалки, пошли вдоль оврага. Застал нас дождь, потом была гроза. Днем все весело красили яйца. Вечером сидела с Таней и Сережей. Льва Николаевича почти весь день не видела, только вечером. У него были какие-то посетители. Писала А. А. Берс, Сережа написал Бирюкову. Тихо, звездно. Звонят к заутрене.

18 апреля. Светло-Христово воскресение. Был офицер в орденах с стихами обличительными против Льва Николаевича [55]. Его раскаяние. Катали с детьми на балконе яйца. Летний, теплый день, 18 гр. в тени. Прелестны березы с молодой, нежной листвой. Весело жужжат пчелы и поют птицы. Светлые, ясные дни, погромыхивает вдали гром, поют на деревне. Уехал Сережа, он немного поиграл, и его сочинения хороши. Вечером пришла Николаева, разговоры без конца, а делу помешали мне сегодня вообще.

19 апреля. На лугу цветут луковичные красивые цветы, маргаритки и фиалки. Та же чудесная, ясная погода, точно июнь. Обедали на террасе, там же катали яйца. Приезжали два настоящих японца [56]. Один из них имеет много школ в Японии; другой студент в Москве. Приез-

жала Мария Александровна, Горбунов. Приехала с дочкой переписчица, Межекова. После обедни пускали граммофон на деревне, у библиотеки. Пришло много народа слушать. Лев Николаевич беседовал с крестьянами, они его расспрашивали про комету, а некоторые об устройстве граммофона. Таня укладывается. Грустно, Танечку жаль. Играла с детьми в мнения. Танечка думала, думала и сказала: «Бабушка ангел».

20 апреля. Уехали утром мои милые две Танечки: дочь и внучка. Усердно занялась поправкой «Детства». Грустно без дочерей и беспокойно о Саше. Вечером села поиграть. Проиграла Патетическую сонату Бетховена и еще его же сонату. Лев Николаевич охотно слушал [57].

21 апреля. Приехал писатель Л. Андреев [58]. Лев Николаевич с ним гулял, и был сильный дождь с грозой и ветром, и град. Мы испугались, но Лев Николаевич и Андреев были уже возле флигеля. Приезжал сын Миша; вечером Дима Чертков. Читала вслух Андрееву «После бала». Тяжелое известие от Саши, что у нее туберкулез верхушек обоих легких. Лев Николаевич угнетен, у меня камень на сердце.

22 апреля. Приехали Гольденвейзеры. Он вечером играл сонату quasi una fantasia Бетховена, балладу Шопена и разные мелкие вещи. Гуляли по посадкам с Львом Николаевичем, детьми и Гольденвейзерами. Прекрасная погода, перепадают дожди и пугают грозы. Вечером прибыли: Буланже, Горбуновы, Надя Иванова, Николаева и проч. Устала. Писала Тане и Соне-невестке.

23 апреля. Писала по поручению Льва Николаевича Долгорукову о дешевых книжечках в библиотеку Ясной Поляны, Швейцарскому обществу о переводе народных рассказов для их народа (на французский) [59], Онечке, в Учетный банк. Погода переменная, стало свежо, распускается дуб, цветут баранчики. Скосила траву вокруг цветов на лугу (луковичных); их очень много. Послала Саше телеграмму. Вечером Сибор и Гольденвейзер играли со скрипкой прелестную сонату Моцарта, старинные пьески и «Крейцерову сонату» Бетховена [60].

24 апреля. С утра Лев Николаевич ничего не ел, жаловался на дурной вкус и на слабость. Все спал и дремал. Я весь день редактировала «Детство» для полного собрания. Ольга с детьми уезжала в Таптыково и Овсянниково. Дождь, свежо и пасмурно. Лев Николаевич велел расковать свою лошадь, Делира, потому что это будто возбуждает зависть в народе, что у него такая хорошая лошадь.

25 апреля. Писала Леве и Саше. Весь день дождь, но не холодно. Дуб распустился; сегодня вечером в первый раз запел соловей. Льву Николаевичу лучше, он и обедал и брал вечером ванну. Целый день сегодня редактировала «Отрочество» и писала на ремингтоне первый лист «Отрочества». Дело издания не подвигается, и я очень беспокоюсь.

26 апреля. Ужасно нервна, задыхаюсь, и все плакать хочется. Дела у меня разнородного слишком много. Слава богу, Льву Николаевичу лучше, он много ходил, с ним Ольга и дети. Домой приехали. Занимаюсь изданием усердно, но очень трудно. Собираюсь в Москву.

28 апреля. ⟨Москва.⟩ Утром отправились заниматься в музей, потом покупки, и проценты получила в банке. Вечером была дома. Была у Масловых.

29 апреля. Навестила Екатерину Федоровну Юнге после занятий в музее. Она очень плоха, и жаль ее энергию художественной жизни и любви к ней. Все угасает в ее изнуренном организме. Вечером у Давыдова jour fixe *.

30 апреля. Опять в музее, тяжело читала и выписывала время смерти Ванечки. Окончила дела, обедала у Масловых, навестила старушку Прасковью Васильевну и видела Сергея Ивановича. Он тоже обрадовался, увидав меня. Уехала вечером домой.

1 мая. Приехала в Ясную. Лев Николаевич меня встретил, и я очень ему обрадовалась. Он собирается к Тане в Кочеты и огорчил меня, что не хотел подождать

* приемный день *(франц.)*.

меня один день. Приходили реалисты — 20 человек[61]; Лев Николаевич всем им подарил книжечки и надписал. Николаев, Дима Чертков, англичанин, Марья Александровна. Лев Николаевич укладывается. Уехала Ольга с детьми в Таптыково.

2 мая. Сегодня утром Лев Николаевич уехал в Кочеты к Сухотиным с доктором Маковицким и секретарем Булгаковым. Та же чудная погода, яблони волшебно, обильно и красиво цветут. Приезжал киевский психиатр Петровский, Дорик, Марья Александровна и Николаева. Ее рассказы громкие. Убирала флигель, косила.

3 мая. Одна совсем в доме с Марией Александровной, исправляла корректуры вновь печатаемых статей, проверяла «Отрочество». Вечером поиграла сонаты Бетховена и ноктюрны Шопена. Походила по яблочным садам. Писала: Льву Николаевичу[62], Варе Нагорновой, Леве и др.

5 мая. День с семьей Андрюши; вечером кончала дела, отправляла корреспонденцию, держала корректуру. Легла в 3 часа ночи. Идет дождь, свежо.

6 мая. Льет и льет дождь весь день. Днем 4½, вечером 2 гр. тепла. К вечеру ясно, холодно, лунно. С Андрюшей разбирали и переписывали разные статьи, касающиеся Льва Николаевича молодости, интересные, еще не видавшие света[63]. Посылала в Кочеты телеграмму с отказом ехать. Послала книгу.

7 мая. Опять не поехала в Кочеты по моему нездоровью и по ужасной погоде. Очень занята с Андрюшей разборкой и переписыванием рукописей Льва Николаевича. Погода унылая, холодная, и на семью новую Андрюшину, и на его плохие дела денежные смотреть грустно.

9 мая. ⟨*Кочеты.*⟩ Утром рано выехали с Андрюшей с Засеки в Благодатную. Холод, северный ветер. Из Орла старушка полька и барышня Судьбинина, очень приятная.

В Кочетах милые две Тани, доктора, Булгаков; Михаил Сергеевич что-то утерял свою веселость. Лев Николаевич на вид здоров; здесь Владимир Григорьевич Чертков. То-то Лев Николаевич так спешил уехать.

10 мая. Весь день провела с внучкой Танечкой; очень мы любим друг друга. Здесь спокойно, просто, хорошо. Но все пасмурно и холодно. Лев Николаевич опять ездил верхом и проехал около 20 верст, отыскивая какого-то раскольника-крестьянина [64].

11мая. В Кочетах. Играла с Танечкой, гуляла с ней и Таней. Свежо, шел дождь небольшой. Приехали отец и сын Абрикосовы. Вечером делала выписки из писем к дочери Тане.

12 мая. Утро провела с внучкой Таней, потом делала выписки из своих писем к дочери Тане и тяжело переживала грустные 1894 и 1895 годы. Вечером читала, спала, рассказывала о Ванечке. Он всегда жив в моей душе. Лев Николаевич здоров и бодр. Пьет чернику и не ест суп. 11 градусов, и все свежо.

13 мая. Погуляла утром с Танюшкой, потом делала выписки из писем к Тане: и интересно, и грустно! Приехали два сына Сухотины: Лева с женой и ребенком и Сережа. Многолюдно, и Тане трудно. Лев Николаевич очень доволен, о нем большая забота, и с ним большая свита: Чертков, Булгаков, Маковицкий. Все свежо, 11 град. днем.

14 мая. Ясно, красиво, утром свежо. Лев Николаевич здоров, все переправляет предисловие к «Кругу чтения» [65]. Булгаков уже столько раз переписывал. Очень милы детки: Таня и Мика. Писала: Марусе и Леве. Далеко гуляли с малышами. Лев Николаевич ходил в какую-то деревню, беседовал с мужиками [66]. Таня ездила за ним. Ясно, свежо. Приезжали Горбовы.

15 мая. Уехала от Сухотиных. Лев Николаевич остался еще с своей свитой. Заезжала с дочерью Таней к Абрикосовым, у них родители, низенький дом и дети. Усадьба симпатичная. Поехала с старыми Абрикосовыми до Засеки, где и слезла. Ужасно устала. Дома пусто, пропасть дела всякого. Застала Катю и Марию Александровну.

16 мая. Опять очень много занималась: корректуры, переписыванье рукописей старых Льва Николаевича, распределение томов, хозяйство. К вечеру ошалела от утомления, но уехала на Засеку и в Москву. (Забыла ключи, возвращалась.) Везли мальчика в приют [67].

17 мая. ⟨*Москва.*⟩ В музее, в банке, покупки. С 11 часов не выходила из пролетки с Ольгой. Много успела сделать. Страшно устала. Сдала в печать IV, XI и XII части нового издания [68].

19 мая. Приехал ночью Андрюша, а я утром. Катя с девочкой гостит. Не могла от нездоровья и усталости ничем серьезным заняться. Шила клеенчатые чехлы на столы, обивала с Андрюшей в зале диванчик. Легла поздно.

20 мая. Ходила по Ясной Поляне часа три. Пока рвала цветы и любовалась природой, небом и всем — было хорошо. Но на прекрасно цветший сад напал долгоносик; рожь тощая, земля не удобрена; с крестьянами борьба за лес, за травленные скотиной луга, и все хозяйство одна мука. Вернулись Лев Николаевич, Маковицкий и Булгаков из Кочетов. Лев Николаевич вполне благополучен. Утром приехал внук Сергей Сергеевич с гувернером [69]. Андрюша уехал в Москву. Писала: Тане, Саше, Леве.

21 мая. Приехал сын Сережа, потом Мария Александровна Шмидт, стало веселей. Занималась новым изданием, распределением статей по частям. Затем делала наклейки из газетных вырезок; соображала с приказчиком отдачу земель. Вечером играл граммофон и потом на рояле — Сережа, что много приятней.

Слишком я занята, и притом нездоровится.

Погода прелестная, и все красиво. Грустное известие о смерти брата Пети.

22 мая. Писала Фельтену и маляру Крашенникову. С грустью все думаю об умершем брате Пете, добром, хорошем. Вернулся Андрюша, приходили муж и жена Горбуновы. С ней, Сережей и его гувернером ходили на купальню, она еще не готова. Жаркий, ясный день, соловьи поют. Лев Николаевич здоров, поправляет пьесу для народного театра, ездил с Булгаковым верхом. Утром гулял и заблудился, вышел на казенные питомники. Я очень занята хозяйством, изданием, домом, уборкой книг и проч., и грустно.

23 мая. Страшная тоска весь день, все ни к чему, все опостылело. Лев Николаевич какой-то деревянный: ни поговорит, ни приласкает, ни чем-либо поинтересуется, и потому чувствую себя несчастной. Кроила ему жилет и панталоны. Пропасть народу: Булыгин, Николаев, Миташа Оболенский, Дима Чертков, Сергеенко и какой-то еще темный [70]. Очень тепло, днем жарко.

24 мая. Все убирала книги в библиотеку, записывала в каталог. Жара весь день, и ночь теплая. Сухо. Сделала маленькую прогулку по саду. Лев Николаевич ездил верхом на Кривом, играл в шахматы с Гольденвейзером, много читал. Приезжал еще Сергеенко и какой-то темный.

25 мая. Лев Николаевич рано встает и ежедневно приносит утром букет полевых цветов. Пишет для копеечных книжечек, которые его очень интересуют. Ездил по этому вопросу к Горбунову в Овсянниково с Булгаковым [71]. Кончила уборку книг. Все нездоровится, нет энергии для дела, и потому чинила чулки, гуляла. Приходила Николаева. Стало пасмурно.

26 мая. Уехал Андрюша с семьей в Тамбов. Был Гольденвейзер. Приезжают из Крыма ночью Саша с Варварой Михайловной. Занималась изданием, шила шапочку Льву Николаевичу. Вечером ходила с внуком Сережей за ночными фиалками. Стало свежо, 8 гр. к ночи.

27 мая. Вернулись ночью Саша и Варвара Михайловна. Приехал Н. Н. Ге и Булыгин. Занималась изданием, сшила Льву Николаевичу три шапочки и сладила жилет. Он ездил верхом лесами и взволновался письмом Черткова, который писал об актере Орленеве и его намерении играть театр для народа [72]. Свежо, 9 гр., и очень сухо.

28 мая. Ленилась с утра; потом корректировала педагогические статьи для IV части Полного собрания сочинений, шила Льву Николаевичу жилет и для моциона косила крапиву в цветниках. Был Булыгин, супруги Гольденвейзеры. День жаркий, к ночи 7 гр., грозит засуха. Уехал Булгаков; он ездил с Львом Николаевичем верхом по лесам. Писала: Градовскому, Тане, Сойкину. Очень болит нога.

29 мая. Тяжелый разговор с Львом Николаевичем (Одоев, Париж). Упреки мне за нашу барскую жизнь на мои жалобы о трудности хозяйства. Гнал меня из Ясной Поляны жить в Одоеве, Париже или еще где-нибудь. Я ушла (из дома), жара, болит нога, пульс бьется страшно, легла в канаву и лежала, за мной прислали лошадь [73]. Лежала весь день в постели, ничего не ела, плакала. Приехал Паоло Трубецкой с женой.

30 мая. Очень много народа: Трубецкие, Надя Иванова, Горбунов, Н. Н. Ге, Николаева, к обеду Зося Стахович. Неприятна кража 3-й лошади из табуна, послала письменное заявление губернатору. Неприятна еще записка Щелкан (Танеевой) [74], которой я писала сегодня ответ. Тепло, сухо. Много дела, мало времени. Саша все покашливает, и это жутко.

31 мая. Очень суетно, делать ничего нельзя. Ездила в Овсянниково к Горбуновым и Марии Александровне. Там дети. Со мной были внук Сережа и Н. Н. Ге. Трубецкой все рисует Льва Николаевича и всех нас. Талантлив и любит искусство [75]. Уехали: Зося Стахович и Колечка Ге. Был Гольденвейзер. Жаркий день, засуха. Лев Николаевич ездил с Трубецким верхом. Поправляет свою 2-актную комедию и занят копеечными книжечками.

Нашлась в Туле краденая лошадь. Писала губернатору и Глебовой. Начали штукатуры работу на дворе, и кровельщик колпак в прачечную.

1 июня. Дошила жилет Льву Николаевичу. Писала Илье-сыну. Нездорова животом, страдаю от операционной грыжи. Очень жаркий день и теплая ночь. Л. Н. опять и вчера и сегодня ездил верхом с Трубецким. Саша ему переписывает пьесу [76].

2 июня. В первый раз купалась. Трубецкие одни купались, муж с женой прямо в речке, поразили нас этим. Фотографировала неудачно Трубецкого с Льв. Ник. и вечером проявляла их и семью Андрюши. Опять жарко; косили для силоса. Приезжала из Татева Лидия Алекс. Иванова, дама бойкая. Ночью приехала дочь Таня. Нищие, художник с женой, сумасшедший с манией преследования,— народ весь день.

3 июня. Ходила весело купаться с Таней, приехавшей Машей (Зубовой), Варварой Михайловной и Сашей, которой запрещено купаться. Она мнительная и на вид здорова, а кто знает насколько? Очень жарко. Трубецкой лепит Льва Ник. верхом на лошади, маленькую фигуру[77]. Копировала и наклеивала фотографии.

4 июня. Купалась, занималась кое-чем, до настоящего дела не доберусь, — суета гостей, жара. Приезжали О. К. Клодт, Дима Чертков, Булгаков, Буланже. Льва Ник. расстроило, что черкес привел Прокофия, укравшего слегу; а он старик, когда-то работавший с ним[78]. Ох! Уж это мне хозяйство!

5 июня. Исправляла корректуру первой статьи XII части[79]. Ходила купаться с Машей. Свежая вода, и в воздухе 10 град. к вечеру. Лев Ник. позировал верхом для Трубецкого, а Трубецкой с увлечением лепит. Уехала наша Танечка утром, я ее проводила. Явился писатель народный Семенов[80]. Фотографировала опять.

6 июня. Троицын день. Ясно, свежо к ночи, сухо. Писала: Леве, Лизе Оболенской, Молоствовой, корректору и Черткову. Приходило очень много народу из трех деревень: Ясной, Телятинок и Груммонта. Были гармонии, бубны, балалайки, граммофон, песни и пляски. Детям раздавали Саша и Маша сласти, а я дала деньги бабам. Лев Ник. много беседовал с крестьянами о земельной собственности, о религии и проч. Были Гольденвейзер, Клодт, Николаева, Семенов. Исправляла корректуры.

7 июня. Духов день. С утра опять неприятности от Л. Н., зачем я держу объездчика черкеса; *для вида* нехорошо в доме Толстого держать черкеса[81]. Я говорила, что при нем не воруют лес и потому все тихо; нет ни полиции, ни протоколов по случаю кражи. Вышел опять тяжелый разговор с упреками, я плакала почти весь день, лежала весь вечер, ничего не могла делать. Лев Ник. в ужасном настроении: мучается сам и мучает меня. Уехал Сережа. Холодно, сухо, северный ветер, пасмурно. Был Николаев, несносно спорил с Л. Н. Писала Леве и Сойкину.

8 июня. Заболел Лев Ник. С утра, проспав долее обыкновенного, все забыл. Температура была 37 и позднее — 37 и 2, а к вечеру 36 и 6. Вероятно, печень; она увели-

чена. Настроение тяжелое, сердится, отказывается лечиться. Холодно; тот же ветер и сушь. Приехал Никитин и Надя Иванова. Был актер Орленев, Дима Чертков, Булыгин. Кончила читать английскую корректуру Моода — «Биографию» Л. Н.[82], чинила чулки и тосковала.

9 июня. Писала П. И. Бирюкову, Рундальцеву, Ландовской, дочери Тане. Льву Ник. гораздо лучше: он с нами обедал, но весь день сидел дома, слаб. Писал опять письмо в газеты о том, чтоб люди не просили у него денег, которых у него нет, но не напечатал[83]. Холодно, 10 гр. днем. Уехал Никитин. Усердно занялась составлением частей для нового издания[84]. Косили сад. Нездоровится желудком.

10 июня. Шел дождь, 5 град. к ночи, все северный ветер. Лев Ник. поправился и даже ездил с Булгаковым верхом. Приехал какой-то чех, педагог[85]. Поиграла свои две любимые сонаты Бетховена. Проявила фотографии: Л. Н. верхом и Трубецкого с статуэткой. Писала Чефранову в типографию. В хозяйстве чистили все колодцы и штукатурят дворню.

11 июня. Усердно занималась корректурой. Приехал японец Кониси и чех-еврей, какой-то педагог. Холодно, сухо, косят сад. Сборы к Чертковым. Саше нездоровится, она колеблется, а отец, конечно, ждать никого на свете не будет.

12 июня. Уехали к Чертковым: Лев Никол., Саша и свита Л. Н.: доктор, секретарь Булгаков и лакей — Илья Васильевич. С утра северный ветер, потом стало теплей. Ходила гулять с Н. Н. Ге и Варварой Михайловной. В саду гребут сено. Уехали Трубецкие, он кончил статуэтку Льва Ник—а и пашущего мужика[86]. Писала Масловой и маляру. Послала корректуру «Азбуки» и «40 лет»[87].

13 июня. «Всех святых». Поздно встала, нездоровилось. Н. Н. Ге и Варвара Михайловна уехали в Крыльцово и Хатунку к Булыгину. От часа до шести сидела за работой, выправляла «Власть тьмы» и «Крейцерову сонату»[88]. Как ужасны обе вещи по содержанию, особенно

последняя. Обедала одна совсем. Ходила два часа по усадьбе и хозяйству. Вечером приехал сын Илья. 44 года тому назад он родился в день «Всех святых». Писала Леве и Тане.

15 июня. Радостно получила письмо от Льва Никол. от Чертковых[89]. Писала: Саше, Л. Н. коротенькое письмо[90], Чефранову, Пилкову, послала XIII часть печатать. С утра зной и ветер. Гроза, дождь небольшой вечером. Принесли первые ягоды.

Работа все та же по изданию. Еще распоряжалась по случаю штукатурки и малярной работы в доме. Размещала мебель.

16 июня. Была весь день в Туле. Чинила зуб, советовалась с женщиной-врачом — Кидановой. Была в банке, делала покупки с Варварой Михайловной. И что-то очень устала. В доме полный хаос: пришли маляры, работали штукатуры. Ветер, днем жарко, ночью свежо. Очень сердечное письмо от Тани-дочери[91]. Были Гольденвейзеры и Николаева.

17 июня. Весь день шел дождь, и я усердно занималась корректурой. Несносна грязь и возня с ремонтом. Пришли плотники. Испугалась телеграммы петербургской газеты с запросом о здоровье Льва Н—а. Послала телеграмму и два письма[92]. Писала еще Тане и Саше поздравление. Вечером сидела праздно и расстроенная.

18 июня. Рожденье Саши, ей 26 лет. Не спала ночь, все ждала телеграммы; утром Лев Ник. ответил, что все благополучно, и удивился моему запросу[93].

Ходила купаться с Ольгой, Сонечкой и Илюшком. Вчера приехала Марья Александровна и Гольденвейзеры. Страшная гроза и дождь вечером. Оставили ночевать Гольденвейзеров. Сама хлопотала. Писала Льву Ник.[94] и Леве.

20 июня. Все так же живу одиноко с природой, цветами и своими думами. Ходила с Варварой Михайловной купаться до обеда, а утром читала корректуры. Вечером ходила к Николаевым. Там дети. Тихо, тепло; везде убирают покос, сейчас ночь, а на деревне песни.

О возвращении своем Лев Ник. не упоминает. Не нужна я стала. Чертковы первенствуют; надо и мне создавать *свою* личную жизнь или свою *личную смерть*.

21 июня. Весь день печатала фотографии, хочу подарить сыну Сереже к рожденью альбом с моими снимками. Жаркий, прелестный день, тихая ночь. Ездила купаться с Варварой Михайловной, Верочкой Сидорковой и Таней Николаевой — в катках. Вечером убирала комнату Льва Ник. и перемывала фотографические снимки. Чай пили на балконе, вдвоем. Все вокруг прелестно,— и все пусто. Тяжелую старость мне устроило положение Льва Николаевича. Да и он сам! «Все печально!» — как говорил Ванечка.

26 октября. Рано встала, пошла гулять; долго ходила по елочкам, собирала сучья, потом разрисовывала масляными красками высокий пень. Тепло, снег сошел. Кончила читать статьи для издания. Приехал сын Андрюша; я ему была очень рада. *Свой,* свой сердцем, не то что Саша. Лев Ник. ездил верхом в Овсянниково к Марье Александровне, устал, проспал до 7 часов. Мы тревожились. Обедал один. Вечером тревожная телеграмма от Маши о дуэли Сережи [95].

Андрюша поехал в Тулу. На душе неспокойно. Что-то будет?

27 октября. Тихий, очень занятой день. О Сереже все благополучно, он приехал в Москву, а бедный Андрюша, верно, очень устал. Добрый он. Не спала и я ночь и утром встала очень нервная. Огорчила меня и злая, холодная *принципиальность* Л. Н. с письмом от Черткова вместо *доброго* успокоения [96]. Ездил верхом с Душаном, много и писал, и читал [97]. Шел снег.

28 октября. Лев Ник. неожиданно уехал. О ужас! Письмо его, чтоб его не искать, он исчезнет для мирной, старческой жизни — навсегда. Тотчас же, прочтя часть его, я в отчаянии бросилась в средний пруд и стала захлебываться; меня вытащили Саша и Булгаков; помог Ваня Шураев [98]. Сплошное отчаяние. И зачем спасли?

29 октября. Приехали все дети, кроме Левы [99]. Они добры, старательны, но не понимают, *что* мне нужно для

спасения и утешения моего. Был Миташа Оболенский [100]. Уехали Сережа, Илья и Миша. Узнавал Ваня, куда уехал Л. Ник.— На Белев. Не к сестре ли Марии Николаевне? [101]

30 октября. Плачу день и ночь, страшно страдаю. Больней и ужасней ничего не могу себе представить. Лев Ник. был у сестры в Шамордине, потом через Горбачево поехал дальше неизвестно куда [102]. Какая ужасная жестокость!

31 октября. Не ем, не пью четвертый день, все болит, плохо сердце. За что? Писать нечего — стоны и слезы. Приезжал Беркенгейм; привезли глупого доктора — Расторгуева и с медицинских курсов барышню [103]. Только еще тяжелее эти чужие люди, а дети хотят снять с себя *ответственность.* Чего? Моей жизни? Захочу — и при всех уйду из этой тяжелой, мучительной жизни... Не вижу просвета, если даже вернется Л. Н. когда-нибудь. За те страдания, которые он мне причинил, никогда не будет прежнего. Мы не по-прежнему будем просто, легко любить друг друга, а будем *бояться* друг друга. Боюсь за его силы и здоровье.

1 ноября. Слабею; пятые сутки не ела и пила немного воды. Сегодня немного полегче и меньше той страстной любви к Л. Н., которая так уязвлена и так страшно истерзала мое сердце. Причащалась, беседовала с священником. Решилась принять немного пищи из страха не быть в состоянии ехать к Льву Ник., если он заболеет. Приехал сын Миша. Занялась немного.

2 ноября. Рано утром получила от «Русского слова» телеграмму: «Лев Ник. заболел в Астапове. Температура 40». Мы все поехали из Тулы: Таня, Андрюша, фельдшерица — экстренным поездом в Астапово.

3 ноября.* ⟨*Астапово.*⟩ Приехали доктора Никитин, потом Беркенгейм, у Льва Ник. воспаление в легком (левое). Меня к нему не пускают [104]. Сын Сережа тут, и Таня. Выписал сам Лев Ник. телеграммой Черткова [105].

---

* Записано все после. *(Прим. С. А. Толстой.)*

4 ноября. Льву Ник. все хуже, томлюсь вокруг домика, где лежит Л. Н. Живем в вагонах.

5 ноября. Приехали еще Щуровский и Усов, надежды, по-видимому, мало, терзаюсь совестью, ожиданием тяжелого исхода и невозможностью видеть любимого мужа.

6 ноября. Тяжелые ожидания, ничего хорошо не помню.

7 ноября. В 6 часов утра Лев Никол. скончался. Меня допустили только к последним вздохам, не дали проститься с мужем, жестокие люди [106].

8 ноября. Едем, везем тело, дали нам вагон, в котором мы жили.

9 ноября. Приехали в Ясную. На Засеке пропасть народу. Поставили гроб внизу, приходили прощаться. Пропасть молодежи, депутаций. Все шли за гробом от Засеки до Ясной Поляны. Хоронили Льва Николаевича.

10 ноября. Заболела, жар 40 и 4, кашель, ничего не помню. В Ясной Поляне со мной сестра Татьяна Андреевна и Варя Нагорнова. С ними хорошо. Саша уехала утром в Телятинки.

11 ноября. Больна, взяли сестру милосердия, Екат. Фед. Терская *.

12 ноября. Больна.

13—15 ноября. Больна. Были сыновья.

16—18 ноября. Больна в постели. Много писем и телеграмм.

Ноября 19—21. Больна в постели.

22 — 24 ноября. Больна.

25 ноября. Лучше, но еще лежу, бессонницы ночные ужасны!

26 ноября. Невралгия мучила ночь и день.

---

* Все записано гораздо позднее. *(Прим. С. А. Толстой.)*

27 ноября. Встала, но опять невралгия. Приехали Сухотины, Булыгин, Поша Бирюков и проч. Привозили внучку Сонечку.

28 ноября. Здоровье лучше. Приехала Анна Ив. Маслова, кинематографист Дранков, корреспондент Спиро. Все тяжело, но на народе легче. Что-то будет в одиночестве? Страшно! и будущего нет.

29 ноября. Невыносимая тоска, угрызения совести, слабость, жалость до страданий к покойному мужу, как он страдал последнее время... Жить не могу. Уехала А. Ив. Маслова. Больна горлом сестра Татьяна Андреевна.

30 ноября. Приезжала Саша с Марией Александровной, Вака Философов. Тане лучше. Михаил Сергеевич уехал в Пирогово. На поле, весь ноябрь пасмурно, сыро, снегу мало. Мрачна, ужасна жизнь впереди — и одиноко будет на днях.

1 декабря. Все то же эти дни, тоскливо, ничего не записывала.

2 декабря. Пока еще, слава богу, все со мной, что-то будет! Приезжала Саша с Варварой Михайловной.

4 декабря. Уехал Мих. Серг. Сухотин в Москву. Приехал корреспондент «Нового времени» — Ксюнин [107]. Ночью приехал Сережа Сухотин. Ветер, снегу нет, пасмурно. Ничего не делала, много болтовни вокруг меня.

5 декабря. Приезжали Сергеенко, Сережа Сухотин и др. Показываем комнаты Льва Ник. посетителям.

6 декабря. Опять посетители, приехавшие на могилу с Ал. Вас. Цингером. Милый человек. Показывала им комнаты. Был Булгаков. Читала свои «Записки». Уехали мои милые две Танечки. Еще грустней и тяжелей.

7 декабря. С утра глубокое, невыносимое отчаяние, не спала ночь, плакала все утро. Приехала невестка Соня, потом к обеду сын Илья, и стало отраднее. Приезжали Булгаков и Белинький. Все еще на точке замерзания.

8 декабря. Утром уехала сестра Таня, я очень плакала. Мучительно одиночество, не о ком заботиться, и до меня никому нет дела. Не помню, что делала. Что-то писала, с Соней была на могиле Л. Н.

9 декабря. Переписывала и переводила письма французские для издания [108]. Корректуры. Приехал художник Россинский [109]. Вечером уехала невестка Соня.

10 декабря. Весь день корректуры читала. Здесь художник Россинский. Приехал к обеду сын Миша, в восемь часов уехал к Саше, оттуда к себе, в Чифировку. Брала ванну. Поднялся ветер. Писала Масловой, Танееву [110], Андрюше, Леве.

11 декабря. Была жена Лебрена, Иулиана Семеновна. Убирала с Ильей Васильевичем вещи Льва Николаевича от моли и расхищения. Страшно было тяжело, и вообще мучительна жизнь. Писала Тане и Е. Фед. Юнге. Вечер спала под звуки страшной бури. Одиноко, совесть мучает, безвыходно!

12 декабря. Корректуры читала, ходила с сестрой милосердия на деревню. Стало еще грустней, все плачут, кто меня встречает. Разбирала газеты. Уехал Душан Петрович к Мише; у его мальчика Пети воспаление в легких. Был какой-то издатель — Ленковский. Вечером телеграмма, приезжает Сережа.

13 декабря. Ночь не спала совсем. Ох, уж эти ужасные, бессонные ночи, с думами, мученьями совести, мрака зимней ночи и мрака в душе! Приезжали дамы из Петербурга с письмом от М. А. Стаховича, Елена Ив. Тимрот с другой. Приехали Н. Н. Ге, Дм. Вас. Никитин и сын Сережа. Стало легче жить с ними. А потом опять одиночество!

14 декабря. Гости мои еще не уехали, и я так рада! Хотя не спала ночь, плакала, страдала и ушла на могилку. Там художник и урядник — неприятно. Выписывала книги в библиотеку, все больше Льва Николаевича. Какая теплая зима! 2 гр. тепла. Писала Леве.

15 декабря. Провели со мной день сын Сережа, Марья Александровна, Булыгин и Ге. Приезжала Саша, с ней дружелюбно. Плакала много, мучительна разлука вечная с Льв. Ник. Одно утешенье — самой недолго жить. Уехал Никитин. Занялась немного корректурой, очень нездоровится.

16 декабря. Вся яснополянская деревня — мужики, женщины, дети собрались сегодня, в 40-й день кончины Льва Николаевича на его могиле, которую оправили, уложили еловыми ветвями и венками. Три раза становились на колена, снимали шапки и пели «Вечную память»! Я очень плакала и страдала, а вместе и умилялась любовью людей. В этом мы были все вместе. И как все ласковы ко мне. Писала сестре Тане, дочери Тане, Илье, Андрюше. Одиноко и тяжело!

17 декабря. Принимала сонный порошок, спала, но пробуждение ужасно! Много опять посетителей издалека на могиле и в доме. Корректуры, газеты, — дела пока много. Живу с сестрой милосердия, Екат. Фед. Терской. Днем и вечером — корректуры, переписыванье и — тоска! Иногда кажется, что это все временно, а потом будет постарому.

18 декабря. Страшно тосковала весь день. Пошла ходить по саду, насыпало много снегу, потом прошла на могилу Левочки. И всякий раз недоуменье: неужели это он, мой любимый, дорогой Левочка там, под землею? И всякий раз плачешь, плачешь до боли в груди. Переписывала его статьи, корректура. Одиноко! Были 52 курсистки из Петербурга, ходили на могилу и осматривали дом.

19 декабря. Переписывала пьесу Л. Н. Ходила на деревню узнавать о податях, что у кого продают за подати. Приезжал на короткое время Пав. Ив. Бирюков. Был корреспондент «Русского слова» и посетители. Со всех концов приезжают. Были четверо из Австрии, славяне, 3-го дня, один с Кавказа, еще магометанин с венком. Много снега, все бело, тихо, красиво. 5 град. мороза. А где *Он?* Где?

20 декабря. Приезжали ненадолго: Саша, Варвара Михайловна, Хирьяков с женой, Пав. Ив. Бирюков, Сытин. Еще смотрели могилу и комнату Л. Н. евреи Варшаверы из Тулы. Не спала ночь, все утро плакала, мало занималась, переписывала, и корректура. Снежно, тихо, все бело, как и вчера, 5 и 6 гр. мороза. И все ни к чему, все ненужно, скучно, пусто!

21 декабря. Весь день провела с Мих. Ал. Стаховичем [111], и было приятно. Он много читал касающееся Льва Ник—а. Были с ним на могиле.

22 декабря. Встала поздно. Корректуры. Приехал сын Андрюша, а попозднее Илья. Я им очень рада, но оба грустные, расстроенные денежными делами. Переписала немного, легла поздно. Была с Андрюшей на могиле Л. Н. Плакала. Тяжелые разговоры с сыновьями о наследстве отца.

23 декабря. Уехал сын Илья. Он был у Саши и у Черткова, о котором все больше и больше узнаем плохого. Злой и хитрый человек. Ходила фотографировать могилу, все плакала. И какой прелестный, ясный, красивый, белый от инея день и синее небо. И еще грустнее от красоты! 13—17 град. мороза. Писала: Марусе, Булыгину и Танюшке. Вечером проявляла фотографию могилы Льва Ник.

24 декабря. Не спала опять и мучительно! Мышь разбудила. Копировала утром фотографию могилы Л. Н. Писала сестре Тане, Чефранову, в две редакции журналов: «Вестника Европы» и «Русского богатства», артельщику, начальнику станции, Сергеенке, Разумовской 10 р. 50. Вечером переписывала рукопись Л. Н—а «Свет и во тьме светит» [112]. Набросок, и плохой. Андрюша спокойнее, но все еще раздражителен.

25 декабря. Грустный, мучительно печальный праздник! Рада была Андрюше, но он уехал в три часа. Пошла с сестрой милосердия на могилку Л. Н., снесла белых и розовых гиацинтов и зелени, и примулы, и еще какой-то цветок. Очень плакала. Красота природы, солнечного освещения поразительны. Много писали втроем: сестра, Душан Петрович и я, в зале, тихо, молча. 15 гр. мороза.

26 декабря. Плохо спала. Та же грусть. Писала весь день. Приехала Ю. Ив. Игумнова, бодрая, краснощекая и хорошая. Та же красота инея, солнца и мороза. Никуда не ходила. Писала Стаховичу, Масловой, сестре Тане и два деловых ответа.

27 декабря. Принимала от бессонницы веронал и спала до 12 часов дня. Совсем ошалела, но так лучше, не так остры страдания; тело теряет способность проявлять в себе душевные страдания. Но *где* тогда душа? Переписывала много, писала: Липе, Ване и Тане, Соне и Илюшку, два деловых письма. Тот же мороз, 15 гр., и ветер сегодня.

28 декабря. Сегодня два месяца, как уехал Лев. Ник. Ходила на могилу, все так же невыносимо горько и тяжело. Писала дочери Тане в Рим, послала фотографию могилы. 10 град. мороза, ветер, не так уж красиво. Переписываю рукописи. Приезжала дочь Саша; приехал с женой и дочкой Андрюша. Много было посетителей на могиле и в комнатах Льва Никол—а.

29 декабря. Писала весь день, корректуры читала, их было много. Андрюша жалок своей нервной неустойчивостью. Все мы таковы! И грустно. Стало теплей; не выходила. Переписывала хороший отрывок Льва Ник. о боге [113]. Писал хорошо, а что сделал?!

30 декабря. Приехали сегодня: сын Илья с женой и тремя старшими сыновьями. Андрюша сегодня получше, но все же нервен. Ветер, 6 гр. мороза, не спала ночь, днем немного лихорадило, не выходила. Сыновьям я рада, не чувствуется такого одиночества. Много корректур, и много переписывала «Что я видел во сне» [114] — рассказ Льва Ник—а.

31 декабря. Утром корректура, переписывала «Отца Сергия», поиграла немного с внучкой Машенькой. Приехал утром сын Сережа, вечером Вака Философов. Когда било 12 часов ночи, мы все сидели в гостиной и разговаривали о последних днях Льва Н—а. Потом пошли в столовую — залу. Пили чай, был пирог, фрукты, водичка (для внуков). Настроение грустное, но умильное. Спасибо тем,

кто приехал меня утешать. Были Сережа, Илья с Соней и три внука; Андрюша с женой, Вака Философов, Юл. Ив. Игумнова, сестра милосердия Терская, Душан Петрович, я. Интересно рассказал мне сын Илья, что ему сказал старый профессор Снегирев об уходе Льва Никол—а. Что существует такая форма воспаления легких, когда в самом начале делается ненормальное возбуждение мозга и, зараженный ядом инфекции этого воспаления, больной бежит из дома, беспокойно стремится сам не зная куда и блуждает. И вот Лев Ник. бежал сначала из дому, потом из Шамордина, потом сам не знал куда. Брали билеты в три места [115]. Снегирев предполагает, что Лев Ник. уже из Ясной Поляны уехал больной.

1911

1 января. Весь день переписывала копию Левы с дневничка Льва Никол—а от июля и августа. Уехали вечером к Марье Ник. в Шамордино, в монастырь Илья и Андрюша и Вака Философов. Ясная погода, 5 гр., лунные ночи и грусть, грусть! Дети мои, внуки, гости, вообще люди не утешение, а только развлечение. Я даже люблю свою грусть, как последнее общение с Левочкой моим. Слезы еще живут во мне ежеминутно, но я сдерживаюсь и уже боюсь их. Сережа-сын ближе всех мне, потому что мы оба горюем больше других.

2 января. Корректуры с утра. Ходила на могилу, снесла живые цветы, посыпала семя птицам. Очень плакала, горе неутешное и ничего непоправимо. Молитва не утешает. Уехали три внука. Вернулся Андрюша из монастыря, много рассказывал и больно было слышать, что Л. Н. страшно боялся моей погони за ним и очень плакал и рыдал, когда ему сказали, что я топилась [1].

4 января. С утра небольшая метель. Приехал художник Н. В. Орлов, уехал сын Сережа. Опять убирала книги, скучно! Вечером нахлынули сыновья Илья, Андрей и Миша, выпросили 1500 р. и собирают Илью в Америку продавать Ясную Поляну, что мне и грустно, и противно, и не сочувственно [2]. Я желала бы видеть Ясную Поляну в русских руках и всенародных.

5 января. Много корректур, все, кажется, ни к чему. Много плакала. Нет духовного центра мира отвлеченной жизни в доме, — и это очень тяжело! Любви тоже недостает, но она была у меня отнята раньше в ее выражении, если не в душе Льва Ник—а.

6 января. Уехал сегодня совсем от нас Душан Петр. Маковицкий. Я плакала, еще одна связь, относящаяся к Льву Ник — у, порвалась. Корректировала листы XX части [3]. Писала Тане открытку. Убирала книги, но их еще так много от Душана Петровича. Вечером наклеивала вырезки в книгу. Писала в Париж Halperine-Kaminsky.

8 января. Рисовала опять Андрюше календарь; не плакала, слава богу! Наклеивала газетные вырезки, стараясь их не читать, так как все наболело и не переставая болит. Мучают меня разговоры сыновей о продаже Ясной Поляны и желанье, и борьба Андрюши об оспариванье завещанья. Я только с одной стороны понимаю это желанье — отнять права у ненавистного Черткова.

11—15 января. Москва. Саша опять под тем же влиянием, которое погубило Льва Ник — а и меня,— Черткова. Он ее натравливает на меня. И Саша через своего поверенного Муравьева разослала нотариальные запрещения не пускать меня в мою комнату в Историческом музее, прекратить в типографии печатание моего издания и тому подобные гнусные поступки [4]. В эту травлю моральную меня Сашей нашелся еще советчик Ал. Бор. Гольденвейзер. Была в Историческом музее, беседовала с Советом музея, подала встречную Сашиной бумаге [5], тоже с запрещением кого-либо допускать до моей там комнатки, вещей и рукописей. Саша грозит повредить всячески моему изданию — пускай! Уехала вечером в Ясную Поляну, не приходя ни в какое соглашение с Сашей. Как все, что она делает, огорчило бы ее покойного отца.

19 января. Утром читала корректуры. Собралась на могилку, задержал приезжавший сын Миша из Москвы. Все разговоры о способах защиты от злобы Черткова и Саши. Очень тяжело и тревожно! Если б не обедневшие сыновья, все бы бросила. Занялась опять наклейкой вырезок, приехал П. А. Сергеенко и опять помешал работе. И опять тяжелые разговоры о рукописях и издании. Как я устала.

20 января. Писала: Кузминскому, Ксюнину и Ежову. Ходила на могилу, очень плакала и молилась. Корректура, наклейки газетные, тяжелые разговоры с Андрюшей: «Если не будет денег, я застрелюсь». Это ужасно так думать! Писала еще Баженову. Боже мой, как тоскливо! Вступились за мои права газеты и адвокаты [6]. А насколько было бы лучше мир и любовное соглашение.

21 января. Очень тоскливо; сегодня особенно что-то, и все слезы подступают. Занятия те же: корректуры и наклеиванье газетных вырезок в книгу. Фарисейский фельетон г. Черткова во всех газетах [7]. Чем больше думаю, тем больше убеждаюсь и вижу, как пристрастно любил Лев Ник. все последнее время Черткова, и все больнее и грустнее. Очень морозно, 20 гр., ясно, красиво, так все бело, чисто, а как *мы* все черны...

22 января. Прочла 3 листа корректур и насладилась художественностью писаний Льва Ник—а.

23 января. Прочла, вероятно, *последние* в моей жизни корректуры «Юности». Телеграмма от Спиро, чтоб я готовила ответ на письмо Черткова в сегодняшних газетах, которых я еще не имею.

24 января. Писала в Государственный банк и Ксюнину. С утра во всех газетах неприятно было прочесть письмо Саши рядом с Чертковым [8]. Травля продолжается. Чем-то все это кончится! Вот когда желаешь и молишь о смерти. Статьи в газетах тоже все неприятные, затаскали имя любимого Левочки, и это невыносимо тяжело. Приезжал С. П. Спиро, сотрудник «Русского слова». Я просила ничего от моего имени не печатать. Холод, 16 гр., ветер. Сижу все дома. Тоскливо!

25 января. Весь день наклеивала вырезки и очень тяжело и глубоко тосковала по том Левочке-муже, каким он был до влияния Черткова и любви к нему. Прислали увеличенный портрет Льва Никол—ча, и такой он на нем серьезный и грустный! Приехал сын Сережа и все читает дневники отца с 1846 и по 1862 год. Андрюша все фотографии копирует и наводит везде порядок.

26 января. Провели у меня день сын Сережа, Пав. Ив. Бирюков, с предложением от Сытина купить у меня Полное собрание сочинений, и Цингер от Давыдова помочь будто бы мне в делах наследства и принадлежности рукописей Льва Ник. Тяжелые разговоры, разболелась голова. Я хлопочу о неприкосновенности рукописей и отдам их на вечное хранение в музей. Саша и Чертков хлопочут о том, чтоб хранение было на имя Саши. Я не уступлю ни за что.

30 января. Вечером вырезывала из «Новой Руси» «На каждый день», собраны газеты были еще по желанью Льва Ник — а [9]. Позднее перечитывала свои прежние Ежедневники и записные книжечки старые Льва Ник—а.

4 февраля. Ах как тоскливо! Ветер воет с утра. Переписывала интересные листки записной книжечки Льва Ник—а, материалы к никогда не написанному сочинению из времен Петра Великого. Очень интересно [10].

Получила письмо от Тани с советами и упреками — неубедительными [11]. Слышала, что вернулась в Телятинки Саша.

7 февраля. Днем гуляла по саду, пилила, молилась, призывала душу Левочки, просила его простить меня. Переписывала листки записной книжечки. Читала в «Вестнике Европы» о Льве Николаевиче [12].

8 февраля. Переписывала свои письма к Льву Ник. после его ухода.

9 февраля. Переписывала письмо мое к Кони [13]. Метила платки. Ходила на могилу Льва Ник—а, и очень плакала, и молилась, и просила у Л. Н. прощения, что не сумела сделать его счастливее последнее время его жизни. Надо было смириться перед его пристрастием к Черткову, а я не могла. Наклеивала вырезки газетные, очень тосковала весь день.

10 февраля. Писала Е. Ф. Юнге и Ксюнину. Сегодня с утра страшная метель. Переписала дневник Льва Ник., когда он сватался и женился на мне [14]. Немного шила. Тоскую, боюсь Москвы, а ехать надо. Уясняю кое-что для будущих поколений.

11 февраля. Приехали Андрюша и Илья, который уже уехал. Опять собираются в Петербург продавать Ясную Поляну. Переписывала с болью в сердце последние письма ко мне Льва Ник. и его маленький дневничок [15]. Все невыносимо тяжело, и везде *не он.* Куда исчез мой любящий и любимый Левочка?

12 февраля. Приезжал на минутку Миша, приехал mr. Salomon. Весь день ничего не делала. Получила телеграмму, что все издание готово.

13 февраля. ⟨*Москва.*⟩ Приезжала Саша, толстая, красная, как всегда упорная, скрытная, несговорчивая и недобрая. Тяжелый разговор. Какой крест — эта дочь. В Москве дела — неинтересная суета. Вышло новое издание в 20-ти частях.

16 февраля. Спешим продать и разослать новое издание.

17 февраля. Поехала в склад книг с утра, сделала коекакие распоряжения. Ездила в банк и к Говарду уяснить счет и чеки. Узнала, что подлежат аресту 16, 19, 20 части [16] Полного собрания сочинений. Все осложняется. Вечер дома.

18 февраля. Пошла к Масловым поговорить об аресте частей, не застала Федора Ивановича. Милая и участливая Юлия Афан. Юрасова. Читала, тосковала — все осложняется. Обедал здесь Саломон и Бутурлин. Я вяла и сонна. Уяснила цену издания: 77 000 р. пока.

19 февраля. Приехал Стахович, написал для меня письмо министру Двора о письмах царю в XX части нового издания [17]. Обедала у Масловых и вечер. Читала им дневники Л. Н. первые и последние нашей совместной жизни. Грустно! И теперь как все неопределенно и угрожающе!

20 февраля. Приезжали: Маклаков, Стахович. Советуют с Сашей третейский суд. Всякий *суд* тяжел. Приезжал Илья, Миша на минутку, Андрюша. Ездила его провожать с семьей с Павелецкого вокзала. Все разлуки — и жизнь одинока! Дела все плохи, не ладятся. Писала министру Двора * о письмах Л. Н. к Николаю II.

---

* Не было подано, министр уехал. *(Прим. С. А. Толстой.)*

21 февраля. С утра горячая продажа нового издания. Уплатила Говарду 20 000 р. за бумагу и типографии Кушнерева более 15 300 р. с чем-то. Была в банке у Дунаева. Кое-что купили, больше все ходила пешком. Оттепель и страшная грязь в Москве. Вечер, тихо. Дома. Приходил Торба. Грустно.

20 февраля. Была в банке, встретила М. Н. Ермолову. Была в музее, беседовала с княз. Щербатовым о рукописях, он едет в Петербург [18]. Писала министру Л. А. Кассо о том же [19]. Вечером пришли художники: Моравов и еще какой-то поляк, академик. Хотят рисовать виды Ясной. Был Торба. Опечатала полиция днем в складе XVI, XIX и XX части.

23 февраля. Рано утром поехала в склад, просила пристава не портить книг, когда будут накладывать печать. Потом с Верочкой ходила на грибной рынок. Оттепель. Днем переписывала свой летний дневник и болезненно все переживала. Ходила в церковь. Сегодня день смерти моего Ванечки. Хотя бы скорей господь соединил меня с Левочкой и Ванечкой.

24 февраля. Ездила развозить газетные объявления о выходе нового издания сочинений Льва Ник. [20]. Но вряд ли кто будет покупать без трех частей. Как все тяжело! Был Д. А. Олсуфьев, очень советует ехать в Петербург хлопотать обо всем.

26 февраля. Тяжко, переписывая дневники, переживать грустное прошлое и во многом чувствовать себя виноватой, хотя и невольно.

27 февраля. Посетили меня днем А. И. Маслова и С. И. Танеев. Очень было приятно!

2 марта. Весь день переписывала печальную историю моей летней жизни 1910 года. Плачу о непоправимом. Но все было предопределено судьбой. Был Стахович. Сегодня идут переговоры Бельгарда, Степанова (прокурора Судебной палаты) и Стаховича. Завтра и меня вызовут.

3 марта. Приезжали сегодня днем Миша Стахович и главный цензор по делам печати Алексей Валер. Бельгард, очень симпатичный. Они хлопочут о моих делах по аресту 3-х частей Полного собрания сочинений. Спаси-

бо им. Но и нужно считаться с вдовой Л. Н. Толстого. Нельзя посадить ее в тюрьму или крепость. Не выходила, беседовала с графом М. Фед. Гейденом.

4 марта. Дела мои по аресту 3-х частей плохи. Во всяком случае, придется перепечатывать два тома; это в лучшем смысле. В худшем посадят в крепость и будут раньше судить. Переписывала весь день, много плакала.

5 марта. Утром делала выборки из писем Сергеенко для замены в 20-й части [21].

6 марта. Переписывала утром. Днем ездила к Ек. Фед. Юнге, и очень было хорошо, сочувственно и приятно. Вечером переговоры с Сережей и Чефрановым о перепечатыванье частей, запрещенных цензурой, и об объявлении в газеты.

7 марта. Развезла по редакциям объявления о продаже сочинений Льва Ник. Поздно переписала 4 страницы, осталось — 90. Разговор брата по телефону о князе Щербатове.

8 марта. Кн. Щербатов по телефону сказал мне, что будет у меня в среду в 5 часов вечера и что вести из Петербурга для меня хорошие. Увидим! Весь день дома переписывала. Очень холодно, 10 и 12 гр. мороза, необычайно яркие звезды. Были А. Э. Юнге и Орлов с сыном. Тихо и глубоко горевала весь день.

9 марта. Был кн. Щербатов, сидел долго, говорил со мной о том, как выручить мне рукописи, но ни до чего не договорились, все осталось по-старому, только посоветовал мне написать письма Кассо и ехать самой в Петербург хлопотать, и дойти до самого государя, если ничего не добьюсь у министров. Сидела дома и переписывала.

10 марта. Написала два письма министру просвещения — Кассо. Одно о том, чтоб выдали мне все мое: вещи, дневники, письма и проч. Другое — о допущении меня к пользованию материалами для моих «Записок». Готовила все и для Петербурга. Обедали у нас Соня Мамонова, Миша Олсуфьев, граф Гейден, очень было приятно. Была в Румянцевском и Историческом музеях, просила копии с расписок, смотрела выставку.

11 марта. Весь день переписывала свой дневник, хочу его оставить в музее, может быть Румянцевском, если не пустят в Исторический, в мою там комнату. Был сегодня Георгиевский, хранитель рукописей Румянцевского музея, привез копию расписки музея мне в 1894 г. Вечер провела у Е. Ф. Юнге.

12 марта. Все утро переписывала и ночью кончила переписывать дневник свой от июня до октября — ухода Льва Ник. Вечером ездила во дворцовую церковь в Кремле, где нас венчали с Л. Н. — ко всенощной. Служба грубая, басы ужасные дьякона и певчих, Церковь пустая, полутемная. Грустно и мало впечатлила меня. Мне почет и привет Масловой, князя и княгини Одоевских.

14 марта. Свезла в Исторический музей свой последний дневник и 3 тетради разных копий с писем, старого и последнего дневничка Льва Ник.; но расписку с них получу завтра. Бегала по Москве, собираюсь завтра в Ясную. Чудесный весенний день, солнце, ручьи, и все грустно! Тянет домой и к могиле.

15 марта. Писала дочери Тане в Vichy ⟨?⟩ и Андрюше в Тамбов. Уложилась, получила расписку из музея Исторического на мой вклад. Простилась с Масловыми, взяла книги от С. Ив. Танеева. Он *плачет* о своей няне слезами, а я плачу о муже, и мы хорошо по душе поговорили. Вечером уехала в Ясную.

16 марта. Приехала домой в Ясную, плакала подъезжая, плакала очень на могиле и тоже в комнатах Льва Никол—а. Все как будто он еще тут, вот-вот придет, и я ему расскажу то и то. Здесь художник Орлов и Юлия Ивановна. Старушки няня и Дуняша тихо доживают. Пусто! Грустно! Счеты, хозяйство, дела! и только пока.

21 марта. Переписывала дневники. Какая добросовестная, старательная подготовительная работа Льва Ник—а к его творениям в его записных книжечках!

23 марта. Кончила переписывать записную книжечку Льва Ник — а, и жалко! Теперь ничего у меня нет из его писаний! Все та же грусть, сижу дома, одна! Повесила большие портреты Льва Ник. Ничего они мне не говорят. Их так много, да и раньше — везде они!

24 марта. Весь день живо, живо вспоминаю события последнего времени жизни Льва Ник.—и мучительно, и вместе с тем кажется, что иначе *не могло* быть. Все было предопределено.

25 марта. Приезжал Дм. Вас. Никитин нас всех навестить. Был у Саши. Говорили о споре о рукописях. Письмо от министра народного просвещения — Кассо: отказ во всем, и я очень расстроилась [22]. Переписывала свои Ежедневники. Нет ни на что энергии.

27 марта. Ходила на могилку Льва Ник—а, мучительно плакала. Думала о дочери Саше. Как она одинока среди чужих. Бедная. От матери ушла, братья ее не любят. Собачки ее, особенно Белка, и те меня навещают, а она никогда не навестит горюющую мать.

28 марта. Вечером Ник. Вас. Орлов читал всем критическую статью о Льве Ник—е, — из его религиозного искания бога. Потом короткие рассказы Чехова. Я не умею смеяться, и потому мало было удовольствия.

4 апреля. Читали вслух письма сына Левы из Америки [23]. Лежала, рассказывала и читала кое-что Гальперину для его статьи об уходе Льва Никол—а [24].

7 апреля. Писала старательно свое завещание [25], подписали Волков и Орлов. Читаю на ночь ежедневно «Круг чтения» и Евангелие, и это хорошо.

9 апреля. Очень тосковала весь день, мучила меня, как всегда, совесть, что не умела сделать счастливым Льва Ник. последнее время его жизни.

10 апреля. Теплый день, ветер, вышла в первый раз и — пошла, конечно, на могилу Льва Николаевича. Вдали усиленно звонили в колокола. «Христос воскресе» звучало по всей России, а в лесу, на могиле было тихо, тихо; качались засохшие венки на ветру, и я молилась и плакала, а потом тихо и долго сидела на дощечке, положенной на пни. Воскрес ли Христос в душе моего любимого умершего мужа, когда он злобно покинул меня и свой дом и обездолил несчастные семьи своих сыновей? Да простит ему господь!

14 апреля. Приехала Таня в 5-м часу утра, бодрая, умная и участливая, как всегда. Она ездила к Саше в Телятинки. Кончила копию, еще поправлю, когда высохнет.

16 апреля. Приехал сын Сережа. Так хорошо весь день провела, отдохнула душой среди милых мне людей, и как будто и здоровье лучше. Так уютно сидели вечером все вместе: Сережа, Таня, Марья Александровна, Юлия Ивановна, Андрюша, Катя и я. Пили чай, дружно беседовали. Увлекаюсь немного копией с пейзажа Похитонова, пишу вторую.

18 апреля. Уехали мои милые старшие дети: Таня и Сережа, и опять я одна с Юлией Ивановной, и с нами художник Орлов, копирует Репина портрет Льва Никол. В первый раз вышла погулять с Машенькой. Чудесный весенний день. Грустно!

19 апреля. Читаю Чирикова роман «Юность» [26]. Какой узкий жизненный кругозор! Писала копию с пейзажа Похитонова. Льет дождь весь день. Вечером Орлов читал вслух рассказы Чехова.

20 апреля. Не интересна моя жизнь! Два раза ходила на могилу и не могла войти в ограду — опять сломали замок. Писала пейзаж могилы, читала Чехова — умно, но много насмешек, я это не люблю.

Утром ясно, потом гроза, короткий сильный дождь. Я не плачу эти дни, я вся застыла, и теперь моя жизнь — *терпенье.* «А слово *жить* ведь значит: покоряться» [27],— писал Фет.

21 апреля. Прочла сегодня в газетах неприятное известие о приговоре Судебной палаты уничтожить три части XVI, XIX и XX моего издания. Убытки огромные, и досадно[28].

25 апреля. В Москве. Ездила в Судебную палату, просила прокурора Степанова ускорить решение моего дела по аресту 3-х частей нового издания [29]. Обещал послать определение Судебной палаты к главному цензору Ал. Ал. Сидорову. Поехала в Цензурный комитет. Сидоров обещал по получении определения немедленно снять арест.

26 апреля. Смотрела Похитонова выставку, где дом, сад, въезд в Ясной Поляне и очень плохие портреты Льва Николаевича[30].

27 апреля. Была у инспектора в Чернышевском переулке и в Комитете цензурном. Все очень стараются, и книги, 3 части, завтра освободят из-под ареста[31]. Был Чефранов, и я поручила ему перепечатыванье частей. Вечером пошла к Масловым, никого не застала. Занялась до 2-х часов ночи XX томом.

29 апреля. ⟨*Петербург.*⟩ Встретили меня Таня-сестра и Андрюша. У Кузминских хорошо, родственно. Писала фрейлине, граф. Гейден о принятии меня императрицей Марией Федоровной.

30 апреля. Была граф. Гейден, императрица в приеме отказала[32]. Был Гальперин с дочерью.

1 мая. Толпа посетителей. Языкова, Вера Мещеринова, Миша Иславин с женой, Наташа Ден с мужем и проч., и проч. Обедала у Стахович; славный старик. Вечером первое заседание Толстовского музея[33]. Сережа-сын приехал: он — председатель, я — почетный член. Скучные отчеты. Зося возила в карете. Писала Нарышкиной и министру Щегловитову[34].

2 мая. Была на Бассейной в магазине книжном Левы. Вечером были: Репин, Нордман, М. Стахович, Дм. Ад. Олсуфьев, семья Гальпериных и министр Щегловитов, который был очень любезен и обещал помочь в делах рукописей. Днем была в Зимнем дворце у Нарышкиной, просила устроить свиданье с государем. Слабо обещала.

3 мая. Утро дома, потом была у министра П. А. Столыпина. Сестра Таня была со мной. И он, как Нарышкина, вполне понимает выгоду и необходимость покупки Ясной Поляны и отдачи мне рукописей, но боятся доложить опять государю, тем более что теперь при дворе *церковное* веяние. Все очень любезны, но дело не движется. Обедали у Леночки Фукс с родней моей, и очень приятно.

5 мая. Много было народу. Арабажин читал лестную статью свою обо мне[35]. Дина Огарева с Зосей Стахович, Зиновьев Н. А. и его жена, Н. А. Альмединген, Мещериков и проч. Вечером Ауэрбахи и дети брата Вячеслава — Берсы. В $8^1/_2$ часа была у министра Коковцева о покупке Ясной Поляны. Серьезен, сух, деловит и чем-то расстроен. Но обещал содействовать[36].

6 мая. У Шубинского-адвоката утром, обещал, в случае Саша подаст в суд, и помочь, и защищать. Пишу Нарышкиной о приеме меня в Царском, еще Столыпину и государю, излагая сущность моих дел. Жаль очень Ясной Поляны!

7 мая. Целый день сидела дома, писала письма царю и министру Столыпину. Ездила с Таней по городу. Корреспонденты мучают. Начала тосковать, тянет домой и на могилу. Продажа Ясной Поляны начинает меня очень мучить.

8 мая. Поездка в Царское не состоялась, гофмейстерина Нарышкина писала, что помешал приезд вел. кн. Елизаветы Федоровны. Назначила свидание в Зимнем дворце, во вторник. Очень досадно! Так хочется скорей домой. Был Митя Олсуфьев и С. П. Ауэрбах. Чинила Тане простыни, никуда не езжу.

9 мая. Были у меня академик А. А. Шахматов[37] и Е. А. Нарышкина. Не спала ночь, тоска и много неудач.

10 мая. Была в Зимнем дворце у гофмейстерины Ел. Ал. Нарышкиной. Она очень любезна, подарила свою книгу «Воспоминаний»[38] и взялась передать письмо мое к государю[39]. Вечером уехала в Москву.

12 мая. ⟨*Москва.*⟩ Сдавала в типографию весь материал для перепечатанья всех 3-х арестованных частей[40].

13 мая. Была в Думе, говорила с Гучковым о продаже моего московского дома[41]. Грустно разорять все мои гнезда, где столько воспоминаний счастливой и полной жизни. Была у Ек. Фед. Юнге, она не унывает, а тоже одинока и горя у нее много было.

15 мая. Писала: Ал. Мих. Кузминскому с копиями писем к Кассо и от него[42]. Еще Илье и Мише о бумаге в Исторический музей. На могилу не ходила, много посетителей, а нам с Левочкой надо побыть наедине.

16 мая. Ходила на могилу, положила букет из полевых цветов, долго сидела, плакала, молилась. Нет жизни, ко всему тупа, равнодушна, а в душе страданья тяжелые. Бродила по Чепыжу, около дома, рвала цветы — ничего не нужно! Поправила английскую корректуру Моода о кончине Льва Ник., еще больше расстроилась[43].

17 мая. Читаю все об Левочке своем: Булгакова, Лазурского, Rolland, Maude и проч. Не то! Не то![44]

18 мая. Приезжал сын Миша. Ходила под дождем на могилу Левочки, набрала и положила букеты полевых цветов, и могилу уже кто-то всю украсил ландышами и венками из незабудок. Плакала, молилась. Из Тулы Коротнев копировал планы Ясной Поляны для Сережи[45].

20 мая. Копировала фотографии для альбома. Приезжал сын Илья на короткое время. Писала Столыпину об ошибке количества земли Ясной Поляны[46]. Читаю о Льве Ник—е Булгакова и Rolland. Какая разница — стиль Булгакова и культурного француза.

24 мая. Все работаю над фотографиями. Очень устала. Ходила на могилу и всякий раз горько плачу, точно я способствовала уходу из жизни любимого мужа. А как горячо — до последней минуты его жизни — я любила своего Левочку! *Что* случилось — непонятно, и навсегда будет непостижимо. Чудесный теплый день, Нет совсем цветов, все вымерзли. Читаю в журнале «Foi et Vie» Roche, Rion и др. *о Tolstoï*[47].

25 мая. Усиленно кончала фотографические снимки; завтра утром кончу всю работу и сдам в Москве в работу для альбома фототипий[48].

28 мая. Фотография с утра. Приехал Вас. Ник. Горяинов, П. И. Бирюков. Потом, вечером, сын Сережа с Богдановым, секретарем Толстовского общества в Москве. Вечером Сережа прекрасно играл Шумана, Шопена и др. Мучительны воспоминания о Л. Н., как он любил

музыку и слушал эти же вещи с удовольствием. Но люблю и я ее, и хорошо от музыки. В газетах, «Русское слово», напечатано, что в Совете министров решено купить Ясную Поляну за 500 000 р.[49].

30 мая. Утром приезжал Спиро, сотрудник «Русского слова». Много посетителей на могилу и вообще в Ясной. Уехал сын Сережа. Напечатала для Сережи 14 фотографий снимков Ясной Поляны. Вечером вязала, слушала с тоской в сердце граммофон и читала о Белинском[50].

31 мая. Много читала о Белинском; долго сидела на могиле; там были чужие посетители, и я напрасно много с ними говорила. Ждали сегодня Таню, а она не приехала, и я очень огорчилась. Бродила одна вокруг усадьбы и тосковала о продаже Ясной Поляны правительству.

2 июня. Приезжали смотреть кабинет и могилу Левочки мать и сын Пришвины[51]. Ничего почти не делала весь день. Таня ездила в Овсянниково с приехавшим с ней Маковицким; виделась там с бедной Сашей, которая грустит от своего одиночества. Страшный ветер, к ночи дождь. Записывала письма. Писала Леве и Булгакову.

5 июня. Сегодня уехала моя Таня и художник Виноградов, и опять опустело в доме.

6 июня. Читала старинную французскую книгу «De l'Amour»[52]. Наивно, малосодержательно, но язык прекрасный. Переписывала свои Ежедневники.

9 июня. ⟨*Москва.*⟩ Обедала в «Праге». Приятная беседа с художником Нестеровым[53] и дружественная встреча с Алексеем Маклаковым. Вечером был Бирюков.

10 июня. Покупки, последние дела в Москве. Смотрела домик, купить, когда продам свой, и заходила по этому случаю к Ковалевскому в архив. Жарко, ясно. Вечером уехала в Ясную. Сдала в фотографию Мея свои снимки для альбома.

11 июня. Приехала утром, потом вернулся и Андрюша. Тоскливо и мучительно возвращаться в опустевшую Ясную Поляну! Убралась, поспала, ходила на могилу. Тяжелая сцена отнятой у бабы травы черкесом. Велела им все отдать.

13 июня. Не спала ночь. Приехал сын Миша, выпросил 1800 рублей. Я дала, хотя неприятно это вечное вымогательство денег всех моих детей, кроме дочерей. Принялась вновь писать масляными красками копию с портрета Льва Ник. — Репина; плохо идет работа. Известие о приезде члена Крестьянского банка по продаже Ясной Поляны. Жалко и больно!

15 июня. Приехали оценщики-чиновники по делу продажи Ясной Поляны — тульский Трухачев, петербургский Иван Львович и Никифоров Алекс. Александр. Суетливый день. Съехались все сыновья, кроме Левы. Немного пописала копию,— и только. Планы перевести меня жить во флигель — все снова, а жизнь на склоне — и тяжело[54].

16 июня. Сережа, Миша и Илья уехали, а неожиданно приехал Лева. Ничего не делала, все разговоры и кошмарная продажа Ясной Поляны, перепись вещей и всего, что касалось любимого, близкого человека. Храбрюсь, но тяжко! Гроза вдали, шел небольшой дождь, принесли первые ягоды и белые грибы, и рыжики. К ночи сильная гроза, лил дождь.

17 июня. Переписала все предметы в спальне и все почти отдаю правительству под музей. И грустно, и думаю, что так надо. Немного пописала копию. После обеда ходила на могилу. Долго была там душой с моим Левочкой, и молилась, и плакала. Приехали опять Илья и Миша. Уехал раздраженный Андрей. Тепло, дождя не было. Начали косить сено.

18 июня. Сегодня рождение Саши. Ей 27 лет; я весь день о ней думала. Бедная! Неужели ей не грустно жить отчужденной от семьи. Ведь семья ее же любимого отца. Уехали Миша с Левой и Никифоров. С перерывами идет дождь и гроза. Немного пописала свою копию, стала получше. Пересматривала опись.

19 июня. Писала: Ксюнину, Торбе и в биржевую артель. Посетили дом и могилу около 125 человек. Я принимала посетителей с Юлией Ивановной, но не всех. Уехал Трухачев. Жарко, тихо, на деревне песни, а на душе — грустно, грустно! Привыкаю к одиночеству и думаю постоянно о смерти. Копировала портрет. Плохо!

20 июня. Приезжали О. В. Фредерикс с сыном и дочерью и Марьей Васильевной, ее другом. Погуляла с сыном Левой и много разговаривали. Нет счастливых людей на свете! Очень жарко, убирают покос, приносят ягоды и белые грибы.

21 июня. Все то же: пишу копию, идет дождь; читаю интересные «Воспоминания» Нарышкиной. Блестящая придворная, но и интеллигентная ее жизнь: не то что мои наивные «Записки» о будничной, материнской жизни.

23 июня. Начала копировать вид Чепыжа Похитонова. Копия портрета пусть просохнет. Вернулся Андрюша; идет весь день дождь. Лева нервно и мучительно неустойчив в своих планах. Та же жизнь сегодняшнего только дня и радостная надежда, что каждый день приближает к смерти.

24 июня. Писала русскому фотографическому обществу и Торбе. Ездили с Душ. Петр. Маковицким к Горбуновым и Марье Александровне в Овсянниково, и было приятно. День без дождя, тепло, лежит бурое сено. Немного писала масляными красками, не удовлетворяет мой плохой труд. Без ученья и с близорукими, почти слепыми глазами далеко не уйдешь. Пустые и тяжелые разговоры о наживе денег.

25 июня. Кончила копировать пейзаж, испортила портрет. Ходила на могилу, снесла большой букет и очень плакала. За обедом расстроил Андрюша.

Чудесный вечер, закат, освещение, свежая зелень, цветы... и чем красивее, тем грустнее... На могиле встретила молодежь, шли на поклонение; просила их не трогать моих цветов и роз.

27 июня. Решила кончить копию и больше над ней не работать, не по силам. Кончила читать «Воспоминания» Нарышкиной. Приезжали Звегинцева, гр. Ланские брат с сестрой, мальчик кн. Черкасский и еще какой-то с ним господин. Ездили на могилу, осматривали дом. Ровно год тому назад собирались с моим милым Левочкой к сыну Сереже. Ему не хотелось ехать, но поехал для меня.

28 июня. Рождение моего сына Сережи. Ему сегодня уже 48 лет. Собиралась к нему и не поехала. Думаю, кому я там нужна? А здесь Машенька остается одна, Катя едет на свиданье с отцом, и Леву жаль оставить, он скоро уезжает, и нездоровится мне! Читала много газетных и журнальных статей о Льве Ник., вписывала книги в каталог. Ходила на могилу с розами и другими цветами. Очень плакала, вспоминая и прошлогоднюю нашу поездку к Сереже, и его рожденье 48 лет тому назад. Мне было 18 лет.

29 июня. Вчера шел все дождь, и вечером было 8 гр. Сегодня ясно и свежо. Всячески хотела заглушить свое горе — косила, выкачивала воду, ходила с Юлией Ивановной далеко на Телятинский участок, мной купленный. Там чаща березок. Вечер с сыновьями. Не счастливы они все — и это очень грустно! Не жизнь, а мечты о какой-то неопределенной жизни и счастье.

30 июня. Фотографировала дневничок Льва Ник—а. С перерывами дождь и солнце. Сено погибает. Ночь холодная. Был на минутку Миша-сын с Кулишевым. Писала А. И. Мею и Тане. Вернулись Катя и Андрюша. Приезжал на минутку Душан Петрович. Вечером занялась с Машенькой марками. Позднее перечитывала Льва Николаев. письма ко мне и очень волновалась от воспоминаний нашей жизни и любви.

1 июля. Писала Дм. Ал. Матренинскому, прося за кондуктора. Никуда не ходила, болят ноги и глаза; проявляла фотографии маленького дневничка Л. Н. Андрюша и Лева были в Туле. Вечером читали вслух письма Л. Н. ко мне 71, 72, 76 и 78 годов. Андрюша был очень тронут. Холод, дождь; покос остановили. Был Ив. Ив. Озолин со станции Астапово с сыном.

2 июля. Копировала все утро снимки и вновь снимала дневничок. Приезжали смотреть комнаты и могилу Льва Никол. две сестры, Треповы, одна замужем за Галл. Они дочери Дмитрия Федоровича. Приехал землемер, делает планы на Грецовку, на землю под флигелем и дворовыми избами. Как будет странно начинать жить на новом месте и как скучно и грустно *вновь* устраиваться! Ходила на могилу, снесла цветы. Читала вечером письма Л. Н. ко мне 1879, 80, 81 и 82 гг.

4 июля. Усиленно работала, фотографируя дневничок Льва Ник—а. Грустно, больно его читать! Бедный мой любимый Левочка, до какого тяжелого отчуждения дошли мы под конец! Чувствую себя виноватой, но я так сама страдала! И болела. Сделала большую прогулку после обеда с Андрюшей, Катей и Юлией Ивановной. Везде покос. Шли лугом, вдоль Воронки, вернулись купальной дорогой, зашли на могилу. Очень болит глаз,— вечером вязала. Ясно, 8 гр. только. Тяжелые разговоры о завещании. Нет больше умственной и духовной жизни в доме, и тяжело! Недостает ее!

5 июля. Кончила фотографированье, весь день усиленно работала. Вечером ходила за цветами и снесла большой букет на могилу Левочки. Лева стал спокойнее, много играл на рояле, который очень хвалил. Его игра, как и его мысли, перескакивают с одного мотива на другой. А мог бы хорошо играть. Так и все свои способности размечет по мелочам.

6 июля. Сегодня П. И. Бирюков привозил человек двести (200) народных учителей и учительниц осматривать дом, усадьбу и могилу Льва Николаевича. Я помогала и с многими беседовала. Сочувствия мне много. Вечером наклеивала газетные статьи — вырезки. Опять несносная полемика из-за статьи Черткова! [55] Дождь испортил все сено.

8 июля. С утра нездоровилось и болят глаза. Уехал сын Лева в Петербург. Очень грустно, давилась слезами, и тосковало сердце. Если б он был счастлив! А то и этого нет. Писала Мею об альбоме и послала снимки-образцы. Весь день опять дождь. Писала Юнге и Тане, Нат. Абрикосовой. Читала «Из моих воспоминаний» Юнге и «Юность» Чирикова.

9 июля. Вернулся Андрюша, приехал гр. Д. А. Олсуфьев. Начала писать масляными красками могилу Левочки [56]. Много сегодня было разговоров и тяжелых воспоминаний об его уходе и настроении последнего времени. Не *мой* это был Левочка!

10 июля. Было около 140 посетителей дома и еще больше на могиле. Некоторых водила в дом я. Читала 2-ю тетрадь писем Льва Ник. ко мне. Грустно вспоминать прошлое, но иногда и хорошо. Писала могилу масляными красками, трудно очень, вряд ли одолею. Писала Торбе, льет дождь. Вечером хорошо беседовали о прошлом с Олсуфьевым. Он очень милый человек.

12 июля. Ничего почти не делала весь день. Вечером дочитала записи Д. П. Маковицкого о Льве Ник. и нашей жизни. Вяло, как и сам Маковицкий [57].

15 июля. Ходила на могилу, снесла большой букет цветов и очень почему-то сегодня горько плакала и желала смерти. Ночью привезли в Телятинки Саша и Душан Петрович монахиню нашу, Марию Николаевну. Я еще ее не видала.

16 июля. Не спала всю ночь, приняла veronale и поздно встала. Поехала к Саше в Телятинки повидаться с золовкой Марией Николаевной. Много разговоров и много слез. Ничего нового не узнала, кроме об напечатанной за границей «Обедне» в «Воскресенье» [58]. Лев Ник. обещал сестре не печатать этого места, а Чертков напечатал.

17 июля. Очень суетливый день. Пропасть посетителей на могиле и в доме. Художники, снимающие фотографии для скульптора Меркурова, которому заказана рельефная карта Ясной Поляны [59]. Заболела Катерина Васильевна.

19 июля. Приезжала на весь день к нам наша милая монахиня, Мария Николаевна. Весь день меня душат слезы; сколько раз я принималась плакать! Разговоры, воспоминанья. Видела дочь Сашу два раза, и с ней дружелюбно.

21 июля. Весь день суета, но во мне ее нет. Так торжественно глубоко и серьезно живет во мне мое горе утраты Льва Николаевича, и так неважно мне все остальное.

24 июля. Большая суета. На минуту заезжали: Илья, сын, его жена Соня, Саня Кузминский. Приезжала наша милая монахиня, Мария Николаевна, какой-то серб-док-

тор, знакомый Душану Петровичу. Заботы хозяйственные и желанье со всеми побыть меня засуетили. Еще приезжал вернувшийся из ссылки Гусев[60]. Обедало 15 человек.

26 июля. Приезжала к нам Мария Николаевна, рассказывала, что Чертков шесть раз ее фотографировал и сам был в группе, и Саша. Неприятно это! Опять вихрь, гроза, дождь. На могиле сломало сухое дерево. Такая суета, что ничем нельзя заняться.

29 июля. Приезжал бывший наш губернатор Зиновьев с дочерью Надей Фере. Гуляла с ними, ходили на могилу. Читала им и Горяиновым мои записки «Моя жизнь». Вечером позднее ездила в Телятинки, посидела с Марией Николаевной и увезла Варю к себе.

30 июля. Писала масляными красками могилу, со мной была Варя Нагорнова. Приходили посетители, все больше молодежь. Писала: Тане-сестре, послала книжечку ее и письмо Саломону[61].

31 июля. Приезжали: Денисенко Ив. Вас. с женой Леночкой и Зося Стахович. Все это *визиты*, без души, без любви, без радости кому бы то ни было. Мне грустно, я столько дала людям любви и встречаю столько несправедливости, недоброй морали, осуждения и холодности. Видно, не заслужила лучшего. Да и контраст между мной и умершим Левочкой так велик! Он *умел* приобрести любовь людей, а я не умею. Пыталась опять писать могилу, помешал дождь. Было много посетителей. День, исключая небольшой тучки и дождя, простоял ясный и теплый. Варя Нагорнова уехала к матери в Телятинки.

2 августа. Днем пошла на могилу кончать свой рисунок, помешала гроза. Все испортила, вернулась домой. Во время обеда неожиданно приехали сын Сережа и Сухотины. Я очень им обрадовалась. Потом приехали Раевский с женой и свояченицей — Философовой, которая нам много пела, Сережа аккомпанировал. Очень приятно провели вечер.

4 августа. Кате гораздо хуже. Мы все очень встревожены! Ходила с Варей Нагорновой на могилу Льва

Никол—а. При новой тревоге опять с прежней силой всплыло в сердце мое неутешное горе. Весь день вспоминаю своего милого Левочку, и слезы душат.

5 августа. Приезжала Машенька, монахиня, к нам с Сашей. Уехала Таня с мужем (Сухотины). Кате все плохо, и на всем лежит тяжелый гнет. Ходила с Варей Нагорновой на могилу и очень опять плакала. Особенно ясно вспоминала и страдала, что мой любимый Левочка был такой несчастный и грустный последнее время, и я была отчасти виной — но невольно!

6 августа. Была в Телятинках у Саши, беседовали с золовкой Марией Николаевной, монахиней. Поразил меня ее рассказ о том, как мой бедный Левочка перед самой смертью все повторял: «Что же делать? Что же мне теперь делать?» И с тоской, и с тревогой. Как мучительно мне его жаль! Не было мира его душе перед кончиной. В Телятинках злобная выходка Ольги Константиновны и уход Саши демонстративный.

10 августа. Был Спиро, корреспондент «Русского слова».

11 августа. Опять занялась уборкой. Ходила на могилу, очень плакала, снесла цветов и все беседовала с душой моего Левочки. Где он? Мучительный, безответный вопрос. Вечером уехала в Москву.

12 августа. ⟨*Москва.*⟩ С утра была в Городской думе, подала заявление о продаже нашего дома в Хамовническом переулке [62]. Там все поставлено по-старому и точно могила! Где Ванечка? Где Маша? Где Левочка? Все там жили, а теперь? Ужасно! Я очень плакала! Заключила условие на «Альбом» из моих снимков. Вечером был Торба, решили продавать «Азбуки» и разные книги за полцены [63].

13 августа. Утром опять разговоры об «Альбоме». Немного страшно, что дорого придется продавать; очень много стоит издание. Покупки, вечером для Верочки пошла смотреть кинематограф. Тоска! глупые сюжеты для некультурной публики. Уехать не могли, такая толпа на вокзале. Вернулись в Хамовнический переулок.

14 августа. Утром уехали из Москвы. Приехали в Ясную днем. Везде грустно! Раскладка; больная, улыбающаяся Катя, нервный и утомленный Андрюша. Очень пополневшая Юлия Ивановна за это время и Машенька, эти дни нежная. Дорогой читала: «Does Woman represent God».

16 августа. Копировала и послала фотографии Мею. Варила варенье — яблоки, персики; мариновала сливы красные. Суеты много, а для чего? Одна еда сладкая, бесцельная. Сегодня приходила вдова с 2-мя крошками, а как они ухватились за белый хлеб! Дала ей 4 рубля. Был Н. Н. Гусев. Искренний ли он человек? Писала сестре Машеньке о стульях переносных.

19 августа. Уехал двоюродный брат А. А. Берс с дочерью. Видела во сне Левочку, он лежал с закрытыми глазами, и так ужасно сегодня, тоскливо! Не сиделось дома, все бродила везде вокруг, осматривала флигель, свою будущую берлогу. Писала Гучкову [64].

20 августа. Приехал Хрис. Ник. Абрикосов. Писала опять могилу масляными красками. Вечером немного переписала Ежедневник 1910 г. Грустные в нем напоминания!

21 августа. Ездила с Абрикосовым в Овсянниково к М. А. Шмидт. Она худа, плоха. Наклеивала газетные вырезки и фотографии. Вечер лежала. Болит горло и опять глаза. Скучно, что не могу ни читать, ни писать. Чем жить? Одной мыслью. Но я не мой Левочка, я натура бедная, нужна мне умственная помощь.

22 августа. Мое рождение, мне 67 лет. Зачем я родилась? Кому это было нужно? И неужели я не скоро кончу свою скорбную жизнь? Копировала фотографии, но мешал весь день дождь.

25 августа. Стало еще холоднее, 4 гр., но к ночи ясно, лунно. Писала Саше, она тоже больна, кашель, плеврит, и за нее страшно. Прислала мне сливы. Я подарила ей часы с боем и барометр, и она рада. Убирала сегодня с тоской и любовью обе комнаты Левочки. Бедный! Уж он ⟨ли⟩ не любил своего уголка и — ушел. Писала могилу и берегу глаза, ничего почти не делаю.

26 августа. Не спала ночь, весь день почти ничего не делала, болят глаза. Ходила на могилу, там Батурин прекрасно пишет могилу без ограды, что гораздо красивее. Вечером он мне рассказывал печальную историю своей женитьбы. Читала воспоминания Ек. Фед. Юнге[65]. Хорошо написано, и совестно за свои «Записки».

28 августа. День рожденья покойного Льва Николаевича. Было около 300 посетителей в доме и много на могиле. Я не ходила; тяжело видеть столько полиции, и все-таки мало настоящего чувства к Льву Ник — у[66].

Приехал сын Сережа и внук Сережа с учителем mr. Kuez. Побывали: Бирюкова семья, Горбунов с женой, Линева, чехи и проч. Весь день с гостями. Еще была кн. Черкасская. На душе серьезно и тоскливо, в голове какой-то чад. Был Спиро.

30 августа. Ходила на могилку, промочил дождь; беседа с Тарасом Фокановым. Занималась усердно выписями из разных мест для «Моя жизнь». И захватил интерес к этой прежней работе. Глаза получше. Вечером почитала «Из моих воспоминаний» Е. Ф. Юнге. Приезжал кн. Долгоруков по делу библиотеки народной[67].

31 августа. Занималась своими «Записками». Работа трудная и долгая. Сколько надо всего прочитать! Холод, северный ветер, никуда не ходила. Грустно, нет энергии работать и нет жизненной энергии,— да и не надо ее! День и ночь передо мною образ моего Левочки. Не вернешь! А без него угасла вся жизнь. Где он? Где Ванечка, моя мать, Маша... перечитывала ее письма... и многие, многие. Познаю и я скоро эту тайну. Но для чего столько страданий от смерти близких? Кому это нужно?

3 сентября. Очень много занималась своими «Записками»; читала печальные семейные письма 1894 года, когда Лева был так болен. Бродила тоскливо по дому. Очень тяжело живется! Дождь весь день. К вечеру красная заря на закате, и звездная ночь. Переписывала печальный прошлогодний Ежедневник. Известие о покушении на Столыпина[68].

4 сентября. Не спала, а когда засыпала, все видела во сне покойного мужа, но не радостного, а всегда или печального, или недоброго. Утро очень тосковала, нарвала

цветов, пошла на могилу. Дома беседовала с Тарасом Фокановым, вспоминали старину. Пробовала заняться своей «Жизнью», но, затосковав, бросила. Вечер сидела с Батуриным, смотрели старые фотографии, я вязала.

7 сентября. Прелестный, ясный, теплый день. Но листва на деревьях уже приняла осеннюю окраску. Не сиделось дома, грустно! Ушла пилить сушь на яблонях. Потом пришлось убираться в подвале и переваривать варенье. Сидела у сарая и напряженно думала о вечной жизни. *Куда* мы все уходим? Куда ушел мой Левочка? Вечером переписывала свой Ежедневник 1910 г.

8 сентября. Приезжала Звегинцева и М. А. Шмидт. Очень хорошо с ней поговорили, *по душе,* о Льве Николаев. Ничего не пришлось делать. Праздновала невольно сегодняшний праздник. Ясно, 14 и 16 гр. тепла в тени, южный ветер. Немного переписывала Ежедневник самого грустного времени, и тяжело!

11 сентября. Пошла, было, в елочки, пришли меня искать приехавшие Бирюков и Ел. Вл. Молоствова. Я им была очень рада. Была и моя Саша с посетителем, мальчиком Фроловым. Мы с ней дружелюбны, слава богу.

12 сентября. Не спала ночь, с утра так тосковала, что встала рано и ушла на могилу Льва Ник—а. Дорогой попались грибы — волпушки и опенки, и я набрала целую корзинку. На могиле обычно плакала, молилась и беседовала с Л. Н. Никого не было, что бывает редко. Весь день рисовала акварелью осенние листья и бродила по Ясной Поляне.

13 сентября. Приезжал Влад. Александр. Поссе. Расспрашивал обо всем, касающемся Льва Ник. и его кончины [69]. Разбирала старые письма и очень волновалась. Сколько покойников!

14 сентября. Весь день идет дождь. Ездила к Звегинцевой, скучно! Вечером читала вслух книжечку Ветринского о Льве Николаевиче, кратко и хорошо написано [70].

19 сентября. Писала министру В. Н. Коковцеву о продаже Ясной Поляны [71]. Рисовала, сидела с Н. А. Альмединген. Скучно и бесплодно идет жизнь эти дни, а на душе невыносимо тоскливо.

20 сентября. Писала в Думу московскую по поводу продажи дома [72]. Пустила Кулишеву, Бибикову и их компанию осматривать все комнаты. Рисовала, заболели глаза, никуда не могла пойти, ужасный ветер. Боюсь ослепнуть. Вечером приезжала Соня Бибикова.

21 сентября. Поздно встала; рисовала опять акварелью осенние листья. Потом нарвала цветов, пошла в поле за васильками; перепахивают картофель, девки, народ, лошади... везде жизнь, а в душе моей все замерло. Пошла на могилу, там никого не было; особенно горько плакала. В овраге старушка с внуками набирала опенки. Вечером переписывала, читала.

22 сентября. Рисовала, переписывала, вязала и никуда не выходила. Известие о приезде Лизы Оболенской. И я рада. Как хороша последняя беседа Сократа с учениками [73]. Хорошо было перечитать. *Надо* верить в *вечную* жизнь, иначе слишком тяжело было бы жить.

23 сентября. Наш свадебный день! Обострилось горе, а как много было счастья! Как встала, набрала белых цветов и немного розовых — эмблема моей тогдашней молодости — и снесла цветы на могилу. Там одна совсем очень плакала. Где ты, мой жених, мой любимый муж? Приехала Лиза Оболенская и сын Илья на короткое время. Потом милая Мария Александровна. Читали вечером вслух «Живой труп» [74]. Не очень хорошо.

25 сентября. Были посетители. Ходила с Лизанькой Оболенской на могилу и кругом в елочки и Чепыж. Все время слезы в горле, просились на глаза, но я сдерживалась, погибает от них зрение. Но когда не плачешь слезами, тогда болит вся внутренность. Вечером читала вслух письма Тургенева к m-me Viardo [75]. Нарисовала еще лист, вязала. К ночи вихрь, дождь.

26 сентября. Приезжали сегодня Душан Петрович, Саша и Стахович. Ничего не делала, болят глаза; немного рисовала. Дала Стаховичу большие фотографии и маленькие мои, на выставку [76].

28 сентября. Весь день переписывала для сына Сережи и послала ему разные документы [77].

29 сентября. Приезжали из Художественного театра актер, художник и фотограф, снимали и размеряли кабинет и спальню Льва Никол. [78]. Еще был от Сергеенко его зять, тоже фотограф. Разбирала за весь год свои письма и записывала их. Писала Тане и Сереже открытки и документы.

30 сентября. Наклеивала газетные вырезки, планы. Читала о Некрасове. Приходил Вал. Фед. Булгаков. Он хороший. Вернулся Батурин. Лиза Оболенская уехала сегодня утром, и жаль.

1 октября. Приезжал Дм. Дм. Оболенский и с ним два инженера из Петербурга, приезжавшие осматривать бельгийские заводы на Косой Горе (Судаково). Вернулся из Крапивны Андрюша. Его выбрали единогласно в гласные Крапивенского уезда.

2 октября. Много играла: сонаты Бетховена и Вебера, хотелось забыться; но не удалось, и еще больше затосковала.

Потом переписывала Ежедневник, рисовала осенний лист, читала разные статьи о «Живом трупе». Погода ужасная, 2 гр. мороза, ветер, снег, темнота на небе. Тоскую, что давно не была на могиле. Все нездоровится.

3 октября. Дела материальные забивают душу. Саша писала о третейском суде по поводу рукописей, от которого раньше отказалась. Прислала книгу «Живой труп» [79]. Едет сегодня в Крым.

4 октября. Рождение Тани, ей 47 лет. Уже! А как я живо помню ее рождение. У Льва Ник. была сломана рука, и как он рыдал от умиления, когда родилась его первая дочка, и как любил меня! Ходила на могилу, долго была там, как будто с ним. Приходили Гусев и Белинький, дала им переписывать для издания Саши «Тихона и Маланью» и «Идиллию» [80]. Ужасно холодно, выпал еще снег.

5 октября. Рисовала, грустно прошлась по саду, унылая осень, уныло и на душе. Вечером поиграла на рояле; плохи стали глаза и руки. 68-й год! В доме у всех грипп. Приходил Гусев, взял еще тетради «Тихона и Маланьи».

6 октября. Рисовала, хотела заняться своими «Записками», но очень затосковала и пошла на могилу. Там разговоры с Макаровыми, нашими бабами. После обеда играла «Жизнь за царя», любимую оперу моей матери, и вспоминала ее. Вечером читала вслух книгу Сергеенко «Толстой и его современники» [81]. Интересно о Тургеневе.

7 октября. Приезжал посланный от Стаховича за чемоданом для Толстовской выставки [82]. Писала Стаховичу и кн. Щербатову о столе [83]. Вставляют рамы, и я заклеивала свои. Вечером опять читала вслух в книге Сергеенко: «Толстой и Тургенев». Недурно написано. Стало тихо, пасмурно и тепло. Ночью вернулся Андрюша.

8 октября. Прекрасная погода. Ясно, тихо, 7 гр. тепла. Ходила на могилу, беседовала с Тарасом Фокановым, которого любил Лев Никол. Он теперь сторож на его могиле. Вечером кончила читать вслух «Толстой и Тургенев». Пыталась заняться своими «Записками», но ничего не написала еще. Очень серьезна, сурова и вдумчива моя внутренняя духовная жизнь. Бодрюсь! А тяжело и одиноко!

9 октября. Уехал Батурин. Посетителей было мало, всего человек восемь. Ходили на могилу Андрюша, Юлия Ивановна и я. Размерили с Тарасом и Иваном (Дроздом) местность для чугунной ограды. Мне их планы не нравятся. Усердно писала свои «Записки» за 1894 год. И тогда уже было тяжело и пошло все хуже.

10 октября. Только вчера кончили вставлять рамы. Писала немного масляными красками и испортила вид могилы. Писала свою «Мою жизнь» и вечером прочла вслух. Все одобрили. Приходил Душан Петрович. Он тоже пишет свои «Записи» о Льве Николаевиче. Послала телеграмму с разрешением взять на выставку витрину с вещами в Историческом музее. Стол дала раньше.

12 октября. Приезжали Вас. Ник. Горяинов и редактор «Солнца России» Алекс. Эд. Коган с товарищем, фотографом. Лениво, праздно и пусто проведенный день! Тепло, 7 гр., сыро и серо, не люблю осень! Ночью писала свою «Жизнь».

13 октября. Уехал Горяинов, надоел редактор «Солнца России», выпрашивая все на свете: и фотографии, и мои мемуары, и мой портрет. Ходила на могилу и с досадой нашла там этого редактора и фотографа [84]. Немного поиграла, немного почитала религиозную книгу, французскую 1817 г., и немного писала.

15 октября. Ходила на могилу; чудный, ясный, теплый день! 8 гр. тепла в тени. Потом рисовала. Смотрела с грустью, проходя мимо, на березовую посадку и вспоминала, как двухлетнюю Таню Лев Ник. заставлял сажать березки, говоря: «Будешь здесь грибочки собирать». Вечером наклеивала газетные вырезки. Был Фельтен.

16 октября. Вернулся Андрюша из Москвы, рассказывал о «Живом трупе» и Толстовской выставке [85]. Он многое понимает. Был Душан Петрович и Фельтен. Прорисовала весь день осенние листья, писать не расположена. Ветер теплый. Пришли копачи чинить дорогу у могилы и рыть канавы.

17 октября. Опять рисовала акварелью и много писала свою «Жизнь». Андрюша был в Туле, все по покупке Таптыкова. Тяжело писать свои «Записки» и переживать все в воспоминаниях. Да и *все* тяжело! Нелегка жизнь вообще.

18 октября. Сегодня в 7 ч. 20 минут утра скончалась в Овсянникове М. А. Шмидт. Еще одного близкого и дорогого мне друга не стало, и еще камень навалился на сердце! Как жила никому не мешала, так и умерла внезапно, одна со своей девушкой. Ездила в Овсянниково взглянуть на ее строгое, желтое лицо и проститься с милой покойницей. Ясно, солнце и северный морозный ветер. До отъезда в Овсянниково ходила на могилу, там копачи и кипит работа: канавы и дорогу чинят.

19 октября. Ходила на могилу, там кипит работа все так же, как и вчера. Потом пошла на гумно и на молотилку. И там народ, молотьба, молодежь, шутки, смех — *всюду жизнь*, а в душе моей безмолвие и грусть. И так

же безмолвно лежит маленькая, худенькая мертвая фигурка Марии Александровны. Вернулся Батурин. Тепло, ветер, на небе барашки. Рисовала, писала.

20 октября. Хоронили Мар. Ал. Шмидт. Приезжали ко мне Бирюков и Булыгин, и я была им рада. Занималась деловыми бумагами; этот скорбный год многое запустила, а теперь, при продаже, все нужно. Андрюша и Катя укладываются, готовятся на новую жизнь в Таптыкове. Тихо, 5 гр. тепла, луна, звезды. Хорошо в природе, хотя и осень.

21 октября. Утром ходила на могилу. Ее сегодня и завтра разоряют и иначе обгораживают. Там много рабочих.

23 октября. Шла сегодня с могилы и так болезненно, мучительно плакала, вспоминая Левочку и его настроение страдальческое последнего времени, и сейчас плачу. Были посетители из Москвы, показывала им все. Занималась поденными записями, расчетами. Укладывалась в Москву.

25 октября. ⟨*Москва.*⟩ В Москве по банкам, развозила альбом и «Куколки-скелетцы» [86]. Все очень любезны. Приятно обедала и провела вечер у Сережи и Маши и с внуком Сережей и Тат. Вас. Олсуфьевой. Позднее принимала от Торбы отчет продажи книг и делала распоряжения.

26 октября. Утром дела, обед у брата Саши, вечер у Бирюковых. Дети всякие приятны. Платила Чефранову (Кушнерева) и от Говарда за бумагу и Мею за «Альбом».

27 октября. Утром покупки, дела. Обедала опять у Сережи. Видела внуков, детей Миши, и очень, очень радостно.

28 октября. Сегодня день, когда ушел Лев Никол. из Ясной Поляны. Утром на выставке *Толстовской.* За мной все ходили разные господа, сдерживалась не плакать, а очень тяжко было, хотя и интересно! [87] Опять видела семью Миши, долго беседовала с Линой. Обед и вечер у Масловых. Уехала вечером в Ясную. У Масловых жалкий Якоби. Больной и похоронил жену только что.

29 октября. Дома в Ясной, утром луна светила в 7 час. В доме пусто, тихо, грустно. Семья Андрюши без меня уехала в Таптыково. Ходила на могилу, сажала там елки, закрывала счеты. Все ни к чему! Вечером устала и спала на диванчике своем. Одиноко! Никому до меня и дела нет.

31 октября. Взялась переписывать портрет — копию с портрета Льва Ник—а — Репина. Очень трудно. Вечером читала Арабажина о Льве Ник—е. Хорошо написано[88]. Сыро, ветрено. Брала ванну. Лев Ник. всецело и всегда живет в моей душе, точно я его ношу в себе, как беременная носит младенца. И беспрестанно думаешь по старой привычке: «Вот это Левочке расскажу; вот это ему покажу...» А уж он и в прошлом году был ко всему равнодушен, что касалось *моей* жизни. Он весь жил Чертковым. И больно вспоминать! Сегодня день, когда он остановился в Астапове. Жутко вспоминать мое отчаяние тогдашнее! И все перенесла, и, увы! жива.

1 ноября. Писала сестре Тане, Марусе Маклаковой, Леве, невестке Кате. Еще о вальсе и стихах[89]. Писала копию с портрета Льва Ник—а. Ходила на могилку, там кончают работы — ограду и дорожки. Вечером писала письмо.

2 ноября. Опять весь день писала портрет. Всматриваюсь в лицо, глаза и ищу выражение моего Левочки, прежнего, любящего. И мучаюсь, что не то, не то... Потом нарисовала еще лист и наклеивала вечером газетные вырезки. Читала стихи, посвященные памяти Льва Никол—а. Очень тоскую; видела во сне своего Левочку, но нехорошо.

3 ноября. Утро писала портрет. К обеду приехали Сухотины: Таня с Танюшкой и Михаил Сергеевич. Провела с ними вечер. Приехал Душан Петрович. Известие в «Русских ведомостях», что правительство сняло с очереди покупку Ясной Поляны[90].

4 ноября. Ходила на могилку с Таней, Танюшкой и Юлией Ивановной. Тихо, серо, тепло, 5 гр. тепла. Потом рисовала, играла с Танюшкой. Был Поша Бирюков с

предложением от Сытина купить у меня *все* книги [91]. Был корреспондент «Голоса Москвы». Пришел Душан Петрович. Очень болят глаза, весь вечер провела праздно в разговорах.

5 ноября. Ездила в Тулу с Таней-дочерью повидать свою сестру Лизу, и было очень приятно.

7 ноября. День скорбный. Скончался сегодня Лев Николаевич. Приехали все сыновья, кроме Левы. Наехали корреспонденты, члены Толстовского общества и человек 500 посетителей. Приходили за мной наши крестьяне, пропели на могиле «Вечную память». Со мной была внучка Танюшка Сухотина. Суета, разговоры о продаже Ясной Поляны, и тоска на душе.

8 ноября. Играла с Танюшкой. Читала много, много статей газетных о Льве Николаевиче. Вечером приехал Сережа, привез много газет, читали вслух. Был еще Маковицкий. Статей хороших мало. То грубо-лживый, то сладковато-фальшивый тон. Неприятно ложно предпосланное мне название моего мужа: *Левушкой* [92]. Никогда я ни в глаза, ни за глаза его так не называла.

11 ноября. Поехали в Москву Сухотины, Юлия Ивановна, Верочка и я. Остановились в последний раз в моем доме в Хамовническом переулке, и нам всем хорошо. Сухотин с Маковицким остановились у Сережи-сына, в Старо-Конюшенном переулке.

12 ноября. Была в Думе по поводу продажи моего дома городу Москве.

14 ноября. В это время Сытин отказал мне в покупке всех моих изданий, что предлагал раньше [93].

15 ноября. Был у Сережи как-то вечером Н. В. Давыдов с советами по поводу письма моего к государю о Ясной Поляне [94].

16 ноября. Проводила за границу Таню, Танюшку, Михаила Сергеевича и с ними женщину-врача и няню. Грустно. Приезжал сын Илья. От него еще грустнее.

17 ноября. Илья жалуется на плохие свои дела, говорит: «Застрелюсь». Эти дни была у нотариуса Спешнева по продаже дома [95]. Был у меня губернатор Джунков-

ский — дать мне советы по поводу моего письма к государю. Написала письмо государю по поводу продажи Ясной Поляны, и мы решили с Ильей послать это письмо прямо в Ливадию с сыном Мишей. Не знаю еще, послано ли оно [96].

20 ноября. ⟨*Москва.*⟩ В Художественном театре дали билет на ложу в «Живой труп».

21 ноября. Ходила к Дунаевым и Горбуновым. Читали поразительную статью Фед. Страхова о составлении Львом Ник — м завещания [97]. Обедала у Масловых.

22 ноября. Свезла в редакцию «Русских ведомостей» «Альбом» и объявление. Обедала у Сережи с Коломзиным и вечером в Художественном театре сидели в директорской ложе с Стаховичами: Александром Александровичем стариком и Зосей. «Живой труп» производит большее впечатление как игра актеров (и часто неблагоприятное, как роль Феди), чем как литературное произведение [98]. Читать лучше.

23 ноября. Утро все провела в Торговом банке и Думе. Получила 125 тысяч рублей за дом, разослала 60 тысяч своим 6-ти детям; Саша и так богата, и она одна.

24 ноября. Была у глазного доктора Головина; глаза не очень плохи. Утром смотритель от Думы принимал мои владения. Грустно! Приезжал Илья, вернулся Миша из Крыма. Мое письмо к государю передал Дрентлен по просьбе Миши. Обедала у сына Сережи и Маши. Вечером читала книгу «Дни нашей скорби» [99] и делала в ней исправления в том, что неправда.

26 ноября. Убирала свой бывший хамовнический дом, глотала слезы, прощалась с прошлым. Еще что-то оторвалось от сердца. Обедала у Сережи, он уехал в клуб Английский. Вечером уехала в Ясную Поляну.

27 ноября. Приехала домой; холодно, пусто. Здесь художник Н. В. Орлов. Легла и заснула до часу. После кофе пошла на могилу. Нависло серое небо, лесная тишина; в овраге рубят хворост наши мужики. Серьезно, сурово в деревне. Ласковые, но грустные письма от Левы,

28 ноября. Встала поздно, отдыхаю, но очень одиноко и грустно. Утешили письма от детей; очень ласковое от Андрюши, подробное и хорошее от Тани, еще от Лизы Оболенской. Отвечала Андрюше и Леве. Весь день занималась газетными вырезками, никуда не ходила. Говорили, что Саша подходила к дому и не вошла! Странное она создание!

30 ноября. Ходила на деревню принимать от уходящей Марьи Валентиновны сельскую библиотеку. Крестьяне забирают книги и не возвращают, и это досадно. Библиотеку запрут, и тем все и кончится. Дикий еще наш народ. До ночи занималась газетными вырезками и наклеивала их. Мучительно тоскливо!

2 декабря. Писала сестре Тане и Варе Нагорновой. Ходила на могилу, плакала, молилась. Тяжело живется, одиноко! Очень тоскую эти дни. Кончила наклеивать газетные вырезки, накопившиеся в мое отсутствие. 7 гр. мороза. Тихо, золотой закат солнца. Вечером часа два играла сонаты Бетховена и Вебера и Шопена ноктюрн. Читала и исправляла «Дни нашей скорби».

3 декабря. Ходила опять на могилу, там много птичек, точно они признали меня. 5 гр. и тихо. Много ходила, читала и наклеивала газетные вырезки о вновь вышедших посмертных сочинениях Льва Никол—а [100].

4 декабря. Писала ответ Щербатову в Исторический музей [101] и «Петербургской газете» о высылке № 305 Сереже и Саломону [102]. Живу одиноко и грустно.

5 декабря. Уехала с Верочкой в Таптыково к сыну Андрюше. Дорога ужасная! Снегу мало, колочь — замерзшая грязь, и трясло невыносимо. Трогательно мне все обрадовались, и я рада, что поехала; и Катя, и Андрюша, и маленькая Машенька согрели меня своей любовью. Осматривала весь их благоустроенный дом.

6 декабря. День рождения Андрюши; ему 34 года, сидели весь день все вместе.

7 декабря. Утро провели опять вместе, Андрюша и Катя трогательно благодарили меня за приезд. Сильный ветер, ужасная дорога, $2^1/_2$ гр. мороза. Очень утомилась,

спала в зале на кушетке. Читала вечером очень для меня интересную книгу «Воспоминания» графини А. А. Толстой и ее переписка с Львом Ник—м. Прекрасное издание Толстовского музея [103].

8 декабря. Читала все газеты; много о Толстовской выставке. Вечером Орлов читал мне вслух «Воспоминания» гр. А. А. Толстой.

9 декабря. Утром газетные вырезки. Потом принимала от крестьянских детей Ясной Поляны книги из библиотеки народной и выписывала их из книги. Писала кн. П. Д. Долгорукову и Торбе. Вечером Орлов читал опять вслух «Воспоминания» гр. А. А. Толстой. Потом я читала и исправляла «Дни нашей скорби» и больно плакала.

10 декабря. Как странно чувствовать в себе потухание того внутреннего огня, который вспыхивал всю жизнь и которым я жила. Старость! Но еще не спокойная. Приезжал Андрюша, был у своей первой жены по продаже Таптыкова. День провела праздно и грустно. Вечером вышивала рубашку под чтение Орлова переписки Льва Ник—а с гр. А. А. Толстой. Красивые фразы, игра в красивые чувства, в которых Л. Н. спасался от грубой связи с деревенской бабой. Мне все это видно теперь. Но все те же искания бога, стремление религиозное, и это хорошо.

12 декабря. Принимала от яснополянских детей книги из сельской библиотеки. Что пропало, что грязно, изорвано. Составляла оглавление к моим «Запискам». Никуда не ходила. Напал снег. Читая свои «Записки», переживаю свою жизнь.

15 декабря. Приезжала Ванда Ландовская с мужем от Саши. Разговоры меня расстроили. До них ходила на могилку, опять птиц кормила. В лесу тихо, тихо и иней, 5 гр. Вечером Орлов читал вслух переписку Льва Ник. с Толстой.

17 декабря. Ходили на могилку с Нютой Берс, опять кормили птиц. Оттуда обошли наш сад, и я вспоминала, как бросилась топиться в пруд. И не удалось! Тихо, уди-

вительная белизна после выпавшего ночью снега. Вечером играла в 4 руки с Нютой 2-ю симфонию Моцарта и серенаду. Плохо шло, все-таки приятно.

18 декабря. Опять ходила с Нютой Берс на могилу и дальше по дороге лесом к речке. Хорошо в лесу с природой, но болезненно тоскливо, что никогда, никогда не увижу и не услышу Левочку, а как живо я его вспоминаю! Вечером Орлов читал вслух переписку Льва Ник. с Александрой Андреевной и рассказ Куприна «Гранатовый браслет».

19 декабря. Играли в 4 руки квинтет и сонату Моцарта. Читали вечером вслух статью М. С. Сухотина «Киевское шоссе» о Льве Николаевиче [104]. Довольно долго гуляли с Нютой по цельному снегу и устали. Читали еще конец рассказа Куприна «Гранатовый браслет». Недурно, но растянуто.

21 декабря. Ходила с Нютой и Юлией Ивановной на могилу, метель, ветер, но тепло на поле. Нюту пишут масляными красками Орлов с Юлией Ивановной. У нее интересная наружность. Читал Орлов вслух Куприна рассказы — плохо. Разбиралась опять с делами народной библиотеки.

22 декабря. Нездоровится. Сидела дома, мыли весь дом, я убирала сама комнаты моего Левочки. Мысленно живу все с ним, и мне приятно, что я еще могу жить в большом доме, как будто и он еще здесь. Играли с Нютой Гайдна симфонию 20-ю и Abschied Symphonie. Когда-то я их играла с Левочкой. Красила *деревянную компанию* куколок для приезда внуков.

24 декабря. Вчера вечером уехал Орлов, сегодня проводили Нюту в Москву. 27 и 30 гр. мороза, к вечеру 18, но ветер. Переписала на ремингтоне для дочери Тани мою переписку с Щербатовым и Кассо по поводу рукописей в музее Историческом. И ей написала письмо. Читала «Фальшивый купон» [105]. Сколько убийств! Тяжело читается.

25 декабря. Рождество. Вдвоем с Юлией Ивановной. Ходила одна на могилку и все потом плакала и молилась. Вписывала книги народной библиотеки (возвращенные),

дарила людей щедрой рукой. Усердно занималась своими «Записками» за 1895 год, год смерти Ванечки. Странно, когда я переношусь воспоминаниями в прошлое, даже тяжелое, я перестаю жить настоящим и живу точно прошлым, так живо, почти реально.

26 декабря. Был Душан Петрович, что-то отмечал в Евангелии французском Льва Ник. и в других книгах, все отмеченное Льв. Ник—м [106]. Занялась весь день своими «Записками», пока подготовляю материалы по месяцам. Послала Тане еще письмо Щербатова и мой ответ по поводу рукописей [107]. 13 гр. мороза, снежок. В Телятинках играют «Бедность не порок», и все туда стремятся.

27 декабря. Сегодня, переписывая тяжелые воспоминания смерти Ванечки и предшествующие ей грустные неприятности по поводу рассказа «Хозяин и работник» [108], я много занималась материалами к моим «Запискам» того времени. Вечером играла сонаты Гайдна и Вебера.

28 декабря. С утра приехала невестка Соня Толстая и внуки Володя, Вера и Кирилл. Ходили на могилу, кормили птичек, потом играли, к елке готовились. К обеду приехали сыновья: Илья и Андрюша. Тяжелые разговоры с Ильей о средствах к жизни и продаже Ясной Поляны. Андрюша ночью уехал.

29 декабря. Провожу время с невесткой Соней в интимной беседе, с сыном Ильей и внуками. Сижу шью — и больше ничего не делаю. Готовим елку, слушаем нелюбимый мной граммофон.

31 декабря. Занималась детьми, елкой, беседовала с сыном Ильей. Тоскливо провожаю и этот год, и все жива! Писала Торбе и кн. Черкасской. Холод, сильный ветер, метель, и потому не могли приехать на елку Сонюшка и Илюшок. Не приехали и старшие сыновья сына Ильи. И елка, и встреча Нового года имели будничный характер. Но спасибо, что приехал Илья и его семья, а то уж очень было бы одиноко! Все время слезы и так подступали. Сколько грустного, хотя бы отчуждение Саши; неужели ей не одиноко — все ведь чужие вокруг нее. Соня к ней ездила в Телятинки.

2 января. Уехали два Ильи: сын и внук. Приезжали 33 курсистки из Петербурга. Я сама им показывала комнаты в доме, группами по 11 барышень. Потом занялась своими «Записками», т. е. «Моя жизнь». Пока еще готовлю материалы. Вечером газетные вырезки наклеивала и читала.

4 января. Очень много занималась «Записками», кончила материал к 1895 году. Вечером записывала возвращенные книги в народную библиотеку, ужасно все дело запутано. Тишина, никого нет.

7 января. Усердно писала свою «Жизнь» 1895 г. Много раз принималась горько плакать, описывая болезнь и смерть Ванечки, и его жизнь, и вообще все, что так болезненно я переживала тогда.

9 января. Всякое горе надо перебороть на месте, где его постигло, и я переживаю его болезненно в Ясной Поляне и теперь в описании нашей прежней жизни. И больно, и хорошо — воспоминания, точно повидался со всеми.

14 января. ⟨*Москва.*⟩ С утра П. И. Бирюков, потом уплата Мею и т-ву Кушнерева [1]. Приехала сестра Таня ко мне, мы побеседовали и поехали на передвижную выставку [2]. Зашли в церковь Василия Блаженного. Какая удивительная старина.

16 января. Вечер провели с Е. Ф. Юнге, читала ей свои «Записки».

19 января. Была в Толстовском музее, там *английские гости*: кн. Долгоруков говорил речь, англичанин по-французски прекрасно ответил [3]. Писала барышня на машинке, я диктовала свои «Записки».

20 января. Суета весь день. Приходил Сытин с предложением купить книги; кн. Долгоруков о сельской библиотеке, переписчица; наскоро обедала у брата Саши, потом опять Сытин и Левицкий по делу продажи книг [4]. Вечером концерт чехов и С. И. Танеева квинтет, сложный, но хороший. Порадовал приезд Андрюши и Кати. Был и Миша.

21 января. Утром приезжал сын Илья, жалкий от полного безденежья. Ездила на картинную выставку «Союз» [5]. Очень много плохой декадентщины. Потом диктовала переписчице свои мемуары.

24 января. Приезжал Илья, дала ему 1000 рублей. Он очень жалок, безнадежен, и плохо то, что всех на свете винит. Писала В. Н. Коковцеву с благодарностью государю за пенсию [6].

29 января. Опять переговоры о продаже Сытину изданий с Левицким. Он надеется образумить Сашу и Черткова, а я и не надеюсь. Они придумывают такие крючки, при которых я должна якобы признать Сашу наследницей всех писаний отца, т. е. и того, что в Историческом музее [7]. Опять диктовала переписчице.

7—13 февраля. Все время нас томили обещанием купить мое издание и прийти к каким-то соглашениям Саши с Сытиным или Марксом или с обоими вместе! Там все тайны, ничего не поймешь и не узнаешь. Конечно, злобно всему мешает Чертков. Прочла три книги, две французские, одну русскую. «Две жизни» Фонвизина [8], недурно. Была на трех картинных выставках и на трех концертах: два — чехи играли превосходно, особенно Бетховена квартеты. Хорош был и квинтет Танеева, но сразу трудно понять. Он играл сам. Еще была на концерте Ванды Ландовской. Она играла превосходно и на клавесине, и на рояле. На все я стала тупа как-то. С Левочкой умерла и я! А еще, пожалуй, долго придется изнашивать свое здоровое тело! И грустно, и жить не хочется.

10 марта. Переписывала предполагавшееся письмо Тани в газеты [9].

11 марта. Копировала фотографии могилы и моего юного портрета по просьбе Ан. Ив. Масловой. Послала их ей, и Тане ее статью и мое письмо Гинцбургу. Переписывала на машинке статью Тани, которую она раздумала печатать [10]. Читаю все больше Евангелие. Прочла книгу Ветринского о голоде в связи с памятью о Льве Никол. [11].

15 марта. Усердно занималась на деревне сельской библиотекой. Трудно привести в порядок. Взяла на по-

мощь Василия Орехова с деревни. Какое поразительное неразвитие в молодом парне! Приходил Душан Петрович, проверял по моим записям свои «Записки».

18 марта. Прочла письма граф. Ал. Ан. Толстой к Льву Ник., которые она почему-то велела передать мне после ее смерти. И отчего они не достигли Льва Ник — а? [12] Вечером играла сонаты Гайдна и Шопена разные вещи. Почему-то Гайдн меня не трогает.

21 марта. Приезжал Поша Бирюков, дала ему переписать «Детство» и «Отрочество» [13].

23 марта. Переписывала записную книжечку Льва Ник—а 1908 года. Переживаю прошлое, а настоящего нет, и ничто не манит, не утешает. Весна очень неприятная. С утра туман, потом прояснило, но ветер, ужас! Просто буря и на поле. Читаю это время только Евангелие.

24 марта. Кончила переписывать записные книжечки Льва Ник. и фиксировала все, что писано карандашом. Читала «Расплату» Семенова [14].

27 марта. Неожиданно наехало много чужих посетителей на могилу и осмотреть дом и комнаты Льва Никол. Я сама им показывала и рассказывала [15]. Некоторые были от Чертковых и слышали от меня горькие истины. Ходила на могилу, убрала ее живыми цветами — розы, примулы, левкои, гиацинты, очень красиво. Читала много о Герцене. Юлия Ивановна уехала в Москву. Я совсем одна в Ясной Поляне. Занялась опять своими «Записками» на 1896 год. Но очень мало материалов и плохо помню.

28 марта. Читала письма 1896 года от моих детей, как материал к моим «Запискам». Неожиданно приехал сын Андрюша; я очень обрадовалась и остальное время дня провела с ним. Грустно признать, что никто из моих детей *не* счастлив и всем нужны деньги.

29 марта. Уехал утром Андрюша. Опять занялась письмами, как материалом для своей книги «Моя жизнь». Живу вся в прошлом, настоящего нет — полное одиночество! Но и прошлое переживать часто очень, очень

больно! Были посетители с фабрик Брашнина и др. и учительницы. Трогательное отношение к памяти Л. Н. и ко мне. До самой ночи писала материалы к «Моей жизни». Сижу совсем одна, гудит страшный ветер.

30 марта. Вернулась Юлия Ивановна. Весь день занималась своими «Записками». Трудно! Что интересно и дорого мне, к тому равнодушна будет публика. Работа над «Моей жизнью» заглушает немного сосущее мое сердце горе, и хорошо жить прошедшим, хотя оно и безвозвратно.

1 апреля. Уехал утром Миша. Погода прелестная: ночью мороз, днем постепенно тает. Занималась своим писаньем. Пришел Душан Петрович, читает мой Ежедневник для своих «Записок» о Льве Ник. Сегодня так остро по нем тосковала, так живо его чувствовала! Где ты, мой любимый Левочка!

4 апреля. На могилу шла с рабочими в лесу, очень было приятно с ними разговаривать. Вечером поиграла и пописала.

6 апреля. Известие о кончине сестры Льва Ник.— Марии Николаевны. Грустно! Писала Варе и Лизе, писала Тане и Леве. Кончила писать 1896 год. Тяжело было его писать. Видела во сне Льва Никол., шел по улице, прямо на меня и растаял подходя. Глядел куда-то вдаль и серьезно.

9 апреля. Раздала 77-ми детям, школьникам в Ясной Поляне, по 4 аршина ситцу, присланного Дм. Ген. Бурылиным из Иваново-Вознесенска. Очень весело было видеть столько детей и хотелось их любить и ласкать.

10 апреля. Опять ходила на могилу с живыми цветами и красиво ее убрала. Читала статью о Марье Николаевне, моей золовке. Описана хорошо, с любовью [16]. Отмолила она свои грехи. Счастливая!

11 апреля. Была в Туле. В Чернышевской гостинице видела трех сыновей: Илью, Мишу и Сережу. Все жалкие от безденежья. Сыновья рассказывали о трогательной кончине и похоронах Марии Николаевны [17].

13 апреля. Хочется писать, читать, думать. Пришел Душан Петрович. Я ему рада, он стал лучше, чем был, прост, добр и всегда радостно-спокоен.

14 апреля. Заезжал Миша, дала ему 3000 рублей. Послала Юргенсону автограф Льва Николаевича [18]. У нас Душан Петрович. Перечитывала и начала готовить статью к 23 сентябрю, дню моей свадьбы, из моих «Записок», — в газеты или журнал [19]. Читала их Салтанову, как публике для проверки впечатления.

17 апреля. Телеграмма от Жданова, вызывает кончать дела по продаже книг. Писала весь день статью к 23 сентября, живу прошлым и плачу. Рисовала цветы.

21 апреля. ⟨*Москва.*⟩ Рано утром уехали Сухотины, я кончила сегодня дело с Сытиным. Получила 100 000 за книги [20], разослала сыновьям деньги, Тане взяла билет банковый в 20 000. Остановилась у брата Саши с сестрой Лизой. Вечером уехала в Петербург.

22 апреля. ⟨*Петербург.*⟩ Приехала в Петербург, встретил сын Лева и увез к себе на Таврическую. Милые дети, и очень с ними приятно со всеми. Рада видеть и сестру с мужем, и Машу Эрдели.

25 апреля. Была у Кассо по делу рукописей в Историческом музее в Москве. Отказался вернуть, советовал обратиться с жалобой на него же в Первый департамент Сената [21]. Что за нелепое создание! Обед и вечер у сестры Тани. Приятно было ее пенье.

26 апреля. Писала письмо к Кассо (министру народного просвещения) о рукописях [22].

28 апреля. Часть дня в дороге, часть дома, в Ясной, куда приехала в 8-м часу вечера. Здесь два художника: Орлов и Салтанов, и Юлия Ив. Игумнова.

3 мая. Читаю ежедневно по вечерам Евангелие и много думаю; главное, смущает, что «легче верблюду пройти в игольное ушко, чем богатому в царство божие». Читаю «Федора Кузьмича» Л. Н. [23].

5 мая. Весь день переписывала свою статью к 50-летию моего брака на ремингтоне. Получила от сестры взволновавшее меня их намерение прожить лето со мною в Ясной Поляне.

8 мая. Была с Юлией Ивановной в Туле. Свидетельствовала бумаги (копии) для дела в Сенате касательно рукописей. Видела Андрюшу. Вечером дописывала свою статью к 50-летию моего брака.

10 мая. Вечером тяжелый разговор с Орловым о Черткове и отношении Льва Ник—а к нему. Очень тоскую сегодня весь день.

15 мая. ⟨*Москва.*⟩ В Москве с Андрюшей убиралась в хамовническом доме, отбирали, что в склад Ступина, что в Ясную Поляну, что продать. Грустно, все разоряется, все приходит к концу, а главное, прекрасная, прошлая жизнь умерла, а не продолжается в детях.

21 мая. Приезжали 80 курсисток с приват-доцентом Валентин. Ник. Бочкаревым. Очень приятно всем интересовались, ходили на могилу и пошли все в Телятинки. Ходила и я на могилу вечером, посадила с корнями незабудки и другие цветы. Вечером копировала бумаги для подачи в Сенат.

27 мая. Пропасть посетителей весь день. Неприятности с садовником, помощниками и посетителями. Приезжал Пав. Ив. Бирюков, дала ему «Юность», планы «Юности» и конец «Отрочества» [24]. Приехал с утра художник Салтанов.

2 июня. Перечитываю «Pensées de Pascal» [25]. Такие книги и мысли хороши своим уяснением нашей внутренней, духовной жизни.

5 июня. Ходила на могилу. Там молодые люди; показала им комнаты Льва Ник—а. Народ они простой.

7 июня. Читала вслух места из книги Bourdon «En écoutant Tolstoi» [26].

9 июня. Ходили все па могилу. Я поставила в воду большой букет. Приехал сын Сережа, мы все ему очень

рады. Вечером сестра Таня много пела; у нее еще очень хорош голос. А Сережа много и очень приятно для всех играл на рояле. Ясная Поляна опять оживилась, а души настоящей нет — ушел!

11 июня. Уехал сын Сережа. Сделали большую прогулку по посадке на могилу и кругом. Хорошо с природой! Просматривала книгу молитвенную матери Льва Николаев., 1731 года, по-французски.

16 июня. Приезжала Саша с Варварой Михайловной. Дружелюбно все у нас. Слава богу!

22 июня. Привез Коротнев оценку лесов и предполагаемый план Ясной Поляны, остающейся от продажи [27].

28 июня. ⟨*Никольское.*⟩ Рождение и именины сына Сережи. Ему 49 лет. Приехала еще дочь Таня, невестка Софья Николаевна, Варя Нагорнова с сыном, внуком и дочерью. Соня и Таня пели, потом хор; плясала Таня с Орловым, художником. Была вся его семья. День прошел благодушно и даже весело. Ходили гулять. Испортил мне день тяжелый денежный разговор с Соней.

1 июля. Берегла глаза, пошла косить крапиву у дома; ко мне присоединилась Муся Эрдели. Потом делали с ней букеты к портретам Левочки и Ванечки. Нарисовала цветок и пересматривала свои «Записки» и «Известия Толстовского музея» [28].

2 июля. Вечером приехали сыновья Андрюша и Миша, а потом и Саша толковать о делах продажи Ясной Поляны, и мне это всякий раз больно.

5 июля. Вечером неприятные разговоры об уходе Льва Ник—а и его отношениях к Черткову. Очень мудр и приятен в своих суждениях Александр Михайлович; а про сестру Татьяну Андреевну не могу этого сказать. Она очень переменилась.

6 июля. Приходили крестьяне из грецовских выселок: сгорело 23 двора. Дала по 10 рублей на двор и простила аренду за нынешний год.

8 июля. С утра принимала разных посетителей комнат Льва Никол. Много напрасно болтала. Вечером с Кузминскими прочли вслух письмо ко мне Вл. Фед. Снегирева от 19 апреля 1911 г. [29].

13 июля. Лежала весь день, много читала, к вечеру встала. Приезжала дочь Саша с Надей Ивановой и Булыгин. Очень приятно провели вечер. Писала М. А. Стаховичу просьбу, чтобы он дал свидетельские показания о словах Л. Н. по поводу рукописей и принадлежности их мне [30].

16 июля. Ходила на могилу. Там молодые люди на велосипедах. Читала, кончала статью «Толстой и Руссо» в «Вестнике Европы» [31]. Неясно и непросто излагает мысли; запутанно.

17 июля. Ко мне приходили Гусев и Дм. Вас. Никитин. Провели со мной день; я им читала свой рассказ о том, как я выходила замуж, письмо Снегирева и статью Тани-дочери [32].

18 июля. Читаю опять «Руссо и Толстой», но уже по полученной от автора французской брошюре; лучше русской статьи [33].

19 июля. Переписываю Pascal'a «Мысли». Странная его статья. «Passion et amour» [34]. Ходила вечером на могилу, снесла большой букет. Там белые лилии, кто-то привез. И всегда посетители. Поздно вечером переписывала статью к 23 сентября 1912 года [35].

29 июля. Кончила рисовать цветы. Был Бирюков и Булгаков. Все те же разговоры уже два года о Льве Ник., его уходе, завещании, прочем. Вечером опять то же с Кузминским. Александр Михайлович удивительно логичен и добр. Таня совершенно обратное. Кричит, сердится, придает всему неправдивый оттенок осуждения. Как она переменилась. Жаль!

30 июля. Получила и переписала письмо Мих. Ал. Стаховича [36], немного порисовала.

3 августа. Приезжала вся семья Денисенко и очень были приятны. Приехал брат Саша, и мы ему очень рады. Ходили с Денисенковыми на могилу, снесли цветы и чужой букет, от проезжей в Засеке, с 4-го бастиона из Севастополя.

4 августа. Приезжали муж с женой Горбуновы-Посадовы. Милые люди, и я их люблю. Ходили все на могилу.

5 августа. Саша-брат и Саша Кузминский читали мою статью, как я выходила замуж, и очень хвалили.

6 августа. Переписывала на машинке скорбный дневник Левочки [37]. И что произошло? Непонятно! Много несправедливого. На душе скорбно.

9 августа. Приезжали внучка Анночка с очень миленьким правнуком Сережей. Анночка и сестра пели дуэты очень хорошо. Сережа-сын много играл на рояле. Был Душан Петрович. Весь день с гостями; много суеты, но приятно, что Ясная Поляна опять делается центром, куда все собираются. Весь день слезы в горле.

14 августа. Как встала, пошла на могилу, убрала всю цветами. И все так грустно, безнадежно! Пошла на деревню, в сельскую библиотеку. Около 175 книг крестьяне зачитали, изорвали, так это тяжело, и не хочется заниматься. Читаю «О религии Толстого» ряд статей [38]. Как отдых прочла повесть Потапенки «Привратники славы» [39]. Вечером читала биографии разных лиц по портретам, изданные вел. кн. Николаем Михайловичем [40].

19 августа. Утром сидела у сестры, слушала чтение ее записок о нашей родословной. Недурно написано [41]. Приезжал П. И. Бирюков. Были посетители кабинета. Приходил Н. Н. Гусев за деньгами в потребительскую лавку. Прочла ему свои «Записки» (отрывки); он одобрил. Вечером Звегинцева и Черкасская. Был Булгаков, взял три книги стихов.

22 августа. Мое рождение, мне 68 лет. Очень, очень приятно провела день. Приехала семья Андрюши, потом сыновья: Илья и Сережа. Ходили на могилу с внучкой Машей. Потом приехало семейство Сухотиных. Обедало 19 человек. Ожила Ясная Поляна! Вечером пели, плясали. Было весело, а хотелось плакать и от умиленья, и о горькой потере. С детьми все ближе. Слава богу!

25 августа. Ходила на могилу, долго молилась, просила и у Левочки своего прощения за все, чем его огорчила.

Украсила могилу цветами. Хорошо, что там никого не было в тот час. Все наши ходили к Саше, она приезжала к нам с Парасей Ге. Пользуюсь обществом близких.

27 августа. Саша просится жить зиму во флигеле. Хочет избавиться от ненавистного Черткова.

28 августа. Рождение Левочки — покойного. Ходила с маленькой Танечкой-внучкой Сухотиной на могилку. Это был лучший момент во весь день. Вечером пенье, шум, гам, пляска, и мне все делалось грустнее и грустнее. Еще приезжал Гофштетер и Булгаков.

1 сентября. Вечером читала Варе Нагорновой письма Снегирева, Марии Николаевны, ее матери, статью Тани и дневник покойного Левочки.

4 сентября. Прочла о Герцене — Ветринского [42]. Лев Ник. очень любил Герцена. Весь день переписывала на ремингтоне.

8 сентября. Весь день переписывала дневник Льва Ник. на машинке. Вечером занималась сбором всяких деловых бумаг в Москву. Уехал Илья, ужасно его жалко!

9 сентября. Укладывалась, ходила на могилу прощаться с Левочкой. Что-то очень тоскливо! Приходил Булгаков. Приходил художник Мартынов и очень развязно спрашивал, где ему с женой жить?

12 сентября. ⟨*Москва.*⟩ В редакцию «Русского слова» по поводу моей статьи [43] и портретов внуков [44], потом в банках.

13 сентября. Опять дела. Была в Историческом музее, исправляла ошибки в раньше переписанном дневничке Льва Ник—а.

17 сентября. Мои именины. Никогда я не любила *праздновать,* даже в детстве. Но мне было очень приятно, что приехали Саша-дочь, Душан Петрович, Варвара Михайловна и Катя бедная, жена Андрюши, которая продолжает быть в тяжелом настроении. Пела сестра. Днем я ходила на могилу, снесла две розы чудесные.

18 сентября. Готовила статью о «Власти тьмы» по просьбе Сережи-сына для «Известий Толстовского музея» [45]. Холодно, насморк, никуда не ходила. Получила и послала «Искру» с портретами 26 внуков — Нарышкиной [46].

23 сентября. Свадебный день, 50 лет прошло с тех пор, как перевенчали меня с тем, кого нет теперь со мной. Стараюсь бороться с той печалью, которая так твердо живет во мне. Настрадалось мое сердце за эти два года! Ночью звуки странные, дребезжащие. Приезжала Катя, жена Андрюши, и Батурин-художник. Снесла цветы на могилу и плакала.

24 сентября. Уехали Грузинские [47]. Напечатали во вчерашнем номере мою статью очень видно, на первой странице [48].

25 сентября. Живу без *настоящего* дела. Писанье и редактирование писем Льва Ник. ко мне все откладываю до полного одиночества. Получила сочувственные моей статье письма [49].

26 сентября. Писала в «Русское слово» выговор, что не прислали мне обещанных номеров. Писала в магазин Готье о романе «Les dieux ont soif» [50].

28 сентября. Льет дождь весь день. Занималась коечем и очень тосковала. Попалась мне в лоскутьях черная, старая шапочка Льва Ник. Так вдруг увидала перед собой его старенькую голову, которую так любила.

29 сентября. Переписывала первое мое письмо к сестре Тане после моей свадьбы [51]. Писала Быхановой о 85 рубл. денег и Мих. Серг. Сухотину на его прекрасный отзыв о моей статье в «Русском слове» 23 сентября нынешнего года. Приезжали Андрюша с Катей.

30 сентября. Ходила на могилу, снесла еще цветов — последних. Ясный день, морозный ветерок. Выписывала материалы к 1897 году, но их мало; не знаю, можно ли будет что-нибудь составить. Приехал художник Мартынов. С ним болтала вечером. Очень утомлена и тосклива.

1 октября. Здесь опять художник Мартынов. Приезжал еще Линев (член Толстовского музея) и снимал все фотографии с местности. Мало занимаюсь, разбрасываюсь на мелочи, и все нездоровится. Приезжала дочь Саша. С ней дружелюбно.

2 октября. Уехала сестра Таня и Ванечка Эрдели. Крепилась не плакать и ходила долго по дому, испытывая страшную тоску. Потом занялась отрывком из моих «Записок» — «Первое представление «Плодов просвещения». Написала его и переписала на машинке для «Солнца России» [52].

7 октября. Приходил меня навестить Душан Петрович; вечером читала его интересные «Записки» о Льве Ник — е и больше его разговоры [53].

8 октября. Получила прелестное письмо от Ел. Алексеевны Нарышкиной по поводу моей статьи о моей свадьбе с Льв. Ник. [54].

10 октября. Нет ни от кого из детей известий; одна моя милая Таnечка меня не забывает. Читала. Разные звуки в тишине дома. Не умершие ли меня посещают?

12 октября. Был Андрюша, взял у меня 2000 рублей, поговорили о деле продажи Ясной Поляны и о том, как его выбрали выборщиком. Писала Кузминскому, который зовет меня в Петербург хлопотать о запрещении пасквиля на меня в кинематографе [55].

13 октября. Здоровье настолько хуже, что писала, прося помощи, Маковицкому. Живу очень вяло, точно в полусне, и ни за что не хочется браться, особенно после смутивших меня сведений из Петербурга о кинематографе. Читала «Записки» Маковицкого вслух Юлии Ивановне.

15 октября. Прислала ко мне Саша оценщика Мих. Павл. Попова с помощником. Смотрели план. Потом пришел Душан Петрович, говорили о его «Записках», которые читала еще вечером Юлии Ивановне вслух. Саша купила дом в Москве, за Москвой-рекой.

19 октября. ⟨*Москва.*⟩ Была у градоначальника по поводу кинематографа; его запретили [56].

20 октября. ⟨Петербург.⟩ Приехала в Петербург, послала просить министров о свидании.

22 октября. Принимал меня министр юстиции; передала ему свою жалобу (копию), посланную мною в Сенат [57]. Щегловитов, по-видимому, хорошо расположен ко мне и к моему делу о рукописях Льва Ник—а.

23 октября. Сегодня была у министра внутренних дел Макарова по поводу кинематографа. Он обещал запретить этот пасквиль на меня по всей России. Но надо еще написать в Польшу, Финляндию и на Кавказ [58].

24 октября. Писала и послала заказным письмом гр. Воронцову-Дашкову, Зейну и Скалону по поводу кинематографа. Обедала дома у Кузминских, посидели с Левой и вечером уехала в Ясную Поляну. Проводила сестра Татьяна Андреевна.

25 октября. Приехала домой в Ясную Поляну и рада. Был Душан Петрович.

27 октября. Вечером читала вслух Юлии Ивановне «Изгнание» Чирикова. Написано легко, содержания мало [59].

28 октября. Тяжелое воспоминание ухода Льва Николаевича сегодняшнего числа. Встала с тоской в душе. После обеда читала вслух Чирикова «Изгнание». Потом шила при лампочке, которая была первой в нашем доме и которую мне привез с любовью мой Левочка.

31 октября. Грустно, что не занимаюсь моими «Записками», а читая материалы — письма, расстраиваюсь и плачу. Тоскливо живется, а креплюсь, нельзя никуда двинуться от разных дел. Писала Варе Нагорновой, итальянке о переводе статьи, Горбунову о крымских фотографиях.

1 ноября. С утра фотограф от кинематографии Пате. Я не вышла. Писала Струменскому о группе и об Ил. Андр. Толстом на его вопросы. Читаю «Les dieux ont soif» Anatole France.

2 ноября. Был корреспондент «Русского слова» насчет школ яснополянских в 1862 году. Занималась опять 1897 годом. Тяжело переживать прошлое с угрызениями совести, что могла огорчать любимого человека.

3 ноября. Приехал художник Салтанов. Приезжала дочь Саша прощаться. Она переезжает в Москву жить в купленном ею доме, и страшно за нее.

6 ноября. Очень много и тяжело писала о временах, когда Лев Никол. ревновал меня к Танееву и страдал, бедный, от этого. Весь день писала. Вечером читала вслух «Изгнание» Чирикова.

7 ноября. День кончины Льва Николаевича. С утра всякие посетители дома и могилы. Полиция, кинематографы, корреспонденты — просто публика. Приехал Андрюша-сын, позднее Сережа. Под вечер, когда все уехали, я ходила на могилу с Андрюшей. Сережа пошел один. Вечером был Душан Петрович.

9 ноября. Вечером Салтанов читал вслух Чирикова «Изгнание». Читала в газетах много статей о Льве Никол. и злое примечание Черткова в «Речи» [60].

10 ноября. Как встала, пошла на могилу. Когда я там одна, я всегда плачу, разговариваю с Левочкой и молюсь. Сыпала корм птичкам. Их много слетелось и весело чирикали. Потом много писала «Мою жизнь», а вечером играла на фортепьяпах и читала французскую критику на Rod'a [61]. Читаем много статей о Льве Ник., и Юлия Ивановна их вырезает и наклеивает в книгу.

12 ноября. Дописала 1897 год. Весь вечер читала статьи о Льве Ник. в «Солнце России» 7 ноября [62], злую статью Меньшикова в «Новом времени» [63], и Салтанов читал вслух «Записки» Маковицкого.

13 ноября. Начала переписывать на машинке 1897 год. Бледно описание того времени, и грустно!

16 ноября. Ночь не спала. Писанье моих «Записок» расстраивает меня; сколько воспоминаний и — горя!

19 ноября. Рано встала, пошла на могилу; болтала с мужиками чужими, которые везли дрова. Потом писала и писала весь день. Неприятная статья о рукописях в «Русских ведомостях» [64].

1 декабря. Вписывала книги в библиотеку. Все только или Л. Н. Толстого, или о Толстом. Только и живу им и всем, что его касается.

3 декабря. Опять занялась бумагами по моему последнему изданию. Приезжал В. Ф. Булгаков, будет заниматься библиотекой [65].

4 декабря. Делала выписки из дневников Льва Ник. для сына Сережи и послала ему [66]. Пересматривала свои записки «Моя жизнь» для чтения Денисенко.

7 декабря. Взяла себя в руки; писала для чтения Денисенко на вечере в память Толстого в Новочеркасске «Три поездки Льва Ник. в Оптину пустынь» [67]. Прочла вечером Юлии Ивановне, Коротневу и Салтанову. Они одобрили. Читала вслух роман Чирикова «Изгнание».

11 декабря. Весь день читала, кончила две французские книги. Пришел Булгаков заниматься библиотекой. Приходил Гусев; точно ему совестно передо мной за лекции его [68].

12 декабря. Сегодня молодой чужой священник по своему желанью отпевал над его могилой — Льва Николаевича, потом служил панихиду в его спальне. Вечером он уехал. Энергичный, умный, 27-летний священник. Присутствовали Булгаков, Юлия Ивановна, Верочка и я, а при панихиде няня и повар Семен [69].

13 декабря. Приступила сегодня к трудной работе — переписыванью и редактированью всех писем покойного мужа Левочки ко мне [70]. Не скоро кончишь этот труд. Буду переживать, читая письма, всю свою замужнюю жизнь. Тяжело будет подчас.

14 декабря. Та же работа — надолго — переписыванье писем Льва Ник—а. И радует, и расстраивает эта работа. Все заняты — Булгаков библиотекой, Салтанов картинами, Юлия Ивановна шьет.

16 декабря. Немного успела переписать писем. Как живо возникли все воспоминания молодой нашей жизни и любви с Л. Н.

21 декабря. Выписала книгу от издательства «Задруга» — статьи о «Войне и мире» [71]. Немного поиграла вечером; много переписала писем Льва Ник. ко мне 60-х годов.

22 декабря. Писала статью в «Русское слово» в ответ на статью Панкратова ложь о посещении священника [72]. Писала сестре Тане и в редакцию «Задруга» о запрещенной цензурой книге «Иллюстрированный сборник «Война и мир» [73].

24 декабря. Долго была на могиле в душевном общении с Левочкой-мужем. Вечером переписывала и читала вслух Юлии Ивановне и Булгакову письма Льва Ник. из самарских степей 1871 года.

25 декабря. Как встала, пошла на могилу Л. Н. Снесла живые цветы и корм птичкам. Там Тарас. На обратном пути — урядник и стражник — неприятно. День провела среди чужих людей: Юлии Ивановны, Булгакова, Салтанова; вечером англичанка, пешая путешественница, с евреем. Переписывала письма Л. Н. и одно Н. Н. Страхова. Послала в «Современный мир» письмо Страхова [74].

29 декабря. Провела день с Лизой Оболенской. Проверяли по письмам Л. Н. ко мне года и числа, вспоминали многое из прошлого счастливого времени.

30 декабря. Ходила с Лизанькой Оболенской на могилу, там сегодня было много посетителей и на тройках, и на лыжах. Обошли с ней еще сад. Тихо у нас в саду и лесу, и 4 гр. мороза. Вечером Лиза уехала. Много рассказывала Булгакову и Салтанову.

31 декабря. Занялась немного с утра письмами. К обеду приехали Андрюша с Катей. Провели приятно день и так же тихо, дружно и приятно встретили Новый год. Приезжал еще ненадолго Душан Петрович.

Слева направо: А. П. Чехов, С. А. Толстая, Л. Н. Толстой, М. Л. Оболенская. 1901 г. Гаспра. Фотография П. А. Сергеенко.

Л. Н. Толстой во время болезни. 1902 г. Гаспра. Фотография С. А. Толстой.

Дача С. В. Паниной «Гаспра», где жил Л. Н. Толстой с семьей в 1901—1902 гг. Фотография С. А. Толстой.

С. А. Толстая в парке «Клины». 1903 г. Ясная Поляна.
Фотография С. А. Толстой.

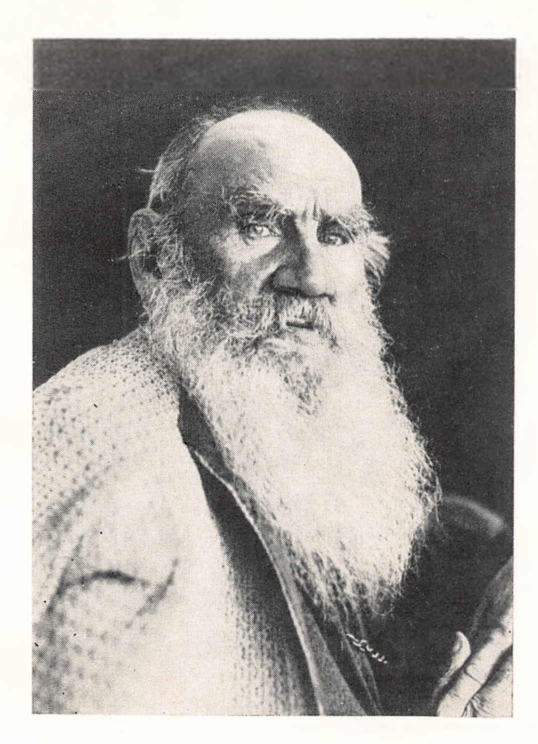
Сыновья Л. Н. Толстого: Лев Львович, Илья Львович,
Сергей Львович, Андрей Львович
и Михаил Львович Толстые.
1904 г. Ясная Поляна. Фотография С. А. Толстой.

Л. Н. Толстой с дочерью М. Л. Оболенской. 1905 г.
Ясная Поляна. Фотография В. Г. Черткова.

Л. Н. Толстой и С. А. Толстая. 1902 г.
Ясная Поляна.

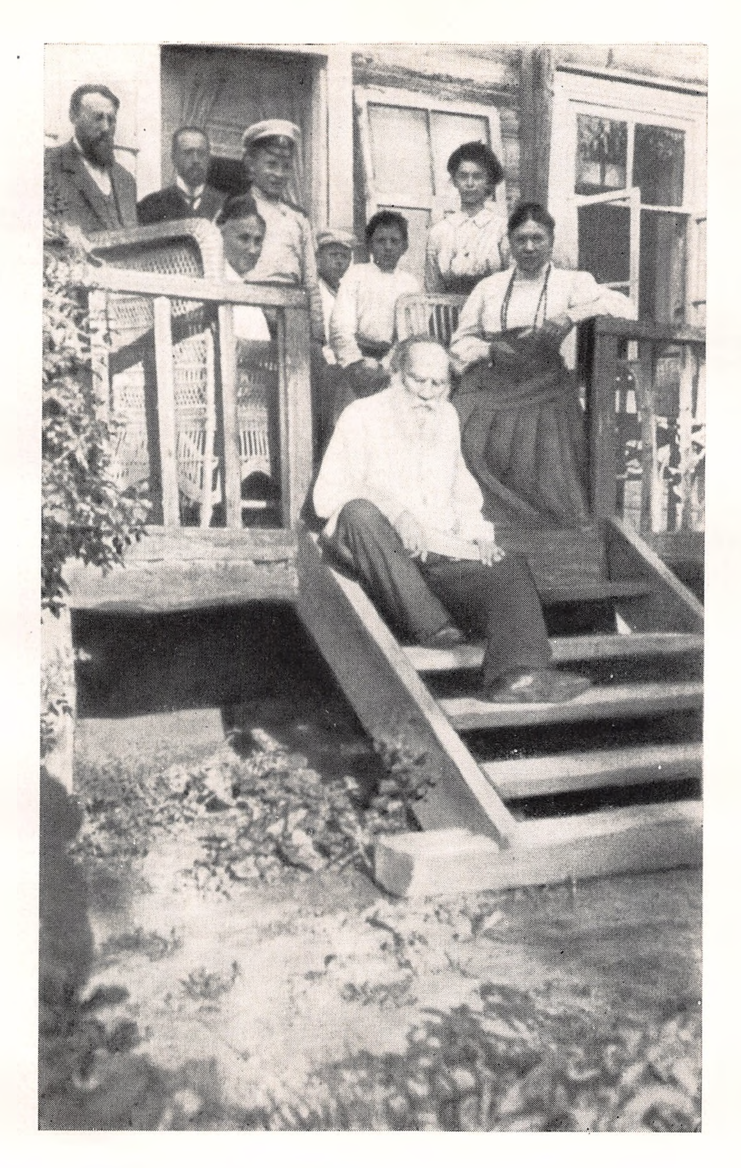
Л. Н. Толстой. 1905 г. Ясная Поляна. Фотография С. А. Толстой.

Л. Н. Толстой, С. А. Толстая, В. В. Нагорнова, Т. А. Кузминская, А. М. Кузминский и Д. А. Олсуфьев на прогулке в окрестностях Ясной Поляны. 1905 г. Фотография Д. А. Олсуфьева.



Л. Н. Толстой. 1907 г.
Фотография В. Г. Черткова.

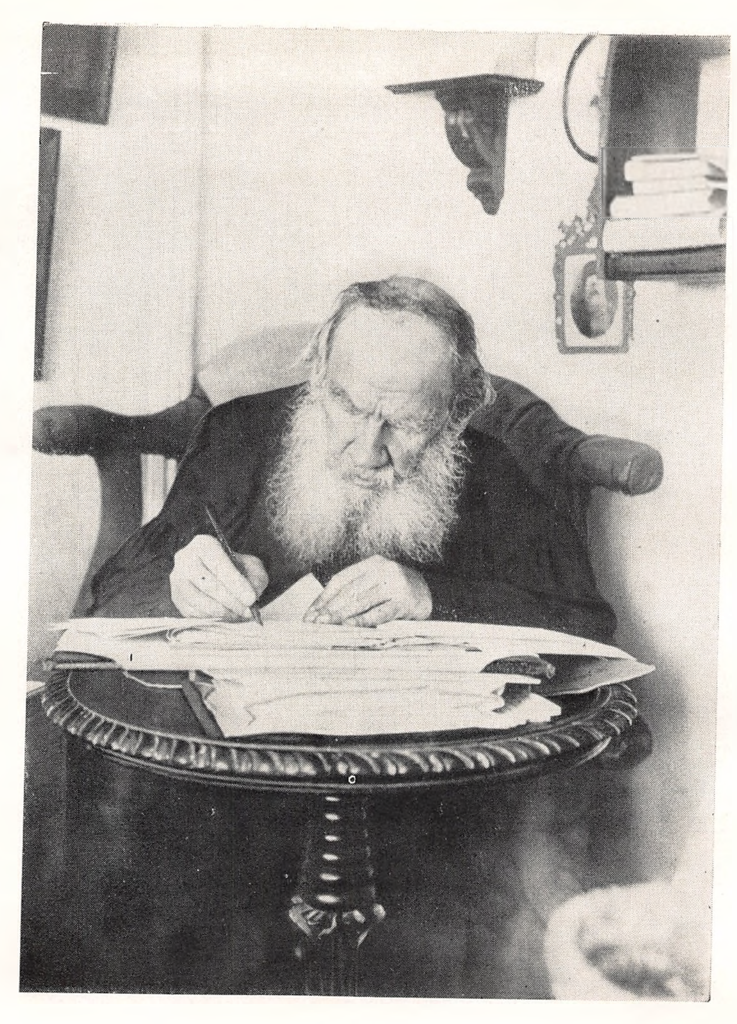
С. А. Толстая и И. Е. Репин
в Ясной Поляне. 1907 г.



Л. Н. Толстой и С. А. Толстая в гостях у сына С. Л. Толстого в Никольском-Вяземском. 1910 г. Фотография М. Н. Толстой.

Л. Н. Толстой. 1908 г. Ясная Поляна.
Фотография К. К. Буллы.

С. А. Толстая. 1908 г. Ясная Поляна.
Фотография К. К. Буллы.



Л. Н. Толстой за работой. 1909 г. Ясная Поляна.
Фотография С. А. Толстой.

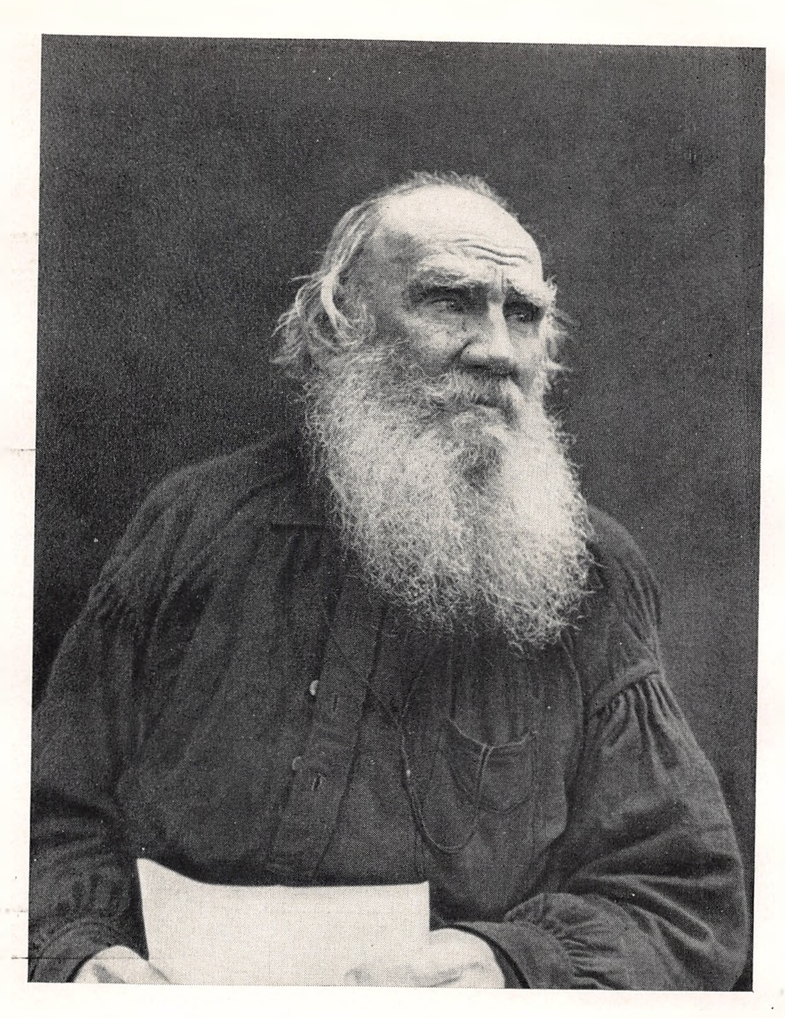
С. А. Толстая с внуками Соней Толстой, Таней Сухотиной и Илюшком Толстым. 1909 г. Ясная Поляна. Фотография В. Г. Черткова.

Л. Н. Толстой и С. А. Толстая 23 сентября 1910 г. Ясная Поляна. Фотография С. А. Толстой.

С. А. Толстая у окна дома, в котором умирал Л. Н. Толстой.
Ноябрь 1910 г. Ст. Астапово.

Сыновья Л. Н. Толстого несут гроб с его телом.
8 ноября 1910 г. Ст. Астапово.

С. А. Толстая на могиле Л. Н. Толстого. 1912 г.
Ясная Поляна.



Л. Н. Толстой. 1910 г. Кочеты.
Фотография В. Г. Черткова.

4 января. Несмотря на холод и кашель, пошла на могилу и долго потом ходила. Люблю эти солнечные, морозные, светлые дни, блеск снега ослепительной белизны. Снесла розовых и белых гиацинтов на могилу, сыпала корм птичкам, молилась и плакала. День остальной переписывала письма Левочки 1882 года. Он любил меня тогда! Заболел Булгаков.

7 января. Приезжала дочь Саша с Варварой Михайловной, пили чай и дружелюбно разговаривали и расстались. Собирала в переплет книги, писала в «Русское слово» об «Искре» 45 №, недостающий, и в «Солнце России» по тому же поводу [1]. Переписывала потом все время письма покойного мужа, и мне хорошо за этим занятием.

10 января. Все пишу, пишу и переписываю прошлое, переношусь так живо в воспоминанья. И радуешься тому, что было, и плачешь... Все думаю и мучаюсь об Илье. Что-то он предпримет!

12 января. Тянет все писать и писать письма Левочки ко мне и переживать все давно прошедшее. А дети? Кто из них счастлив? Да и вообще мало счастливых.

13 января. Приехали вечером присяжный поверенный Жданов и его помощник Миллер. Много слишком болтала. Писала недостаточно. Приходил Белиньκий, просил запрещенные тома [2]. У меня нет.

15 января. Вернулся Булгаков. Скучно то, что точно у меня и детей нет. Никто не пишет, все забыли обо мне, а я о них так много думаю.

17 января. Вечером читали вслух с Булгаковым письма Страхова Н. Н. и Льва Никол—а [3]. Еще читаю на ночь французские романы Прево [4].

18 января. Много переписывала письма Льва Никол—а, и часто мне точно слышится его голос и речь, обращенная мне. Тихо у нас. Булгаков занят библиотекой, а по вечерам читаем вслух переписку Н. Страхова с Львом Николаевичем. Булгаков образованный и приятный собеседник.

19 января. Читаю сборник статей под заглавием «Война и мир» памяти Л. Толстого [5].

20 января. Приезжали сыновья Андрюша, еще нездоровый, и Илья, которому дала взаймы (якобы) 6000 рублей, и он повеселел сразу. Надолго ли? Потом были посетители, осмотрели дом. Опять переписывала. Вечером читала Андреева рассказ «Он» [6].

22 января. Известие о смерти Ек. Фед. Юнге. Грустно! Еще одним другом меньше. Много переписывала. Начала 3-ю книгу.

26 января. Утро переписывала, потом приятно провела остаток дня с Душаном Петровичем. Он читал мне записанные им речи Льва Ник—а [7], а я ему письма Льва Ник. ко мне. Еще позднее читали Барятинского книгу о Федоре Кузьмиче, о том, что он был император Александр I [8].

31 января. Читаю все французские книги. Никогда не читала Золя «Fécondité», хочу прочесть, любопытно. Неприятности опять от Саши, хочет вводиться во владение имущества, и библиотеки Ясной Поляны. Что еще будет от этой странной, если не сказать больше, девицы! Опять шантаж и угрозы!

2 февраля. Уехал утром наш Сережа; с ним дружелюбно переговорили о делах и о владении могилой всей семьей. Он внес оживление и игрой, и рассказами. Приехала Варечка Нагорнова, и я ей очень обрадовалась.

4 февраля. Ходила с Варей на могилу. Приехал Коротнев делать план на десятину земли с могилой в общую семейную собственность. Писала Сереже, Тане и Андрюше о том, что довольно 1/2 десятины. После обеда Булгаков пел и Коротнев с ним дуэт. Аккомпанировала и я, и Варя.

7 февраля. Приезжал Андрюша, я ему всегда так рада! Опять разговоры о могиле, лесе, продаже Ясной Поляны и проч.

8 февраля. Расстроилась газетным известием о Сенате по случаю рукописей, по-видимому, опять откажут, трусы! [9]

12 февраля. Ходила с Варечкой на могилу, украсила ее цветами. Дул холодный северный ветер при ясной погоде. Переписывала, читала Варе и Булгакову свою давно написанную повесть [10].

13 февраля. Провожу время больше с Варей, переписываю письма Льва Ник—а, и чем дальше, тем больше страдает сердце от постепенно уходящего счастья. Приезжала на минутку дочь Саша, чуждая, увы! Вечером играла с Варей в 4 руки квинтет и симфонию Моцарта.

15 февраля. Приходил к нам Душан Петрович, беседовали с ним о письмах Льва Ник—а ко мне и его «Записках» и жизни.

16 февраля. Уехала утром Варечка Нагорнова, приехал к обеду сын Лева, и я очень ему рада. Но не радостно его настроение: утомлен Петербургом и семьей и слишком ясно все видит и чувствует.

18 февраля. К обеду приехал Грузинский и после обеда разговаривали о редактированье писем Льва Ник—а ко мне [11].

19 февраля. Держала совет с Грузинским насчет издания писем Льва Ник—а ко мне. Он берется редактировать за 500 рублей. Вернулся Лева от Андрюши, он нервен и все неудовлетворен и потому несчастлив.

21 февраля. Переписывала много. Прочла в «Русском слове» трогательную статью Ильи о выставке Салтанова в связи с воспоминаниями о Ясной Поляне с детства [12]. Читала письма Н. Н. Страхова к Льву Николаевичу.

23 февраля. Вчера ночью кончила переписывать все письма Льва Ник. ко мне. Очень уж тяжело было писать последние! Приезжал сын Илья, бодрый, энергичный. Приехал П. И. Бирюков, очевидно за материалами для биографии Л. Н., и я ему их дала [13].

24 февраля. Прямо с утра приходили смотреть кабинет разные люди: академик Срезневский, Шохор-Троцкий, какой-то зубной врач, член Толстовского музея. Ходили с

Пав. Ив. Бирюковым на могилу, снесли цветы, опять птички слетелись на корм. Потом весь день вышивала белье и много дала материалов для «Биографии» Льва Ник. Бирюкову.

25 февраля. Уехал П. И. Бирюков. Вышивала, поставила номера на письма Л. Н. ко мне. Их 638 [14].

26 февраля. С утра в Туле по продаже и покупке Ясной Поляны [15]. Съехались: Илья и Соня, Андрюша, Миша, Саша (в другой гостинице), Вака Философов и много знакомых. Тяжелые, скучные дела, сиденье у нотариуса, усталость. По улицам ручьи, солнце светит, но в деревне еще строгая зима.

28 февраля. Приходили Гусев, Душан Петрович, Белинький. Гусеву давала сведения по поводу его редактированья дневников Льва Николаевича [16].

2 марта. Очень много занималась фотографией, копировала для присяжно-поверенных Жданова и Миллера снимок с портрета Репина — Лев Ник. и я [17].

3 марта. Весь день копировала фотографии. Приехал Илья-сын. Все делает планы о том, как заработать деньги на жизнь. Из яснополянских денег у него ничего не остается. Брал мои «Записки», чтобы ими пользоваться для писанья его воспоминаний об отце [18].

4 марта. Копировала фотографии, и сняли с бюста Алекс. Петровича для Ильи. Он уехал в 5-м часу. Увлечен всякими планами, из которых ничего не выйдет. Играла фантазию Моцарта, вариации Бетховена и проч. — все плохо, трудно! Читала «Leo Tolstoy» Bernstein [19].

5 марта. Переписывала на машинке адрес Академии наук и письмо Кони после кончины Льва Никол—а. Потом писала начерно Снегиреву и Кони, прося позволить напечатать их письма [20]. Приезжал Андрюша с отчетом по яснополянским делам.

10 марта. Выехали с Юлией Ивановной через Тулу курьерским поездом в Крым. Нам дали прекрасное большое отделение вдвоем.

11 марта. ⟨Ялта.⟩ Приехали в Ялту на автомобиле, с приключениями лопнувшей шины и проч., в $5^1/_2$ часов вечера. Сухотины нас радостно (особенно маленькая Танечка) встретили. Жаль, что мой номер внизу, а их наверху, на 4-м этаже.

14 марта. Ездила с Таней и Танюшкой на могилу моей матери, высоко на горе с видом на море и горы. Тяжелые воспоминания смерти и страданий матери и потом убийство тогда так горюющего сына Вячеслава[21].

17 марта. Ходили к Татариновым, вечером читала Тане вслух очень интересные «Записки» Мертваго[22].

22 марта. Ездила с Юлией Ивановной в Гаспру. Очень было приятно, даже воспоминания о болезни Льва Никол—а, потому, что мы, *свои,* его выхаживали больного, с любовью, и он был *мой,* а не чертковский! И как там красиво!

28 марта. Ехали морем до Севастополя. В Севастополе гуляли. Михаил Сергеевич ездил с Юлией Ивановной на Малахов курган. Вечером выехали по железной дороге домой. Ехали просторно и очень приятно с Сухотиными в международном вагоне. Погода хорошая и все удобства.

30 марта. Рано утром расстались с Сухотиными, они остались в Орле. Защемило сердце при расставании, но хорошо было приехать домой. Милый Булгаков нас встретил радостно и все люди как будто тоже. Ходила на могилу Л. Н., украсила крымскими цветами.

31 марта. Приводила в порядок бумаги и многое выбросила. Приехал Мих. Вас. Булыгин, и я ему всегда рада. Честный и хороший человек. Читала поздно ночью письма Н. Н. Страхова и одно Льва Николаев. Погода прелестная: ясно, весна ранняя, цветут медунчики; подснежники и крокусы на лугу. Пчелы летают и жужжат, так хорошо, по-весеннему.

3 апреля. Суета весь день. Приезжал Коротнев для переговоров о границах моего владения Ясной Поляны. Приезжал Ганеев о копачах канавы и плотины. Приходили

от Белобородова насчет уплаты сыновьям[23] за лес. Печатала фотографии с Льв. Ник. и могилу. Ходила на могилу. Вечером читали «Он» Андреева. Чепуха.

4 апреля. С утра расстроила меня в газетах статья Саши о ее праве на рукописи[24]. И опять подлость: говорит, что *я* отказалась от третейского суда, не упоминая о том, что *первая* отказалась *она.*

5 апреля. После обеда ходили с Юлией Ивановной смотреть свои новые границы. Приехал работать Корогнев. Узнала, что Сенат перенес дело о рукописях в общее собрание сенаторов[25].

9 апреля. Опять была в церкви, возмущалась криком дьячков вместо молитвы. *Ни слова* нельзя понять, что читают. Возмутительно! А удивляются оскудению веры в народе.

12 апреля. Приехал Колечка Ге, и за ним к нам Миша Булыгин. Сидела с Н. Н. Ге почти до обеда, читала ему письма после смерти Льва Ник — а.

13 апреля. Приехал Ал. Эд. Юнге; ходила с ним на могилу, снесли туда цветы и потом много беседовали с ним об его умершей матери и о Льве Николаевиче.

14 апреля. Приходил Душан Петрович, мы с ним и Юнге читали в «Русском слове» выбранные из дневников места[26]. Снесла цветы, вчерашний букет унесли. Приезжала Саша с Варварой Михайловной; с ними дружно.

16 апреля. Вчера вечером уехал Юнге. Сегодня было много посетителей комнат Л. Н. и еще больше на могиле. Писала на машинке для Н. Н. Ге.

18 апреля. Уехали Булыгин и Ге. Переписывала на машинке статью Тани для Н. Н. Ге[27].

20 апреля. Много бродила по Ясной Поляне. Посидела и на скамейке в елочной посадке, где так часто сиживал Лев Ник. и где я раз пролежала несколько часов рыдая, не чувствуя и дождя, и сырость. Поплакала и помолилась. Потом занялась письмами Л. Н. ко мне и вечером читала статью Микулич о ее знакомстве с нашей семьей[28].

21 апреля. Приезжала Нордман (Репина сожительница) с секретаршей. Ходила на могилу и еще гуляла. Многое прочла Нордман, и она мне сегодня понравилась своим пониманием многого и духовным стремлением. Она уехала. Я поиграла сонаты Бетховена, почитала Руссо.

1 мая. 〈*Москва.*〉 Поехала с Верочкой в Москву, обедала у Сережи и вечер. Дорогой все читала Pascal'а.

3 мая. Ездила по складам, уплатила за хранение мебели и вещей Ступину [29] и за книги в складе бывшего Кокорева, за Москвой-рекой, на набережной. Обедала у Масловых.

4 мая. Кончала дела, уехала вечером в Петербург.

7 мая. Очень приятно провела день у Левы и Доры с их прелестными детьми. Был вчера у Кузминских и у меня, скорей, обер-прокурор Сената Н. А. Добровольский, обещает успех моего дела в Сенате. Вечером уехала в Москву.

9 мая. 〈*Москва.*〉 Ездила в Никольское на кладбище Покровского-Глебова, на могилу моих мальчиков Алеши и Ванечки; посадили с Верочкой розы, анютины глазки, незабудки и проч. Памятники оба разбиты: с одного — крест, с другого — молящийся ангел.

11 мая. Уехала утром из Москвы в Ясную, жарко. В Ясной Салтанов, художник.

15 мая. Ходили утром с Левой и внуками смотреть, где сделать на Воронке новую плотину; было ясно и жарко; потом прошел дождь и стало свежо. Приезжала Таня и дочь Саша. Приятно провели день, и отлегла от сердца скорбь. Ходили после обеда на могилу все.

19 мая. Весь день занималась письмами Льва Ник—а ко мне. И так больно и так грустно! Все непоправимо, и бессилие перед желанием исправить, увидеть тех, кого так сильно любила, как Ванечку, Левочку!

21 мая. Убирала вещи Льва Ник—а от моли, и в руках моих побывали все его одежды, белье, блузы и проч., и все это раздирало мое сердце. Как я его любила и люблю до сих пор! Ходила на работы, поливала цветы и читала письма. Очень устала.

26 мая. Приехали утром внук Сережа с русским учителем. Было много посетителей, в том числе три японца и две жены японские. К сожаленью, я еще не выходила из своей комнаты и их не видела. Вечером приехал М. В. Булыгин и Н. Н. Ге.

29 мая. Уехали Н. Н. Ге и М. В. Булыгин. Был Душан Петрович и тоже уехал, оставив мне свои «Записи». Я их читала и много в них ошибок, неправды и длиннот [30].

30 мая. Кончила читать ту тетрадь «Записей» Душана Петровича, которую он мне оставил. Нетвердое знание русского языка и некоторая тупость чувствуется везде. Ходила на могилу, промочил меня дождь, снесла букет пионов, синих голубков и белого махрового шиповника. Вечером с внуком Сережей вели философско-религиозный разговор.

4 июня. Читаю письма Н. Н. Страхова и Льва Николаевича в «Современном мире». Много пропало писем Льва Никол—а.

5 июня. Читаю все письма, и пришло мне в голову, что пропавшие находятся у Черткова, который брал их переписывать и, верно, большую часть оставил у себя [31].

6 июня. Чтение переписки Льва Ник—а с Н. Н. Страховым доставило мне меньше удовольствия, чем я ожидала. Очень старательно — отвлеченно, и много лести. Живу так же безжизненно, работаю. Сегодня после обеда много играла: увертюру «Фрейшютца» и сонату Бетховена.

11 июня. Шила, писала «Предисловие» к письмам Льва Никол—а [32]. Приехал А. Е. Грузинский; завтра начнем с ним работать.

12 июня. Приезжал немецкий барон-путешественник. Объездил весь мир, страшно болтлив. С ним все утро. По-

том беседовала с Грузинским по поводу издания писем. Пилила сучья, стригла, косила. День ясный. Вечером Грузинский играл.

13 июня. Вечером переписывала пропущенные письма Льва Никол. из прежней копии [33].

14 июня. Переписывала письма ко мне Льва Никол—а. Писала Леве, французу о фамилиях аристократических Европы, в Крапивну о черкесе [34], Шеншину о книгах.

15 июня. Ясный жаркий день, все повеселело. Утром шила и разбирала с Грузинским письма. Потом набрала большой разнообразный букет, и после обеда снесла на могилу. Там тихо, красивый закат; молилась и грустила. И все-то мои семейные разбрелись, точно никого своих нет!

17 июня. Приезжал сын Андрюша, и я всегда ему рада, хотя во многом его осуждаю и огорчаюсь. Приезжала полиция по случаю угрозы Вас. Конышева избить приказчика. Неприятно! Идет опять дождь. Пишу в газеты о посетителях грубых [35].

22 июня. Переписывала *свои* письма к Льву Ник—у для приложения к его письмам и плакала [36]. Рана не зажила и часто болит. Писала Чефранову об издании [37].

23 июня. Уехал А. Е. Грузинский, приехал сын Илья. Читали весь день его воспоминанья об отце и нашей прежней семейной жизни [38]. Только и живу прошедшим. Убирают сено, пошли белые грибы и рыжики. Много ягод.

25 июня. Вчера в ночь уехал сын Илья. Сегодня было много посетителей: 11 человек на велосипедах из Петербурга; американец из Нью-Йорка и двое из Сибири: мужчина и женщина. Потом приехал Булыгин помочь с указаниями, как делать плотину. Жарко, хорошо! Рисовала грибы.

27 июня. Поехали с Булгаковым к Сереже в Никольское. От Черни на извозчике. Ехали полями, проселками,— мне было очень приятно. Вечер провели тихо, семейно, в разговорах. Я люблю Никольское и все вспоминаю там свою молодость.

28 июня. Рожденье сына Сережи, ему уже 50 лет. Поздравляла, подарила я ему золотыми 100 рублей. Там еще старушка, гр. Зубова, очень милая. Приехала Варя Нагорнова с Адей, потом был необычайный ливень, мы уже перестали ждать Таню Сухотину с мужем, и вдруг они приехали. Очень было радостно. Весь вечер пел Булгаков и играл сын Сережа прекрасно.

29 июня. В 12 часов уехали Сухотины, потом Варя. Мы ходили гулять, потом в колонию — 30 мальчиков с тремя учителями. Там мальчики играли плохую пьесу — плохо, пели, играли раньше в мяч. Трогательные городские заморухи — эти мальчики.

30 июня. Уехали из Никольского с Булгаковым. Перечитывала дорогой данное мне Сергеем-сыном его описание Ясной Поляны. Надо кое-что дополнить [39].

2 июля. Переписывала Сережино описание Ясной Поляны и прибавила свои замечания и поправки. Уехал Булгаков.

4 июля. Писала Поссе о статье в «Жизни для всех» об Агафье Михайловне, ложные сведения о ней; [40] писала Саше и Илье о плане Ясной Поляны, о том же Жданову. Ходила на могилу.

9 июля. Приехал Венгеров, работающий от фирмы Эфрон — Брокгауз над биографией и сочинениями Л. Н. Толстого. Весь день посвятила ему разными сведениями [41]. Утром была на могиле, снесла цветы. Видела близко и ясно во сне Льва Николаевича, и радостно было от этого. Приехал с Венгеровым Булгаков.

12 июля. Много посетителей: семья Волхонских, муж, жена, дочь. Кауфман, жена бывшего министра путей сообщения. Ходили все мы на могилу. Позднее, к вечеру, 15 человек молодежи: кадеты, девицы и проч. После обеда ездила с Верочкой к Саше. У нее красивое местечко [42]. Хорошо, что с ней дружно.

20 июля. Помогала Булгакову в занятиях с библиотекой. Показывала комнаты 30 человекам из служащих в вегетарианских столовых в Москве. Читала о самоубийствах и спиритизме.

29 июля. Ужасно жалок черкес Осман. Ему и его брату отказали вернуть их на родину. Бедный старик рыдал и приходил в отчаяние; даже мне плакать хотелось [43].

30 июля. Приехал сын Лева и очень меня обрадовал. Хочет с нами пожить.

3 августа. Приезжал Спиро, приставал дать что-нибудь для «Аргуса» [44].

6 августа. Приезжал на день Пав. И. Бирюков, восстановляли числа и года для биографии Льва Никол.

11 августа. Нарвала цветов, ходила на могилу, украсила ее, громко разговаривала с покойным Левочкой; мы не совсем с ним расстались; я его близость здесь, в Ясной, всегда чувствую. Он *не* счастлив и *не* спокоен, и я молюсь о его душе. Была Саша, я рада. Много мне уяснила.

12 августа. Послала телеграмму Спиро, отказ статьи.

13 августа. Был корреспондент «Русского слова» Борис Петр. Брио, просил сведения о Тургеневе [45].

18 августа. Писала прошение на Кавказ о возвращении туда Османа [46]. Начала свою «Автобиографию» [47].

20 августа. Все утро и днем писала свою краткую «Автобиографию» для Венгерова.

21 августа. Приезжала Лена Фере с подругой, девочки 16 и 17 лет. Потом приехал губернатор Лопухин с чиновником и стражниками. Потом по статистике чиновник Пав. Ил. Попов. Суета весь день.

22 августа. Мое рожденье, мне 69 лет, и *как* я чувствую себя старой. С утра лил дождь. К обеду пришел Душан Петрович и приехала с опозданием Саша с Онечкой Денисенко.

24 августа. Соня Бибикова привозила дочь священника, и я взяла ее себе в компаньонки [48]. Она симпатичная.

26 августа. Занималась своей «Автобиографией», потом долго играла сонаты Вебера. Вели втроем: Лева, Булгаков и я — длинные разговоры о войне, об общественном устройстве и т. п.

28 августа. Рождение Льва Ник—а. Приехали муж с женой Горбуновы. Ходили на могилу все яснополянские крестьяне, Саша, Дима Чертков, Буланже, разные типы из Телятинок. Пели мужики «Вечную память», и три раза становились все на колени. Обедала у меня Звегинцева, кн. Черкасская и офицер, чужой, с ними. Читаю La Bruyère. Кончила начерно свою «Автобиографию».

1 сентября. Приходили погорелые телятинские мужики, дала только 10 рублей. Был Душан Петрович на минутку, взял Полное собрание сочинений. Вечером интересно читала о Гюи де Мопассане воспоминания женщины [49].

2 сентября. Ходила на могилу, снесла цветы; укладывалась, собиралась в Москву. Перед всеми портретами поставила цветы. Лева хорошо вылепил бюст Булгакова [50]. Здоровье его совсем поправилось.

3 сентября. Прислали готовые книги «Письма Л. Н. Толстого к жене». Трогательно простилась с Левой. Уехала в Москву.

4 сентября. ⟨*Москва.*⟩ С утра разные дела. Свезла объявление в газеты, уплатила Левенсону 1000 рублей за книгу [51]. Хлопотала в правлении о начальнике станции Засека — Скосыреве.

14 сентября. До двух часов ночи занялась своей биографией, а потом читала «Моисея» Ландау [52].

15 сентября. Читала свою «Автобиографию» Булгакову, Медведеву и Салтанову. Телеграмма от немцев о переводе писем Льва Ник—а ко мне [53]. Утром были интеллигентные посетители, 6 человек.

17 сентября. Всю ночь не спала до 6 утра. Мои именины. Приехали: Илья с Соней, Саломон, Гарин (писатель), Соня Бибикова, Звегинцева, княгиня и княжна Черкасские. Пела Соня и Булгаков, кое-что хорошо. Читала вслух свою «Автобиографию». Ее забраковали, слишком лично и интимно.

19 сентября. Писала разные бумаги по поводу перевода писем Льва Ник—а ко мне. Хотя успех этой книги большой, мне стало грустно, что свою святую святых бросила в толпу.

22 сентября. Отослала в Петербургский толстовский музей рукопись о поездках Льва Ник. в Оптину пустынь [54]. Переписывала ее весь вечер. Разбирала фотографии и приводила в порядок бумаги.

25 сентября. ⟨*Кочеты.*⟩ Немного занялась своей «Автобиографией», не идет, трудно.

26 сентября. Писала много свою «Автобиографию», играла с детьми в деревянные куколки, смотрела на игру в шарады.

27 сентября. Вчера ночью писала до $3^1/_2$ часов ночи свою «Автобиографию», а сегодня прочла ее Сухотину и Тане [55]. Стараюсь быть правдива, писать сжато и интересно, что очень трудно. Играли маленькие дети Таня и Мика шарады, очень они милы. Мне здесь очень хорошо.

28 сентября. Опять пересматривала свою «Автобиографию», и слова *«близкий человек»* меня смущают [56].

1 октября. Читала и корректировала письма Льва Никол. ко мне. Это чтение и радостно, и расстраивает. Все замерзло к вечеру, и я пугаюсь, *как* я доберусь до дому.

2 октября. Все в Кочетах, перечитываю письма моего мужа и исправляю для второго издания [57], сижу с Танюшкой и с старшими.

4 октября. Рожденье дочери Тани. Ходили гулять все вместе. Очень холодный ветер, но ясно. Грустно, собираюсь домой. Кто меня встретит?.. Некому!

5 октября. Вернулась домой в Ясную, встретили приветливо чужие: Салтанов и Булгаков, спасибо и им. Дорога во Мценск была *ужасна*: замерзла, грязь, шел снег, трясло невыносимо. Расставаться с двумя Танями было грустно.

6 октября. Приехала Антонина Тихоновна, новая компаньонка. Читала вслух письма Л. Н. к Страхову и статьи разные.

7 октября. Весь день была на холодном, но ясном воздухе. Северный ветер. Ходила на могилу, снесла букет хризантем, которые цветут в зале. Потом убирала сараи и дрова с работниками. Вечером разбирала вырезки французские и другие «Argus de la Presse»[58] времен ухода и смерти Льва Ник. Послала Никитину книгу «Писем Л. Н.—а к жене».

8 октября. Вечером с Салтановым наклеивали газетные вырезки иностранные 1910 года о смерти Л. Н. Читаю Ландау брошюры. Плохо![59]

16 октября. С утра переписывала, исправляя свою «Автобиографию», потом учила долго девочку и опять переписывала и исправляла до 2-х часов ночи. Скучаю без известий и без любви моих детей. Надо было умереть раньше.

18 октября. Ходила на могилу; красивы хризантемы в зелени. Беседовала с Тарасом о волновавшем крестьян вопросе, как делить дрова: по душам или по печам. Я хлопотала о последнем, так и решили. Пилила кусты, поправляла корректуру своей статьи о четырех посещениях Льва Ник. Оптиной пустыни[60]. Переписывала. Грустно и одиноко!

21 октября. Читала «Из прошлого» Н. В. Давыдова[61]. Были посетители комнат: барон Врангель с детьми и молодежью.

22 октября. Читаю Давыдова книгу и так кое-что: стихи Хомякова и Аксакова, английский роман и проч.

25 октября. Вечером читала «Из прошлого» Давыдова. Неприятно описанье Черткова и очень неверно во многом[62]. Написано не с точки зрения правды, а личного отношения ко всему и всем.

26 октября. Весь вечер читала Давыдова книгу «Из прошлого». Много мне близкого и интересного.

27 октября. Сегодня ночью будет три года, что ушел Лев Никол. Недаром я тоскую всякую осень. Сегодня вписала еще кое-что в свою «Автобиографию». Вечером Антонина Тихоновна читала мне вслух «Записки» Давыдова, очень мне интересно.

28 октября. Погода беспросветная, дождь, ветер. Такая же и жизнь тоскливая, как ни храбрись. От Левы письмецо, он меня любит, кажется и Таня тоже, и это свет в моей жизни. Писала Давыдову о его книге, которую читаем вслух [63].

29 октября. Приехала Зося Стахович, как всегда живая, умная и приятная. Читала Зосе свою «Автобиографию», она не одобрила конца.

30 октября. Приезжала Саша, Душан Петрович. Уехала Зося Стахович. Убирала книги в библиотеку и вписывала их в каталог. Читаю английский переводной роман. Пишут лучше русских. В газетах шумят об оправдании Бейлиса [64].

1 ноября. Холодно, ветер, шел дождь. Ходили с Соней, Кирюшей и Ниной на могилу. Обсуждали с Соней мою «Автобиографию»; решили, что надо воздерживаться от личной злобы и не давать повода к полемике с противной стороны.

2 ноября. Уехали Соня с Кирюшей, приехал к обеду Андрюша. Писала по его просьбе министру Кривошеину, послала ему книгу «Письма». Еще писала Шамину о доме [65] и согласие экскурсантам приезжать смотреть дом и комнаты Л. Н.

3 ноября. Весь день писала новый вариант моей «Автобиографии». Очень трудно это. Читала мне вслух Антонина Тихоновна «Из прошлого».

4 ноября. С утра приезжали князь Накашидзе с 9-летним племянником — маленький типичный грузин — и Досев, которого я приняла не добро, а очень холодно

за его письмо еще при жизни Л. Н. о желательном уходе Л. Н.[66]. Кончила просматривать «Письма»; разбирала вырезки грустные.

5 ноября. Читала вечером переписку Страхова Ник. Ник. с Л. Н. Толстым. Страхов уж очень копается в своей собственной внутренней жизни. Наклеила русские вырезки в новую книгу.

7 ноября. День смерти Льва Николаевича. Прошло три года, и все больно! День провела хорошо. Как встала, пошла на могилу; там уже были разные посетители. Потом в доме перебывали около ста человек; молодежи больше. Приехали четыре сына: Сережа, Илья, Андрюша и Миша. Потом две дамы были, дочь Н. И. Стороженки и ее подруга. Сережа играл, Булгаков пел. Хорошие разговоры. Уехали Андрюша и Миша.

8 ноября. Утром все уехали: сыновья Сережа и Илья и чужие дамы. Наняла нового черкеса, нашему Осману выхлопотала возвращение на родину. Шила; вечером переписывала из иностранных книг посвящения и автографы Льву Ник—чу разных писателей.

9 ноября. Вошла в колею занятий и тишины. Учила девочку, читала много статей по случаю кончины Льва Ник—а. Послала поправку в «Русское слово»,— «детей — печей»[67].

10 ноября. Писала много весь день на машинке и все вожусь со своей «Автобиографией». Сережа увез ее — делать свои замечания.

12 ноября. Приезжала Саша, беседовала с мужиками о их делах, обедала и ночует.

18 ноября. Учила девочку, потом весь день переписывала на машинке свою «Автобиографию», все исправляю понемногу. Торжественно прощались с черкесами, водили в комнаты Льва Ник—а.

23 ноября. В Москве. Утром ездила с Ниной по делам; был у меня от Левенсона управляющий, говорил, что моя книга — «Письма к жене» почти все проданы.

24 ноября. С утра была дома, писала Булгакову, сидела с Михаилом Сергеевичем, у которого болит нога. Он стоит в номере рядом со мной, в «Славянском базаре». Собрала слушать мою «Автобиографию»: Бутурлина, Никитина, Беркенгейма, Сухотина, Молоствову. Обсуждали и решили все — не задевать Черткова. Был у меня еще сын Илья. Обедала у Саши.

26 ноября. Был Мих. Ал. Стахович, читала ему свою «Автобиографию», все как-то отсоветуют печатать конец. Я и так многое смягчила.

28 ноября. Ездила обедать к Масловым и прочла свою «Автобиографию». Кому ни прочти, всякий делает свои замечания, и совсем меня сбили.

29 ноября. Уложилась, вернулась в Ясную Поляну, здесь все хорошо. Булгаков нам обрадовался.

30 ноября. Ходила на могилу. Тот же мрачный, тихий, безнадежный бугорок, наводящий тоску и горестные воспоминания. Читала разные статьи: о Марье Николаевне — сестры Тани;[68] письмо к С. А. Рачинскому — Льва Ник—а, и проч.[69].

1 декабря. Писала Венгерову, Варе Нагорновой, Голубеву о трех частях[70]. Убирала книги, перебирала деловые бумаги и письма, читала статьи о Льве Ник. и его переписку с Страховым.

3 декабря. После обеда читала опять «Бесы» Достоевского, а потом я немного разбирала «Орфея» Глюка и «Дон-Жуана» Моцарта. Сидели беседовали о книгах и писателях с Булгаковым.

4 декабря. Усиленно работаю всякие работы. После обеда опять читали «Бесы», а до обеда играла сонаты Бетховена. Читаю переписку Страхова с Л. Н. Толстым, но писем от Льва Ник. очень мало. Они были в руках Черткова, он их и выкрал, лучшие и самые длинные[71].

5 декабря. Все то же: учила девочку управляющего, шила, играла долго вечером на фортепьяно, чтоб забыться, не тосковать и не пугаться. Прочел Булгаков мне вслух сегодняшние «Воспоминания» Ильи[72], и плоха сегодня.

6 декабря. Николин день, храмовый у нас праздник. Рождение Андрюши. Что-то он, бедный, безвольный вечный страдалец! Вечером Булгаков прочел мне вслух статью Розанова о Страхове и других [73]. Плохо!

7 декабря. Поправляла свою «Автобиографию». В 4 часа приезжал Андрюша, стал он болезненный и почему-то мне очень жалкий. Я рада была ему; он все-таки меня не забывает и оживляет мое одиночество.

11 декабря. Читали в «Речи» о том, как составляли завещание Льва Ник—а, и опять все тяжело возникло в моем сердце [74]. Неприятный разговор с Булгаковым.

12 декабря. Переписывала и опять поправляла свою «Автобиографию». Читала «Воспоминания» Ильи. Завтра решение в Сенате участи рукописей в Историческом музее, и я мало волнуюсь!

13 декабря. Послала 25 рублей священнику, отпевавшему Льва Ник—а [75]. Читаем все «Бесы».

14 декабря. Все писала на машинке. Кончила переписывать свою «Автобиографию». Читали «Бесы». В Сенате ничего не решили. Одного голоса не хватило в мою пользу [76].

15 декабря. Проверяла с Ниной свою «Автобиографию» по черновой. Надоела она мне, поднимая все тяжелые воспоминания. Немного поиграла сонату Вебера; эти сонаты очень любил когда-то Лев Ник. и учил их сам усердно.

17 декабря. Начали читать «Идиота» Достоевского.

19 декабря. Уехали гости Булгакова. Приезжал немец с русской женой, говорили о переводе на немецкий язык писем Л. Н. ко мне. Не напечатав на книге, что я права сохраняю, я теряю своих исключительных прав. Читали вслух «Идиота».

21 декабря. Читала «Идиота». Булгаков уехал. Достоевский груб, мне не нравится.

22 декабря. Ходила наконец на могилу, очень неприятная погода, и уныло на душе. Всю дорогу молилась. Приезжал юный Г. В. Серов и увез на выставку мой портрет работы его отца [77]. Вечером золотили орехи к елке.

23 декабря. Суета предпраздничная несносна, потому что без радости. Приезжал и уехал Булгаков в Москву. Вечером читали Грузинского о письмах Толстого [78] и «Идиота».

27 декабря. Переписывала дневники Льва Ник., вечером много играла, чтоб загладить тяжелое впечатление последнего дневника Льва Ник.

28 декабря. Приехала невестка Маша, Сережа-внук с англичанином; я очень им рада. Сережа-сын проехал в Никольское. Кончила переписывать дневники Льва Ник—а, первый и последний с тех пор, как мы женились.

30 декабря. С утра сидела в одиночестве, но с радостными письмами от разных внуков. Вечером зажгла елку для всех дворовых детей тех, кто мне служит. Дети говорили стихи, мы пускали граммофон. Кажется, всем было весело. Приезжала Соня Бибикова и сестра Нины. К Булгакову пришли Медведев и Лева Сергеенко. Я и их позвала наверх.

31 декабря. Приехали сыновья Сережа и Андрюша с женой. Была и Саша. Хорошо встретили Новый год, без веселья, но дружно, и я так им всем благодарна, что не дали мне затосковать в одиночестве. После ужина вдруг опять явилась Саша с Варварой Михайловной. Булгаков вечером пел. Сережа играл, и очень хорошо. Ясный день, светлый закат, тихо и лунно. Приезжала чужая, но жалкая Соня Бибикова.

1914

1 января. Еще начался новый год, а я все жива. Уехали Андрюша с Катей. Приезжала Саша с Мансфельдом. Я читала ему свою «Автобиографию», и под конец он заплакал. Сережа весь вечер прекрасно играл сонаты Бетховена и другое.

4 января. Приезжал Ник. Ник. Богданов, казначей Толстовского музея в Москве, с женой.

Вернулась Нина. Весь день разбирала и приводила в порядок книги, и журналы, и газеты.

5 января. Весь день усиленно занималась с Ниной разборкой и уборкой книг, журналов и газет. Читаю статьи о Л. Н. Панкратова; слабо [1].

6 января. Убирала, записывала, штемпелевала книги в библиотеку. Приехал В. И. Алексеев, бывший учитель моих детей; [2] очень было приятно вспоминать с ним былые, более счастливые времена. Вечером читали Достоевского. Ужасное землетрясение в Японии. Что-то невероятное, точно сказка.

9 января. Начала сегодня переписывать свои письма к мужу, работа долгая и нелегкая, числа и года перепутаны [3]. Читали вслух «Идиота» Достоевского. Были посетители комнаты и могилы Льва Николаевича.

10 января. Переписывала свои письма. Кончила читать «Идиота» и теперь буду читать Чирикова роман и книгу Якубовского «Положительные народные типы у Толстого» [4].

11 января. Ходила на могилу, снесла цветы, смела снег с бугорка, где покоится тот, кого так долго и горячо любила. Опять кормила птичек, плакала и молилась. Четвертый год, как умер Левочка, а все то же отношение. Много переписывала, пришел Душан Петрович.

12 января. Провела весь день с Душаном Петровичем. Во многом он мне чужд, что-то в нем тупое, но я его люблю, может быть, от того, что его любил Лев Никол., и мне всегда грустно с ним расставаться. Переписывала свои письма к мужу, играла на фортепьяно.

13 января. Переписываю свои письма к мужу — 15 страниц в день мой урок. Читаю Чирикова «Возвращение» [5], пишет хорошо. Вернулась Нина с братом, уехал Душан Петрович.

14 января. Вернулся Булгаков, принялся опять за библиотеку. Писала невестке Соне и в Piccadily Club о книге писем [6].

16 января. К обеду приехал сын Илья, внук Андрюша и их учитель Ник. Влад. Вавилов, вышедший из четвертого курса естественного факультета после разгрома подлецом Кассо Московского университета [7].

19 января. Немного писала, читала книгу Тимковского «Душа Толстого» [8]. Илья пишет копию и статью о Деруледе и о его посещении Ясной Поляны [9].

28 января. Переписывала, учила девочку, играла на фортепьянах, вечером выправляла письма с Булгаковым. Грузинский плохо редактировал, и мы исправляем [10]. Письма Льва Ник. и мои вызывают воспоминания; и грустно, и хорошо вспоминать о несомненном счастье.

1 февраля. Читала, т. е. пересматривала эти вечера «Pensées de Pascal» и «Круг чтения». У Чертковых обыск полиции [11]. Интересуюсь переменами в министерствах.

2 февраля. Тяжело поднимаюсь утром, сознавая ненужность моей жизни. Переписывала много; вышивала, вечером Нина читала мне присланную мне каким-то Голубковым брошюру «Л. Н. Толстой как богоискатель» [12]. Недурно.

3 февраля. Прочла рассказ Андреева о погибшем авиаторе — искусственно [13]. Что-то все жутко.

4 февраля. Вечером Нина читала мне «Фауста» Тургенева, забытого мной, потом исправляли «Письма Толстого к жене», и так всякий день. Точно застыла жизнь. Много думаю и скучаю, что мало вижу детей и внуков, а сил нет, ни телесных, ни душевных, подняться.

7 февраля. Приехал сын Лева, неожиданная мне радость, и художник Салтанов.

8 февраля. Погода прелестная: ночной снег покрыл всю землю и привлекательна эта белизна. Ходила с Левой на могилу, снесла цветы и корм птичкам, но их се-

годня не было. На точке замерзания вечером и тишина. Уехал Салтанов; Лева много играл на рояле и в шахматы с Салтановым. Я немного переписывала.

13 февраля. Приходил Душан Петрович, едет в Кочеты до мая. Читаю Чирикова «Возвращение» и по-французски «Mont-Oriol» [14]. Кончили с Булгаковым поправлять письма.

14 февраля. Приезжало 40 посетителей, слушателей Шанявского университета, на могилу и в дом. Были и женщины. Напрасно много болтала о Черткове и Саше. Потом переписала своих писем 28 страниц. Дочитали «Затишье».

22 февраля. Читали вечером Тургенева. Читаю старую статью Страхова «Толки о Толстом» [15], разбирала, переписывала и приводила в хронологический порядок свои письма к Л. Н. Тяжело переживать в них наши прежние страданья и разлад. Играла концерт Моцарта.

23 февраля. Сегодня день смерти Ванечки. Ходила на могилу, везде вода. Потом писала, вязала, читала глупые рассказы в «Современном мире» вслух. Был немец с женой, хотят переводить «Письма Л. Н. Толстого к жене» [16].

24 февраля. Приехал сын Илья, привез мне апельсины и мармелад, добродушен и деятелен. Поправлял копию с портрета Льва Ник. работы Репина. Читает старые дневники Льва Ник., которые я давно переписала (до 1861 г.).

25 февраля. Встала поздно; Илья тотчас же принялся за свою копию, к вечеру она стала лучше. С Илюшей очень приятно, когда он в духе. Ему кто-то предложил ездить по городам России, читать лекции о его отце [17].

6 марта. ⟨*Петербург.*⟩ Была у Левы, там обедала, дети милые. Переговорила в телефон с Н. А. Добровольским о моем деле о рукописях в Сенате; он говорит: «Не понимаю, что они так долго тянут это дело» [18].

10 марта. В Петербурге. Утром ездили с Дорой на передвижную выставку. Как бедна она сюжетами и даже техникой. «Дуэль» или «Поединок», вернее, Репина насколько хуже прежнего [19].

11 марта. Вернулась в Ясную Поляну через Тулу, морозно, пасмурно. Застала дома Варю Нагорнову с дочерью Адей. Мои сожители Нина и Булгаков очень тоже приятны. Вечером читали вслух «Лермонтов и Толстой» [20].

12 марта. Писала письмо государю, прося место Андрюше. Ужасно это мне тяжело и неприятно, но Андрюша так нервен и плох, что страшно было ему отказать. Письмо послала ему на прочтение [21]. Очень оживленно провели вечер мои все гости и домашние: Булгаков пел, Соня Бибикова аккомпанировала, играли в карты, смеялись весь вечер. У меня много хозяйственных дел.

13 марта. Занялась материалами для новой главы, заказанной мне для моей «Автобиографии» [22]. Приехала Соня Бибикова, и мы играли в 4 руки: «Invitation à la danse» Вебера, симфонию «Юпитер» Моцарта и его же квинтет.

17 марта. Грубая выходка Булгакова; [23] меня это расстроило, не могла заняться делом и переписывала свои письма к мужу. Читали с Варей последний дневничок Л. Н., и грустно ужасно! [24] Играли в 4 руки симфонии Моцарта. Вечером читали вслух «Лермонтов и Толстой». Слабо.

18 марта. Небольшой мороз, все засыпано легким слоем снега; ясно, блестящие звезды и ясный месяц. Учила, писала усердно новую главу, читали вечером вслух «Лермонтов и Толстой». Письмо от Кузминского о благоприятном исходе моего дела о рукописях в Сенате [25].

24 марта. Отослала Венгерову новую главу для «Автобиографии» [26].

26 марта. Булгаков уехал в Москву читать доклад о библиотеке Ясной Поляны [27].

27 марта. Переписывала; вечером читали вслух «Лермонтов и Толстой», а потом я читала свои «Стоны» из «Журнала для всех», март, 1904 г. Очень понравились эти мои стихотворения в прозе Вареньке и Нине.

30 марта. Начали с Ниной говеть, была у обедни. Большая толпа *народа,* т. е. крестьян, чуждая мне так и осталась, хотя живу с ними близко 52 года. Что-то дикое, непонятное в них.

10 апреля. 25 посетителей дома и могилы, и потом пришли меня звать на могилу все наши мужики. А я, увы! все больна.

16 апреля. С Ниной читали книгу дочери Тани о Монтессори, итальянской свободной воспитательнице [28].

20 апреля. В первый раз вышла гулять. Хорошо — все-таки весна! Но нет уж прежней радости весны! Нарвали цветов — медуничек, голубых подснежников, желтых и лиловых цветов к портретам Левочки и Ванечки. Где они, мои милые!..

25 апреля. Приезжал бывший священник Г. С. Петров, был со своим товарищем Марченко на могиле, и у меня пили кофе. Сочувственно все бранили Кассо и Черткова. Вечером читали вслух «Маскарад» Лермонтова.

8 мая. ⟨*Москва.*⟩ Приезжал Поленов-художник с дочерью. Какой еще живой старик, любит всякое искусство, но стал очень болтлив. Была в Толстовском музее, жалкое впечатление!

10 мая. Ходила на могилу, снесла цветов. Оттуда привела трех деревенских детей, кормила их сладостями, пускала им граммофон. Но они мало показали радости. Читаю письма епископа Феофана [29].

11 мая. Делала опись вещей Льва Ник., находящихся в столе и на столах его комнаты.

13 мая. Были посетители: Дм. Дм. Кулишев с кн. Шаховской и барышней Тулубьевой. Уехал в Сибирь Булгаков, прощался с нами трогательно. Отказался неожидан-

но Илья Васильевич с женой, и это меня огорчило. Устал и надоело служить. Понятно! Ходила на могилу и красиво украсила цветами. Вечером читала Феофания письма о духовной жизни [30].

15 мая (Вознесение). Посетителей не считали, но, я думаю, около 150 человек. Пускала я с Антониной Тихоновной. Переписывала все вещи в комнатах Льва Ник—а, и грустно!

18 мая. Приезжал сын Андрюша; была экскурсия девиц в 62 человека и еще посетители разные; показывала комнаты Льва Ник. К 8 часам вечера приехал сын Лева с двумя сыновьями Китой и Петей. Много интересного рассказывали мои сыновья, и я им рада! Но что-то мне не по себе.

20 мая. Рожденье Левы, ему 45 лет. Неожиданно приезжал Вл. Мих. Дорошевич, один из главных сотрудников «Русского слова». Два раза ходили на могилу; снесла цветы. Приезжали Саша и Варвара Михайловна.

23 мая. Вечером зашивала в посылки фотографии московских домов, посылаю в Петербургский и Московский музеи [31].

26 мая. Еще не привыкла к шуму детскому, хотя приятно, что жизнь вокруг меня опять. Немного переписала; вечером поиграла сонаты Вебера со скрипкой; хотела повторить, чтоб играть с француженкой, которая у Левы. Потом разговаривали о дневниках Льва Ник. с Левой и Дорой.

31 мая. Переписывала, ходила на могилу и вообще много ходила, так как глаза болят невралгически, и это меня тревожит, даю им отдых. Грустно очень от сыновей, что начали играть. Дора говорит, что Лева проиграл около 50 тысяч. Бедная, беременная, заботливая Дора! Тысячу раз прав Лев Ник., что обогатил мужиков, а не сыновей. Все равно ушло бы все на карты и кутежи. И противно, и грустно, и жалко! А что еще будет после моей смерти! Жаркий, ясный день. В природе прелесть, а в душе тоска! Всю ночь не спала. Лева вернулся утром 1 июня *.

---

* Приписано позднее.

1 июня. Приезжал из типографии Левенсон и К° директор Серг. Степ. Ермолаев, его родственник Юрий Вениаминович и фотограф чех Видман, копировали с моих негативов для открытых писем. Вечер провела с детьми.

13 июня. Ездили в катках купаться по-старинному, дети, гувернантки, в два транспорта: мальчики — трое, с Левой-отцом — отдельно. Очень жарко, 24 гр. в тени. Начали косить старый сад. Дома читала внукам «Евгения Онегина».

19 июня. Утром зачиталась Пушкиным, его повестями, давно не бывшими в моих руках.

25 июня. Ездим купаться, очень хорошо. Утром много переписывала, кончила 5-ю книгу своих писем к мужу. Вернулась Таня-дочь из Тулы, приехал к обеду Андрюша-сын. Приятно провели вторую половину дня, поздно разошлись. Андрюша уехал.

30 июня. Весь день переписывала свои письма и многому огорчалась. Поздно! Писала Жданову о деньгах, которые остались после Льва Ник. Куда, кому их послать [32].

2 июля. Читаю газеты, повести, на серьезное чтение нет досуга и расположения. Все газеты полны известий об убийстве Распутина [33].

5 июля. Сегодня ходила на могилу, снесла цветы, молилась. Никого не было, и это хорошо. Переписывала черновик моего письма к Черткову 1910 года [34]. Все переживаю прошлое, и больно. Радостно видеть и чувствовать близко молодую жизнь детей, хотя и не участвовать в ней. Но грустно болезни и труды матери.

16 июля. Переписывала, читала с волнением газеты, неужели война?

18 июля. С утра тоскливо, и бесцельна жизнь. Писала открытку Леве и посылаю ему его рукопись из редакции «Нового времени» [35]. Прочла я вслух рассказ «Счастливица» в «Вестнике Европы» — плохой [36].

19 июля. Эта ужасная война поведет к большим бедствиям в России. Все в унынии; те, которых отрывают от земли и семьи, говорят о забастовке: «Не пойдем на войну!» У меня увезли приказчика, семь лошадей, при них кучер и два работника! А в России голод. Что-то будет!

20 июля. С утра села переписывать свои письма. Сколько все-таки было тяжелого в жизни! Дописала до 1900 года; тогда в декабре умер Левушка [37], родила мертвую девочку Таня и проч. И у всех я была и со всеми плакала.

21 июля. Тяжелый камень навалился на мое сердце. Взяли на войну сына Мишу и услали в Брянск. Взяли и нашего приказчика Каринга, взяли наших крестьян, лошадей. Всюду слезы, ужас, и во имя чего? Никогда не пойму я войны!

27 июля. Бродила весь день по Ясной Поляне с болью сердца, ждала Андрюшу, он нездоров, написал, что Миша будет во вторник в Туле, чтоб я приехала и дала Мише 1000 рублей. Его посылают в *действующие* полки, кавалерию, и это мне новый удар. Была дочь Саша, и она уезжает сестрой милосердия. Мы трогательно простились. Все ужасно! Ясно, тихо и тепло в природе.

28 июля. Известия все ужасные: Лева-сын отправил семью в Швецию и едет с Н. Гучковым на границу Польши уполномоченным Красного Креста. Жарко, много грибов, погода чудесная, а везде стон и плач. Было 20 экскурсанток на могиле и в доме.

29 июля. Сколько страданий — и все живешь и все приходится переносить! Простилась сегодня с сыном Мишей, он идет на войну! Крепилась не плакать, а страшно тяжело! Не радует и Андрюша: с женой нелады, а сам, бедный, и хромает, и кишки, и бронхит, и очень похудел. Устала и телом и душой ужасно!

31 июля. Ходила сегодня с Ниной по лесам, грибов не нашла: деревенские очень много белых приносят. Хозяйничала дома, хозяйничаю в именье и все точно во сне. Вечер совсем одна; никак не привыкну к своему тяжело-

му одиночеству, а уехать и бросить и Ясную Поляну без приказчика, и все вещи, и людей — немыслимо. Состояние моей души такое точно, как было в то лето, когда ушел в октябре Лев Николаевич. Точно все изменилось: и природа, и люди, и все; и болит так же под ложкой с левой стороны, и та же безнадежность. Очень тоскую о Мише. Спаси его бог! Страшно и за Леву, и за Сашу, хотя они при мирном деле Красного Креста. Жаль и бедного Андрюшу, больного и *не*счастливого. И ни в чем нет радости душевной!

1 августа. Не спала всю ночь, утром поехала с няней [38] к обедне. Вся церковь полна женщин, мужчин почти не было. Дико выкрикивает дьячок непонятные слова, и грустно! Грустна и отчужденность моя от народа; я *одна барыня* среди настоящего крестьянского населения, и дети на меня смотрят как на что-то чудно́е и чуждое.

2 августа. Ходила с Ниной на могилу, потом в лес. Вернулся из Сибири Булгаков, и я ему очень рада.

3 августа. Пришла Надечка Иванова, потом Соня, жена Ильи, с которой хорошо поговорила о житейских и духовных делах. Тяжелое известие от Тани, что у Сухотина удар сделался у Абрикосовых в гостях. Но уже 1-го стало лучше немного.

4 августа. Булгаков ушел в чертковское жилье. Бродила по усадьбе — везде воспоминанья, а жизни нет и тоскливо. Вечером Нина мне читала «Рудина» Тургенева, чтоб развлечься, но неинтересно, устарело,— устарела и я для романов.

5 августа. Ничего не могу делать разумного, сознательного; тупое горе овладело мной! Готовила во флигеле для приезда Кузминских. Читаем газеты почти весь день. Вечером поразившее меня очень больно известие о вторичном ударе Мих. Серг. Сухотина. Бедные мои Танечки!

8 августа. Затмение солнца. Приехала Варя Нагорнова, я ей очень обрадовалась. Вечером склеивала из корректурных листов книжечки давать читать садовым сторожам [39]. От Тани плохие известия. Ее письмо истерзало и так мое больное сердце.

9 августа. Получена телеграмма о кончине М. С. Сухотина. Начала укладываться и спешно собираться в Кочеты. На сердце страшно больно, безнадежно, тяжело, а дома надо перед отъездом обо всем распорядиться. Бедная, жалкая моя Таня!

10 августа. Приехала на ямщике в Кочеты. Тело Сухотина перевезли от Абрикосовых домой в Кочеты. Таня бодрится, распоряжается, худа, напряженно-нервный вид, и мое сердце раздирается, глядя на нее. Помоги ей бог!

11 августа. Ходили с Таней и маленькой Таней гулять, сидели все вместе. Отца хоронить собрались четыре сына. Тут и моя Саша, приехала и Лиза Оболенская, и наш Сережа. Служат панихиды.

13 августа. Опустел кочетовский дом. Таня молодцом, берет на себя не распускаться, а тяжело ей очень, она любила своего больного старика; да и жизнь вся пойдет совсем другая, и ей будет трудно!.. А война?.. Ужас берет перед событиями этой ужасной войны!

14 августа. Сегодня Таня читала нам вслух, после прогулки, свое произведение «Детство Тани Толстой» [40]. Превосходно и трогательно написано. Даже мы всплакнули слушая, а она читая. Таня с дочкой собираются пожить со мной зиму. Как хорошо! Что-то даже не верится!

15 августа. Опять гуляли, опять слушали чтение Тани. Провожали в полк добровольцем Дорика и офицером — Сережу Сухотина. Старший Сухотин Лев очень расстроен, и нам всем грустно. Уложилась, завтра уезжаю.

16 августа. Встала с Варей очень рано, в 7 часов утра выехали из Кочетов на сухотинской тройке в Мценск. Там Лиза Оболенская; билетов не давали, нет мест; просила начальника станции, дозволили войти в вагон, сидели на чемоданах. Всюду толки о войне, у всех горе. Дома привычно.

22 августа. Утром приехала сестра Таня Кузминская, к обеду ее муж Алекс. Мих—ч. Сегодня день моего рожденья, мне 70 лет.

25 августа. Читала Кузминским мою «Автобиографию», очень ее хвалят все.

26 августа. Читаем газеты и страдаем за своих на войне.

28 августа. Рождение покойного Льва Николаевича. Ходила с Варей на могилу, красиво убрана цветами и белым крестом из астр.

29 августа. Уехала Варя Нагорнова, приехал Д. П. Маковицкий.

5 сентября. Ездила на катках с Ниной и Кузминскими на купальню, и потом кругом Засекой, и выехали на шоссе. Все мы восхищались осенней окраской природы, теплом и живописной дорогой. Приехав, работала, сгребая граблями листья в кучи. От Тани-дочери описание смерти Сухотина и прекрасное письмо сына Али.

7 сентября. Бродила бесцельно, ничего не могу делать в эту ужасную войну, и с грустью о горе Тани, со страхом за сыновей, беспокойством о Доре, которая должна была родить на днях. Загребала кучи листьев на постилку скоту; повестила поденным о квитанциях и весь вечер с Ниной подсчитывала. Пили чай с Душаном Петровичем во флигеле у Кузминских.

11 сентября. Ухожу из дому и работаю в саду до устали, сгребая в кучи сухие листья, хочется забыться, бежать от мыслей неотвязных о войне, о моих детях и внуках. Читаю газеты, опять бросаю, опять беру и читаю, и тоска, тоска! Читаю Феофана «Что есть духовная жизнь?».

17 сентября. Мои именины. Этот день полон воспоминаний. Набрала цветов, пошла на могилу, всю ее убрала. Тихо накрапывал дождь. Получила много телеграмм — одну с известием о приезде Левы сегодня ночью. Вечером пели: сестра Таня и Булгаков, и прочли рассказ Микулич. На душе не до песен.

25 сентября. Приезжал сын Андрюша и привез с собой невестку Соню, жену Ильи. Вечером Булгаков съездил за Соней, дочерью Андрюши и Ольги, приятно провели вечер. Читали статью Ильи с войны [41].

26 сентября. Вечером Таня-сестра читала мне свои «Записки», и мне было очень интересно [42].

27 сентября. Сестра расстроена, что ее сын Митя идет тоже на войну по своей воле ординарцем. Непонятный гипнотизм! Читали вслух «Записки» Маковицкого.

29 сентября. Набрала чудесный букет еще свежих цветов, и мы пошли с сестрой на могилу, потом дальше к реке, к тому месту, где в старину была наша купальня. Хорошо было гулять с Таней, но грустно смотреть, как рубят лес и как все уже не наше. Ясно, морозно. Читала прекрасную статью Leroy-Beaulieu о Льве Николаевиче 15 Decembre 1910 в «Revue des deux Mondes» [43]. Приехал Трегубов.

30 сентября. Писала для сестры на машинке. Вечером Булгаков читал свою статью — протест войне, и хорошо [44].

1 октября. Пускала в комнаты Льва Никол. и залу посетителей офицеров, уезжавших на войну, двух военных врачей, Левицкого Ал. Серг. и даму. Трогательно всем интересовались.

2 октября. Уехала сестра Таня. Чудесный, тихий, ясный день. Пошла бродить по хозяйству; сажали яблони, собирали хворост, собирали сухой лист, набрала и я четыре кучи. Читаем газеты. Были посетители, офицеры, военные врачи и две дамы, всех 6 человек. Осмотрели все в зале и комнатах Льва Николаевича.

4 октября. Рожденье моей Тани. Ездила в Тулу с Ниной. Видела в Туле Гришу Толстого, сына Сергея Николаевича. Он взят опять на службу. На обратном пути встретила целую батарею солдат и офицеров. Они были в Ясной Поляне, очень жалею, что не видела их и не сама принимала у нас. Послала Леве 1000 рублей.

6 октября. Получила известие от Тани, что она приезжает 8 или 9-го. Читали две статьи Кропоткина вслух [45].

8 октября. Исправляла «Письма Л. Н. Толстого к жене». Много играла: сонату Вебера, «Песни без слов» Мендельсона и проч. Чувствую голод музыкальный.

9 октября. Хотела утром заняться исправлением «Писем», но потянуло к роялю, и я долго играла, стараясь сократить время до приезда Тани. Приехали они: Танечки две, мисс Вельс, С. И. Лаврентьева и горничная Ганя. Внучка Танечка прелестна, дочь Таня очень близка и привычно любима. Хорошо беседовали вечером.

11 октября. Опять писала и занималась с внучкой, показывая ей рисунки ее матери в детстве. Вечером вписывала в каталоги книги.

12 октября. Во вчерашней газете «Русские ведомости» неприятное известие об отказе Сената присудить мне рукописи [46].

13 октября. Вечером Таня читала свои прекрасно написанные воспоминания о детстве ее [47].

15 октября. Вечером Таня читала нам о старом шведе, приезжавшем в голодающих годах, не помню 91 или 92 года [48].

16 октября. Вечером читали вслух «Колычевская вотчина» [49].

18 октября. Американское консульство известило меня, что Миша-внук в плену в Богемии, в Милевиче [50].

21 октября. Получила от Ал. Мих. Кузминского письмо с известием, что дело мое в Сенате выиграно мною [51], и о печальных вестях в семье: Маша больна, Митя идет на войну, еще три сына на войне, внук ранен.

23 октября. Вечером Таня-дочь почитала немного из «Войны и мир», потом пел Булгаков.

26 октября. Рисовала, играла с Танечкой в «Шалунов». Ночью вторглась полиция допрашивать Булгакова о его воззвании против войны [52]. Я очень рассердилась и написала Джунковскому.

27 октября. Послала свою статью в три газеты о посещении полиции [53] и сестре Тане. К обеду приехал сын Сережа, много играл, Булгаков пел. Тяжелые воспоминания. Сегодня, после ночи будет четыре года 28 октября, что ушел из дому Лев Николаевич.

28 октября. Скорбное число ухода Льва Ник—а из дому четыре года тому назад. Опять наехала полиция, арестовали и увезли В. Ф. Булгакова, обвиняя в распространении вредных листков. Расстроена и досадно, составила черновую Джунковскому о Булгакове [54].

29 октября. Уехал утром сын Сережа, исправив мне письмо к Джунковскому, которое я переписала и посылаю.

3 ноября. Получила от Джунковского неприятную телеграмму. Жутко с этими господами. И без всякой вины окажешься виноватой в чем-то [55].

7 ноября. День смерти Льва Николаевича. Утром приезжали человек шесть членов Толстовского музея, художник Меркуров. Айвазов, Бурджалов, Амосова — три студента и проч. Жалкие представители Толстовского общества! Обрадовал приезд сына Сережи. Позднее пришли все яснополянские крестьяне, и мы все пошли с ними на могилу: пропели «Отче наш» и «Вечная память». Я шла с внучкой Таней, шли и дочь Таня, и невестка Соня с сыном Кирюшей, и Сережа, и было хорошо. Но погода и дорога ужасные: шел мокрый снег, 2 гр. тепла. Вечером Соня пела, Сережа играл.

9 ноября. Весь день опять исправляла «Письма к жене» для 2-го издания и кончила. Читаю «Шопен и Жорж Санд» [56].

13 ноября. Была с Ниной в Туле, посетила Булгакова, он бодрится, но похудел и, кажется, не понимает, что его ждет. Читала Таня вечером стихи Фета.

14 ноября. Вечером Таня читала вслух стихи Тютчева, а я изречения разные в своей книжечке красной.

18 ноября. Переписывала на машинке завещание Льва Ник—а для справок в Москве. Потом переписывала письма его, которые хочу еще приложить к новому изданию [57].

25 ноября. Спорили с Таней о церкви, она повторяет слова отца, отрицая церковь, забывая, что он более двух лет был горячий церковник. Вечером приехал Андрюша. С ним всегда оживление.

27 ноября. Уехала в Москву утром, теснота в вагонах, в Туле пленные австрийцы.

28 ноября. ⟨*Москва.*⟩ Все утро по банкам. Уплатила в склад Ступина по май 1915. Обед и вечер у сына Сережи. Там Дунаев. Слякоть, езда на пролетке.

2 декабря. Видела в Москве Сашу, которая уезжает 10-го с отрядом сестрой милосердия.

3 декабря. Ходили с Ниной на выставку В. Д. Поленова. Хорошо! [58]

4 декабря. Вернулась в Ясную Поляну. Неприятно, что жандармы составляют протокол на Сережу за то, что он сказал, что напрасно этот полковник служит в жандармах [59].

5 декабря. Рассчитывала рабочих, записывала счета, делала хозяйственные распоряжения. Работала, читаю М. С. Громеки разбор «Анны Карениной». Я и раньше его знала, но забыла! [60]

6 декабря. Писала Мише и Левенсону. Неприятен их отказ печатать открытки с моими фотографиями. Получила письмо вел. кн. Константина Константиновича о рукописях и хотела сегодня же ответить, но запуталась [61].

11 декабря. Была в Туле с Таней, отдала ей пожизненно флигель, получила пенсию; видела Булгакова в жандармском управлении.

12 декабря. Тихо идет жизнь с камнем на сердце по случаю войны и глупой выходки Булгакова. Подписавшегося под его воззванием Душана Петровича тоже вызывают в Тулу жандармы [62].

19 декабря. Кое-чем занималась; от всего серьезного руки отпадают, пока война. Сегодня мучительная тоска на душе. О детях ничего не знаю, а глядеть на Таню-дочь все сердце изныло; она чем-то хронически больна.

20 декабря. К обеду приехал сын Лева. Много разговоров, и все война, война.

31 декабря. Все те же приготовления к елке. К обеду приехал сын Сережа. Встречали приятно Новый год: Таня, Лева, Андрюша, маленькая Таня, я, Антонина Тихоновна и Душан Петрович. Нервы расстроены, все плакать хочется. Поражает то, что со мной трое моих детей; огорчает неизвестность о Сереже, обещавшем приехать, и беспокоит нездоровье Андрюши.

1915

8 января. Утро все обсуждала с сыном Сережей и Булыгиным дело рукописей по отношению снятия с них копий и переговоров с Академией и музеями [1]. Уехал Сережа-сын.

10 января. Получила телеграмму от кн. Щербатова, что мне возвратят весь мой архив из Исторического музея [2].

11 января. Читала письма Льва Ник. к кн. С. С. Урусову и заметку о Толстом Овсянико-Куликовского [3].

13 января. Приезжал сын Илья, интересно рассказывал, вечером уехал. Прислан указ Сената о рукописях, все мне присуждено [4].

14 января. Ходили на могилу две Тани, Лиза Оболенская, Варя Нагорнова и я; сыпали корм птичкам, снесли немного цветов. С тоской собираюсь в Москву перевозить рукописи.

18 января. Читала три листа корректур «Писем», учитывала по потребительским книгам расходы, потом с приказчицей считала и вписывала доходы с расходами. Читала Варе и Тане свой дневник.

19 января. Все мы очень расстроены. Душана Петровича арестовали и посадили в тюрьму за то, что подписал воззвание Булгакова [5].

22 января. ⟨*Москва.*⟩ Ездила в Государственный и Торговый банки. Потом в Румянцевский музей. Долго вели переговоры с хранителем рукописей Гр. Петр. Георгиевским. Помещение мне дают под рукописи хорошее, но ужасная туда лестница, витая, чугунная. Обед и вечер у Сережи и Маши. Сережа с Полем и Шором играл разные трио Бетховена и др.

23 января. Была с Ниной на двух выставках: «Союза» и передвижной [6]. Плохи стали выставки, не то, что прежде. И много декадентской мазни. Вечером пришел брат Нины, пили чай, и я поправила три листа корректуры «Письма Л. Н. Толстого к жене». Видела в вегетарианской столовой Ив. Ив. Горбунова и Диму Черткова. Мы там обедали.

27 января. Вечером у Масловых, там был Танеев и Маруся Маклакова. Приезжал Георгиевский по делу перевозки вещей и рукописей из Исторического в Румянцевский музей.

4 февраля. Подклеивала большую картину аллегорическую, найденную в библиотеке, а вчера план Ясной Поляны, когда Толстые были малолетние. Ходила с Варей на могилу, снесла гиацинт в горшке. Вечером читали о петровских временах камер-юнкера Берхгольца [7].

5 февраля. Поправила три листа корректур «Письма Л. Н. Толстого к жене». Учила девочек, учитывала расходно-приходные книги. Таня и Варя Нагорнова были в Туле, их не пустили ни к Булгакову, ни к Маковицкому в тюрьму.

7 февраля. Написала и послала сыну Илье для его газеты новую статью о турецкой войне 1877 года и отношение к ней Льва Ник—а [8]. Слушала чтение вслух книги «Русский быт» [9].

10 февраля. Приезжала Е. А. Щелкан. Вечером читала газету «День печати», много статей по поводу войны [10].

15 февраля. Приехал П. А. Сергеенко. Не люблю я его, но в нашем одиночестве и то развлечение. Он мне кое-что рассказал о последних дневниках Льва Ник—а и о Черткове.

19 февраля. Думаю с сожалением о бедном Душане Петровиче. Хлопотать трудно, плохо стало здоровье, сил нет, и энергия пропала. Слушала чтение «Некуда» Лескова.

21 февраля. Читала с болью в сердце в новом журнале Миролюбова выписки из последних дневников и писем Льва Ник. [11].

25 февраля. Читала в «Вестнике Европы» письма Льва Никол—а к кн. Л. Д. Урусову и глупую статью о Л. Ник. Овсянико-Куликовского [12]. Неудачное сравнение Урусова с Облонским из «Анны Карениной».

1 марта. Весь день выбирала письма сестры Тани Кузминской из всех полученных писем. После обеда шила рубашку и читала извлечение Никифорова из писем и дневников Льва Ник. [13] в журнале Миролюбова.

4 марта. Опять разбирала письма. Был Сережа, Булыгин, идейный и красивый малый, пропадает за свои взгляды. Плохие известия об участи Душана и Булгакова [14].

5 марта. Таня была в Туле, видела Душана Петровича и Булгакова.

11 марта. Читаю «Ромен Роллан и Толстой» [15].

17 марта. Вернулась из Москвы и Петербурга дочь моя Таня, была у четырех министров, хлопотала о Душане. Его будут судить гражданским судом.

23 марта. Пускала посетителя офицера с войны в комнаты Льва Николаевича. Приезжал утром П. А. Буланже.

26 марта. Ходила на могилу с невесткой Соней и ее сыном Андрюшей, который уехал опять на войну. К обеду приехали хранитель рукописей Румянцевского музея Гр. Петр. Георгиевский и архитектор Викт. А. Виснев. Все им показали и рассказали, а они показывали план устройства кабинета Толстого [16]. Грустные рассказы Сони о смерти ее Кирюши.

30 марта. Вечером читала Алданова «Толстой и Роллан». Мне интересно, а Таня говорит, что глупо.

3 апреля. Так все грустно, что от всего руки отпадают. От сына Миши письмо о болезни его сына умершего; от Саши письмо, в котором чувствуется какое-то веселое молодечество, и это на войне! Ее не поймешь.

6 апреля. Приезжал сын Миша, свежий, бодрый и даже красивый. Приезжал прощаться, опять едет на войну, теперь в штаб хана нахичеванского. Больно было с ним расставаться опять. Больно было и слушать о смерти его мальчика.

8 апреля. Нерадостную послал мне господь старость. Все грустно! О Тане, о Леве болит душа непрерывно. И о прочих неспокойно. Кончила книги верхнего 24-го шкапа вписывать и убирать. Убирала балкон, ходила с Танюшкой по лугу, она радуется на показавшиеся цветочки. Плохое письмо от Левы Тане. О нем непрерывно сердце болит.

12 апреля. День переписывала для mr. Maude статью Страхова о завещании Льва Ник — а [17]. На душе тяжело, на свете одиноко. Танечка прелесть.

15 апреля. Читала письма Тургенева к гр. Ламберт [18].

16 апреля. Читала письма Льва Николаевича к Русанову, и грустное впечатление от непрерывной мысли о *смерти.* Готовился ли он к ней, боялся ли — бог знает! Плохие рассуждения Овсянико-Куликовского [19].

19 апреля. Приходили посетители из Тулы, учителя и начальница Арсеньевской гимназии. Сочувственные люди. Приходили крестьяне за деньгами в потребительскую лавку. Вечером пришел Сережа Булыгин и ночует. Ходила на могилу с дочерью Таней и внучкой Таней, украсили могилу цветами.

27 апреля. Плохие вести о войне: обстреливают Либаву, завоевали немцы пять губерний, потопили английский частный пароход. Тане опять хуже. Такая тоска мной овладела, что ничего не могла делать и пошла бродить по Ясной. Исправляла корректуры «Писем».

30 апреля. Впускали в комнаты Льва Николаев. очень много посетителей. Рабочие-революционеры. Ходила на могилу, сажала цветы: фиалки, баранчики, маргаритки.

1 мая. Много посетителей: 19 окончивших гимназию девиц, много гимназистов и молодежи. Всем показывала комнаты Льва Николаевича и рассказывала. Писала Косцову о «Трех старцах» [20].

10 мая. Приехал сын Андрюша с Барановым, ходили на могилу. Бесчинствовала публика, вызвала на завтра полицию. Были 55 и больше посетителей.

13 мая. Очень тяжело одиночество, несмотря на прелесть весны и природы. Держала корректуру. Читала «Vie de Tolstoi» par R. Rolland, много ходила всюду, не находя радости. Чтение писем Л. Н. ко мне по корректуре меня расстраивает.

15 мая. Были в Туле с Антониной Тихоновной, выхлопотали свидание с Душаном Петровичем и Булгаковым у жандармского генерала. Они трогательно мне обрадовались, обо всем меня спрашивали. Дал пропуск жандармский генерал Вольский. Послала 700 р. сыну Андрюше. Много было в Туле всякого дела.

16 мая. Кончила читать корректуру раздирающих душу «Писем Л. Н. Толстого к жене». Послала последние листы корректурные.

20 мая. Ходила на могилу с Ниной, снесла много полевых цветов. Вернулась способность любоваться природой, а на душе все-таки грустно. Сегодня день рождения сына Левы; что-то он бедный! И что Таня, Илья, Миша, Андрюша, Саша; о Сереже тревог меньше. Вечером читала статью Овсянико-Куликовского о цене жизни [21].

21 мая. Вечером опять статья Овсянико-Куликовского. Мне не нравится, или я не понимаю.

27 мая. С утра в одиночестве, сначала рисовала, потом много играла Chopin, учила 2-е Scherzo, трудно, не одолела. Читала в «Голосе минувшего» разные интересные статьи. Ходили с Ниной на могилу и после обеда в елочки. Читали статью Н. Морозова [22], потом газеты.

28 мая. Корректировала «Указатель» в «Письмах» [23]. Очень трудно, и я бросила, поручу корректору. Было много посетителей, и В. Мамонтов привозил генерала. Были и дети.

31 мая. Вся Ясная Поляна полна посетителями и гуляющими. Приезжали два лица, занимающиеся критикой «Войны и мира». Один из них Апостолов, студент Киевского университета [24]. Ходили на могилу, и там народ, и завалили могилу травой и ветками. Разгром в Москве — дело немцев, о чем пишу Маклакову завтра.

2 июня. Была в Туле и у нотариуса для перемены завещания. Писала письмо Маклакову по случаю нелепых слухов и угрожающих погромов [25].

4 июня. Усердно принялась составлять указатель к «Письмам Л. Н. Толстого к жене». Корректор отказался, очень это трудная работа.

7 июня. Грустная весть о кончине 6-го числа Сергея Ив. Танеева меня очень поразила.

11 июня. Были посетители. Работала над «Указателем». Ходила смотреть на уборку сена. Жарко, грозит засуха. Смерть С. И. Танеева все глубже и болезненней отзывается в моем сердце. Читала о торжественных и многолюдных похоронах. Его оценили хорошо.

13 июня. Переписывала на машинке оконченный «Указатель». После обеда ходила с Ниной на могилу, украсила ее цветами. Кроме полевых, цветет жасмин, шиповник и кое-какие садовые цветы. Чудесные розы. Не могу не грустить о Сергее Ивановиче.

20 июня. Очень жаркий день. Где-то гремел гром. Рисовала трудный, оригинальный цветок, раньше мне незнакомый. После обеда ходила на могилу, снесла чудесный букет. Вечером прочла в «Вестнике Европы» хороший рассказ «На закате» [26]. Психология нашего возраста, 70-летнего старика, и его отношение к детям.

21 июня. Ничего не хочется делать, не хочется жить. Кроме личных горестей — эта война убивает всех медленным огнем. Чинила проеденную молью скамеечку в спальне Льва Ник—а и всю ее перебила. Мало гуляла, мало рисовала. Жарко, сухо. Посетители: три бельгийца с французскими комплиментами.

23 июня. Читаю Romain Rolland «Le temps viendra».

28 июня. С утра уехала в Таптыково к Андрюше и Кате. У нее болят ноги, и оба жалкие. Ходили гулять, смотрели, как гоняли на кругу лошадь красивую (жеребца). Поставили у них семь стогов сена, хозяйство хорошее, а жизнь какая-то печальная, непрочная. Машенька болезненная и странная.

9 июля. Вечером сидели на балконе, шили респираторы для армии, пили чай. Перечитываю подряд все Евангелие. В каждом возрасте своя точка зрения.

11 июля. Вечером Таня читала нам вслух о Чехове.

12 июля. Целый день гости: явились Горбуновы — семь человек к завтраку. С трудом их накормили. Во время обеда приехали Варвара Михайловна с сестрой, читали раздирающее душу письмо Саши о турчанках-беженцах и их детях, умирающих и страждущих. Немного шила респираторы на войну.

19 июля. Интерес ко всему и к жизни быстро слабеет. С войны плохие вести· Жутко живется: ни сторожа, ни собаки нет.

22 июля. Приходил какой-то Дарский, просил сведений о Фете. У меня ничего нет, все письма в музее [27].

24 июля. Известие о взятии немцами Варшавы повергло весь дом в уныние. С самого начала войны я не верила в нашу победу, и вот все хуже и хуже.

7 августа. Убирала комнаты Льва Ник—а. День провожу в мелочных работах, а душа болит о войне, о несчастных убитых и о нашей неудаче.

8 августа. С войны вести ужасные: Ковно, Новогеоргий [28] и проч. взяты. Из Риги выезжают. В Рижском заливе бой.

10 августа. Принялась составлять каталог книг и брошюр в *моем* шкапу.

11 августа. Вечером составляла каталог книг Толстого.

14 августа. В полном одиночестве до обеда. Записывала в новый каталог брошюры и письма Льва Ник—а. Все это печатные, или рукописные, или писанные на машинке. Рукописи подлинные, увы! все у Черткова [29].

17 августа. Приводила в порядок и записывала юбилейные газеты 28 августа 1908 года.

18 августа. Ездила к Ан. Евг. Звегинцевой. Во время обеда обрадовал меня приезд Миши-сына с женой. Он опять едет на войну, и это очень грустно. Вечер хорошо беседовали. Очень похудел мой Миша.

22 августа. Сегодня мне минуло 71 год, и не верится, что я так стара. Провела весь день совсем одиноко, если не считать Нину и ее бесконечную родню, посетившую ее. Никуда не ходила, весь день перечитывала письма дочери Тани ко мне. Много было и в ее жизни тяжелого, хотя бы операция лба и носа [30].

23 августа. Вернулась дочь *Саша,* бодрая, полная впечатлений и рассказов, очень сильно похудевшая.

28 августа. День рождения Льва Николаевича. С утра пасмурно, дождь. Потом прояснило. Ходила на могилу, молилась о душах Льва Ник. и родивших его отца и матери. Странно, как скоро забыт Толстой! Сегодня не было здесь *никого:* ни чужих, ни близких. Один чужой.

30 августа. Обрадовали приездом Андрюша, Катя и Машенька, но коротко побыли. Одолели беженцы из Курляндской губернии, смотрели комнаты Л. Н. и гуляли по Ясной Поляне, восхищаясь местом. Было посетителей около 50 человек, очень устала без Нины.

1 сентября. Вечером тотчас после обеда пришел мой Сережа пешком из Засеки, я очень обрадовалась, люблю его очень. Принес новый вексель на свой долг.

8 сентября. Писала вчера министру Кривошеину об опасности закрытия Думы.

10 сентября. Прислали из Толстовского музея артельщика за венками с похорон Льва Николаев.

14 сентября. Показывала беженцам-латышам комнаты Льва Ник—а. Их перебывало больше 40 человек.

16 сентября. Ходила на могилу с свежими цветами. Сегодня 52 года (пятьдесят три), что Лев Ник., накануне моих именин, дал мне письмо с предложением [31].

17 сентября. Очень радостно провела день моих именин: приезжал Андрюша с женой и дочкой, приезжала Саша с своей докторшей; внуки играли и веселились весь день.

21 сентября. Писала в редакцию «Биржевых ведомостей» о статье Сергеенко [32].

10 октября. Ходила утром на могилу, снесла хризантемы и еловые ветки, посыпала дорожки песком и мысленно как будто общалась с Льв. Ник—м. Но всегда грустно! Потом усиленно занималась с Ниной уборкой книг. Трудная и долгая работа!

22 октября. Написала две статьи о Льве Николаевиче для Денисенки [33]. Он просил для прочтения в день смерти Льва Ник—а где-то в Новочеркасске.

28 октября. Скорбное число ухода Льва Николаевича. И так же горестно, обидно, хотя прошло пять лет! Был урядник, писала прошение о назначении мне стражника.

8 ноября. Кончила запись книг в каталоги, много болтала с Булыгиным и отвела душу, браня Черткова. Все больше в нем открывается мерзости.

11 ноября. Читали вслух «Полонецких», а на ночь я читала биографию Мадзини [34].

17 ноября. Усиленно занималась выписками для своей «Моя жизнь». Идет 1898 год. Был урядник с бумагой о найме стражника.

18 ноября. Шью одеяльце беженцам; Таня ездила на Засеку и рассказывает ужасы про их нищету; дети в школу ходят босые, у многих на плечах легкие кофточки, надеты короткие юбочки, и больше ничего. Опять занималась выписками для «Моей жизни». И тяжело подчас переживать прежнюю жизнь!

19 ноября. Весь день посвятила окончанию записыванья 1898 года и кончила его. Вечером Нина читала мне критическую статью о Сенкевиче и начала «Камо грядеши» [35].

21 ноября. Занялась писать свою «Жизнь», но не ладится что-то, мало материалов, нет памяти, и нет нужного для всякого писанья вдохновенья. Поминутно отрывают от дела поденные и всякие хозяйственные дела.

24 ноября. ⟨*Москва.*⟩ Уехала в Москву. Затруднение с выдачей билетов, насилу посадили. Ехала с офицерами и военным доктором — с войны едут на побывку. Остановилась в «Славянском базаре» на Никольской. Вечером ездила в квартетный концерт памяти Сергея Иван. Танеева.

26 ноября. Деловые люди с утра, потом днем приезжал кн. Голицын В. Д., директор Румянцевского музея, и Георгиевский, хранитель рукописей. Отдала им свой дневник и Льва Ник. маленький [36]. Обед у Сережи, вечером Танеева память — квартеты герцога Мекленбургского.

27 ноября. Утром в 11 часов поехала прямо в Румянцевский музей. Кн. Голицын меня водил всюду и Георгиевский. Показывали мне читальную новую залу. Занималась в музее до 4-го часа. Обедала у Лины и Миши, вечер провела у Масловых. Показывали мне много портретов Танеева и Федора Ивановича.

28 ноября. Начала день с посещения в Румянцевском музее картинной галереи. Впечатление жалкое, картин мало. Потом занималась до 4-го часа с рукописями. Обедала у брата, вечер в «Славянском базаре», пили чай с В. Ф. Булгаковым [37].

2 декабря. Выехала утром. Вагон превосходный, ехала удобно и просторно. Обе Тани дома здоровы и веселы, и я в восторге, что дома.

5 декабря. Читала «Тургеневский сборник». Многое коробило. Для чего нужно выворачивать наизнанку всю интимную сторону жизни людей? [38]

7 декабря. Приехал Душ. Петр. Маковицкий из тюрьмы [39] и К. А. Саломон из Парижа. Дорогой у него украли паспорт, разные нужные бумаги и 200 р. денег в бумажнике.

10 декабря. Читала весь день и вечер «Тургеневский сборник». Очень интересно, хотя многое неверно. Например, что два письма Толстого к Тургеневу были посланы вместе [40].

17 декабря. Почти весь день провозилась, отыскивая письма Градовского ко мне, чтоб послать по просьбе «Комиссии для бедных литераторов» для сборника памяти Градовского. Послала 17 писем Кауфману [41].

18 декабря. Вечером читали вслух стихи, посвященные памяти Л. Н., и «Камо грядеши» Сенкевича.

19 декабря. В газетах читала о вновь напечатанных мыслях в дневниках Л. Н. [42].

22 декабря. Рано утром приехал сын Лева. Сам себя бичует за игру и беспорядочную жизнь. От этого не легче! А сколько в нем хороших задатков! Читали вечером его драму [43]. Мрачно, но умно.

29 декабря. Вчера поздно читала грубые статьи Амфитеатрова о Льве Никол. Сейчас виден непорядочный человек, это неудавшийся попович-литератор [44].

31 декабря. Утром с опозданием поезда приехал сын и внук Сергей. Ходили к Тане, готовили все к елке. К обеду приехал сын Андрюша с Ниной из Тулы. Очень я рада, что приехали сыновья встречать Новый год с нами. Недолго мне жить, и я люблю своих детей, хотя и мучают они меня игрой в карты, разладами с женами и проч. Последний день 1915-го. Что-то принесет новый год. Хотя бы прекратилась война! Благослови господи!

1916

1 января. Оживляли приехавшие сыновья: Сережа, Андрюша, Лева и внук Сережа. Весь день занимались елкой. Пришли все дети служащих, человек двадцать. Пели, играли в игры, плясали, получали подарки. По-видимому, было всем весело. Вечером, позднее, разговоры семейные о завещании и воле Льва Ник.

9 января. Писала в редакцию «Нового времени» и в Толстовский музей в Петербург [1]. Весь день занималась своими «Записками». Трудно найти связь всего и правильно восстановить все даты (les dates).

16 января. Пили все чай у Тани во флигеле, она прочла нам очерк, написанный ею про «Курзика» [2]. Недурно.

17 января. Приехала утром дочь Саша, с нею женщина-врач Мария Алексеевна. Все мы ей были рады и хорошо провели день. Было 14 посетителей. Просматривала «Дневник Толстого», ч. I, под ред. Черткова. Это только выписки, мысли, а не полный дневник [3].

19 января. Приехал сын Илья с двумя людьми для устройства кинематографической ленты из рассказа «Чем люди живы»[4]. Один, по-видимому, еврей, другой 16-летний мальчик. Ходила сегодня на могилу и почувствовала какое-то успокоение.

20 января. Илья и все приезжие ходили по разным местам фотографировать для представления в кинематографе «Чем люди живы». Один из приезжих, актер, представлял ангела, голый на снегу!

23 января. Материалов для 1899 года очень мало, и потому работа плохо идет. Вечером Нина мне читала «Без догмата» Сенкевича.

24 января. Пили чай у Тани, она читала из своего дневника[5] и детскую пьесу, ею написанную[6]. Вели разговоры.

31 января. Приезжал П. И. Раевский, теперь военный врач в тульском лазарете. Приятный и дружественный. Явился и Трегубов с поляком. Ходил на могилу. Были посетители комнат Льва Ник—а. Один с острова Сахалина.

2 февраля. Вечером Таня-дочь читала вслух рассказы Слепцова, а Лева из «Царства божия» Л. Н., отрывки из Мопассана и Рода.

5 февраля. Приезжал сын Миша с Кулишевыми из Горячкина. Что-то больно защемило в сердце, когда прощалась с ним. На лице его отпечаток скорби, хотя он храбрится.

10 февраля. Кончила писать 1899 год; бедно вышло событиями и мыслями.

11 февраля. Известие о болезни Андрюши и сильном жаре меня очень встревожило. Дни идут быстро и малосодержательно. Сегодня ночью уезжает Булгаков к Гусеву с «Записками» Душана Петровича[7]. Лучше бы почтой.

14 февраля. Перечитывала разные письма 1900-х годов до самого обеда. Мало в них материала для моих «Записок». Вечер у Тани, читали письмо Саломона о смерти его племянника на войне [8].

17 февраля *. Поезда от Тулы до Москвы неделю не ходят, пропускают военный груз. Собираюсь в Петербург с Левой, укладываюсь. Андрюша просил Катю вызвать меня в Петербург, и потому я еду. Видно, ему плохо!

18 февраля. Выехали с Левой через Тулу в Петроград; теснота невообразимая на поездах. Нам дали (ошибкой, оказалось) два билета первого класса; мы насильно втиснулись в чужое отделение двух мужчин, оказавшихся очень обязательными и учтивыми людьми. В 2 часа ночи дали отделение, и мы поспали до утра. Остановилась я у Кузминских. Лева в своей семье. Андрюша, на мой взгляд, плох, и я болезненно беспокоюсь.

19 февраля. Доктора повторяют ту же бессмысленную фразу: «Болезнь серьезная, но опасности пока нет». И так повторяли до конца. Страдает Андрюша и от плеврита, и от печени, и от трудного дыханья. Весь зеленовато-желтый, вскрикивает и громко стонет. Температура доходит до 42 гр. А раза три, четыре в день потрясающий, мучительный озноб.

22 февраля. Предложила Андрюше причаститься. Он спокойно согласился, и когда пришел священник, он исповедовался громким голосом и причастную молитву повторял за священником. Всех целовал, кто его поздравил. Очень устал и к вечеру опять озноб, жар 41 град. Все удивляются, что сердце до сих пор выдерживает.

23 февраля. Андрюша с утра уже почти все время без сознания и мучительно тяжело дышит и стонет. И так до ночи. Я затыкала уши и в отчаянии убегала. Милый мой, любящий, веселый, щедрый, честный Андрюша. Все время молю бога, чтоб самой уйти от сердечных страданий. При Андрюше были эти дни: Катя, его жена, ее сестра Дженни, Маша Эрдели, Лиза Оболенская, сиделка, Лева и я.

---

* Записано после. *(Прим. С. А. Толстой.)* См. записи 17—28 февраля.

24 февраля. Андрюша скончался в 1 час 10 минут ночи с 23-го на 24-е. 23-го был день смерти Ванечки. Панихиды, народ,— все, все равно! Приехали дети Андрюши Соня и Илюшок с матерью Ольгой. Приехал сын Илья. Катя и Лева ездили покупать два места на кладбище Александро-Невской лавры (Никольском), там его похоронят. Боже мой! Как жить без Андрюши! Я только теперь поняла, как это — тяжело!

26 февраля. Похороны Андрюши. Ужасно, что его нет и никогда его не увидишь! Пышные, великолепные похороны. Пропасть венков, и толпа в церкви. Все как во сне. Приехал сын Сережа с опозданием. Хоронили у Александро-Невской лавры, на Никольском кладбище.

29 февраля. Поезд очень опоздал. Приехали в Ясную Поляну вечером. Все рады, что я приехала, и я рада.

6 марта. Встала разбитая, все болит — лежала одна в зале, думала об Андрюше и его нежном ко мне отношении. Перебирала письма 1915 и 1916 гг. И самые ласковые Андрюшины. Вечером для Танюшки все играли в Secretaire в картинках. Позднее вели философские разговоры с Левой и Булгаковым. Лева увлечен Конфуцием и изучает отца.

7 марта. Гложет сердце горе смерти моего милого, ласкового Андрюши. Иногда хочется кричать, как когда-то Дора после смерти Левушки: «Не может быть!» Неужели он ушел бесповоротно? Проверяли сегодня с Ниной мои «Записки», переписанные ею. Читала скучное «Накануне» Тургенева.

9 марта. Весь день сильный ветер, и от него еще тоскливее на душе. Где-то теперь мой Андрюша! Больной он мне сказал: «Не надо ничему придавать большого значенья». А какое огромное значение для меня его смерть! Делала выписки из моих писем для моей работы.

13 марта. Писала свою «Жизнь». Вечером уехал Булгаков совсем [9]. 21-го будет суд над ним и Маковицким.

15 марта. Утром опять перечитывала свои письма как материал для моих «Записок». Вечером читала вслух книгу переводную американца «К жизни» [10].

20 марта. Пересматривала разные бумаги и брошюры, касающиеся Льва Ник—а, искала себе материалы. После обеда Лева читал свою статью, есть хорошие мысли, но в общем — несвязно и неясно [11].

23 марта. Грустно, что расстроилась семейная жизнь Левы, а мне лично настолько легче и приятнее живется с ним, чем одной, особенно теперь, когда уехала на суд дочь Таня [12].

26 марта. Прислали требованье из Крапивны взять четырех пленных. Я послала за ними. Послала свой протест потопления «Портюгаля» с женскими подписями [13].

27 марта. Посылала за пленными, они приехали на казенных лошадях, четыре румына. Кончила сегодня писать 1901 год. Бедно и несвязно. Нет материалов. Читал вечером Лева вслух Эртеля.

29 марта. Опять красила свои рисунки детские. Сижу безмолвно часами, и тоска по Андрюше так и гложет. Теперь стала все плакать. Не услышу уж его голоса снизу, когда он, бывало, приедет и приветствует ласково меня!

30 марта. Читаю Тимковского «Душа Толстого». Много справедливого. Получила сегодня известие, что Танечки не приедут еще месяц, а что толстовцев оправдали, кроме Сережи Попова [14].

5 апреля. Вечером Лева читал нам вслух скучный набор слов в статье Меньшикова [15].

16 апреля. Вечером приехал сын Миша, бодрый и на вид здоровый. 25-го едет опять на эту проклятую войну.

17 апреля. Переписывала на машинке статью Левы; недурно, искренно написанную; но есть повторение, надо еще ее поправить [16].

25 апреля. Читала в Приложении к «Новому времени» статью Тани, сестры, а будто бы Вари. Плохо, нескромно [17].

30 апреля. Писала сестре Тане и осудила кое-что в ее статье в «Новом времени». Боюсь, она обидится [18].

6 мая. Читала бывшей дворовой Устюши ее воспоминания о Льве Ник—е. Все больше выдумки [19].

9 мая. Как ни тяжело на душе, все же люблю и чувствую природу, любуюсь цветами, небом, свежей зеленью на деревьях и густой, яркой зеленой травой. Много переписывала, ходила с Ниной гулять после обеда. Много думаю о своих покойниках и скорблю о живущих. У Душана Петровича был сегодня обморок.

10 мая. Вечером позвала пить чай молоканина, бывавшего у Льва Ник—а. Интересный старик [20].

11 мая. Читала Лёвину повесть. Мрачна, но недурно [21]. Пыталась читать рассказы Дмитриевой. Невозможно плохо!

14 мая. Было много посетителей: три офицера и 28 человек простолюдин Общества кооперации.

15 мая. Читала окончание статьи о сестре Тане, напечатанной под именем Вари Нагорновой.

16 мая. Кончила переписывать статью Левы «Единение человечества» [22].

17 мая. Исправляла переписанную статью Левы. Таня-дочь с Булгаковым описывали сообща всю историю воззвания его против войны, хлопоты Тани и суд [23].

21 мая. Был из Академии какой-то Влад. Мих. Попов, спрашивал о рукописях Л. Н. [24].

23 мая. Приехал внук Андрюша Ильич. У него два Георгиевских креста с войны.

24 мая. Приехали сегодня Кузминские, сестра моя с мужем. За вечерним чаем интересные исторические разговоры с Таней-дочерью.

26 мая. Известия о 30 000 пленных, о бое, в котором убиты *все* наши офицеры.

29 мая. Огромное количество посетителей, рабочих металлургического завода и много солдат с офицером и его женой.

3 июня. Вечером читали вслух Наживина рассказы о Толстом. Плохо![25] Обе Тани, сестра и дочь, относятся ко мне как-то враждебно, и мне это очень грустно. За что? Лева добр.

4 июня. Переписывала для Левы его роман[26]. На войне уже взяты 165 000 пленных, но потонула целая наша рота в реке.

6 июня. Ходила с Ниной на могилу, красиво убрали ее цветами. Нет той острой боли, которую я переживала раньше у могилы и которую еще переживаю от смерти Андрюши.

16 июня. Читали Сергеенко кое-какие отрывки и письма Льва Ник—а и мои после ухода его. И меня это очень расстроило.

18 июня. Рожденье Саши. Где-то она теперь! Давала разные сведения о первом и последнем времени нашего супружества с Львом Николаевичем и очень расстроилась.

22 июня. Получила письмо от дочери Саши. Страшно за нее, так она близко от опасности подпасть под выстрелы немцев.

30 июня. Во время обеда приехали Срезневский В. И. и Бём А. Л., оба из Академии. Все им показывали и рассказывали.

7 июля. Сегодня 7 июля важное событие — приезд с войны дочери Саши. Она бодра, полна и здорова. Слава богу! Вечером слушала рассказы Саши.

10 июля. Приехал сын Сережа, мы ему очень были рады. Вечером Сережа предложил каждому из присутствующих что-нибудь исполнить. Сережа играл. Таня читала, Булгаков и Душан Петрович пели. Марина-девочка и Нина и Митя Кузминский танцевали, Лева играл свое сочинение, сестра Таня пела. Было всем весело. Я прочла свои стихи[27].

18 июля. Уехала дочь Саша опять на войну. Очень тяжело было ее провожать. Хуже чем раньше. Днем поправляла печальное описание, в форме романа, Лёвино сочинение,— о его жизни.

24 июля. Сегодня свадебный день Кузминских, 49 лет брака. И не очень они были счастливы! Недавно сестра говорила, что никогда по-настоящему не любила его.

6 августа. Приезжал вечером внук Илья Ильич Толстой, кончил морской корпус. Очень милый малый.

9 августа. Была весь день с Ниной в Туле. Написала новое завещание [28]. Раздирают душу вид солдат и их песни.

14 августа. На Леву напала тревога и желанье ездить, и он уехал в Таптыково. И жаль его, и страшна его неуравновешенность. Вечером читали вслух мою повесть.

27 августа. Весь день плела из цветов украшения на могилу Льва Ник—а. Завтра день его рождения. Из белых цветов сделала крест на всю могилу. Из разных — гирлянды.

28 августа. Переписывала статью кн. С. С. Абамелек-Лазарева о Льве Николаевиче [29], поджидала гостей. *Никто* не побывал, и даже грустно. Ходили с Ниной на могилу: белый крест из цветов и цветы кругом — свежи. Кто-то свил два венка из полевых цветов. Вечер прошел в беседах и чтении. Сестра читала места из книги «К жизни» Мюльфорда. Ясный, красивый день, тихо.

29 августа. Переписывала статью Абамелека «Воспоминания о Льве Николаевиче». Написано плохо [30]. Вечером Лева читал нам вслух «Медведя» Чехова.

6 сентября. Приезжали два японца: журналист и художник; завтракали с нами, с большим интересом все осматривали и расспрашивали. Один говорит по-русски, другой по-французски немного. Лева написал докладную записку государю и хочет ехать ее подавать: «О твердых ценах» [31].

11 сентября. Сегодня счастливый день. Приехали мои две Танечки; потом приехал сын Сережа с Орловым. Очень интересные разговоры; Сережа играл индусские песни и арабский танец.

12 сентября. Переписывала для сестры Тани ее «Записки» [32].

3 октября. Переписывала Лёвин рассказ [33].

9 октября. Обсуждали с Сережей музейские дела. Нужны статьи для «Толстовского ежегодника», и Сережа ищет, что напечатать из бумаг Льва Ник—ча [34]. Говорили еще и с Таней о вариантах «Хаджи-Мурата». Сережа с Левой играли в четыре руки квинтет Моцарта и Брамса венгерские танцы.

11 октября. Кончила переписывать статью-рассказ сына Левы [35].

16 октября. Известие о смерти Ив. Вас. Денисенко.

19 октября. Уехал Лева в Москву, и без него стало грустно и пусто, хотя он своим настроением измучил мое сердце.

22 октября. Приезжало 33 человека учеников из Малаховки, последнего курса, экскурсанты. Я показывала комнаты Льва Ник—а, дочь Таня поила их чаем и кормила их во флигеле. Потом они играли на лугу в игры разные, пели песни, ходили на могилу.

26 октября. Таня прочла нам вечером свои воспоминанья об Агафье Михайловне [36]. Потом читали «Обрыв».

28 октября. Печальный день ухода из дому Льва Николаевича.

31 октября. Читала присланную мне брошюру «Правда и кривда о Толстом» [37]. Какое у всех критиков странное отношение ко мне: «землистая». А у меня всю жизнь стремление вспорхнуть, но жизнь связала *мои крылья.*

1 ноября. Дочитала брошюру Глинки (Волжского), хорошо он охарактеризовал Черткова [38]. Но слог странный.

3 ноября. Вернулся Лева с новыми планами ехать в Китай и Индию читать лекции. Меня это очень пугает и огорчает. С той же целью уехал Илья в Америку [39]. Много еще мне горя впереди, если не скоро умру.

4 ноября. Обсуждали Левину лекцию об его отце. Доставали фотографии и книги. Очень я о нем буду тревожиться, а отказать дать денег по обыкновению не решаюсь, хотя в душе досадую.

5 ноября. Доживаю с Левой его последние дни перед его новым безумным поступком — путешествие по Японии, Китаю и Индии. Все как-то уныло, безразлично, точно всему конец. Сегодня вечер в пользу Толстовского музея в Москве, устраиваемый дочерью Таней [40], а 7-го другой вечер, памяти смерти Льва Ник—а [41].

6 ноября. Играли днем в четыре руки с Варей «Трагическую симфонию» Шуберта, я ее очень любила. Интересно было прочитать отзыв о вечере, устраиваемом Толстовским обществом в память Льва Никол—ча [42]. Завтра день его смерти, и грустно вспоминать все печальные обстоятельства того времени.

7 ноября. С утра ходила на могилу, снесла цветы: хризантемы и примулы. Посетители были: старая дама и два молодых славянина. По городам везде устраивают вечера памяти Л. Н. Толстого.

8 ноября. Играли с Варей в четыре руки Восьмую симфонию Моцарта и Девятнадцатую Гайдна. Обе прекрасные. Читала Rolland «Vie de Tolstoi», делала газетные вырезки.

9 ноября. Вечером тяжелые разговоры и воспоминания о Льве Ник—е в конце его жизни.

10 ноября. Тоскливо приближается отъезд сына Левы, и очень тяжело. 11 месяцев прожил со мной. Что делать! Вечером Лева прочел вслух «Альберта» Л. Толстого и очень взволновался.

11 ноября. Невыносимо тяжело пережила я сегодня отъезд и разлуку с Левой. Он так много вносил в нашу жизнь и мысли, и музыки, и нежного, доброго отношения. Какой на все талантливый и какой хороший нрав! А несчастлив и неуравновешен.

16 ноября. Жизнь стала каким-то полусном: пропала энергия, интерес ко всему. Где причина этого умиранья при жизни? И как обострились все пережитые печали и радости и мучают меня. Поденные, музыка, «Обрыв», работа — чтение «Воспоминаний о Толстом» Измайлова [43].

25 ноября. Получила книжки «Ясная Поляна», и убирала их, и записывала. Вечером читала отрывками Варе и Душану Петровичу свои записки «Моя жизнь», и оба очень одобрили и хвалили мой труд.

2 декабря. Дочитала «Обыкновенную историю» Гончарова. Вечером газеты и переписывала рассказ Тани о Мар. Алекс. Шмидт [44].

4 декабря. Приезжал с какой-то барышней Н. Н. Апостолов из Киева. Собирал сведения о «Войне и мире», как писалось; переписывали они из «Memoires de St. Hélène» отмеченные Льв. Ник. места [45]. Переписываю статью Тани о М. А. Шмидт.

6 декабря. Сегодня день рождения покойного моего сына Андрюши. Недолго была его жизнь! Думала о нем весь день.

21 декабря. Зачитываюсь газетами: и война, и убийство Распутина, и путаница в правительственных сферах — все интересует и даже волнует меня.

29 декабря. Все утро посетители комнат Льва Николаевича. Иногда бывает приятно чувствовать — особенно в молодежи, любовь к Льву Ник—у. Все удивляются простоте обстановки.

31 декабря. Все встречали Новый год. Было, кажется, весело всем. А у меня сердце скорбело о сыновьях: Илья в Америке, Лева уехал в Японию, Саша на

войне и Миша на днях уедет туда же. Андрюши нет, грустно! Спасибо, что есть еще Сережа и Таня и милые внуки. Кончился тяжелый 1916 год!

1917

1 января. Приехали жена и сын Сережи с товарищем Чичериным. После обеда дети и Таня играли пьесу, сочиненную Таней [1].

5 января. Разбиралась в своих «Записках», собирала сведения для академика Срезневского о числах и годах рождения и смерти моих детей и много грустила, читая эти «Записки» [2].

10 января. Делала проверку продажи книг издания Толстовского музея. Вернулся из Москвы Душан Петрович.

13 января. Получила книгу о Градовском, с его описанием поездки в Ясную Поляну. Лестное ко мне отношение [3].

19 января. Наша старая няня, А. С. Суколенова, скончалась в 12 часов ночи. Сейчас монашенки читают псалтырь. Грустно! Прожила я с ней 38 лет; а пора ей было уйти из жизни: ей было 88 лет. Учила свою милую Танюшку; много читаю. В Приложении журнала «Жизнь для всех» интересные изложения религий всяких. Эта мысль была Льва Ник—ча: популярность изложения религий разных [4].

20 января. Разбирала опять письма. Какие ласковые, полные любви письма моего милого покойного Андрюши! И какая жалкая была Маша!

21 января. Похоронили сегодня нашу няню, Анну Степановну, и грустно, пусто местечко, где она сидела у окна и откуда всегда меня приветствовала.

До устали разбирала и сортировала письма. И больны воспоминания, и многих нет на свете.

23 января. Не могу отделаться от грызущей мое сердце тоски по детям, особенно Леве, потому что он самый неуравновешенный и потому несчастный.

24 января. Кончила читать «Религию». Очень было интересно ее читать. Уехал Душан Петрович к Гусеву, в Москву, и домой только к 4 февралю. Будет поправлять с Гусевым свои «Записки» [5].

25 января. Таня читала вслух «Бориса Годунова» Пушкина. Насколько талантливее «Князя Серебряного», которого продолжаю читать.

В газетах значительная весть о том, что Америка порвала сношения с Германией.

2 февраля. Платила жалованье рабочим. Часто мне жалко весь этот рабочий люд; хочется их получше одеть, накормить, приласкать, особенно детей. Дочитала статью Ромм о Виардо и Тургеневе. Написано живо.

3 февраля. В Туле забастовка рабочих на ружейном заводе. Чтоб купить что-нибудь — стоят в хвостах; а опаздывают на работу — их штрафуют. Где же справедливость?

5 февраля. Обедали у меня все из флигеля и Душан Петрович с племянником, которого зовут Здено Осипович! А Таня моя читала вслух «Плоды просвещения».

13 февраля. Читала о духоборах Сулержицкого: хорошо написано [6].

17 февраля. Очень расстроил меня рассказ Тани об проигрыше в Москве перед отъездом в Японию Левы. Ужасно! Новый камень на сердце.

19 февраля. Таня читала нам вслух «Бедность не порок» [7], а до обеда «Детство» Льва Ник—а. Какая свежесть чувства! Но есть и слабые места.

20 февраля. Переписывала на машинке письма Льва Ник., найденные у Тани, 1900 года, вклею их в книги: «Письма к жене». Со временем их включат куда следует [8].

21 февраля. Переписывала на машинке опять письма Л. Н. ко мне, чтобы вклеить их в книги. Нашлись и еще письма, которые надо будет переписать.

23 февраля. День смерти Ванечки, а в 12 часов ночи на 24-е умер Андрюша, и грустно, грустно на душе. Таня была в Туле, приехала не в духе: говорят о революции, ничего нельзя купить; хлеба, керосина нет, лавки запираются.

1 марта. Явился Сережа Попов, которого судили вместе с Душаном Петровичем и Булгаковым. Интересный циркуляр от Думы по всем железным дорогам. Установлено временное новое правительство. Ужасное известие, что в Петрограде убито 8000 человек, взбунтовавшихся по случаю отсутствия хлеба. Во главе Думы — Родзянко. Что-то будет?

3 марта. Изучила внимательно всю газету о перемене правительства, об новой власти Государственной думы. Настроение всех натянутое, напряженное.

5 марта. Знаменательный для Ясной Поляны день. Пришли с Косой Горы рабочие чугонолитейного завода с красными флагами и значками поклониться дому и вдове Толстого. Ходили с портретом Льва Ник. на могилу, по глубокому снегу и в очень резкий ветер. Мои две Татьяны тоже ходили. Рабочие пели, говорили речи, все о *свободе.* Я в ответ тоже сказала речь краткую о заветах Л. Н. На могиле пели «Вечную память» и делали фотографические снимки.

6 марта. Послала в «Русское слово» свою статью о вчерашней демонстрации рабочих [9].

7 марта. Приезжал солдатик от Саши за четырьмя экземплярами Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого. Свобода что-то не радует, боюсь за все.

11 марта. Поражена была известием в письме сестры Тани, что скончался Ал. Мих. Кузминский [10]. Он уже давно приближался к смерти своей тихой, кроткой ласковостью ко всем окружающим. Сестры не было при нем, она уезжала в санаторий.

20 марта. Вечером Душан Петрович читал вслух «Наша революция» Льва Ник—а [11].

26 марта. Не интересна моя жизнь. Как встала, пошла на террасу, где собралось 63 ученика и учениц нашей школы и, кроме того, человек 20 детей не школьников. Школьникам раздавали присланные Бурылиным ситцы. Ужасные вести с войны! Убиты десятки тысяч. Проснулась со слезами, вспомнив убитых.

27 марта. Вечером Душан Петрович читал составленную Бирстоком книгу изречений и мыслей [12], а потом Маня читала мне роман Уэльса.

29 марта. Душан Петрович читал мне вслух места из «Воспоминаний» Фета [13].

4 апреля. Были посетители дома и комнат Льва Ник—а. Один милиционер мне продиктовал просьбу дать и мне милиционера для охраны. К Душану Петровичу приехали его родные. Теперь пленные словаки.

5 апреля. Усердно прочла газеты. Все страшно, что-то угрожающее все время. И война, и голод.

10 апреля. Не могу преодолеть сосущую меня тоску: ни весна, ни какие-либо прежние радости, ни музыка, ни живопись — ничто не пробуждается больше в моей душе и не призывает к жизни. Пока радуют только живущие близ меня две Тани, но на днях они уезжают жить в Овсянниково.

12 апреля. Приехала дочь Саша с Варварой Михайловной. Саша, слава богу, все такая же цветущая и полная и все так же весело и громко хохочет. Не хочется и очень радоваться посещению Саши, так как она пробудет еще только два дня, а мы так долго о ней тревожились и ждали ее.

15 апреля. Уехала Саша опять на фронт с Варварой Михайловной, бодрая и даже веселая, а я крепилась, чтобы не заплакать.

16 апреля. Думала, что жизнь человека, как жизнь листа: почка, свежий зеленый листик, потом лист боль-

шой, затем ссыхается, жизнь замирает, лист желтеет, сохнет и отпадает. Вот и все мои способности и мозг сохнут и замирают. Я это вижу, чувствую, а остановить это умиранье — невозможно.

18 апреля. Приходили рабочие и служащие с Косой Горы. Принесли венок с красной лентой от военных. Несли флаги, великолепные красные с золотым и серебряным шитьем, играла музыка, понятая всей этой толпой. Странно слышать у нас, в России, «Marseillese». Говорили речи, потом пошли все на могилу и там говорили речи: гимназист, итальянец и чех.

19 апреля. Приходило 16 человек военных, смотрели дом, ходили на могилу. Приезжал с Косой Горы инженер Ал. Ник. Паршин, купил книги для библиотеки.

20 апреля. Вечером пытались читать Чехова, но мне он скучен, я не умею смеяться, это мой недостаток. Потом читал Душан Петрович книги Николаева.

23 апреля. Скучна и суетлива жизнь, а радости мало: только от двух Танечек. Как встала — начались разные требования: уплата поденным, пенсия вдовам; посетители: студенты, солдаты, офицеры, одна дама. Офицеры, сочувственные, говорили, что в Ясную Поляну, как в Иерусалим христиане и в Мекку магометане, ездят на поклонение святым местам. Тяжелы вести об убийстве пленными австрийцами мужика.

26 апреля. Приезжал сын Миша. Много интересного рассказывал. Плохо отсутствие дисциплины в войсках. Вообще плохо все.

27 апреля. Пропасть посетителей. Сорок пять гимназистов, четыре военных, пять дам и еще какие-то господа. Стало теплей, запел соловей, обедали на террасе все вместе: но каждый с своим обедом.

30 апреля. Огромное количество посетителей дома и могилы; все военные. Очень всем интересовались и симпатично относились и к Тане-дочери, и ко мне. Скоту нет корма, и меня это очень беспокоит. У нас тоже провизия истощается.

7 мая. Вечером Душан Петрович читал мне вслух о Кросби, американце, когда-то посетившем нас в Ясной Поляне [14]. Писала солдату Колупаеву, просящему книг. Было десять человек офицеров; много напрасно болтала. Но офицеры хорошие.

16 мая. Приехал И. Е. Эрдели. Был на войне, произведен в генералы 47-ми лет, а все такой же веселый, подвижной, бегал с детьми на pas-de-géant, играл вечером на рояле.

21 мая. Приехал к нашей общей радости сын Сережа. Сережа превосходно играл. Приходило огромное количество посетителей всяких: и солдат, и офицеров, и девиц, и детей. Показывали комнаты Л. Н. и Таня, и я, и Душан Петрович.

22 мая. Уехал сын Сережа в Москву. Когда он сидел во флигеле внизу, в столовой, и такой он грустный, озабоченный событиями теперешнего времени, и бледно-желтый, что, глядя на него, у меня дрогнуло сердце. Сохрани бог пережить еще кого-нибудь из моих детей. Я с внуками ходила на могилу, сажала незабудки. Множество посетителей.

28 мая. Пускала в комнаты Льва Николаевича солдат и офицеров. Более тридцати человек. Вечером Таня-сестра читала вслух «Потоп» Сенкевича. А Таня-дочь читала всем «Затишье» Тургенева.

30 мая. Приходили к дому 200 солдат, подъехал с дочкой и командир полка Иванов. Солдаты шли с музыкой, играли очень хорошо. Сначала «Марсельезу», а на могиле играли похоронный марш. Много было разговоров разных о Льве Ник—е, о царской фамилии, о Черткове. Я пригласила командира обедать, он отказался.

3 июня. Получила благодарность от Московского университета за пожертвованное Полное собрание сочинений Л. Н. Толстого с похвалой, что мое издание *лучшее* [15].

8 июня. Пускала большое число посетителей, человек 70, все почти молодежь. Очень утомилась, не по силам уже это мне.

12 июня. Весь день искала в журналах «Огонек» и «Весь мир» статьи Левы для отсылки ему в Америку и не нашла [16]. Сестра Таня помогала. Ходили на могилу после обеда.

13 июня. Весь день выбирала из шкапов книги для отправки Леве в Америку. Многого не оказалось.

17 июня. Утром приходило 400 солдат с полковником. Вчера вечером они пришли на деревню с музыкой, а сегодня к нам. Я показывала комнаты Л. Н. более чем 62-м военным.

18 июня. Опять посетители комнат Льва Никол—ча: евреи, солдаты, 100 детей с Косой Горы, школьники.

19 июня. Таня-сестра, Варя и я ходили на могилу. Я свила гирлянды из белых полевых цветов. Читали вслух Поленца «Крестьянин» [17]. Какое удивительное знание быта и характеров.

21 июня. Бездельно и бесцельно провожу дни. Для хозяйства я стара; сил все меньше, и все ничтожнее сознание земной жизни. В газетах весть о 10 000 пленных, о боях — а меня это не радует, а мучают страданья людей.

25 июня. Играла с внучкой Анночкой в четыре руки сонату Моцарта и Первую симфонию Бетховена и Вебера «Приглашение на танцы». Были посетители: дамы, солдаты с офицером и проч. Наконец приезжал товарищ министра путей сообщения Георгий Степ. Тахтамышев. Мы их поили чаем, угощали ягодами, показывали комнаты. С министром были его два сына и друзья его.

29 июня. Провела день с Сережей и Машей и очень рада их приезду. Вечером гуляли с Сережей, сестрой Таней и Душаном Петровичем. Красивый солнечный закат. Пленный косил тимофеевку. Сережа уехал в Москву с Душаном Владимировичем, племянником Душана Петровича. Настроение Сережи меня пугает и огорчает. Беспорядки в Никольском земельные и имущественные принимают угрожающий характер.

6 июля. Кончила приводить в порядок (хотя неполный) разные письма. Вечером читали с сестрой Таней газету «Раннее утро». Ужасные события в Петрограде: стрельба, убийство своих, грабежи, полный бунт! И эти разбойники — наше начальство! [18] Сестра горячо все принимает к сердцу, интересуясь всем, а я только глубоко страдаю. Еще молода моя сестра Таня: увлекается даже чтением французских романов.

8 июля. Читала «Записки» Душана Петровича. Многое очень интересно, но многое лишнее и неточное.

10 июля. Были посетители: военный врач с сестрами милосердия, а потом японец, служащий при японском посольстве.

16 июля. Приезжала целая экскурсия учащихся, человек 40, я им показывала комнаты Льва Николаевича, входили по 10 человек, и, кроме того, еще были посетители.

19 июля. Вечером пустила посетителей, все молодежь и девушки. Читала «Клотильду» Альфонса Карра, к сожалению, в русском переводе [19].

20 июля. Были посетители, показывала комнаты Льва Николаевича. Вечером читали драму Loyson [20].

21 июля. Вечером приехал Loyson с своим секретарем, который служит ему и переводчиком.

22 июля. Много слушала речи mr. Loyson, но не все могла уследить; речь быстрая и сложная. Таня водила его к крестьянам, но никого почти дома нет. Товарищ Loyson'а уехал, Михаил Александр. Богуславский, эмигрант.

25 июля. Кончила рисовать красками татарник (крупный репейник). Очень трудно было. В повести Льва Ник—а «Хаджи-Мурат» упомянут этот татарник.

1 августа. Провела день до обеда частью с дочерью Сашей, частью переписывая Танины письма. Ходила на могилу, врыла горшок с водой, в который вложила большой букет цветов. Таня-сестра прочитала вечером вслух воспоминания о Толстом Данилевского [21].

2 августа. Таня-дочь ездила в Басово; ее интересует деревенская политика. Переписываю письма.

6 августа. Народ празднует двойной праздник, песни на деревне, поют и наши два солдата, присланные на нашу защиту. Было много противных посетителей.

12 августа. Приехал Н. Н. Гусев.

13 августа. Было много посетителей из Шанявского университета из Москвы. Еще группа с директором гимназии из Тулы. До четырех часов с 12.30 я дежурила, показывая комнаты и все объясняя.

14 августа. Немного переписывала, в 2 часа поехала с дочерью Таней за провизией. Объехали восемь лавок, из них четыре потребительских, и ровно ничего не нашли, кроме десяти селедок и ковриги ржаного хлеба. Угрожает голод. В Туле был племянник Душана Петровича, и там тоже решительно ничего нет в продаже. Много болтала с Гусевым и жалею.

17 августа. Чудесный летний ясный день и лунная ночь. Когда Лев Никол. ездил в мой родительский дом в Покровское Глебова-Стрешнева, за месяц с чем-то, были такие же ночи, и он называл их «сумасшедшие ночи». Было очень много посетителей, особенно детей.

20 августа. Чтение газет берет много времени и наводит ужас. Читаю ежедневно по вечерам Евангелие, а раньше с сестрой «Черный год»! [22]

22 августа. Сегодня мне минуло 73 года. И до какой ужасной годовщины пришлось дожить! И где и что поделывают мои несчастные дети и мои бесчисленные внуки? Душа болит, мучает перспектива голода. Получила сегодня от Следственной комиссии извещение о приезде завтра десяти вооруженных верховых солдат и двух чиновников.

25 августа. Грустно, что с сестрой отношения нерадостные. Она быстро от всего раздражается, досадует и называет меня блаженно-юродивой, потому что я спокойно на вид все переношу, а что у меня на душе — никому не видно.

27 августа. Весь день готовили гирлянды живых цветов и вензель на могилу Льва Ник—а. Завтра день его рожденья.

28 августа. Как встала, пошла с внучкой Танюшкой и девочкой Варей Елисеевой на могилу. Снесла цветы, вымели чисто, все убрали. Потом приехали десять конных солдат с двумя их начальниками. Читали «Девятый вал» Данилевского.

29 августа. Читала «Коммунистические идеи», собранные Поссе и приложенные к «Жизни для всех». Интересно! [23]

30 августа. Читали вечером газету с большим увлечением и страданьем. Междуусобная война грозит; Керенский и Корнилов власти не уступают. Не берусь их судить, но новое правительство ничего России не дало.

1 сентября. Слухи отовсюду ужасные: хлеба достать нигде нельзя, полный разгром министерств, ушли лучшие министры, арестованы лучшие генералы. Боюсь, что Керенский окажется душевнобольной манией величия.

2 сентября. Была страшно обрадована приездом сына Миши с Кавказа, куда он хочет перевезти семью на зиму. Миша очень угнетен, и когда он уехал — я заплакала.

5 сентября. Ходила в поле, подобрала девять корзин картофеля.

11 сентября. Непостижимые события в правительственных сферах! Скоро слетит Керенский, по-видимому, сколько интриг, неудач, властолюбия и забвения того, что важно для народа и страны!

18 сентября. Переписывала Танины письма ко мне, беседовала с приехавшим утром Вал. Фед. Булгаковым [24]. Я ему очень рада, и с ним связано многое по воспоминаниям.

20 сентября. Утром приехал мой сын Илюша, похудевший, постаревший и — жалкий. Грустно было вечером уже расставаться с ним.

23 сентября. Сегодня мой свадебный день. Венчали меня с Львом Никол. 23 сентября 1862 года. Собрала букет цветов, убрала могилу. Бродила одна по саду, вспоминала свои молодые годы.

27 сентября. Приехал Петр Алекс. Сергеенко, говорит, что прислан министром Никитиным узнать о беспорядках в Ясной Поляне [25].

28 сентября. Вечером читали с сестрой Таней Данилевского роман «Война 1812 г.». Сергеенко вызвал мужиков, что-то внушает им об охране Ясной Поляны.

29 сентября. Сергеенко ушел на сходку.

30 сентября. Читала изданную Булгаковым книгу из мыслей Льва Ник—а [26].

1 октября. Приезжала целая экскурсия девиц и юношей московской гимназии, где и девочки и мальчики вместе.

2 октября. Эти дни особенно горюю об умерших, точно эти ясные дни и ветер сильный приносят мне их души и несут к ним мою любовь.

3 октября. Писала Бондарчуку о переводе Толстого на украинский язык.

11 октября. Читали обе Тани вслух драму Л. Н—а «Свет и во тьме светит!» [27]. Сергеенко опять у нас.

12 октября. Приезжал Н. Н. Апостолов с желаньем получить сведения о «Войне и мире» для его лекции [28].

13 октября. Читала сестре вслух статью (письмо) кн. Кропоткина, очень умную [29].

17 октября. Приезжал из Тулы на автомобиле агроном Дм. Никит. Волков. Привезли для нашей охраны 12 или 10 — не помню — солдат, которых кое-как разместили [30]. Весь юг Крапивенского уезда горит от поджогов.

23 октября. Прошел слух, что нас будут громить. Приходили милиционеры на ночь, нас оберегать. Никто не спал, даже не раздевались.

4 ноября. Приходили прощаться капитан Лызлов и еще один офицер. Ушла сегодня кавалерия, завтра уходят сто солдат пехоты. Все страшнее жизнь в деревне, а деваться больше некуда.

5 ноября. Пехота в сто человек солдат сегодня ушла, слава богу. Вечером приехали с Косой Горы старший милиционер, с ним инженер и еще четыре человека оттуда же. Оказывается, что они все охраняют нас, и дом, и книги, и уже раньше ночевали три ночи. Это приятно [31].

7 ноября. Сегодня день смерти Льва Николаевича, прошло семь лет, а я все еще жива! Ходила на могилу. Посетителей было только четыре человека: два интеллигентных крестьянина из дальнего уезда и два тульских человека.

16 ноября. Зародилась у сестры и у меня мысль читать вслух мальчикам с деревни, но трудно что выбирать. Вечером пришли наши крестьяне, выбирали в Комитет. Неясно все это мне. Заговорили о перемирии. Читали мой рассказ о Ванечке [32] и рассказ Сергеенко детский.

19 ноября. Вечером Сергеенко читал вслух свой рассказ «Сестра милосердия». Недурно. Созвал он солдат и наших дворовых и сначала читал им вслух «Бог правду видит, да не скоро скажет» [33], а потом пускал граммофон.

23 ноября. К вечеру получила по телефону к лесничему извещение, что продовольствие будут выдавать нам через Сергиевский продовольственный комитет. Читала Булгакова «Этику».

1 декабря. Приезжал Бутович, показывала ему комнаты Льва Ник—а; он очень интересуется всяким живописным искусством.

4 декабря. Живу как во сне и в страшной суете. Жаль Таню. Весь день толчется праздный народ; кроме Тани и меня, поглощенных в заботы, главное, об еде, — и праздность стольких людей мешает чем-либо заниматься. Приехала наконец Саша-дочь с Варварой Михайловной. Я очень им рада, хотя много было тяжелого и с ними, но чувствуется близость с ними в прошлом. Вечером хорошо пели сестра и Саша.

10 декабря. Приехал с Косой Горы директор Алек. Ник. Паршин. Много рассказывал об Урале и уральской земле и заводах. Вечером все собрались, Таня прочитала стихотворение Ал. Толстого «Грешница» и еще стихи других поэтов.

11 декабря. Вечером приезжала Лид. Георг—на Паршина. Пели вечер весь сестра Таня, Паршина и дочь Саша. У сестры и сейчас прекрасный timbre голоса. Читали вслух Данилевского «Беглые в Новороссии».

18 декабря. Время летит, международная война продолжается, голод приближается всюду. Нам помогает Сергеенко всего доставать: ржи, макарон, фасоли, рису[34].

19 декабря. Шумно, суетливо... я рада, что со мной две дочери и внучка — это последнее, на чем держится моя жизнь. Но сердце постоянно болит об отсутствующих сыновьях.

25 декабря. Таня читала вслух «Евгения Онегина». Прелестно.

26 декабря. Таня дочитала нам вслух «Евгения Онегина». До чего хороша речь Татьяны, когда она отчитывает Онегина! «Евгения Онегина» я давно не перечитывала. Надо перечитывать старину.

27 декабря. Переписывала скорбные и неразборчивые письма Левы за 1894 год[35]. Шила платочки, клеила коробочки, делала пасьянсы. Чаще всего тоскую по умершем Андрюше и отсутствующем Леве.

28 декабря. Опять появились посетители комнат Льва Ник. Офицер саперной роты Авенариус с товарищем и хорошенькой девицей. Еще были солдаты, наши и их гость.

31 декабря. Последний день тяжелого года. Вечером Таня прочла вслух «Чем люди живы»[36]. Новый год не встречали, но все у нас обедали, всех 12 человек нас было. Под самый Новый год Сергеенко читал вслух рассказы Чехова. Когда я осталась одна в своей комнате, вдруг тоскливо защемило сердце, где мои сыновья, Лева, Илья? Что Сережа переживает и Миша с семьями? Что Дора со своими восемью детьми? Так о всех болит душа.

1918

1 января. Вечером зажгли елку, позвали 20 детей и раздали им кое-что! После елки начался демократический, как назвал Сергеенко, бал. Танцевали солдаты, пленные, наши дворовые и горничные. Плясали девочки, наши Тани.

3 января. Вечером Таня читала вслух Лескова «Зверь» и еще рассказ. А Сергеенко прочел «Старый гений».

4 января. Сергеенко поехал в Тулу за керосином. Сидим с одной лампой или восковой свечой. За один пуд плохого керосину заплатили 60 рублей.

5 января. Когда была буря, сломало, заворотило крышу и таявший снег залил комнату Л. Н.

6 января. Дочь Таня читала вслух отрывок из «Войны и мира». Как хорошо, местами глубоко.

7 января. Поразило всех известие о том, что разогнали Учредительное собрание и два матроса убили Шингарева и Кокошкина[1]. Приходили крестьяне, беседовали с ними Сергеенко и дочь Таня.

Вечером читали вслух Лескова. Я не люблю его, хотя сестра хорошо читает.

14 января. Передаю хозяйство Ясной Поляны дочери Тане и беру управляющего. Очень тосковала сегодня по сыновьям, особенно по Леве и Андрюше. И жив ли Лева?!.

18 января. Говорила по телефону с директором сахарного завода, просила сахару, дали мне десять фунтов. Просила у Волкова железо из земства, починить крыши, дали семь листов. А то все отказывали. Вечером Таня читала вслух Тургенева стихотворения в прозе.

21 января. Приезжал Высокомирный, навел порядок с солдатами: [2] сам приятный человек, тоже пока военный.

23 января. Таня ездила в Колпну в Комитет. У нас отбирают наш лес [3].

26 января. Тревожные слухи о погроме среди деревенской молодежи. Тяжелые разговоры с Таней о Сергеенко, вернувшемся в Тулу и зараженном манией величия, вмешивается в распоряжения Тани. Я чуть не заплакала от недоброго ее отношения ко мне.

2 февраля. Вечером Таня читала вслух «Власть тьмы» [4].

4 февраля. Усердно занималась с утра библиотекой. Приходили посетители смотреть дом, могилу и комнаты Льва Никол.

5 февраля. Писала Мейеру и крестьянину о том, где достать «Исследование четырех Евангелий». Я его направила на фирму «Посредник» [5]. Вечером сестра читала вслух плохую повесть Сергеенко «Дэзи» [6].

6 февраля. Заглушаю тревогу сердца и тоску всякой работой; нет мыслей, нет радости. Забота о хлебе в будущем делается все настоятельней.

7 февраля. Ушли с Маней на могилу Льва Никол—ча. Расчистили немного снег, насыпали птичкам овса.

14 февраля. К обеду приехала дочь Саша с проектом нового издания Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого [7].

15 февраля. Известие, что немцы взяли Петербург;[8] все тяжелее и безнадежнее положение России. Разбирала с дочерями рукописи и разные бумаги, касающиеся Льва Ник—ча.

16 февраля. С утра я с Сашей занялась передачей ей и Сереже прав на рукописи, их снятие фотографически и раздачей отдельных сочинений для разработки.

17 февраля. Печально живется. Провожаем обратно в Москву дочь Сашу, и что-то на этот раз особенно грустно с ней расставаться. Собрала ей кое-какой еды, как-то еще она доедет ночью! Таня-дочь читала нам «Люцерн»[9] и письмо Саломона об убитом племяннике[10].

19 февраля. Напало на меня страстное желание писать портрет Льва Ник.— копию с репинского. Он брошен неоконченный, надо кончить. Собирала все для этого нужное. Не знаю, годятся ли краски, не высохли ли?

23 февраля. День смерти Ванечки и к утру Андрюши. Где они теперь, мои столь горячо любимые мальчики? Главное мое утешение теперь — это дочь Таня. Но если б она была радостна и счастлива. А то жаль ее.

25 февраля. Много писала. Все обедали у меня. В политике какой-то непонятный хаос. Приехал Высокомирный из Тулы. Он служит в Следственной комиссии (кажется там)[11].

26 февраля. Занимала Высокомирного разными своими трудами: альбомом, рисунками цветов и грибов, каталогами книг и проч. Писала мало: печальное описание смерти Лизы Олсуфьевой[12]. Душан Петрович и Сергеенко уехали на третейский суд на Косую Гору. Уехал Высокомирный.

2 марта. Переписывала, потом готовила все для исправления копии с портрета Льва Ник—а. Боюсь, что я уже не в силах работать масляными красками. Ваня Эрдели прекрасно играл на рояле разные вещи. Плохие вести из Москвы. Денег ниоткуда не дают.

3 марта. Начала исправлять копию с портрета Льва Ник—ча — Репина. Больше всего мешает работе нетвердость руки: хочешь провести линию и собьешься невольно. Тоскливо на душе. Умерла Мария Михайловна, вдова Сергея Николаевича [13].

5 марта. Опять копировала портрет Л. Н. и опять плохо. Вечером пересматривала свою «Жизнь» и волновалась, читая ее.

8 марта. Отказали мне пенсию, обещают 300 р. вместо 800 [14].

15 марта. После обеда пересматривала свои записки под заглавием «Моя жизнь» для Миши Сергеенко, записывающего, в какой комнате что писал Л. Н.

17 марта. После обеда читали вслух дочь — Victor'a Hugo рассказы, и Митя в «Былом» документы о предполагаемой смерти и похоронах Льва Ник—а в Ялте [15]. Тяжелые и бесплодные споры о политике Коли Оболенского, Мити Кузминского и сестры Тани. И утомительно.

20 марта. Переписывала письма Тани, описывала комнату Душана Петровича, которая осталась в таком же виде, как после смерти Льва Ник.

21 марта. Ездила с Маней в три потребиловки и две лавки. Нашла купить плохие темные макароны, грецкие испорченные орехи, спички и цикорный кофе.

24 марта. Делала опись двух библиотек и спальни Льва Никол.

25 марта. Описывала с утра комнаты Льва Ник—ча, главное вещи. Писала сыну Сереже о копиях с рукописей Льва Ник. фотографией, это невозможно, и Георгиевскому о том же [16].

26 марта. Весь день занималась разборкой и записываньем писем за 1917 год и частью 1918 г.

29 марта. Занялась в своей «Жизни» перенумеровать на страницах — года́. Почему-то раньше этого не сделала.

30 марта. Неожиданная была радость, мой сын Миша поговорил со мной в телефон и завтра обещал приехать. Занималась лежа своими записками «Моя жизнь».

31 марта. Утро занялась своими «Записками», читала газеты. Ужас! Приехал сын Миша, переменился, жаль его с заботами и неопределенностью. Но молодец он: бодрый, умный и приятный.

1 апреля. День провели с моим милым Мишей, и он уехал в Тулу. Он бодр, энергичен. Помоги ему бог!

3 апреля. Таня затеяла для всех нас следующее: она принесла несколько картин и предложила каждому избрать картину и написать на нее что-нибудь. Я написала рассказ вчера вечером, сегодня переписала [17]. Приезжали: делегат от шведского посольства с графиней Дуглас и переводчиком.

4 апреля. Сегодня была неприятность с П. А. Сергеенко. Он нагрубил мне, а я ему сказала, что если б Лев Ник. мог слышать, как посторонний человек груб с его женой, он выбросил бы его в окно.

5 апреля. Встречаться с Сергеенко утром было неприятно, несмотря на то, что раньше он во многом помог мне. «He is not a gentleman» *, — сказала про него мисс Вельс. Он невоспитанный, недобрый человек, и что-то у него на уме касательно Ясной Поляны.

7 апреля. Приезжали из Тулы по делам Ясной Поляны два агронома: Дмитр. Ник. Волков и Серг. Георг. Богоявленский. Хотят исправить сад, излечить его. Весна меня мало радует, слишком много страдаю от мыслей о голоде в России и у нас.

10 апреля. Очень меня угнетает потеря шести листов описи яснополянских вещей в верхнем этаже. Обыскала все что можно,— нигде нет моих листов. Приезжали из Москвы две голодные курсистки осматривать дом.

---

* Он не джентельмен *(англ.)*.

12 апреля. Было много посетителей осматривать комнаты Льва Никол—ча. Взяло у меня весь день. После обеда читала русские журналы. Утром, до кофе, ходила с Мишей Сергеенко на могилу. Просила мысленно прощенье у Левочки перед говеньем.

15 апреля. Вечером приходили наши молодые крестьяне и хотят отнять мою всю землю [18].

24 апреля. Переписывала Танины письма. Потом пришла вся наша деревня приглашать меня идти с нашими крестьянами на могилу Льва Ник—ча. Я, конечно, пошла. Отношения хорошие. Становились на колени, три раза пели «Вечную память» [19].

27 апреля. Приехал француз mr. Vauchet с переводчиком-юношей от «Illustration».

28 апреля. Провела день с французами: Robert Vauchet, корреспондент «Illustration» и «Petit Paris» и его переводчик.

29 апреля. Собралась на могиле огромная толпа людей всякого сословия; нарядные женщины и девушки, дети, молодежь; крестьян настоящих мало, все в Туле. Фотограф Вакуленко снимал всю группу. Зачем и для кого? Неизвестно. Потом снял группу возле дома со мной. Все это тяжело и бесцельно.

30 апреля. Вчера вечером уехали французы. Вчера у нас обедали Гольденблат и Высокомирный.

6 мая. Утром переписывала, потом ходила с сестриной девушкой на могилу. Там молодежь. Перед обедом приехал военный комиссар Бор. Ив. Калинин с двумя молодыми людьми и тремя дамами [20].

8 мая. Разбирала бумаги, часть уничтожала.

9 мая. Церковный праздник Николая-чудотворца, и народ, как всегда, грубо его празднует. Писала; приходил Сергеенко разговаривать. Странно тяжело с ним общение: то сентиментален, то невозможно груб. Его помощь была так велика, что все надо терпеть. Были посетители — железнодорожные учителя, сняли меня в группе.

12 мая. Получила книги от Булгакова [21] и Нелюбина о в. кн. Константине Константиновиче [22].

13 мая. Приезжал из Тулы земельный комитет, люди из простонародья, но не неприятные.

15 мая. Читала книгу Булгакова «Последний год жизни Л. Н. Толстого». Очень тяжелое производит впечатление. Много предвзятого, умолчанного, не вполне правдивого. Например, умолчено то, что с вечера 28 октября у Льва Ник. пульс был 96 ударов и ушел он больной.

17 мая. Начала день с уборки комнат Льва Ник. Потом были довольно приятные посетители комнат Л. Н. После обеда приехал Волков Дм. Никит. и латыш Ив. Ив. Риттен, его товарищ.

20 мая. Занималась с сестрой разбором бумаг и их сортированием. Уезжает завтра Сергеенко за хлебом и за картофелем и овсяными отрубями.

23 мая. Сережа-сын просил меня выписать из дневников Льва Николаевича годы и числа, когда что писалось, и я сегодня весь день этим занималась [23].

24 мая. Продолжала весь день работу над дневниками Льва Ник—ча, заказанную мне Сережей. Простилась с сестрой Таней: едет в Петербург.

28 мая. Весь день занималась бумагами, дневниками и всем, что касается Льва Ник—ча, и составляла каталоги. Вечером приехала Е. В. Толстая.

2 июня. Все та же работа над разборкой рукописей (хотя теперь больше печатных бумаг Льва Ник.).

3 июня. Неприятная телеграмма от Сергеенко, что застрял в Казани и не надеется достать продовольствия. Огромная экскурсия молодежи — евреев. 82-м показывала комнаты, очень устала. Ходила на могилу.

6 июня. По вечерам Миша Сергеенко читает мне вслух книгу Булгакова о Льве Ник.

7 июня. Посетители комнат и могилы Льва Ник—ча из Каширы приехали в Засеку; в Кашире были в реальном училище — учитель и ученики. Потом вечером из Колпны — два доктора, три дамы, еще двое мужчин; потом какой-то конторщик и еще четыре человека. Утомительно, но и одиночество тяжело.

8 июня. Телеграмма радостная от Левы от 20/7 июня из Петрограда [24].

9 июня. Занималась очисткой и уборкой павильона, вокруг дома солдаты косили, стригли лишние ветви, и я с ними. Приезжали: граф Дмитрий Георг. Толстой и два художника с ним; один академик с дипломом на первого ученика.

14 июня. Весь почти день читала книгу Булгакова «Лев Толстой в последний год его жизни». Печально было это время и тяжело и читать, и вспоминать. Немного поправляла опись всех в доме вещей.

16 июня. Приехал Полнер Тих. Ив. и дочь Саша, полная энергии и как будто хорошо ведущая с Сережей дела рукописей и разборки всего, находящегося в Румянцевском музее. Такая же Саша полная, веселая, любящая цыганские песни и мало мне понятная.

18 июня. Выправляла ошибки в булгаковской книге, беседовала с Полнером, читала ему отрывки из «Моей жизни», которые он похвалил [25].

19 июня. Исправляла книгу Булгакова. Перебирала свои рукописи, надо сделать оглавление к «Моя жизнь».

25 июня. Читаю «Дневник» В. Ф. Булгакова. Чем дальше, тем хуже: самохвальство, лесть и подслуживанье Черткову; отступление от правды кое-где. Злое умалчиванье истины и бестактные сообщения чего не следует.

29 июня. Приезжали внуки Сергея Николаевича — Толстые. Наивный и хороший его внук Сергей Григорьевич.

2 июля. Читаю «Круг чтения» Льва Ник.

4 июля. Неприятные разговоры с Сергеенко о сундуках с рукописями и вещами Л. Н. в Тульском архиве [26].

7 июля. Читаю понемногу «Круг чтения». К вечеру Сергеенко привез помощника комиссара по землевладению. Показала ему комнаты.

14 июля. Кончила описывать книги в комнате Льва Ник. Вышло 16 страниц полулиста бумаги.

15 июля. Утром стригла лишние липовые ветки, пускала посетителей в комнаты Льва Николаевича. Приезжал Ал. Ал. Сабуров, директор Государственного банка, с двумя дочерями и Сережей Толстым.

16 июля. Читаю понемногу «Круг чтения». Приехал землемер Векшин с помощником намечать план дороги на могилу от шоссе [27].

20 июля. Увлекалась копированьем пейзажа пруда моей же работы. Таня читала нам вслух «Поликушку» [28].

22 июля. Приезжали из Тулы разные комиссары и неизвестные господа, человек двадцать. Смотрели комнаты Льва Ник—ча.

30 июля. Весь день бродила по своей усадьбе с тоской в душе от положения в России. Был архитектор-академик для планов сооружения школы. Вечером читали вслух Фета и Салиаса [29].

5 августа. Вечером Таня-дочь читала нам вслух разные стихотворения.

8 августа. Вечером читал вслух Сергеенко «Горе от ума», и позднее все вместе вели литературную беседу.

9 августа. Приехал сын мой Сережа, и как сильно я ему обрадовалась. «Мои милые, старшие дети»,— сказал Лев Ник. перед смертью Сереже и Тане. Вечером Сережа поиграл на рояле, маленькая Таня била в барабан, в такт. Очень похудел мой 55-летний Сережа. И матери это грустно.

10 августа. Сидели с утра, беседовали с Сережей. Приехала рано утром Саша. Очень я рада детям, но грустно опять расставаться и скучно, что нечем *угостить*. Сережа вечером много и прекрасно играл.

11 августа. Сережа ходит гулять, печальный, худой. Вечером он превосходно сыграл две сонаты Бетховена и другие вещи: и наслажденье, и какая-то печаль от музыки. Лучше стала ее понимать.

17 августа. Ходила с внучкой Сонечкой на могилу и оттуда на длинную прогулку лесами и срубленными посадками. Помню, как мы с Льв. Ник. весело сажали эти посадки: им не дали и вырасти! Читала «Вестник Европы», статью о современных событиях [30].

26 августа. Приехали утром гр. Дмитрий Адам. Олсуфьев и Никол. Евген. Фельтен.

Вечером беседовали, гости просматривали записки, альбомы и всем интересовались.

27 августа. Утром набирала скудное количество и качество цветов, делала гирлянды на могилу Льву Ник. к завтрашнему дню его рожденья. Цветы снесли на могилу.

28 августа. Утром приехал сын мой Миша и П. А. Сергеенко. Меня угнетает забота о пище для всех. Нас двенадцать человек к обеду. Приходили мужики наши за мной, и мы ходили все на могилу и пели там «Вечную память» в три приема.

29 августа. Уехал сын Миша с гр. Дм. Адам. Олсуфьевым в Киев и дальше. Как-то их господь пронесет. Семья Миши в Железноводске.

3 сентября. Писала новое завещание, чтобы включить дочь Сашу в число наследников после меня: она была исключена за ее ужасное ко мне отношение после смерти ее отца. Теперь я простила [31].

13 сентября. Вечером поздно приехали техники делать смету и план водопровода.

7 октября. Суетливый, утомительный день: приехали из Продовольственного комитета Дерниг с тремя товарищами: еврей, латыш, русский — Степанов. Пили чай,

ходили на могилу. Потом приехало около пятидесяти человек экскурсии, садоводы-ученики, взрослые. В четыре группы показывала комнаты Льва Ник.

8 октября. Аля Сухотин читал вслух «Обыкновенную историю» [32].

12 октября. Утром приехала невестка С. Н. Толстая. Я ей была рада, старину мне напомнило, хотя много в ней для меня теперь чуждо. Живет легче многих, потому что теософка, и поет, устраивает с Сашей вечера пенья.

13 октября. Намела много куч из сухих листьев для моциона. Люблю всякую работу: и умственную, и художественную, и физическую.

14 октября. После обеда Таня читала нам вслух Пушкина «Дубровского». Уже давно я его читала; интересно написано.

17 октября. Вечером читали вслух «Дворянское гнездо» Тургенева. Читал Оболенский.

19 октября. Жизнь — тоска. А могла бы быть радостью с двумя Татьянами. Сестра стала чужда: мы так разны во всем.

23 октября. Была с Маней и Мишей в Туле, получила пенсию, устраивала дело в Государственном банке с деньгами (билетом) в 65 000 рублей. В Туле готовится праздник свободы.

24 октября. Приехала барышня Анна Митроф. Голенко от Коллегии описывать драгоценности Ясной Поляны [33].

25 октября. Приехали утром сын Сережа и дочь Саша; оживили нашу жизнь.

26 октября. Как я рада своим детям! Особенно люблю своего Сережу. Таня со мной строга, а Сережа особенно мягок и мил.

28 октября. Число ухода из дома Льва Николаевича. Вечером Сережа-сын и Саша читали вслух прекрасную статью Сережи о посещении Тургеневым Ясной Поляны [34].

2 ноября. Кончили читать «Евгения Онегина» и начали «Полтаву».

4 ноября. Таня-дочь читала вслух «Пиковую даму» Пушкина, а позднее Миша Сергеенко читал нам с сестрой биографию Пушкина.

7 ноября. Две Тани, мисс Вельс, Миша Сергеенко, Верочка Сидоркова уехали в Тулу на вечер памяти Льва Ник — а смерти. Ко мне приходили наши крестьяне и пригласили идти на могилу Л. Н. Я пошла, пели три раза «Вечную память». Вечером читали биографию Пушкина.

8 ноября. Вернулись из Тулы все ездившие на вечер памяти Льва Николаевича. Много переписывала, читала биографию Н. А. Некрасова. Какое ужасное детство от изверга отца! Жалкая любимая мать!

10 ноября. Переписывала, читала биографию несчастного поэта Некрасова. Вслух читали Островского «Женитьба Бальзаминова».

11 ноября. Пели девочки с сестрой Татьяной Андреевной, и голос ее, нежный и мелодичный, всегда меня трогает. Читали вслух какой-то плохой рассказ, а позднее — «Портрет» Гоголя.

21 ноября. Приехали Пав. Ив. Бирюков и Варв. Мих. Феокритова. Вечером Павел Иванович читал третью часть «Биографии» Льва Никол—ча [35].

23 ноября. Вечером опять читали «Биографию» Льва Ник. Из нее я поняла хорошо, что для Льва Ник—ча Чертков был *умственный склад мыслей,* выражаемых в письмах и статьях, им посылаемых. Для Черткова же это был драгоценный и дорогой *склад рукописей,* увозимых в Англию [36].

24 ноября. Уехали Павел Ив. Бирюков и В. Мих. Феокритова в Москву. Учила Танюшку, работала. Вечером Сергеенко прекрасно читал «Мертвые души» Гоголя. Поздно вечером пришли со станции мои три внука Ильичи: Миша, пробывший в плену четыре года, Андрюша, Георгиевский кавалер, и Володя.

25 ноября. Приезжали из Тулы две партии посетителей, смотрели комнаты Л. Н.

26 ноября. Внуки говорили о старой, почти что умирающей лошади Льва Ник—а, Делире, что она погибнет.

27 ноября. Рано утром уехали внуки Андрюша, Миша и Володя. Переписывала, вечером Таня почитала немного вслух, а Душан Петрович читал нам свои «Записки» о Льве Ник.

3 декабря. Огорчает меня известие о смерти брата Саши. Он уже был очень слаб последнее время.

10 декабря. Приехал Сергеенко и привез архитектора соображать предполагаемую для народа образцовую школу. Ничего не удастся, затея велика.

11 декабря. Вечером Сергеенко читал из «Круга чтения» Овидия и Сократа [37].

21 декабря. Поздно вечером приехала дочь Саша, внук Илюшок и Зося Стахович: голодные, но Саша очень смеялась.

22 декабря. Беседовала с Зосей о ее работе над «Войной и миром». Она, видно, умно ее делает. Вечером она читала вслух отрывки из «Войны и мира» [38].

29 декабря. Переписала по просьбе Н. В. Давыдова отрывок — сведения о комедии «Нигилист, или Зараженное семейство», из моих «Записок» и письмо Давыдову [39].

30 декабря. Где я? Где моя любовь к искусствам, к природе, к людям? Перебранка с любимой Таней из-за чуждых людей, неудобства с людьми, недовольство всех всем и всеми, несмотря на усиленное стремление всем угодить.

31 декабря. Совершенно неожиданно Таня устроила по просьбе внука Илюшка встречу с Новым годом. Все обрадовались, пошли во флигель и добродушно и хорошо встретили Новый год.

1919

2 января. Читали вечером «Мертвые души» [1]. Не люблю я эти фальшиво-комичные описания и типы. Но есть прекрасные места лирические и описания природы. Давно я их не перечитывала.

3 января. Приезжал Дм. Ник. Волков с дочерью, вел с Таней-дочерью переговоры о судьбе запущенного яснополянского сада яблочного и о других хозяйственных делах. Вечером Таня читала нам вслух воспоминания Василия Морозова о школе, о Льве Ник. и о их поездке на кумыс. Написано талантливо [2].

4 января. Очень тоскую по моим детям. Тяжело Сереже, уже не молодому, голодать и мерзнуть! Где и что с семьей сына Миши? Где Илья, Лева и его семья?! Вписывала в «Письма к жене» объяснения и вставки [3].

7 января. Остаток дня вписывала заметки, а вечером Петр Алексеевич читал из «Воспоминаний» сына Ильи кое-что комичное [4]. Раньше вечером читали скучные «Мертвые души». Не люблю Гоголя! Это мой грех.

8 января. Опять вписывала заметки в «Письма к жене» Л. Н. Толстого. Пришел П. А. Сергеенко и часа три со мной разговаривал о том, как вести дело по Ясной Поляне: как быть с садом и проч. Отошла я сердцем от интереса ко всему этому! Вечером позднее он читал вслух «Мои воспоминания» сына Ильи и восхищался ими.

9 января. Читала брошюру Льва Ник—ча «К политическим деятелям» [5].

12 января. Много писала и на машинке, и отметки в книге писем Льва Ник—ча ко мне.

16 января. Кончила одну книгу, в которой сделала отметки; завтра начну вторую.

20 января. Были гости: богач Як. Ив. Бутович, по земельному делу и хозяйству Дмитрий Никит. Волков и по еще какой-то отрасли В. И. Денисов.

21 января. Подкрался Сергеенко и полтора часа душил меня разговорами. Какой тяжелый человек! Говорил, что из какого-то Комитета крапивенского охраны детей приезжали люди, которые хотят выселить из двух домов всех, кроме меня одной, и устроить детский приют на двенадцать детей. Меня поместят в двух комнатах. Ничему не верится, но всего боишься [6].

26 января. Писала письма и их копии в отдел книжной торговли т — ва Кушнерева и К^0 об отдаче мне моих книг «Письма Л. Н. Толстого к жене» [7].

27 января. Совещались по делам яснополянского хозяйства и сада: Арсеньев, Высокомирный, Гольденблат, десятник Мих. Ал. Юсов, беспокойный молодой Варшавер, Сергеенко, Таня-дочь. Плохо верится в их планы. Вечером приехала дочь Саша с Фельтеном.

30 января. Приезжали из Тулы Ал. Ник. Арсеньев и с ним двое. Таня хочет передать хозяйство Ясной Поляны Обществу охраны Ясной Поляны [8]. Не понимаю, как это устроится, и не очень верю в успех. Вечером много вписывала новых отметок в книгу «Письма Л. Н. Толстого к жене». Потом в 11-м часу пришел П. А. Сергеенко и вылил на меня злых и грубых упреков за то, что я была, по его мнению, причиной ухода Льва Ник—ча. Его ли это дело? Кто *смеет* судить мужа с женой? Да еще такой дьявольский, злой, невоспитанный хам. Меня так ошеломило, что я плохо отвечала.

31 января. Много писала отметок. Для отметок приходится перечитывать всю книгу «Письма к жене Л. Н. Толстого». И как много любви в этих письмах! Как могло все так резко измениться? Вечером приходила Таня. С ней всегда приятно и часто интересно. Что-то мои несчастные дети? Мерзнут, голодают. Ужасно это постоянно сознавать.

1 февраля. Весь день просидела за вписыванием отметок в «Письмах к жене». Мучительно тосковала, читая письма некоторые ко мне, в которых чувствуются его

страданья, причиняемые ему моими упреками, требованьями жить со мной и проч. Но желанье не расставаться с мужем ведь истекало из любви к нему! Я очень его любила до конца его жизни.

3 февраля. Ходила на могилу, и как будто меньше стало тоски! Таня с детьми подвезли меня домой. Получила письмо от Фельтена. Пишет, что мне как исключение разрешило теперешнее правительство получить книги мои «Письма гр. Л. Н. Толстого к жене». И покупают у меня за 8000 рублей.

5 февраля. Взялась опять переписывать Танины письма. Переносит меня чтение этих писем болезненно в прошлое. Как далеки мы были от того, что происходит теперь.

8 февраля. Приехала Верочка Сидоркова. Неприятное известие она привезла, что в типографии Кушнерева оказалось только 8 книг «Письма гр. Л. Н. Толстого к жене». Где же 4432 экземпляра?

9 февраля. Сидим вдвоем с сестрой в зале за большим круглым столом, и в воспоминаниях проходят все те лица, которые сиживали за этим столом, и не думалось о том, что почти все уйдут, и сердце больно сжимается особенно потому, что те, кто жив, страдают от холода, голода и войны.

18 февраля. Подписала бумагу, по которой поручаю яснополянское хозяйство Коле Оболенскому.

23 февраля. Уехали на *собрание* Толстовского общества П. А. Сергеенко и Коля Оболенский. Не верю я в успех управления этого Общества.

24 февраля. Вернувшийся Коля Оболенский и П. А. Сергеенко по кратким разговорам дали понять, что в Толстовском обществе нелады. Насколько могла понять — хотят делать большой заем на хозяйство разоренной Ясной Поляны, а кто его уплатит — неизвестно. Нет хозяина, нет управляющего, нет рабочих [9].

Таня наговорила мне сегодня много жестоких слов. Если б она могла только понять, какие она мне причиняет страданья! Взяла на себя хозяйство, не справилась, страдает от этого, а на меня нападает, не понимаю за что. А кого я больше любила и люблю в жизни?

28 февраля. Таня-дочь уехала в Тулу, там вечером собрание Толстовского общества. С ней Коля Оболенский.

1 марта. Читал нам П. А. Сергеенко вслух «Madame Bovary», к сожаленью, в русском переводе [10].

2 марта. Приезжали из Тулы два члена Толстовского общества: Серебровский и Ченков. Разговоров много, а будет ли какое дело с устройством яснополянского хозяйства.

3 марта. Приехало пять человек большевиков с Гольденблатом и, непонятно почему, привезли нам белой муки, сыру, кофе, чаю.

5 марта. Оболенский ездил в Тулу на собрание Толстовского просветительного общества. Я не верю в их деятельность и пользу.

7 марта. Переписывала письма, читала взятую у Льва Ник. книгу: рассказы Куприна, скучно и многое неприлично [11].

8 марта. Чувствовала эти дни присутствие Льва Николаевича, и было приятно, и что-то было молчаливо-ласковое в нем по отношению меня. Где он? И где все те, которые ушли и которых я любила? И долго ли еще мне томиться на земле? Но на это воля божья!

11 марта. Кончила переписывать 1905 год Таниных писем ко мне. Ее «Воспоминания» взяла фирма издательская «Задруга» и заплатят ей деньги [12]. Бедная Таня — пришлось ей зарабатывать свой хлеб с дочкой! Вечером приехал Высокомирный, что-то он служит в Следственной комиссии, очень симпатичный, но уже измученный своей службой. Странное отношение ко мне всех окружающих меня: точно меня *терпят* снисходительно и почти презрительно слушают, что я говорю, и спешат уйти. Видно, я *лишняя* стала.

13 марта. Утром уехал Высокомирный в Тулу и довольный своим пребыванием в Ясной Поляне.

16 марта. Приезжали, ели, пили чай, по делам Ясной Поляны, ремонта, хозяйства: Серебровский, Гольденблат Б. Ос., Гассиловский Ал. Ник.

20 марта. Шила, потом поила кофе Душана Петровича. Ходила во флигель, долго там сидела. С Таней-дочерью всегда чувствую себя легче, тверже и счастливее.

21 марта. Весь день до обеда разбирала бумаги и вписывала их в книжечку. Что за разнообразие: и ноты, и картинки, и записи покосов и сельского хозяйства, и описи, карточки визитные и открытые письма,— да всего не назовешь. Немного пыталась читать, хотелось перечитать статью Дорошевича после ухода Льва Ник. «Софья Андреевна» и не могла, не вижу ясно [13].

28 апреля. Дочь Таня задала на конкурс всем нам сочинение «Сон». Я свое уже написала [14].

29 апреля. Вечером П. А. Сергеенко читал вслух Пушкина «Моцарт и Сальери».

1 мая. Ходила на могилу: чудесный ясный день, красота весны. Набрали с сестрой и снесли на могилу букеты цветов лесных — медуничков. Вечером Сергеенко читал вслух «Иоанн Дамаскин» [15].

8 мая. Внимательно и чисто убрала комнаты Льва Ник—ча и свою. Вечером пришли два инженера, которые будут строить дорогу в Ясную Поляну. Напрасно много болтала с инженером. Один их них знал Андрюшу, бывши еще ребенком. Фамилия его Калита.

19 мая. Приходила целая экскурсия молодежи, 70 человек. Ходили с П. А. Сергеенко на могилу, пели «Вечную память» Льву Ник—чу. Сережин случай — угроза о выселении его с квартиры — ликвидирован, и его оставили в покое.

25 мая. Приезжало огромное количество посетителей для осмотра комнат Льва Ник—ча. Дети, девицы, гимназисты, члены какого-то трибунала.

30 мая. С утра наехало пропасть посетителей. Девицы пели хором, гуляли, ели на деревне молоко, яйца и свой хлеб. После нашего обеда опять пели, пили у нас чай, сестра Татьяна Андреевна пела очень хорошо сначала с небольшим хором, в котором участвовала и внучка Танечка, а потом одна и всех прельстила своим пеньем. Перебывало более 200 человек.

3 июня. Ходила на могилу с инженером указывать, как проводить дорогу (тротуар) пешеходную на могилу. Сергеенко план никуда не годен.

4 июня. В четыре часа приехал сын Сережа, и я ожила, встала и обедала со всеми.

5 июня. Утром делали с Сережей проверку дневников Льва Никол—ча[16]. Тяжело перечитывать все, что касается меня. Приходила экскурсия девиц и юношей, 80 человек.

6 июня. С Сережей проверяли дневники Льва Николаевича. Дала ему формуляр его отца переписать[17] и свидетельство о нашем браке. Очень приятно присутствие Сережи. Слушая музыку, живо вспоминала Льва Ник—а, глаза полные слез и взволнованное выражение лица.

7 июня. Вечером Сережа прекрасно играл. Сначала Грига, потом блестяще исполнил сонату Вебера, которую любил и наигрывал Лев Николаевич. Неприятный разговор с Оболенским о хозяйстве. Он любит швырять деньгами и быть хозяином.

8 июня. Троицын день! Прекрасная погода, сирень и ландыши цветут в изобилии. На яблонях медяник и сухой мох. Пришли со станции дочь Саша и внучка Анночка. Все им очень обрадовались. Везде песни, пляска, хороводы.

9 июня. Прелестная погода, чудесная сирень; пенье соловья, много ландышей, все у нас есть; со мной *любимые* старшие дети, как их назвал отец,— а на душе что-то мучительно гнетет, тоска и мало любви к людям: только *своих* детей и внучку Танечку люблю. Приехала еще внучка Анночка, и я ей рада.

11 июня. Ходила с Сережей Оболенским на могилу и мучительно и ясно представляла себе облик лежащего под землей любимого мужа. О сыне Сереже думала, что особенное к нему и Тане отношение потому, что с ними связано прошедшее счастливое время.

14 июня. Те же заботы хозяйства и порядка. Разбирала книги и журналы. Потом переписывала письма Тани ко мне. Сколько любви было тогда между нами! А теперь? — меня терпят, но не любят; а я все так же люблю своих детей.

18 июня. С утра переписывала Танины письма; потом делала выписки из моих «Записок», нужные для Таниных работ литературных.

19 июня. Убирала комнаты Льва Ник—ча. Было 120 посетителей. Посетители все мальчики.

21 июня. Утром приехала дочь Саша с каким-то педагогом Максиным, с которым много беседовала дочь Таня. Ходили все гулять к Воронке, мимо могилы, и грустно было видеть в первый раз это опустошенное рубкой бывшее лесное место.

22 июня. Наехало много посетителей, и я очень устала. Опять совещание Толстовского общества — одни слова, дела мало. Вечером опять посетители из продовольственного комитета. Один из них мечтатель — и только.

23 июня. Приходили из Тулы экскурсанты, дети, школьники. Таня им показывала комнаты Льва Никол—ча. Сплела гирлянду из маргариток и положила на всю могилу, и положила и полевых цветов.

27 июня. Вчера выбрала от Душана Петровича наши библиотечные книги с штемпелем.

5 июля. Переписывала письма. Слухи о победах Деникина, взятие Ельца и сожжение его; об окопах на Косой Горе и проч.

9 июля. Опять с утра тяжелый грозовой воздух, опять я задыхалась и лежала. Вечером на террасе интересные разговоры и воспоминания о русских писателях.

13 июля. Опять лежала все утро и часть дня от одышки. Приходили и приезжали экскурсии смотреть наш дом и посетить могилу. Таня принесла мне большой букет полевых цветов и букетик сладких последних ягод. Я заплакала, когда она ушла. Никого я так не любила и не люблю, как ее, а оказалось, что много ее огорчала!

14 июля. Слухи, что к Туле подходит с войском генерал Деникин. В Туле волнение, ходят с белыми флагами и выставили на здание почты. Что-то будет? Приходил ко мне художник Юон, хвалил мои рисунки цветов. Написала посмертное письмо, прощаясь с близкими, прося прощение у тех, кого оставляю [18]. Приезжал внук Илья. Приезжали из Тулы какие-то господа осматривать место для школы, на чудесных лошадях в прекрасных экипажах.

15 июля. Все эти последние дни мне так нездоровилось, что я думала о близком своем конце. И вот я позвала своих двух милых Татьян, проживавших со мной 3 года, и мы втроем разбирали мои немногие драгоценности. Я сочла справедливым отдать лучшее, что у меня было, Тане-дочери и Тане-внучке. Они жили со мной в самое мое тяжелое время и всячески утешали меня. Тане-внучке я отдала свои золотые часы с цепочкой, подаренные мне Львом Ник—м, и брошку с большим бриллиантом, подарок моего жениха — Льва Никол—ча; Тане вчера я отдала браслет моей матери (золотой) и кольцо с двумя бриллиантами и рубином, подарок Льва Ник—а за мой труд и помощь ему, когда он писал «Анну Каренину». И кольцо это называлось «Анна Каренина».

19 июля. Слухи, что идет с войском Деникин бить *большевиков*, но будет ли лучше — бог знает! Нам большевики все дают и нас ничем не обижают. П. А. Сергеенко много читал нам вечером из «Альманаха о Толстом» [19]. Очень было интересно, многое забыто и хорошо вспомнить.

20 июля. Отдала Тане мое завещание в ее пользу [20]. Письмо от Сережи-сына, тревожное. И где все мои сыновья и их семьи!!! Тоскливо на душе.

26 июля. Тревожные слухи, что идут на Тульскую губернию войска Деникина и будут нас грабить.

1 августа. Приехал Ник. Ник. Гусев. Здесь еще Высокомирный, а на деревне поселилась семья Пятницких, зубного врача.

6 августа. Убирала комнаты Льва Николаевича, что было трудно с больной, ушибленной ногой. Всякий раз вызываю образ умершего мужа, когда бываю в его комнатах, и грустно! Читала случайно попавшую мне маленькую книгу «Колокола» Диккенса. Я люблю Диккенса.

11 августа. Слабею умом и пониманием: «Под гору пошла дорога», как говорит Тургенев.

14 августа. Слухи о погибающем владычестве большевиков. Все радуются, а я им благодарна за постоянные услуги и помощь.

17 августа. Приезжали невестка Ольга Константиновна с детьми и племянницей и грузин, находящийся во главе какого-то правительственного учреждения. Позднее, вечером, явился Вал. Фед. Булгаков, и мы обрадовались друг другу. Переговорили о толстовских делах.

18 августа. Булгаков умный и хороший человек, и с ним приятно.

20 августа. Было у нас: Тани, меня и Булгакова, совещание о восстановлении дома в Хамовниках, но я не верю ни в какие результаты.

24 августа. Таня стала поговаривать чаще о выезде из Ясной Поляны. Ненавидит она Сергеенко-отца, задавила ее семья Оболенских: шум от детей, забота о еде, одиночество и проч.,— все это ей в тягость, и я ее понимаю. Но грустна перспектива моего одиночества без двух Татьян моих.

27 августа. П. А. Сергеенко читал вслух «Отца Сергия» [21]. Какое высокое художественное произведение! Живу с сестрой, а все больше и больше она мне чужда. Вероятно, я этому виною, а тяжело это.

28 августа. Уехал Булгаков в Тулу читать лекцию о Толстом. Грустно и одиноко живется. Таня-дочь со мной чужда и холодна, и это очень тяжело. Никого я так не любила.

1 сентября. Слухи ходят, что в деревне нашей Ясная Поляна разместятся красногвардейцы, войско против Деникина [22].

5 сентября. Вечером тревожные вести о размещении солдат по крестьянским избам с их командиром полковым, а с другой стороны — о присылке из Тулы солдат для охраны яблочного сада.

6 сентября. Прислали нам много солдат. Часть поселили по деревне Ясной Поляны для каких-то работ; часть караулить сад. Подумать страшно, что живут вооруженные люди на территории, где родился Толстой!

10 сентября. Рожденье Льва Никол-ча. Сделала венок из белых и розовых флоксов и желтых рутбеков; прибавила кое-какие полевые цветы. Пошла на могилу Льва Ник—ча и долго там была, потом странствовала по лесу и даже заблудилась.

12 сентября. Заезжал к нам Серг. Андр. Дерииг с двумя артиллеристами-воздухоплавателями,— на автомобиле.

29 сентября. После завтрака пошла на могилу, коекого встретила по дороге. Долго сидела на могиле и бродила около, мысленно беседуя с моим покойным Левочкой, таким, каким он был, когда мы любили друг друга.

30 сентября. Мои именины. Сколько воспоминаний прошлых лет этого дня! Страшно стало жить: на деревне расположился целый эскадрон, и в доме нашем начальство. Грозят сражением в Ясной Поляне — как только придет Деникин. До чего дожили! Говорят, что снаряды могут нас всех убить и разрушить наш дом. Приезжали Гольденблат и Серг. Митр. Серебровский обсуждать дела Толстовского общества. Говорят много, дела же ничего не двигаются.

1 октября. Ночевал у Тани Гольденблат. Идут переговоры об удалении солдат, о неприкосновенности Ясной Поляны и могилы Льва Ник—ча. Бог знает, чем все кончится!

5 октября. Приезжал Высокомирный, собираются в Москву хлопотать у начальства о снятии с Ясной Поляны военного караула и постоя [23].

6 октября. Мой свадебный день, 57 лет тому назад меня обвенчали в Москве, в придворной церкви Рождества Богородицы с Львом Николаевичем. День сегодня ясный, теплый, с небольшим ветром. Оделась во все белое и пошла на могилу, собрав предварительно кое-где цветочки, которыми и украсила могилу. Были посетители, 10 человек санитарного отряда, остановившегося на станции Засека (ныне именуемая Ясная Поляна).

7 октября. Надвигается что-то жуткое и страшное. Пригнали в Ясную Поляну из Курска много волов, лошадей и 4 фургона. Курск разгромлен, и там было еврейское разгромление [24]. Забегал к нам вечером на минутку взволнованный Волков. На его обязанности устроить пригнанный из Курска к нам (почему-то) скот. Сильно кашляла, сидела дома. Написала письмо Давыдову в ответ на его о «Поликушке» [25]. Мыла полы, таскала рамы на террасу. Надвигается что-то страшное. Слух о том, что Деникин в Мценске или близ него.

9 октября. Очень много чуждых, разнообразных посетителей комнат Льва Ник—ча. Какой-то Левицкий рассказывал, что ночью прошло войско красноармейцев в Тулу, что там будет сражение, недалеко от Тулы, проводят проволочные заграждения.

12 октября. Занялась своими «Записками» для сообщения Н. В. Давыдову сведений о том, в какие времена Лев Никол. бывал в столкновении с судебным миром (отказ от присяги, бык, забодавший скотника, и проч.). Работа трудная, но постараюсь сделать. Погода светлее и лучше. Здоровье хуже, боюсь паралича горла, как было у моего отца. Все дороже мне моя Таня, дочь, она и похорошела это время.

13 октября. Написала длинное письмо Давыдову с ответами на его вопросы об отношении Л. Н. к суду[26]. Сделала выписки из писем и «Записок». Вечером Сергеенко читал переписку Льва Ник. с гр. Алекс. Андр. Толстой. Прекрасная, поэтическая переписка.

14 октября. Писала, вклеиваю пропущенные письма ко мне Льва Никол—ча.

16 октября. Уехали солдаты, весь 21-й кавалерийский полк. Оказались хорошими ребятами — молодые и порядочными людьми — более взрослые.

17 октября. День рожденья моей дочери Тани. Ходила во флигель ее поздравить, подарила ей фарфоровую чашечку, последний подарок мне моей матери, и в чашечке 10-рублевый золотой. Спешу все раздать до моей смерти, которая близка. Мой удушливый кашель принял характер коклюша. Это 3-й коклюш в моей жизни. Оболенский и Сергеенко очень обострили свои отношения. Сергеенко зол и опасен[27]. Погода пасмурная и холодная, 5 гр. В доме холодно, окна не вставлены, печи не починены. Грозит война и сражение близ Ясной Поляны[28].

18 октября. Приехали внучка Анночка (Ильинична) и дочь Саша. Я им очень была рада. Вечером приехали Б. О. Гольденблат и Аля Сухотин. День свежий, я не выходила сегодня, тоскливо на душе. Все чего-то ждем.

19 октября. Было совещание, как оградить Ясную Поляну от погрома и грабежа.[29] Ничего еще не решили. По шоссе тянутся на Тулу обозы, волы, люди. Говорят, что это беженцы из Орла и с юга.

КОММЕНТАРИИ

Во втором томе печатаются Дневники С. А. Толстой 1901—1910 гг., периода, когда особенно обострились ее разногласия с Толстым. Поэтому в Дневниках много субъективного, пристрастного в оценках личности писателя, некоторых его произведений, его творческой энергии, его окружения и образа жизни. Еще при первом издании Дневников известный литературовед М. А. Цявловский писал об их «исключительной ценности» как материала для биографии Толстого, но предупреждал, что «пользоваться ими нужно с большой осторожностью» (см. об этом подробнее во вступит. статье к тому 1).

ДНЕВНИКИ

1901

(Стр. 7—35)

[1] Письмо Л. Л. Толстого к С. А. Толстой от 24 декабря 1900 г. (*ГМТ*).

[2] Письмо Т. Л. Сухотиной к С. А. Толстой от 27 декабря 1900 г. из Кочетов в Ясную Поляну (*ГМТ*).

[3] Н. Н. Черногубов, который занимался «собиранием и обработкой материалов для биографии» А. А. Фета, в письме к С. А. Толстой от 7 июня 1900 г. просил разрешения познакомиться с его письмами к Л. Н. и С. А. Толстым (*ГМТ*). См. *Дн.* 6 июня.

[4] Письмо от 8 января 1901 г. — Лев Толстой и В. В. Стасов. Переписка. 1878—1906. Л., 1929, с. 256.

[5] С. А. Толстая ошибочно объединила названия двух комедий — «Зараженное семейство» (1863—1864) и «Нигилист» (1866). Очевидно, она взяла из Румянцевского музея первую сохранившуюся рукопись комедии «Нигилист», на обложке которой рукой С. А. Толстой написано: «Продолжение комедии ⟨Нигилист⟩. «Зараженное семейство» (см. «Описание рукописей художественных произведений Л. Н. Толстого», № 1, М., 1955, с. 92).

[6] В. М. Дорошевич. За день. — «Россия», 1901, № 608, 4 января.

[7] По воспоминаниям Т. Л. Сухотиной Толстой смотрел пьесу Э. Лабиша в Малом театре. «Во время антракта он встретил в фойе знакомого профессора. ...—И вы, Лев Николаевич, пришли посмотреть этот вздор, — сказал он, усмехнувшись. — Я всегда мечтал написать нечто подобное, — сказал отец, — но у меня не хватило на это таланта» (*Т. Л. Сухотина*, с. 441).

[8] XX периодическая выставка картин Московского общества любителей художеств.

[9] По словам В. Ф. Лазурского, Толстой находил панораму Яна Стыки «интересной, хотя лица в ней слишком банальны» («Дневник В. Ф. Лазурского». — *ЛН*, т. 37/38, с. 501).

[10] Выбранный для прочтения на концерте отрывок из повести Толстого был предварительно представлен в цензуру, т. к. начальство, по словам С. А. Толстой, опасалось шумного успеха Толстого. «Полицеймейстер Трепов, — писала она, — мне делал запрос о том, не могу ли я усмирить публику в том случае, если будут шум и беспорядок» (*Моя жизнь*, 1901). См. *Дн.* 26 марта.

[11] Письмо С. А. Толстой от 7 декабря 1864 г. — *ПСТ*, с. 49—51.

[12] Письмо С. А. Толстой от 21 января 1901 г. — Лев Толстой и В. В. Стасов. Переписка. 1878—1906. Л., 1929, с. 257—258.

[13] Письмо М. Л. Оболенской к Толстому от 26 января 1901 г. (*ГМТ*). Письма Толстого к ней от конца января и 15 февраля см. — *ПСС*, т. 73, с. 30, 35. См. *Дн.* 12 февраля.

[14] См. *Дн.* 30 ноября 1900 г. и коммент. 14.

[15] См. *Дн.* 26 марта.

[16] И. И. Янжул посетил Толстого 10 февраля. На следующий день Толстой отметил в Дневнике: «Я спросил его о том, что́ он думает о смерти, об уничтожении или неуничтожении. Он не понимает» (*ПСС*, т. 54, с. 89). См. также статью И. И. Янжула «Страх смерти (разговор с Л. Н. Толстым)». — «Русская старина», 1910, № 12, с. XV—XVI.

[17] G. Ohnet. La Ténébreuse. P., 1901 (*ЯПб*).

[18] 24 февраля 1901 г. в «Церковных ведомостях» № 8 было опубликовано определение святейшего Синода от 20—22 февраля о Толстом, в котором говорилось: «Церковь не считает его своим членом и не может считать, доколе он не раскается и не восстановит своего общения с нею». 25 февраля этот документ появился в газетах. Это было официальное отлучение Толстого от церкви. В дневник вклеена вырезка из газеты.

[19] 26 февраля 1901 г. С. А. Толстая послала письмо обер-прокурору Синода К. П. Победоносцеву и митрополитам, подписавшим определение. Узнав о его содержании, Толстой сказал: «Об этом вопросе написано столько книг, что их и в этот дом не уложишь, а ты хочешь их учить своим письмом» (*Моя жизнь*, 1901). Письмо С. А. Толстой было напечатано 24 марта 1901 г. в прибавлении к № 17 неофициальной части «Церковных ведомостей» вместе с ответом митрополита Антония от 16 марта 1901 г. Вырезку из

газеты с этой публикацией и своими замечаниями на полях С. А. Толстая вклеила в дневник. «...Горестному негодованию моему нет пределов, — писала она. — И не с точки зрения того, что от этой бумаги погибнет духовно мой муж: это не дело людей, а дело божье. Жизнь души человеческой с религиозной точки зрения никому, кроме бога, не ведома и, к счастью, не подвластна. Но с точки зрения той церкви, к которой я принадлежу и от которой никогда не отступлю, которая создана Христом для благословения именем божиим всех значительнейших моментов человеческой жизни: рождений, браков, смертей, горестей и радостей людских... которая громко должна провозглашать закон любви, всепрощения, любовь к врагам, к ненавидящим нас, молиться за всех — с этой точки зрения для меня непостижимо распоряжение Синода. Оно вызовет не сочувствие (разве только «Московских ведомостей»), а негодование в людях и большую любовь и сочувствие Льву Николаевичу. Уже мы получаем такие изъявления — и им не будет конца — от всего мира».

[20] За участие в студенческих волнениях, происходивших в Киевском университете в начале января 1901 г., 183 студента были отданы в солдаты. Это послужило толчком для выступления в защиту пострадавших студентов в Петербурге и других городах. 25 февраля в Москве состоялась демонстрация рабочих и студентов.

[21] Письмо С. А. Толстой было опубликовано только в иностранных газетах. В России оно распространялось в гектографированном виде, так как Московским цензурным комитетом был разослан циркуляр о запрещении печатать телеграммы и другие материалы, «выражающие сочувствие» Толстому.

[22] Обращение Толстого «Царю и его помощникам» (*ПСС*, т. 34) было откликом на преследование правительством участников студенческих волнений (см. коммент. 20). Оно было послано Николаю II с письмом на его имя от 26 марта 1901 г. (*ПСС*, т. 73, с. 55), а также великим князьям и всем министрам.

[23] Концерт состоялся 17 марта 1901 г. В дневник подшита программа концерта.

[24] В письме митрополит Антоний писал С. А. Толстой 16 марта 1901 г.: «...Не то жестоко, что сделал Синод, объявив об отпадении от церкви вашего мужа, а жестоко то, что сам он с собой сделал, отрекшись от веры в Иисуса Христа, сына бога живого, искупителя и спасителя нашего. На это-то отречение и следовало давно излиться вашему горестному негодованию. И не от клочка, конечно, печатной бумаги гибнет муж ваш, а от того, что отвратился от источника жизни вечной... Вы получаете выражения

сочувствия от всего мира. Не удивляюсь сему, по думаю, что утешаться вам тут нечем. Есть слава человеческая и есть слава божия...» (*ГМТ*).

[25] На XXIX передвижной выставке в Петербурге экспонировалась картина И. Е. Репина «На молитве» (Толстой в лесу). Присутствовавшие 25 марта на выставке послали Толстому приветственную телеграмму с 398 подписями, письмо и 25 рублей, собранные в пользу бедных. Телеграмма не дошла до Толстого, т. к. было запрещено передавать ему сочувственные телеграммы. В письме к О. И. Ивановой от 20 апреля 1901 г. Толстой поблагодарил всех за деньги и «добрые... чувства» (*ПСС*, т. 73, с. 61).

[26] Л. О. Пастернак жил в Ясной Поляне с 2 по 14 июня 1901 г. и сделал ряд зарисовок с натуры для картины «Толстой в семье». Люксембургский музей в Париже предложил «пяти русским художникам... написать по картине из русской жизни для музея. Как самый интересный русский сюжет, — вспоминал Л. О. Пастернак, — я избрал Толстого — в семейной обстановке, и исполнил картину в искусственном вечернем освещении пастелью» (Л. О. Пастернак. Записи разных лет. М., 1975, с. 206). Картина находится в Русском музее.

[27] См. *Дн.* 6 января и коммент. 3.

[28] Кроме упомянутых работ, скульптор Н. Л. Аронсон за это время сделал два карандашных портрета Толстого и около восьмидесяти набросков (пять находятся в *ГМТ*). Бюсты: Толстого, бронза, и С. А. Толстой, гипс, — хранятся в *ГМТ*.

[29] О своем отношении к А. Л. Толстому и образу его жизни Толстой писал ему позднее, 22—23 августа (*ПСС*, т. 73, с. 129—131).

[30] Статья «Единственное средство» (*ПСС*, т. 34).

[31] Евангелие. СПб., 1894. На титульном листе помета С. А. Толстой: «Места, отмеченные граф. Львом Никол. Толстым, признаются им самыми важными в Евангелии. Гр. С. Толстая» (*ГМТ*).

[32] Статья «Единственное средство».

[33] Письмо королевы Елизаветы (псевд. Кармен Сильва) от 16/29 июля (*ГМТ*). 28 июля/10 августа Толстой благодарил королеву Елизавету за письмо и сообщал, что посланное произведение не получил (*ПСС*, т. 73, с. 106—107). В *ЯПб* его нет.

[34] Письмо Т. Л. Сухотиной к С. А. Толстой от 19 июля 1901 г. (*ГМТ*).

[35] В *ГМТ* хранится только письмо к С. Л. Толстому от 1 декабря 1901 г.

[36] Письмо к С. А. Толстой от 3 декабря 1901 г. (*ГМТ*).

[37] Доктор Д. П. Маковицкий приезжал в Ясную Поляну дважды: в 1894 и 1897 гг.

[38] А. М. Горький жил на даче в Олеизе (около 2-х км от Гаспры). 23—30 декабря 1901 г. он сообщал К. П. Пятницкому: «...у меня был Толстой... Очень нахваливал Леонида (Андреева) и меня за первую половину «Троих», а о второй сказал, что «это анархизм, злой и жестокий» (М. Горький, Собр. соч. в 30-ти томах, т. 28. М., 1954, с. 210).

1902

(Стр. 35—87)

[1] Письмо С. Н. Толстой от 10 декабря 1901 г. и А. В. Толстой (урожд. Глебовой) от 19 декабря 1901 г. (*ГМТ*).

[2] И. Мадзини. Об обязанностях человека. М., 1902 (*ЯПб*). Толстой считал эту книгу «превосходной» (*ПСС*, т. 54, с. 118). См. также письмо Толстого к сыну Мадзини, Luciano Mazzini, от 7/20 марта 1905 г. (*ПСС*, т. 75, с. 233).

[3] Л. Л. Толстой. Поиски и примирение. — «Ежемесячные сочинения», 1902, № 1—12 (журнал выходил под редакцией И. И. Ясинского). Прототипами некоторых отрицательных персонажей романа послужили последователи Толстого, и это, возможно, беспокоило С. А. Толстую. См. *Дн.* 10 февраля.

[4] Письмо к Николаю II, в котором Толстой решил сказать царю о тяжелом положении народа и о необходимости уничтожения «возмутительно несправедливого права земельной собственности», он начал 26 декабря 1901 г. Закончил его 16 января 1902 г. (*ПСС*, т. 73, с. 184—191). Толстой просил вел. кн. Николая Михайловича передать это письмо царю. Получив согласие вел. кн., он послал ему незапечатанным письмо к царю с тем, чтобы Николай Михайлович мог прочесть его и «решить еще раз, удобно ли» ему передать письмо (сопроводительное письмо от 16 января. — *ПСС*, т. 73, с. 183—184). Николай Михайлович выполнил просьбу Толстого. См. письмо Толстого к нему от 5 апреля 1902 г. (*ПСС*, т. 73, с. 228—230).

[5] А. П. Чехов, который жил в Ялте и первый раз посетил Толстого вскоре же по его приезде в Крым, неоднократно виделся с ним.

[6] Сатирический фельетон А. В. Амфитеатрова «Господа Обмановы» (о царской семье). — «Россия», 1902, № 974, 12 января. Автор был сослан в Минусинск, а газета закрыта.

[7] Письмо С. И. Танеева от 18 января 1902 г. (*ГМТ*).

[8] В фельетоне В. П. Буренина «Критические очерки. Разговор

с разочарованным. Разговор третий» (*Н. вр.*, 1902, № 9294, 18 января) Толстой прочитал следующее четверостишие из народной песни:

Зачал старинушка покряхтывать,
Зачал старинушка покашливать,
Пора старинушке под холстинушку,
Под холстинушку да и в могилушку.

23 января 1902 г. Толстой, переписав в дневник эти «чудные стихи», отметил: «Что за прелесть народная речь. И картинно, и трогательно, и серьезно» (*ПСС*, т. 54, с. 119—120).

[9] См. коммент. 4.

[10] В Дневнике Толстого рукой М. Л. Оболенской записано: «Ценность старческой мудрости возвышается, как брильянты, каратами: самое важное на самом конце, перед смертью. Надо дорожить ими, выражать и давать на пользу людям» (*ПСС*, т. 54, с. 120—121).

[11] Толстой продолжал работу над статьей «О веротерпимости».

[12] О смерти А. В. Олсуфьева, знакомого семьи Толстых, умершего 9 сентября 1901 г. от сахарной болезни, Толстой писал С. Н. Толстому 6 ноября 1901 г.: «...утром ходил, за 10 минут говорил, знал, что умирает, прощался со всеми, давал советы детям и часто повторял: я никак не думал, что так легко умирать» (*ПСС*, т. 73, с. 158).

[13] Запись 31 января 1902 г. сделана в Записной книжке рукой П. А. Буланже. — *ПСС*, т. 54, с. 267. В эти дни Толстой диктовал также вставки в статьи «О веротерпимости» и «Что такое религия и в чем сущность ее?».

[14] Телеграмма С. Н. Толстому от 31 января 1902 г. о состоянии здоровья (*ПСС*, т. 73, с. 206).

[15] Запись в Дневнике 1 февраля 1902 г. сделана М. Л. Оболенской «не под диктовку, а со слов по памяти». — *ПСС*, т. 54, с. 123.

[16] О пребывании И. Л. Толстого в Гаспре см. в кн.: *И. Л. Толстой*, с. 227—229.

[17] Очевидно, первая редакция Предисловия к «Солдатской памятке» и «Офицерской памятке». Текст написан рукой М. Л. Оболенской и датирован 8 февраля (не опубликован, *ГМТ*).

[18] Вероятно, вторая редакция Предисловия (см. коммент. 17) (*ПСС*, т. 34, с. 278—279).

[19] Статья «Христианское учение», гл. 7 и 9 (*ПСС*, т. 39, с. 125 и 127).

[20] Опубликованию романа Л. Л. Толстого «Поиски и примирение» (см. коммент. 3) предшествовало рекламное объявление в

«Биржевых ведомостях», 1901, №№ 343 и 346, 16 и 19 декабря, в котором было сказано, что в романе «Льва Толстого-сына» изображено «толстовство». Об отношении Толстого к сочинению сына О. К. Толстая писала 3 декабря 1901 г. из Гаспры А. К. Чертковой: «Вчера вечером Лев Николаевич ужасно сокрушался и возмущался писаниями Левы, его бестактностью, бездарностью и самоуверенностью» (*ГМТ*). 29 января 1902 г. Л. Л. Толстой приехал на несколько дней в Гаспру. После отъезда он писал С. А. Толстой 5 февраля 1902 г.: «Скажите ему, что я люблю его, и поцелуйте его руку и попросите у него от меня прощение за то, что я огорчил его» (*ГМТ*). Продиктованный Толстым ответ записан рукой М. Л. Оболенской в Записной книжке Толстого (*ПСС*, т. 54, с. 263; т. 73, с. 207).

[21] Статья «Христианское учение», гл. 60 и 64 (*ПСС*, т. 39, с. 184—185, 190—191).

[22] Рассказ «Куколки-скелетцы» (окончательное заглавие) вошел в книгу: С. А. Толстая. Куколки-скелетцы и другие рассказы. М., 1910 (*ЯПб*). См. вступ. статью.

[23] На письмо митрополита Антония к С. А. Толстой от 11 февраля 1902 г. (*ГМТ*) ответил 21 февраля 1902 г. С. Л. Толстой: «Ваше Высокопреосвященство, отец мой Лев Николаевич Толстой поручил мне написать Вам, что он Вас умоляет оставить его и его жену, а мою матушку, в покое, так как Вами и другими представителями православной церкви все, что можно было сказать, уже сказано, и больше говорить не о чем. С своей стороны я позволю себе добавить, что врачи предписывают отцу полный душевный покой, нарушение которого существенно влияет на ход его выздоровления» (*ГМТ*).

[24] Возможно, продиктованы были поправки к Предисловию (см. коммент. 17), которые внесены на полях рукописи.

[25] Письмо не было отправлено (черновик хранится в *ГМТ*). См. *Дн.* 15 февраля и коммент. 23.

[26] Письмо К. А. Хрептович-Бутенева от 16 февраля 1902 г. (*ГМТ*). См. *Дн.* 12 ноября 1900 г.

[27] Письмо М. М. Дондуковой-Корсаковой к С. А. Толстой от 19 февраля 1902 г. (*ГМТ*).

[28] Письмо Толстого к врачу Л. Б. Бертенсону от 3 марта 1902 г. (*ПСС*, т. 73, с. 211—212).

[29] П. А. Буланже жил в Гаспре с 30 января по 22 февраля 1902 г. и ухаживал за больным Толстым (см. его воспоминания «Болезнь Л. Н. Толстого в 1901—1902 гг.» — «Минувшие годы», 1908, № 9). После его отъезда Толстой писал ему почти каждый день — с 23 февраля до 27 марта известны 17 писем к П. А. Буланже, написанных под диктовку (*ПСС*, т. 73, с. 208—227).

[30] А. О. Оганджаньян.

[31] Толстой перефразирует стихотворение А. С. Пушкина «Золото и булат».

[32] Р. В. Эмерсон. Высшая душа. М., изд. «Посредник», 1902 (*ЯПб*).

[33] Письмо к Е. В. Оболенской от 15 марта 1902 г. (*ПСС*, т. 73, с. 218).

[34] Д. С. Сипягин был убит С. В. Балмашевым 2 апреля 1902 г.

[35] Письмо к вел. кн. Николаю Михайловичу от 5 апреля 1902 г. (*ПСС*, т. 73, с. 228—230).

[36] XXX выставка картин Товарищества передвижных художественных выставок.

[37] Опера-буфф В. А. Моцарта «Все они таковы, или Школа влюбленных», либретто Л. да Понте.

[38] Письмо вел. кн. Николая Михайловича от 11 мая 1902 г. (*ЛН*, т. 37/38, с. 308—309) — ответ на письмо Толстого от 25 апреля — 1 мая 1902 г. о земельной собственности и проекте Генри Джорджа (*ПСС*, т. 73, с. 236—240).

[39] Продиктованный текст по содержанию относится к статье «К рабочему народу» (*ПСС*, т. 35).

[40] Фильдинг. Душа одного народа. Рассказ английского офицера о жизни его в Бирме. М., «Посредник», 1902. В *ЯПб* хранится экземпляр с дарственной надписью: «Дорогому Льву Николаевичу Толстому всем обязанный и преданный ему переводчик. 13 апр. 1902. Москва. П. Буланже». См. *Дн.* 24 декабря 1898 г.

[41] Толстой продолжал работу над статьей «К рабочему народу».

[42] Речь идет о разногласиях Толстого с С. А. Толстой по вопросу о приглашении башкир в Ясную Поляну: по совету врачей Толстому необходимо было пить кумыс (см. письма Толстого к П. А. Буланже от 22 мая и М. Л. Оболенской от 11 июня 1902 г. — *ПСС*, т. 73, с. 245, 256—257).

[43] Стихотворение Е. А. Баратынского «Смерть» (1828) было включено Толстым в первое издание «Круга чтения». М., «Посредник», 1906, т. 2, с. 193—194. Вероятно, С. А. Стахович прочитала одно из стихотворений А. А. Фета: «Смерти» (1856 или 1857), «Смерть» (1878) или «Смерти» (1884).

[44] Работу над повестью «Хаджи-Мурат» Толстой возобновил 24 июля 1902 г. «Пересмотрел весь Хаджи-Мурат», — отметил он в этот день в настольном календаре (*ПСС*, т. 54, с. 308).

[45] С. А. Толстая приступила к подготовке одиннадцатого издания «Сочинений графа Л. Н. Толстого», ч. 1—14. Вышло в Москве в 1903 г.

[46] Работу «Подвижной контрапункт старого письма» С. И. Танеев закончил в 1908 г. и опубликовал в 1909 г. (*ЯПб*, с дарственной надписью).

[47] Э. Моод с 9 по 13 июля пробыл в Ясной Поляне, куда он приехал в связи с работой над биографией Толстого.

[48] Какая брошюра была прислана С. А. Толстой, не установлено. 8 августа 1902 г. Толстой отметил в дневнике: «Брошюра священника — больно. За что они ненавидят меня?» (*ПСС*, т. 54, с. 136).

[49] В. В. Стасов и И. Я. Гинцбург по приглашению С. А. и Л. Н. Толстых пробыли в Ясной Поляне с 10 по 14 августа (Лев Толстой и В. В. Стасов. Переписка. 1878—1906. Л., 1929, с. 275—276). Во время этой встречи Толстой просил В. В. Стасова прислать ему материалы для работы над «Хаджи-Муратом», список которых передал ему. Опубл. — *ПСС*, т. 73, с. 276—277.

[50] Об этом событии (в конце 1855 г.) упоминается в нескольких биографиях, составленных при жизни Толстого. Последний биограф Толстого Н. Н. Гусев, проверивший все факты, утверждает, что невозможно установить «определенно, кто был инициатором перевода» (*Гусев. Материалы*, I, с. 560—561).

[51] Черновой набросок сказки на этот сюжет (без заглавия) был написан Толстым в письме к В. Г. Черткову (*ПСС*, т. 86, с. 62—63) и опубл. под названием «Мудрая девица» (*ПСС*, т. 26). Этот же сюжет Толстой предложил Н. С. Лескову (см.: А. Б. Гольденвейзер. Вблизи Толстого. М., 1959, с. 133), который написал повесть «Час воли божией» («Русское обозрение», 1890, № 11). В письме к Н. С. Лескову от 3 декабря 1890 г. Толстой изложил свое мнение о повести (*ПСС*, т. 65, с. 198). Позднее набросок «Мудрая девица» послужил Толстому канвой для сказки «Три вопроса» (1903) (*ПСС*, т. 34).

[52] Толстой писал В. Г. Черткову 11 октября 1902 г.: «Кончил «Хаджи-Мурата», который в неотделанном вполне виде отложил и при жизни не буду печатать» (*ПСС*, т. 88, с. 278). Но работу над повестью Толстой продолжал до 1905 г.

[53] Толстой начал работу над статьей «К духовенству» (*ПСС*, т. 34).

[54] См. *Дн*. 22 апреля 1891 г. и коммент. 54.

[55] Первое завещание было написано Толстым в Дневнике 27 марта 1895 г. (*ПСС*, т. 53, с. 14—16). М. Л. Оболенская, скопировав эту запись, в августе 1901 г. дала отцу подписать ее. Толстой, подписывая, попросил дочь хранить документ у себя (подробнее см. — *ПСС*, т. 54, с. 640—644).

[56] 13 июля 1902 г. к С. А. Толстой приезжал владелец издательства «Просвещение» Н. С. Цетлин «с предложением купить издание на вечное владение за миллион рублей». С. А. Толстая не согласилась (*Е.*, 13 июля 1902 г.).

[57] См. коммент. 45.

[58] Последняя авторская дата на рукописи — 1 ноября. Статья вышла в изд. «Свободное слово» в 1903 г.

[59] Легенда «Разрушение ада и восстановление его», над которой Толстой работал с 1 ноября 1902 г. до конца года, была задумана как иллюстрация к статье «К духовенству». С. Я. Елпатьевскому она не понравилась (см.: С. Елпатьевский. Литературные воспоминания. М., б/г, с. 48).

[60] П. А. Кропоткин. Записки революционера. Лондон, 1902. По признанию Толстого, «чтение прекрасных записок Кропоткина» содействовало тому, что он стал обдумывать свои воспоминания, а в январе 1903 г. начал их писать (см. письмо к В. Г. Черткову от 11 января 1903 г. — *ПСС*, т. 88, с. 284—285).

[61] Письмо Толстого опубл. в *Р. вед.*, 1902, № 343, 12 декабря (*ПСС*, т. 73, с. 341). Несмотря на опубликование письма, бюллетени о его здоровье продолжали появляться в газетах.

[62] М. Таубе. История зарождения современного международного права, тт. 1—3. СПб., 1894—1902. Том 3-й этого издания вышел под заглавием: «Международный строй средневековой Европы во время мира». СПб., 1902 (*ЯПб*, с пометами Толстого).

[63] См. *Дн.* 1 января 1903 г. и коммент. 2.

1903

(Стр. 87—98)

[1] Письмо Т. Л. Сухотиной к С. А. Толстой от 23 декабря 1902 г. (*ГМТ*). См. письмо Толстого к Т. Л. Сухотиной от 9 января 1903 г. (*ПСС*, т. 74, с. 11).

[2] Ясную Поляну посетили Том Феррис и Берт Роу, которые прибыли в Россию, чтобы встретиться с Толстым и поговорить о спиритизме. Из-за нездоровья Толстого беседа была короткой.

[3] А. С. Аренский. «Кубок», баллада для соло, хора и оркестра, ор. 61, на слова Ф. Шиллера в переводе В. А. Жуковского.

[4] В декабре 1902 г. Толстой задумал составить календарь, в котором к каждому дню были бы даны высказывания мыслителей. «Подумайте, — говорил он Х. Н. Абрикосову, — вместо всякой чепухи будут читаться изречения величайших мудрецов» (Х. Н. Абрикосов. Двенадцать лет около Толстого.— *Летописи*, кн. 12, с. 439—440). В первых числах января 1903 г. Толстой

приступил к отбору афоризмов (список источников см. *ПСС*, т. 40, с. 479—480). Работа была закончена 23 января 1903 г. Сборник вышел в свет в издательстве «Посредник» 28 августа 1903 г. под названием: «Мысли мудрых людей на каждый день» (*ПСС*, т. 40).

[5] В «Новом времени», 1903, № 9673, 7 февраля, опубл. письмо С. А. Толстой, в котором она высказала отрицательное мнение о рассказе Л. Н. Андреева «Бездна». С. А. Толстая присоединилась к отзыву В. П. Буренина (*Н. вр.*, 1903, № 9666, 31 января).

[6] Сведения об эпохе Николая I и кавказской войне нужны были для работы над «Хаджи-Муратом».

[7] Об этом писал Иванов из Одессы в письме от 8 февраля 1903 г. (*ГМТ*).

[8] Литературный критик В. В. Розанов и его жена приехали к Толстым познакомиться и побеседовать. Толстой «был поражен... малой образованностью» В. В. Розанова, и он ему был «мало интересен» (письмо к С. Н. Толстому от 10 марта 1903 г. — *ПСС*, т. 74, с. 67. См. также Л. Л. Толстой. Из дневника. — «Столица и усадьба», 1914, № 4, с. 4—5).

[9] Строка из стихотворения Ф. И. Тютчева «Silentium!» (1830).

[10] Толстой писал 3 июня 1903 г. П. И. Бирюкову: «Теперь бьюсь над главою о Николае Павловиче, которая... мне очень кажется важна, служа иллюстрацией моего понимания власти» (*ПСС*, т. 74, с. 140). В эти дни он читал книгу Н. К. Шильдера «Император Николай I, его жизнь и царствование» (СПб., 1903) (*ЯПб*) и находил в ней «очень много интересного» (*ПСС*, т. 54, с. 177).

[11] Патер Семери и профессор теологии Моноччи по пути из Рима в Маньчжурию посетили Ясную Поляну.

[12] Крестьянин А. Н. Агеев в январе 1903 г. был приговорен к ссылке на поселение в Сибирь за богохульство. Желая помочь ему и его семье, Толстой принял деятельное участие в его деле. По его просьбе Н. В. Давыдов составил прошение о помиловании, и Толстой в письме от 7 апреля 1903 г. просил А. В. Олсуфьева передать это прошение царю (*ПСС*, т. 74, с. 103—104). Прошение о помиловании было отклонено министром юстиции Н. В. Муравьевым, и 29 августа 1903 г. А. Н. Агеев был отправлен в Сибирь.

[13] Сохранилось четыре автографа этого письма. Последняя редакция, отличающаяся от записи в Дневнике, опубл. в кн.: *ПСТ*, с. 617—618. Приведенная в письме дневниковая запись Толстого относится к 6 октября 1895 г. В подлиннике вычеркнуты 17 строк (*ПСС*, т. 53, с. 59).

1904
(Стр. 98—107)

[1] Делегация студентов Горного института привезла Толстому адрес с выражением чувства глубочайшей любви и уважения (*ГМТ*), и ее члены хотели побеседовать об аграрном вопросе и студенческом революционном движении. См. воспоминания А. Н. Тихонова, который был в составе делегации. — Н. Серебров. Время и люди. М., 1955, с. 227—249.

[2] Репетиции пьесы А. П. Чехова «Вишневый сад» шли в Московском Художественно-общедоступном театре (ныне МХАТ).

[3] В январе 1904 г. Толстой начал работу по составлению «Круга чтения».

[4] Стихи были опубл. в «Журнале для всех», 1904, № 3.

[5] Русско-японская война началась 27 января 1904 г., и с этого же дня в Дневнике Толстого появились записи его мыслей об этом «страшном деле», как он называл войну (*ПСС*, т. 55, с. 10—11).

[6] Повесть «Фальшивый купон» была начата во второй половине 1880-х годов. Толстой неоднократно возвращался к работе над ней, наиболее интенсивно она шла с октября 1902 г. по февраль 1904 г. Произведение осталось незавершенным и при жизни Толстого не печаталось (*ПСС*, т. 36).

[7] В мае 1851 г. Толстой вместе с старшим братом Николаем Николаевичем выехал на Кавказ, где служил Н. Н. Толстой. В качестве волонтера участвовал в июне 1851 г. в набеге и описал это в рассказе «Набег» (*ПСС*, т. 3). 3 января 1852 г. поступил юнкером в артиллерию, а в январе 1854 г. был произведен в прапорщики и перешел по своему желанию в Дунайскую армию, а затем в ноябре того же года — в Севастополь и пробыл там до конца обороны.

[8] Письмо А. Л. Толстого к С. А. Толстой от 10 августа 1904 г. (*ГМТ*).

[9] 11 августа 1904 г. Толстой уехал в Пирогово, где пробыл до 21 августа. «Думаешь, что можешь быть ему полезен в самом главном — в душевном состоянии», — писал он в эти дни жене (*ПСС*, т. 84, с. 366—367). С. Н. Толстой скончался 23 августа 1904 г.

1905
(Стр. 108—109)

[1] П. И. Бирюков был выслан из России в 1897 г. за участие в помощи духоборам. Разрешение вернуться из эмиграции он получил после манифеста об амнистии 11 августа 1904 г. В Ясную Поляну приехал 24 декабря 1904 г. и прожил там до 3 января 1905 г.

[2] К собиранию материалов и составлению биографии Толстого П. И. Бирюков приступил в 1901 г. Первый том вышел в свет в 1906 г. в изд-ве «Посредник» под названием: «Лев Николаевич Толстой. Биография».

[3] В январе 1905 г. (последняя авторская дата: 2 февраля) Толстой написал статью «Об общественном движении в России» (*ПСС*, т. 36). Она была ответом на многочисленные письма, в которых Толстого просили высказаться по поводу агитации земств за ограничение самодержавия и введение представительного образа правления и по поводу петербургских событий 9 января 1905 г. Статья издана В. Г. Чертковым в Англии в изд. «Свободное слово», 1905, № 92.

[4] О событиях 9 января 1905 г. в Петербурге в Ясной Поляне узнали из газет 11 января и из рассказов приехавшего П. А. Буланже (см.: *ЯЗ*, I, с. 81—84).

1908

(Стр. 109—118)

[1] Толстой продолжал начатую в августе 1907 г. переработку «Круга чтения» для второго издания.

[2] В черновом варианте письма лицам и учреждениям, приславшим поздравления ко дню восьмидесятилетия, Толстой писал: «Благодарю и всех тех, которые писали мне, и тех милых людей, которые своими подарками, как петербургские официанты, приславшие мне в подарок прекрасный самовар с надписями, и рабочие и некоторые другие, которые меня особенно тронули» (*ПСС*, т. 78, с. 242).

[3] Альбом с рисунками Н. А. Касаткина, Ап. М. Васнецова, Батурина, Л. О. Пастернака и др. (акварель, пастель, карандаш) был прислан Толстому Московским обществом любителей художеств (хранится в Музее-усадьбе «Ясная Поляна»).

[4] Е. Черчопова прислала вышивку гладью: Толстой на пашне. Портрет прислал художник Гусикьянц.

[5] Письмо табачной фабрике «Оттоман» (в Петербурге) от 3 сентября 1908 г. (*ПСС*, т. 78, с. 224—225).

[6] Посылка была получена в Ясной Поляне 1 сентября 1908 г. На отрезном купоне указаны московский адрес и фамилия отправительницы — О. А. Маркова. Толстой ответил О. А. Марковой 3 сентября 1908 г. «Очень порадуете меня, если объясните причину вашего недоброго чувства», — писал он (*ПСС*, т. 78, с. 223). Позднее Н. Н. Гусев установил, что по указанному адресу О. А. Маркова не жила. Подробнее см. в кн.: *Гусев*, с. 201—202.

[7] Ч.-Т. Райт, библиотекарь Британского музея, приехал в Ясную Поляну 28 августа 1908 г. Он привез Толстому поздравительный адрес от английских почитателей, в котором говорилось: «Смелость и искренность, с какою Вы представили перед человечеством новые и возвышенные идеалы, заставили мир полюбить Вас» (*ГМТ*). Его подписали художники, артисты, музыканты, общественные деятели, писатели, среди которых Б. Шоу.

[8] Письмо Г. Я. Политковского от 5 сентября 1908 г. (*ГМТ*). По поручению Толстого 13 сентября 1908 г. ему ответил Н. Н. Гусев (*ПСС*, т. 78, с. 358).

[9] Описываемое событие произошло 13 июня 1853 г. Некоторые подробности этого эпизода позднее были использованы Толстым в рассказе «Кавказский пленник» (*ПСС*, т. 21, с. 304—306).

[10] Сохранилось пять черновиков этого письма, первый от 8 сентября, окончательный вариант датирован 5 октября. Он был опубл. во многих газетах 8 октября 1908 г. (*ПСС*, т. 78, с. 239—242).

[11] Стихотворение «Опять осенний блеск денницы» было прислано А. А. Фетом С. А. Толстой с письмом от 14 сентября 1891 г. (*ГМТ*).

[12] Прокламация была выпущена в Туле эсерами. По просьбе Толстого к нему пришли четверо (а не восемь) тульских рабочих-печатников, примыкавших к этой партии. Подробную запись беседы см. в кн.: Н. Н. Гусев. Лев Толстой против государства и церкви. Берлин, ⟨1913⟩, с. 42—55. См. также письмо Толстого группе тульских рабочих от 15 сентября 1908 г. (*ПСС*, т. 78, с. 229—230).

[13] Фамилия посетителя неизвестна. После встречи с ним Толстой записал в Дневнике 14 сентября 1908 г.: «Оставил тяжелое впечатление» (*ПСС*, т. 56, с. 151).

[14] Неточная цитата из стихотворения А. А. Фета «Осенняя роза» (1886).

[15] Письмо М. Н. Толстой к Л. Н. Толстому от 6 сентября 1908 г. (*ГМТ*).

[16] Книгу Н. А. Морозова «Откровение в грозе и буре. История возникновения Апокалипсиса» (Н., 1907) с дарственной надписью: «Льву Николаевичу Толстому в знак глубокого уважения автора. 31 марта. *Н. Морозов*», Толстой получил в апреле 1907 г. (*ЯПб*). Отзыв о ней он сообщил Н. А. Морозову в письме от 6—11 апреля (*ПСС*, т. 77, с. 78).

[17] В. Д. Лебедева вспоминала: «Весь вечер... граф расспрашивал Морозова о жизни в крепости». А при прощании «выражал желание, чтобы Морозов приехал и пробыл несколько дней... Сказал, что в первый раз в жизни ему приходится видеть человека, проведшего 20 лет в тюрьме» (Вера Л. Встречи с Л. Н. Толстым. — «Современник», 1912, № 4).

1909
(Стр. 118—119)

[1] С. А. Толстая переписывала черновики рассказа «Кто убийцы? Павел Кудряш», над которым Толстой работал с декабря 1908 г. до 25 февраля 1909 г. Произведение осталось незаконченным и при жизни Толстого не печаталось (*ПСС*, т. 37).

[2] Это был второй приезд клавесинистки Ванды Ландовской в Ясную Поляну. Об ее игре в этот раз Толстой отозвался так: «...играет мило, приятно, но не переворачивает душу, что, как ни тяжело это бывает, люблю испытывать» (из письма к М. С. Сухотину от 15 января 1909 г. — *ПСС*, т. 79, с. 31).

1910
(Стр. 119—226)

[1] Первую половину 1910 г. С. А. Толстая не вела дневника. Настоящая запись является первой.

[2] Дневник Толстого за 1910 г. записан в двух тетрадях. Вторую тетрадь он начал 14 июня в Отрадном (см. *ПСС*, т. 58, с. 65). У Черткова хранились семь тетрадей дневников с 19 мая 1900 по 13 июня 1910 гг.

[3] У Толстого: «Хочу попытаться сознательно бороться с Соней добром, любовью» (см. *ПСС*, т. 58, с. 67, запись 20 июня).

[4] 22 июня произошло резкое ухудшение болезненно-истерического состояния С. А. Толстой. По ее настоянию Толстому была отправлена телеграмма: «Софье Андреевне сильное нервное расстройство, бессонницы, плачет, пульс сто, просит телеграфировать. *Варя*» (см. *ПСС*, т. 84, с. 398). По свидетельству В. М. Феокритовой телеграмма была продиктована С. А. Толстой.

[5] Запись 22 июня (*ПСС*, т. 58, с. 68).

[6] Ср. *ПСС*, т. 82, с. 59.

[7] Ср. *ПСС*, т. 84, с. 398.

[8] Чертков получил разрешение проживать в Телятинках на время пребывания там его матери. Он приехал туда 27 июня.

[9] Вошла в состав XII части изд. 1910—1911 гг.

[10] Вошли в состав XII части изд. 1910—1911 гг.

[11] Письмо от 1 июля, где С. А. Толстая объясняла причины изменения своего отношения к Черткову, главная из которых — хранение им дневников Толстого. «Если вам хоть сколько-нибудь дороги отношения со мной и спокойствие Льва Николаевича, которое вполне восстановится, если мы с вами будем дружны в последние годы жизни Льва Николаевича, — писала она, — то я

прошу вас с болью сердца, с готовностью еще больше любить и ценить вас, — отдайте мне дневники Льва Николаевича! ...если вы исполните мою просьбу, то мы будем друзьями, более чем когда-либо. Если же нет, — то Льву Николаевичу будет больно видеть наши отношения; переломить же мое сердце в другую сторону — я не в состоянии. Поразило слишком меня это исчезновение дневников» (письмо вписано в текст дневника, опубл. *ДСТ*, IV, с. 258—259).

[12] В записке Толстому Чертков писал: «Дорогой Л. Н. Ввиду вашего желания получить обратно от меня дневники ваши, которые вы мне передали для исключения из них указанного мне вами, я поспешу окончанием этой работы и верну эти тетради, лишь только окончу эту работу. *1 июля 1910 г. В. Чертков*» (цит. *ДСТ*, IV, с. 305).

А. Л. Толстая записала в дневнике: «Решено было сделать выборку тех мест, которые нежелательно давать Софье Андреевне, вырезав эти страницы, и остальные давать ей» (*ГМТ*).

[13] См. запись 16 июля и коммент. 35, 37.

[14] Л. Л. Толстой 2 июля приехал из Парижа и прожил в Ясной Поляне до 1 сентября.

[15] Последователи поэта и религиозного проповедника А. М. Добролюбова, призывавшего к занятию земледельческим трудом и опрощению.

[16] Е. И. Черткова была последовательницей английского проповедника Гренвиля Редстока: по его истолкованию Евангелия следовало, что человек своей верой в искупление рода человеческого смертью Христа обретает спасение от грехов.

[17] Пожар произошел в деревне, принадлежавшей Т. Л. Сухотиной. Подозревали, что причиной пожара был поджог, совершенный либо душевнобольным В. А. Репиным, либо деревенским подростком, которого приютила М. А. Шмидт.

[18] В *ПСС* опубликовано 21 письмо Толстого к М. А. Шмидт, написанные им до пожара. Все они, кроме одного (от 3 августа 1887 г.), печатались по копиям, хранившимся у Черткова. У него же сохранились сделанные М. А. Шмидт копии «Исследования догматического богословия», последней редакции сказки «Работник Емельян» и др.

[19] «История поездки Льва Николаевича к Черткову в сентябре 1909 г. в Крекшино» (*ГМТ*).

[20] В Отрадном Толстой возобновил работу над начатой в марте статьей «О самоубийстве», которая теперь получила название «О сумасшествии», а впоследствии «О безумии». Осталась незаконченной. См. *ПСС*, т. 38.

[21] Софью и Илью — детей А. Л. Толстого от его первого брака с О. К. Дитерихс, которые жили в Телятинках у Черткова.

[22] Брошюра «Усилие» — XX глава сборника «Путь жизни» (М., 1910), составленного из отдельных выпусков — «книжечек» (*ПСС*, т. 45).

[23] У Толстого хранились корректуры «Воскресения» с его правкой. В типографию «Нивы», где печатался роман, как правило, посылались дубликаты, с перенесенной авторской правкой. С. А. Толстой эти корректуры были нужны в связи с подготовкой текста романа для своего издания. См. коммент. 29.

[24] См. коммент. 42 к *Дн.* 1887 г.

[25] Чертков, стремясь устранить возникший конфликт, в своем письме писал: «Слова мои о том, что я мог бы, если бы хотел, вам «напакостить», вызваны были тем недоверием и теми подозрениями, которые вы проявляли ко мне перед тем, предполагая, без малейшего основания, что я хочу стать между Л. Н—ем и вами, овладеть какими-то материалами и вообще злоупотребить доверием ко мне Л. Н—ча и моими близкими отношениями к вашей семье... Я указал вам на то, что до сих пор никогда не злоупотреблял моим близким в силу обстоятельств знакомством с интимной стороной вашей семейной жизни, что никогда не совершал в этом отношении никаких indiscrétions (нескромностей) и что никогда не сделаю этого и в будущем, *несмотря на то*, что располагаю уже давно достаточными данными для того, чтобы повредить вам с этой стороны, если бы я пожелал это сделать. Но вы были тогда взволнованы и, не дав мне договорить и не обратив внимания на действительный смысл моих слов, вы ухватились за отдельные мои слова, придав им смысл угрозы, которая была совершенно чужда моим мыслям» (цит. по *ДСТ*, IV, с. 307). Чертков слова не сдержал и сделал ряд тенденциозных публикаций о семейной драме Толстого.

[26] С. А. Толстая снимала копии со своих писем к Толстому; некоторые из них она предполагала включить в сборник «Писем Л. Н. Толстого к жене».

[27] Толстой читал сборник рассказов П. Милля «La Biche écrasée», Paris, 1909 (*ЯПб*), присланный ему автором вместе с письмом от 13 апреля (текст письма см.— *ПСС*, т. 58, с. 442—443). Рассказ «La Biche écrasée» Толстой нашел «прелестным» (там же, с. 77), нравились ему и другие рассказы, вошедшие в сборник (там же).

[28] См. коммент. 83.

[29] Н. В. Давыдов по просьбе С. А. Толстой занимался подготовкой текста «Воскресения» для ее издания. 27 июня он писал ей: «Взятое на себя поручение я исполнил и, прочитав

«Воскресение» по чертковскому заграничному изданию, отметил в особой тетрадке все то, что, по моему мнению, необходимо выпустить, дабы не подвергнуть издание конфискации, а издателя той или другой каре. Затем я предполагал бы приехать к вам в Ясную Поляну с книжкой и тетрадкой 9 или 10 июля» (*ГМТ*).

[30] Речь идет о книге Андре Жида. «Le Retour de l'Enfant prodigue», Париж, 1909 (*ЯПб*), привезенной по просьбе автора Ш. Саломоном Толстому. Ему она не понравилась — см. *ПСС*, т. 58, с. 47 и 445.

[31] Ш. Саломон в письме к Черткову от 4 апреля 1932 г. вспоминал: «La Biche écrasée» имела большой успех, особенно одно место, которое Толстой заставлял меня читать и перечитывать на второй и на третий день перед новыми гостями» (цит. по *ПСС*, т. 58, с. 444).

[32] 18 июня, вскоре после приезда Толстого в Отрадное, во многих центральных газетах было опубликовано следующее письмо Черткова от 13 июня: «Ввиду того, что в печати уже появились сообщения о приезде Льва Н—ча Толстого ко мне погостить, считаю необходимым предупредить лиц, могущих пожелать повидаться с ним здесь, что когда Л. Н. временно уезжает из Ясной Поляны, то он нуждается в отдыхе и ищет возможно большего уединения. А потому со стороны тех, кто дорожит его покоем и здоровьем, наилучшее средство проявить свое доброе к нему отношение, это — воздерживаться в этих случаях от посещения его... Делаю это заявление с ведома Л. Н—ча и в уверенности, что те, кто относятся к нему доброжелательно, поймут побуждения, вызвавшие эту мою просьбу, и поступят согласно с нею».

[33] Письмо от 12 июля — см. *ПСС*, т. 89, с. 192.

[34] Письмо от 12 июля было привезено из Телятинок Гольденвейзером, и, по его словам, Софья Андреевна «не вернула его Черткову, сказав, что потеряла его» (*Гольденвейзер*, II, с. 116). Оно печатается по копии, сделанной П. А. Сергеенко.

[35] Письмо, написанное утром 14 июля, в котором Толстой сообщал о своем решении: «1) Теперешний дневник никому не отдам, буду держать у себя. 2) Старые дневники возьму у Черткова и буду хранить сам, вероятно, в банке». Кроме того, в этом письме Толстой объяснял причины его расхождений с женой и предлагал «условия доброй, мирной жизни», и если они не будут приняты, — писал он, — то он «уедет» из Ясной Поляны (см. *ПСС*, т. 84, с. 398—401).

[36] Имеется в виду канцелярская книга, содержащая копии писем Толстого, сделанных С. А. Толстой.

[37] Письмо Толстого от 14 июля с просьбой передать ему через А. Л. Толстую 7 тетрадей дневников, привезенных Гольденвейзером 3 июля из Москвы, — см. *ПСС*, т. 89, с. 193.

[38] С. А. Толстая намеревалась купить в Рудакове дом на снос с тем, чтобы поставить его в Овсянникове вместо сгоревшего там дома Т. Л. Сухотиной. См. *Дн.* 3 июля.

[39] Мэтью Геринг, американец, магистр права Эдинбургского университета.

[40] «Благодарная почва (Из дневника)» — опубликовано 14 июля в газетах «Речь», «Русские ведомости», «Утро России» под заглавием «Из дневника» (*ПСС*, т. 38).

[41] С. И. Танеев.

[42] В 1910 г. вели дневники А. Л. Толстая, В. М. Феокритова, В. Ф. Булгаков, Д. П. Маковицкий, А. Б. Гольденвейзер. Семейная драма Толстого, поведение С. А. Толстой всеми мемуаристами освещались весьма подробно. Особой тенденциозностью и враждебностью к С. А. Толстой отличаются дневники А. Л. Толстой, В. М. Феокритовой — «Последний год жизни Л. Н. Толстого» (оба не опубликованы, *ГМТ*) и А. Б. Гольденвейзера «Вблизи Толстого», т. II, М., 1923.

[43] В конце Ежедневника 1910 г. имеется составленная С. А. Толстой опись всех семи тетрадей, а о восьмой тетради она написала: «Есть пока у Льва Ник., он пишет и старательно прячет от меня. *Октябрь 1910»* (*ГМТ*).

[44] Среди начатых Толстым в 1910 г. произведений «Три дня в деревне», «Нет в мире виноватых», «Ходынка», статья «О безумии».

[45] Письмо от 1 июля — см. коммент. 11.

[46] В этот день Толстой сам ездил к Черткову. Это был его последний приезд в Телятинки.

[47] См. коммент. 12.

[48] С. А. Толстая имеет в виду запись, сделанную Толстым 29 ноября 1851 г. на отдельном листке (*ПСС*, т. 46, с. 237—238), которая ею была предвзято и ложно истолкована.

[49] 22 июля Толстой подписал составленное юристом Н. К. Муравьевым завещание, согласно которому все его литературные произведения, изданные и неизданные, оконченные и неоконченные, все им написанное, все рукописи завещались «в полную собственность А. Л. Толстой». Толстой вынужден был назвать лицо, которое является его наследником, иначе завещание было бы юридически недействительным. Подлинная воля писателя, желавшего, чтобы «все его сочинения... и писания всякого рода» не были бы «*ничьей частной собственностью*» и «могли бы быть издаваемы и перепечатываемы всеми, кто этого захочет», была выражена в приложенной к завещанию «Объяснительной записке»,

написанной Чертковым. Черткову же предоставлялось право просмотра и издания рукописного наследия писателя (*ПСС*, т. 82, с. 227—230).

[50] Корректура XVII части изд. 1910—1911 гг., в состав которой входили предисловия Толстого к сочинениям разных авторов, к сборникам изречений (например, «Предисловие» к сборнику «Избранные мысли Лабрюйера, с прибавлением избранных афоризмов и максим Ларошфуко, Вовенарга и Монтескье») (*ПСС*, т. 40).

[51] Речь идет о незаконченной пьесе «От ней все качества» (*ПСС*, т. 38). Возможно, что присказка «и пеки и вари» по замыслу Толстого служит речевой характеристикой персонажа. Для упрека в неточности нет основания, так как из авторской ремарки нельзя установить, куда была положена покупка.

[52] Речь идет о двух поправках Толстого, внесенных в текст «Объяснительной записки». См. коммент. 49.

[53] См. *Дн.* 1891 г., коммент. 88 и 91.

[54] См. *ПСТ*, с. 789. Письмо, датированное «ночь с 24-го на 25-е июля», вписано в тетрадь после настоящей записи. Здесь же помещена заметка «Факты можно проверить на месте», которая не была послана в газеты. См. *ДСТ*, IV, с. 130.

[55] В. Ф. Булгаков действительно не принимал участия в составлении и оформлении завещания (см. *Булгаков*, с. 307). Свидетелями были А. Д. Радынский и А. П. Сергеенко. Присутствовал при подписании и А. Б. Гольденвейзер.

[56] По просьбе С. А. Толстой М. А. Стахович читал публицистические работы Толстого последних лет для решения вопроса о возможности их включения по цензурным условиям в издания и консультировался с председателем Цензурного комитета А. В. Бельгардом. По поводу «Царства божие...», «Письма к либералам» и «О веротерпимости» он писал 20 июля С. А. Толстой: «Я их прочел внимательно, посоветовался в сомнительных местах с Бельгардом, и мы оба считаем их безусловно не грозящими аресту томам» (*ГМТ*). С той же целью С. А. Толстая послала ему «Христианство и патриотизм», «Царю и его помощникам», письма к Николаю II. Письмо С. А. Толстой неизвестно.

[57] «Казаки» вошли во II часть изд. 1910—1911 гг.

[58] До Овсянникова Толстой не доехал, т. к. по дороге встретил Горбунова и вместе с ним вернулся в Ясную Поляну.

Толстой работал над корректурами книжечек «Жизнь в настоящем», «Слово», «Смирение», «Смерть» из сборника «Путь жизни» (*ПСС*, т. 45).

[59] В. А. Молочников, последователь Толстого, дважды, в 1908 и 1910 гг., привлекался к судебной ответственности за хранение и распространение запрещенных сочинений Толстого. Познакомился

с Толстым в 1907 г., а переписывался с 1906 г. Толстой относился к нему с большой симпатией и вел с ним обширную переписку (известно более 40 писем). См. *Е.* 1910 г., коммент. 20.

[60] С. В. Чиркин.

[61] XVII часть изд. 1910—1911 гг. См. коммент. 50.

[62] Бирюков просматривал некоторые публицистические произведения Толстого последних лет для решения вопроса о возможности включения их по цензурным условиям в издание 1910—1911 гг. «От Сережи получил список произведений, которые я взялся прочесть и на днях займусь этим»,— сообщал еще 24 апреля Бирюков С. А. Толстой (*ГМТ*). Бирюков занимался также выбором текста для печатания, так как многие произведения Толстого издавались в России с цензурными купюрами, а за границей в изд. «Свободное слово» выходили без изъятий.

[63] Вероятно, рассказы из сборника «Куколки-скелетцы» (М., 1910).

[64] Э. Моод прислал Толстому часть денег, полученных им за перевод на английский язык романа «Воскресение». Толстой решил их использовать для закупки семенной ржи и раздачи ее наиболее нуждающимся крестьянам. Кроме Алексея Жидкова, к Толстому приходили Тарас Фоканов и Даниил Козлов (*ЯЗ*, 1 августа).

[65] См. *Дн.* 24 июля и коммент. 52.

[66] Э. Моод прислал С. А. Толстой копию письма к нему Толстого от 23 июля и свой ответ ему. Толстой высказал недовольство тем, что Моод во втором томе биографического труда изобразил отношения его дочери М. Л. Толстой к Черткову как «недобрые», и просил это место исключить. «Вообще очень сожалею о том недобром отношении вашем к Черткову, так как для биографа такое отношение и несвойственно и неправильно и должно ввести в заблуждение читателя»,— писал ему Толстой. И в заключение просил принять «во внимание» эти его «замечания» (см. *ПСС*, т. 82, с. 82). Моод ответил: «По вашему требованию я это место вычеркиваю, но позвольте мне сказать, что я в себе не сознаю недоброжелательства по отношению к вашему другу... Думаю, что вы знаете, что, как бы ни была сильна ваша привязанность к вашему другу, вы должны бы быть беспристрастны в ваших суждениях о нем и обо мне. Но как бы то ни было, это — ваше дело, и не мне об этом судить» (цит. по *ДСТ*, IV, с. 320, английский текст вклеен в тетради после дневниковой записи).

[67] Письмо от 3 августа (см. *ДСТ*, IV, с. 320—321).

[68] В своем письме С. А. Толстая обвиняла Черткова и в «деспотическом влиянии» на ее мужа, и в восстановлении его против

нее, и в коллекционировании рукописей и фотографий и т. д. «Да, я безумно ревную Льва Николаевича и не уступлю его, хотя бы это стоило мне жизни, — писала она, — и считаю влияние Владимира Григорьевича на всю нашу жизнь вредным» (*ДСТ*, IV, с. 321—322).

[69] См. коммент. 48.

[70] Д. П. Маковицкий в этот день записал: «Я прочел вслух из чешского журнала «Vaše Doba», май, 1910, стихотворение И. С. Махара «Хельчицкий». Л. Н. внимательно прослушал, но не сказал ничего» (*ЯЗ*, 3 августа).

[71] С. А. Толстая работала над корректурой трактата «Что такое искусство?» (XVII часть изд. 1910—1911 гг.). Взяв за основу текст первого издания (Л. Н. Толстой. Собр. соч., ч. XI, М., 1898), С. А. Толстая сверила его с рукописями и корректурами и ввела ряд исключенных цензурой мест и пропусков.

[72] Слова из молитвы «Отче наш» (см. Еванг. от Матфея, VI, 9—13).

[73] В. Г. Короленко. Бытовое явление (заметки публициста о смертной казни). — «Русское богатство», 1910, № 3 и 4.

[74] Сохранилось три романа французского писателя J. H. Rosny (*ЯПб*, с дарственными надписями).

[75] Беседа Толстого с Короленко записана А. Л. Толстой в ее дневнике и В. Ф. Булгаковым (см. *Булгаков*, с. 320—325).

[76] См. письмо Толстого к Черткову от 7 августа, в котором он писал: «...мне в последнее время как-то совестно, смешно и вместе неприятно избегать вас, но не могу, не умею ничего сделать другого. Мне жалко ее, и она несомненно жалче меня, так что мне было бы дурно, жалея себя, увеличить ее страдания» (*ПСС*, т. 89, с. 201). 23 июля Гольденвейзер сделал такую запись: «Чертков сказал мне, что Лев Львович написал ему письмо, в котором советует ему не ездить в Ясную или выяснить отношения с Софьей Андреевной» (*Гольденвейзер*, II, с. 159).

[77] В этот день к Толстому должны были прийти пять молодых крестьян-новобранцев, собиравшихся отказаться от военной службы. Толстой написал для них обращение «Неизвестным» (см. *ПСС*, т. 82, с. 100—101).

[78] В этот день Гольденвейзер сыграл Толстому «Аппассионату» Бетховена (*Гольденвейзер*, II, с. 223).

[79] Трактат «Христианство и патриотизм» (*ПСС*, т. 39) был запрещен в России и распространялся нелегально. В письме от 7 августа М. А. Стахович сообщил С. А. Толстой, что во всех присланных ею книгах, в том числе и в этом сочинении, он отметил «сомнительные» и «бесспорно опасные места». Трактат был

напечатан в XVIII части изд. 1910—1911 гг. с большими купюрами.

[80] В Ежедневнике за этот день записано: «Утром диктовал мне письмо о вере крестьянину» (*ДСТ*, IV, с. 153). Речь идет о письме А. Мирову (см. *ПСС*, т. 82, с. 106—107).

[81] Е. В. Толстая — жена А. Л. Толстого.

[82] В этот день Толстой написал письма В. И. Ермохину, Н. Петрову, И. М. Шеховцеву и Шри Парамахамсу, которому ответил на его запрос о возможности посетить Ясную Поляну (*ПСС*, т. 82, с. 108—110).

[83] Суд состоялся 20 ноября. Л. Л. Толстой был оправдан.

[84] А. Л. Толстая по поручению отца переписывала из его Записной книжки в дневник его мысли (см. *ПСС*, т. 58, записи от 7 августа).

[85] По этому поводу Т. Л. Сухотина писала 16 августа В. Г. Черткову: «Было одно огорчение и расстройство, когда она ⟨С. А. Толстая. — *С. Р.*⟩ подсторожила вечером, что Л. Н. пришел к Саше за своим дневником. И сегодня написала ему об этом записку. Но потом послушалась моей просьбы не говорить об этом и сказала, что овладеет собой» (*ДСТ*, IV, с. 327).

[86] В «Предисловии» к I части С. А. Толстая сообщала, что письмо Толстого к брату Сергею, в котором он высказал свое недовольство цензурным вмешательством при публикации «Детства» в «Современнике» (см. *ПСС*, т. 59, с. 217), побудило ее «прочесть все рукописи, касающиеся «Детства», и восстановить по ним рассказ этот без тех *нелепостей и пошлостей*, о которых упоминает Лев Николаевич». «Предполагая, что издание «Детства» по рукописи, всецело написанной рукой Льва Николаевича, без вмешательства редакции и пропусков цензуры, представит большой интерес, я решила печатать «Детство» в новом издании по этой рукописи». По ее словам, она не располагала той рукописью, «по которой печаталось «Детство» («Сочинения гр. Л. Н. Толстого», ч. I, М., 1911, с. 5—6). Поэтому С. А. Толстая взяла за основу рукопись третьей, неоконченной редакции, дополнила ее вставками из четвертой редакции и таким образом создала контаминированный текст.

[87] В. Я. Григорьев.

[88] А. Б. Гольденвейзер 15 августа записал: «Александра Львовна говорила мне, что Л. Н. взял с собою такие вещи, которых обыкновенно, уезжая, никогда не берет. Очевидно, он имеет в виду возможность не вернуться очень долго, может быть, и совсем» (*Гольденвейзер*, II, с. 264).

[89] 14 августа Чертков получил официальное уведомление об окончательном снятии с него запрещения проживать в Тульской

губ. и в Телятинках в частности. Сообщение об этом появилось 18 августа во многих газетах.

[90] Инсценировка рассказа «Злоумышленник». «Был на представлении в школе. Хорошо очень», — записал Толстой (*ПСС*, т. 58, с. 94).

[91] См. коммент. 83.

[92] «Письмо Софьи Андреевны Столыпину в состоянии полубезумия было написано, но не послано, — сообщала 25 августа Т. Л. Сухотина Черткову. — На следующий день образумилась» (*ГМТ*).

[93] Булгакову были посланы три полученных Толстым письма с его пометами для ответа (см. *ПСС*, т. 82, с. 261—262), а также письмо А. Л. Толстой со списком книг, которые следовало выслать по приложенным адресам (см. *Булгаков*, с. 334) и одно письмо Черткову (*ПСС*, т. 89, с. 207).

[94] Цитаты из 3-й редакции «Детства» (ч. I, изд. 1910—1911 гг., с. 91).

[95] Корректура II части изд. 1910—1911 гг., в состав которой вошли «Набег», севастопольские рассказы, «Рубка леса», «Казаки» и «Утро помещика».

[96] Вместе с письмом от 18 августа Бирюков прислал бандеролью статьи Толстого «Единое на потребу», «О жизни» и др., предназначавшиеся для издания. В первой он отметил «нецензурные места».

[97] См. коммент. 86.

[98] Письмо В. Ф. Краснову (*ПСС*, т. 82, с. 118—119).

[99] Включено в состав XV части изд. 1910—1911 гг.

[100] См. коммент. 29. 27 июля С. А. Толстая сообщала М. А. Стаховичу: «Ник. Вас. Давыдов «Воскресение», которое он выправлял, уже привез мне, но над ним еще много работы, которую делает Сережа» (*ГМТ*). В результате всей этой предварительной работы в романе были восстановлены места, исключенные при его публикации в журнале «Нива», а те главы и строки, которые по цензурным условиям не могли быть напечатаны, были обозначены отточиями (часть XVIII изд. 1910—1911 гг.).

[101] Толстой беседовал с Иваном Чепуриным, привезшим с собой рукопись своего автобиографического сочинения.

[102] С. А. Толстая занималась подготовкой XIII, XV и XVIII частей изд. 1910—1911 г.

[103] Толстой писал Черткову 14 (два письма), 20, 24 (приписка к письму А. Л. Толстой) и 25 августа (см. *ПСС*, т. 89, с. 204—208).

[104] Толстой записал в этот день в «Дневнике для одного себя»: «Все тяжелее и тяжелее с Софьей Андреевной. Не любовь, а тре-

бование любви, близкое к ненависти и переходящее в ненависть... Ее спасали дети — любовь животная, но все-таки самоотверженная. А когда кончилось это, то остался один ужасный эгоизм. А эгоизм самое ненормальное состояние — сумасшествие» (*ПСС*, т. 58, с. 135).

[105] Выписка из Дневника Толстого от 29 ноября 1851 г. (см. запись 19 июля и коммент. 48).

[106] «The World's Work», т. XVI, № 94, сентябрь, с фотографиями (*ЯПб*).

[107] Л. Л. Толстой закончил скульптурный погрудный портрет С. А. Толстой, начатый 11 июля; находится в Музее-усадьбе «Ясная Поляна».

[108] Письмо от 29 августа. Толстой писал: «Как бы хорошо было, если бы ты могла победить то — не знаю, как назвать — то, что в самой тебе мучает тебя. Как хорошо бы было и тебе, и мне» (*ПСС*, т. 84, с. 401).

[109] Для XVII части С. А Толстая читала корректуру статей: «Предисловие» к рассказу Л. Д. Семенова «Смертная казнь» (письмо в редакцию), «О ложной науке», «Ответ крестьянину» и др.

[110] Письмо от 1 сентября, посланное с А. Л. Толстой (см. *ПСТ*, с. 792).

[111] С. А. Толстая пригласила священника Т. А. Кудрявцева, чтобы отслужить в доме молебен с водосвятием для изгнания духа Черткова. Узнав об этом, Толстой 3 и 4 сентября записал в «Дневнике для одного себя»: «Сжигает портреты, служит молебен в доме... Буду стараться помнить, что она больная» (*ПСС*, т. 58, с. 136).

[112] Имеется в виду письмо Черткова от марта 1910 г. к Николаю II с просьбой об отмене его высылки из Тульской губернии. Первый его вариант по предложению Толстого был Чертковым переделан и сокращен (см. *ПСС*, т. 89, с. 177).

[113] Письмо от 1 сентября (см. *ПСС*, т. 84, с. 401—402).

[114] Лента, заснятая зимой в Ясной Поляне. См. *Е*. 6 января 1910 г. и коммент. 5.

[115] Henry Bordeaux. La Peur de vivre (1-е изд., Париж, 1902).

[116] Письмо от 6 сентября, в котором Чертков пытался дать подробное объяснение своего отношения к Толстому и убедить С. А. Толстую уничтожить в себе «ожесточенную вражду» к нему. «Во всяком случае *бояться* моего влияния на Льва Николаевича никому из вас нет ни малейшей надобности, ибо, повторяю, роль моя лишь исполнительная: я только в точности осуществляю желания и распоряжения Льва Николаевича касательно его писаний», — убеждал ее Чертков. В конце своего пространного посла-

ния он обратился к С. А. Толстой с просьбой «ради Льва Николаевича, столь изнемогшего от всего происшедшего... восстановить то хорошее, что в течение стольких лет было во взаимных отношениях» между ними (см. *ДСТ*, IV, с. 332—336).

[117] Толстой записал в «Дневнике для одного себя»: «Вчера 9-го целый день была в истерике, ничего не ела, плакала. Была очень жалка» (*ПСС*, т. 58, с. 136).

[118] «Тяжелый разговор о моем отъезде. Я отстоял свою свободу. Поеду, когда *я* захочу», — записал в тот день Толстой в Дневнике (*ПСС*, т. 58, с. 101).

[119] 9 сентября С. А. Толстая отправила Черткову записку: «Письмо ваше я получила и отвечу вам подробно, когда буду здорова и когда в голове будет ясней. Отвечу из Ясной Поляны, когда вернусь туда со Львом Николаевичем» (цит. по кн.: *Гольденвейзер*, II, с. 286). В письме от 11—18 сентября С. А. Толстая подробно излагала причины, вызвавшие ее вражду к Черткову (см. *ДСТ*, IV, с. 337—339).

[120] Письмо от 11 сентября, в котором С. А. Толстая писала: «Я тебя прошу понять, что все мои не *требованья*, как ты говоришь, а *желанья* имели один источник: мою любовь к тебе, мое желанье как можно меньше расставаться с тобой, и мое огорчение от вторжения постороннего, не доброго по отношению ко мне влияния на нашу долгую, несомненно любовную, интимную супружескую жизнь. Раз это устранено, хотя ты, к сожаленью, и раскаиваешься в этом, а я бесконечно благодарна за ту большую жертву, которая вернет мне счастье и жизнь, то я тебе клянусь, что сделаю все от меня зависящее, чтоб мирно, заботливо и радостно окружить твою духовную и всякую жизнь». Она также сознавалась в том, что ее «средства достижения этого... были самые дурные, неловкие, не добрые», «мучительные» для обоих (*ПСТ*, с. 793).

[121] Известно только одно письмо Толстого из Кочетов, не имеющее обращения, краткое и сдержанное по тону, оно датировано 14 сентября и было получено 15 сентября. См. помету в Ежедневнике: «Получила от Л. Н. письмо, обдавшее меня холодом» (*ДСТ*, IV, с. 195). Толстой писал жене: «Не хочу говорить о наших отношениях, буду только стараться о том, чтобы улучшить их, и вполне уверен, что достигну этого, если ты будешь помогать мне» (*ПСС*, т. 84, с. 403).

[122] См. *ПСС*, т. 84, с. 403.

[123] 22 сентября из Кочетов была отправлена в Ясную Поляну телеграмма с извещением о приезде Толстого, но она, видимо, пришла с опозданием (см. *ПСС*, т. 84, с. 403).

[124] «Детская мудрость» — публицистическое произведение Толстого, которое состоит из 21 диалога между детьми и взрослыми (см. *ПСС*, т. 37).

[125] Имеется в виду книга И. А. Малиновского «Кровавая месть и смертная казнь», Томск, 1910, присланная Толстому автором с дарственной надписью: «Льву Николаевичу Толстому, обличителю всякого насилия и, в частности, великого зла, именуемого смертной казнью» (*ЯПб*). Толстой нашел в этой книге «много хорошего и нужного материала» (*ПСС*, т. 58, с. 107).

[126] Речь идет о трактате «Так что же нам делать?», включенном в состав XV части изд. 1910—1911 гг. С. А. Толстая пользуется одним из рабочих названий Толстого. «Я занят все статьей «Что делать?», все об деньгах», — писал он в начале апреля 1885 г. Черткову (*ПСС*, т. 85, с. 160).

[127] 6 октября Чертков написал Толстому два письма. В первом из них он писал: «...я думаю, что как для того, чтобы предоставить Софье Андреевне полный простор этому более любовному к вам состоянию, так и для того, чтобы вы могли использовать до конца это облегчение, которое вам эта перемена доставляет, — ни под каким предлогом не следовало бы, пока длится это лучшее состояние у Софьи Андреевны, затрагивать с нею вопрос обо мне» (цит. *ДСТ*, IV, с. 350). Получив приглашение приехать в Ясную Поляну, Чертков во втором письме соглашался на свидание с Толстым при условии, чтобы при этом «не было Софьи Андреевны» (*ГМТ*).

[128] В «Дневнике для одного себя» Толстой записал: «Я высказал ей все то, что считал нужным. Она возражала, и я раздражился» (*ПСС*, т. 58, с. 140).

[129] П. П. Николаев прислал Толстому свою книгу «Понятие о боге как совершенной основе жизни (духовно-монистическое мировоззрение)», ч. 1, Женева, 1907; часть вторая была прислана в корректуре (вышла в Женеве, 1910 г.).

[130] Статья предназначалась для XIX части изд. 1910—1911 гг.

[131] В эту дневниковую запись С. А. Толстая включила выписку из письма Черткова от 21 сентября 1909 г. со своим обширным комментарием и позднее дополнила ее письмом Черткова к Толстому от 1 октября 1909 г. (см. *ДСТ*, IV, с. 217—218).

[132] Речь идет о статье Б. Л. Модзалевского «Библиотека Пушкина (библиографическое описание)» — в сб. «Пушкин и его современники. Материалы и исследования», вып. 9—10, СПб., 1909.

[133] Возможно, С. А. Толстая прочла обширное письмо Черткова от 11 августа, с приложенной к нему выпиской из его дневника от 4 декабря 1908 г., где он подробно излагает всю историю

составления Толстым завещания и, ссылаясь на корыстные намерения членов семьи, будто бы намеревающихся после его смерти присвоить себе все права на его литературное наследие, доказывает необходимость юридического завещания (см. *Гольденвейзер*, II, с. 230—242).

[134] С. А. Толстая нашла тщательно скрываемый от нее «Дневник для одного себя», из которого (запись от 29 июля, см. *ПСС*, т. 58, с. 129) узнала о существовании тайного завещания (см. коммент. 49).

[135] Запись от 30 июля в «Дневнике для одного себя» (см. *ПСС*, т. 58, с. 129).

[136] Имеется в виду запись от 12 сентября 1862 г. У Толстого: «Я сумасшедший, я застрелюсь, ежели это так продолжится» (*ПСС*, т. 48, с. 44).

[137] Письмо от 12 октября (*ПСС*, т. 82, с. 188—189).

[138] Толстой посылал Черткову в Англию рукописи своих сочинений для хранения, а также и для издания, так как по цензурным условиям многие из них не могли быть опубликованы в России. После смерти Толстого рукописи в 1913 г. были привезены в Россию и В. Г. Чертков передал их в Академию наук. См. *Е.* 1915 г., коммент. 29.

[139] Тульский окружной суд в публичном заседании 16 ноября 1910 г. утвердил к исполнению завещание Толстого.

[140] Письмо от 14 октября (вклеено в рукопись дневника) (*ПСТ*, с. 794—795).

[141] Толстой записал в этот день: «На столе письмо от Софьи Андреевны с обвинениями... Когда она пришла, я попросил оставить меня в покое. Она ушла. У меня было стеснение в груди и пульс 90 с лишком» (*ПСС*, т. 58, с. 118).

[142] См. *Е.* 1 февраля 1910 г., коммент. 18.

[143] А. К. Черткова была действительно больна, о чем Толстому сообщил Д. П. Маковицкий (*ЯЗ*, 16 октября).

[144] Эта встреча с С. А. Толстой описана Сергеенко (см. *Гольденвейзер*, II, с. 319—320).

[145] Цитата из статьи «Учение Христа, изложенное для детей» (см. *ПСС*, т. 37, с. 116). Вошло в XIV часть изд. 1910—1911 гг.

[146] Встречу с Толстым М. П. Новиков описал в очерке «Мое последнее свидание» (опубл. в журнале «Голос Толстого и единение» и «Истинная свобода», 1922, № 7). Толстой рассказал Новикову о своем намерении «уйти» из Ясной Поляны. «Мне хочется спокойно умереть, хочется побыть с богом, — сказал он ему, — а они меня расценивают... уйду, непременно уйду» (с. 12). 24 октября Толстой послал Новикову письмо с просьбой: «Не могли бы

вы найти мне у вас в деревне хотя бы самую маленькую, но отдельную и теплую хату» (*ПСС*, т. 82, с. 211). Новиков задержал свой ответ, так как «целые сутки обдумывал как бы... лучше отговорить его от намерения оставить Ясную Поляну» (с. 12—13). Его письмо было доставлено Толстому уже в Астапово.

[147] «Пришел еще Перевозников и Титов сын, революционер», — записал Толстой (*ПСС*, т. 58, с. 121). «Титов сын» — М. Т. Полин, только что вышедший тогда из тюрьмы за участие в революционном движении. Перевозников, слесарь, член рабочего кружка, жил у Черткова.

[148] Толстой эти дни занимался исправлением статьи «О социализме». Наброски статьи «О самоубийстве», сделанные в марте 1910 г., были использованы Толстым в работе над более широкой по замыслу статьей «О безумии», оставшейся незаконченной (см. *ПСС*, т. 38).

[149] Толстой вносил новые поправки в статью «О социализме».

[150] С. А. Толстая занималась составлением последних частей своего издания, куда включались поздние публицистические сочинения Толстого, многие из которых были запрещены в России и конфискованы.

[151] По совету Толстого, П. Н. Гастев записал свои воспоминания о В. К. Сютаеве, с которым встречался в новоселовской тверской общине в 1890 г. (см. «Вегетарианское обозрение», 1912, № 1—2).

[152] С. А. Толстая читала первую часть своих воспоминаний «Моя жизнь» (*ГМТ*).

[153] Известно только письмо к А. К. Чертковой от 23 октября (см. *ПСС*, т. 89, с. 229).

[154] К этому месту С. А. Толстая позднее сделала такое примечание: «Вероятно, тогда он задумал свое бегство, а я чувствовала приближение чего-то ужасного».

[155] В прощальном письме к жене Толстой писал: «Я не могу более жить в тех условиях роскоши, в которых жил, и делаю то, что обыкновенно делают старики моего возраста: уходят из мирской жизни, чтобы жить в уединении и тиши последние дни своей жизни. Пожалуйста, пойми это и не езди за мной, если и узнаешь, где я» (*ПСС*, т. 84, с. 404).

[156] А. К. Черткова со слов Булгакова сообщала 29 октября Гольденвейзеру: «Софья Андреевна впала в возбужденное состояние. Покушалась на самоубийства разного рода» (*Гольденвейзер*, II, с. 335).

[157] Из членов семьи возле Толстого находились дочери Татьяна, Александра и сын Сергей. В «Медицинском заключении о бо-

лезни и смерти Л. Н. Толстого» от 9 ноября, подписанном Д. П. Маковицким, Д. В. Никитиным и Г. М. Беркенгеймом, содержалось такое объяснение: «На семейном совете, согласно с предложением врачей, было решено, чтобы никто другой из родных не входил к Л. Н., так как были основания думать, что Л. Н. сильно взволнуется при появлении новых лиц, что могло роковым образом отразиться на висевшей на волоске его жизни» (цит. по кн.: В. А. Готвальт. Последние дни Льва Николаевича Толстого. М., 1911, с. 39).

ЕЖЕДНЕВНИКИ

1905

(Стр. 229—243)

[1–2] Адвокат С. Е. Струменский беседовал с Толстым о современном общественном движении в России, о петербургских событиях 9 января 1905 г. Подробнее см. *ЯЗ*, I, с. 82—86.

[3] См. *Дн.* 14 января.

[4] M. Davitt (М. Дэвитт), ирландский политический деятель, посетил дважды Ясную Поляну. 19 января 1905 г. он вместе с корреспондентом Мэкенна приехал «в качестве представителей 10 американских газет», чтобы узнать мнение Толстого о положении России и о событиях 9 января. 3 февраля (н. ст.) интервью с Толстым М. Дэвитта было опубл. в газете «The Standard», интервью Мэкенна — в газете «The New York World». См. также *ЯЗ*, I, с. 94—95.

[5] С 13 по 22 января Толстой работал над статьей «Об общественном движении в России» (*ПСС*, т. 36) и 23 января отослал ее В. Г. Черткову в Англию для издания. Вышла в 1905 г. в изд. «Свободного слова».

[6] 23 января 1905 г. П. И. Бирюков привез Толстому от В. В. Стасова материалы по делу декабристов: «...бумаги, записки, показания... декабристов». 2 марта 1905 г. Толстой писал В. В. Стасову: «получил выписки из дела декабристов, прочел с волнением, и радостью, и не свойственными моему возрасту замыслами», далее в письме он просил прислать еще материалы (*ПСС*, т. 75, с. 226).

[7] Статья «Единое на потребу. О государственной власти» (*ПСС*, т. 36). В эти дни Толстой решил объединить ее со статьей «Камень главы угла» (о значении религии), над которой работал с декабря 1903 г.

[8] Благотворительный концерт устраивала С. Н. Глебова. По ее просьбе (дать «хоть страничку прочесть публично») Толстой продиктовал отрывок из «Хаджи-Мурата» (в окончательный текст не вошел, опубл. — *ПСС*, т. 35, с. 556, № 169). На концерте 14 февраля А. И. Южиным был прочитан также отрывок из «Войны и мира», включенный в програму с согласия С. А. Толстой.

[9] «Об общественном движении в России». См. *Е.* 22 января и коммент. 5.

[10] В Ясной Поляне, в бывшей мастерской Т. Л. Толстой, находилась картина Н. В. Орлова «Перед поркой» (1904) (хранится в Гос. музее Революции). Воспроизводилась в альбоме «Русские мужики. Картины художника Н. Орлова с предисловием Л. Н. Толстого». СПб., 1909, под названием «Порка».

[11] Корректуры «Круга чтения». В корректурах «Круг чтения» был подвергнут значительной правке, были написаны и введены в него новые рассказы. Работа продолжалась до конца 1905 г.

[12] Беседа Толстого с корреспондентом французской газеты «Matin» (фамилию установить не удалось) касалась внутриполитического положения России (*ЯЗ*, II, с. 31—32).

[13] См. *Дн.* 18 января 1904 г.

[14] См. *Е.* 27 января и коммент. 8.

[15] Статью «Единое па потребу».

[16] Фамилия корреспондента не установлена. Толстой сказал о нем: «Был у меня... корреспондент «Northamerican» расфранченный, какой у него жилет, перстень, цепочка! Ограниченный, необразованный человек, ничего не понимает». По-видимому, Толстой имел в виду газ. «The North American Newspaper» (*ЯЗ*, II, с. 64).

[17] Биографический очерк о Паскале был составлен Н. Л. Оболенским по поручению Толстого. Толстой полностью переработал текст и написал введение и заключение. За подписью: «Л. Н. Толстой» — опубл. в «Круге чтения», т. II, М., «Посредник», 1906 (*ПСС*, т. 41).

[18] Л. А. Авилова прислала Толстому по его просьбе свой рассказ «Первое горе» (опубл. в «Русском богатстве», 1900, № 8). С разрешения Л. А. Авиловой рассказ был дважды отредактирован Толстым (*ПСС*, т. 75, с. 236) и опубл. в «Круге чтения», т. II, М., «Посредник», 1906 (*ПСС*, т. 41).

[19] Бюст «Толстой за работой» Н. А. Андреева, 1905, гипс, хранится в *ГМТ*.

[20] К. Waliszewsky. La dernière des Romanoff Elisabeth I, изд. 3-е. Paris, 1902. Книга была прислана В. В. Стасовым по просьбе Толстого (*ПСС*, т. 75, с. 194).

[21] Открытое письмо со своим взглядом на войну С. А. Толстая написала в связи с тем, что в «Новом времени» № 10414 от 3 марта появилась статья Л. Л. Толстого «Мысли и жизнь», в которой он высказался за продолжение русско-японской войны. Отсылая письмо В. Г. Черткову в Англию для опубликования, она писала 18 марта 1905 г., что делает это «с одобрения Льва Николаевича и других» (*ГМТ*). 23 марта С. А. Толстая писала сыну: «...до меня со всех сторон доходят слухи, что это мать внушила Льву Львовичу подобные взгляды, и мать, несогласная с Львом Николаевичем, проповедует войну. Так как это несправедливо, то я хотела восстановить истину и опубликовать на весь мир *свой* взгляд на войну» (*ГМТ*). См. *Е.* 22 апреля.

[22] Строки из стихотворения А. А. Фета «Майская ночь» (1870).

[23] Статья С. И. Танеева «По поводу постановления дирекции императорского Русского музыкального общества от 19 марта 1905 г.» («Русь», 1905, № 93, 11 апреля), в которой он писал о незаконности решения об увольнении Н. А. Римского-Корсакова из консерватории, принятого без ведома Художественного совета.

[24] В книге «Избранные речи и статьи Генри Джорджа» в пер. С. Д. Николаева (М., «Посредник», 1905, *ЯПб*) помещена биография Генри Джорджа, составленная переводчиком. Толстой был им «вновь восхищен» (*ПСС*, т. 55, с. 134).

[25] XXXIII выставка картин Товарищества передвижных художественных выставок была открыта в Училище живописи, ваяния и зодчества.

[26] В залах Таврического дворца 7 марта 1905 г. была открыта художественная выставка русских портретов, организованная Л. Бакстом, И. Билибиным, С. Дягилевым. Было выставлено около 3000 портретов русских художников; демонстрировался также портрет Т. Л. Толстой работы И. Е. Репина (масло, 1893), принадлежавший Толстым.

[27] Шарль Саролеа, профессор французской литературы Эдинбургского университета. О своей встрече с Толстым упоминает в статье «Толстой как реформатор» (см. «Международный толстовский альманах», М., 1909).

[28] Рассказ «Молитва», написанный Толстым в конце апреля — начале мая 1905 г. и опубл. в «Круге чтения», т. I, М., «Посредник», 1906 (*ПСС*, т. 41).

[29] В Ясной Поляне Н. А. Андреев работал над вторым бюстом Толстого (1905, гипс, *ГМТ*).

[30] После отъезда В. Г. Черткова Толстой отметил в Дневнике: «Было очень, сверх ожидания, хорошо с ним» (*ПСС*, т. 55, с. 144).

[31] Послесловие (а не предисловие) к рассказу А. П. Чехова «Душечка» Толстой написал в январе — феврале 1905 г. и опубл.

в «Круге чтения», т. I, М., «Посредник», 1906 (*ПСС*, т. 41). См. также *Дн.* 14 января 1899 г. и коммент. 6.

[32] До 1905 г. Толстой посетил Оптину пустынь три раза: в 1877, 1881 и 1890 гг. Вероятно, речь шла о посещениях 1877 и 1881 гг., описание которых П. И. Бирюков включил во 2-й том книги «Л. Н. Толстой. Биография» (М., «Посредник», 1908, гл. XII и XVIII), посвященный 1862—1884 гг. жизни Толстого.

[33] Об участии Толстого в защите солдата В. Шибунина см. *Дн.* 10 августа 1866 г. и коммент. 6. Описание этого события вошло в кн.: П. И. Бирюков. Л. Н. Толстой. Биография, т. 2. М., «Посредник», 1908, гл. V.

[34] О работе Толстого над былинами см. «Мои записи разные...» 14 февраля 1870 г. и коммент. 5. Былина «Микулушка Селянинович» вошла в IV книгу «Азбуки». М., 1872, с. 92—96 (*ПСС*, т. 22).

[35] По свидетельству Толстого, рассказ «Ягоды» был написан им «в два дня» (10 и 11 июня) и «недурно» (*ПСС*, т. 55, с. 146). Опубл. в «Круге чтения», т. I, М., «Посредник», 1906 (*ПСС*, т. 41).

[36] М. Д. Завалишина привезла Толстому книгу своего отца Д. И. Завалишина «Записки декабриста», тт. 1—2, München, 1904 (*ЯПб*). С Д. И. Завалишиным Толстой был знаком лично и в начале 1880-х гг. предполагал издать «Записки» в России за свой счет, но Д. И. Завалишин не решился их печатать, т. к. боялся значительных цензурных изъятий (*ПСС*, т. 17, с. 471, 526—527).

[37] Рассказ А. М. Горького «Тюрьма» («Сборник товарищества «Знание» за 1904 г.», кн. 4, СПб., 1905).

[38] В газете «Слово», 1905, № 200, 7 июля, было помещено сообщение о покушении на К. П. Победоносцева. В «Новом времени» от 9 июля (№ 10 542) опубл. опровержение.

[39] В июле 1905 г. Толстой просматривал машинописную копию первого тома своей биографии, составленной П. И. Бирюковым, вносил в нее исправления и дополнял ее. В этот день Толстой продиктовал П. И. Бирюкову конспективную запись воспоминаний детства (*ПСС*, т. 34, с. 401—403).

[40] Имеются в виду 1891—1892 гг., когда Толстой и его семья участвовали в оказании помощи голодающим крестьянам Рязанской и Тульской губ. 18 июля 1905 г. С. А. Толстая писала дочери, Т. Л. Сухотиной: «А сегодня перебирала... из писем голодных годов. Тоже время было и содержательное, и грустное. А работать, как мы работали, все-таки хорошо» (*ГМТ*).

[41] Вероятно, изречения из книги «Мысли мудрых людей на каждый день, собраны Л. Н. Толстым». М., «Посредник», 1903 (*ЯПб*), которую Толстой постоянно перечитывал.

[42] Рассказ А. И. Герцена «Долг прежде всего» (*ЯЗ*, 27 июля).

[43] Поводом для разговора было то, что последние статьи Толстого взял И. И. Горбунов-Посадов, и С. А. Толстая считала, что и он и И. Д. Сытин «наживают деньги на сочинениях Толстого» (*ЯЗ*, 9 августа). 10 августа Толстой отметил в Дневнике: «Вчера нагрешил, раздражился о сочинениях — печатании их» (*ПСС*, т. 55, с. 157).

[44] Рассказ «После бала» написан Толстым в 1903 г., но не был окончательно отделан и при жизни Толстого не печатался (*ПСС*, т. 34).

[45] Замысел статьи «Конец века» возник в связи с сообщением о поражении русских под Цусимой 14 мая 1905 г. Толстой отметил в Дневнике: «Последний разгром флота вызывает ряд мыслей, которые надо высказать» (*ПСС*, т. 55, с. 140). Работу он начал в июне 1905 г. и закончил в декабре. Статья была напечатана в изд. «Свободного слова» в Лондоне в 1905 г. (*ПСС*, т. 36).

[46] 4 сентября 1905 г. в «Русских ведомостях» № 240 было опубл. письмо С. И. Танеева о выходе из консерватории. Это решение было принято С. И. Танеевым в связи с возникшим у него конфликтом с директором В. И. Сафоновым, в частности осуждавшим С. И. Танеева за опубликование письма в защиту Н. А. Римского-Корсакова (см. отрывок из «Дневника» С. И. Танеева — в кн.: «П. И. Чайковский. С. И. Танеев. Письма». М., 1951, с. 526). См. *Е*. 16 апреля.

[47] Эти главы «Воспоминаний»: об отце — III, о Т. А. Ергольской — VI (*ПСС*, т. 34, с. 355—358 и 364—370) были написаны Толстым в январе—феврале 1903 г. и включены П. И. Бирюковым в I том «Биографии», который Толстой просматривал в эти дни.

[48] С разрешения Толстого П. И. Бирюков включил в 10-ю главу первого тома «Биографии» его письма к В. В. Арсеньевой (см. *Дн.* 1863 г. и коммент. 9). По просьбе С. А. Толстой эти письма были исключены и давались в кратком изложении П. И. Бирюкова. Опубликованы в третьем изд. книги П. И. Бирюкова «Биография Л. Н. Толстого», т. I, М., — Пг., 1923. См. также *Е*. 3 ноября.

[49] H. Taine. L'ancien régime et la revolution.

[50] Вместе с А. И. Стефановичем к Толстому приезжал Лепсиус, а не Андреас (*ЯЗ*, 24 сентября).

[51] В письме, составленном при участии С. И. Танеева и А. Б. Гольденвейзера 30 сентября 1905 г., так же как и в письме от 10 сентября, С. А. Толстая писала вел. кн. К. К. Романову, вице-председателю Русского музыкального общества, о крайне неблагополучном положении в Московской и Петербургской консерваториях, создавшемся в результате нарушений устава РМО их директорами, грубости и самоуправства В. И. Сафонова. Она

высказывала беспокойство в связи с тем, что «Петербургская консерватория лишилась Римского-Корсакова, Лядова и Глазунова и Московская — Зилоти и Танеева» (*ГМТ*).

[52] Толстой работал над рассказом с февраля по май 1905 г., опубл. в «Круге чтения», т. I, М., «Посредник», 1906 (*ПСС*, т. 41).

[53] С 27 сентября по 6 октября 1905 г. Толстой читал книгу Н. К. Шильдера «Император Александр Первый, его жизнь и царствование», тт. 1—4. Изд. 2-е. СПб., 1904—1905. Во всех томах экземпляра, хранящегося в *ЯПб*, имеются его пометы (см. кн.: «Библиотека Л. Н. Толстого в Ясной Поляне», ч. 2, М., 1975, с. 467—468). Толстого уже много лет интересовала легенда об Александре I, якобы не умершем в Таганроге, а скрывшемся под именем Федора Кузмича и кончившем свою жизнь в Сибири. 6 октября 1905 г. он записал в Дневнике: «...читал с отметками Александра I. Уж очень слабое и путанное существо. Не знаю, возьмусь ли за работу о нем» (*ПСС*, т. 55, с. 164), но через неделю отметил, что «Федор Кузмич все больше и больше захватывает» (*ПСС*, т. 55, с. 165), а в начале ноября приступил к работе над повестью «Посмертные записки старца Федора Кузмича, умершего 20 января 1864 года в Сибири, близ города Томска в заимке купца Хромова» (*ПСС*, т. 55, с. 170; т. 36). Повесть осталась незавершенной и при жизни Толстого не печаталась.

[54] Вероятно, вновь читали рассказ А. М. Горького «Тюрьма» (*ЯЗ*, «Голос минувшего», 1923, № 3, с. 12).

[55] В эти дни Толстой читал исследование Н. К. Шильдера «Император Павел I» (СПб., 1901) и дневник С. А. Порошина «Записки, служащие к истории Павла Петровича» (СПб., 1881). Подробнее см.: *ЯЗ*, «Голос минувшего», 1923, № 3, с. 5, 7—10, 13.

[56] Повесть А. И. Куприна «Поединок» («Сборник товарищества «Знание» за 1905 г.», кн. 6, СПб., 1905) начали читать 8 октября. Прослушав первые главы, Толстой заметил: «Какая смелость! И как это цензура пропустила». После чтения XII—XV глав повести он сказал о Куприне: «Дает живое представление о военной жизни». Подробнее см.: *ЯЗ*, «Голос минувшего», 1923, № 3, с. 12, 14—15.

[57] В эти дни проходила Октябрьская всероссийская политическая стачка.

[58] Под давлением революционного движения 17 октября 1905 г. Николаем II был издан манифест, обещавший народу «незыблемые основы гражданской свободы: действительную неприкосновенность личности, свободу совести, слова, собраний и союзов». Учреждалась Государственная дума. Рассказав близким о манифесте,

Толстой заметил: «Худого в этом ничего нет». Но, прочитав 23 октября манифест, он сказал: «В нем ничего для народа» (*ЯЗ*, «Голос минувшего», 1923, № 3, с. 20—21 и 27).

[59] А. И. Герцен. Письма из Франции (письмо одиннадцатое). — *ЯЗ*, «Голос минувшего», 1923, № 3, с. 25.

[60] В письме к П. И. Бирюкову от 18 октября 1905 г. Толстой сообщал, что по его просьбе С. А. Толстая скопирует свои письма к Т. А. Кузминской и передаст П. И. Бирюкову, т. к. они содержат «чрезвычайно подробное описание всех событий женатого времени» (*ПСС*, т. 76, с. 44).

[61] В «Московских ведомостях» от 27 и 28 октября 1905 г., №№ 285—286, опубл. статья Я. Г. Буланова «Л. Н. Толстой и «освободительное движение». Автор обвинял Толстого в том, что он содействовал развитию революционного движения в стране своими произведениями, «направленными к радикальному разрушению самих основ религии, самодержавия, государства, законов». В *ГМТ* хранится черновик статьи С. А. Толстой. Была ли она опубл., установить не удалось.

[62] В письме к С. А. Толстой от 10 ноября (н. ст.) 1905 г. П. И. Бирюков высказал предположение, что, вероятно, она считает невозможной публикацию писем Толстого к В. В. Арсеньевой, так как нет согласия самой В. В. Арсеньевой, и просил помочь получить разрешение от нее. После разговора с женой Толстой написал П. И. Бирюкову 11 ноября 1905 г.: «Очень мне грустно за то, что ваше милое, доброе письмо было принято так дурно» (*ПСС*, т. 76, с. 48).

[63] У Т. Л. и М. С. Сухотиных родилась дочь Татьяна.

[64] По просьбе Толстого (*ПСС*, т. 76, с. 45) В. В. Стасов прислал ему книги об убийстве Павла I: Brückner. Kaiser Paul's Ende. Stuttgart, 1897; A. Czartoryski. Memoires. London, 1888, 2 тт.

[65] Повесть «Божеское и человеческое», над которой Толстой работал с 1903 г., В. Г. Чертков готовил для печати в изд. «Свободное слово» и для перевода на английский язык. В октябре 1905 г. он прислал из Англии корректуры повести. Просмотрев их, Толстой нашел, что «главная часть, предсмертные часы Светлогуба, отвратительно дурны» (*ПСС*, т. 89, с. 25), и приступил к переделке повести. Подробнее об этом см. кн.: В. А. Жданов. Последние книги Л. Н. Толстого. М., 1971, с. 217—242. 3 декабря 1905 г. повесть была отправлена Черткову (*ПСС*, т. 89, с. 29), но издание ее не осуществилось. Впервые она была опубл. в «Круге чтения», т. II, М., «Посредник», 1906 (*ПСС*, т. 42).

[66] Темой беседы Толстого с поэтом-самоучкой Ф. Е. Поступаевым и Н. Н. Гусевым был второй съезд Всероссийского крестьянского союза, происходивший в Москве 6—10 ноября 1905 г. Разго-

вор шел также и о поэзии В. Я. Брюсова. См. воспоминания Ф. Е. Поступаева «У Л. Н. Толстого». — «Л. Н. Толстой». Юбилейный сборник. М.—Л., 1928, с. 240.

[67] В Ясную Поляну приезжали Л. А. Сулержицкий и В. Э. Мейерхольд (*ЯЗ*, 26 ноября).

[68] И. П. Ювачев (Миролюбов) неоднократно присылал Толстому свои книги и оттиски статей. На некоторых имеются дарственные надписи. См. кн.: «Библиотека Л. Н. Толстого в Ясной Поляне», ч. 2. М., 1975.

[69] 30 ноября была окончательно исправлена небольшая статья «Письмо Л. Н. Толстого к крестьянину о земле (О проекте Генри Джорджа)» (*ПСС*, т. 90). Толстой вносил дополнения в статью «Конец века» (*ПСС*, т. 89, с. 29) и продолжал писать статью «Свободы и Свобода», позднее составившую XII гл. статьи «Конец века» (*ПСС*, т. 36, с. 267—275).

[70] Речь идет о Декабрьском вооруженном восстании 1905 г. в Москве.

[71] См. коммент. 49.

[72] В середине декабря 1905 г. Толстой начал работу над статьей «Правительство, революционеры, народ» (окончательное заглавие: «Обращение к русским людям. К правительству, революционерам и народу». — *ПСС*, т. 36). Позднее он сообщал В. Г. Черткову, что, «несмотря на свое удаление от центра борьбы, был захлестнут ее волной и написал статью под влиянием борьбы» (*ПСС*, т. 89, с. 36).

1906

(Стр. 243—257)

[1] Толстой собирал сведения о крестьянских семьях, нуждающихся в помощи, для распределения денег, полученных от разных лиц в пользу пострадавших от неурожая.

[2] Речь идет о концерте в Кружке любителей русской музыки (1896—1912), организованном в Москве адвокатом А. М. Керзиным.

[3] В «Русской мысли» статья не была напечатана, как и предполагал Толстой (см. письмо к В. Г. Черткову от 14 января 1906 г. — *ПСС*, т. 89, с. 34). Под заглавием «Обращение к русским людям: к правительству, революционерам и народу» статья вышла отдельной брошюрой в изд. «Свободного слова», 1906.

[4] 22 ноября 1905 г. были опубликованы «Временные правила о печати» — об отмене предварительной цензуры повременных изданий. После этого некоторые издатели объявили о публикации в периодических органах и в приложениях ранее запрещенных

сочинений Толстого. 14 января 1906 г. Толстой, по совету В. Г. Черткова, написал письмо в редакцию, в котором рекомендовал издателям во избежание публикации неточных текстов «обращаться за оригиналами... к... Черткову, у которого находится самое полное собрание» его сочинений (*ПСС*, т. 76, с. 81). Опубл. 18 января в газетах «Новое время» (№ 10721) и «Русские ведомости» (№ 17) и перепечатано другими газетами.

[5] Рукопись неопубликованных записок М. С. Керзиной «Мои воспоминания о Кружке любителей русской музыки» хранится в Гос. центральном музее музыкальной культуры им. Глинки, ф. 286.

[6] В Ясную Поляну приезжал корреспондент лондонской газеты «Tribune» доктор медицины Cunnard (*ЯЗ*, 29 января).

[7] Возможно, С. А. Толстая имеет в виду незаконченную повесть «Посмертные записки старца Федора Кузмича...», в основу которой легла легенда о смерти Александра I. Толстой работал над ней в декабре 1905 г.

[8] Все названные рассказы были напечатаны в «Круге чтения», т. I, М., «Посредник», 1906 (вышел в свет 30 января).

[9] В письме к Т. А. Кузминской от 27 марта 1906 г. С. А. Толстая сообщала, что копировала пейзаж И. П. Похитонова «Дубы в Чепыже». Копия — масло (*ГМТ*).

[10] В 1905 г. А. М. Кузминский проводил сенаторскую ревизию в Баку в связи с армяно-азербайджанскими националистическими волнениями. В письме к С. А. Толстой от 5 февраля 1906 г. он сообщал, что отчет о ревизии послал в Ясную Поляну (*ГМТ*).

[11] Японский писатель Кэндзиро Токутоми прислал Толстому свой роман: Tokutomi. Nami-Ko. Boston, 1904 (*ЯПб*, с дарственной надписью). В русском переводе — журн. «Мир божий», 1905, №№ 1—4.

[12] Повесть И. Л. Толстого «Поздно», опубл. в *В.Е*, 1914, № 4.

[13] Глава «Mort de Paul» из книги: A. Sorel. L'Europe et la Revolution française, v. 6. P., 1903, pp. 118—138.

[14] С. А. Порошин. Записки, служащие к истории Павла Петровича, изд. 2-е. СПб., 1881 (*ЯПб*).

[15] Над рассказом «За что?» Толстой работал с 20 января до конца февраля 1906 г. Сюжет заимствован из книги С. В. Максимова «Сибирь и каторга», часть 3, СПб., 1891, с. 73—75 (*ЯПб*). Рассказ напечатан в «Круге чтения», т. II. М., «Посредник», 1906 (*ПСС*, т. 42).

[16] Статьи И. П. Ювачева — в журн. «Исторический вестник», 1906, № 2. Автор прислал Толстому оттиски (*ЯПб*).

[17] Статья «Солдатская памятка», написанная Толстым в 1901 г., была напечатана в 1902 г. в Англии в изд. «Свободного

слова» (*ПСС*, т. 34). В России она распространялась в нелегальных изданиях, а в 1906 г. была напечатана несколькими издательствами.

[18] В. В. Вересаев. Рассказы о войне. I. Ломайло. — «Мир божий», 1906, № 2 (*ЯЗ*, 2 марта).

[19] Карбонель, бывший секретарь французского посольства в Петербурге, в беседе с Толстым высказался в защиту политической борьбы. Толстой после встречи с ним отметил в Дневнике: «Горячился с Карбонелем» (*ПСС*, т. 55, с. 205).

[20] Картина Е. Ф. Юнге и копия С. А. Толстой (масло) хранятся в Музее-усадьбе «Ясная Поляна».

[21] Н. С. Аскарханов, редактор-издатель петербургского журнала «Русское свободное слово», в №№ 1—6 журнала за 1906 г. поместил сочинения Толстого, запрещенные цензурой.

[22] П. А. Сергеенко готовил 2-е издание книги «Как живет и работает Л. Н. Толстой» (вышла в свет в Москве в 1908 г.).

[23] С. А. Толстая начала подготовку 12-го издания Собрания сочинений Толстого и хотела включить в него произведения, ранее запрещенные цензурой. По совету Н. В. Давыдова и юриста Макаренко она отказалась от осуществления своего намерения (*ЯЗ*, 19 марта).

[24] М. С. Сухотин был избран депутатом I Государственной думы.

[25] В конце марта и начале апреля 1906 г. Толстой читал «Записки о времени императора Павла и его кончине» Н. А. Саблукова и «Записки Екатерины Второй» («Исторический вестник», 1906, №№ 1—3).

[26] Брошюру Д. А. Хомякова «Самодержавие (Опыт схематического построения этого понятия)». Изд. 2-е. М., 1905, Толстой читал 4—7 февраля 1906 г. и нашел ее «очень интересной и умной» (*ПСС*, т. 36, с. 509). После чтения он записал в Дневнике свои мысли о власти и ее происхождении (*ПСС*, т. 55, с. 188—193). Эти записи легли в основу статьи «Две дороги» (окончательное заглавие — «О значении русской революции». — *ПСС*, т. 36), над которой Толстой работал с апреля по сентябрь 1906 г. В ноябре статья вышла в изд-ве «Посредник».

[27] М. М. Клечковский, один из организаторов воспитательно-образовательного учреждения — «Дома свободного ребенка», существовавшего в Москве в 1906—1909 гг., приезжал к Толстому побеседовать о воспитании детей и обучении их ремеслам (*ЯЗ*, 27 апреля).

[28] Имеется в виду разговор Толстого с сыновьями Ильей и Сергеем на политические темы и о земельной реформе (*ПСС*, т. 55, с. 224, 544—545).

[29] См. *Е*. 19 сентября 1905 г. и коммент. 49.

[30] Толстой читал «Откровение и разум (Из «Исповеди Савойского викария» Руссо)», отрывок из книги Rousseau «Profession de foi d'un Vicaire Savoyard», помещенный в «Круге чтения», т. 2, корректуры которого Толстой правил в это время, и отрывки из книги П. А. Кропоткина «Речи бунтовщика», СПб., 1906 (*ЯЗ*, 27 мая).

[31] В беседе с Ю. Д. Беляевым Толстой сказал, что Государственная дума производит на него «комическое, возмутительное и отвратительное» впечатление, и передал Ю. Д. Беляеву для включения в его статью переведенное им из журнала «Standard» краткое изложение проекта Генри Джорджа и свое заключение к нему (*ПСС*, т. 55, с. 230).

[32] Возвращая корректуру, Толстой написал Ю. Д. Беляеву 12 июня 1906 г., что нашел «фельетон» «очень хорошо составленным» (*ПСС*, т. 76, с. 160) — Ю. Д. Беляев. У Льва Николаевича Толстого (*Н. вр*., 1906, № 10 808, 16 июня).

[33] Японский писатель Кэндзиро Токутоми (псевдоним — Токутоми Рока) пробыл в Ясной Поляне пять дней. В письме к В. В. Стасову 21 июня 1906 г. Толстой сообщал, что нашел его «очень хорошим человеком и очень деликатным» (*ПСС*, т. 76, с. 162). Воспоминания Токутоми о встрече с Толстым «Пять дней в Ясной Поляне» — см. *ЛН*, т. 75, кн. 2, с. 170—202.

[34] Статья «Две дороги». См. коммент. 26.

[35] Одним из посетителей-японцев был журналист Сингоро Такаиси (Shingoro Takaishi). Позднее он вспоминал, что «не собирался вступать в серьезные споры с Толстым... хотел только представить себе и своим читателям живой облик Толстого и убедился в том, что этот почти восьмидесятилетний старец обладает еще сильной волей, продолжает учиться и не бросает пера, которым были написаны великие произведения» (*ЛН*, т. 75, кн. 2, с. 460). Подробнее об этом см. книгу А. И. Шифмана «Лев Толстой и Восток», М., 1971, с. 283—284.

[36] К Толстому пришли просить защиты крестьяне, срубившие в яснополянском лесу дубы и задержанные приказчиком. Несмотря на просьбу Толстого простить их, С. А. Толстая передала дело в суд, и крестьяне были приговорены к тюремному заключению. После суда С. А. Толстая согласилась простить их, но юридически это оказалось невозможным (см.: П. Сергеенко. В Ясной Поляне. — «Искры», 1906, № 36, с. 493; и А. Б. Гольденвейзер. Вблизи Толстого. М., 1959, с. 188).

[37] Французский писатель А. Леруа-Болье (A. Leroy-Beaulieu) посетил Ясную Поляну 9 мая 1905 г.

[38] Толстой ездил в волостное правление хлопотать об оказании помощи из общественных фондов бедной вдове из деревни

Мостовая, воспитывавшей своих детей и детей умершей сестры (*ЯЗ*, 1 и 7 августа).

[39] Что говорил Толстой о Н. Г. Чернышевском в этот раз, неизвестно. Об их отношениях см. в кн.: М. П. Николаев. Л. Н. Толстой и Н. Г. Чернышевский. Тула, 1969.

[40] Об отношении Толстого к философским взглядам Г. Спенсера см. в его статье «Так что же нам делать?», гл. XXX (*ПСС*, т. 25) и запись в Дневнике от 18 июня 1895 г. (*ПСС*, т. 53, с. 40—43). Однако отдельные мысли Г. Спенсера были включены Толстым в «Круг чтения».

[41] М. О. Меньшиков неоднократно выступал в печати с резкими выпадами против Толстого. Их беседа сразу же перешла в острый спор: Меньшиков оспаривал религиозные взгляды Толстого и его суждения о современной науке (*ПСС*, т. 55, с. 236 и 555—556).

[42] А. Франс. На белом камне. СПб., 1906, гл. IV.

[43] П. И. Бирюков продолжал работу над вторым томом «Биографии» Толстого.

[44] М. В. Нестеров пробыл в Ясной Поляне с 20 по 22 августа и сделал несколько набросков с Толстого для задуманной им картины «На Руси». Наброски хранятся в *ГМТ*. Свое посещение описал в кн.: М. В. Нестеров. Давние дни. М., 1959, с. 274—284.

[45] См. воспоминания В. Ф. Снегирева «Операция. (Из записок врача)». — «Международный толстовский альманах», М., 1909, с. 332—340. Толстой записал в этот день в Дневнике: «Нынче сделали операцию. Говорят, что удачно. А очень тяжело. Утром она была очень духовно хороша» (*ПСС*, т. 55, с. 241—242).

[46] А. Л. Толстая писала В. Г. Черткову 29 сентября 1906 г.: «Страшно сдвинуть стариков с места в другую, непривычную обстановку, в другой климат. Папá вчера сказал, что если мамá это нужно, он поедет. А мамá боится его трогать и думает, что ей покойнее будет без него» (*ГМТ*). Поездка С. А. Толстой не состоялась.

[47] В деревне Судаково, расположенной близ Лихвинской железной дороги, от искр проходившего паровоза сгорело 17 крестьянских дворов. Толстой хлопотал об оказании денежной помощи пострадавшим от пожара и о получении средств на перенесение построек, стоявших близко к дороге, в безопасное место. По этому делу он обращался к присяжному поверенному Б. О. Гольденблату и тульскому вице-губернатору В. А. Лопухину (*ПСС*, т. 76, с. 211—212).

[48] Письмо В. Г. Черткова к С. А. Толстой от 18 октября (н. ст.) 1906 г. с выражением сочувствия в связи с ее болезнью (*ГМТ*).

[49] Э. Адлер. Знаменитые женщины Французской революции 1789—1795 гг. М., 1907 (видимо, книга вышла в конце 1906 г.) (*ЯЗ*, 23 и 24 октября).

[50] По поручению Толстого А. Л. Толстой 27 октября ездил к тульскому губернатору с просьбой поместить в приют 6-х детей застрелившегося урядника. Свободных мест в приюте не оказалось, и решено было устроить благотворительный концерт в пользу сирот. Какой отрывок был передан для чтения и состоялся ли концерт, установить не удалось. Дети были приняты в приют (*ЯЗ*, 28 октября и 8 ноября).

[51] Американский писатель Л. Скотт с женой (*ЯЗ*, 4 ноября).

[52] С. А. Толстая копировала пейзаж И. П. Похитонова «Место, где зарыта зеленая палочка». Оригинал (масло) хранится в Музее-усадьбе «Ясная Поляна». Копия С. А. Толстой была подарена А. А. Гольденвейзер (см. кн.: А. Б. Гольденвейзер. Вблизи Толстого. М., 1959, с. 196).

[53] П. Сабатье прислал Толстому свою книгу «По поводу отделения церкви от государства», изд. 2-е (изд-во Фишбахер, Париж, 1906) и в письме от 2 октября (н. ст.) 1906 г. просил написать об этом вопросе статью для журнала. Письмо к П. Сабатье от 7/20 ноября 1906 г., над которым Толстой работал около 2-х недель, было опубл. в газете «Siècle» в конце ноября (*ПСС*, т. 76, с. 223—231).

[54] В Ясную Поляну приезжал Durland с женой (*ЯЗ*, 10 ноября).

[55] Статья Толстого «О Шекспире и о драме» (*ПСС*, т. 35) была опубл. в *Р. сл.*, 1906, №№ 277—282 и 285, 12—18 и 23 ноября) не в переводе с английского, а по рукописи, которую В. Г. Чертков передал И. Д. Сытину (*ПСС*, т. 35, с. 684, т. 89, с. 49).

[56] Толстой перечитывал «Опыты» М. Монтеня (*ЯЗ*, 15 ноября). В *ЯПб* хранятся два издания этой книги с пометами Толстого: M. Montaigne. Essais. Paris, 1882, 3 tomes; то же, Paris, 4 tomes, б/г.

[57] Об этом Толстому сообщил В. Г. Чертков в письме от 16 ноября (н. ст.) 1906 г. (*ГМТ*).

[58] Группа духоборов приехала из Канады в Россию узнать о возможности возвращения в будущем на родину.

[59] С марта 1906 г. Толстой работал над составлением детского «Круга чтения», на уроках с крестьянскими детьми он проверял, доступны ли приготовленные им материалы.

[60] Толстой обычно записывал в Записной книжке, которую всегда носил с собой, мысли конспективно, а затем переписывал в Дневник, развивая их. 29 декабря Толстой переносил в Дневник записи за конец ноября и декабрь (*ПСС*, т. 55, с. 372—373 и 393—396).

1907

(Стр. 257—277)

[1] Первые две фразы вписаны самим Толстым. Письма к М. А. Стаховичу и О. К. Толстой от 1 января 1907 г. (*ПСС*, т. 77, с. 5—7).

[2] С. А. Толстая читала «Записки», относящиеся к 1876—1878 гг. М. С. Сухотина интересовали 1876—1877 гг., когда Толстой «из неверующего сделался ревностным православным». В записях С. А. Толстой не было «психологического объяснения» этого «удивительного перелома», и М. С. Сухотин сказал об этом Толстому. Толстой ответил: «Да, пожалуй, и трудно было бы полнее и последовательнее описать: мне и самому это представляется чем-то необъяснимым, каким-то скачком, чем-то, что нельзя ничем наполнить» («Из дневника М. С. Сухотина». — *ЛН*, т. 69, кн. 2, с. 190—191).

[3] Ксенофонт. Воспоминания о Сократе («Memorabilia»; *ПСС*, т. 56, с. 3, 179) — в кн.: Ксенофонт. Полн. собр. соч. в 5-ти частях, часть 2, СПб., 1902 (*ЯПб*, с пометами Толстого). Толстой читал Ксенофонта параллельно по-гречески и по-русски (*ЯЗ*, 13 января).

[4] Речь идет о книге: B. Shaw. Man and Superman. A Comedy and Philosophy. L., 1906 (*ЯПб*, с пометами Толстого), присланной Толстому автором. Летом 1908 г. Толстой перечитал ее и отзыв о ней сообщил в письме к Б. Шоу от 17 августа 1908 г. (*ПСС*, т. 78, с. 201— 204).

[5] Н. А. Морозов. «В начале жизни» («Русское богатство», 1906, №№ 5—6). В письме к Н. А. Морозову от 6—11 апреля 1907 г. Толстой сообщал, что прочел их «с величайшим интересом и удовольствием» (*ПСС*, т. 77, с. 78). «Очень поучителен был для меня этот Морозов», — говорил Толстой (*ЯЗ*, 22 января).

[6] Фельетон М. О. Меньшикова «Письма к ближним. Две России» (*Н. вр.*, 1907, № 11085, 21 января). Картина М. В. Нестерова «Святая Русь» экспонировалась на его персональной выставке в январе 1907 г. в Петербурге. В письме к М. О. Меньшикову Толстой благодарил его за фельетон и писал, что «заплакал, читая его» (*ПСС*, т. 77, с. 17).

[7] XXXV выставка Товарищества передвижных художественных выставок была открыта в залах Исторического музея.

[8] Толстой возобновил работу над «Детским законом божиим», начатым в 1906 г.

[9] После выступления И. Ф. Наживин в письме к Толстому от 10 февраля 1907 г. сообщал: «Мой реферат о вас был встречен публикой сочувственно» (*ГМТ*).

[10] Камилл Фламмарион. Неведомое в природе (Явления медиумизма) — отрывки опубл. в иллюстрированном приложении к газете «Русь», 1907, №№ 4 и 6.

[11] E. Renan. Saint Paul, 3. P., 1869, из его сочинения: «Histoire des origines du christianisme, v. 1—7. P., 1869—1882.

[12] А. А. Фет. Мои воспоминания. 1848—1889. Ч. 1—2. М., 1890 (*ЯПб*).

[13] Толстой подбирал изречения для детского «Круга чтения».

[14] Толстой отбирал рассказы для детского «Круга чтения» и в письме от 7 марта просил И. И. Горбунова-Посадова прислать «...что есть... хорошего из детских рассказов» (*ПСС*, т. 56, с. 185; т. 77, с. 54). Шесть рассказов, написанных Толстым для детского «Круга чтения»,— см. *ПСС*, т. 40, с. 401—422.

[15] См. «Из дневника М. С. Сухотина» (*ЛН*, т. 69, кн. 2, с. 193). Возможно, речь шла о религиозно-нравственной газете «Народное слово», издаваемой Бодянским.

[16] С. Т. Семенов. В рождественскую ночь. М., «Посредник», 1904.

[17] Накануне Толстой разделил своих учеников по возрасту на два класса. 17 марта он отметил в Записной книжке: «Урок с 2-м классом. Очень хорошо» (*ПСС*, т. 56, с. 18 и 187).

[18] Пьеса шла на сцене Малого театра в Петербурге. Рецензия за подписью: «В. Ш.» опубл. — *Н. вр.*, 1907, № 11 140, 18 марта.

[19] Глава «Николай Николаевич Ге». — *Моя жизнь* (1882 г., кн. 4, с. 28—35).

[20] Т. Л. Сухотина вела дневник с 1878 по 1929 гг. (28 тетрадей, рукопись, *ГМТ*). Отрывки из дневников опубл. в кн.: *Т. Л. Сухотина.*

[21] М. Меньшиков. Письма к ближним. Великопостная тема. — *Н. вр.*, 1907, № 11 147, 25 марта.

[22] 29 марта Толстой отметил в Записной книжке: «Читаю Чехова 2-й день и восхищаюсь» (*ПСС*, т. 56, с. 189).

[23] Дневник В. В. Нагорновой, племянницы Толстого, который она вела в 1864—1918 гг. (9 тетрадей, рукопись, *ГМТ*).

[24] Рассказ Н. С. Лескова «Под рождество обидели» Толстой переработал для «Круга чтения» и включил его туда, озаглавив «Под праздник обидели» («Круг чтения», т. 2. М., «Посредник», 1906; см. также кн.: «Толстой-редактор», М., 1965, с. 248—260). По свидетельству Д. П. Маковицкого, в этот день Толстой читал детям свое переложение (*ЯЗ*, 16 апреля).

[25] М. О. Меньшиков. Безногие люди. — *Н. вр.*, 1907, № 11 170, 17 апреля.

[26] Пьеса Л. Л. Толстого «Братья-помещики». Сохранилась ли рукопись и была ли пьеса опубл., установить не удалось.

[27] 23 апреля 1907 г. в Ясной Поляне была получена телеграмма из Петербурга: «Потрясены известием о смерти Льва Николаевича. *Немирович-Данченко*» (*ЯЗ*, 23 апреля).

[28] Д. П. Маковицкий записал, что Толстой объяснял жене суть трехпольной системы крестьянского хозяйства, но она не понимала и не соглашалась дать крестьянам дополнительную землю. На замечание С. А. Толстой, что мужики воры и нечестные, Толстой ответил: «Мы, которые сами не годны для настоящей жизни, ругаем мужиков, без которых подохли бы» (*ЯЗ*, 25 апреля — опубл. в *ПСС*, т. 56, с. 563).

[29] «Драма жизни» К. Гамсуна шла на сцене Московского Художественно-общедоступного театра (ныне — МХАТ), гастролировавшего в Петербурге.

[30] См. *Е.* 9 февраля и коммент. 11. С 1 по 17 мая Толстой работал над статьей «Почему христианские народы вообще и в особенности русский находятся теперь в бедственном положении» (*ПСС*, т. 37). При жизни Толстого не печаталась.

[31] «Первые недели царствования императора Александра III. Письма К. П. Победоносцева из Петербурга в Москву к Е. Ф. Тютчевой». — «Русский архив», 1907, № 5; перепечатано в иллюстрированном приложении к *Н. вр.*, 1907, №№ 11 197 и 11 200, 16 и 19 мая.

[32] В. А. Берс, младший брат С. А. Толстой, инженер путей сообщения, был убит 19 мая 1907 г. эсерами-максималистами. Подробности об убийстве печатались в *Р. вед.*, 1907, №№ 114, 115 и 120, 20, 22 и 27 мая.

[33] Сообщение о роспуске II Государственной думы опубл. в *Н. вр.*, 1907, № 11 215, 3 июня; манифест — там же, № 11 216, 4 июня.

[34] В *ЯПб* хранится два издания сочинений Вовенарга с пометами Толстого. По свидетельству Д. П. Маковицкого, 13 июня 1907 г. Толстой просматривал корректуры избранных мыслей Вовенарга, включенных в книгу «Избранные мысли Лабрюйера, с прибавлением избранных афоризмов и максим Ларошфуко, Вовенарга и Монтескье», М., «Посредник», 1908, и при этом пользовался источником: Vauvenargues. Oeuvres. Paris, 1820 (*ЯЗ*, 13 июня).

[35] Л. Д. Семенов.

[36] М. В. Нестеров приехал в Ясную Поляну по приглашению С. А. Толстой. Он сделал ряд зарисовок и начал писать большой портрет Толстого маслом, который был закончен осенью 1907 г. (М. В. Нестеров. Давние дни. М., 1959, с. 278) (хранится в *ГМТ*).

[37] Для недельных чтений детского «Круга чтения» Толстой написал 24 июня 1907 г. рассказ «Шут Палечек» на материале чешской легенды, записанной Яном Гербеном: «О брате Иване Палечеке, шуте чешского короля Юрия». При жизни Толстого рассказ не печатался из-за цензурных условий (*ПСС*, т. 40 — там автором легенды ошибочно назван А. Шкарван; см. также кн.: «Толстой-редактор», М., 1965, с. 281—286).

[38] А. Д. Ротницкий, один из организаторов посещения Толстого учащимися тульских школ, вспоминал: «Устроителям после этой экскурсии пришлось немало поволноваться... Черносотенный городской голова Любомудров собирался уволить учительниц городских школ, принимавших участие в экскурсии, другим организаторам грозила высылка. Инспектор народных училищ... привел в оправдание экскурсии доказательство губернатору: почему учебник Толстого «Азбука» может быть в школах, а автора... нельзя детям видеть? Очевидно, эта простая истина показалась губернатору убедительной. И дело об этой экскурсии было замято» (рукопись, *ГМТ*).

[39] «Отдаю я землю в Ясной мужикам 90 десятин по 9 рублей, и папá этому рад», — сообщала С. А. Толстая в письме от 22 июня 1907 г. Т. Л. Сухотиной (*ГМТ*).

[40] Ясную Поляну посетили супруги Barrow и писательница Alice Fletcher, которая в письме от 17 августа 1907 г. благодарила за прием и беседу на религиозные темы (*ГМТ*).

[41] Занятия с детьми Толстой возобновил 22 октября 1907 г. (*ЯЗ*, 22 октября).

[42] Статья «Не убий никого» была написана Толстым (с 9 июля по 5 августа) в связи с тем, что 3 июля в Петербурге за издание статьи Толстого «Не убий» был арестован редактор изд-ва «Обновление» Н. Е. Фельтен. Статья с цензурными сокращениями опубл. в газете «Слово», 1907, № 245, 6 сентября, и перепечатана другими газетами (*ПСС*, т. 37).

[43] Э. Р. Стамо.

[44] Всесвятский, студент Харьковского университета.

[45] С В. К. Сютаевым, крестьянином Тверской губ., Толстой познакомился в 1881 г. и признавал его влияние в период своих религиозных исканий.

[46] Ясную Поляну посетил корреспондент «Голоса Москвы» Г. О. Клепацкий (а не Кенчицкий). Толстой беседовал с ним о политических вопросах (*ЯЗ*, 4 августа).

[47] И. Е. Р е п и н. Воспоминания, статьи и письма из-за границы. СПб., 1901 (*ЯПб*).

[48] Письмо Т. Л. Сухотиной в редакцию газеты от 5 августа 1907 г. о пожаре в ее имении и об отношении крестьян к этому

событию. Отредактированное Толстым и с его предисловием оно было опубл. в «Голосе Москвы», 1907, № 188, 14 августа (*ПСС*, т. 90). «Статья Тани трогает меня», — записал Толстой, получив газету (*ПСС*, т. 56, с. 208).

[49] В Ясную Поляну приезжал чешский педагог К. Велеминский, переводчик произведений Толстого. Он беседовал с Толстым о философских и нравственных вопросах. Встречу с Толстым описал в книге: «U Tolstého» («У Толстого»). Napsal K. Veleminský. Praha, 1908.

[50] В. Ф. Ильинский приезжал поговорить с Толстым о русско-японской войне и о патриотизме (*ЯЗ*, 19 августа).

[51] Н. Т. Изюмченко. В дисциплинарном батальоне. изд. «Свободное слово», Christchurch, 1905; Е. И. Попов. Жизнь и смерть Дрожжина, изд. 3-е «Свободного слова», 1903 (*ЯПб*).

[52] В письме к губернатору С. А. Толстая сообщала о нападении на сад и просила защиты.

[53] Были арестованы яснополянские крестьяне Д. А. Жидков, М. А. Власов и А. В. Егоров. В письме к губернатору Д. Д. Кобеко от 11 сентября 1907 г. Толстой просил об их освобождении, но они были приговорены к двум месяцам заключения (*ПСС*, т. 77, с. 194).

[54] Врач из Красноярска (фамилия неизвестна). Толстой беседовал с ним о религии, о работе над собой и о переустройстве общественного строя (*ПСС*, т. 56, с. 212; Д. Троицкий. Православно-пастырское увещание графа Л. Н. Толстого. — «Христианин», 1913, с. 37).

[55] Д. Е. Троицкий.

[56] В этот день Толстой отметил в Записной книжке: «Стражники и тяжелый разговор» (*ПСС*, т. 56, с. 213). Очевидно, разговор был вызван тем, что стражники, присланные в Ясную Поляну по просьбе С. А. Толстой, проверяли паспорта у посетителей Толстого и на просьбу Толстого не делать этого урядник «грубовато ответил, что графиня желает быть огражденной от подозрительных людей, как же им не смотреть паспорта, они должны» (*ЯЗ*, 12 сентября; см. *ПСС*, т. 56, с. 599).

[57] Л. Б. Яворская, драматическая актриса, владелица Нового театра в Петербурге, гастролировала в 1907 г. по городам России. В телеграмме к С. А. Толстой от 13 сентября 1907 г. она просила купить крестьянскую одежду для постановки в Тифлисе драмы Толстого «Власть тьмы» (*ГМТ*).

[58] За кражу дубов по жалобе С. А. Толстой были посажены четверо яснополянских и четверо грумантских крестьян.

[59] Толстой работал над новым «Кругом чтения», получившим впоследствии заглавие «На каждый день» (*ПСС*, т. 43—44).

[60] И. Е. Репин пробыл в Ясной Поляне до 29 сентября 1907 г. и написал портрет Толстого с женой. Хранится в *ИРЛИ* (Пушкинский дом).

[61] Толстой читал оба рассказа по «Кругу чтения» (тт. 1 и 2, М., «Посредник», 1906; *ПСС*, тт. 41—42). Рассказ А. Франса «Кренкебиль» Толстой, сократив и переработав, включил в «Круг чтения» под заглавием «Уличный торговец». Рассказ А. П. Чехова «Беглец» включен в «Круг чтения» без изменений.

[62] По окончании чтения рассказов А. И. Куприна «Ночная смена» и «Allez!» Толстой сказал: «В искусстве главное — чувство меры... Достоинство Куприна в том, что ничего лишнего» (*Гусев*, с. 52).

[63] Paul Loyson. Le Droit de Vierge. Paris, 1903 (*ЯПб*).

[64] Уго Арлотта (Ugo Arlotta), корреспондент римской газеты «Italia». Сообщение о его встрече и беседе с Толстым опубл. в *Б. вед.*, 1907, № 10 252, 13 декабря.

[65] М. С. Сухотин записал в Дневнике 16 октября 1907 г., что в связи с получением 2-х угрожающих телеграмм «все эти дни семья в волнении... Но Л. Н. совсем не трусит и все так же спокойно и без всяких предосторожностей выходит к тем, которые его хотят видеть... мужество — одно из основных свойств Л. Н.» («Из дневника М. С. Сухотина». — *ЛН*, т. 69, кн. 2, с. 197). «Гончаров» в Ясную Поляну не приезжал.

[66] С. А. Заболотнюк.

[67] Пьеса Л. Л. Толстого «Моя родина» шла на сцене театра Корша в Москве.

[68] С 22 октября 1907 г. секретарь Л. Н. Толстого Н. Н. Гусев находился под арестом на квартире станового, позже был переведен в Крапивенскую уездную тюрьму. Поводом для ареста послужил донос о том, что на собраниях крестьянской молодежи он якобы «ругал царя». Во время обыска в Телятинках, имении А. Л. Толстой, где жил Н. Н. Гусев, у него была найдена брошюра — статья Толстого «Единое на потребу» (а не «Где выход?»), выпущенная изд-вом «Обновление» (СПб., 1906) с цензурными пропусками; на полях Н. Н. Гусев вписал текст исключенных цензурой мест, среди которых были резкие высказывания о царях (*ПСС*, т. 36, с. 168—169).

[69] Опубл. в сб. рассказов И. Ф. Наживина «В долине скорби». М., 1907.

[70] Л. Н. и С. А. Толстые тяжело переживали намерение сына Андрея Львовича оставить свою семью и жениться на Е. В. Арцимович, жене тульского губернатора, матери пятерых детей (см. письма Толстого к сыну в начале мая и 10 июля 1907 г. и письма к Е. В. Арцимович от 2 июня и к ее мужу М. В. Арцимович от

2 и 21 июня 1907 г. — *ПСС*, т. 77). 14 ноября А. Л. Толстой женился на Е. В. Арцимович.

[71] В. А. Лопухин, тульский вице-губернатор, обещал помочь Н. Н. Гусеву. Подробный рассказ о встрече с В. А. Лопухиным см. в письме Толстого к В. Г. Черткову от 2 ноября 1907 г. (*ПСС*, т. 89, с. 76).

[72] Толстой закончил работу над четвертой редакцией нового «Круга чтения» и отметил в Дневнике: «Начерно кончил, но работы бездна» (*ПСС*, т. 56, с. 78).

[73] Письмо к А. Л. Толстому от 22 ноября 1907 г. (*ПСС*, т. 77, с. 247).

[74] Сообщение о покушении 21 ноября 1907 г. на московского ген.-губ. С. К. Гершельмана.— *Н. вр.*, 1907, № 11 386, 22 ноября.

[75] О неосуществленном замысле Толстого составить «Детскую географию» см.: Э. Е. Зайденшнур. Детская география. Материалы Толстого для учебной книги. — *Ясн. сб.*, 1965, с. 17—24.

[76] См. *ПСТ*, с. 768.

[77] Картина Н. Е. Сверчкова экспонировалась на осенней выставке картин, открытой в декабре 1907 г. в здании Строгановского училища.

[78] По-видимому, письма Ф. А. Змиева от 30 ноября 1907 г. и Т. С. Трухтанова от 8 декабря, на которые Толстой ответил 18 декабря 1907 г. (*ПСС*, т. 77, с. 267—269).

[79] А. П. Аранова. Наталья Николаевна Пушкина-Ланская. — Иллюстрированное приложение к газете *Н. вр.*, 1907, №№ 11 406, 11 409, 11 413, 12, 16 и 19 декабря.

[80] Толстому больше всего «понравились старинные французские народные танцы и восточные народные песни». Он сказал В. Ландовской: «Я вас благодарю не только за удовольствие, которое мне доставила ваша музыка, но и за подтверждение моих взглядов на искусство» (*Гусев*, с. 69).

1909

(Стр. 277—299)

[1] Письма Толстого к Т. Л. Сухотиной от 3 января 1909 г. (*ПСС*, т. 79, с. 9) и С. А. Толстой от 3—4 января (*ГМТ*).

[2] Над рассказом, получившим впоследствии заглавие «Кто убийцы? Павел Кудряш», Толстой начал работать в декабре 1908 г. После двух набросков Толстой 5 января 1909 г. начал писать на ту же тему в драматической форме (*ПСС*, т. 37). См. также *Дн.* 14 января 1909 г. и коммент. 1.

[3] См. *Дн.* 14 января 1909 г. и коммент. 2.

[4] В. А. Шейерман в октябре 1905 г. отдал крестьянам землю, оставив себе небольшой надел. Его «Открытое письмо к гг. землевладельцам», призывающее отказаться от права собственности на землю, вместе с сопроводительным письмом Толстого от 16 января 1906 г. опубл. в газ. «Новости дня», 1906, № 8102, 20 января (*ПСС*, т. 76, с. 83—85). После этой встречи Толстой записал в Дневнике: «Вчера был очень близкий и сильный человек Шеерман. Очень хорошо беседовали» (*ПСС*, т. 57, с. 13).

[5] Толстой записал в Дневнике 22 января: «...я говорил с ним по душе, но слишком осторожно, не высказал всего греха его дела. А надо было. Испортило же мне его рассказ Сони об его разговоре с ней. Он, очевидно, желал бы обратить меня, если не обратить, то уничтожить, уменьшить мое, по их — зловредное влияние на веру в церковь... Как бы не придумали они чего-нибудь такого, чтобы уверить людей, что я «покаялся» перед смертью» (*ПСС*, т. 57, с. 16; см. также *Гусев*, с. 234—235).

[6] Возможно, речь идет о письме С. Алексеева, которому Толстой ответил 23 января 1909 г. (*ПСС*, т. 79, с. 44—45).

[7] М. П. Новиков. На войну. М., 1906. Впервые Толстой читал его в сентябре 1904 г. по рукописи, присланной автором. Рассказ понравился Толстому «своей искренностью, серьезностью и глубиной... красотой, силой и образностью схваченного... народного языка» (*Гусев*, с. 237; см. также *ПСС*, т. 90, с. 330).

[8] «Записки сенатора Есиповича». — «Русская старина», 1909, №№ 1—2.

[9] Изложение статьи Толстого «Закон насилия и закон любви» опубл. в *Р. вед.*, 1909, № 37, 15 февраля, под заглавием: «Новая статья Л. Н. Толстого».

[10] Поэт С. Баскин-Серединский, неоднократно бывавший в Ясной Поляне.

[11] Статья «Номер газеты», посвященная разбору № 680 петербургской газеты «Слово» от 16 января 1909 г. 20 февраля Толстой отметил в Дневнике: «Поправил «Номер газеты» — нехорошо» (*ПСС*, т. 57, с. 29). При жизни Толстого статья не печаталась (*ПСС*, т. 38).

[12] Н. Г. Молоствов и П. А. Сергеенко работали над иллюстрированной биографией Толстого, выходившей отдельными выпусками под заглавием: «Лев Толстой. Критико-биографическое исследование». Вышли только три выпуска.

[13] 25 февраля 1909 г. Толстой написал 12 писем (*ПСС*, т. 79, с. 80—89). 26 февраля он продиктовал Н. Н. Гусеву небольшую статью «О государстве». При жизни Толстого она не была напечатана (*ПСС*, т. 38).

[14] Письмо Толстого к В. И. Тимирязеву от 27 февраля 1909 г. (*ПСС*, т. 79, с. 94).

[15] Л. Н. Толстой. Детство и отрочество. С 26-ю рис. Ж. Ру и Беннета. М., типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1909.

[16] А. А. Корсини, путешественница и преподавательница географии из Москвы, читала лекцию об Индии, сопровождая ее показом диапозитивов. С ней приезжала Н. П. Рудакова.

[17] В. Г. Чертков был выслан по постановлению департамента полиции.

[18] В письме от 6 марта 1909 г. С. А. Толстая писала: «Высылка Черткова и наказание тем, кто осмеливается читать и давать читать книги Толстого, есть мелочная злоба на старца, прославившего во всем мире своим именем Россию» (*ГМТ*).

[19] М. П. Новиков читал статью «Новая вера». Толстой отметил в Дневнике, что в ней «очень много хорошего, но длинно, однообразно» (*ПСС*, т. 57, с. 37). Толстой пытался напечатать эту статью, но ему не удалось (см. письмо Толстого к А. М. Хирьякову от 1 мая 1909 г. — *ПСС*, т. 79, с. 178—179).

[20] Письмо опубл. в *Р. вед.* 1909, № 57, 11 марта и перепечатано другими газетами.

[21] «Общество Толстовского музея», созданное в Петербурге в январе 1909 г., открыло выставку, посвященную Толстому.

[22] Книга Baba Bharati «Shree Krishna. The Lord of Love». New York, 1904 (*ПСС*, т. 57, с. 40 и 47). В ней он отметил ряд изречений для перевода и включения в книгу о Кришне, над которой в это время работал С. Д. Николаев. Толстой отредактировал легенду о Кришне, изложенную на основании книги Баба Бхарати, и переводы изречений, а также написал предисловие к книге (*ПСС*, т. 39). Рукопись была передана в изд-во «Посредник», но книга не вышла.

[23] А. И. Куприн. Как я был актером.

[24] См. письма 1845, 1851 и 1858 гг. (*ПСС*, тт. 59, 60), а также письмо от 25 декабря 1858 г. (*ПСС*, т. 60, с. 276—277).

[25] «Les livres sacrés de l'Orient». Paris, 1852 (*ЯПб*, пометы Толстого).

[26] Письмо М. Д. Грошева от 6 апреля 1909 г., на которое Толстой ответил 10 апреля (*ПСС*, т. 79, с. 152).

[27] Толстой продолжал работу над статьей «Неизбежный переворот» (*ПСС*, т. 38).

[28] А. Мазон, в то время преподаватель французского языка в Харькове, посетил Толстого 19 апреля 1909 г. Они беседовали об отношении Толстого к И. А. Гончарову и о современной французской литературе (*ЯЗ*, 20 апреля).

[29] В письме от апреля 1909 г. В. Ф. Булгаков просил Толстого разъяснить ему его взгляды на воспитание и образование. Ответ Толстого, работа над которым продолжалась с 9 апреля по 3 мая, принял форму статьи. Она была напечатана под заглавием «О воспитании» в журн. «Свободное воспитание», 1909—1910, № 2 (*ПСС*, т. 38).

[30] Толстой отметил в Дневнике: «Могилевский превосходно играл. Я плакал не переставая» (*ПСС*, т. 57, с. 56).

[31] Назимов рассказывал Толстому, как во время подавления Семеновским полком вооруженного восстания в Москве в 1905 г. он спас 11 человек от расстрела. С Назимовым «говорил хорошо», — отметил Толстой в Дневнике (*ПСС*, т. 57, с. 59). Об их беседе см.: Н. Н. Гусев. Эпизоды из жизни Л. Н. Толстого.— «Красная нива», 1928, № 37.

[32] П. Л. Успенский, юрист.

[33] Толстой подбирал материал для книжек об учении Конфуция и Лао-Тсе, издать которые предполагалось в «Посреднике» (*ПСС*, т. 57, с. 57).

[34] А. И. Куприн. Яма. — Альманах «Земля», 1909, вып. 3. В этот вечер чтение было прервано после замечания Толстого: «Кажется, Софья Андреевна была права... Уж очень гадко». Из прочитанного ему понравился разговор околоточного с содержательницей публичного дома (ч. I, гл. II). См. *Гусев*, с. 252—253.

[35] В. Г. Чертков получил уведомление о том, что министр внутренних дел П. А. Столыпин окончательно отказал ему в праве на въезд в Тульскую губ. В. Г. Чертков с семьей поселился в деревне Крекшино, Московской губ., в имении родственников.

[36] В газетах печатались сообщения о предстоявшем суде над Н. Е. Фельтеном за издание в изд-ве «Обновление» статей Толстого: «Не убий», «Солдатская памятка» и др. Суд состоялся 12 мая 1909 г., и Н. Е. Фельтен был приговорен к тюремному заключению на 6 месяцев. В *Р. вед*, 1909, № 107, 13 мая, в отчете о деле Н. Е. Фельтена упомянуто письмо Толстого судебному следователю 19 участка г. Петербурга от 27 февраля 1909 г. (*ПСС*, т. 79, с. 93—94).

[37] Два отрывка из «Записок из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского, помещенных в «Круге чтения» под заглавием «Орел» и «Смерть в госпитале» (*ПСС*, т. 41; *Гусев*, с. 254).

[38] С. А. Толстая встретила прохожего, сказавшего ей: «То был царь Николай Палкин, а теперь у нас Николай Веревкин» (*Гольденвейзер*, с. 267).

[39] Толстой сообщил С. П. Спиро содержание своей статьи «О «Вехах» и продиктовал несколько отрывков (*ПСС*, т. 38).

«Л. Н. Толстой о «Вехах» — *Р. сл.*, 1909, № 114, 21 мая (*ПСС*, т. 57, с. 71; см. также *Гусев*, с. 256).

[40] С. В. Гаврилов. Переписывался с Толстым в 1908—1910 гг. Толстой записал о нем в Дневнике: «Был очень интересный человек, пришедший пешком из Симбирска. Много он сказал хорошего» (*ПСС*, т. 57, с. 71; см. также *Гусев*, с. 257).

[41] И. И. Мечников и Толстой говорили о науке, религии, литературе, искусстве. При прощании Толстой сказал И. И. Мечникову, «что ждал, что свидание будет приятно, но не ждал, что настолько». Подробнее об этом см. записи Толстого в Дневнике от 30 и 31 мая 1909 г. (*ПСС*, т. 57, с. 77); А. Б. Гольденвейзер. Вблизи Толстого. М., 1959, с. 267—272; очерк И. И. Мечникова «День у Толстого в Ясной Поляне» — И. И. Мечников, Собр. соч., т. 13. М., Изд-во АН СССР, 1954; С. П. Спиро. Толстой о И. И. Мечникове — *Р. сл.*, 1909, № 125, 3 июня.

[42] См. *Дн.* 14 февраля 1902 г. и коммент. 22.

[43] Генри Джордж-сын приехал вместе с фотографом. «Приятный», — отметил Толстой в Дневнике (*ПСС*, т. 57, с. 79). О своей встрече с Толстым Генри Джордж рассказал в статье «My Farewell to Count Tolstoy», «New York World», 1909, 14 Nov.

[44] По свидетельству Б. С. Трояновского, Толстому «особенно нравились... в переложении для балалайки русские народные песни», и он нашел его искусство «самобытным и своеобразным» (Б. С. Трояновский. У Толстого в Ясной Поляне. — газ. «Смена» (Ленинград), 1940, № 269, 20 ноября).

[45] Толстой беседовал с Матвеевым, мценским уездным предводителем дворянства, встретившимся ему в поезде. Речь шла о земельном вопросе, об учении Генри Джорджа (*Гусев*, с. 266).

[46] 11 июня Толстой записал в Дневнике: «Ездил верхом, очень устал. Главное же, мучительное чувство бедности, — не бедности, а унижения, забитости народа... Потом за обедом... французские языки и теннис, и рядом рабы голодные, раздетые, забитые работой. Не могу выносить, хочется бежать» (*ПСС*, т. 57, с. 82).

[47] Письма от 20 июня 1909 г. к Толстому (*ПСТ*, с. 774) и к Т. Л. Сухотиной (*ГМТ*).

[48] Незаконченный бюст Толстого был Л. Л. Толстым уничтожен. 25 июня 1909 г. С. А. Толстая писала мужу: «Лева сегодня вдруг взял и сломал твой бюст, проработав страшно напряженно над ним месяц» (*ПСТ*, с. 778—779).

[49] *Моя жизнь*, кн. 6, с. 60—73. О встрече С. А. Толстой с Александром III 13 апреля 1891 г. см. также *Дн.* 22 апреля 1891 г.

[50] Письмо Толстого от 19 июня 1909 г. (*ПСС*, т. 84, с. 386).

[51] «Писал «О науке» немного», — отметил Толстой в Дневнике (*ПСС*, т. 57, с. 93; т. 38).

[52] По свидетельству Н. Н. Гусева, Толстой «долго говорил с ним, не соглашаясь с его взглядами» (*Гусев*, с. 271).

[53] В письме от 12/25 июля к организационному комитету XVIII Международного мирного конгресса, открытие которого предполагалось 14 августа 1909 г. в Стокгольме, Толстой благодарил за избрание его почетным членом и сообщал, что «если силы позволят», он «сделает все возможное, чтобы прибыть в Стокгольм» или пришлет в письменном виде то, «что хотел бы сказать» (*ПСС*, т. 80, с. 22—23).

[54] Н. Н. Гусев по просьбе Толстого прочитал незаконченную статью — письмо «О науке», написанную в ответ на письмо крестьянина Ф. А. Абрамова от 22 июня 1909 г. (*ПСС*, т. 38). Подробнее см.: *Гусев*, с. 272—273. См. также *Е*. 11 ноября и коммент. 93.

[55] Книгу: Elie Metchnikoff. Essais Optimistes. Paris, 1907 (*ЯПб*), Толстому прислал автор.

[56] Портрет работы И. К. Пархоменко воспроизведен в *ПСС*, т. 57. Местонахождение оригинала не установлено.

[57] В. А. Молочников в письме к Толстому от 12 июня 1909 г. со слов товарища сообщал о притеснениях крестьян в имении Б. А. Васильчикова, члена Государственного совета и крупного землевладельца, и просил Толстого написать Б. А. Васильчикову. Толстой в письме В. А. Молочникову от 16 июня 1909 г. высказал свое возмущение Васильчиковым (*ПСС*, т. 79, с. 234). В. А. Молочников написал Б. А. Васильчикову резкое письмо, процитировав письмо Толстого (подробнее см. *ПСС*, т. 80, с. 28—29).

[58] Книга С. А. Толстой «Куколки-скелетцы и другие рассказы» вышла в свет в Москве в 1910 г. (*ЯПб*).

[59] С. П. Спиро интересовался предполагавшейся поездкой Толстого в Стокгольм. См.: С. П. Спиро. У Л. Н. Толстого.— *Р. сл.*, 1909, № 117, 2 августа.

[60] С. А. Толстая просматривала корректуры 3-го выпуска книги: «Лев Толстой». Критико-биографическое исследование Н. Г. Молоствова и П. А. Сергеенко. СПб., 1909 (*ЯПб*). В письме от 6 августа 1909 г. Н. Г. Молоствов писал, что ее «замечания на полях корректуры и в письме... использованы... Таково, например, замечание о том, что ныне Лев Николаевич стремится писать без слова «который» (*ГМТ*).

[61] 2 августа 1909 г. Толстой сообщал В. Г. Черткову: «Мы как будто едем на конгресс. Софья Андреевна совсем собирается. Я готовлю свой доклад, которым все недоволен» (*ПСС*, т. 89,

с. 134). Поездка Толстого не состоялась. Из-за всеобщей забастовки в Швеции Конгресс мира был отложен. Подробнее см.: П. И. Бирюков. Биография Л. Н. Толстого, т. IV. М.—Пг., 1923, с. 191.

[62] Ясную Поляну посетили члены XI Всероссийского лесного съезда, происходившего в Туле. От их имени выступил профессор Н. С. Нестеров, пожелавший Толстому, «чтобы еще долго-долго раздавалось» его «живое слово на благо человечества». Сообщение об этом опубл. — *Р. вед.*, 1909, № 221, 27 сентября.

[63] По постановлению министра внутренних дел от 15 июля 1909 г. Н. Н. Гусев был выслан на два года в Пермскую губ. под гласный надзор полиции «за революционную пропаганду и распространение недозволенных к обращению литературных произведений». Подробнее см.: *Гусев*, с. 283—304.

[64] В. И. Засосов. Толстой отметил в этот день в Дневнике: «Очень радостное впечатление» (*ПСС*, т. 57, с. 113).

[65] Статья В. Г. Черткова «Страница из воспоминаний. Дежурство в военных госпиталях» опубл. — *ВЕ*, 1909, № 11. «Прекрасные воспоминания», — отозвался о них Толстой (*ПСС*, т. 57, с. 113; см. также т. 89, с. 136—138).

[66] «Заявление об аресте Гусева» Толстого и статья «В Ясной Поляне» (без подписи) — *Р. вед.*, 1909, № 183, 11 августа.

[67] И. Щеглов. Подвижник слова. Новые материалы о Н. В. Гоголе, СПб., 1909.

[68] 31 июля 1909 г. Э. Моод прислал С. А. Толстой для просмотра и исправления корректуры второго тома биографии Толстого (*ГМТ*). См. *Е.* 24 сентября.

[69] Толстой получил запрос газеты «Morgen Post», действительно ли он собирается приехать в Берлин по приглашению концертной дирекции Жюль Закс с докладом, приготовленным для Конгресса мира в Стокгольме. Возможно, в записи С. А. Толстой идет речь об ответной телеграмме Толстого, в которой он сообщил, что доклад будет прочитан в Берлине одним из его друзей (*ПСС*, т. 80, с. 59). Доклад прочитан не был. См. письмо Толстого к Е. Шмиту от 22 сентября/5 октября 1909 г. (*ПСС*, т. 80, с. 105—106).

[70] Иллюстрации к книге С. А. Толстой «Куколки-скелетцы и другие рассказы» были исполнены художником А. В. Моравовым по плану С. А. Толстой.

[71] Вышла в свет книга: Л. Н. Толстой. На каждый день. Учение о жизни, изложенное в изречениях, взятых у мыслителей разных стран и разных веков. Июль. СПб., 1909 (*ЯПб*).

[72] А. Марухин. Толстой записал о нем в Дневнике: «...в высшей степени интересный человек» (*ПСС*, т. 57, с. 129—130).

[73] Б. Мюллер, приезжавший в сопровождении А. Жашкевича.

[74] Представители французской кинематографической фирмы «Paté» получили разрешение приехать и заснять Толстого. Но 2 сентября по поручению Толстого им была послана телеграмма с просьбой не приезжать (*ПСС*, т. 80, с. 286). Несмотря на это, фотографы приехали и снимали отъезд Толстого со станции Щекино. Подробнее см.: *Гольденвейзер*, с. 316—318.

[75] См.: *Гольденвейзер*, с. 320—323.

[76] 20 сентября 1909 г. Толстого снимал кинооператор фирмы А. О. Дранкова.

[77] Второй том книги Э. Моода «The Life of Tolstoy. Later years» вышел в Лондоне в 1910 г.

[78] Представители фирмы «Paté» показывали фильм, снятый при отъезде Толстого со станции Щекино 3 сентября.

[79] Е. Эк. Рассказы, тт. 1—2. М., 1907—1908 (*ЯПб*, с дарственной надписью Толстому от автора).

[80] Толстой хотел заинтересовать М. Д. Челышева теорией единого земельного налога Генри Джорджа, как человека, который мог бы выступить по этому вопросу в Думе (см. письмо Толстого к С. Д. Николаеву от 7 октября 1909 г. — *ПСС*, т. 80, с. 129; см. также т. 57, с. 149—150). М. Д. Челышев в Думе не выступал.

[81] Редакция «Neuen Gesellschaftlichen Correspondenz» прислала Толстому анкету с просьбой высказать мнение о смертной казни. Толстой ответил 12/25 октября 1909 г. В этот же день он написал Яну Стыке, просившему в письме от 12 октября (н. ст.) разрешения перевести «Круг чтения» на французский язык (*ПСС*, т. 80, с. 141—142).

[82] Рассказ Л. Н. Андреева «Проклятие зверя».— «Земля», кн. I, 1908 (*ЯЗ*, 13 октября).

[83] Возможно, речь идет о воспоминаниях С. В. Бельгардт (рожд. Менгден), относящихся к 1881—1897 гг. и опубл. под названием «Лучи прошлого».— Литературное приложение к «Ниве», 1903, № 8.

[84] В индийском журнале «The Vedic Magazine», 1909, т. III (№ 4) Толстой читал статью «Plato and Shancara Acarya» by Pandit Prabhu Dutt Shastri M. A. B. T. (*ПСС*, т. 57, с. 152 и 373).

[85] См. *Е.* 30 октября и коммент. 90.

[86] В Ясную Поляну приезжали сотрудники фирмы «Граммофон» в сопровождении представителя Общества деятелей периодической печати поэта И. А. Белоусова и редактора газеты «Столичная молва» И. И. Митропольского. Толстой произнес в фонограф на русском, французском, немецком и английском языках несколько изречений из книги «На каждый день», и запись была воспроизведена на граммофонных пластинках. Подробнее см.: И. И. Мит-

ропольский. Поездка в Ясную Поляну — в сб. «Живые слова наших писателей и общественных деятелей», вып. I, М., 1910, с. 145—157; И. А. Белоусов. Литературная среда. Воспоминания. М., 1928, с. 211—229.

[87] В «Русской мысли», 1909, № 1, кроме упомянутого, Толстой прочитал рассказ Ропшина (Б. Савинкова) «Конь бледный» и стихи А. Блока, В. Брюсова, А. Белого, З. Гиппиус, Д. Мережковского, С. Соловьева (*ПСС*, т. 57, с. 154).

[88] С. А. Толстая хлопотала о II томе «Биографии Л. Н. Толстого» П. И. Бирюкова («Посредник», 1908). 2 ноября арест с книги был снят.

[89] Рассказ «Христиане» — в кн.: Л. Н. Андреев, т. 3. Мелкие рассказы. СПб., «Знание», 1906. В хранящемся в *ЯПб* экземпляре пометы Толстого и в конце рассказа оценка: 5+ («Библиотека Л. Н. Толстого в Ясной Поляне», ч. I, М., 1972, с. 41).

[90] На суде разбиралось дело яснополянского крестьянина С. С. Резунова, делившегося со своей мачехой. Поездка для Толстого «была очень интересна» (*ПСС*, т. 57, с. 163).

[91] Портрет работы А. В. Моравова «Л. Н. Толстой в рабочем кабинете», масло, хранится в *ГМТ*.

[92] В дневниковых записях за эти дни дана обширная характеристика рассказам А. М. Горького и отмечено: «талант большой» (*ПСС*, т. 57, с. 167—169).

[93] *Р. вед.*, 1909, № 258, 10 ноября. См. также *Е.* 12 июля и коммент. 54.

[94] Одновременно с публикацией в *Р. вед.* статья была опубл. в газ. «Киевские вести», 1909, №№ 300—302, 10—12 ноября.

[95] С. М. Соломахин и Д. Грайворонский состояли в секте хлыстов. Толстой «хорошо побеседовал» с ними и «составил... записку в их общину» на имя М. Ф. Соломахина в ответ на ряд его вопросов (*ПСС*, т. 57, с. 171; т. 80, с. 195—197).

[96] Речь идет о детях Хохловых из деревни Новая Колпна (*ПСС*, т. 57, с. 175 и 177, 387—388). См. *Е.* 1910 г., коммент. 19.

[97] В «Книжной летописи», 1909, № 42, вышедшей 31 октября, было сообщено об изъятии из продажи брошюры: Л. Н. Толстой. О разуме и вере. М., 1909.

[98] Описание этого случая включено Толстым в очерк «Живущие и умирающие», вошедший в цикл «Три дня в деревне» (*ПСС*, т. 38, с. 17—18).

[99] Поездка Толстого для выяснения порядка взимания податей была предпринята по просьбе приходивших к нему нескольких яснополянских крестьян, имущество которых было описано за неуплату податей (*ПСС*, т. 57, с. 180). Свой разговор с крестьянами и помощником волостного писаря позднее Толстой описал в очер-

ке «Подати», вошедшем в цикл «Три дня в деревне» (*ПСС*, т. 38, с. 19—22).

[100] Толстой, задумав предисловие к сборнику «На каждый день», начал работать над ним в 1907 г. Работа продолжалась до 1910 г., сохранилось 105 редакций, и последняя была напечатана как предисловие к сборнику «Путь жизни» (*ПСС*, т. 45, с. 13—17).

[101] В письме к С. А. Толстой от 2 декабря 1909 г. А. О. Дранков просил разрешения «приехать для демонстрации картины, снятой с Льва Николаевича во время его проезда через Москву» в сентябре 1909 г. Из следующего письма А. О. Дранкова от 13 декабря известно, что в ответном письме С. А. Толстая просила отложить приезд (*ГМТ*).

[102] М. А. Бодрова, крестьянка деревни Деменки, оказавшаяся в бедственном положении после того, как ее мужа забрали в солдаты, обратилась к Толстому за помощью. В письме к ее отцу, А. В. Бодрову, от 29 ноября 1909 г. Толстой просил его взять временно к себе дочь и сообщал, что попытается добиться возвращения мужа. После посещения ее Толстой отметил в Дневнике: «Ужасная нищета» (*ПСС*, т. 57, с. 180 и 193; т. 80, с. 221—222).

[103] «Сон» — четвертый очерк из цикла «Три дня в деревне». Работу над ним Толстой начал 23 октября 1909 г. 28 декабря он отметил в Дневнике: «Хорошо просмотрел «Сон». Можно так оставить. И недурно» (*ПСС*, т. 57, с. 195). Работа продолжалась в 1910 г. (*ПСС*, т. 38).

1910

(Стр. 299—333)

[1] Толстой работал над произведением, впоследствии озаглавленным «Три дня в деревне» (*ПСС*, т. 38). Он писал В. Г. Черткову 14 января: «Работы свои, кажется очень неудачные, я кончил — рад, что развязался с ними. Вы виновны в том, что они в более или менее художественной форме. Все это вместе должно составить одно целое. И как это ни плохо каждое отдельно, вместе это может быть полезно. Вместе это так: 1-й день в деревне — Бродячие люди. 2-й день в деревне — Живущие и умирающие. 3-й день в деревне — Подати, и 4-й — Сон. Две из них переписаны, две будут переписаны на днях и высланы вам» (*ПСС*, т. 89, с. 168).

Три части «Трех дней в деревне» были опубликованы с цензурными пропусками в «Вестнике Европы» (1910, № 9); в журнальной публикации «Сон» дан в кратком изложении от редакции, впервые опубликован полностью С. А. Толстой в XVI томе «Сочинений гр. Л. Н. Толстого», М., 1911, с. 487—496.

[2] С. А. Берс скончался 1(?) янв. 1910 г. *Дети* — Н. С. и Т. С. Берс.

[3] О посещении корреспондента французской газеты «Figaro» Рене Маршана Толстой записал в Дневнике: «Приехал француз Marchand. Говорил с ним горячо, отвечая на вопросы» (*ПСС*, т. 58, с. 3); см. также *ЛН*., т. 75, кн. 2, с. 62—64.

[4] Несохранившееся письмо С. А. Толстой Г. К. Градовскому было ответом на обращение к Толстому журнала «Огонек». Посредническую роль играл при этом Г. К. Градовский, переславший С. А. Толстой с письмом от 15 декабря 1909 г. анкету «Огонька», в которой участникам предлагалось дать автографический ответ на вопрос: «Какие пожелания шлете вы России на наступающий 1910 г.?» Толстой отвечать отказался.

[5] А. О. Дранков снимал Л. Н. Толстого на прогулке. В сентябре 1909 г. им была отснята киполента, запечатлевшая поездку Толстого к В. Г. Черткову в Крёкшино и проводы на Курском вокзале 19 сентября.

Фрагменты кинолент А. О. Дранкова 1909—1910 гг. хранятся в Госфильмофонде. Включены в документальный фильм «Живой Толстой» (1960) (*ГМТ*).

[6] Актер Малого театра А. И. Сумбатов-Южин по приглашению С. А. Толстой впервые посетил хамовнический дом в 1898 г. Им написаны воспоминания о Толстом «Три встречи» (1908) — «Международный Толстовский альманах». М., 1909, с. 325—329.

[7] Письмо П. Полизоиди из Решта от 28 декабря 1909 г. Толстой ответил ему 14 января 1910 г.: «От души благодарю вас за интересные и важные сведения о бехаистах» (*ПСС*, т. 81, с. 48).

Бехаисты — религиозная секта, возникшая в Персии в 40-х гг. XIX в.; бехаистов называли также по имени основателя секты Али-Магомеда Баба бабидами.

[8] По-видимому, С. А. Толстая выразила протест по поводу печатания в петербургской газете «Новая Русь» с 1 ноября 1909 г. разделов «На каждый день» («Март», «Апрель», «Май», «Декабрь») неисправно и с большими цензурными пропусками.

[9] Л. Л. Толстой находился в Париже. В письме от 26 января (8 февраля нов. ст.) он писал: «Милая мама, вчера получил вашу телеграмму. Удивительно, что вы так обеспокоились. Это ⟨наводнение. — *Н. А.*⟩ раздули газеты... Здесь о наводнении говорят уже меньше. Злоба дня — пьеса Ростана «Chantecler» (*ГМТ*).

[10] Письмо Н. Н. Гусева Толстому от 2 января из Корепино Чердынского уезда Пермской губернии, где он отбывал ссылку за распространение запрещенных книг Толстого. В письме подробно

изложена история С. Н. Дурылина, посетившего Ясную Поляну 20 октября 1909 г., и приведены выдержки из его письма Гусеву: «...Одним словом, поговорив с Толстым и повидав его день, нельзя, по-моему, не уехать от него толстовцем в том смысле, что всегда будешь носить в себе образ и будешь любить его» (*ГМТ*).

[11] Толстой с Д. П. Маковицким ездили на заседание выездной сессии Московской судебной палаты, на котором слушалось уголовное дело о намерении крестьян ограбить почту и политическое — эсера И. И. Афанасьева, обвинявшегося в хранении нелегальной литературы. Как писала газета «Тульская молва»: «Толстой одним своим присутствием уже защищал подсудимых» (1910, № 679, 17 января). Крестьяне, обвинявшиеся в нападении на почту, были оправданы; по делу И. И. Афанасьева вынесен сравнительно мягкий приговор.

Подробная запись о присутствии Толстого на заседании суда — см. *ЯЗ*, 16 января.

[12] Л. Н. Толстой. Круг чтения. Избранные, собранные и расположенные на каждый день мысли многих писателей об истине, жизни и поведении. ⟨Одесса⟩. ред. «Одесского листка», 1910 (В память XXXVI-летия издания «Одесского листка». Ред.-издатель В. В. Навроцкий) (*ЯПб*).

[13] В. Ф. Булгаков по рекомендации В. Г. Черткова начал работать секретарем у Толстого с 17 января 1910 г. В этот же день он сделал первую запись в своем дневнике (впервые опубликован под названием «У Л. Н. Толстого в последний год его жизни. Дневник». М., 1911).

Толстой, по свидетельству Булгакова, подготовил к этому времени новый план сборника «Круг чтения» для более популярного издания (*Булгаков*, с. 50—51). Работа над детским «Кругом чтения», начатая в 1906—1907 гг., не была закончена. Часть материала с небольшим вступлением Толстого была опубликована И. И. Горбуновым-Посадовым в журнале «Свободное воспитание», 1907, № 1, под загл. «Беседы с детьми по нравственным вопросам». С. А. Толстая включила эту статью в IV ч. «Сочинений гр. Л. Н. Толстого». М., 1911, с. 403—413.

[14] А. В. Голицын в письме от 19 января 1910 г. просил Толстого высказаться о кооперации. Толстой изложил свои взгляды по этому вопросу в письмах от 23 января А. В. Голицыну (*ПСС*, т. 81, с. 67—69) и В. Ф. Тотомианцу (там же, с. 66—67); последнее под заглавием «Письмо Л. Н. Толстого о кооперативном движении» было опубликовано в «Жизни для всех», 1910, № 2, февраль, с. 148 — 149, с ошибочной датой 13 января.

[15] См. *Е*. 1909 г., коммент. 86.

[16] Увертюра «Эгмонт» фа минор, ор. 84 — музыка Л. Бетховена к трагедии Гете «Эгмонт».

[17] И. Е. Репин. «Л. Н. Толстой в розовом (или дедовском) кресле». Масло, 1909 г.; А. В. Моравов. «Толстой за работой в кабинете яснополянского дома». Масло, 1909 г. (*ГМТ*).

[18] Открытие народной библиотеки Московского общества грамотности в честь 80-летия Л. Н. Толстого состоялось 31 января 1910 г. в избе крестьянина А. Елисеева в деревне Ясная Поляна. На открытии присутствовал Толстой. Фотограф «Русского слова» А. И. Савельев сделал снимок: Толстой среди крестьян на крыльце библиотеки. См. корреспонденцию А. С. Куприянова «Торжество в Ясной Поляне».— *Р. сл.*, № 26, 2 февраля. Об открытии библиотеки Толстой записал в Дневнике.— *ПСС*, т. 58, с. 14.

[19] Сироты — Татьяна, Иван и Петр Хохловы, дети из крестьянской семьи деревни Новая Колпна. Старшую, Татьяну, С. А. Толстая устроила в Сергиевское ремесленное училище, Ивана — в Ольгинский детский приют; младший Петр уже после смерти Толстого был определен в сельскохоз. школу в г. Бобрики. Сохранились «Воспоминания Хохловых». Машинопись (*ГМТ*).

[20] Н. Е. Фельтен, арестованный за напечатание запрещенных статей Толстого, был приговорен Петербургской судебной палатой к шести месяцам заключения в крепости. С письмом Толстому от 3 января Фельтен прислал копию обвинительного акта. Толстой переправил копию акта А. М. Кузминскому, в то время сенатору и председателю Петербургского окружного суда, прося помочь Фельтену (*ПСС*, т. 81, с. 23). В ответном письме от 17 января Кузминский отказал в заступничестве. Толстой был возмущен несправедливостью судебного дела и отказом Кузминского.

Последователь Толстого В. А. Молочников переслал в Ясную Поляну четыре письма к нему от С. И. Смирнова, солдата, отказавшегося от военной службы и отбывавшего наказание в Новгородской тюрьме. Толстой отвечал В. А. Молочникову 29 января. На конверте письма Молочникова его помета: «Чудесное письмо Смирнова» (*ПСС*, т. 81, с. 80—81).

[21] Без ведома Толстого в газетах был напечатан искаженный обратным переводом с французского на русский язык отрывок из его Дневника за 1889 г. — «Последний этап моей жизни». Впервые опубликован В. Г. Чертковым в «Листках «Свободного слова», 1899, № 2, с. 48—52. О появлении в печати этой статьи Толстой запрашивал Черткова телеграммой. — *ПСС*, т. 89, с. 170.

[22] Чешский квартет в составе Ганс Виган, Карл Гофман, Иосиф Сук и Оскар Недбал 19 декабря 1895 г. играл в хамовническом доме, о чем есть запись в Ежедневнике. Толстому настолько понравилась игра Чешского квартета, что он побывал на их

концерте в Малом зале Дворянского собрания. См.: Н. Гусев, А. Гольденвейзер. Лев Толстой и музыка. М., 1953, с. 38—39.

[23] Рахманинов неоднократно бывал в хамовническом доме, а 9 января 1900 г. аккомпанировал Ф. И. Шаляпину на музыкальном вечере у Толстых. Воспоминания С. В. Рахманинова о Толстом — в сб. «Воспоминания о Рахманинове», т. 2, М., 1967, с. 229—230.

[24] Повесть «Дьявол», написанная в 1889 г. (*ПСС*, т. 27), при жизни Толстого не публиковалась. Напечатана впервые в «Посмертных художественных произведениях Льва Николаевича Толстого». М., 1911, т. 1.

[25] Оператор кинофирмы «Paté» (или «Frères Paté») Ж. Мейер снял кинопленку, фрагменты которой хранятся в Госфильмофонде. Включены частично в документальный фильм «Живой Толстой».

[26] В письме В. Г. Черткову от 17 февраля С. А. Толстая благодарила его за приглашение переехать в Крекшино (в связи с тем, что в окрестных деревнях вблизи Ясной Поляны распространилась эпидемия тифа); она писала, что переезд в Крекшино невозможен из-за тяжелой болезни А. Л. Толстой.

[27] Подробную запись беседы Толстого с корреспондентом норвежской газеты «Morgenbladet» М. Левиным см.: *ЯЗ*, 20 февраля; см. также *Булгаков*, с. 102—103.

[28] «Баррикада» — нашумевшая пьеса французского писателя П. Бурже; проникнута духом католицизма, содержит нападки на рабочее движение, прославление насилия; вызвала оживленную полемику во французской печати.

И. Д. Гальперин-Каминский, переводчик на французский язык произведений Толстого, живший в Париже, прислал ему шесть газетных вырезок с отзывами о пьесе представителей различных партий, а затем и саму пьесу (письма И. Д. Гальперина-Каминского от 28/15 февраля и от 12 марта нов. ст., *ГМТ*). Отзыв Толстого о пьесе и о полемике вокруг нее содержится в письме Гальперину-Каминскому от 24—25 февраля (*ПСС*, т. 81, с. 111—112).

[29] «Лев Толстой. Критико-биографическое исследование Н. Г. Молоствова и П. А. Сергеенко. Под ред. А. Л. Волынского». СПб., 1910. Вып. 1—3. С илл. Е. П. Самокиш-Судковской.

[30] О посещении Л. И. Шестова, автора книги «Добро в учении гр. Толстого и Ф. Ницше», СПб., 1907, Толстой сделал запись в Дневнике: «Приехал Шестов. Мало интересен — «литератор» и никак не философ» (*ПСС*, т. 58, с. 21).

[31] Книга «Die Greuel der christischen Civilisation. Briefe eines buddhischen Lama aus Tibet», Lpz. 1907, была прислана Толстому в 1909 г. автором, немецким писателем Б. Фрейданком. Написана

от вымышленного лица Чонг-Ка-Па-Ламы. По предложению Толстого была переведена А. А. Гольденвейзер; под заглавием «Письма буддиста к христианину» опубликована журн. «Вегетарианское обозрение», 1910, №№ 5—10.

[32] В «Послесловии» к «Войне и миру» напечатана статья Л. Н. Толстого «Несколько слов по поводу книги «Война и мир». — «Сочинения гр. Л. Н. Толстого», ч. VIII, М., 1911.

[33] Под заглавием «О самоубийстве» в газете «Русское слово», 1910, № 55, 9 марта, было напечатано письмо Толстого З. М. Любочинской от 25 августа 1899 г. (*ПСС*, т. 72, с. 175—176).

[34] Чтение запрещенных сочинений Толстого было предпринято С. А. Толстой в связи с подготовкой 12-го издания Сочинений Л. Н. Толстого. 3 марта С. А. Толстая обратилась с письмом к В. Г. Черткову:

«Многоуважаемый Владимир Григорьевич!

Как вам, вероятно, известно, я печатаю новое издание сочинений Льва Николаевича и задалась мыслью издать все, что только возможно, даже с риском ареста некоторых томов.

Просьба моя к вам состоит в том, чтобы вы мне дали или указали, где достать те статьи и сочинения Льва Николаевича, которых у меня нет и которые я не знаю, где могу достать, так как за последние годы все посылалось вам без моего ведома и я не имела даже возможности многое переписать, что желала бы иметь и что теперь мне нужно для более полного издания.

Прилагаю список того, чего у меня нет, и очень надеюсь на вашу добрую помощь. Я уверена, что и вы сочувствуете более широкому распространению сочинений Льва Николаевича и более полному изданию их» (*ГМТ*) (список, приложенный к письму, отсутствует. — *Н. А.*).

В. Г. Чертков ответил 8 марта, что он будет «рад случаю сделать приятное» и раздобыть и выслать нужные статьи, хотя произойдет задержка вследствие того, что некоторые материалы нужно выписывать из-за границы (рукописи запрещенных сочинений Толстого хранились в специальном хранилище, созданном Чертковым в Крайстчёрч, близ Лондона).

Не дождавшись ответа Черткова, С. А. Толстая, возможно, по совету Толстого, обратилась к «Полному собранию сочинений Л. Н. Толстого, запрещенных русской цензурой» под ред. В. Г. Черткова. Изд. «Русское свободное слово», 1901—1906.

[35] Письмо В. Ю. Шимановского Толстому от 7 марта. Ответ Толстого от 10 марта, см. *ПСС*, т. 81, с. 140—141.

[36] С. А. Стахович привезла в Ясную Поляну машинописный экземпляр писем Толстого к А. А. Толстой. Оригиналы писем были переданы А. А. Толстой в 1903 г. в Рукописное отделение

Библиотеки Академии наук в Петербурге. «Переписка Л. Н. Толстого с гр. А. А. Толстой. 1857—1903» издана Обществом Толстовского музея в Петербурге в 1911 г.

[37] В. Н. Мешков нарисовал портрет Толстого углем и сделал несколько рисунков: «Толстой за работой», «За игрой в шахматы с М. С. Сухотиным», а также зарисовки комнат яснополянского дома (*ГМТ*). См.: В. Н. Мешков. ...Памятное. Листки из мемуаров.— Газ. «Сов. искусство», 1938, № 114, 28 августа.

[38] Ответ на письмо Н. Н. Гусева от 9 марта, в котором он сообщал, что ему угрожает привлечение к суду за распространение запрещенных сочинений Л. Н. Толстого (*ПСС*, т. 81, с. 152).

[39] Финский писатель А. Ернефельт во время своего визита в Ясную Поляну убеждал Толстого поехать в июле в Стокгольм на Конгресс мира. См. письмо А. Ернефельта В. Г. Черткову — опубл. — *ПСС*, т. 58, с. 345.

[40] Копия С. А. Толстой с ее портрета работы В. А. Серова. Масло, 1892 г., находящегося в зале яснополянского дома (*ГМТ*).

[41] А. П. Войтиченко, ученик скульптурной школы из г. Нежина (см. *Булгаков*, с. 140).

[42] Трактат Толстого «Царство божие внутри вас» (*ПСС*, т. 28) первоначально издан за границей в 1893 г. в переводах на французский и немецкий языки, затем на русском языке в Париже и Берлине; был запрещен к распространению в России секретным циркуляром Главного управления по делам печати от 18 мая 1894 г. № 2829. Впервые опубликован в России В. Г. Чертковым в 1906 г. в издании «Русского свободного слова». Напечатан без цензурных купюр в XIV томе «Сочинений гр. Л. Н. Толстого». М., 1911.

[43] Чешский писатель, философ Т. Масарик пробыл в Ясной Поляне два дня — 29 и 30 марта. Толстой записал в Дневнике: «Вчера хорошо два раза говорил с Масариком» (*ПСС*, т. 58, с. 31).

[44] Общество Дома-музея имени Л. Н. Толстого (Толстовского музея), одним из учредителей которого был М. А. Стахович, основано в 1908 г. в Петербурге. Вслед за петербургским возникло московское отделение общества. Его заседания проходили в здании Литературно-художественного кружка на Большой Дмитровке. Официальное открытие московского отделения состоялось 19 марта 1911 г.

[45] М. А. Стахович обратился к С. А. Толстой от Общества Толстовского музея с просьбой снять копии с хранящихся у нее писем А. А. Толстой к Л. Н. Толстому. Переписка их, включающая 119 писем Толстого и 66 ответных писем, была издана в 1911 г.

[46] С. А. Толстая читала корректуры II тома книги A. Maude «The Life of Tolstoy». L., 1910.

[47] Рассказ «После бала» (*ПСС*, т. 34) впервые был опубликован в «Посмертных художественных произведениях Льва Николаевича Толстого», т. I, М., 1911.

[48] Накануне Второго Всероссийского съезда писателей Г. К. Градовский, как один из его организаторов, обратился к С. А. Толстой с письмом (от 1 апреля), прося ее посодействовать, чтобы Толстой послал приветствие съезду. 6 апреля Толстой написал Градовскому письмо, в котором и содержалось приветствие (*ПСС*, т. 81, с. 211—212). В письме от 12 апреля Градовский просил разрешения огласить приветствие на съезде, пропустив слова «сброд» и «заблудшие» в адрес правительства. Толстой согласился (*ПСС*, т. 81, с. 242). Однако на съезде М. А. Стаховичем была оглашена только первая часть письма, что огорчило Толстого и вызвало протест В. Г. Черткова в газетах («Речь», 1910, № 121, 5 мая, и «Утро России», № 138, 5 мая).

[49] Толстой присутствовал на заседании выездной сессии Московской судебной палаты 16 января и заинтересовался делом по обвинению в убийстве рабочим в имении Фигнера крестьянина, воровавшего лес. Толстой просил свидания с убийцей, но получил отказ тульского прокурора. Д. П. Маковицкий записал со слов Толстого: «Л. Н. хотел знать его психологию. Его чрезвычайно волновало это трагическое событие: «как, зачем это брат на брата»; что творится в душе этого человека и что творилось; что заставило его так поступать» (*ЯЗ*, 16 января).

М. А. Стахович, узнав об отказе тульских властей, просил разрешения на посещение Толстым заключенных в Тульской тюрьме у начальника Главного управления местами заключения С. С. Хрулева, но получил отказ.

[50] Автограф, представляющий собою третью редакцию повести «Детство».

[51] С. Л. Толстой так передает этот рассказ: «С. Н. Толстой рассказывал, что его старый слуга, когда его кто-то приглашал выкупаться, ответил: «Нет, не пойду, я уже откупался». Толстой применял это слово к себе, говоря о своих литературных работах» (*ДСТ*, IV, с. 290).

[52] Фотографы фирмы Шерер и Набгольц были приглашены С. А. Толстой, чтобы сделать новую фотографию Толстого для подготавливаемого ею 12 издания «Сочинений гр. Л. Н. Толстого». Фотография и факсимиле автографа Толстого с датой 14 апреля воспроизведены в 1-м томе издания.

[53] Тетрадь афоризмов и мыслей, собранных Н. С. Лесковым, была прислана Толстому П. А. Сергеенко. Булгаков, отбиравший по поручению Толстого изречения Лескова для нового издания

«На каждый день», установил, что большая часть мыслей принадлежит самому Толстому (см. *Булгаков*, с. 156—157).

[54] «От ней все качества» (*ПСС*, т. 38). Впервые напечатан в «Посмертных художественных произведениях Льва Николаевича Толстого», т. I, М., 1911.

[55] Отставной полковник Троцкий-Сенютович в стихах обвинял Толстого в отступничестве от православной церкви и государства. После разговора с Толстым устыдился своего сочинения и решил его сжечь.

[56] Директор высшей школы в Киото Харада Тацуки и чиновник министерства путей сообщения Мидзутаки Ходзе. О посещении японцев см. *Булгаков*, с. 178—180.

[57] По воспоминаниям В. Ф. Булгакова: «Лев Николаевич, выйдя к чаю, сказал, что слушал ее игру с удовольствием.

Она вся даже вспыхнула.

— Да ты шутишь, — недоверчиво проговорила она.

— Нет, нисколько. Да это adajio в «Quasi una fantasia» так легко...

Как была рада Софья Андреевна!

— Никогда я так не жалею, что я плохо играю, как когда меня слушает Лев Николаевич, — говорила она потом» (*Булгаков*, с. 185).

[58] По свидетельству Д. П. Маковицкого и В. Ф. Булгакова, С. А. Толстая говорила с Л. Андреевым о своей работе над «Моей жизнью» и изданием Собрания сочинений Л. Н. Толстого (*ЯЗ*, 21 апреля; *Булгаков*, с. 185).

Воспоминания Л. Н. Андреева «За полгода до смерти» впервые опубл. в журн. «Солнце России», 1911, № 53, с. 2—3.

[59] В «Списке писем, написанных по поручению Л. Н. Толстого» эти письма не значатся.

[60] Д. П. Маковицкий передает разговор Толстого с Б. О. Сибором о «Крейцеровой сонате»: Толстой соглашался с Сибором, что финал сонаты разочаровывает, и добавил, что в нем — начало декадентства (*ЯЗ*, 23 апреля).

[61] О посещении Ясной Поляны учениками Тульского реального училища В. Ф. Булгаков записал: «Лев Николаевич поговорил с ними, показал Пифагорову теорему «по-брамински» и роздал свои книжки на память. Мальчики ушли в очень приподнятом настроении» (*Булгаков*, с. 206).

[62] Письмо, датированное на основании почтовых штемпелей 4 мая (*ПСТ*, с. 782).

[63] По-видимому, С. А. Толстая разбирала юношеские сочинения Толстого, опубликованные впоследствии в *ПСС*, т. 1 («Юношеские опыты»).

[64] Толстой ездил в деревню Извеково к крестьянам-староверам, но не застал их.

[65] Над предисловием к «На каждый день» Толстой работал с перерывами четыре года и переделывал его более ста раз (*ПСС*, т. 45, с. 521—526).

[66] Д. П. Маковицкий записал: «Л. Н. пополудни ходил в Желябино (дер. Желябуху); там с плотниками, строящими однодворцу избу, разговаривал больше о водке. Они шуточками отделывались. Л. Н. был разговором с ними доволен. Чертков следовал за Л. Н. незамеченный и фотографировал» (*ЯЗ*, 14 мая).

[67] Об устройстве Ивана Хохлова в приют см. коммент. 19.

[68] В IV части помещены педагогические сочинения Толстого и сочинения для детей, в XI части — народные рассказы, в XII — «Воспоминания детства», пьесы и повести 80—90-х гг.

[69] Гувернером С. С. Толстого был швейцарец Морис Кюэс.

[70] «*Темный*» — Д. Л. Максимчук, украинец, собиравшийся отказаться от воинской повинности.

[71] Толстой отвозил корректуры сборника «Путь жизни», состоявшего из 31 книжки. За исключением не пропущенной цензурой книжки «Суеверие государства», они были напечатаны в «Посреднике». См.: «Путь жизни», М., «Посредник», 1911.

[72] Письмо В. Г. Черткова от 26 мая, в котором он рекомендовал Толстому актера П. Н. Орленева и просил принять его в Ясной Поляне (опубл. в *ПСС*, т. 58, с. 397—398). Ответ Толстого — *ПСС*, т. 89, с. 189.

[73] С. Л. Толстой так разъяснял эту запись: «Л. Н. никуда не «гнал» Софью Андреевну, а говорил ей, в ответ на ее жалобы на трудности хозяйства в Ясной Поляне, что ей нет необходимости жить в Ясной Поляне и что везде можно жить, хотя бы в Одоево (уездный город Тульской губ.)» (*ДСТ*, IV, с. 296).

[74] Упоминаемая записка тульской знакомой С. А. Толстой Е. А. Щелкан-Танеевой, рожденной Маклаковой, не сохранилась.

[75] П. Трубецкой. «Толстой за работой». Этюд. Масло. 1910, а также четыре рисунка карандашом (*ГМТ*).

[76] «От ней все качества».

[77] П. Трубецкой. «Л. Н. Толстой верхом».

[78] Черкес Ахмет, охранявший лес и луга Ясной Поляны, отвел в контору для составления протокола и наказания бывшего ученика Толстого из его первой яснополянской школы — Прокофия Власова, взявшего срубленное дерево. Толстой записал об этом в дневнике: «Ужасно стало тяжело, прямо думал уйти» (*ПСС*, т. 58, с. 60).

[79] «Первые воспоминания» — часть незаконченной автобиографии Толстого «Моя жизнь» для изд. 1910—1911 гг. (см.: *ПСС*, т. 23).

[80] С. Т. Семенов — крестьянский писатель, автор рассказов, повестей и драм из жизни русского крестьянства. Толстой был с ним знаком, переписывался. В 1894 г. написал предисловие к тому «Крестьянских рассказов» Семенова, в котором положительно оценил его сочинения (*ПСС*, т. 29).

[81] В этот день Толстой записал в своем дневнике: «Опять волнение, раздражение. Очень тяжело» (*ПСС*, т. 58, с. 62).

[82] Корректура II тома книги Э. Моода «The Life of Tolstoy», London, 1910.

[83] Письмо в редакции газет от 7—10 июня, вызванное ростом числа просительных писем о денежной помощи (см. *ПСС*, т. 82, с. 51—52).

[84] Предпринятое С. А. Толстой Собрание сочинений Толстого согласно проспекту должно было состоять из 20 частей (томов). К июню 1910 г. были подготовлены 11 частей и велась работа над остальными частями.

[85] Карл Велеминский. См. *Е*. 1907 г., коммент. 49.

[86] П. Трубецкой. «Пашущий мужик» (Париж. Институт славянских языков).

[87] «Азбука» и повесть «Сорок лет» вошли в XII часть изд. 1910—1911 гг.

[88] Оба эти произведения вошли в XII часть изд. 1910—1911 гг.

[89] Письмо из Отрадного от 14 июня (см. *ПСС*, т. 84, с. 393; здесь ошибочно указано, что оно было получено С. А. Толстой лишь 22 июня).

[90] Письмо не опубликовано. С. А. Толстая писала: «Сейчас Белинький принес твое письмо, милый Левочка, и я даже не ожидала, что могу так обрадоваться. Спасибо и целую тебя. Надвигается грозовая туча, а я с Колечкой иду к Николаевым. Мне нужно предисловие твое к Генри Джорджу, а у меня нет и нигде нет в шкапах. Ну и прощай, мой милый *муж*, твоя *старая жена* (как ты пишешь), но все же любящая тебя Соня» (*ГМТ*).

[91] Т. Л. Сухотина в письме от 14 июня писала: «Уехавши от вас, у меня все в ушах звучали ваши слова, что у вас так нервы расстроены, что вам тяжело, суетно и не по старым силам много работы. Это совершенно верно, и в ваши годы очень часто люди уже живут на покое... Ведь совершенно искренне говоря, я считаю, что в вас настолько мало эгоизма, что для вас может быть радостью доставлять удовольствие другим... После этого невольно напрашивается вопрос: зачем, для кого и для чего вы несете ту каторжную жизнь, которая заставляет вас говорить, что вы «запряженная кляча»... Папа́ не переставая от этого страдает» (*ДСТ*, IV, с. 299).

[92] Письмо от 17 июня неизвестно. К письму от 18 июня С. А. Толстой сделано такое примечание: «В Ясной Поляне была получена срочная телеграмма от редакции «Петербургских ведомостей» с запросом о здоровье Льва Николаевича. Я очень испугалась и запросила об этом телеграммой к Чертковым» (*ПСТ*, с. 784).

[93] Письмо от 18 июня, в котором Толстой писал: «Вдруг утром пришел Чертков с твоей непонятной для нас, полученной ночью, телеграммой. У нас решительно ничего хоть мало-мальски неприятного, не хорошего не было и нет» (*ПСС*, т. 84, с. 394).

[94] Письмо от 18 июня (*ПСТ*, с. 784).

[95] С. Л. Толстого вызвал на дуэль К. В. Сумароков, с которым он находился в конфликтных отношениях из-за его самовольной охоты на волков в Никольском-Вяземском. Дуэль не состоялась, а в декабре 1910 г. между ними произошло формальное примирение.

[96] «Софья Андреевна, узнав, что я принес письмо от Черткова, стала просить Льва Николаевича передать ей его содержание, — записал Булгаков. — Лев Николаевич ответил, что письмо делового характера, но что по принципиальным соображениям он не может дать ей его для прочтения» (*Булгаков*, с. 394). Речь идет о письме Черткова от 26 октября, в котором он благодарил Толстого за его письма к нему и за то, что он делится с ним тем, что «переживает в глубине... души» (*ГМТ*).

[97] В этот день Толстой написал черновик прощального письма к С. А. Толстой (см. запись в Записной книжке 27 октября, *ПСС*, т. 58, с. 233), работал над письмом к К. И. Чуковскому о смертной казни (см. *ПСС*, т. 58, с. 123) и читал рукопись воспоминаний П. Н. Гастева о В. К. Сютаеве.

[98] См. *Дн.* 1910 г., коммент. 156.

[99] Л. Л. Толстой находился за границей.

[100] Д. Д. Оболенский, «старинный знакомый» семьи Толстых, приехал в Ясную Поляну в качестве корреспондента «Нового времени». В сообщении «Несколько слов по поводу отъезда Л. Н. Толстого» (*Н. вр.*, 1910, № 12444, 2 ноября) он писал: «Будучи близок к семье гр. Толстых, я поспешил взять тройку и поехал в Ясную Поляну, чтобы узнать, что в самом деле случилось». Его сообщения печатались 29, 30 октября и 2 ноября.

[101] Из Ясной Поляны Толстой с сопровождающим его доктором Маковицким отправился на станцию Щекино и оттуда поездом в Шамордино к М. Н. Толстой.

[102] Эти записи делались позднее, и потому произошло хронологическое смещение событий. Из Шамордина Толстой уехал рано утром 31 октября. Прибыв на станцию Козельск, он вместе

с Д. П. Маковицким и А. Л. Толстой без билетов сели на поезд, отходивший в южном направлении.

[103] Вместе с доктором П. И. Растегаевым (у С. А. — ошибка) приехала студентка медицинского факультета Е. И. Скоробогатова.

[104] См. *Дн.* 1910 г. и коммент. 157.

[105] По просьбе Толстого 1 ноября А. Л. Толстая послала Черткову телеграмму: «Вчера слезли Астапово. Сильный жар, забытье. Утром температура нормальная, теперь снова озноб. Ехать немыслимо. Выражал желание видеться с вами. *Фролова*» («Смерть Толстого», М., 1929, с. 18). Желая сохранить в тайне свое местопребывание, Толстой и его дочь Александра в своей переписке пользовались псевдонимами: Толстой — *Николаев*, А. Л. Толстая — *Фролова*.

[106] Т. Л. Сухотина вспоминала: «Мать подошла, села в его изголовье, наклонясь над ним, стала шептать ему нежные слова, прощаться с ним, просить простить ей все, в чем была перед ним виновата. Несколько глубоких вздохов были ей единственным ответом» (*Т. Л. Сухотина*, с. 425).

[107] «Пытаясь выяснить правдивую картину ухода Толстого, причины, побудившие его к этому, я в качестве журналиста побывал в Ясной Поляне, — писал Ал. Ксюнин, — провел там целый день в беседах с Софьей Андреевной и с ее дочерьми, заходил к яснополянским крестьянам, говорил с ними о Л. Н., а затем проехал и в монастыри, где Толстой провел здоровым последние дни». Об этих своих посещениях он написал ряд очерков, публиковавшихся в декабре 1910 г. в газете «Новое время» и составивших книгу «Уход Толстого» (СПб., 1911). «Сегодня очень правдивая и хорошая статья Ксюнина в «Новом времени» и мне сочувственная», — писала С. А. Толстая Т. Л. Сухотиной в Рим 11/24 декабря (*ГМТ*).

[108] Письма Октаву Мирбо от 26 мая 1903 г. и Полю Сабатье от 7/20 декабря 1906 г. — вошли в состав XX части изд. 1910—1911 гг.

[109] Художник В. И. Россинский задумал составить художественно-документальную летопись последних дней жизни Толстого. Для этого он приезжал в Ясную Поляну после «ухода», а также посетил все те места, где побывал Толстой. Сделанные им рисунки экспонировались на первой Толстовской выставке в Москве в октябре 1911 г. и составили альбом «Последние дни Л. Н. Толстого» (СПб., 1911). Альбому предпослано вступление, в котором художник излагает услышанные им рассказы об «уходе» Толстого и его смерти.

[110] Письмо опубликовано в *Летописях*, кн. 2, с. 252—253. С. А. Толстая писала Танееву: «Последнее время я доставляла беспокой-

ство и горе Л. Н. своей нервной болезнью, своей нелюбовью Черткова, с которым он этим был разлучен, — и теперь это составляет мое главное страдание. Живу одна в большом доме, пока еще с прежними слугами и прежней обстановкой. Все разъехались, кроме доктора Маковицкого, но и он скоро уедет».

[111] М. А. Стахович приехал по приглашению С. А. Толстой; она писала ему 13 декабря: «Общаться с людьми, которые, как вы, бескорыстно во всех отношениях, любили и высоко чтили Л. Н., — есть для меня теперь лучшая отрада. О многом и нужно и хотелось бы с вами переговорить, и отвести душу, и послушать ваших советов... к 10 января меня Саша требует в Москву для выдачи ей рукописей, хранившихся в музее» (*ГМТ*). Советы Стаховича касались прав С. А. Толстой на рукописи Толстого, сданные ею в Исторический музей, и на ее издания в связи с завещанием Толстого (см. *Дн.* 1910 г., коммент. 49). По все этим вопросам Стахович консультировался с видными юристами. См. записи 1911 г. и коммент. 4—6.

[112] Неоконченная автобиографическая драма, над которой Толстой работал начиная с 80-х гг. на протяжении двух десятилетий. Впервые опубликована в «Посмертных художественных произведениях Льва Николаевича Толстого», т. 2, М., 1911, издании, осуществленном А. Л. Толстой (*ПСС*, т. 31).

[113] Имеется в виду письмо Толстого к И. И. Горбунову от 4—6 августа 1889 г. (см. *ПСС*, т. 64, с. 290—292). С. А. Толстая включила его в XX часть своего издания под названием «О любви к богу и ближнему».

[114] Рассказ написан в 1906 г. (*ПСС*, т. 36). Впервые опубликован в «Посмертных художественных произведениях Льва Николаевича Толстого» (т. I, М., 1911).

[115] Билеты были взяты по дороге на станции Волово в Ростов-на-Дону.

1911

(Стр. 333—368)

[1] Об этом же М. Н. Толстая писала С. А. Толстой: «Когда Левочка приехал ко мне, он сначала был очень удручен; и когда он мне стал рассказывать, как ты бросилась в пруд, он плакал навзрыд, я не могла его видеть без слез» (*ГМТ* — копия в письме С. А. Толстой к Т. Л. Сухотиной от 25 апреля 1911 г.).

[2] После смерти сына Толстых Ванечки (в 1895 г.), которому по разделу 1891 г. вместе с матерью досталась Ясная Поляна (см. *Дн.* 1891 г., коммент. 54), владельцами Ясной Поляны стали С. А. Толстая и ее сыновья. Сразу же после смерти писателя встал

вопрос о дальнейшей судьбе Ясной Поляны, поскольку наследники не располагали достаточными средствами для ее содержания и сохранения как культурно-исторического памятника. Возник проект выкупа усадьбы на собранные в «цивилизованных странах» средства с тем, чтобы превратить ее в международную собственность и памятник культуры, а всю остальную землю продать американцам за 1,5 миллиона долларов. М. А. Кузминский, прибывший 1 января в Нью-Йорк, вел переговоры с рядом иностранных промышленников. Из опубликованных в газетах интервью Кузминского (*Б. вед.*, 1911, № 12 108, 5 января; «Одесский листок», № 5, 6 января) стало известно о намерении продать национальное достояние России иностранцам, что вызвало глубокое возмущение русского общества, выразившееся в выступлениях, статьях, письмах. В конце апреля появилось интервью с сыновьями Толстого (С. Л. Толстой не был причастен к этой акции и от своей доли наследства отказался), в котором они заявили: «Мы действительно вели переговоры с американскими миллиардерами, но речь шла только о продаже земли, но не усадьбы. Наше общее желание продать все в национальную собственность» (см.: «Утро Харькова», 1911, № 1328, 24 апреля).

И. Л. Толстой в Америку не поехал.

[3] XX часть изд. 1910—1911 гг., с общим названием «Мысли и письма» была составлена из разделов: «Для чего мы живем?», «Мужчина и женщина», «О сознании духовного начала» и др.

[4] 20 ноября 1910 г. после вступления в силу завещания Толстого Н. К. Муравьев обратился с заявлением в Исторический музей, где находилась переданная туда С. А. Толстой на хранение часть ее архива и часть архива Толстого. В заявлении предлагалось: 1) временно продолжать хранить находящееся там имущество; 2) никого в хранилище не допускать; 3) хранилище опечатать. В составленном им 10 января 1911 г. нотариальном заявлении, обращенном к типографии т-ва Кушнерева, указывалось, что «согласно завещанию печатание или издание кем-либо сочинений Л. Н. Толстого помимо А. Л. Толстой является нарушением ее интересов», вследствие чего должно последовать «приостановление со стороны типографии дальнейшего печатания сочинений Л. Н. Толстого и... невыдача гр. С. А. того, что типография уже напечатала». Типография с этими требованиями не согласилась, так как «заказ сдан гр. С. А. Толстой. Она доставляет бумагу, она вкладывает свой труд — читает корректурные листы, разбирается в рукописях (да, кроме нее, никто в них и не разберется), она, следовательно, и является собственницей заказа» (*Р. сл.*, 1911, № 12, 16 января).

[5] В своем письме на имя председателя совета Исторического музея Н. С. Щербатова С. А. Толстая просила о допуске ее к хранящимся там рукописям, необходимым ей для продолжения работы над мемуарами. Она предложила также предоставить возможность А. Л. и С. Л. Толстым и Т. Л. Сухотиной снять копии с рукописей всех неизданных сочинений Толстого, которыми будет пользоваться А. Л. Толстая при осуществлении своих издательских прав, с тем, чтобы оригиналы остались на вечное хранение в музее и не портились от частого обращения к ним (см. Л. Л. «Спор о рукописях Л. Н. Толстого».— «Речь», 1911, № 293, 25 октября). Совет музея ответил, что «опечатать комнаты этой... не может, что находящиеся там вещи никому, кроме гр. С. А. Толстой, выданы быть не могут, но... ввиду начавшегося спора стороны врозь допущены в комнату не будут» (*Р. сл.*, 1911, № 12, 16 января).

[6] С. А. Толстая имеет в виду появившиеся в ряде газет сочувственные статьи с изложением ее точки зрения. С видными юристами — проф. Г. Ф. Шершеневичем и С. И. Филипповым — консультировался М. А. Стахович.

[7] В. Чертков. О последних днях Льва Николаевича Толстого. — *Р. вед.*, 1911, №№ 12 и 13, 16 и 18 января. Перепечатан многими газетами, вскоре вышел отдельным изданием (СПб., 1911).

[8] Под общим заглавием «Литературное наследие Л. Н. Толстого» были опубликованы два письма в редакцию «Русского слова» — А. Л. Толстой и В. Г. Черткова. А. Л. Толстая в своем письме объясняла, что из-за нарушения «посмертной воли отца» ей пришлось прибегнуть к «нотариальным заявлениям»; она также настаивала на передаче ей «самих подлинников, а не копий рукописей», так как это является «наиболее важным требованием завещания» (см. коммент. 49 к *Дн.* 1910 г.).

Чертков же в своем письме опровергал утверждение С. А. Толстой о том, что рукописи были ей подарены Толстым, и при этом позволил себе сделать бестактные и оскорбительные намеки в отношении С. А. Толстой (*Р. сл.*, 1911, № 22, 23 января).

[9] Сборник изречений «На каждый день» печатался в газете «Новая Русь» в течение всего 1909 г. и до мая 1910 г. (до прекращения выхода газеты) — см. *ПСС*, т. 43—44.

[10] Замысел этого романа С. А. Толстой был известен (см. «Мои записи разные для справок», 15 февраля 1870 г. и 16 января 1873 г. и коммент. 11 и 24), но с текстами сохранившихся набросков она, по-видимому, познакомилась впервые. «При недавнем свидании, — сообщал посетивший Ясную Поляну Ал. Ксюнин, — Софья Андреевна рассказывала мне, что она нашла сейчас листки, написанные карандашом и относящиеся к задуманной Тол-

стым эпопее о Петре Великом. Л. Н. не написал этого произведения... потому что, как он говорил, «не мог восстановить обыденной жизни эпохи» (*Н. вр.*, 1911, № 12 629, 11 мая).

[11] Письмо Т. Л. Сухотиной от 29 января из Рима. Она писала: «Я бы во имя любви к памяти мужа, не выносившего борьбы и ненависти, и для того, чтоб спасти и удержать дочь от недостойной и позорящей ее борьбы с родной матерью, я открыла бы ей двери музея и отдала бы на ответственность ее (и общества) сохранность рукописей» (*ГМТ*).

[12] Материалы о Толстом были опубликованы в январском и февральском номерах «Вестника Европы».

[13] Письмо от 4 декабря 1910 г. об обстоятельствах ухода Толстого (*ИРЛИ*); в переводе на французский язык опубликовано под названием «Последние дни Толстого». — «Figaro», 1923, 11 февраля.

[14] Дневник 1862—1863 гг. — см. *ПСС*, т. 48.

[15] «Дневник для одного себя» (см. *ПСС*, т. 58).

[16] На основании доклада цензора Московскому комитету по делам печати о возбуждении судебного преследования издателей Сочинений Л. Н. Толстого за включенные в него «преступные произведения», на XVI, XIX и XX части был наложен арест.

[17] В состав XX части входили два обращения Толстого к Николаю II: «Царю и его помощникам» (1901) (см. *ПСС*, т. 34) и «К царю о положении в России» (от 16 января 1902 г.) (см. *ПСС*, т. 73, с. 184—191). См. коммент. 28.

[18] См. коммент. 5.

[19] В письме (март) к министру просвещения Л. А. Кассо С. А. Толстая повторила содержание письма к Н. С. Щербатову (см. коммент. 5) и просила также выдать принадлежащие ей вещи — дневники, записки, повести, адресованные ей письма (см.: «Речь», 1911, № 293, 25 октября).

[20] Газеты поместили объявление С. А. Толстой: «Вышло из печати собрание сочинений Л. Н. Толстого, цена 25 рублей. Склад, Москва, Хамовнический переулок, дом 21».

[21] Подлежащие изъятию статьи С. А. Толстая заменила письмами из двухтомного издания: «Письма Л. Н. Толстого, собранные и редактированные П. А. Сергеенко», М., «Книга», т. I, 1910; т. II, 1911.

[22] Л. А. Кассо в ответ на просьбу С. А. Толстой (см. коммент. 19) писал: «Ввиду возникшего между вами и... А. Л. Толстой спора затрудняюсь допустить к пользованию разными письменными материалами».

[23] Л. Л. Толстой писал о хлопотах по устройству выставки своих скульптурных работ.

[24] И. Д. Гальперин-Каминский после свидания с С. А. Толстой

опубликовал две статьи: «Ясная Поляна без Льва Толстого» («Синий журнал», 1911, № 19) и «Спор из-за рукописей Толстого» (т а м ж е, № 20), в которых, используя полученные от С. А. Толстой материалы, защищал ее от «всевозможных обвинений» со стороны противников.

[25] Текст этого завещания не сохранился.

[26] «Юность» — первая часть автобиографического романа Е. И. Чирикова «Жизнь Тарханова».

[27] Строка из стихотворения А. А. Фета «А. Л. Бржеской» («Опять весна, опять дрожат листы...») (1879).

[28] В печати сообщалось, что Московская судебная палата постановила уничтожить XVI, XIX, XX части 12-го издания за содержащиеся там статьи «К рабочему народу», «Рабство нашего времени», «Великий грех», «Не убий», «Одумайтесь», «Не могу молчать», «Закон насилия и закон любви», «Царю и его помощникам» и др., так как в них было усмотрено «богохуление», «возбуждение в населении враждебного отношения к правительству, дерзостное неуважение к верховной власти» (*Р. сл.*, 1911, № 89, 20 апреля). Перепечатано многими газетами.

[29] В этот день С. А. Толстая писала Т. Л. Сухотиной: «Была в Судебной палате, в Цензурном комитете, просила, приставала, жалобила их всячески и добилась того, что завтра в 5 часов дня мне дадут список запрещенных статей и разрешение их перепечатать; а то хотели было все 3 части уничтожить» (*ГМТ*).

[30] В Москве в галерее Лемерсье была открыта большая выставка картин художника И. П. Похитонова.

[31] С. А. Толстая получила разрешение на переиздание трех последних томов собрания сочинений. «По ходатайству С. А. Толстой Комитет по делам печати допустил изъятие из известных 3-х томов сочинений Л. Н. Толстого... — сообщалось в газетах, — запрещенных приговором судебной палаты статей путем вырезки последних из напечатанных книг. Во исполнение означенного постановления вчера, 28 апреля, в складе С. А. Толстой... состоялось в присутствии представителей Цензурного комитета, полиции и одного из директоров типографии т-ва Кушнерева... снятие печатей с конфискованных книг... книги будут перевезены в типографию, где начнется вырезка из них недопущенных статей. Типография обязана сохранить все количество вырезанных страниц. По окончании же вырезки чиновники Цензурного комитета примут с точным счетом исключенные страницы, после чего вся масса их будет или искрошена на резальных машинах в типографии градоначальства, или сожжена под наблюдением чинов цензурного ведомства в печах типографии т-ва Кушнерева» (*Р. вед.*, 1911, № 97, 29 апреля).

[32] С. А. Толстая писала 3 мая Т. Л. Сухотиной: «Императрица... отказала меня принять, и говорят, что она не забыла то, что говорили давно, будто я обманула Александра III, обещав не продавать отдельно «Крейцерову сонату», а издала ее в отдельном издании. Издали подпольные издатели» (*ГМТ*).

[33] На этом заседании Общества Толстовского музея были заслушаны отчеты о его деятельности, о подготовке к открытию в Петербурге Музея Толстого и принято решение об издании переписки Толстого с Н. Н. Страховым.

[34] Сохранился черновик прошения С. А. Толстой на имя министра юстиции И. Г. Щегловитова, в котором она писала: «Умоляю, многоуважаемый Иван Григорьевич, ускорить решение томящего нас и все русское общество дела рукописей Толстого» (*ГМТ*).

[35] Вероятно, имеется в виду лекция К. И. Арабажина «Драма жизни и творчества Л. Н. Толстого» — «Новое слово», 1912, № 3.

[36] См. коммент. 2, 49 и 90.

[37] А. А. Шахматов посетил С. А. Толстую в связи с ее обращением к Академии наук с просьбой об оказании помощи в разборе и описании рукописей Толстого и о передаче их туда на постоянное хранение. Он сообщил ей о согласии Академии наук.

[38] Е. А. Нарышкина. Мои воспоминания, 1-е изд. — СПб., 1906, 2-е — СПб., 1910.

[39] В письме к Николаю II от 10 мая С. А. Толстая предлагала приобрести Ясную Поляну в государственную собственность. «Передать его колыбель и могилу под охрану государства составляет горячее наше желание, — писала она. — Я сочла последним к его памяти долгом сохранить неприкосновенным в руках русского государства его материальное и духовное богатство». В письме речь шла также и о положении с рукописями Толстого, причем свою позицию С. А. Толстая объясняла стремлением «к тому, чтобы все им написанное... оставалось в России и для России», и было бы передано «безвозмездно на вечное хранение в одно из русских государственных или научных хранилищ» (*ГМТ*).

[40] XVI и XIX части вышли в уменьшенном объеме без добавления новых произведений, в XX части изъятые произведения были заменены письмами Толстого (к Сабатье, Мирбо и др.) и сохранен прежний листаж.

[41] Цель свидания с московским городским головой Н. И. Гучковым — предложение о продаже хамовнического дома городу.

[42] С. А. Толстая писала Л. А. Кассо дважды: в феврале и марте (см. коммент. 19). Кассо ответил ей 12 мая, что не возражает против исполнения ее просьбы (см.: «Речь», 1911, № 293, 25 октября).

[43] Заключительная глава второго тома книги Э. Моода «The Life of Tolstoy», Лондон, 1910.

[44] Речь идет о книгах: В. Ф. Булгаков. У Л. Н. Толстого в последний год его жизни, М., 1911 (с дарственной надписью и пометами — б-ка С. А. Толстой); В. Лазурский. Воспоминания о Л. Н. Толстом. М., 1911; Romain Rolland. La vie de Tolstoi. Париж, 1911 (б-ка С. А. Толстой), и названная выше книга Э. Моода.

[45] С. Л. Толстой занимался подготовкой книги «Ясная Поляна. Краткое описание и сведения для посетителей. С картой, 4 планами и 5 фототипиями» (вышла в 1914 г.). Текст, за исключением двух глав, написан С. Л. Толстым.

[46] Письмо неизвестно.

[47] В журнале «Foi et Vie» (1911, 16 мая) (б-ка С. А. Толстой) опубликованы воспоминания Мориса Дени Роша «Толстой в Ясной Поляне» о его пребывании в усадьбе Толстого в июне 1899 г. — (см. *ЛН*, т. 75, кн. 2, с. 24—31), а также статьи Ш. Жида и др.

[48] Альбом «Из жизни Л. Н. Толстого. Снимки исключительно гр. С. А. Толстой». Исполнены фототипии Шерер, Набгольц и К° в Москве. Был издан в пользу погорелых крестьян окрестностей Ясной Поляны.

[49] В газете «Русское слово» (1911, № 121, 28 мая) сообщалось, что на заседании Совета министров было принято решение о приобретении Ясной Поляны через государственный крестьянский банк за 500 000 рублей.

[50] В связи со столетием со дня рождения В. Г. Белинского в газетах и журналах было опубликовано много статей о нем.

[51] Свое посещение Ясной Поляны М. М. Пришвин описал в очерке «Отклики жизни. Смута» (*Р. вед.*, 1911, № 262, 13 ноября). Впоследствии очерк в новой редакции вошел в книгу «Глаза земли» (глава «Ниагарский водопад»).

[52] Вероятно, сочинение Б. Паскаля «Discours sur les passions de l'Amour». См. *Е*. 1912 г., запись 19 июля.

[53] См. *Е*. 1907 г. и коммент. 36.

[54] Предложение Толстых о продаже правительству Ясной Поляны содержало ряд условий, в том числе погребение сыновей и С. А. Толстой рядом с могилой Толстого, предоставление С. А. Толстой пожизненного права проживания в так наз. флигеле Кузминских.

[55] Полемика была вызвана объяснением Черткова «Ответ на клевету» (*Р. вед.*, 1911, № 148, 29 июня), в котором он опровергал сообщения в печати о том, будто бы он в разговоре с Г. Н. Георгиевским (31 января) требовал от него рукописи дневников Толстого для того, чтобы «вырвать или уничтожить некоторые стра-

ницы». Чертков утверждал, что его слова были ложно истолкованы. В ответ, с разрешения С. А. Толстой, в газете «Русское слово» были опубликованы письмо Г. П. Георгиевского к ней от 2 февраля и его открытое официальное письмо от 24 апреля, вновь подтверждающее права С. А. Толстой на оспариваемые рукописи с ссылкой на сказанные Толстым в его присутствии слова: «Все свои автографы я подарил Софье Андреевне, и это ее собственность» (*Р. сл.*, 1911, № 153, 5 июля).

[56] Картина «Могила Л. Н. Толстого» (масло) — находится в Музее-усадьбе «Ясная Поляна».

[57] Речь идет о «Яснополянских записках», которые Маковицкий вел с 1904 по 1910 г. В 1911 г. он занимался приведением их в порядок и перепиской.

[58] Гл. XXXIX романа «Воскресение», запрещенная цензурой в России, была напечатана в сб. «Из жизни духовенства», Лондон, 1902.

[59] С. Д. Меркуров готовил для Толстовской выставки (см. коммент. 85) рельефную карту Ясной Поляны с усадьбой, могилой и всеми местами, связанными с Толстым.

[60] См. *Е.* 1909 г. и коммент. 63. Н. Н. Гусев вернулся из ссылки 12 июля 1911 г.

[61] По просьбе Т. А. Кузминской, С. А. Толстая отправила в Париж Ш. Саломону оттиск ее воспоминаний «Мой последний приезд в Ясную Поляну», опубликованный в *Н. вр.*, 1910, № 12 487, 15 декабря (см. письма Т. А. Кузминской к С. А. Толстой от 28 июля и 18 августа — *ГМТ*).

[62] В заявлении на имя Н. И. Гучкова. С. А. Толстая писала о своем согласии продать хамовнический дом, а также обстановку кабинета Толстого и других комнат — см.: В. Булгаков. История дома Льва Толстого в Москве.— *Летописи,* кн. 12, с. 568.

[63] Это решение было вызвано тем, что А. Л. Толстая, выполняя волю Толстого, выраженную в его завещании (см. *Дн.* 1910 г., коммент. 49), объявила в печати о предоставлении всем издательствам права свободного издания «Азбуки», «Книг для чтения» и некоторых других произведений Толстого.

[64] Письмо с просьбой ускорить рассмотрение ее заявления.

[65] Е. Ф. Юнге. Воспоминания. М., б/г.

[66] «В незабвенный для России день, — писал в очерке «28-е в Ясной Поляне» С. Спиро, — день годовщины рождения великого писателя «земли русской» на могиле его были тульский полицмейстер, тульские пристава, уездный исправник, становые, урядники и около сотни вооруженных конных полицейских стражников. Полиция была собрана чуть не со всей Тульской губернии» (*Р. сл.*, 1911, № 199, 30 августа).

[67] Приезд П. Д. Долгорукова был вызван решением Московского комитета грамотности устроить при яснополянской народной библиотеке читальню им. Л. Н. Толстого.

[68] 1 сентября против председателя Совета министров П. А. Столыпина был совершен террористический акт.

[69] В. А. Поссе встречался с Толстым в 1895, 1900 и 1909 гг. Беседа с С. А. Толстой дала ему материал для лекции «Любовь в произведениях и жизни Л. Н. Толстого», с которой он осенью 1911 г. выступал в Саратове и других городах. Эти материалы он использовал также и в главе «Толстой» в книге «Мой жизненный путь» (М.—Л., 1929).

[70] Ч. Ветринский. Лев Николаевич Толстой. Очерк жизни и деятельности. 1-е изд. Нижний Новгород, 1910. Автор охарактеризовал свою книжку, как «памятку в руки людей, не сполна осведомленных о деятельности Льва Толстого» (с. 3).

[71] Письмо неизвестно.

[72] С. А. Толстая отвечала на запрос Н. И. Гучкова (от 16 августа) об окончательной цене хамовнического владения и на просьбу представить опись обстановки, которая продается вместе с домом. В ответном письме С. А. Толстая указывала сумму в 125 000 рублей, в которую входит также и стоимость кабинета Толстого, а остальную мебель она «вследствие изменившихся обстоятельств... принуждена оставить в своем владении» (В. Булгаков. История дома Льва Толстого в Москве. — *Летописи*, кн. 12, с. 568).

[73] «Смерть Сократа» (из «Разговоров» Платона) — «Круг чтения» — см. *ПСС*, т. 42, с. 65—72.

[74] В этот день «Живой труп» был впервые опубликован в «Русском слове» (1911, № 218, 23 сентября). См. коммент. 79.

[75] «Письма Тургенева к Виардо и его французским друзьям». М., 1900.

[76] Для подготавливаемой Толстовской выставки в Москве С. А. Толстая дала 12 различных фотографий Л. Н. Толстого, своих и фотографий детей. См. коммент. 85.

[77] С. Л. Толстому были посланы раздельный акт от 20 февраля 1851 г. между братьями Толстыми, доверенности на управление имением, фотографии и другие материалы, предназначенные для экспонирования на Толстовской выставке.

[78] Г. С. Бурджалов, В. А. Симов и И. М. Полунин подготовили для Толстовской выставки макеты хамовнического кабинета Толстого, комнату в Астапове. Яснополянские комнаты на выставке не были представлены.

[79] Первое отдельное издание, осуществленное А. Л. Толстой (М., 1911).

[80] А. Л. Толстая готовила трехтомное издание «Посмертных произведений Л. Н. Толстого» (два тома вышли в 1911 г.). «Тихон и Маланья», «Идиллия» — две редакции задуманной Толстым в 1860 г. повести из крестьянской жизни, оставшейся незавершенной (*ПСС*, т. 7).

[81] П. А. Сергеенко. Толстой и его современники. М., 1911.

[82] Чемодан, с которым Толстой покинул Ясную Поляну 28 октября.

[83] Речь идет о разрешении выдать хранившийся в Историческом музее письменный стол из кабинета Толстого в хамовническом доме для выставки.

[84] Сотрудники журнала «Солнце России» подготовили специальный номер к 7 ноября — годовщине смерти Толстого, где были помещены фотографии работы С. А. Толстой и Черткова и собственного фотографа. Редакция вынесла благодарность С. А. Толстой и Черткову «за их деятельное и любезное содействие, оказанное представителям редакции при собрании материала» (№ 53, 7 ноября, с. 14).

[85] 24 сентября в Художественном театре состоялась премьера пьесы «Живой труп». На генеральной репетиции (20 и 21 сентября) присутствовали Сергей, Илья, Александра Толстые, Т. Л. Сухотина и многие друзья и последователи Толстого. Андрея Львовича там не было.

Торжественное открытие Толстовской выставки состоялось 11 октября в Москве, в помещении Исторического музея.

[86] Альбом «Из жизни Толстого» и сборник детских рассказов С. А. Толстой.

[87] Посещение С. А. Толстой выставки широко освещалось в газетах, в которых были напечатаны ее ответы на вопросы корреспондентов по поводу экспозиции.

[88] К. Арабажин. Л. Н. Толстой (Как личность, художник и мыслитель). Публичные лекции о русских писателях. СПб., 1909.

[89] На Толстовской выставке были представлены музыкальные и поэтические произведения Толстого. Ознакомившись с ними, С. А. Толстая сделала несколько уточнений, на основании которых была написана статья С. Т. (вероятно, С. Л. Толстого), где говорилось: «I. *Вальс, приписываемый Л. Н. Толстому*, он сам не раз играл как вальс своего сочинения. С. И. Танеев записал его, прослушав игру самого Л. Н. Но однажды Л. Н. высказал сомнение в том, что он сам сочинил этот вальс. Можно предположить со слов С. А. Толстой, что вальс сочинен им совместно с его приятелем Зыбиным, виолончелистом и порядочным музыкантом. II. *Напев севастопольской песни* — это несколько видоизмененный напев

старой цыганской песни: «Я цыганка молодая, цыганка не простая, знаю ворожить». Л. Н. не раз игрывал аккомпанемент к этому напеву, или он и еще кто-нибудь играли вдвоем, в 4 руки мелодию вместе с аккомпанементом. Обыкновенно песня игралась в d-dur» (*ТЕ*, 1912, с. 299).

[90] 14 октября состоялось заседание Совета министров, на котором был выслушан доклад министра финансов обо всех финансово-экономических проблемах, связанных с выкупом Ясной Поляны по цене, просимой наследниками — 500 000 руб. Поскольку реальная стоимость имения — 200 000 (они будут выплачены Крестьянским банком), то недостающие 300 000 по его предложению должны быть выплачены правительством. Решительным противником участия правительства в покупке Ясной Поляны выступил обер-прокурор святейшего Синода К. Саблер, заявивший: «Увековечение на казенный счет памяти Толстого будет понято как желание упрочить в народном сознании его учение. Прославлять Толстого правительство не должно ввиду Определения святейшего Синода об отпадении его от православной церкви» (цит. по статье: Э. Зайденшнур. Ясная Поляна в годы советской власти.— Сб. «Ясная Поляна», М., 1942, с. 110). В заметке «К выкупу Ясной Поляны» было сказано, что «вопрос остался открытым» (*Р. вед.*, 1911, № 260, 11 ноября).

[91] И. Д. Сытин предполагал купить у С. А. Толстой нераспроданную часть последнего Собрания сочинений Л. Н. Толстого за 169 000 рублей. См. запись 14 ноября и коммент. 93.

[92] Имеется в виду статья А. Когана «Через год (яснополянские зарисовки)». — «Солнце России», 1911, № 53, 7 ноября.

[93] Соглашение состоялось в 1912 г. См. *Е.* 1912 г., запись 21 апреля.

[94] См. запись 17 ноября и коммент. 96.

[95] В конторе нотариуса Спешнева С. А. Толстая совершила купчую на продажу хамовнического дома городской Думе. Была создана комиссия во главе с архитектором А. А. Остроградским, которой было поручено принять дом.

[96] В письме к Николаю II, отправленном 18 ноября и переданном через Богданова, С. А. Толстая писала: «Если русское правительство не купит Ясной Поляны, сыновья мои, находящиеся, некоторые из них, в большой нужде, принуждены будут, хотя и с глубокой сердечной болью, продавать ее участками или полностью в частное владение. И тогда сердце русского народа и потомков Льва Толстого дрогнет и опечалится тем, что правительство не защитило колыбели и могилы человека, на весь мир прославившего русское имя и столь любимого своей родиной и народом. Но

дозволяйте бесповоротно погубить Ясную Поляну, допустив продажу ее не русскому правительству, а частным лицам» (*ГМТ*). На этом письме имеется резолюция царя: «Нахожу покупку имения гр. Толстого правительством недопустимою. Совету министров обсудить только вопрос о размере могущей быть назначенной вдове пенсии» (20. XII. 1911 г.). Цит. по статье: Э. Зайденшнур. Ясная Поляна в годы советской власти. — Сб. «Ясная Поляна», М., 1942, с. 110.

97 Ф. А. Страхов. Две поездки из Москвы в Ясную Поляну. — «Петербургская газета», 1911, № 305, 6 ноября. В статье рассказывалось об истории составления Толстым завещаний 1909 и 1910 гг.

98 Роль Феди Протасова исполнял И. М. Москвин. В спектакле были заняты актеры: В. И. Качалов (Каренин), К. С. Станиславский (князь Абрезков), М. П. Лилина (Анна Дмитриевна), М. Н. Германова (Лиза), А. Коонен (Маша) и другие.

99 «Дни нашей скорби. Сборник статей и известий о последних днях Льва Николаевича Толстого». М., 1911 (б-ка С. А. Толстой, пометы).

100 «Посмертные художественные произведения Льва Николаевича Толстого» — издание, осуществленное А. Л. Толстой. Гонорар с издания предназначался для выкупа, согласно воле писателя, у его семьи яснополянской земли для передачи ее крестьянам.

101 Н. С. Щербатов отказался выдать без письменного разрешения С. А. Толстой рабочий стол Толстого для организуемого на базе закрывшейся выставки Музея Толстого в Москве. Письмо С. А. Толстой содержало это разрешение.

102 Номер газеты со статьей Ф. А. Страхова — «Две поездки из Москвы в Ясную Поляну» — см. коммент. 97.

103 Сборник «Переписка Л. Н. Толстого с гр. А. А. Толстой», СПб., 1911. Подготовка к изданию этой книги началась весной 1910 г., после того как было получено согласие Толстого на публикацию переписки. «Сообщение вами согласия Л. Н. на напечатание писем графини Александры Андреевны и Н. Н. Страхова всех нас (издательскую комиссию) обрадовало за судьбу предстоящего сборника», — писал М. А. Стахович С. А. Толстой 7 мая (*ГМТ*).

104 Опубликовано — «Иллюстрированное приложение к «Новому времени», 1911, № 12 848, 17 декабря.

Об этих воспоминаниях С. А. Толстая писала Т. Л. Сухотиной 19 декабря: «Есть маленькие неточности. Например, о смерти государя повестил маленький итальянец не с птичкой, а с обезьянкой; и Лев Ник. в Тулу не ездил, а *я* была в Туле и, услыхав необычайный звон колоколов, спросила, по какому это случаю?

И мне сказали у заставы, что убит наш царь. Еще неточность, что мать Л. Н. ждала мужа и смотрела на дорогу не с вышки, — вышку *я* построила, расчистив это место, — а мать ждала с скамеечки над нижним прудом» (*ГМТ*).

[105] «Фальшивый купон» — повесть Толстого, над которой он работал с перерывами с конца 1880-х гг. до февраля 1904 г. Впервые опубликована — «Посмертные художественные произведения Л. Н. Толстого», т. 1, М., 1911.

[106] В библиотеке Толстого имеется только одно французское Евангелие: «Evangile de notre Seigneur Jesus Christ selon Saint Jean et d'autres. La version revue par J. Z. Osterwald», Paris, 1893 (без помет Толстого).

[107] Письмо Н. С. Щербатова от 30 ноября и ответ С. А. Толстой — см. *Р. сл.*, 1911, № 250, 7 декабря.

[108] См. *Дн.* 1895 г., коммент. 22.

1912

(Стр. 369—384)

[1] А. И. Мею, владельцу фотографии, за изготовление фототипий для альбома «Из жизни Л. Н. Толстого» (см. коммент. 48 к *Е.* 1911 г.) и товариществу Кушнерева за напечатание Сочинений Л. Н. Толстого (изд. 1910—1911 гг.).

[2] XL выставка Товарищества передвижных художественных выставок.

[3] Толстовский музей посетили члены британской группы Межпарламентского союза.

[4] А. Л. Толстая предложила И. Д. Сытину купить у С. А. Толстой лежавшие на складе остатки всех ее изданий. Выполняя волю отца, она, прежде чем воспользоваться своими правами на сочинения, написанные до 1881 г. (см. *Дн.* 1910 г., запись 22 июля и коммент. 49), предоставила С. А. Толстой возможность реализации изданных ею и нераспроданных собраний сочинений Толстого, а также и отдельных изданий.

[5] VIII выставка «Союза русских художников».

[6] С. А. Толстой была «всемилостивейше пожалована... пенсия из средств государственного казначейства в размере 10 000 рублей в год» (*ТЕ*, 1912, с. 213).

[7] Переговоры С. А. Толстой с И. Д. Сытиным и присяжноповеренным Левицким касались текста договора о продаже книг (см. коммент. 4). Ее возражения вызывали пункты, вставленные Чертковым и А. Л. Толстой, утверждавшие их права на рукописи, находившиеся в Историческом музее (см. письмо С. А. Толстой Т. Л. Сухотиной от 29 января — *ГМТ*). См. *Е.* 1911 г., запись 24 января и коммент. 8.

[8] С. И. Фонвизин. Две жизни. Молодость Муханова. СПб., 1912.

[9] Речь идет о статье Т. Л. Сухотиной «По поводу «наследства Л. Н. Толстого», первоначально предназначавшейся для «Русского слова». Побудительным мотивом написания этой статьи явилось коллективное письмо, подписанное Л. Гуревич, Д. Овсянико-Куликовским, Б. Модзалевским, И. Гинцбургом и другими, под названием «Наследство Л. Н. Толстого». — *Р. сл.*, 1912, № 42, 21 февраля. В нем осуждалась позиция С. А. Толстой и высказывалось требование передачи рукописей, находившихся в Историческом музее, А. Л. Толстой для осуществления нового собрания сочинений Л. Н. Толстого.

Т. Л. Сухотина опровергала положения, выдвинутые в этой статье, и доказывала, что главными виновниками возникшей конфликтной ситуации являются Чертков и А. Л. Толстая. Она особо отрицательно характеризовала образ действий Черткова, его роль в жизни Толстого и его семьи (*ГМТ*).

[10] «Я теперь решила этого письма не печатать, — сообщала Т. Л. Сухотина матери 4 марта н. ст. — Я держала себя чистой от всякой газетной полемики до сих пор и хочу продолжать также поступать и впредь» (*ГМТ*). Отказавшись от публикации статьи, Т. Л. Сухотина просила С. А. Толстую отправить И. Гинцбургу ее копию для ознакомления с нею всех подписавших коллективное письмо в «Русское слово». Статья Т. Л. Сухотиной и ее письмо к И. Гинцбургу включены М. Стаховичем в его статью: «The Question of Tolstoy's Posthumous Work», — опубл. в журнале «The Russian Review», 1913, vol. II, № 2.

[11] «Лев Толстой и голод». Сб. под ред. Ч. Ветринского. Нижний Новгород, 1912.

[12] В *ГМТ* хранятся письма А. А. Толстой к Толстому, не вошедшие в изданный Толстовским обществом сборник их переписки, но поступили они из рукописного отдела Академии наук, куда были переданы ею самой.

[13] Тексты были переданы П. И. Бирюкову в связи с тем, что А. Л. Толстая и Чертков поручили ему редактирование нового, предпринятого ими собрания сочинений Л. Н. Толстого.

[14] В. Семенов. Расплата. СПб., последнее издание — 1912 г.

[15] Н. А. Соколов позднее вспоминал: «Я был у Софьи Андреевны в Ясной Поляне в 1912 году, во вторник на пасху (27 марта). Нас приехало к ней из Петербурга трое... К нашему удивлению, мы были немедленно приняты и притом так, как мы менее всего ожидали. Нам было показано решительно все, до последнего уголка, даны были исчерпывающие объяснения относительно почти каждого предмета и, сверх того, много было рассказано

вообще из совместной жизни Л. Н. и С. А.» (Н. А. Соколов. С. А. Толстая.— «Вестник литературы», 1921, № 1, с. 6—7).

[16] Почти все газеты поместили некрологи о М. Н. Толстой. Среди авторов статей, посвященных памяти сестры Толстого, — П. И. Бирюков, Д. П. Маковицкий, И. Л. Толстой, А. М. Хирьяков, В. А. Поссе, Ал. Ксюнин и др.

[17] На похоронах М. Н. Толстой из семьи Толстых присутствовали Илья и Андрей.

[18] С. А. Толстая, выполняя просьбу «юного собирателя» Эрнста Юргенсона, который уже собрал 400 автографов русских литераторов, послала «листочек из записной книжки великого писателя» (см. письмо Э. Юргенсона к С. А. Толстой от 18 апреля, *ГМТ*).

[19] См. коммент. 48.

[20] См. коммент. 4.

[21] «Была я у Кассо, — сообщала 28 апреля С. А. Толстая Т. Л. Сухотиной, — он мне отказал отдать рукописи и научил меня сам обжаловать в Сенате его отказ. Объяснил так, что он опасается взять на *одного* себя ответственность, а пусть Сенат, т. е. учреждение из многих судей, решает этот спор» (*ГМТ*). См. коммент. 57.

[22] На это письмо С. А. Толстой был получен от Кассо официальный ответ от 12 мая: «На выдачу находящихся в Историческом музее 12 ящиков... рукописей гр. Л. Н. Толстого, — писал он, — я ввиду возникшего между вами и дочерью вашей гр. Александрой Львовной спора о праве собственности на эти рукописи согласиться не могу. По той же причине и снятие копий с рукописей, равно как и разбор их, могли быть разрешены в том случае, если выразит согласие гр. Александра Львовна» (*ГМТ*).

[23] «Посмертные записки старца Федора Кузмича» — впервые «Русское богатство», 1912, № 2, и почти одновременно вышли несколькими отдельными изданиями с «Примечанием» Черткова.

[24] С. А. Толстая передала Бирюкову для нового издания сочинений Толстого (см. коммент. 13) рукописные варианты 2-й и 3-й редакции «Детства», два первоначальных плана «Юности» и другие материалы, из которых он сформировал раздел «Приложения» (см.: Л. Н. Толстой. Собр. соч., т. 1, 1913, с. 373—410).

[25] «Pensées de Pascal». P., 1898 (б-ка С. А. Толстой, пометы).

[26] Georges Bourdon. En écoutant Tolstoi. P., 1904 (*ЯПб*). На русском языке см. *ЛН*, т. 75, кн. 2, с. 39—61 (Жорж Анри Бурдон. «Внимая Толстому»). Бурдон переписывался с Толстым и С. А. Толстой (см. *ПСС*, т. 75, с. 172; *ЛН*, т. 75, кн. 2, с. 39, 40).

[27] А. Л. Толстая выкупала у своих братьев яснополянскую землю для передачи ее, согласно воле Толстого, крестьянам.

С. А. Толстая приобретала для себя дом, усадьбу, небольшой участок земли, сад — всего около 70 десятин.

[28] Периодическое издание, выходившее с 1911 г.— вышло 5 выпусков, из которых сформировался «Толстовский ежегодник» 1911 г.

[29] Письмо от 10 апреля 1911 г., в котором профессор медицины В. Ф. Снегирев высказывал свое отношение к «уходу» Толстого, делился своими впечатлениями об их семейной жизни. «Не было часа, а может быть и минуты, — писал он, — чтобы Ваша жизнь отвлекалась от него, — он, его жизнь наполняли все ваше существо... он был во многом обязан вам» (*ГМТ*).

[30] См. запись 30 июля и коммент. 36.

[31] А. Дивильковский. Толстой и Руссо. — *ВЕ*, 1912, №№ 6 и 7.

[32] См. записи 10 и 11 марта и коммент. 9, 10.

[33] Georges Dwelshauvers. Rousseau et Tolstoi, оттиск из журнала «Revue de Métaphisique et de Morale», 1912, май, присланный автором с дарственной надписью С. А. Толстой (б-ка С. А. Толстой).

[34] «Discours sur les passion de l'Amour», сочинение Б. Паскаля.

[35] См. запись 24 сентября и коммент. 48.

[36] Письмо М. А. Стаховича от 27 июля, в котором он, ссылаясь на слова Толстого, подтверждал, что рукописи, помещенные на хранение в Исторический музей, «составляют собственность» С. А. Толстой (*ГМТ*).

[37] «Дневник для одного себя» (*ПСС*, т. 58).

[38] «О религии Льва Толстого». Сб. второй. М., 1912; в сборник вошли статьи С. Н. Булгакова, Н. А. Бердяева и др.

[39] И. Потапенко. Привратники славы.— *ВЕ*, 1912, №№ 7 и 8.

[40] Вел. кн. Николай Михайлович (Романов). «Русские портреты XVIII и XIX столетий», т. 1—6. СПб., 1906—1909 (*ЯПб*).

[41] Вероятно, Т. А. Кузминская читала начальные главы своих воспоминаний «Моя жизнь дома и в Ясной Поляне», посвященные истории рода Берсов и Исленьевых.

[42] Ч. Ветринский. А. И. Герцен. СПб., 1908.

[43] См. коммент. 48.

[44] См. запись 18 сентября и коммент. 46.

[45] См. «Власть тьмы» (отрывок из неизданной книги гр. С. А. Толстой «Моя жизнь»). — *ТЕ*, 1912, с. 17—23.

[46] В журнале «Искра» (№ 37) по случаю 50-летия со дня свадьбы Л. Н. и С. А. Толстых были напечатаны фотографии их 24 внуков.

[47] А. Е. Грузинский по поручению Толстовского общества занимался изучением яснополянской библиотеки, ее состава, помет

Толстого в книгах. В результате проведенной работы он написал статью «Яснополянская библиотека» — см. *ТЕ*, 1912, с. 133—134.

[48] «Женитьба Л. Н. Толстого» (из записок графини С. А. Толстой под заглавием «Моя жизнь»). — *Р. сл.*, 1912, № 219, 23 сентября (см. т. 1 наст. изд.).

[49] Сочувственные отзывы о воспоминаниях С. А. Толстой появились также и в печати, например, анонимный автор писал в газете «Трудовая копейка»: «В них есть подлинный Толстой, его душа... Это толстовская вещь, прекрасная как «Детство» и «Отрочество» (№ 71/228, 26 сентября).

[50] Роман А. Франса «Боги жаждут» (1912).

[51] Письмо к Т. А. Кузминской от 25 сентября 1862 г. (*ГМТ*).

[52] См. запись 12 ноября и коммент. 62.

[53] См. *Е.* 1911 г., коммент. 57.

[54] Письмо от 4 октября. Нарышкина находила, что в «Воспоминаниях» С. А. Толстой «столько поэзии, свежести, серьезности и молодого чистого чувства», хорошо передана «атмосфера» той поры (*ГМТ*).

[55] Речь идет о фильме «Уход великого старца», сценарий И. Тенеромо, режиссер А. Я. Протазанов; роль Толстого исполнял В. И. Шатерников. На состоявшемся в Петербурге просмотре присутствовали Л. Л. Толстой и Т. А. Кузминская, которые заявили протест против выпуска фильма на экран. Возмущенные отзывы об этом фильме, в котором в извращенном и недостойном памяти Толстого виде изображались события последних дней его жизни, появились и в печати. См. также записи 23 и 24 октября и коммент. 56, 58.

[56] После жалобы С. А. Толстой распоряжением департамента полиции всем содержателям кинематографов было предписано уничтожить ленту.

[57] В этой жалобе на министра просвещения Л. А. Кассо, поданной С. А. Толстой в Сенат, на основании существующих гражданских законов и приложенных документов оспаривались действия музея, запретившего ей доступ к рукописям, и доказывалось право собственности на них. Заявление С. А. Толстой рассматривалось в Сенате 3 апреля.

[58] Демонстрация фильма была повсеместно запрещена.

[59] Е. И. Чириков. Изгнание — вторая часть автобиографического романа «Жизнь Тарханова».

[60] В газете «Речь» (1912, № 306, 7 ноября) Чертков опубликовал статью «Благо любви (Обращение Л. Н. Толстого к людям-братьям)» со своим «Примечанием», в котором вновь развивал мысль о том, что «уход» Толстого был вызван лишь семейными

обстоятельствами. Сообщая, что статья Толстого была написана, когда он «был тяжело болен», Чертков пояснял: «Болезнь эта... явилась прямым последствием потрясения, вынесенного им от одного из тех душевных кризисов, которые у него периодически наступали в связи с мучительно тяжелыми условиями его семейной жизни и окружающей его обстановки». Далее Чертков доказывал, что Толстой «не раз бывал на краю того, чтобы покинуть» семью, но оставался «нести свой крест».

[61] Э. Род, французский писатель, автор романов и философских произведений, которыми интересовался Толстой. Несколько романов Рода с дарственными надписями хранятся в *ЯПб* (см. *ЛН*, т. 75, кн. 2, с. 72).

[62] В журнале «Солнце России» (1912, № 145/46, 7 ноября) были опубликованы «Первое представление комедии графа Л. Н. Толстого «Плоды просвещения» — из «Записок гр. Софьи Андреевны Толстой» под заглавием «Моя жизнь», статьи П. Буланже «Он жив», А. Хирьякова «Л. Н. Толстой и народные издания», Сергея Гатова «День с Толстым» и др.

[63] М. Меньшиков. Фальшь толстовщины. — *Н. вр.*, 1912, № 13171, 10 ноября, в которой он с охранительных позиций и в недостойной форме обличал Толстого и его философию жизни.

[64] Имеется в виду интервью Черткова (*Р. вед.*, 1912, № 267, 18 ноября), в котором он использовал письма С. А. Толстой и Т. Л. Сухотиной к А. Л. Толстой, свидетельские показания А. Б. Гольденвейзера, О. К. Толстой для обоснования прав А. Л. Толстой на спорные рукописи.

[65] В. Ф. Булгаков, выполняя решение Толстовского общества, с 1912 по 1916 г. занимался описанием книг яснополянской библиотеки с учетом всех помет и замечаний Толстого. На основе его описания составлен библиографический указатель «Библиотека Льва Николаевича Толстого в Ясной Поляне», М., изд-во «Книга», ч. I, 1972, ч. II, 1975.

[66] С. А. Толстая послала С. Л. Толстому машинописную копию выписок из дневника Толстого за 1897 г. (см. письмо С. А. Толстой к С. Л. Толстому от 4 декабря — *ГМТ*).

[67] «Четыре посещения гр. Л. Н. Толстого монастыря «Оптина пустынь». Из записок графини С. А. Толстой под заглавием «Моя жизнь» — опубл. *ТЕ*, 1913, с. 3—7.

[68] Н. Н. Гусев в ноябре и декабре выступал в Москве, Петербурге, Саратове и других городах с лекцией «Одиночество великой души», в которой он, основываясь на личных воспоминаниях, неопубликованных дневниках Толстого, дневниках А. Л. Толстой, давал общую характеристику духовной жизни писателя, рассказывал о последних месяцах жизни, его болезни и смерти, «об

истинных причинах ухода из Ясной Поляны», среди которых и «разрушение последней иллюзии, иллюзии жизни семейной».

[69] Этот священник — Григорий Лаврентьевич Калиновский (свое имя он назвал только Булгакову) — «заявил, что не признает запрещения Синода молиться за Л. Н., считая, что Л. Н. принес только добро людям» — см.: «В осиротелой Ясной Поляне 1912 года».— «Голос минувшего на чужой стороне», 1926, № 3/XVI, с. 119.

[70] С. А. Толстая приступила к подготовке издания тома писем Толстого к ней.

[71] «Война и мир». Памяти Л. Толстого. Сборник под ред. Т. И. Полнера и В. П. Обнинского, «Задруга», М., 1912.

[72] А. Панкратов в заметке осудил заупокойную службу на могиле Толстого (см. коммент. 69), так как этим актом Толстой как бы был возвращен в лоно церкви, которую не признавал и от которой был отлучен (*Р. сл.*, 1912, № 294, 21 декабря). С. А. Толстая ответила ему письмом с оправданием «бескорыстных» действий священника, ибо, по ее словам, Толстой «отличался высокой религиозной терпимостью» (т а м ж е, № 298, 28 декабря). История с молебном на могиле Толстого вызвала широкий резонанс в печати.

[73] Московский комитет по делам печати наложил 20 декабря арест на книгу, а против издательства было возбуждено судебное дело. Впоследствии арест был снят и судебное дело прекращено.

[74] См. коммент. 3 к *Е.* 1913 г.

1913

(Стр. 385—403)

[1] Речь идет о номере журнала «Искра», в котором были воспроизведены портреты 24 внуков Толстых, и номере журнала «Солнце России» с воспоминаниями С. А. Толстой — см. *Е.* 1912 г., коммент. 46, 62.

[2] Вероятно, последние три части Сочинений Толстого изд. 1910—1911 гг.

[3] В 1913 г. в приложении к журналу «Современный мир» (№№ 1—7, 9—12) публиковалась переписка Толстого с Н. Н. Страховым. Письма Страхова были переданы в журнал С. А. Толстой — см.: «Современный мир», № 12, с. 458.

[4] В *ЯПб* сохранилось несколько романов М. Прево, присланных Толстому автором, большим почитателем его творчества (см. *ЛН*, т. 75, кн. 2, с. 72). Толстой крайне отрицательно относился к сочинениям Прево (см. *ПСС*, т. 30, с. 88).

[5] Сб. «Война и мир» под ред. Т. И. Полнера и В. П. Обнинского.

[6] Леонид Андреев. Он. Рассказ неизвестного. — «Современный мир», 1913, №№ 1, 3.

[7] Д. П. Маковицкий читал свои «Яснополянские записки». См. *Е.* 1911 г., коммент. 57.

[8] В. В. Барятинский. Царственный мистик (император Александр I и Феодор Козьмич). Кн-во «Прометей», б/г. По прочтении книги С. А. Толстая 9 февраля писала Т. Л. Сухотиной: «Очень интересно, но не убедительно» (*ГМТ*).

[9] Во многих газетах было напечатано сообщение о том, что в связи с предстоящим слушанием в Сенате жалобы С. А. Толстой на министра просвещения Л. А. Кассо, сенаторы частным образом уже рассмотрели вопрос и пришли к выводу, что «Сенат не вправе входить в обсуждение того, кому именно принадлежит хранящийся в Историческом музее материал», а обсуждаться же будет только «законность действий Музея, наложившего арест на имущество, не имея на то специальных распоряжений судебных органов» (см.: «Рукописи Толстого». — *Р. вед.*, 1913, № 31, 7 февраля).

[10] Известны две повести С. А. Толстой: «По поводу «Крейцеровой сонаты» (1891) и «Песня без слов» (1895—1900).

[11] См. *Е.* 1914 г., коммент. 10.

[12] Илья Толстой. К выставке художника Салтанова. — *Р. сл.*, 1913, № 42, 20 февраля. На выставке экспонировались картины Салтанова, посвященные Ясной Поляне и ее окрестностям. Отнесясь к этой выставке «с явным и откровенным пристрастием», И. Толстой в своей статье поделился навеянными ею воспоминаниями об отце и о своем детстве.

[13] П. И. Бирюков в предисловии к первому тому «Биографии Л. Н. Толстого» писал: «Приношу мою глубокую благодарность Софье Андреевне Толстой, открывшей мне доступ к ценным коллекциям биографического материала, собранного ею и сданного на хранение в Московский Исторический музей» (П. И. Бирюков. Биография Л. Н. Толстого, т. I. М.— Пг., 1923, с. XV). См также вступит. статью.

[14] В первое издание книги «Письма гр. Л. Н. Толстого к жене» (М., 1913) С. А. Толстая включила 656 писем и 7 записок. В предисловии она писала: «Письма печатаю *все*, кроме трех, касающихся живых лиц, и шести последних, для которых еще не настало время» (с. III). В действительности известны 840 эпистолярных документов, адресованных Толстым жене, среди которых неотправленные письма, записки и телеграммы (см. *ПСС*, т. 83, 84).

[15] «Лес продали по контракту купцу Чеснокову, — сообщала С. А. Толстая 28 февраля Т. Л. Сухотиной, — Ясную Поляну

200 десятин с усадьбой купила я у сыновей за 150 тысяч, свою землю продала Саше» (*ГМТ*).

[16] А. Л. Толстая и В. Г. Чертков приступили к подготовке отдельного издания той части дневников Толстого, копии которых были переданы Толстовскому музею Н. Л. Оболенским (34 тетради, 1895—1910 гг.). Редактирование и составление примечаний было поручено нескольким лицам, в том числе Н. Н. Гусеву. Первый том (1895—1899) вышел только в 1916 г.

[17] Известен рисунок И. Е. Репина «Л. Н. Толстой и С. А. Толстая» (1907).

[18] И. Толстой начал работать над книгой «Мои воспоминания».

[19] Возможно, речь идет о статье Н. Бернштейна «Л. Н. Толстой и музыка». — «Артист», 1913, № 3 (б-ка С. А. Толстой).

[20] С. А. Толстая предполагала опубликовать адресованные ей письма Академии наук от 8 ноября, А. Ф. Кони от 10 ноября 1910 г. (см.: А. Ф. Кони. Собр. соч., т. 8. М., изд-во «Юридическая литература», 1969, с. 434—435 и 268—269), в которых выражалось соболезнование по случаю смерти Толстого. О письме Снегирева см. *Е.* 1912 г., коммент. 29. Письма в печати не появлялись.

[21] См. письмо С. А. Толстой к Толстому от 11 ноября 1886 г. (*ПСТ*, с. 375). В. А. Берс был убит в мае 1907 г. См. *Е.* 1907 г., запись 20 мая и коммент. 32.

[22] Вероятно, С. А. Толстая читала воспоминания Марии Ватаци, урожденной Мертваго, «Быль минувшая». — «Исторический вестник», 1913, №№ 3, 4. Автор — племянница Е. Д. Загоскиной, знакомой Толстых. Ватаци описывает эпизоды казанской жизни Толстого, вспоминает Загоскину, с которой Толстой встречался и тогда и позднее (см. *ПСС*, т. 83, с. 271).

[23] Сыновья Толстого продали 175 десятин леса на сруб. См. коммент. 15.

[24] Имеются в виду «Объяснения» А. Л. Толстой, в которых она, основываясь на завещании Толстого, вновь подтвердила свои исключительные права на спорные рукописи и доказывала, что Сенат должен оставить жалобу С. А. Толстой без последствий (*Р. сл.*, 1913, № 77, 3 апреля).

[25] Жалоба С. А. Толстой была рассмотрена Сенатом 3 апреля. Обер-прокурор Сената Н. А. Добровольский предложил отменить распоряжение Л. А. Кассо. Из-за того, что это предложение не было принято единогласно, решено было его обсуждение перенести на общее собрание Сената (см. «Спор о рукописях Л. Н. Толстого». — *Р. сл.*, 1913, № 78, 4 апреля).

[26] 14 апреля в «Русском слове» началась публикация дневников Толстого с 28 октября 1895 г. с предисловием Черткова (*Р. сл.*, 1913, № 87).

[27] Вероятно, речь идет о воспоминаниях Т. Л. Сухотиной «Николай Николаевич Ге», которые вошли в ее книгу «Друзья и гости Ясной Поляны» — 1-е изд., М., 1923.

[28] В. Микулич. Тени прошлого. — «Исторический вестник», 1913, №№ 2, 3, 4.

[29] На складе Ступина хранились мебель и вещи, вывезенные из проданного дома в Хамовниках.

[30] Известны несколько замечаний С. А. Толстой по исправлению фактических ошибок в записях Д. П. Маковицкого за 1905 год (*ГМТ*).

[31] Публикация переписки Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым состояла из 220 писем Страхова и 70 писем Толстого. Однако предположения С. А. Толстой относительно Черткова лишены основания. У Черткова хранились копии с части писем Толстого к Страхову, снятые по его поручению А. М. и Е. Д. Хирьяковыми в 1893 г. По этим копиям письма были опубликованы П. А. Сергеенко в его двухтомном издании «Письма Л. Н. Толстого», М., 1910 и 1911, и поэтому в журнальную публикацию они не были включены. Впоследствии в *ГМТ* были переданы из Музея им. Бахрушина автографы около 100 писем Толстого. Все они включены в *ПСС*.

[32] «Предисловие» к изданию «Писем графа Л. Н. Толстого к жене».

[33] С 1888 г. С. А. Толстая стала снимать копии с писем Толстого к ней. Поскольку оригиналы писем хранились в Историческом музее, то для издания тома «Письма графа Л. Н. Толстого к жене» ею была приготовлена еще одна копия, с которой и производился набор.

[34] Речь идет о старике черкесе Османе, охранявшем в 1912—1913 гг. помещичий дом в Ясной Поляне. Он вместе со своим братом еще в молодости был выслан с Кавказа в Центральную Россию за участие в кровной мести. С. А. Толстая хлопотала о разрешении Осману и его брату вернуться на родину. См. запись 8 ноября.

[35] Письмо С. А. Толстой (*Р. сл.*, 1913, № 143, 22 июня), в котором она, ссылаясь на случай «неприличного поведения публики, посещающей Ясную Поляну и могилу графа Льва Николаевича», объявляла, что доступ для осмотра комнат Толстого и его могилы разрешается ею «только один раз в неделю».

[36] Письма С. А. Толстой в том «Письма графа Л. Н. Толстого к жене» не были включены.

[37] С. В. Чефранову, директору типографии т-ва Кушнерева, С. А. Толстая писала по просьбе Т. Л. Сухотиной, которая намере-

валась издать там чье-то сочинение (см. письмо С. А. Толстой к Т. Л. Сухотиной от 9 июня — *ГМТ*).

[38] С. А. Толстая читала начальные главы рукописи книги И. Л. Толстого «Мои воспоминания» еще до их публикации с 29 сентября в «Русском слове». Она снабжала сына материалами, делилась с ним своими воспоминаниями. Судя по содержанию мемуаров, И. Толстой получил необходимые сведения от С. А. Толстой — см. *И. Л. Толстой.*

[39] С. А. Толстая читала очерк С. Л. Толстого о Ясной Поляне, предназначенный для книги «Ясная Поляна. Краткое описание и сведения для посетителей». Изд. Толстовского общества в Москве, 1914.

[40] Имеется в виду очерк А. Мошина «Из воспоминаний о Л. Н. Толстом» («Жизнь для всех», 1913, № 6), в котором автор, излагая рассказ гувернера Кузминских Ф. Ф. фон Гафферберга о его пребывании в Ясной Поляне, допустил ряд неточностей.

В связи с этим С. А. Толстая обратилась с письмом к редактору-издателю «Жизни для всех», в котором писала: «Старушка, которую он видел у конторы, была Агафья Михайловна, бывшая горничная графини Пелагеи Николаевны Толстой, описанная в «Детстве» под именем Гаши. Умерла она с небольшим 70-ти лет. Была сухая, прямая, высокая старуха, строгая к людям и любившая животных. Наталья Савишна, описанная под другим именем, чем было в действительности, была няня матери Л. Н. княжны М. Н. Волконской». («Жизнь для всех», № 7, с. 1003).

[41] «Вчера только уехал профессор Венгеров, — писала С. А. Толстая 12 июля Т. Л. Сухотиной, — один из лиц, готовящих грандиозное, очень роскошное издание Толстого сочинения (Эфрон-Брокгаузен) с биографией, комментариями, иллюстрациями, и вот я давала разные сведения» (*ГМТ*). Задуманное академическое 12-томное издание собрания сочинений Толстого под ред. С. А. Венгерова не осуществилось.

[42] А. Л. Толстая продала Телятинки и купила небольшой хутор, неподалеку от Ясной Поляны, — «Новая Поляна».

[43] См. коммент. 34, запись 18 августа и коммент. 46.

[44] Речь шла о статье для ежемесячного литературно-художественного журнала «Аргус», который начал выходить в Петербурге в 1913 г. С. А. Толстая отказалась написать что-либо для этого журнала.

[45] На основании этой беседы была написана статья «Толстой и Тургенев (Из воспоминаний С. А. Толстой)», подпись: «Б. П.» (*Р. сл.*, № 193, 22 августа). С. А. Толстая вспоминала свои встречи с Тургеневым, когда «она была девочкой», и обстоятельства «примирения» писателей.

[46] См. коммент. 34. Прошение обращено к кавказскому наместнику И. И. Воронцову-Дашкову. Просьба С. А. Толстой была удовлетворена. См. запись 6 ноября и кн.: Вал. Булгаков. О Толстом. Тула, 1964, с. 241—243.

[47] С. А. Венгеров в конце июля обратился к С. А. Толстой с просьбой написать свою автобиографию (письмо неизвестно). К письму была приложена анкета с вопросами, касающимися не только ее лично, но также жизни и творчества Толстого, причин их расхождения и семейной драмы. См. «Начала», 1921, № 1, с. 131.

[48] Компаньонкой С. А. Толстой стала А. Т. Кудрявцева.

[49] Возможно, что речь идет о книге «En regardant passer la vie... par l'auteur «d'Amitié amoureuse» et Henri Amic.». Paris, 1903. Один из авторов книги «Amitié amoureuse» — Эрмина Леконт де Нуи — была в дружеских отношениях с Мопассаном.

[50] Бюст В. Ф. Булгакова работы Л. Л. Толстого хранится в *ГМТ*.

[51] В скоропечатне А. А. Левенсона печаталась книга «Письма графа Л. Н. Толстого к жене».

[52] Д-р Л. А. Ландау. Моисей. Анализ его психической жизни. Юрьев, 1913 (серия «Психиатрические анализы», вып. 1, 2, 3, б-ка С. А. Толстой).

[53] Впервые издание книги «Письма графа Л. Н. Толстого к жене» за рубежом было осуществлено лишь в 1925 г., когда вышел сборник «Leo Tolstoy. Briefe an seine Frau. Paul Zlonnoy. Verlag Berlin — Wien — Leipzig, подготовленное Д. Уманским с предисловием Т. Л. Сухотиной.

[54] Статья для «Толстовского ежегодника». См. *Е*. 1912 г., коммент. 67.

[55] 28 сентября С. А. Толстая писала Булгакову: «Сегодня я исправила те неточности и нежелательные для печати места, которые мне указали» (Вал. Булгаков. О Толстом. Тула, 1964, с. 288).

[56] С. А. Толстая и в печатных выступлениях, и в «Автобиографии», не желая называть фамилии Черткова, иронически именовала его «близким человеком».

[57] Второе издание книги «Письма графа Л. Н. Толстого к жене» вышло в 1915 г.

[58] Указатель газет и журналов, выходящих на франц. яз. во всем мире.

[59] Д-р Л. А. Ландау. Граф Л. Н. Толстой. Анализ его психической жизни и литературных типов (серия «Психиатрические анализы». Юрьев, 1913, вып. 6) (б-ка С. А. Толстой).

[60] См. *Е*. 1912 г., коммент. 67.

[61] Н. В. Давыдов. Из прошлого. М., 1913 (б-ка С. А. Толстой, с дарственной надписью).

[62] Н. В. Давыдов в своих мемуарах весьма положительно охарактеризовал личность и деятельность Черткова.

[63] Письмо С. А. Толстой неизвестно. Отвечая на него, Н. В. Давыдов 3 ноября писал ей: «Позвольте очень горячо и искренно поблагодарить Вас за Ваше очень ценное мне письмо, сделанные Вами поправки к статье моей о Льве Николаевиче» (*ГМТ*). В свой экземпляр книги С. А. Толстая внесла исправления некоторых фактических ошибок в главе о Толстом.

[64] В печати появилось сообщение об оправдании судом присяжных в Киеве М. Бейлиса, обвиненного в ритуальном убийстве.

[65] В «Русском слове» (1913, № 240, 18 октября) появилось сообщение о письме гласного Думы Н. А. Шамина с предложением городской управе собрать сведения о домах в Москве, в которых жил Толстой. В ответ на это С. А. Толстая опубликовала «Заметку», где описала 5 домов в Москве, в которых в разное время проживал Толстой (см. *Р. сл.*, 1913, № 247, 26 октября).

[66] Х. Досев в октябре 1910 г. написал А. К. Чертковой письмо, в котором осуждал Толстого за «послушание перед С. А.», видел в этом «не достоинство, а слабость» и высказывал сожаление о том, что «его внешняя жизнь стушевывает в глазах людей все значение и смысл его слов и мыслей» (*Гольденвейзер*, II, с. 324—325). Ему ответил Чертков 19 октября 1910 г. (там же, с. 325—333), за что Толстой, знакомый с содержанием обоих писем, благодарил его — см. *ПСС*, т. 89, с. 228.

[67] В «Русском слове» заметка такого содержания была написана по поводу ошибки, допущенной в сообщении: «В Ясной Поляне» (1913, № 258, 8 ноября). В ней, со ссылкой на слова С. А. Толстой, утверждалось, что при разделе леса между крестьянами возник спор, как его делить — «по детям или душам». В своем письме С. А. Толстая разъясняла, что речь шла о том, делить ли «по печам или душам» (там же, № 267, 17 ноября).

[68] Т. Кузминская. Мои воспоминания о графине Марии Николаевне Толстой. СПб., 1914. С. А. Толстая читала их, вероятно, в рукописи. В письме Т. А. Кузминской от 2 декабря С. А. Толстая писала: «...с удовольствием прочла... воспоминания о Машеньке... Вторая часть особенно хороша и интересна» (*ГМТ*).

[69] Письма Толстого к С. А. Рачинскому — приложение к *Н. вр.*, 1913, № 13 529, 9 ноября.

[70] Письмо С. А. Толстой неизвестно, но, судя по ответному письму Голубева от 8 декабря (*ГМТ*), речь шла о высылке ему

трех последних частей Сочинений Толстого (изд. 1910—1911 гг.).

[71] См. коммент. 31.

[72] 4 декабря была опубликована глава из воспоминаний И. Л. Толстого: «Моя женитьба. Письмо отца. Смерть Ванечки» (*Р. сл.*, 1913, № 278).

[73] В. В. Розанов. Литературные изгнанники, т. 1. СПб., 1913. Сборник состоял из очерка «Н. Н. Страхов, его личность и деятельность», в который вошли письма Н. Н. Страхова к В. В. Розанову, раздела «Некрологи и заметки» об Н. Н. Страхове.

[74] В газете «Речь» (1913, № 337, 9 декабря) был опубликован мемуарный очерк Алексея Сергеенко «Как писалось завещание Л. Н. Толстого».

[75] См. *Е.* 1912 г., коммент. 69 и 72.

[76] 13 декабря в Сенате рассматривалась жалоба С. А. Толстой на действия министра народного просвещения Л. А. Кассо. «Ввиду неполучения большинства двух третей голосов дело направлено на заключение в консультацию при министерстве юстиции» (*Р. вед.*, 1913, № 388, 14 декабря).

[77] Картина «Портрет графини Софьи Андреевны Толстой» (1892, Ясная Поляна) экспонировалась на посмертной выставке В. Серова, открытой в Москве 9 февраля 1914 г. в помещении «Художественного салона» (хранится в Музее-усадьбе «Ясная Поляна»).

[78] А. Е. Грузинский. Л. Н. Толстой в письмах к жене.— «Вестник воспитания», 1913, № 8; отдельное издание — М., 1913.

1914

(Стр. 403—419)

[1] А. С. Панкратов. У великих могил. М., 1914.

[2] См. *Дн.* 26 сентября 1878 г.

[3] С. А. Толстая писала 16 января Т. Л. Сухотиной: «Занимаюсь все тем же,— переписываю теперь *свои* письма к мужу, печатать не буду, но если что из них понадобится для печати и для биографии папа́, то будет для этой цели готовый экземпляр. Печатать целиком их никогда не надо: неинтересные для публики подробности, семейные, детские, но есть кое-что интересное» (*ГМТ*).

[4] Владислав Якубовский. Положительные народные типы в ранних произведениях Л. Н. Толстого и образ Каратаева.— Опубл. «Юбилейный сборник к 50-летию Рижского Политехнического института». Рига, 1912 (б-ка С. А. Толстой).

[5] Е. Чириков. Возвращение — заключительная часть трилогии «Жизнь Тарханова».

[6] Вероятно, речь идет об издании книги «Письма графа Л. Н. Толстого к жене» в Англии. Переписка эта не сохранилась.

[7] Имеются в виду события начала 1911 г., когда университет из-за начавшихся студенческих волнений, по распоряжению министра народного просвещения Л. А. Кассо, был отдан во власть полиции. Возмущенный политикой Кассо ректорат подал в отставку, за что его члены были отстранены от профессорских должностей и уволены. В знак протеста подали в отставку 125 преподавателей.

[8] Н. Тимковский. Душа Л. Н. Толстого. М., б/г. Вышла в 1914 г.

[9] Поль Дерулед, французский писатель и политический деятель, приезжал в Ясную Поляну 15 июля 1886 года. О его посещении и споре с ним Толстой вспоминал в трактате «Христианство и патриотизм» (*ПСС*, т. 39, с. 49—52). Очерк «Поль Дерулед в Ясной Поляне» (*Р. сл.*, 1914, № 33, 9 февраля) был написан И. Толстым в связи с известием о смерти Деруледа.

[10] С. А. Толстая предложила Н. Н. Гусеву подготовку нового издания книги «Письма графа Л. Н. Толстого к жене». Гусев через Маковицкого передал свое согласие и указал на серьезные недостатки первого издания: отсутствие датировок во многих письмах, неверные отсылки на тома Собр. соч. Толстого, серьезные пробелы в комментарии, пропуски в тексте (см. письмо Д. П. Маковицкого к С. А. Толстой от 25 января 1915 года, *ГМТ*). Однако в подготовке второго издания Гусев не участвовал.

[11] Обыск у Черткова был произведен в связи с арестом проживавшего у него в Телятинках С. М. Белинького, обвинявшегося в распространении запрещенных произведений Толстого. Было изъято 5000 экземпляров различных изданий сочинений Толстого.

[12] Голубков прислал брошюру: Б. И. Гладков. Граф Л. Н. Толстой как богоискатель. СПб., 1914.

[13] Л. Андреев. Полет. — «Современный мир», 1914, № 1, под названием «Надсмертие».

[14] «Монт-Ориоль» — роман Мопассана (1886).

[15] Н. Н. Страхов. Толки об Л. Н. Толстом. — «Вопросы философии и психологии», 1891, № 5.

[16] См. *Е*. 1913 г., коммент. 53.

[17] И. Толстой выступал в Москве, Нижнем Новгороде и других городах с лекциями «Из личных воспоминаний об отце».

[18] Разговор с Н. А. Добровольским был вызван тем, что С. А. Толстая получила письмо министра юстиции И. Г. Щегловитова от 31 января, в котором он писал: «Мною... дан ордер исполняющему обязанности Обер-прокурора Первого департамента Пра-

вительствующего Сената о принятии всех зависящих мер к скорейшему направлению возбужденного Вами дела о выдаче рукописей Вашего покойного мужа» (*ГМТ*).

[19] Картина И. Репина «Поединок» (1913) вместе с двумя эскизами была выставлена на XLII Передвижной выставке.

[20] Леонид Семенов. Лермонтов и Лев Толстой. (К столетию со дня рождения Лермонтова). М., 1914 (б-ка С. А. Толстой).

[21] Сохранился черновик письма С. А. Толстой к царю (без даты) с просьбой о содействии А. Л. Толстому в получении места.

[22] Предложение о написании новой главы «Автобиографии» было сделано С. А. Венгеровым в личном разговоре с С. А. Толстой в Петербурге. «Сегодня сдала Венгерову свою «Автобиографию», — писала С. А. Толстая 7 марта Булгакову, — он сделал замечание, что я не довольно пишу о возраставшей славе Льва Никол. во времена появления в печати «Войны и мира» и «Анны Карениной», и слишком мало пишу о влиянии моем и участии в творчестве моего мужа. Просит написать еще главу в таком духе. Но я не чувствую себя способной это сделать» (Вал. Булгаков. О Толстом. Тула, 1964, с. 290).

[23] По словам Булгакова, «причиной размолвки были резкие и раздражительные отзывы С. А—ны о Л. Н—че» (там же, с. 291). Из письменного объяснения между С. А. Толстой и Булгаковым очевидно, что «размолвка» произошла в связи с разговором о последних месяцах жизни Толстого и его отношениях с Чертковым (там же, с. 291—292).

[24] «Дневник для одного себя» (*ПСС*, т. 58).

[25] Письмо от 15 марта, в котором Кузминский сообщал, что на заседании в консультации министра юстиции большинство приняло предложение о выдаче С. А. Толстой находящихся в Историческом музее рукописей и что это предложение в ближайшие дни поступит на обсуждение в общее собрание Сената (*ГМТ*).

[26] Вместе с новой главой С. А. Толстая послала Венгерову письмо, в котором писала: «Как я ни старалась, как ни искала материалов для этой главы, я нашла их очень мало и использовала как могла и как умела» («Начала», 1921, № 1, с. 134).

[27] Доклад «О работе по описанию яснополянской библиотеки» В. Булгаков сделал 29 марта на общем годичном собрании Толстовского общества.

[28] Т. Л. Сухотина. Мария Монтессори и новое воспитание. М., 1914 (б-ка С. А. Толстой, с дарственной надписью: «Милой маменьке не для прочтения, а из почтения от автора. Кочеты, апрель 1914»).

[29] «Собрание писем святителя Феофана» в 7-ми выпусках. Вып. I, М., 1899; VII, М., 1900. Письма Феофана ортодоксально-церковного

содержания. В некоторых из них он крайне враждебно высказывался о Толстом, особенно о его сочинении «В чем моя вера», порицая его за отступничество от христианства.

[30] Феофан. Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться? Письма. М., 1904 (*ЯПб*).

[31] Фотографии домов, в которых жил Толстой.

[32] Письмо С. А. Толстой неизвестно. Н. М. Жданов, юрист, который вел все дела С. А. Толстой, в письме от 29 июня спрашивал ее, как распорядиться деньгами, оставшимися на текущем счету Толстого. Деньги были распределены между всеми наследниками (см. письмо Жданова к С. А. Толстой от 18 октября, *ГМТ*).

[33] 28 июня было совершено покушение на жизнь «старца» Г. Распутина, но он не был убит.

[34] См. *Дн.* 1910 г., коммент. 11.

[35] Вероятно, речь идет о статье Л. Л. Толстого «За свое великое» (*Н. вр.*, 1914, № 13 780, 24 июля).

[36] М. Сивачев. Счастливица. — *ВЕ*, 1914, № 7.

[37] Левушка — двухлетний сын Л. Л. Толстого.

[38] Няня младших детей Толстых — А. С. Суколенова.

[39] Речь идет о корректурных листах «книжечек» — отдельных выпусков разделов сборника «Путь жизни».

[40] «Детство Тани Толстой в Ясной Поляне» — впервые опубл. на рус. яз. в кн.: *Т. Л. Сухотина.*

[41] И. Толстой был корреспондентом газеты «Русское слово», в которой в 1914 г. опубликовал ряд военных корреспонденций: «Впечатления», № 183, 10 августа; «В Галиции. В покоренной стране», № 207, 10 сентября; «Картины войны», № 219, 24 сентября.

[42] Т. А. Кузминская читала свои воспоминания о М. Н. Толстой. С. А. Толстая познакомилась с ними еще в рукописи, снабжала сестру необходимыми ей материалами. См. *Е.* 1913 г., коммент. 68.

[43] С. А. Толстая читала некрологическую статью А. Л. Леруа-Болье, содержавшую также его воспоминания о посещении Ясной Поляны 9 мая 1905 г. — см. *ЛН*, т. 75, кн. 2, с. 402—403.

[44] Речь идет о статье Булгакова «О войне» с призывом к отказу от участия в военных действиях (опубл. «Журнал для всех», 1917, № 5); распространялась в гектографированном и рукописном виде.

[45] П. Кропоткин. Письма о современных событиях — обзорные статьи, которые с сентября 1914 г. по 1917 г. публиковались в «Русских ведомостях». С. А. Толстая читала первые два письма — *Р. вед.*, 1914, № 216, 7 сентября, и № 229, 5 октября.

[46] Известие оказалось ложным.

[47] См. коммент. 40.

[48] «Швед Абраам фон Бунде» («Русская мысль», 1914, № 11) — один из очерков мемуарного цикла Т. Л. Сухотиной «Друзья и гости Ясной Поляны». Бунде посетил Ясную Поляну 26 мая 1892 г.

[49] М. Г. Веселова-Ильштедт. Колычевская вотчина. В двух частях. СПб., 1911.

[50] М. И. Толстой, юнкер тифлисского военного училища, с лета 1914 г. вольноопределяющийся Интерманландского пехотного полка, находился на фронте и был взят в плен. Дважды пытался бежать — см. заметку Ильи Толстого «Внук Л. Н. Толстого». — *Р. сл.*, 1915, № 82, 11 апреля. Вернулся в 1918 г. См. *Е.* 1918 г., запись 24 ноября.

[51] Письмо от 18 октября (*ГМТ*). В газетах также появилось сообщение о том, что «Сенат определил предложить министру народного просвещения незамедлительно снять арест с рукописей и выдать их в распоряжение гр. С. А. Толстой» («Утро России», 1914, № 280, 13 ноября). На этом «спор о рукописях» кончился.

[52] Речь идет о воззвании В. Булгакова «Опомнитесь, люди-братья!», с призывом «любить врагов», распространявшемся в машинописном виде. Под воззванием стояли также подписи 20 толстовцев, единомышленников Булгакова (опубл. в сб.: Вал. Булгаков. Опомнитесь, люди-братья! М., 1922). Булгаков был также причастен к переписыванию и распространению воззвания С. Попова аналогичного содержания.

[53] С. А. Толстая написала письмо, в котором подробно описала ночное посещение полицейских и высказала свое возмущение всем происшедшим. Опубликовано под названием «Из Ясной Поляны» (*Н. вр.*, 1914, № 13 879, 31 октября, а также и в других газетах).

[54] Сохранился черновик письма С. А. Толстой к министру внутренних дел В. Ф. Джунковскому от 29 октября. «Вчера, — писала С. А. Толстая, — опять явилась в мой дом полиция, человек 6, точно к преступнику, арестовали и увезли, вероятно, в тюрьму жившего у меня Валентина Федоровича Булгакова. Обвинение, как всегда, в распространении вредных мыслей. Должна признаться, что я лично считаю себя оскорбленной в том, что жандармский подполковник потребовал у меня отпереть в комнате, где жил Булгаков, лично принадлежащие мне шкапы с книгами и произвести в них обыск...» В своем письме С. А. Толстая просила «приказать отдать Булгакова на поруки... Сергею Львовичу» и ей, «чтоб могло быть окончено дело при библиотеке» (*ГМТ*).

[55] Телеграмма Джунковского от 3 ноября следующего содержания: «Арест Булгакова вашем доме произошел правильно за распространение преступных воззваний к населению не принимать участия войне и написанных Булгаковым на принадлежащей вам пишущей машинке, но, конечно, арест этот, обыск мог быть

свободно произведен днем, а не ночью, и я приношу вам мое глубокое сожаление, что вас обеспокоили столь подобный час» (*ГМТ*).

[56] В 1912 году в Париже вышел второй том монографии В. Каренина «George Sand, sa vie et ses œuvres». В предисловии к русскому ее изданию автор указал, что после выхода французского издания «читатели русских журналов получили в обратном переводе» некоторые главы, среди них «Новое из жизни Жорж Занд и Шопена» (см. В. Каренин. Жорж Занд, ее жизнь и творчество. П., 1916, с. VIII—IX).

[57] Во второе издание сборника «Письма графа Л. Н. Толстого к жене» (1915) С. А. Толстая включила 7 новых писем, относящихся к июню — октябрю 1910 г.

[58] Выставка картин В. Д. Поленова была открыта в Москве к его семидесятилетию.

[59] С. Л. Толстой присутствовал при обыске в Ясной Поляне 28 октября и, возмущенный требованием жандармского подполковника Демидова произвести осмотр шкафов с книгами Толстого, заявил ему: «Я советовал бы вам вообще переменить ваше занятие на какое-нибудь другое». — Вал. Булгаков. Опомнитесь, люди-братья!, с. 156—157.

[60] С. А. Толстая читала изд.: «М. С. Громека о Л. Н. Толстом». — «Посредник», с предисловием И. И. Горбунова-Посадова (б-ка С. А. Толстой), куда вошла статья «Последние произведения гр. Л. Н. Толстого» («Русская мысль», 1883, № 2, 3, 4; 1884, № 11).

[61] Президент Академии наук вел. кн. Константин Константинович в официальном письме от 2 декабря просил согласия С. А. Толстой на снятие копий с рукописей, хранящихся в Историческом музее, или же на передачу их в распоряжение Академии наук (*ГМТ*). Сохранился черновик ответного письма С. А. Толстой от 8 декабря, в котором она писала: «Мои же личные планы — весь архив, находящийся в Историческом музее, передать на хранение в Румянцевский музей. ...Ставлю условием свободный доступ к снятию с рукописей копий мной, моими наследниками или теми лицами, на которые мы укажем. Избираю именно этот музей как хранилище, потому что Лев Николаевич постоянно там работал, пользуясь материалами, особенно для «Войны и мира». Он любил этот музей и Москву, всегда относился отрицательно к Петербургу! ...Дневники же гр. Л. Н. Толстого, так и мои, я намерена отдать Румянцевскому музею на хранение с условием никогда из музея их не выпускать и печатать только то, на что изъявят свое согласие или я, или после моей смерти — мои наследники» (*ГМТ*).

[62] Д. П. Маковицкий за подписание воззвания «Опомнитесь, люди-братья!» был арестован.

1915
(Стр. 419—430)

[1] См. *Е*. 1914 г., запись 6 декабря и коммент. 61.

[2] Помимо телеграммы (текст неизвестен) С. А. Толстая получила официальное уведомление из министерства народного просвещения о том, что «во исполнение указа Сената» Н. С. Щербатову дано распоряжение о выдаче ей всех ее материалов, хранящихся в Историческом музее (*ГМТ*).

[3] Из переписки Л. Н. Толстого (письма к С. С. Урусову. 1869—1889). Публикация и комментарий А. Е. Грузинского. — *ВЕ*, 1915, № 1. В этом же номере «Заметки о Толстом» Д. Н. Овсянико-Куликовского.

[4] С. А. Толстая получила копию указа Сената от 18 декабря 1914 г. (*ГМТ*).

[5] См. *Е*. 1914 г., записи 26 и 28 октября, коммент. 62.

[6] XLIII выставка Товарищества передвижных художественных выставок.

[7] Ф. В. Б е р х г о л ь ц. Дневник камер-юнкера Берхгольца, веденный им в России в царствование Петра Великого. М., 1862 (*ЯПб*, с пометами Толстого).

[8] И. Толстой в письме от 4 февраля сообщал, что первый номер организованной «на паях» газеты «Новая Россия» выйдет 19 февраля, и просил С. А. Толстую «написать коротенькую статейку о том, как папá собирался в 1876-м — 77-м году идти на войну» (*ГМТ*). Издание газеты не осуществилось. Сохранился черновой вариант статьи С. А. Толстой, в которой она описывает состояние Толстого в период русско-турецкой войны. «Мрачный и озабоченный, — вспоминала она, — он ничего не мог делать и говорил: «Не могу работать и писать пока война. Так же как когда где-нибудь пожар, то ничего уже нельзя делать». «Мысль идти на войну, — писала она, — все больше и больше овладевала им и, наконец, приняла острый характер. Лев Ник. стал серьезно собираться на войну. Не могу я сидеть дома, — говорил он, — когда знаю, что там идут сражения» (*ГМТ*).

[9] Сб. «Русский быт по воспоминаниям современников XVIII века», М., 1914.

[10] «День печати», однодневная газета в пользу жертв войны. Вышла 9 февраля. В ней был раздел «С войны», состоявший из трех очерков: Ильи Толстого «Алые башмаки», о его впечатлениях от «дикой» кавказской дивизии, В. Брюсова «Неутолимое», В. Оболенского «В церкви».

[11] Из Дневника Л. Н. Толстого. — «Ежемесячный журнал», 1915, № 1. Видимо, публикация была осуществлена Чертковым.

[12] Из переписки Л. Н. Толстого (письма к кн. Л. Д. Урусову 1885 г.). — *BE*, 1915, № 2. Здесь же статья «Заметки о Толстом. (Без заминки)» Д. Н. Овсянико-Куликовского.

[13] «Лев Николаевич Толстой о себе (извлечения, собранные Л. П. Никифоровым)». — «Ежемесячный журнал», 1914, № 3, 7—9, 10, 11).

[14] Имеются в виду хлопоты Толстых об освобождении Булгакова и Маковицкого под залог. См. запись 7 декабря и коммент. 39.

[15] М. Алданов. Толстой и Роллан. М., 1915.

[16] Речь идет об организации в Румянцевском музее специального помещения для хранения архива Толстого и для работы над изучением его наследия. «Кабинет» просуществовал до 1939 г., когда все материалы были переданы Государственному музею Толстого.

[17] В письме от 17 мая н. ст. Моод благодарил С. А. Толстую за письмо и статью Ф. А. Страхова (см. *Е*. 1911 г., коммент. 97).

[18] Письма И. С. Тургенева к графине Е. Е. Ламберт. М., 1915. Предисловие и примечания Г. П. Георгиевского.

[19] Из переписки Л. Н. Толстого. Письма к Г. А. Русанову (1885—1906). — *BE*, 1915, № 3; там же статья Д. Овсянико-Куликовского «Заметки о Толстом. (Паутина любви)».

[20] Письмо не сохранилось. Вероятно, в письме к владельцу «книжной торговли» И. Ф. Косцову содержалась просьба о присылке отдельного издания рассказа Толстого «Три старца».

[21] Д. Н. Овсянико-Куликовский. Ценность жизни (этюд). — *BE*, 1915, № 5.

[22] Воспоминания Н. Морозова «За свет и свободу». — «Голос минувшего», 1915, № 4 (продолжение — № 5).

[23] «Указатель лиц и произведений» ко второму изданию книги «Письма графа Л. Н. Толстого к жене» (М., 1915).

[24] Н. Н. Апостолов приезжал в Ясную Поляну для ознакомления с книжными источниками «Войны и мира», находящимися в библиотеке Толстого. В статье «Материалы по истории литературной деятельности Л. Н. Толстого» («Печать и революция», 1924, № 4) он вспоминал: «В библиотеке Ясной Поляны, в пяти шкапах мы нашли разбросанные книги, относящиеся к категории «источников» для «Войны и мира». Это — французские и русские мемуары, которыми пользовался Толстой» (с. 92).

[25] 28—29 апреля в Москве происходили беспорядки: в связи с высылкой из Москвы немецких и австрийских подданных были совершены нападения на принадлежавшие им предприятия и магазины. Сохранился черновик письма С. А. Толстой министру внутренних дел Н. А. Маклакову, в котором она убеждала его принять меры для предотвращения волнений.

[26] Игорь Арнольди. На закате. — *ВЕ*, 1915, № 6.

[27] Д. Дарский — автор книги о лирике Фета «Радость земли», М., 1915. Между С. А. Толстой и Фетом велась, особенно в 80-е гг., активная переписка (*ГМТ*).

[28] Речь идет о крепости Новогеоргиевск.

[29] Неверно. Еще в 1913 г. в газете «Речь», № 264, 27 сентября, было опубликовано письмо Черткова: «Сегодня вместе со своим ближайшим помощником Алексеем Сергеенко я перевез из своего несгораемого помещения в Англии и сдал на хранение в Академию наук около 25-и пудов бумаг Л. Н. Толстого, составляющих архив тех его рукописей, которые он в течение почти 30 лет передавал или пересылал мне для сохранения в неприкосновенности... В английском хранилище остались только: личная переписка Л. Н—ча со мной, которую я надеюсь в скором времени издать, некоторые его собственноручные частные письма, отданные их собственниками мне лично на хранение, копии с его общей переписки, точные копии со всех его произведений последнего периода, а также оригиналы тех его произведений, которые, быть может, было бы неблагоразумно хранить в России при существующих условиях».

[30] Т. Л. Сухотина, болевшая гайморитом, перенесла две операции.

[31] См. «Женитьба Л. Н. Толстого», т. 1 наст. изд.

[32] Письмо С. А. Толстой было вызвано публикацией I—V глав статьи П. А. Сергеенко «Из сказки о счастье», об истории женитьбы Толстого (*Б. вед.*, 1915, № 15 097, 19 сентября). Письмо не было опубликовано.

[33] И. В. Денисенко в письме от 3 октября просил С. А. Толстую для «вечера... в гоголевском обществе 7 ноября» памяти Толстого «дать что-либо из ее воспоминаний или из произведений Льва Николаевича». В письме от 9 ноября Денисенко благодарил С. А. Толстую «за присланные отрывки» и сообщал, что «один из них «Поездка в Крекшино» был прочитан 7 ноября на вечере» (*ГМТ*). Текст «второй статьи» неизвестен.

[34] Быть может, рукопись «Биографии» Джузеппе Мадзини, написанной еще при жизни Толстого переводчиком его сочинений Л. П. Никифоровым. Рукопись не была опубликована, и ее местонахождение в настоящее время неизвестно.

[35] Г. Сенкевич. Камо грядеши (1896).

[36] В Ежедневнике этого года имеется помета С. А. Толстой: «Маленький дневник кожаный в музее кончается 8 ноября 1861 года» (см. *ПСС*, т. 48, с. 3—39).

[37] В. Ф. Булгаков был освобожден из тюрьмы под залог, внесенный А. Л. Толстой.

[38] «Тургеневский сборник». Книгоиздательство «Огни» (б-ка С. А. Толстой, дарственная надпись редактора сборника Н. К. Пиксанова с датой 15.XI.1915). Упрек С. А. Толстой относится к воспоминаниям Н. Богдановой «Два интимных письма И. С. Тургенева».

[39] Д. П. Маковицкий был освобожден под залог, внесенный Т. Л. Сухотиной.

[40] Критика С. А. Толстой относится к «Воспоминаниям о Тургеневе» Н. А. Островской, которая ошибочно указывает, что Тургенев получил одновременно оба письма Толстого, написанные им после их ссоры в мае 1861 г. В действительности же второе «примирительное» письмо Толстого с отказом от дуэли, о котором идет речь в воспоминаниях Островской, было написано 8 октября 1861 г. (см. *ПСС*, т. 60, с. 406).

[41] А. Е. Кауфман, один из редакторов подготавливаемого кассой взаимопомощи литераторов и ученых сборника, посвященного памяти Г. К. Градовского, просил С. А. Толстую предоставить для публикации материалы о нем из дневника Толстого и ее собственного. С. А. Толстая разрешила опубликовать в сборнике 16 писем Градовского к ней и 4 письма ее к нему.

[42] После выхода из печати тома «Дневника Л. Н. Толстого» под ред. В. Г. Черткова во многих газетах были напечатаны выдержки из дневниковых записей и отрывки из предисловия редактора.

[43] Вероятно, драма «Ракета».

[44] А. В. А м ф и т е а т р о в. Лев Толстой (Собр. соч., т. XX, СПб., 1913). Амфитеатров, будучи студентом Московского университета, под руководством Толстого принимал участие в переписи населения 1882 г. Его воспоминания содержат некоторые яркие и интересные факты о Толстом, но при этом в них преобладает тенденция к обличению писателя, к искажению его личности, обвинению его в лицемерии, фарисействе и т. д. В Собрании сочинений Амфитеатрова очерк (впервые напечатан в 1907 г.) был помещен в новой редакции, в которой антитолстовская направленность была значительно усилена.

1916

(Стр. 430—441)

[1] Письма неизвестны. В «Новом времени» письмо не было опубликовано.

[2] Сохранился неполный черновик очерка Т. Л. Сухотиной «Курзик», в котором она описала историю жизни и гибели от пьянства крестьянина-бедняка. Этот очерк Т. Л. Сухотина посла-

ла В. Г. Короленко для публикации в журнале «Русские записки». Очерк в печати не появлялся.

[3] «Дневник Льва Николаевича Толстого», т. I, 1895—1899. М., 1916, под ред. В. Г. Черткова. В этом издании всего 112 купюр, из них 55 по цензурным соображениям и 57 пропусков интимного характера. Дневник был издан с максимально возможной для того времени полнотой.

[4] Фильм по рассказу Толстого «Чем люди живы» был поставлен кинофабрикой А. А. Ханженкова. Автор сценария, режиссер и исполнитель роли барина — Илья Толстой; ангела играл А. Вертинский; рассказ о посещении им Ясной Поляны и съемках эпизода с его участием см.: Александр Вертинский. Четверть века без родины.— «Москва», 1962, № 5, с. 213.

[5] Т. Л. Сухотина вела дневник с 1879 по 1919 г. Издан в переводе на французский язык (Tatiana Tolstoi. Journal. P., 1953). Отрывки из дневника с 1880 по 1910 гг. включены в состав книги: *Т. Л. Сухотина.*

[6] Пьеса «Удалось». См. *Е.* 1917 г., запись 1 января и коммент. 1.

[7] Н. Н. Гусев осуществлял литературную обработку «Яснополянских записок», так как Маковицкий, словак по национальности, недостаточно свободно владел русским языком. Экземпляр «Яснополянских записок» в обработке Гусева хранится в *ГМТ*. Частично издан: 1-й вып., М., 1922; 2-й, М., 1923; «Голос минувшего», 1923, № 3; *Ясн. сб.*, 1955, 1960.

[8] Письмо Шарля Саломона Т. Л. Сухотиной от 8 мая (н. ст.) 1915 г. о гибели на войне его племянника Люсьена 22 августа 1914 г. Люсьен Саломон посетил в 1910 г. Ясную Поляну.

[9] В. Булгаков переехал в Москву для работы в Толстовском музее в должности помощника хранителя.

[10] К. Мюльфорд. К жизни. 1-е изд. — СПб, 1912; 2-е изд. — СПб., 1913.

[11] Л. Л. Толстой работал над лекцией «Единое человечество». См. коммент. 22.

[12] Т. Л. Сухотина уехала в Москву для участия в качестве свидетеля в судебном процессе над Булгаковым, Маковицким и другими толстовцами.

[13] Протест был вызван потоплением немецкой подводной лодкой в Черном море госпитального судна «Портюгаль», на котором находились раненые солдаты и офицеры.

[14] С 21 по 28 марта в Московском военно-окружном суде слушалось дело толстовцев, подписавших «Воззвание» В. Булгакова и С. Попова. См. *Е.* 1914 г., запись 26 октября и коммент. 52—54.

Булгаков, Маковицкий, Трегубов и другие были оправданы. С. Попов, которому было предъявлено еще и обвинение «в возбуждении к нарушению воинскими чинами обязанности службы», был приговорен к тюремному заключению (см. *Р. сл.*, 1916, № 73, 30 марта).

[15] М. Меньшиков. Письма к ближним. Среди философов.— *Н. вр.*, 1916, № 14 394, 3 апреля.

[16] См. запись 16 мая и коммент. 22.

[17] Речь идет о воспоминаниях В. В. Нагорновой (подписаны В. Нагорная) «Оригинал Наташи Ростовой в романе «Война и мир». Молодость Т. А. Кузминской» (см. Приложение к *Н. вр.*, 1916, № 14 400, 9 апреля; № 14 413, 23 апреля; № 14 427, 7 мая и № 14 434, 14 мая). В предпосланном мемуарному очерку «Предисловии» В. Нагорнова сообщала, что в основе очерка — ее собственные воспоминания и дневник, письма, рассказы матери и самой Т. А. Кузминской (см. № 14 400). См. «Вопросы литературы», 1977, № 9.

[18] Письма С. А. Толстой к Т. А. Кузминской по поводу воспоминаний В. Нагорновой неизвестны. На одно из них, в котором, вероятно, ею было высказано подозрение о причастности сестры к написанию этого очерка, Кузминская ответила 18 апреля: «Очень рада, что тебе понравилась статья... но тот, кто говорит, что написано мною все — неправ... Я наводила литературный блеск, которого у нее нет. Огромный успех она имеет. Читают ее очень, очень многие» (*ГМТ*).

[19] Рукопись воспоминаний Устиньи Суворовой не сохранилась.

[20] Вероятно, один из двух молокан, посетивших Толстого 8 мая 1897 г. — В. И. Токарев или В. Т. Чипелев.

[21] Л. Л. Толстой. Мы проснемся (повесть из современной жизни). — *ВЕ*, 1916, №№ 3, 4, 5.

[22] Речь идет о лекции «Единое человечество (как уничтожить бедствия и страдания настоящего и приблизиться к богатству и вечному миру народов)». Лекция предназначалась для публичных выступлений за границей, куда Л. Толстой предполагал выехать.

[23] Речь идет о сборнике «Опомнитесь, люди-братья!», в котором рассказывается вся история составления «Воззвания» и собирания подписей, допроса и ареста Булгакова и его единомышленников. Вышла I часть, М., 1922, автором назван один Булгаков, но в предисловии говорится, что им использованы устные рассказы Т. Л. Сухотиной.

[24] В. М. Попов заведовал Отделом рукописей в Толстовском музее в Москве.

[25] Ив. Наживин. Из жизни Л. Н. Толстого. М., 1915 (б-ка С. А. Толстой, даретв. надпись 30 мая 1916 г.).

[26] В *ГМТ* хранятся рукописи двух незаконченных романов Л. Л. Толстого, переписанных рукой С. А. Толстой и с авторской правкой. Один из них — «Что есть истина?» и другой — без заглавия, на котором имеется дата 27 мая и действие происходит в годы войны 1914—1916 гг.

[27] С. А. Толстая читала стихотворение «Старость», посланное ею П. А. Сергеенко в письме от 5 августа (*ГМТ*). Сохранились две записные книжечки со стихами С. А. Толстой разных лет (*ГМТ*).

[28] 9 августа у нотариуса П. П. Косякова было юридически сформлено новое завещание С. А. Толстой, измененное по сравнению с предыдущими.

[29] Речь идет о «Воспоминаниях о Л. Н. Толстом» С. С. Абамелек-Лазарева, об его посещениях Ясной Поляны в 1884—1897 и в 1904 гг. Воспоминания не были опубликованы, хранятся в *ГМТ*.

[30] В «Воспоминаниях» С. С. Абамелек-Лазарева преобладает тенденция к изобличению писателя в том, что он всегда оставался «старым русским барином».

[31] Сохранился черновик докладной записки Л. Л. Толстого «О твердых ценах, монополизации хлебной торговли и учреждении особого продовольственного ведомства», обращенной к царю (*ГМТ*). Была ли она подана Николаю II, неизвестно.

[32] Речь идет о воспоминаниях Т. А. Кузминской «Моя жизнь дома и в Ясной Поляне». Она писала С. А. Толстой 25 сентября: «Получила... рукопись. От всей души благодарю за переписанное. Прекрасно, четко и грамотно» (*ГМТ*).

[33] Вероятно, рассказ Л. Л. Толстого «Одоль» («Весь мир», 1916, № 46) или «Хоть бы в бою» («Огонек», 1916, № 45, 6/19 ноября).

[34] Издание нового «Толстовского ежегодника» не осуществилось.

[35] Вероятно, речь идет о мемуарном очерке Л. Л. Толстого «Л. Н. Толстой и писатели, которых он читал». — *Б. вед.*, №№ 15 906, 15 908, 5 и 7 ноября. Л. Л. Толстой вспоминает высказывания Толстого о Пушкине, Лермонтове, Тургеневе, Гончарове, Гоголе и других русских писателях, свои разговоры с ним о литературе.

[36] Т. Л. Сухотина. Агафья Михайловна. Впервые опубликован в книге «Друзья и гости Ясной Поляны», М., 1923. Очерк целиком вошел в текст мемуаров «Детство Тани Толстой в Ясной Поляне» — см. *Т. Л. Сухотина*, с. 62—69.

[37] А. С. Волжский. О правде и кривде (к вопросу о семейном разладе Л. Н. Толстого). — «Богословский вестник», 1916, № 6. Автор статьи объясняет «семейный разлад» Толстых тем, что писатель искал «бога», а С. А. Толстая только «житейское» (с. 349).

[38] Волжский крайне неприязненно отзывался о Черткове, характеризовал его как «безликое, чуждое, индивидуально-мертвенное, человечиной не пахнущее существо...» (там же, с. 370).

[39] И. Л. Толстой 2 ноября выехал из Петербурга в Америку. В тот же день он писал матери: «Очень жалею, что никак не мог заехать в Ясную проститься, так много было хлопот с писанием и переводом лекций» (*ГМТ*).

[40] Т. Л. Сухотина приняла участие в организации в большой аудитории Политехнического музея вечера памяти Толстого, на котором она выступила с сообщением «О народном искусстве и отношении к нему Л. Н. Толстого». Три яснополянские крестьянки, подготовленные ею, исполнили любимые Толстым народные песни, а О. Э. Озаровская прочла отрывки из воспоминаний Сухотиной «Детство Тани Толстой в Ясной Поляне». Треть всего сбора предназначалась Обществу помощи жертвам войны.

[41] 7 ноября в Политехническом музее состоялся музыкальный вечер памяти Толстого, на котором также были прочтены отрывки из воспоминаний Т. Л. Сухотиной «Детство Тани Толстой в Ясной Поляне». Т. Л. Сухотина писала матери 8 ноября: «Вчера был второй толстовский концерт. Все сошло гладко. Не скажу, чтобы с блестящим успехом, но все же очень удовлетворительно. Сборы на обоих вечерах полные. Вчера хорошо говорил Стахович и хорошо читали «Плоды просвещения» актеры Малого театра. Мои воспоминания, как я и думала, — на детском вечере были уместны, а на большом нет» (*ГМТ*).

[42] Сообщения об этом вечере были помещены во всех московских газетах.

[43] «В Ясной Поляне» — в кн.: А. Измайлов. Литературный Олимп. СПб., 1911 — о посещении Толстого 14 июня 1907 г.

[44] Т. Сухотина-Толстая. Старушка Шмидт («Голос минувшего», 1919, №№ 5—12), с авторской датой «3 апреля 1918», а затем в кн.: «Друзья и гости Ясной Поляны».

[45] «Mémorial des Sainte Hélène. Par M. le comte de Las-Cases». P., 1837 (*ЯПб*, пометы Толстого), Н. Н. Апостолов (Арденс) в своих работах о «Войне и мире» ссылался на эту книгу как на важнейший источник для создания Толстым образа Наполеона, причем цитировал тексты из нее в переводе С. А. Толстой. См.: Н. Н. Арденс. Творческий путь Л. Н. Толстого. М., Изд-во АН СССР, 1962, с. 172—173. См. *Е*. 1915 г., запись 31 мая и коммент. 24.

1917
(Стр. 441—454)

[1] 1 января был сыгран домашний спектакль по пьесе для детей Т. Л. Сухотиной «Удалось» (*ГМТ*).

[2] В. И. Срезневский составлял биографическую канву — «Нить жизни Толстого». Краткое извлечение из нее под названием «Канва жизни Толстого» вышла в 1928 г. в Ленинграде.

[3] Книга «Публицист-гражданин. Литературный сборник, посвященный памяти Г. К. Градовского», П., 1916. В очерке «Два дня в Ясной Поляне» Градовский рассказал о своем посещении Толстого в октябре 1909 г., с симпатией отзывался о С. А. Толстой, которая произвела на него «чарующее впечатление» (с. 147).

[4] «Религия». Сборник статей о буддизме, еврейской религии, христианстве и магометанстве. Изд. «Жизнь для всех», П., 1916. Толстой писал 7 июля 1887 г. П. И. Бирюкову: «Ах, как бы хорошо было, кабы кто изложил учения — истинные коренные учения вер — 3-х, 6-ти» (*ПСС*, т. 64, с. 56). В 1886 г. Толстой задумал написать работу такого рода. Замысел остался неосуществленным. Сохранился черновой набросок (см. *ПСС*, т. 26, с. 572—577).

[5] См. *Е.* 1916 г., коммент. 7.

[6] Л. Сулержицкий. В Америку с духоборами (из записной книжки). М., 1905 (*ЯПб.*, дарств. надпись). Сулержицкий принял участие в предпринятом Толстым переселении гонимых царским правительством крестьян-духоборов.

[7] «Бедность не порок» — пьеса А. Н. Островского.

[8] 11 писем Л. Н. Толстого к С. А. Толстой за 1900 г. впервые были опубликованы в *ПСС*, т. 84.

[9] Статья не была опубликована. Текст ее неизвестен.

[10] Письмо Т. А. Кузминской от 1 марта о смерти ее мужа (*ГМТ*).

[11] Вероятно, была прочтена статья «О значении русской революции» (1906) — *ПСС*, т. 36.

[12] «Pensées inedites de Tolstoi». Trad. du manuscrit par W. L. Bienstock. P., 1910. В. Л. Биншток — переводчик сочинений Толстого на французский язык.

[13] А. Фет. Мои воспоминания., ч. 1—2. М., 1890—1892.

[14] Эрнст Кросби, поэт и публицист, был лично знаком с Толстым и переписывался с ним. Свое посещение Ясной Поляны в мае 1894 г. описал в очерке «Два дня с графом Толстым» («Two days with Count Tolstoy». — «The progressive Review», 1897, № 2). Возможно, что Маковицкий читал книгу: Эрнст Кросби. Толстой и его жизнепонимание, 1-е изд. — 1906, 2-е изд. — 1911, ко-

торой предпослана заметка Толстого «Первое знакомство с Эрнестом Кросби» (см. *ПСС*, т. 40, с. 339—340) и краткий биографический очерк И. И. Горбунова-Посадова «Эрнст Кросби, поэт нового мира».

[15] Благодарность была получена С. А. Толстой от Библиографического общества при Московском университете.

[16] Л. Л. Толстой в 1916 г. активно печатался в журналах «Огонек» и «Весь мир». См. *Е*. 1916 г., коммент. 33. В журнале «Весь мир» были напечатаны также его рассказы «Ванечка помог» (№ 11) и «Если бы вы знали» (№ 42).

[17] В. Поленц. Крестьянин. Пер. с немецкого В. Величкиной. С предисловием Л. Н. Толстого. М., 1904 (*ЯПб*). В предисловии Толстой назвал роман «прекрасным произведением искусства» с «важным содержанием» (*ПСС*, т. 34, с. 272, 271).

[18] В газете содержалось сообщение об июльских событиях в Петрограде — расстреле Временным правительством мирной демонстрации рабочих, солдат и матросов.

[19] Альфонс Карр. Клотильда, ч. 1—2. СПб., 1858 (*ЯПб*).

[20] Луазон Поль Гиацинт, публицист и драматург, автор статьи «L'Investiture de Tolstoi». Толстой переписывался с ним (см. *ПСС*, т. 74, письма Луазона.— *ЛН*, т. 75, кн. 1, с. 440—447). Луазон присылал Толстому многие свои драмы и комедии (*ЯПб*) — см. *ЛН*, т. 75, кн. 1, с. 522.

«Приехали французы... — записала в дневнике Т. А. Кузминская 21 июля. — Это драматург Loyson. Таня его ожидала, говорит, очень умный и интересный. Вчера читала вслух французскую драму Loyson'a «L'Apôtre» («Апостол»). Очень сценична» (*ГМТ*).

[21] Г. П. Данилевский. Поездка в Ясную Поляну (впервые опубл.: «Исторический вестник», 1895, № 3) — о посещении Данилевским Ясной Поляны 28 сентября 1885 г. Воспоминания вошли в т. 14 Сочинений Г. П. Данилевского, СПб., 1901 (*ЯПб*, пометы Толстого).

[22] «Черный год (Пугачевщина)» — роман Г. П. Данилевского.

[23] В. А. Поссе. Из истории коммунистических идей. СПб., 1917.

[24] В. Булгаков приехал в Ясную Поляну встревоженный газетными сообщениями о том, что «крестьяне вырубили в усадьбе... фруктовый сад, разрушили пчельник, уничтожили посевы». По возвращении в Москву он опубликовал заметку «В Ясной Поляне», в которой писал, что яснополянские крестьяне на общем сходе 20 сентября осудили расхитителей и постановили «всеми мерами содействовать охранению как дома, так и всего имущества усадьбы» (*Р. сл.*, 1917, 24 сентября).

[25] С. А. Толстая написала в министерство внутренних дел письмо с просьбой принять меры по охране Ясной Поляны. В это же время А. П. Сергеенко вместе с А. Л. Волынским (третьим членом делегации должен был быть Л. Андреев, но он опоздал и в переговорах не участвовал) также обратились в министерство внутренних дел с предложением обсудить меры, могущие обезопасить «историческую усадьбу и семью Толстых от дальнейших покушений». «В результате переговоров, — сообщалось в печати, — было признано наиболее целесообразным командировать в Ясную Поляну лицо, знакомое местным крестьянам и близкое к покойному Л. Н. Толстому, для организации охраны из среды крестьян, благоговейно относящихся к памяти великого учителя. В качестве такого выбран был писатель П. А. Сергеенко». Одновременно было предложено тульскому губернскому комиссару «обратить самое серьезное внимание на просьбы гр. Толстой и принять лично все меры к устранению самовольных действий местных граждан по отношению к ее имению» — см. «Ясная Поляна в опасности». — *Б. вед.*, 1917, № 16 463, 27 сентября.

[26] Валентин Булгаков. Христианская этика. Систематические очерки мировоззрения Толстого. М., 1917.

[27] «И свет во тьме светит». См. *Е.* 1910 г., коммент. 112.

[28] См. *Е.* 1916 г., коммент. 45.

[29] П. А. Кропоткин. Письма о текущих событиях. М., 1917.

[30] В Тульской губернии среди крестьян, недовольных аграрной политикой Временного правительства, прокатилась широкая волна разгромов помещичьих имений. Некоторые молодые крестьяне Ясной Поляны и приехавшие с фронта солдаты подстрекали народ к разгрому Ясной Поляны. Несогласные с ними известили об этом С. А. Толстую. Т. Л. Сухотина сообщила о создавшейся ситуации секретарю губернской следственной комиссии Е. Д. Высокомирному, и тогда Президиум Совета рабочих и солдатских депутатов принял решение о срочной посылке солдат для охраны.

[31] «Охрана дома в Ясной Поляне, в котором жил Л. Н. Толстой, — сообщал Военно-революционный комитет Комиссариату по внутренним делам, — поставлена со времени Октябрьской революции из отряда красногвардейцев, и все имущество взято на учет» (*Ясн. сб.*, 1910—1960, с. 133—134).

[32] «Ванечка. Истинное происшествие из его жизни», рассказ С. А. Толстой, включенный ею в сборник «Куколки-скелетцы».

[33] «Бог правду видит, да не скоро скажет» (быль) (1872) — рассказ Толстого из книги III «Азбуки» — см. *ПСС*, т. 22, с. 421—432.

[34] «Много хлопотал и помог нам П. А. Сергеенко, — писала 12 ноября С. А. Толстая С. Л. Толстому. — Нам по его ходатайству теперь все время продают муку на Косой Горе. Сергеенко

вызвал там интерес к охране Ясной Поляны, и к нам три ночи присылают по 15 милиционеров с Косой Горы» (*ГМТ*).

[35] Письма периода тяжелой болезни Л. Л. Толстого и лечения за границей.

[36] «Чем люди живы» (1881, 1885) — рассказ Толстого (*ПСС*, т. 25).

1918

(Стр. 454—467)

[1] Учредительное собрание было распущено 6 января по предложению ВЦИК. Министры свергнутого Временного правительства А. И. Шингарев и Ф. Ф. Кокошкин были убиты матросами-анархистами.

[2] Ясная Поляна находилась в исключительном, по сравнению с другими барскими усадьбами Тульской губернии, положении. «Сохранность исторической усадьбы в настоящее время обеспечена более, чем когда-либо, — писал Булгаков, — ...в охранении Ясной Поляны принимают непосредственное участие тульские политические организации, командировавшие в имение особый постоянный караул... Обитателям усадьбы оказывается продовольственная помощь... Всего несколько дней назад проведен телефон, соединяющий Ясную Поляну с Тулой и с Москвой... Тень Льва Николаевича прикрывает и надежно охраняет ее» (Вал. Булгаков. В Ясной Поляне. — *Р. вед.*, 1917, 29 декабря).

[3] Неизвестно, от кого исходило это распоряжение, но выполнено оно не было, и Ясная Поляна осталась неприкосновенной.

[4] «Власть тьмы, или Коготок увяз, всей птичке пропасть» (1886) — пьеса Толстого — см. *ПСС*, т. 26.

[5] Речь идет о трактате Толстого «Соединение и перевод четырех Евангелий» (1880—1881), «Посредник», 1907—1908 гг. (см. *ПСС*, т. 24).

[6] П. А. Сергеенко. Дэзи. М., 1899.

[7] Вопрос об издании Полного собрания сочинений Толстого обсуждался еще в апреле 1917 г. на заседании правления Толстовского общества. Тогда же была избрана редакционная комиссия, в которую вошли С. Л. и А. Л. Толстые, В. Ф. Булгаков, Н. Н. Гусев, Н. В. Давыдов и др. Для финансирования издания был объявлен сбор средств. После Октябрьской революции, как отмечал А. В. Луначарский, вопрос был поставлен *«по личной инициативе В. И. Ленина»* «в государственном порядке» (*ЛН*, т. 69, кн. 2, с. 432). «В ближайшее время должны появиться первые выпуски Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого, которое составит, вероятно, не менее 60-ти томов, — сообщалось в печати. — Наряду

с другими писаниями туда войдут неизданные еще дневники Л. Н., его письма к разным лицам, которые сами по себе займут много томов (большая часть писем появится в печати впервые); и значительное количество другого, также еще нигде не опубликованного материала. Издание это будет наиболее полным из доселе изданных» («Советская правда», 1918, № 24, 31 января). Там же сообщалось о создании Комитета по изданию собрания сочинений Л. Толстого.

Толстые приняли деятельное участие в подготовке этого издания. 13/26 февраля 1918 г. С. Л. Толстой писал матери: «Если мы все вместе возьмемся за дело, то, во-первых, издание будет вне конкуренции, а во-вторых, разные вопросы, связанные с литературным наследством отца, будут раз навсегда покончены. Я берусь разбирать рукописи в Румянцевском музее самым усердным образом и строго следить за тем, чтобы они оттуда никуда не вывозились и чтобы ими не пользовались никто, кроме издательской комиссии (редакционного комитета)» (*ГМТ*). Таким образом, в 1918 г. началась подготовка Собрания сочинений Л. Н. Толстого в 90-та томах, которое получило название «Юбилейного» и начало выходить в 1928 г.

[8] Слухи эти были вызваны начавшимся наступлением австро-германских войск на центр России.

[9] Л. Толстой. Из записок князя Нехлюдова. Люцерн (1857) — см. *ПСС*, т. 5.

[10] См. коммент. 8 к *Е*. 1916 г.

[11] Е. Д. Высокомирный служил секретарем губернской следственной комиссии.

[12] См. *Дн*. 1898 г., запись 1 марта и коммент. 57.

[13] М. М. Толстая, жена С. Н. Толстого.

[14] Решение было отменено. По постановлению Совнаркома пенсия была продолжена. Это постановление (от 30 марта 1918 г.) было принято на заседании под председательством В. И. Ленина.

[15] «Похороны Льва Толстого до его смерти». — «Былое», 1917, № 2. В статье содержались обнаруженные в департаменте полиции секретные документы с распоряжениями на случай смерти Толстого, относящиеся ко времени его тяжелой болезни в Крыму в 1901—1902 гг.

[16] С. А. Толстая 25 марта писала С. Л. Толстому: «Я давно знала, что это немыслимо вообще и при большой дороговизне в настоящее время — тем более. Пишу Г. П. Георгиевскому о том, что предоставляю тебе и Саше поступить с копиями с рукописей по вашему усмотрению и наилучшим образом» (*ГМТ*).

[17] Рассказ неизвестен.

[18] 15—20 апреля н. ст. губернский съезд земельных отделов,

основываясь на постановлении Совнаркома от 30 марта (*Ясн. сб.*, 1910—1960, с. 135), принял решение «о признании имения Л. Н. Толстого Ясная Поляна не подлежащим разверстке между гражданами прилегающих селений и об использовании его, как исторической ценности, только для культурно-просветительных целей». Крестьяне сначала согласились с этим постановлением, но потом решили, что землю следует отобрать, и собрали 27 апреля н. ст. сход, который постановил землю (40 десятин) отобрать и приступить к запашке. Однако спустя несколько дней яснополянцы от своего решения отказались и в усадьбу были посланы делегаты с извинением (см.: Е. Д. Высокомирный. Ясная Поляна в годы революции, ГИЗ, М. — Л., 1928, с. 12—14).

[19] «В Ясной Поляне произошло торжественное событие: крестьяне Ясной Поляны всей деревней явились в усадьбу, поздравили Софью Андреевну с праздником и просили пойти вместе с ними на могилу Льва Николаевича. Придя к могиле, крестьяне сняли шапки, молча опустились на колени и пропели «Вечная память». Затем крестьяне, проводив до дома Софью Андреевну, заявили, что больше недоразумений не будет, и ушли на деревню. Уходя, они сказали, что решили на деревне в Ясной Поляне поставить памятник Льву Николаевичу» (там же, с. 14).

[20] «Сегодня приехал в Ясную Калинин с комиссией, — записала в своем дневнике 6 мая Т. А. Кузминская. — Калинин — начальство наших солдат» (*ГМТ*).

[21] В. Булгаков. Лев Толстой в последний год его жизни. М., 1918, изд. 2-е. «Спасибо вам за присланную мне вашу книгу, — писала С. А. Толстая Булгакову 23 мая. — Постараюсь прочитать ее, так как очень ею интересуюсь» (Вал. Булгаков. О Толстом, с. 311). В 1911 г. С. А. Толстая читала первое издание книги.

[22] Георгий Нелюбин. Великий князь Константин Константинович. Жизнь и творчество. 1858—1915. П., 1916 (б-ка С. А. Толстой).

[23] См. коммент. 7. Просьба была передана устно через М. В. Булыгина. 3 июня н. ст. С. Л. Толстой писал матери: «Мих. Вас. вам расскажет, как мы работали в музее. Работали мы с любовью и увлечением и очень бережно относимся к рукописям. Сколько там интересного. Для меня многое ново. Я взялся редактировать дневники, но, конечно, не все, пока я себе наметил только холостые дневники, следующий период могла бы сделать Таня вплоть до 1900 года, а с 1900 г. до Крымской болезни, в этом и я бы мог помочь, могла бы работать Саша с Гусевым и Булгаковым. Мих. Вас. расскажет, какие сведения нужны для разработки дневников. Нужно мне знать подробно с обозначением чисел,

что именно переписано у вас, для того чтобы вновь не переписывать эти дневники... мне хочется привезти с собою копии некоторых дневников и, может быть, фотографий для того, чтобы совместно с вами и Таней вычеркнуть неудобопечатаемое» (*ГМТ*).

[24] Л. Л. Толстой, по его словам, вернулся из путешествия «вокруг света». «Написав две лекции: одну «О жизни и учении Л. Н. Толстого», другую «Проблемы всеобщего мира», — рассказывал он в очерке «Вокруг света», — я уехал в Японию, намереваясь оттуда ехать дальше в Китай и Индию... я объездил все большие японские города со своей лекцией» («Весточка», 1918, №№ 2 и 3, 26, 27 августа).

[25] Т. И. Полнер был членом редакционного комитета, занимавшегося подготовкой нового собрания сочинений Толстого. Впоследствии он написал книгу «Лев Толстой и его жена. История одной любви» (Париж, 1928), где использовал материалы и сведения, полученные от С. А. Толстой. Там же он описал свое посещение дома писателя. «Софья Андреевна... встретила меня с достоинством, устало и спокойно. Ей было уже 74 года. Высокая, немного сгорбленная, сильно похудевшая — она тихо, как тень, скользила по комнатам и, казалось, при сильном дуновении ветра не удержалась бы на ногах... Беседуя, Софья Андреевна не улыбалась, но говорила охотно. Она как бы потухла. Хотя с удовольствием читала вслух свои воспоминания о счастливых днях Ясной Поляны» (с. 235).

[26] В тульском архиве хранились документы и материалы о служебной и общественной деятельности Толстого и его официальные письма.

[27] В 1917 г. по инициативе друзей Толстого в Туле было создано просветительное «Общество Ясная Поляна в память Л. Н. Толстого», которое ставило своей задачей сохранение имения писателя, его могилы, всех мемориальных вещей, превращение Ясной Поляны в культурный центр. С апреля 1918 г. Общество было юридически оформлено и официально признано. С самого начала своего существования Общество занималось проектированием ряда мероприятий для сохранения Ясной Поляны и увековечивания памяти писателя: постройка асфальтированного шоссе, библиотеки, школы и др. Председателем Общества был избран П. А. Сергеенко, секретарем — Е. Д. Высокомирный.

[28] Повесть Толстого «Поликушка» (1861—1863) — см. *ПСС*, т. 7.

[29] «Одно время мы читали роман Салиаса «Новгородцы», — вспоминал М. П. Сергеенко («В Ясной Поляне после революции», *ГМТ*).

[30] К. Арсеньев. Хроника.— *ВЕ,* 1918, № 1—4 (на этом по-

мере выпуск журнала прекратился). Обзор Арсеньева содержал анализ событий февраля — марта 1918 г., после роспуска Учредительного собрания.

[31] С. А. Толстой было составлено домашнее духовное завещание (*ГМТ*).

[32] Роман И. А. Гончарова «Обыкновенная история».

[33] Все имущество Ясной Поляны, объявленное национальным достоянием, было учтено и взято под охрану государства — см. текст «Охранной грамоты» от 27 мая 1919 г. в статье В. А. Жданова «Ясная Поляна в первые годы революции». — *Ясн. сб.*, 1962, с. 26—27.

[34] С. Л. Толстой читал воспоминания «Тургенев в Ясной Поляне») опубл.—«Голос минувшего», 1919, №№ 1—4). Воспоминания вошли в состав книги *С. Л. Толстой.*

[35] П. И. Бирюков с 1909 г. работал над третьим томом «Биографии Льва Николаевича Толстого». Том вышел в Берлине в 1921 г., 2-е изд. — Госиздат, 1923 г.

[36] См. *Е.* 1915 г., коммент. 29.

[37] Поэма Овидия (перевод А. П. Барыковой).— *ПСС*, т. 41, с. 511—513. В «Круге чтения» широко представлены изречения Сократа, кроме того, туда включен «Суд над Сократом и его защита» (по «Апологии» Платона) — там же, с. 348—351.

[38] Точных сведений о работе С. А. Стахович над рукописями «Войны и мира» нет, возможно, что она занималась их разбором. Так, 26 октября 1917 г. С. А. Толстая писала С. Л. Толстому, намеревавшемуся заняться систематизацией рукописей отца: «Но ты, по-видимому, неясно отдаешь себе отчет, какая это огромная и сложная работа. Например, рукописи «Войны и мира», побывав в канаве, — да и кроме того — запиханы кое-как в двух ящиках. Это все обрывки, вырезки, и трудно придумать систему, в которую привести все в порядок. Одному работать — немыслимо» (*ГМТ*). Для томов «Войны и мира» (*ПСС*, тт. 9—12) С. А. Стахович перевела иноязычные тексты и оказала значительную помощь в снятии копий с рукописей (см. *ПСС*, т. 13, с. 7).

[39] Н. В. Давыдов в письме от 4 января н. ст. 1919 г. писал: «По поручению комиссии редакторов толстовского издательского товарищества и Александры Львовны я подготовил к печати комедию Льва Николаевича «Зараженное семейство», исправив ошибки в именах и сведя к одному несколько вариантов. Но необходимо еще составить вступительную статью (краткую), в которой отметить время написания комедии и, — если возможно, — некоторые подробности ее издания и дальнейшей судьбы (*ГМТ*). Ответ С. А. Толстой неизвестен.

1919

(Стр. 467—478)

[1] Н. В. Гоголь. Мертвые души — см. «Сочинения и письма». СПб., 1857, т. 4 (*ЯПб*, пометы Толстого).

[2] «Воспоминания о Л. Н. Толстом ученика яснополянской школы Василия Степановича Морозова» под ред. и с примечаниями П. А. Сергеенко. М., «Посредник», б/г. Под вступлением И. И. Горбунова дата: «12 июля 1917 г.». В. Морозов, «любимейший ученик» Толстого, описанный им под именем Федьки в статье «Кому у кого учиться писать, крестьянским ребятам у нас, или нам у крестьянских ребят?» Толстой находил в нем «истинный творческий талант» (*ПСС*, т. 8, с. 306). К рассказу Морозова «За одно слово» Толстой в 1908 г. написал предисловие (*ПСС*, т. 37).

[3] «Письма графа Льва Николаевича Толстого к жене» (изд. 1915 г.) П. А. Сергеенко подарил С. А. Толстой с надписью: «Гр. Софье Андреевне Толстой (для примечаний)

Пусть эти давние послания
обвеют снова вас былым,
зажгут в душе воспоминанья
и переплавят их в сказанья
на поучения другим.

П. Сергеенко

Ясная Поляна, XI. 4.»

Между страницами были вклеены чистые листы бумаги, на которые следовало вносить добавления, исправления и примечания. На титульном листе имеется запись: «Новые пометы я начала вносить 4/17 января 1919 г. *Гр. София Толстая*» (б-ка С. А. Толстой). Пометы С. А. Толстой обширны и обстоятельны: в них факты из жизни Толстого, вспомнившиеся его суждения, сведения об истории писания некоторых его произведений, характеристики своих детей, друзей и гостей Ясной Поляны. Лишь часть этого ценного материала использована в комментарии к томам 83 и 84 *ПСС* (письма Толстого к жене).

[4] И. Л. Толстой. Мои воспоминания. М., 1914.

[5] «К политическим деятелям» (1903) — статья Толстого (*ПСС*, т. 35) вышла отдельным изданием в Лондоне, изд. «Свободное слово», б/г.

[6] Предположения Сергеенко были лишены всякого основания, они противоречили правительственным решениям о неприкосно-

венности Ясной Поляны. См. *Е.* 1918 г., коммент. 2, 33. Детский приют предполагалось устроить в Телятинках.

[7] Просьба С. А. Толстой была вызвана решением Комиссариата просвещения о проведении учета всех имеющихся на книжном рынке изданий в связи с книжным голодом в стране. Все издательские фирмы должны были представить сведения о наличных и распроданных изданиях. Просьба С. А. Толстой была удовлетворена. См. записи 3 и 8 февраля.

[8] 2 февраля С. А. Толстая и Т. Л. Сухотина обратились в правление просветительного «Общества Ясная Поляна» (см. *Е.* 1918 г., коммент. 27) с следующим заявлением: «Не имея возможности собственными силами продолжать вести хозяйство в Ясной Поляне и поддержать в надлежащем порядке усадьбу и дом, в котором жил и работал Л. Н. Толстой, и опасаясь, что все это может прийти в упадок и разорение, мы считали бы наилучшим выходом из создавшегося положения передачу управления как усадьбой, так и всем имением «Обществу Ясная Поляна в память Л. Н. Толстого», ввиду чего и обращаемся в правление Общества с просьбой принять имение Ясная Поляна в свое управление». На общем собрании членов Общества предложение было принято. Управление хозяйством было поручено Н. Л. Оболенскому. В конце марта «Общество Ясная Поляна» возбудило перед Советским правительством ходатайство о передаче Ясной Поляны в его управление (см.: Е. Д. Высокомирный. Ясная Поляна в годы революции, с. 20—21). 27 мая Комиссариат земледелия вынес постановление о передаче имения Обществу «под контроль и по инструкции Наркомзема» («Лев Толстой. Материалы и публикации». Тула, 1958, с. 10). Ясная Поляна находилась в управлении Общества до июня 1921 г., когда ВЦИК принял постановление о национализации Ясной Поляны.

[9] 24 февраля правление Общества обратилось в Совет Народных Комиссаров с просьбой о долгосрочной ссуде для осуществления мероприятий по превращению Ясной Поляны в хозяйственно-культурно-просветительский центр. Советское правительство ассигновало средства для выполнения намеченного плана мероприятий.

[10] Г. Флобер. Госпожа Бовари, пер. с французского — оттиск из журнала «Библиотека для чтения», 1858, № 8 (*ЯПб*).

[11] А. И. Куприн. Сочинения, т. IV. М., 1908 (*ЯПб*). В состав тома входили рассказы «Изумруд», «На переломе», «Прапорщик армейский», «Корь» и др.

[12] Речь идет о книге «Друзья и гости Ясной Поляны». Издание в то время не осуществилось. Книга вышла в 1923 г. в изд-ве «Колос».

[13] В. Дорошевич. С. А. Толстая.— *Р. сл.* 1910, № 251, 31 октября.

[14] Сочинение неизвестно.

[15] «Иоанн Дамаскин» — стихотворение А. К. Толстого.

[16] С. Л. Толстой занимался разбором и систематизацией дневников Толстого, подготовкой их для предполагаемого собрания сочинений. См. *Е.* 1918 г., коммент. 23.

[17] «Формулярный список о службе и достоинстве, прикомандированного к С.-Петербургскому ракетному заведению, поручика 12-й Артиллерийской бригады графа Толстого» — опубл. в статье В. Федорова «Л. Н. Толстой в военной службе». — «Братская помощь», 1910, № 12, с. 41—44.

[18] В этом письме, вложенном в конверт с надписью: «После моей смерти», С. А. Толстая писала: «Очевидно, замыкается круг моей жизни, я постепенно умираю, и мне хотелось сказать всем, с кем я жила и раньше, и последнее время, — прощайте и простите меня.

Прощайте, милые, любимые мной мои дети, особенно любимая мной больше всех на свете дочь моя Таня, которую прошу простить меня за все то тяжелое, что ей пришлось пережить от меня.

Прости и ты меня, дочь Саша, что я невольно недостаточно дала тебе любви, и благодарю тебя за твое доброе отношение ко мне за все последнее время.

Прости меня и ты, сестра Таня, что за время твоего одинокого, тяжелого положения я, несмотря на мою неизменную любовь к тебе, не умела сделать твою жизнь более легкой и утешить тебя. Прошу Колю простить меня, что была иногда недобра к нему. Что бы то ни было, я должна была понять тяжелые, трудные обстоятельства его жизни и добрее относиться к нему. Простите и те, кто служил мне при моей жизни, и благодарю всех за их услуги. Совсем особенно отношусь к тебе, моя дорогая, горячо любимая, милая внучка моя Танюшка. Ты сделала жизнь мою особенно радостной и счастливой. Прощай, моя голубушка! Будь счастлива, благодарю тебя за твою любовь и ласку. Не забывай любящую тебя бабушку С. Толстую» (цит. по кн.: *С. Л. Толстой*, с. 270).

[19] «Международный толстовский альманах, составленный П. Сергеенко. О Толстом». М., 1909.

[20] Текст завещания неизвестен.

[21] «Отец Сергий» (1890—1898) — незаконченное произведение Толстого (*ПСС*, т. 31).

[22] Наступление армии Деникина на Южном фронте, начавшееся в июле 1919 г., и отход Красной Армии поставили под

угрозу центральные районы России. Войска, сгруппированные в деревне Ясная Поляна, были размещены там для военных действий против Добровольческой армии, наступавшей в направлении Курск — Орел — Тула — Москва.

[23] 8 октября состоялось экстренное заседание правления «Общества Ясная Поляна» с участием Т. Л. Сухотиной. В принятом к Совнаркому обращении было сказано: «Надвигающиеся с юга военные события вызывают тревожные мысли о судьбах бывшего имения Л. Н. Толстого Ясная Поляна: толстовский дом, могила, библиотека и все, что так исторически связано с жизнью великого писателя... все это может попасть в сферу военных действий и подвергнуться непоправимому разрушению...» Было принято постановление президиума ВЦИК о том, что, «находя желательным удовлетворение... заявления, направить его в Реввоенсовет... для принятия возможных мер» (Е. Д. Высокомирный. Ясная Поляна в годы революции, с. 25—27). На следующий день после этого постановления войска были выведены из Ясной Поляны, а в ставку Деникина послано сообщение об этом. Таким образом была предотвращена опасность разрушения Ясной Поляны.

[24] Взятие Курска деникинской армией сопровождалось эксцессами и террором.

[25] В ответ на письмо Н. В. Давыдова (оно неизвестно) С. А. Толстая писала: «Когда именно явилась у Льва Николаевича мысль о написании «Поликушки» — мне не может быть известно, так как это было до моего замужества. Помню, что в первые же дни моего пребывания в Ясной Поляне Лев Николаевич дал мне переписывать эту повесть. Тип Поликушки взят Львом Николаевичем с яснополянского дворового человека. Тип барыни, как мы рассудили с сестрой Татьяной Андреевной, взят с граф. Елизаветы Александровны Толстой, которую я, впрочем, никогда не видала. Она была сестра Татьяны Александровны Ергольской, жила в своем имении Покровском, Чернского уезда» (*ГМТ*).

[26] Письмо Давыдова неизвестно. Давыдов — автор статьи «Лев Николаевич Толстой и суд» («Юридический вестник», 1913, № 3), в которой отношение Толстого к суду устанавливается на материале его публицистических выступлений и романа «Воскресение». Видимо, он намеревался продолжить исследование этой проблемы и в биографическом плане.

[27] «Правление «Общества Ясная Поляна» несколько заседаний посвятило обсуждению вопросов, вытекавших из взаимоотношений между П. А. Сергеенко и членами семьи Л. Н. Толстого... Софья Андреевна никогда ни на кого и ни на что не жаловалась,

не роптала. Единственно, что ее беспокоило,— это дерзости П. А. Сергеенко» (Е. Д. Высокомирный. Ясная Поляна в годы революции, с. 29, 30).

[28] В октябре 1919 г. Красная Армия одержала ряд побед над армией Деникина: был взят Орел, Воронеж, и опасность, нависшая над Тулой и Ясной Поляной, миновала.

[29] 13 июня 1921 г. Президиум Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета принял постановление о национализации Ясной Поляны, она была объявлена «национальной собственностью РСФСР» (*Ясн. сб.*, 1972, с. 6). За годы Советской власти Ясная Поляна превратилась в культурно-исторический мемориал всесоюзного и мирового значения. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 сентября 1978 года «За большую работу по эстетическому воспитанию трудящихся, изучению и пропаганде творческого наследия великого русского писателя Л. Н. Толстого» музей-усадьба «Ясная Поляна» награждена орденом Ленина.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И НАЗВАНИЙ

В указатель включены имена, названия литературных произведений, статей, газет и журналов, встречающиеся в тексте дневников, вступительной статье и комментариях. Имена и названия, упоминаемые только во вступительной статье и комментариях, в указатель не вводятся. Аннотируются лишь те имена, о которых нет сведений в комментариях.

Ссылки на страницы вступительной статьи и комментариев набраны курсивом.

Указатель составлен Н. Г. Шеляпиной.

СОДЕРЖАНИЕ

Толстая С. А.

Т52 Дневники. В 2-х томах. Т. 2. 1901—1910. Ежедневники. Сост. и коммент. Н. И. Азаровой и др. М., «Худож. лит.», 1978.

669 с. (Серия литературных мемуаров)

Во второй том вошли Дневники С. А. Толстой с 1901 по 1910 год, а также впервые публикуемые избранные Ежедневники с 1905 по 1919 год.

Т $\frac{70202\text{-}350}{028(01)\text{-}78}$ 59-78 8Р1

Софья Андреевна
Толстая

ДНЕВНИКИ

Том второй

Редакторы
Ч. Залилова и *К. Нещименко*

Художественный редактор
Г. Масляненко

Технический редактор
Л. Синицина

Корректоры
Л. Коншина и *М. Чупрова*

ИБ № 805

Сдано в набор 08.02.78. Подписано в печать 17.08.78. Формат 84×108[1]/32. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Обыкновенная». Печать высокая. 35,28 усл. печ. л. 37,187 + 1 вкл. + альб. = 38,061 уч.-изд. л. Тираж 75 000 экз. Заказ № 968.
Цена 2 р. 80 к.

Издательство
«Художественная литература»
Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 2 имени Евгении Соколовой «Союзполиграфпрома» при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 198052, Ленинград, Л-52, Измайловский проспект, 29